

A detailed historical map of Siberia, showing rivers, cities, and geographical features. Overlaid on the map are several historical artifacts: a green mask, a woven basket, a wooden glove, a wooden comb, a metal plate, a wooden comb, a metal plate, and a wooden comb. The map includes labels for cities like Tobolsk and various rivers.

СИБИРСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 4

*А. Адамов в гостях у Т. Н. Троицкой.
Новосибирск, 2004 г.*

*А. Адамов со студентами истфака
Тобольского пединститута на раскопках городища Искер, 2008 г.*

*А. Адамов руководит работами по обустройству
экспедиционного лагеря.
Красноярский край, р. Ангара, 2009 г.*

*А. А. Адамов и В. А. Зах принимают участие в работе конференции.
Тюмень, 2017 г.*

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБУН «Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН»
Национально-культурная автономия
сибирских татар г. Тобольска
Центр по изучению историко-культурного
наследия сибирских татар**

Сибирский сборник

Выпуск 4

Тобольск 2019

ББК 63.4(253):63.3
УДК 902(092):94(571=512.1)
С34

Редакколлегия: *З. А. Тычинских*, кандидат исторических наук (главный редактор), *Н. П. Турова*, *Е. П. Загваздин*

Рецензенты: *Д. М. Исхаков*, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Туган жир» / «Родной край»; *Р. Г. Буканова*, доктор исторических наук, профессор Уфимского юридического института МВД РФ; *С. Р. Муратова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания ТПИ имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

С34 **Сибирский сборник** : сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. – Вып. 4. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – 540 с. : ил.
ISBN 978-5-9909229-8-3

В 4-м выпуске «Сибирского сборника» представлены статьи исследователей России, Польши и Украины по различным проблемам истории, археологии, этнологии и лингвистики, в той или иной степени связанным с сибирской тюркологией. Издание приурочено к 60-летию тобольского археолога Александра Александровича Адамова, в связи с чем ряд статей посвящен поздравлениям юбиляру.

Сборник предназначен для исследователей, аспирантов, студентов, сотрудников музеев и библиотек и всех интересующихся историей Западной Сибири.

ББК 63.4(253):63.3
УДК 902(092):94(571=512.1)

ISBN 978-5-9909229-8-3

© Тобольская комплексная станция УрО РАН, 2019
© Оформление. ООО «Тобольская типография», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
К 60-летию А. А. Адамова	
<i>Турова Н. П.</i> Археология как судьба (к юбилею А. А. Адамова)	7
<i>Загваздин Е. П.</i> Взгляд на юбиляра через призму времени	14
<i>Загваздина Я. Г.</i> К юбилею учителя	18
Кульмаметов Д. Т. Непредвиденная встреча	21
Археология Сибири и сопредельных территорий	
<i>Балюнов И. В.</i> Александр Александрович Адамов – исследователь истории Сибирского ханства	26
<i>Данилов П. Г., Турова Н. П.</i> Результаты археологических работ Тобольского отряда под руководством А. А. Адамова в зоне затопления Богучанской ГЭС (Красноярский край)	36
<i>Загваздина Я. Г.</i> Коллекции А. А. Адамова в фондах Тобольского музея-заповедника	48
<i>Турова Н. П.</i> Шейно-нагрудные украшения в материалах юдинского могильника Вак-Кур	56
<i>Шульга Д. П.</i> Краниологические исследования материалов могильника Чауху в зоне Шелкового пути	63
<i>Шульга Д. П., Дудукин К. А.</i> Чжуншаньские погребения позднего этапа периода Сражающихся царств	71
<i>Сериков Ю. Б.</i> Комплекс роговых изделий из Пещеры Туристов (река Чусовая)	81
<i>Рева Р. Ю., Леонов Б. И.</i> Чье имя стоит на монетах Булгара 812–813 гг.х.?	93
<i>Парунин А. В.</i> «Кара таварих» Утемиша-хаджи как источник по истории династии Шибанидов	104
<i>Маслюженко Д. Н.</i> Возможности изучения антропологии власти тюменских и сибирских Шибанидов	117
<i>Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.</i> Взаимодействие сибирских татар с казаками в конце XVI в.	130
<i>Пилипчук Я. В.</i> Приамурье в контексте русско-маньчжурских отношений	138
<i>Пилипчук Я. В.</i> «Встречь солнцу». Завоевание русскими тунгусских земель (10–80-е гг. XVII в.)	186
<i>Пилипчук Я. В.</i> «К Яппон-острову». Присоединение Северо-Востока Дальнего Востока и Курильских островов	250
<i>Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А.</i> Первая крепость	

Омска: что говорит археология	293
<i>Загваздин Е. П.</i> Тобольск в археологических исследованиях	
А. А. Адамова и его учеников	315
<i>Исхаков Д. М.</i> Дастан «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (часть 1)	328
<i>Вртанесян Г. С.</i> Взаимодействие языков в Западной Сибири (на примере календарной лексики и мифа)	341
<i>Усеинов Т. Б.</i> Крымскотатарские календарные пословицы рубежа XIX–XX вв.	354
<i>Беленов Н. В.</i> К вопросу об упоминании гидронима Итиль у тюркских народов в Сибири и Средней Азии	365
<i>Томилов И. С.</i> Этнологические особенности ведения оленеводства в Березовском уезде Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.	371
<i>Абдуллина Я. Б.</i> Этнографические коллекции заболотных татар в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике	387
<i>Тимощук А. С.</i> Древнеиндийские нарративы: сущность, структура, динамика	393
<i>Сотникова С. В.</i> К вопросу об истоках образа мифической птицы в обско-угорском и тюрко-монгольском фольклоре	414
<i>Червоная С. М.</i> Мечети сибирских татар	429
<i>Скачкова Г. К.</i> Строить, украшая и просвещая: к 125-летию здания Тобольской мужской классической гимназии	471
<i>Закиров А. Ф.</i> Академическая гуманитарная наука в Татарской АССР и ее роль в изучении Сибири (1945–1961 гг.)	485
<i>Арпентьева М. Р.</i> Фольклор сибирских татар	495
<i>Муратова С. Р.</i> Реформатор на Сибирских линиях	522
Список сокращений	535

От редактора

Данное издание представляет 4-й выпуск «Сибирского сборника», первый выпуск которого увидел свет в 2011 г. И хотя со времени выхода в свет последнего сборника прошло почти 4 года, мы решили возобновить традицию «Сибирских сборников», т. к., на наш взгляд, существует реальная необходимость в полновесной площадке для аккумуляции результатов исследований, связанных с сибирской тюркологией в широком ее понимании.

Представленный сборник имеет определенную особенность, связанную с довольно широким хронологическим и тематическим диапазоном публикуемых работ. Выпуск посвящен 60-летию юбилею известного сибирского археолога Александра Александровича Адамова, поэтому многие статьи в нем подготовлены друзьями, коллегами и учениками юбиляра. Мы приветствуем расширение географии участников и тематики присылаемых работ, ведь это, безусловно, позволяет расширить горизонты будущих исследований.

А. А. Адамов является одним из ведущих российских археологов, на протяжении многих лет занимающихся поиском и изучением тюркских памятников Западной Сибири. Несмотря на широкий спектр научных интересов исследователя, проводившего раскопки на палеолитических памятниках Приангарья и тобольских храмах XVII–XVIII вв., занимавшегося поисками могилы Ермака и исследованием столицы Сибирского ханства, все же основная часть его научных работ посвящена изучению проблем этно- и культурогенеза тюркского населения Западной Сибири в период Средневековья. В течение ряда полевых сезонов А. А. Адамов вел раскопки на городище Искер (Сибирь), пополняя «искерскую» коллекцию сотнями вновь обнаруженных артефактов. Многочисленные работы исследователя, начиная с кандидатской диссертации «Новосибирское Приобье в X–XIV вв.», являются значимым вкладом в сибирскую тюркологию.

С А. А. Адамовым нас связывают долгие годы дружбы

и совместной работы в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике и Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Увлеченность наукой, преданность Делу, ответственность за друзей и близких – отличительные черты Александра Александровича, которые с годами становятся все отчетливее. Хочется пожелать коллеге и другу еще долго идти по выбранному Пути, встречая рассветы в «поле» и задаваясь своим любимым выражением «А что сегодня я сделал для Вечности?».

З. А. Тычинских

К 60-ЛЕТИЮ А. А. АДАМОВА

АРХЕОЛОГИЯ КАК СУДЬБА (К ЮБИЛЕЮ А. А. АДАМОВА)

Н. П. Турова

*В любой профессии любовь к ней
является одним из условий успеха,
но это особенно справедливо
для научно-исследовательской работы.*

И. Жолио-Кюри

В жизни не так часто можно встретить людей, для которых работа является не столько средством к существованию, сколько душевной потребностью, судьбой, любовью...

Археолог Александр Александрович Адамов – мой учитель, муж, начальник – бесспорно, относится именно к этой категории людей, для которых заниматься археологией – значит жить, жить по-настоящему полной жизнью. Археология нашла в его лице преданного друга, посвящающего Ей все свои душевные и физические силы. Эту любовь к археологической науке он привил и нам – своим ученикам.

Малой родиной А. Адамова является Новосибирск, где он появился на свет 12 апреля 1959 г. Ответственность и трудолюбие были привиты Александру с детства его родителями. Отец Александр Федорович имел два высших образования и долгие годы трудился инженером на военном заводе. Мама Нина Николаевна (в девичестве Романова), всю жизнь проработавшая педагогом дошкольного образования, уделяла воспитанию первенца большое внимание, не доверяя его другим педагогам.

С выбором «своего» пути А. А. Адамов определился достаточно рано. Судьбоносная находка (четвероклассники Саша Адамов и Андрей Новиков при посадке дерева на пришкольной территории обнаружили железный топор) привела его сначала в музей при Новосибирском пединституте, а чуть позже, в 7-м классе, в археологический кружок, которым руководила талантливый ученый, педагог, доктор исторических наук Татьяна Николаевна Троицкая, а также ее ученики – студенты Новосибирского пединститута. Именно этот кружок становится для Александра своеобразной «археологической колыбелью»: именно здесь он постигал азы теории и практики научной деятельности. Первая археологическая экспедиция состоялась после окончания 7-го класса, когда летом 1974 г. Александр принимает участие в раскопках городища эпохи бронзы Завьялово 5, которой руководил Виталий Елагин. В школьные годы состоялось и первое участие будущего исследователя в конференции в Киеве, в 1976 г., на которой он выступил с докладом по археологии. Со школьных лет Александр начинает формировать и собственную научную библиотеку, которая к настоящему времени насчитывает не одну тысячу единиц хранения и которой он охотно делится с коллегами, друзьями и учениками.

После окончания школы в 1977 г. А. Адамов недолгое время работал в музее пединститута, а затем стал трудиться в должности препаратора на кафедре всеобщей истории НГПИ, обрабатывая археологические коллекции.

Следующим закономерным шагом становится поступление в 1978 г. на исторический факультет Новосибирского пединститута, где он продолжает заниматься археологией, участвуя в экспедициях, студенческих конференциях, а также в спортивной жизни института.

Уже на I курсе, в 1978 г., А. А. Адамов получает свой первый открытый лист на разведочные работы, результаты которых отражены в первой опубликованной им в соавторстве с А. В. Матвеевым и Е. А. Сидоровым статье, вышедшей в 1979 г. в сборнике «Археологические открытия».

В студенческие годы, определяясь с научной темой, Александр хотел заняться неолитом, но, по совету Виктора Соболева, избрал сферой научных интересов эпоху Средневековья и начал плотно заниматься чатскими татарами.

После окончания института несколько лет (с 1982 по 1984 г.) А. А. Адамов посвятил преподавательской деятельности: был руководителем туристско-краеведческих кружков на областной станции юных туристов. Школьники Новосибирска под его руководством постигали в стенах станции теорию археологической науки, а на раскопках – азы полевой методики; принимали участие и в различных туристических соревнованиях. С 1984 г. он снова возвращается на работу в родной пединститут, где работает по хозяйственным темам.

А в 1990 г. «новосибирский» археолог А. Адамов переезжает в г. Тобольск, где начинается новый этап научной жизни. С апреля 1990 г. по июнь 2010 г. ученый заведует отделом археологии в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Одновременно с написанием статей по материалам новосибирских памятников, подготовкой кандидатской диссертации происходит и знакомство с «древностями» тобольской земли, которое начинается с богатейших музейных фондов и с Научного архива музея. Исследователем проводятся многочисленные разведки и раскопки на территории Тюменской области, а также сбор палеонтологического и этнографического материала.

В 1995 г. научный сотрудник Тобольского музея-заповедника А. А. Адамов защищает кандидатскую диссертацию «Новосибирское Приобье в X–XIV вв.» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Т. Н. Троицкая), источниковой базой которой стали материалы со средневековых памятников Новосибирского Приобья, исследованные в ходе многолетних археологических экспедиций.

А в 2000 г. вышли в свет сразу две монографии А. Адамова. В основу первой легла кандидатская диссертация по Новосибирскому Приобью, а вторая – «Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей» – стала первым серьезным опы-

том археологического очерка, посвященного тобольским памятникам.

В годы работы в музее ученым велась активная экспозиционная деятельность. В 1997 г. в здании Тюремного замка им была собрана экспозиция «Окно в ледниковый период», на которой были представлены палеонтологические материалы (в том числе и собранные лично им на Иртыше). В 2006 г. на втором этаже Гостиного двора открылась яркая экспозиция по археологии Западной Сибири, которая очень полюбилась тоболякам и гостям города. Много времени исследователь посвятил созданию концепции Музея древней истории Сибири (с опорой на уникальные археологические и палеонтологические коллекции Тобольского музея), который мечтал разместить в старинном историческом здании Тобольска – Рентерее. К сожалению, эти планы остались лишь на бумаге... После ухода из музея в 2010 г. А. Адамов создает археологическую экспозицию в одном из залов строящегося Музея освоения и изучения Сибири имени А. А. Дунина-Горкавича, функционирующую до настоящего времени, а в 2014 г. по заказу Региональной татарской общественной организации «Наследие» построил постоянную археологическую экспозицию, посвященную столице Сибирского ханства – городищу Искер, а также материальной культуре сибирских татар (музей функционирует на территории историко-мемориального комплекса «Искер»).

Значительный этап жизни Александра Александровича связан с работой в Тобольском педагогическом институте имени Д. И. Менделеева, где с 2001 по 2011 г. он читал лекции по истории первобытного общества, по археологии Западной Сибири и другим дисциплинам. Здесь, начиная со второй половины 1990-х и вплоть до 2014 г., он осуществлял руководство полевой археологической практикой: силами студентов истфака ТГПИ имени Д. И. Менделеева были раскопаны полтора десятка средневековых поселенческих и погребальных памятников в Тобольском, Вагайском, Ярковском районах Тюменской области, исследован культурный слой первой столицы Сибирского ханства – городища Искер, а также города Тобольска. В конце 90-х гг. у А. А. Ада-

мова появляются и первые ученики – студенты истфака, которые в дальнейшем связали свою жизнь с археологией и музейной деятельностью.

Знакомство А. Адамова со спецификой «городской» археологии началось в 1999 г., когда он приступает к работам по изучению культурного слоя первой столицы Сибири – Тобольска. Самые первые раскопки на территории исторической части города проводятся на территории сада Ермака. Затем черед аварийно-спасательных раскопок (преимущественно шурфовка) на территории кремля. В результате проведенных исследований были получены уникальные сведения о ранней планировке города, об особенностях материальной культуры тоболяков, а также информация о дорусском прошлом тобольской земли. Благодаря этим исследованиям первая книга А. Адамова была существенно дополнена тобольскими материалами, и в 2008 г. в свет выходит монография «Город Тобольск. Археологический очерк», которую он написал вместе с учениками – И. В. Балюновым и П. Г. Даниловым.

В 2014 г. под руководством Александра Александровича сотрудник Тобольского музея И. В. Балюнов успешно защищает кандидатскую диссертацию «Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований».

Благодаря исследованиям А. Адамова в 2001 и 2003 гг. в здании Дворца наместника был выявлен пороховой погреб XVII в.; позже были учтены предложения ученого, касающиеся сохранения и музеефикации выявленного объекта. В настоящее время данное уникальное сооружение (первая выявленная каменная гражданская постройка Тобольска!) является центральным объектом показа постоянной экспозиции Тобольского музея «На страже рубежей сибирских».

С 2005 по 2012 г. А. Адамов работал сначала в должности научного сотрудника (совместитель), а затем и руководителя в Тобольском филиале Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (первоначально филиал функционировал на

базе Тобольского музея-заповедника, первым его руководителем был директор Тобольского музея – Е. М. Акулич).

В 2009–2011 гг. Тобольский отряд под руководством Александра Александровича принимает участие в грандиозной новостроечной экспедиции, осуществляя спасательные археологические исследования в Северном Приангарье – в зоне затопления Богучанской ГЭС.

В течение 2014 г. он трудился в центре по изучению древней истории Западной Сибири Института российской истории РАН в должности старшего научного сотрудника.

Летом 2014 г. благодаря выигранному фондом «Возрождение Тобольска» гранту Общероссийского общественного фонда «Национальный благотворительный фонд» А. Адамов проводит в Вагайском районе Тюменской области масштабную археологическую экспедицию по поиску могилы атамана Ермака.

С 2016 г. и по настоящее время исследователь трудится в должности старшего научного сотрудника Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (в составе отдела гуманитарных исследований осуществляет руководство группой этноархеологических исследований). Во многом именно благодаря инициативе и упорству А. Адамова было создано данное научное подразделение, насчитывающее к настоящему времени шесть сотрудников.

За свою археологическую жизнь А. А. Адамов раскопал около трех десятков археологических памятников от эпохи неолита до Нового времени в Тюменской, Новосибирской областях, Красноярском крае, открыл около сотни новых памятников археологии, написал сотню научных работ, среди которых 4 монографии, 5 коллективных монографий, учебные пособия и др. И хотя круг научных интересов ученого достаточно широк, основная часть его научных работ посвящена изучению проблем этно- и культурогенеза угорского, самодийского, тюркского населения Западной Сибири в эпоху Средневековья.

Последнее время исследователь активно занимается поиском и изучением памятников эпохи развитого и позднего Средне-

вековья Тобольского Прииртышья, связанных с этногенезом сибирских татар. В рамках этого научного направления А. Адамов исследует городище Искер, а также могильники и поселенческие комплексы, относящиеся ко времени, предшествующему появлению государственных образований сибирских татар. Значимым результатом этих планомерных поисков (кроме новых данных по различным вопросам, касающихся городища Искер) стало выявление значительного числа памятников XII–XIV вв., оставленных переселившимся из Приуралья населением родановской археологической культуры, вследствие этого в Тобольском Прииртышье, по мнению А. Адамова, появляется небольшое угорское княжество.

Ему, как и всем воспитанникам археологической школы Т. Н. Троицкой, присущи тщательная проработка материала, трепетное и вдумчивое отношение к археологическому источнику. Все научные построения делаются им с опорой на материалы раскопок; и, как настоящий исследователь, А. Адамов корректирует свои выводы, пересматривает ранее сделанные заключения, следуя за новым археологическим материалом.

Александр Александрович Адамов, несомненно, удачливый археолог. Исследовательская удача, видимо, не может не сопутствовать ученому, отдающему науке все свои силы. Стоит лишь вспомнить масштабную Богучанскую археологическую экспедицию, в составе которой только в 2011 г. трудилось 39 отрядов со всей страны! И именно Александру Адамову выпала удача раскопать уникальное по составу и количеству инвентаря неолитическое погребение на стоянке Окуневка, которое, не сомневаюсь, в будущем войдет в учебники по археологии Приангарья.

От всей души желаю моему дорогому юбиляру богатырского здоровья, новых масштабных экспедиций, интересных находок, новых учеников, энергии для написания задуманных монографий, а также докторской диссертации!

ВЗГЛЯД НА ЮБИЛЯРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Е. П. Загваздин

*Тот, кто, обращаясь к старому,
способен открывать новое,
достоин быть учителем.*

Конфуций

В 1998 г., выйдя из стен родной школы № 6 п. Сумкино Тобольского района, я направил свои стопы в соседний г. Тобольск. Здесь мне не удалось поступить учиться в Тобольский филиал Тюменского нефтегазового университета из-за неважных отметок по точным наукам, зато, выдержав конкурс, я стал студентом исторического факультета Тобольского педагогического института имени Д. И. Менделеева. Самым ожидаемым событием 1-го курса должна была стать летняя археологическая практика, которой грезили все мои сокурсники, но дефолт 1998 г. в нашей стране спутал все эти планы. В итоге, из-за отсутствия финансирования, желанная летняя полевая практика в 1999 г. не состоялась.

Однако в сентябре нас ожидала музейная практика, и здесь случился приятный сюрприз. Александр Александрович Адамов набирал студентов курса для прохождения этой практики, но не в стенах музея, а на свежем воздухе – проводить разведочные археологические раскопки на Чукманском мысу¹. Среди этих добровольцев оказался и я, о чем в дальнейшем не пожалел, хотя работы были тяжелые: после занятий мы занимались раскопками под дождем и холодным пронизывающим ветром вплоть до самого октября. Однокурсники нам сочувствовали – они работали в теплых фондовых помещениях музея.

© Загваздин Е. П., 2019

¹См.: Адамов А. А., Балонов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. С. 30–31.

Копали параллельно двумя группами на двух шурфах человек шесть². Александр Александрович вводил в курс дела, учил азам зачистки. Культурный слой оказался достаточно мощным, особенно ближе к восточному краю Чукманского мыса. С каждым днем шурфы становились всё бездоннее и в итоге превысили 2 м глубины, поэтому выбрасывать грунт приходилось всё сложнее: становились с совковой лопатой в противоположный угол шурфа и с «разгона» выкидывали грунт наружу. Помогал начальнику в оформлении полевой документации А. Н. Сабаров³.

В следующем 2000 г. я встретился с Александром Александровичем на раскопках в Тобольском кремле на месте строительства будущей Иконной лавки. Масштабы этих работ в кремле меня впечатлили, т. к. я никогда вживую не видел ничего подобного – широченный котлован с остатками древних каменных построек. Он предложил мне помочь ему на раскопках археологического памятника в Вагайском районе – городища Долговское I. Работы я не боялся, поэтому с моей стороны согласие последовало незамедлительно. Раскопки на этом замечательном двухслойном памятнике шли уже несколько лет, и я вместе со студенткой истфака Женей Савкиной помогал в составлении полевой документации, основам ведения которой там же и учился у шефа. Помню свой первый опыт прорисовки почвенного профиля на городище, который я умудрился вычертить зеркально. Это была моя первая серьезная археологическая практика, в которой я столкнулся с новосибирской академической школой.

В последующие годы количество объектов исследования, на которых мне посчастливилось принимать участие под руко-

²Точно вспомнить, к сожалению, не удастся. Один из копавших – Андрей Сергеевич Андреев (Куренских) – в последующем работал археологом в НПО «Северная археология» (Нефтеюганск), а сейчас – сотрудник в МАУ «Барсова гора» (Сургут).

³Сейчас работает старшим инспектором в Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Раскопки городища Долговское I.

А. А. Адамов посвящает меня в археологи (30 июля 2000 г.)

водством Александра Александровича, только росло. Даже одни перечисления всех многолетних исследований на территории Красной площади Тобольска и его кремля, развернувшиеся во время активной фазы реставрационных работ, могут занять не одну страницу. Были и исследования эталонных памятников, таких как могильник Вак-Кур юдинской археологической культуры в Ярковском районе; городища Искер и других. Запомнились немногочисленные, но яркие археологические разведки в Ямало-Ненецком автономном округе, трудные аварийные раскопки

в Красноярском крае, в зоне затопления Богучанской ГЭС.

Под строгим надзором учителя проходила научная работа, состоявшая не только из полевой романтики, но и монотонного утомительного труда по написанию многочисленных отчетов и, естественно, публикации исследований. Здесь, конечно, шеф больше следовал принципу бросания ребенка в воду: если не утонешь, то научишься плавать достаточно быстро, а кроме этого, выработаешь своей индивидуальный стиль гребли. После отработки навыков выступления с научными докладами на конференциях от лица учителя следовал и справедливый разбор полетов.

Жизненные обстоятельства по-разному сводили-разводили меня с ним, но многолетняя работа бок о бок показала, что спартанские принципы руководства коллективом при проведении исследований могут приносить свои плоды и помогать в сложных ситуациях. Нужно лишь немного воображения, целеустремленности и практики поиска. Немало опыта, конечно, было получено и на самом историческом факультете ТГПИ имени Д. И. Менделеева.

Разницу в руководстве я, кстати, ощутил, когда поработал на раскопках НПО «Северная археология» близ с. Селиярово Ханты-Мансийского района в 2010 г. Затянутые, сродни медитации, раскопки поразила меня до глубины души, в результате чего вырвалось что-то возмущенное вроде: «Адамова на вас нет! Он бы показал, как работать!» Конечно, те аварийные исследования были подчинены календарному графику хоздоговорной работы, от которого никуда не деться.

По прошествии многих лет, как Александр Александрович приехал в Тобольск из Новосибирска, он по-прежнему окружен уважением и любовью своих учеников, часть которых все-таки нашла себя в археологии. В некоторой степени этот магнетизм связан не только с его кипучей натурой ученого, неумными искажениями фактов далекого прошлого нашего региона, но и открытостью к людям, особенно к тем, кто в его глазах заслужил доверие и высокий статус профессионала.

Хочется также искренне верить, что сонм учеников

у него будет только расти и крепнуть, несмотря на то что кузница научных кадров – исторический факультет Тобольска – разрушается: уже опустел родной подгорный корпус, оскудевает и научный потенциал.

Замечу, что изюминка и гордость любого исторического факультета России – курс археологии, а также его неотъемлемая составляющая часть – полевая практика всегда были мощным трамплином в большую науку. Эта фундаментальная составляющая, несмотря на целенаправленное «выдавливание» ее из учебного процесса в последние годы, с трудом, но сохраняется. На историческом факультете Тобольской государственной социально-педагогической академии имени Д. И. Менделеева в последний раз полевая археологическая практика прошла в 2014 г. и больше не возобновлялась – была исключена из учебной программы.

Надеюсь, что угасание интереса к археологии в стенах *alma mater* будет недолгим, и пламя истинного научного поиска здесь вспыхнет с новой силой уже в ближайшее время, продолжателем которого будет и Александр Александрович Адамов.

К ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ

Я. Г. Загваздина

В этом году исполняется 60 лет Александру Александровичу Адамову – моему учителю, человеку, который привил мне (да и не только мне, нас много таких!) любовь к археологии. Впервые мне удалось увидеть его и познакомиться на первом курсе института. Нам, зеленым «первакам», он читал лекции по истории первобытного общества. И если другие преподаватели, делая скидку на нашу неопытность, лекции нам практически диктова-

ли, то Александр Александрович, этого делать не стал, поэтому записи в тетради по «первобытке» у меня очень «рваные»: мы просто не успевали записывать всё, что говорил преподаватель. Один из моих однокурсников, пытаясь зафиксировать всё сказанное Александром Александровичем, даже приносил на лекции диктофон. Позже, на четвертом курсе, когда А. А. Адамов снова читал нам лекции, уже по археологии Западной Сибири, мы с подругой, ожидая, что снова не будем успевать записывать материал, удивлялись, как легко нам их конспектировать, видимо, за три года мы научились это делать.

Сам курс по археологии нам читал другой преподаватель, тоже замечательный педагог, ученый и человек – Зоя Васильевна Степаненкова. Но, наверное, археология – такая наука, изучать которую в отрыве от практики очень сложно, если не невозможно совсем, поэтому разнообразные археологические культуры, представления о которых Зоя Васильевна пыталась до нас донести, не очень умещались в студенческих головах. Ну а потом наступило лето, сессия и долгожданная, во всяком случае для меня, археологическая практика.

Практикой руководил Александр Александрович, и именно он показал нам, что такое археология на самом деле. Помню, как мы впервые пошли на место раскопа, при этом он для нас провел небольшую экскурсию, показав захоронения на деревенском татарском кладбище и объяснив преемственность современных надмогильных сооружений и древних. Несколько еще не раскопанных, но разрушающихся памятников археологии нам было продемонстрировано по дороге на место будущего раскопа. Затем мы приступили к разметке, нивелировке, а позже уже и к раскопкам средневекового могильника.

Сейчас, вспоминая эти экспедиции, я удивляюсь, как Александр Александрович умудрялся всё успевать: и разбить лагерь, и закупить провиант, и вести раскопки, и следить за дисциплиной в лагере, ведь помощников у него не было, во всяком случае, в первый год моего участия в экспедиции. Потом, позже, я узнала, что финансирование было очень скудное, выделяли средства на

питание только для 10 студентов на смену, а нас было около тридцати. И питались мы при этом довольно неплохо, сам начальник составлял разнообразное меню, изюминкой которого был так называемый фирменный суп, который несколько напоминал борщ.

Практически все сооружения лагеря были основательными, как и сам руководитель, многие из построек эксплуатировались по несколько лет, в том случае если раскопки памятника продолжались на следующий год.

По вечерам была «культурная программа» – песни под гитару у костра, археологические и не очень. Посвящение в археологи – тоже памятный момент экспедиции. И ведь не лень было преподавателю, и так занятому на раскопе и в лагере, уделять время еще и для этого, наверняка не обозначенного в учебном плане, мероприятия. Понятно, что организовывал он его далеко не в первый раз... Ну, и по такому случаю, конечно, устраивался праздничный ужин, жарился шашлык, уж не знаю, на какие деньги приобретенный, не удивлюсь, если на личные средства руководителя экспедиции...

Наверное, чтобы быть археологом, необходимо такое качество, как умение договариваться, находить общий язык с местным населением, и этим навыком Александр Александрович точно владеет. В любом населенном пункте он договаривался с «местными» то насчет бани, то насчет мяса, картошки, хлеба или машины. Такое умение очень ценно и однажды даже спасло жизнь одному из наших старших товарищей, который серьезно заболел, и пришлось его срочно везти в райцентр.

Но если в организационных вопросах Александр Александрович может пойти на компромисс, то в вопросах науки оппоненту практически невозможно склонить его на свою сторону и заставить отказаться от собственной точки зрения.

Некоторых из нас археология так затягивала, что мы каждый год ездили вместе с Сан Санычем (теперь нам было позволено так его называть) в экспедиции, а во время учебного года писали статьи, выступали на конференциях. Как научный руководитель он не говорил сразу, что следует написать в статье, а пред-

лагал студентам самим попробовать что-то изложить и только потом корректировал текст. Так мы учились мыслить самостоятельно. Так же получилось и с региональной студенческой археологической конференцией: сначала мы поехали с руководителем, а на следующий год уже самостоятельно, взяв шефство над студентом, учившимся на пару курсов младше.

Практически каждый день после занятий, поднявшись по Пряmsкому взвозу, мы шли в музей, где работали с коллекциями, писали статьи, общались и чему-то учились. Благодаря Александру Александровичу мы успели побывать на раскопках и разведках в разных районах Тюменской области, ХМАО, Приангарье. Поселенческие и погребальные памятники разных культур и периодов открывали нам тайны, хранившиеся до этого веками.

Александр Александрович – настоящий ученый, исследователь, не жалеющий ни сил, ни средств, ни времени на науку, которой посвятил уже более 40 лет, а также талантливый педагог, открывший мир археологии для многих поколений студентов и школьников. Хочется пожелать нашему дорогому Сан Санычу крепкого здоровья, удачи, научных открытий и успешной реализации задуманных проектов!

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Д. Т. Кульмаметов

– Дина-а-а-р... - негромкий, знакомый голос с протяжным «а-а-а» заставил обернуться. На высоком крыльце ростелекомовского офиса, в черном пальто и черной вязаной шапочке, стоял плотный, высокий мужчина в квадратных, по моде 80-х, очках.

– О-о-о, Сан Саныч! – улыбнувшись, ответил я. – Здравствуйте, здравствуйте! Очень рад вас видеть!

– Я тоже, я тоже.

Спустившись, он пожал мне руку своими большими, как у штангиста, ручищами.

– Как дела? Что нового?

– Да все по-старому, Саныч, работаю. Вот зашел на почту, а письмо обратно отправили, в налоговую, а идти неохота. Потом как-нибудь зайду.

– Дак давай довезу, мне всё равно в ту сторону...

Последние дни выходной недели я хандрил и не вылезал из квартиры. Резкое похолодание поздней осени застало меня неожиданно, врасплох, и я никак не мог прийти в себя. Делать ничего не хотелось, и этот великомученический поход на почту был лишь попыткой встрепенуться, принять как должное неотвратимое наступление скорой зимы, снега и нового года. Все мое существо еще не до конца воспринимало холодный воздух ноября, морозивший лицо и руки, хотелось поскорее оказаться в тепле, а перспектива идти из налоговой домой, зябко кутаясь в рабочий пуховик на флисе, казалась ужасающей пыткой. Я посмотрел в смартфон. Температура окружающего воздуха – 7 градусов по Цельсию.

– Ну что, Динар, пошли? Машина там, рядом с «Дружбой», – резко и коротко махнув большущей рукой, Саныч показал направление.

В голове промелькнули воспоминания студенческой юности. Я помню эту особенность моего научного руководителя. У Саныча всегда были такие движения, руками он особо не жестикулировал, как бы боясь, чтобы никого не покалечить и не сломать что-нибудь ненароком. Есть у него и другая фишка. Это его коронная фраза: «...по той простой причине... Бу-бу-бу, по той простой причине...» Когда я ее слышу, она всегда вызывает у меня широкую улыбку. Нравится мне, когда он так говорит, от нее веет несокрушимой, спокойной, «профессорской» убедительностью.

Еще мне нравилось, будучи студентом, приходиться в его библиотеку, расставленную на деревянных, самодельных стеллажах

в одной из башен Гостиного двора. Тысячи монографий, сборников статей, авторефератов, брошюр, журналов по археологии, истории Древнего мира и Средних веков, окруженные вековыми кирпичными стенами погружали меня в неповторимую атмосферу, когда эту ауру знаний, науки ощущаешь чуть ли не физически, через запах старой, еще советской типографской краски и пожелтевших от времени страниц. Из каждой поездки на конференцию, симпозиум или просто из родного Новосибирска он привозил огромные «челночные» в клетку сумки, с горкой забитые книгами, обновляя свою потрясающую библиотеку. Но это уже были другие книги: новые, глянцевые, отпечатанные на ослепительно белоснежной бумаге, – и пахли они уже по-другому. По-новому.

– Как ваша машина? Не подводит? – спрашиваю я громко хлопая дверью старенького минивэна.

– Да ничего вроде, вот на сервис надо будет гнать, проверить, что да как.

Летом 2002 г. машины у Саныча еще не было. Только-только вернувшись из археологической экспедиции на Севере, я как само собой разумеющееся, заявился на археологическую практику первокурсников истфака под его руководством. В новых камуфляжных штанах и с русским спаниелем на поводке, с «цельными» тремя курсами института, умеющим выполнять зачистку, я ощущал себя гуру археологии по сравнению с неопытными первокурсниками, в первый раз выезжающими в «поле», в великий и могучий, пропитанный воспоминаниями юности многих студентов истфака Юртобор.

*Меня раскоп манил, манили бронза, зубы,
Манили «черепки» и даже черепа.
Сан Саныч дорогой, включите меня в список
Пожить недельки две в палатке, у костра.*

Саныч, как руководитель «экспеди», был всегда со всеми по-отечески строг. И даже я, прошедший с ним не одну экспедицию (а целых две!), писавший под его началом студенческие, но

уже научные статьи, не особо злоупотреблял его доверием, хотя я все время ощущал его, незаметную для других, благосклонность и своего рода симпатию. Поэтому мне было неудобно отпрашиваться всего лишь через несколько дней после начала экспедиции обратно в лагерь, стоявший в несколько километрах от раскопа, из-за легкого, но с каждой минутой нарастающего недомогания. «Отлежусь до обеда», – думал тогда я, шагая по песчаной дороге сквозь хвойный лес. Рядом бежал мой любимый, верный и беззаботный спаниель по кличке Граф. Между тем, из-за боли, идти становилось все труднее и труднее. Огонь в животе то нарастал, заставляя замедлить шаг, превращаясь в ночной костер «первашей» не экономно и весело жгущих топляк, то ненадолго отпуская, превращаясь в слабо мерцающие огоньки предрассветных звезд. В эти минуты я старался ускориться, чтобы до наступления очередного приступа преодолеть как можно большее расстояние. Вот кончился лес, вот осталось позади татарское кладбище. «Еще немного, давай, еще чуть-чуть... Что же я такое съел сегодня? Гречка первокурсников на завтрак? Ягодка земляники рядом с раскопом?.. Давай, из последних сил...» – мысленно подгонял я себя... Внезапно я понял, что идти больше не могу. В животе уже горел пожар, мысли путались, я скорчился и со стоном лег на нагретую полуденным солнцем дорогу, не в силах пошевелиться. До лагеря оставался километр.

Дальнейшее я помню эпизодически, но ярко, словно отрезки видеоряда из фильма. Меня нашли возвращавшиеся с раскопа на обед ребята с Санычем, бегавший рядом Граф, чуя неладное, рычал, лаял, никого ко мне не подпуская. Помню, как искали в опустевшей из-за сенокоса деревне фельдшера и водителя, который бы согласился везти постоянно блевавшего желудочной кислотой студента в районную больницу за сорок километров по тогда еще неровной, щебеночной дороге. Помню ягодички Саныча над головой, когда он тащил меня на носилках по узкой лестнице из приемной в хирургию на втором этаже больницы и обратно. Я еще тогда представлял, как смешно я буду рассказывать этот момент в кругу друзей, и улыбался. Помню круглые очки малень-

кого старика-хирурга с козьей бородкой, напомнившего мне Айболита.

– Ну-с, свежачок! – ощупывая мой твердый, как камень, живот, хихикая, сказал Айболит. – Прободение язвы, срочно на стол, еще бы несколько часов – могли бы и не довезти...

*Ох, что-то нелегко даются сантиметры,
И нелегко желудку от завтрака с утра,
Сан Саныч, дорогой, несите меня тише,
Меня в палате ждут хирург и медсестра.*

На память о том случае в Юртоборе мне остался длинный уродливый послеоперационный шрам и трогательные записи ребят в блокноте с пожеланиями скорейшего выздоровления, а уже в следующем, 2003 г. я в тех же штанах и с собакой на поводке ждал автобус, чтобы отправиться с первокурсниками в очередную экспедицию с Санычем...

– Ну, ты приходи в гости-то, пивка попьем, – остановив свою «Тойоту», добродушно позвал Саныч.

– Ладно, Саныч. Будет время, обязательно забегу.

А.А. Адамов и В.И. Матющенко со студентами тобольского пединститута (слева направо): Я. Рассохиной, Н. Алфёровой, Д. Кульмаматовым на конференции РАЭСК (2004 г., г. Кемерово).

АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 904

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АДАМОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

И. В. Балюнов

*Россия, Тобольск, Тобольский историко-архитектурный
музей-заповедник СП ГАУК ТО «ТМПО»*

А. А. Адамов внес значительный вклад в изучение средневековых памятников Западной Сибири. Особое место в его научной деятельности занимают исследования, посвященные истории Сибирского ханства. Под его руководством проводились многолетние полевые работы и написано более двух десятков публикаций по теме.

Ключевые слова: А. А. Адамов, Сибирское ханство, Искер, археология, городище.

A. A. Adamov made a significant contribution to the study of medieval monuments of Western Siberia. A special place in his scientific work is occupied by research, devoted history of the Siberian khanate. Under his leadership perennial of field work were carried out and more than two dozen publications on the topic were written.

Keywords: A. A. Adamov, Siberian khanate, Isker, archeology, hillfort.

Научные интересы А. А. Адамова всегда отличались большим разнообразием, к настоящему времени в списке его работ можно обнаружить публикации, освещающие различные аспекты истории Западной Сибири, начиная от каменного века до Нового времени. Будучи его аспирантом, я однажды задал вопрос научному руководителю, какую литературу по теме мне стоит читать. Ответ последовал незамедлительно: «Читать надо все». Уж не знаю, помнит ли он про этот диалог, но для меня это стало неким эталоном, когда была четко дана установка не ограничиваться отдельной темой, а знать, по возможности, всю историю. Говоря о деятельности А. А. Адамова, особо следует отметить работу, направленную на изучение археологического наследия Сибирского ханства, сегодня он по праву может считаться одним из ведущих специалистов по названной теме.

Очевидно, что первоначальный интерес существовал еще в то время, когда Александр Александрович занимался археологическими исследованиями средневековых памятников в Новосибирском Приобье. Здесь им было выделено несколько этапов развития материальной культуры тюркского населения, в том числе отдельный этап XV–XVII вв., представленный несколькими десятками памятников чатских татар, обских татар, телеутов. По мнению исследователя, основные черты этого этапа продолжают традиции каменушкинского этапа сротчинской культуры [2, с. 16]. В научной литературе существуют разные взгляды на этнический состав и границы Сибирского ханства (тем более что они не являлись постоянными во времени), но однозначно А. А. Адамов придерживался мнения, что Новосибирское Приобье являлось пограничной территорией для указанного государственного образования.

В 90-е гг. XX в., когда А. А. Адамов стал сотрудником Тобольского музея-заповедника, им была проделана значительная работа по обобщению местных археологических материалов, в результате чего в 2000 г. вышла в свет работа «Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей» [1]. Работая над книгой, ученый обращался к материалам городища Искер –

центрального археологического памятника истории Сибирского ханства. В разделе, освещающем историю археологических исследований, автором была представлена основная информация о дореволюционных исследованиях и сборах, проводившихся на территории городища. Фактически для того периода времени это было самое полное описание истории изучения культурного слоя Искера. Третью главу монографии составляет очерк древней истории, где было дано обзорное описание сибирских татар в эпоху позднего Средневековья, сделанное на основе как письменных, так и археологических источников. Названная книга была переиздана в 2008 г. с некоторыми дополнениями и переработками (иногда достаточно существенными, что позволяет считать ее вполне самостоятельным произведением) под названием «Город Тобольск. Археологический очерк» [16].

Примерно в то время, когда осуществлялось первое издание названной монографии, А. А. Адамовым была подготовлена статья «Обувные подковки с городища Искер (по материалам Тобольского музея-заповедника)» [3]. В этой работе были обобщены все известные данные об обуви жителей столицы Сибирского ханства и впервые, с опорой на фактологический материал, обоснован тезис о том, что сибирские татары использовали обувь жестких форм еще до прихода русского населения за Урал. На основе достаточно представительной коллекции автором была создана самостоятельная классификация, внутри которой выделены отдельные варианты «ладьевидных» подковок, служивших для защиты носовой части подошвы. Таким образом, расхожее представление о том, что сибирские татары носили сапоги с острыми носами, загнутыми вверх, получило, что называется, материальное подтверждение. Этот факт любопытен еще и потому, что ладьевидные подковки являются очень специфичной категорией находок именно городища Искер, поскольку они неизвестны в опубликованных материалах других средневековых памятников нашей страны [3, с. 122].

В 2006 г. именно по инициативе А. А. Адамова активизировалась научная работа по изучению археологического насле-

дия Тобольского района, в том числе и городища Искер. Летом этого года экспедиционный отряд под его руководством произвел рекогносцировочное обследование памятника, был снят план и собрано значительное количество подъемного материала. В статье, отразившей результаты этих работ, впервые за долгое время были представлены новые «искерские» находки, в том числе и фрагмент керамического сосуда, который можно с уверенностью датировать не ранее начала II тыс. н. э. Этот факт стал основанием для вывода, что «на удобном мысу, на котором располагалась столица Сибирского ханства, человек поселился задолго до основания Искера» [15, с. 244]. Таким образом, произошел возврат к научной дискуссии, начало которой было положено еще в 1915 г., когда консерватор Тобольского губернского музея В. Н. Пигнатти в докладе о результатах своих исследований на городище впервые сделал предположение, что на территории Искера в «дотатарский» период проживала так называемая чужь и позднее там находился остяцкий городок [20, с. 20–22]. Следует уточнить, что в XIX – начале XX в. чудскими древностями назывался обширный круг памятников Западной Сибири, а также разновременные археологические коллекции раннего железного века и Средневековья, интуитивно объединенные под общим названием. В том числе к этим древностям дореволюционные исследователи относили и некоторые категории археологических находок, оставленные древнеугорским населением. Позднее с критикой предположения В. Н. Пигнатти выступил А. П. Зыков, производивший археологические исследования на городище Искер в 1988 и 1993 гг. Уральский археолог в своих публикациях неоднократно отстаивал тезис, что «...широко распространенное мнение о многослойности этого памятника является заблуждением, возникшим в результате сборного характера коллекций, якобы происходящих с Искера» [19, с. 148]. Надо сказать, что точка зрения А. П. Зыкова приобрела определенную популярность в научной литературе и многократно приводилась в публикациях других авторов.

В ходе работ, проведенных в 2006 г. на городище Искер, были выявлены участки неисследованного культурного слоя,

что во многом определило направление дальнейших исследований. Надо сказать, что к этому времени памятник уже находился в крайне плачевном состоянии, его значительная площадь была смыта водами Иртыша, основные по количеству коллекции находок получены в результате сборов; профессиональным археологам довелось копать здесь нечасто и небольшими раскопами, а результаты их исследований оставались практически не опубликованными. Вместе с тем в существовавшей тогда историографии имели место некоторые гипотезы и предположения о планировке и реконструируемом облике городища. Полевые исследования, регулярно производившиеся на протяжении нескольких лет на городище Искер под руководством А. А. Адамова, позволили существенно уточнить уже имеющиеся данные, а в ряде случаев взглянуть совершенно по-новому на историю столицы Сибирского ханства.

При графической реконструкции городища Искер часто на соседнем мысу к востоку от него изображался поминальный комплекс «Астана», что было обосновано данными письменных источников. Небольшой раскоп, заложенный на этом участке А. А. Адамовым в 2007 г., поставил под сомнение достоверность такой реконструкции, поскольку здесь был обнаружен скотомогильник, использовавшийся жителями соседнего села Преображенка в конце XIX – начале XX в. Этот факт практически исключает вероятность существования здесь поминального комплекса [6].

Последующие полевые работы 2007, 2008, 2014, 2015 гг. были произведены на западной части городища или на примыкающей к ней территории. Исследования 2007–2008 гг. позволили несколько изменить представления о военно-оборонительных укреплениях Искера, реконструкция которых была создана А. П. Зыковым в конце XX в. В частности, А. А. Адамов выделяет два этапа существования оборонительных укреплений, при этом им обосновывается мнение, что на втором этапе существовало два рва, выкопанные в глубине оврага, между которыми находились деревянные сооружения – рогатки [6, с. 42]. Следует признать, что исторические знания о фортификации населенных

пунктов Сибирского ханства являются немногочисленными и новые источники, выявленные в процессе исследований, становятся бесценными.

Отдельными вопросами в планиграфии Искера является наличие предместья за оборонительными сооружениями и места организации кладбища для его жителей. Полевые исследования А. А. Адамова позволили вплотную подойти к окончательному ответу на эти вопросы. Даже на ближайшем участке, примыкающем к военно-оборонительным сооружениям, где был выявлен мощный культурный слой и собрано значительное количество находок, по мнению автора раскопок, находилась площадка для сбрасывания бытового мусора, а далее, с напольной стороны от городища, следы хозяйственной деятельности фактически отсутствуют [6, 10]. Работы последних лет позволили обнаружить рядом с городищем грунтовый могильник, где было исследовано несколько безы Inventарных погребений, которые, судя по всему, являются вторичными [17, с. 392]. То, что они относятся к эпохе Средневековья, не вызывает сомнения, более точное определение датировки и этнокультурной принадлежности заставляет вернуться к дискуссии о «многослойности» Искера.

Многолетние работы на городище укрепили А. А. Адамова во мнении, что в «дотатарский» период XII–XIV вв. здесь проживало древнеугорское население. Параллельно им велись поиски археологических памятников, относящихся к истории Сибирского ханства. Во многом (вопреки ожиданиям) большинство из них получили датировку в границах развитого Средневековья. Наиболее показательны исследования Яркового городища, которое, следуя существовавшей литературной традиции, долгое время именовалось «Укрепления Кучума». Считалось, что Кучум после поражения в битве у Чувашского мыса покинул Искер и проживал с войском в городке на берегу Абалакского озера [18, с. 238]. Многолетние исследования на Ярковом городище показали, что существовало оно в границах XII–XIV вв., а его обитателями были представители древнеугорского населения, пришедшие в Сибирь из Предуралья [13; 14]. Здесь стоит отметить, что

в истории Тобольского Прииртышья существовал пробел, когда было непонятно, какое население пришло на смену потчевашской культуре до создания Сибирского ханства, и бесспорной заслугой А. А. Адамова является ликвидация этой лакуны.

В поле зрения исследователя попадал как предшествующий, так и последующие периоды истории. Значительная работа ученым была проделана по поиску могилы Ермака, и хотя поставленной цели достичь не удалось, в результате полевых работ 2014 г. появилась новая детализированная информация, ярко характеризующая позднее Средневековье нашего региона [9].

Археологические исследования как таковые являются только частью научной работы, которая опирается на их материалы, но ими не ограничивается. Касаясь истории Сибирского ханства, А. А. Адамов достаточно убедительно обосновал точку зрения, что Искер, являясь столицей, был единственным городом (в полном смысле слова) на территории Западной Сибири в позднем Средневековье [5]. Освещая эту тему, автор проделал внушительную по объемам работу, установив в результате, какую площадь занимал Искер и насколько он подвергся разрушениям в последующее время [11]. Базируясь на своих археологических находках и анализируя весь известный материал по теме, А. А. Адамов пришел к заключению, что «денежное обращение (а не только меновая торговля) существовало уже на этапе становления первых государственных образований в Западной Сибири». Им обосновывается тезис о том, что в Сибирском ханстве было довольно развитое денежное обращение. Археологические находки указывают на то, что использовались как серебряные, так и медные монеты, поступающие из Средней Азии. Кроме того, в торговых операциях активно применялись и серебряные копейки Ивана IV [8, с. 15]. Из последних исследований, касающихся экономического развития Сибирского ханства, можно особо отметить статью А. А. Адамова, где приводятся основные источники о земледелии сибирских татар в позднем Средневековье [12].

Можно еще раз подчеркнуть, что А. А. Адамов является одним из немногих исследователей, изучающих историю Сибир-

ского ханства на основе археологических источников. При этом он никогда не был ограничен узкой тематикой, активно занимаясь изучением памятников как раннего, так и позднего Средневековья. Безусловной заслугой ученого является то, что им были организованы археологические исследования на городище Искер и получены впечатляющие результаты, когда это (ввиду плачевного состояния памятника) казалось малоперспективным занятием. Многие из нас ждут, что результаты его работы будут систематизированы и обобщены в виде отдельного издания, что станет значительным вкладом в археологию Западной Сибири. Сегодня, подводя итог всему вышесказанному, можно привести несколько тезисов, которые были обоснованы благодаря исследованиям А. А. Адамова. Искер – это единственный город (со всеми признаками) на территории Сибирского ханства. Как археологический памятник он является «многослойным», т. к. здесь проживало древнеугорское население XII–XIV вв., столица существовала в границах XV–XVI вв., и несколько лет в конце XVI в. здесь находилась дружина Ермака. В экономическом отношении Сибирское ханство имело активные торговые связи со Средней Азией и Московским государством, достаточно активно используя их денежную систему и привозные товары. Каждый из этих тезисов имеет своих оппонентов, но тем и хороша научная дискуссия, что в спорах рождается истина.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск ; Омск, 2000. 95 с.
2. Адамов А. А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы : материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 12–16.
3. Адамов А. А. Обувные подковки с городища Искер (по материалам Тобольского музея-заповедника) // Тюркские народы : материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 116–122.
4. Адамов А. А. Характеристика историко-культурной изученности столицы Сибирского ханства // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010. С. 94–111.

5. Адамов А. А. К вопросу о городах Сибирского ханства // V Международный болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)». Симферополь, 2013. С. 5–9.

6. Адамов А. А. Археологические исследования 2007–2008 гг. на городище Искер // Историческая судьба Искера : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Историческая судьба Искера». Тобольск, 2013. С. 39–44.

7. Адамов А. А. О культурной принадлежности памятников начала II тыс. н. э. в Тобольском Прииртышье // Тобольск научный – 2014 : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2014. С. 280–281.

8. Адамов А. А. Новые данные о денежном обращении в Сибирском юрте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 12-1 (62). С. 13–16.

9. Адамов А. А. Поиски могилы Ермака: археологические исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 9-1 (59). С. 13–15.

10. Адамов А. А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 291–300.

11. Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12-3 (74). С. 16–20.

12. Адамов А. А. Земледелие в эпоху Средневековья у народов Западной Сибири (обзор источников) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Тюмень, 2018. Т. 4. № 2. С. 152–173.

13. Адамов А. А., Балюнов И. В. Археологические исследования на Ярковском городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 124–126.

14. Адамов А. А., Балюнов И. В. Археологические исследования Ярковского городища в 2015 г. // Тобольск научный – 2015 : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Тобольск, 2015. С. 113–115.

15. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Разведочные рабо-

ты в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. 12. № 1. С. 242–248.

16. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

17. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Исследования памятников Тобольского района // Археологические открытия. 2015. М., 2017. С. 390–393.

18. Балюнов И. В. Дореволюционные источники об Ярковском городище // Тобольск научный – 2018 : материалы XV Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Тобольск, 2018. С. 237–241.

19. Зыков А. П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 145–153.

20. Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Вып. XXV. Тобольск, 1915. С. 1–36.

**РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
ТОБОЛЬСКОГО ОТРЯДА
ПОД РУКОВОДСТВОМ А. А АДАМОВА
В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС
(КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)**

П. Г. Данилов, Н. П. Турова

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН*

В статье представлены краткие итоги археологических исследований Тобольского археологического отряда в 2009–2011 годах в Нижнем Приангарье на стоянках Сerezькино и Окуневка. Итогом проведенных раскопок на стоянке Окуневка стало обнаружение уникального погребения эпохи неолита, четырех погребений железного века, клада вещей. Отмечен весомый вклад в организацию и проведение экспедиции ее руководителя – А. А. Адамова.

Ключевые слова: Красноярский край, Нижнее Приангарье, Богучанская археологическая экспедиция, стоянка Сerezькино, стоянка Окуневка, Тобольский отряд, А. А. Адамов.

The article presents a brief summary of the archaeological research of the Tobolsk Archeological Detachment in 2009–2011 in the Lower Angara region on the archaeological monuments of the sites of Serezzhkino and Okunevka. The result of the excavations at the Okunevka site was the discovery of a unique Neolithic burial, four Iron Age burials, a treasure trove of things consisting of stone axes, bone harpoons, and a stone fish bait. In the parking lot of Serezzhkino, a metallurgical furnace of the Middle Ages was investigated. A significant

contribution to the organization and conduct of the expedition of its leader, A. A. Adam's.

Keywords: Krasnoyarsk region, Lower Angara region, Boguchanskaya archaeological expedition, site Serezhkino, site Okunevka, Tobolsk squad, A. A. Adamov.

В связи с планируемыми работами по затоплению ложа водохранилища Богучанской ГЭС (она является четвертой в каскаде ангарских ГЭС) и угрозой уничтожения археологических памятников, в 2007 г. с целью проведения научно-исследовательских и охранно-спасательных археологических работ на базе ИАЭТ СО РАН была создана Богучанская археологическая экспедиция (БАЭ).

В работе БАЭ приняли участие археологи, геологи, геодезисты, палеонтологи, антропологи и многие другие специалисты. С 2007 по 2012 гг. было исследовано 222 археологических памятника; 165 тыс. кв. м площадей культурного слоя; получены коллекции разновременного археологического материала числом более одного миллиона артефактов [6, с. 16]. Масштабные археологические раскопки, комплексный мультидисциплинарный подход к археологическим работам на памятниках разного хронологического диапазона в пределах одного района дали уникальную возможность сопряжения результатов, полученных исследователями, и интерпретации новых данных. Проведенные археологические исследования позволили в короткий срок получить результаты, значительно дополнившие и скорректировавшие исторически сложившиеся концепции истории Нижнего Приангарья в период от 40 тыс. лет назад до периода русского освоения Сибири [7, с. 11].

В составе БАЭ трудились экспедиционные отряды из многих городов России. Удалось поучаствовать в этом грандиозном по своим масштабам событии и сотрудникам Тобольского филиала ИАЭТ СО РАН канд. ист. наук А. А. Адамову, П. Г. Данилову, Н. П. Туровой. Тобольский археологический отряд работал в зоне затопления Богучанской ГЭС в течение трех лет – с 2009

по 2011 г. Непосредственным руководителем и начальником экспедиционного отряда на протяжении всех полевых сезонов был Александр Александрович Адамов. Личный состав отряда формировался из представителей разных городов Сибири (преимущественно из Тобольска), равнодушных к археологии.

Тобольский археологический отряд работал в 2009, 2011 гг. на стоянке Окуневка, в 2010 г. – на стоянке Сerezкино. Результаты проведенных археологических исследований представлены в виде итоговых отчетов в Институт археологии РАН [1, 2, 8] и ряде публикаций материалов с этих памятников [3; 4; 5].

Остановимся на краткой характеристике итогов работ в Кежемском районе Красноярского края, проведенных Тобольским отрядом под руководством А. А. Адамова.

Стоянка Окуневка. В 2009 и 2011 гг. тобольские археологи приняли участие в масштабных спасательных археологических исследованиях на памятнике «Стоянка Окуневка», территория которого полностью попадала в зону затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Стоянка Окуневка располагается в Кежемском районе Красноярского края. Ближайший населенный пункт (с. Верхняя Недокура) находится в 20 км к северо-востоку от памятника. Значительная территория в центральной и южной части памятника уничтожена при свозе леса, а также в результате функционирования здесь до середины 50-х гг. прошлого века деревни Окуневки.

Стоянка открыта в 1937 г. А. П. Окладниковым [6, с. 210]. В ходе археологических исследований 70-х и 90-х гг. XX в. на разных частях памятника был исследован культурный слой на площади около 600 м². Было обнаружено более 11000 предметов.

Охранные археологические раскопки стоянки Окуневка, полностью попадающей в зону полного затопления Богучанской ГЭС, проводились с 2008 по 2011 г. Работы Окуневского отряда в сентябре – октябре 2008 г. проходили на северной границе памятника. Общая исследованная площадь составила 113 м².

В 2009 г. в соответствии с техническим заданием и общим планом ведения работ территория памятника «Стоянка Окунев-

ка» была разбита на четыре исследовательских участка, имеющие протяженность около 400 м в направлении север – юг параллельно краю террасы р. Ангары и около 100 м в ширину в направлении запад – восток от края террасы. Проведение спасательных археологических работ на исследовательском участке I осуществлял Первый Окуневский отряд под руководством Е. П. Рыбина (исследования проводились на основании Открытого листа, выданного на имя Е. П. Рыбина; он же руководил работами в 2009 г.); на участке II – Пятый Окуневский отряд под руководством А. А. Цыбанкова; на участке III – Второй Сергушкинский отряд под руководством М. А. Грачёва; на участке IV – Второй Окуневский отряд под руководством А. А. Адамова (рис. 1).

В результате работ всех отрядов на стоянке Окуневка была вскрыта общая площадь 3176 м². Общее количество находок составило 9904 экземпляра.

Краткие результаты работ Второго Окуневского отряда (сроки экспедиции: 25.08.2009 – 05.10.2009). В состав Второго Окуневского отряда, общей численностью 19 человек, входило два сотрудника Тобольского филиала ИАЭТ СО РАН (начальник отряда – канд. ист. наук А. А. Адамов; зам. начальника – П. Г. Данилов), а также рабочие из городов Тобольска, Новокузнецка, Ишима и Новосибирска: канд. ист. наук Мартынов Сергей Владимирович, Абаза Евгений, Адигамаев Роман, Ажермачев Антон, Валиуллин Данил, Загваздин Евгений, Каменев Дмитрий, Ламбин Алексей, Лапшин Игорь, Лопатин Михаил, Матвейюк Александр, Назарьев Сергей, Рудь Александра, Свириденко Ольга, Сафонов Алексей, Халилов Рафаэль, Чупин Павел.

Территория, ставшая объектом исследований Второго Окуневского отряда, захватывала крайний северный участок памятника на первой надпойменной террасе, где были заложены 2 исследовательских раскопа общей площадью 660 м². Глубины раскопов варьировались на различных участках от 0,4 до 0,9 м. Раскоп 2, разбитый на расстоянии 15 м от края террасы, позволил реконструировать картину распределения культурных напластований вглубь от террасы. Раскоп № 7 был разбит на самом

краю террасы. В нем удалось выявить насыщенный культурными остатками участок, сочетающий в себе как особенности поселенческого комплекса, так и уникальное погребение эпохи неолита, содержавшее большое количество сопроводительного инвентаря из камня и кости [6, с. 216; 8].

Также с целью определения характера распространения культурных остатков в северной части стоянки Окуневка была заложена сеть рекогносцировочных раскопов (30 шурфов общей площадью 100 м²).

Проведенные в 2009 г. исследования позволили наметить наиболее перспективный для исследования участок в северной части памятника.

В результате археологических работ на сплошных раскопах выявлена последовательность развития культур человека на стоянке в пределах неолита – позднего Средневековья, предварительно датированных IV тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Были исследованы два погребения, относящихся к неолиту и раннему железному веку, а также обнаружен клад железных изделий, относящихся к периоду Средневековья.

В 2010 г. работы по дальнейшему изучению памятника были продолжены И. А. Грачёвым. Работы велись сплошным раскопом; исследованная площадь составила 3350 м², общее количество находок – 15769 экз.

В 2011 г. тобольские археологи продолжили исследования на территории стоянки Окуневка.

Краткие результаты работ Окуневского отряда 2011 г. (сроки экспедиции: 04.06.2011 – 14.08.2011). Для проведения спасательных археологических исследований был сформирован Окуневский отряд. В состав отряда входило 3 научных сотрудника Тобольского филиала ИАЭТ СО РАН (начальник отряда и держатель Открытого листа – канд. ист. наук А. А. Адамов; зам. начальника – П. Г. Данилов и лаборант Н. П. Турова), а также 26 человек из городов Тобольска, Ишима и Красноярска, Тюмени, Кургана, Новосибирска: Ажермачева Светлана, Аликаева Лилия, Буренин Иван, Губин Сергей, Гончарова Полина, Давыдова Да-

рья, Денисов Павел, Жидков Кирилл, Загваздин Евгений, Загваздина Яна, Зольникова Валентина, Климов Александр, Кошкарлов Иван, Ламбин Алексей, Любич Андрей, Матвеев Александр, Матвеев Николай, Мельников Игорь, Попов Дмитрий, Саргин Александр, Свинобурко Вадим, Скипин Александр, Таскаева Надежда, Тихонова Анна, Фоминых Илья, Халилов Рафаэль, Яшин Константин.

На памятнике было заложено 3 раскопа, общей площадью 1470 м² (рис. 3). Результатами исследований установлено, что культурный слой образовался в результате неоднократных кратковременных посещений данного участка р. Ангары. Материал относится к широкому хронологическому отрезку: от эпохи неолита до Средневековья. Были установлены особенности заселения человеком данного участка памятника, обнаружены четыре погребения раннего железного века [2; 4; 5] (рис. 2), а также небольшой клад вещей, состоящий из пяти каменных топоров, трех фрагментированных костяных гарпунов, каменной рыбки-приманки, клыка медведя (рис. 4) [2; 5, с. 351].

Стоянка Серезкино. Археологический памятник располагается в Кежемском районе Красноярского края, на правом берегу р. Ангары, в 551 км от ее устья. Стоянка Серезкино была обнаружена участниками Северо-Ангарской археологической экспедиции в 1981 г. (на памятнике были заложены два рекогносцировочных шурфа, давших материал в виде отщепов и обломков каменных орудий).

Краткие результаты работ Серезкинского отряда 2010 г. (сроки экспедиции: 20.07.2010 – 28.08.2010). В состав отряда, общей численностью 26 человек, входило 2 сотрудника Тобольского филиала ИАЭТ СО РАН (начальник отряда, держатель Открытого листа – канд. ист. наук А. А. Адамов; зам. начальника – П. Г. Данилов), а также рабочие из городов Тобольска, Ишима, Сургута и Новосибирска: Адамов Игорь, Адигаев Роман, Аликаева Лилия, Бельская Елена, Буренин Иван, Денисов Павел, Ендылетова Ольга, Кирчик Регина, Коскин Борис, Куликова Анастасия, Ламбин Алексей, Ламбин Олег, Матвеев Александр, Матвеев Николай,

Новопашина Юлия, Оганесян Михаил, Рудь Александра, Саргин Александр, Сиволап Марина, Столяр Мария, Тычинских Юлия, Халилов Рафаэль, Шапкина Ольга, Яшин Константин.

Раскопами 2010 г. были исследованы все самые удобные для проживания человека участки памятника. В соответствии с техническим заданием на памятнике было заложено три раскопа, общая площадь которых составила 847 м².

Каких-либо остатков долговременных объектов или сооружений в 1-м и 3-м раскопах не было обнаружено. Во 2-м раскопе исследованы остатки металлургической печи – горна, от которой сохранились частично боковые стенки и дно в виде плоского камня. Печь, видимо, относится к эпохе Средневековья [1; 3, с. 472; 6, с. 201, рис. 196]. В это время территория памятника местным населением использовалась в качестве производственной площадки для выплавки из руды железа, о чем свидетельствуют многочисленные находки кусков шлака и фрагменты глиняных сопел. Во всех трех раскопах собрана значительная коллекция изделий из камня, представленная каменными топорами с ушками, наконечниками стрел и копий, скребками, теслами, ножевидными пластинами и отщепами. Найдено три шлифованных орудия из нефрита. Предварительная датировка этого комплекса находок: эпоха неолита – бронзовый век. Кроме того, на памятнике была собрана значительная коллекция обломков глиняной посуды. Керамика датируется в широких хронологических пределах: от неолита до эпохи Средних веков. Из других находок нужно отметить небольшую коллекцию железных ножей, железный вильчатый наконечник стрелы и пару железных острог [1; 6, с. 198, 202].

Археологические исследования стоянки Сережикино показали незначительную мощность культурного слоя (не более 10–20 см) и распространение его на отдельных участках памятника вдоль края террасы р. Ангары. В результате работ было установлено, что культурный слой образовался в итоге неоднократных кратковременных посещений данного участка р. Ангары. Материал относится к широкому хронологическому отрезку: от эпохи неолита до Средневековья.

Тобольскому отряду на протяжении трех лет приходилось работать в непростых природных и географических условиях Нижнего Приангарья, в малонаселенном районе, без сотовой связи и практически с полным отсутствием инфраструктуры. Стоянка Сержкино находится на правом берегу р. Ангары, на приустьевом участке Сержкинского ручья. Ближайший населенный пункт – с. Верхняя Недокура, расположено в 30 км от памятника. Единственный способ попасть на стоянку – речной транспорт. Заброска отряда и его возвращение в 2010 г. проводились по реке на катерах экспедиции. Отряд был оторван от внешнего мира, связь с которым, на протяжении всего периода работ на памятнике, была возможна лишь с помощью катеров экспедиции. В 2009 г. связь осуществлялась автотранспортом Богучанской экспедиции, а в 2011 г. в распоряжении отряда на протяжении 2 месяцев находился автомобиль УАЗ. Кроме того, для связи с соседними экспедиционными отрядами в 2011 г. была выдана полевая рация, и по утрам можно было услышать переключку отдаленных отрядов, узнать новости. Длительная внешняя изоляция требовала тщательной предварительной подготовки. С собой на длительный срок нужно было взять экспедиционное оборудование, продукты. С этой задачей отряд успешно справился благодаря богатому полевому опыту ее руководителя А. А. Адамова.

За три года раскопок участники отряда мужественно выдерживали и перепады температур (район исследования характеризуется резко континентальным климатом), и осенние затяжные дожди, и тучи гнуса, досаждавшего не только летом, но и осенью, когда температура понижалась до нулевой отметки и начинала замерзать земля. Во время работ 2011 г. горела тайга вокруг памятника, участники экспедиции своими силами занимались тушением такого лесного пожара. Отряд стал свидетелем большого верхового лесного пожара на правом берегу р. Ангары, когда черный дым закрыл солнце и пепел сыпался на головы участников экспедиции. Однако даже лесные пожары ни на минуту не прервали рабочий процесс на раскопах – настолько высок был моральный дух и дисциплина в отряде.

Ангарские экспедиции стали для ее участников своеобразной школой автономного существования в полевых условиях, проверкой на профессиональную и человеческую пригодность, ценным опытом жизни в небольшом коллективе на протяжении длительного времени. Достижение поставленных научных задач и в целом успех экспедиции во многом напрямую зависели от организующей роли ее руководителя Александра Александровича Адамова, опытного археолога-полевика. Проведенная им скрупулезная подготовка к экспедиции, расчет всех возможных нюансов и форс-мажорных ситуаций, грамотная организация процесса раскопок и подготовки научно-технических отчетов позволили Тобольскому археологическому отряду выполнить все поставленные перед ним задачи на высоком научном уровне. За три года работ тобольскими археологами был исследован культурный слой двух археологических памятников на площади более 3000 м²; получен массовый вещественный материал, относящийся к периоду от неолита до позднего Средневековья, что позволило существенно пополнить источниковую базу по археологии Нижнего Приангарья.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Научно-технический отчет о спасательных археологических исследованиях (раскопках) в зоне затопления БогЭС в 2010 году на территории памятника археологии стоянка Сережкино : в 2 т. Новосибирск, 2011.
2. Адамов А. А. Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2011 году на памятнике стоянке Окуневка в Кежемском районе Красноярского края : в 5 т. Новосибирск, 2012.
3. Адамов А. А., Данилов П. Г. Археологические исследования стоянки Сережкино в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Том XVI. Новосибирск, 2010. С. 471–478.
4. Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Погребения со стоянки Окуневка в Северном Приангарье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. Вып. 4. С. 19–30.
5. Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых

работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2011 г. Т. XVII. Новосибирск, 2011. С. 350–353.

6. Богучанская археологическая экспедиция : очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Дервянко и др. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с. (Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1).

7. Коровушкин Д. Г. Ангара: древняя, уходящая, живая. Новосибирск : Наследие Сибири, 2017. 274 с.

8. Рыбин Е. П. Отчет о раскопках на многослойной стоянке Окуневка в Кежемском районе Красноярского края в 2009 г. : в 11 т. Новосибирск, 2010.

*Рис. 1. Красноярский край, стоянка Серезжино, 2010 г.
Слева направо: Е. П. Рыбин, А. А. Адамов*

*Рис. 2. Красноярский край, стоянка Окуневка, 2011 г.
Расчищенное погребение № 1, содержащее кремированные останки*

*Рис. 3. Красноярский край, стоянка Окуневка, 2011 г.
Вид на раскоп*

*Рис. 4. Красноярский край, стоянка Окуневка, 2011 г.
Клад вещей из кости и камня*

*Рис. 5. Расчистка погребения № 2 на стоянке Окуневка, 2011 г.
Слева направо: А. Любич, А. Ламбин, Н. Таскаева.*

КОЛЛЕКЦИИ А. А. АДАМОВА В ФОНДАХ ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Я. Г. Загваздина

Россия, Тобольск

В статье приводятся сведения о коллекциях А. А. Адамова, поступивших на хранение в фонды Тобольского музея-заповедника в период с 1990 по 2006 г. Дается краткая история изучения памятников, относящихся к коллекциям. Фонд ученого в музее сформирован по следующим направлениям: средневековые памятники; памятники периода Сибирского ханства; материалы исследований культурного слоя Тобольска.

Ключевые слова: А. А. Адамов, Тобольский музей-заповедник, археология, коллекции.

The article provides information about collections of A. A. Adamov, deposited in the funds of the Tobolsk Museum-Reserve in the period from 1990 to 2006. A brief history of the study of sites related to collections is given. The fund of the scientist in the museum was formed in following areas: medieval sites; sites of the Siberian Khanate period; materials researching the cultural layer of Tobolsk.

Keywords: A. A. Adamov, Tobolsk Museum-Reserve, archeology, collections.

Два десятилетия Александр Александрович Адамов посвятил работе в стенах Тобольского музея-заповедника. Успешно совмещая работу в музее и преподавательскую деятельность, участие в экспедициях и конференциях, издание статей и работу со студентами, а также выполнение множества других самых разно-

образных и разноплановых задач, Александр Александрович снискал уважение и признание среди коллег. Ученым совместно с другими сотрудниками была создана действовавшая на протяжении ряда лет и пользовавшаяся популярностью выставка «Наш край в древности», где были представлены наиболее яркие предметы археологической коллекции. Во многом именно благодаря заслугам А. А. Адамова фонды музея пополнялись новыми предметами, причем не только археологическими, но и палеонтологическими, куда ученый передал почти пять сотен предметов по палеонтологии.

В составе археологической коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника находятся экспонаты, поступившие от А. А. Адамова и являющиеся результатом многолетних исследований, проведенных на территории Тюменской области и города Тобольска в 1990-е и первом десятилетии 2000-х гг.

Благодаря Александру Александровичу коллекция археологии музея-заповедника увеличилась на несколько десятков тысяч экспонатов. В настоящей статье рассмотрены памятники, материалы которых были переданы на хранение в Тобольский музей.

В 1990 г. коллекции музея пополнились материалами, привезенными А. А. Адамовым из экспедиции в Уватский район, где близ озера Большой Сор был изучен могильник Еска I, а в Вагайском районе ученым исследовалось поселение Нугай II [1, с. 15].

Городище Потчеваш, на которое и ранее обращали внимание ученые, в 1994 г. было исследовано совместной экспедицией Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и Тобольского государственного педагогического института. В ходе работ были изучены остатки полуземляночного жилища и получен богатый вещевой материал потчевашской и усть-ишимской культур [2, с. 22–24].

В 1990-х гг. экспедицией Тобольского музея под руководством А. А. Адамова был исследован курганный могильник Мясарлы 2, расположенный в Вагайском районе Тюменской области на окраине с. Тамбурень. Памятник был обнаружен в 1988 г. А. Н. Панфиловым. Местные жители рассказывали, что они не

раз находили здесь различные вещи и кости людей [1, с. 7]. Всего было изучено 4 кургана, которые содержали 27 погребений. Вещевой комплекс представлен разнообразными предметами из железа, бронзы, кости, камня. Посуда изготавливалась преимущественно из глины и орнаментировалась ямочными вдавлениями, гребенчатым, треугольным или ромбическим штампами [13, с. 50]. Особый интерес представляют предметы, отлитые из бронзы: украшения, шумящие подвески и др.

Одна из самых многочисленных коллекций – это материалы с городища Долговское I. Сам памятник находится в Вагайском районе Тюменской области на правом берегу р. Иртыш, напротив устья р. Вагай, и в течение нескольких полевых сезонов исследовался А. А. Адамовым. В ходе работ было установлено, что городище двухслойное. Верхний слой относится к монгольскому времени, а нижний – к потчевашской культуре и датируется не позже IX в [14]. Большинство находок представляют из себя многочисленные фрагменты глиняных сосудов и обломки глиняной обмазки, но также имеются керамические предметы, изделия из железа, бронзы и кости. Кроме того, встречены художественные предметы из глины – антропоморфные и зооморфные изделия, причем в последнем случае все изображают лошадей [17].

В 2003 г. археологическая экспедиция под руководством А. А. Адамова продолжила исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур, начатые В. А. Захом и И. А. Бусловым еще в 1986, 1987, 1990 гг. Могильник расположен в Ярковском районе Тюменской области на правом берегу р. Тобол близ с. Юртобор [15]. Начиная с 2003 г. памятник в течение нескольких полевых сезонов активно изучался, было вскрыто и исследовано несколько десятков погребений, получен интересный инвентарь, в том числе и керамический, довольно представительный для погребального комплекса. Материалы могильника позволяют датировать его в пределах X–XI вв. и отнести к юдинской культуре [15].

Полевой сезон 2006 г. был отмечен изучением городища Русское, которое расположено в Ярковском районе Тюменской области, на правом берегу р. Тобол, чуть выше устья р. Тап. На

площади раскопа были практически полностью исследованы остатки четырех жилищ. Основная масса находок представлена фрагментами глиняных сосудов, характерной чертой которых является присутствие на тулове горизонтальных линий, выполненных оттисками шнура, что свойственно юдинским керамическим комплексам [16]. Также встречены изделия из кости и металла.

В 2007 и 2008 гг. А. А. Адамов производил работы на одном из интереснейших памятников – городище Искер, столице Сибирского ханства. При исследовании, в основном, склонов и подошвы оврага, отделяющих площадку городища с напольной стороны, здесь были обнаружены мощные слои культурных отложений. Также были выявлены и остатки укреплений, шедших по дну и склонам оврага [12].

А. А. Адамов одним из первых начал проводить профессиональные изыскания на месте исторической части города Тобольска и, в частности, на территории кремля. Материалы этих раскопок позволяют получить представление о материальной культуре населения одного из важнейших сибирских городов. Помимо этого вида исследований, имел место и так называемый, археологический надзор, позволивший получить сведения о слое на улице Осипова, а также на улице Революционной; эти наблюдения позволили пополнить фонды музея некоторым количеством артефактов.

1998 г. примечателен работами на месте дома декабриста Фонвизина. В ходе исследования был получен материал, характеризующий быт жителей Сибири XVIII – начала XX вв.: кованые железные гвозди, обломки фарфоровых и фаянсовых изделий, фрагменты кожаной обуви и другие находки.

Через год, в 1999 г., на Чукманском мысу А. А. Адамовым для исследования культурного слоя были заложены два шурфа [13, с. 31]. В результате работ было зафиксировано наличие на данной территории христианского кладбища и встречены предметы материальной культуры русского населения Тобольска, большую часть которых составили обломки гончарной керамической посуды.

Археологические исследования, проведенные на территории Тобольского кремля летом 2000 г. в районе предполагаемого строительства Иконной лавки, показали наличие на этом месте остатков разновременных строений, датируемых XVII–XIX вв. Общая вскрытая площадь составила 198 кв. м [3]. Кроме построек был обнаружен вещевой материал, поступивший в фонды музея.

Памятник архитектуры конца XVIII в., каким является Дворец наместника, в процессе реставрационных работ в 2001 и 2003 гг. подвергался археологическому изучению. Интерес представляет коллекция, полученная в ходе исследований Дворца наместника. Значительную часть ее составляют обломки печных изразцов, украшавших, по всей видимости, когда-то печи Приказной палаты. Кроме того, при раскопках удалось выявить и музеефицировать такой интересный объект, как кирпичный вход в похоронной погреб [4], который сейчас является частью экспозиции Дворца наместника.

В полевой сезон 2004 г. в Тобольском кремле и прилегающей территории проводились археологические изыскания. Работы выполнялись по договору, предполагавшему последующие работы по проведению коммуникаций к Софийско-Успенскому собору и ризнице. Всего было вскрыто 14 шурфов и 6 траншей, в результате исследования которых можно судить о мощности и сохранности культурного слоя города Тобольска. Были изучены остатки сооружений, получен массовый материал, характеризующий материальную культуру Тобольска XVI–XIX вв. [9].

В 2005 г. А. А. Адамовым были проведены исследования в Софийско-Успенском соборе, его северном приделе и ризнице, а также снаружи, на примыкающей к храму территории. Всего было исследовано 7 раскопов общей площадью 380 кв. м [6]. В результате были изучены архитектурные объекты XVII–XIX вв. и выявлено христианское кладбище XVII в., функционировавшее еще при деревянной Софийской церкви.

В этом же году были проведены исследования на территории Тобольской епархии на месте строительства общежития, где

площадь раскопанной территории составила 115 кв. м [13, с. 26].

Благоустройство смотровой площадки Тобольского кремля в 2005 г. вызвало необходимость проведения археологических изысканий и на этом участке исторического центра города. В результате были изучены как фундаменты современных крепостных стен, так и остатки оборонительных сооружений прошлого.

Также в 2005 г. удалось заложить шурфы и в подгорной части города у церкви Захария и Елизаветы. Было исследовано 4 шурфа общей площадью 20 кв. м [5].

Подведение коммуникаций, в частности водопровода, к объектам Тобольского кремля позволило исследовать еще несколько участков исторического центра Тобольска. В 2005 г. было заложено 6 траншей и исследован культурный слой на территории Софийского двора [8].

Археологические исследования на территории сада Ермака проводились осенью 2005 г. Было исследовано 3 шурфа, в двух из них были выявлены захоронения XX в. [7].

В июне 2006 г. на улице Семена Ремезова города Тобольска были проведены археологические исследования в рамках осуществляемой дорожниками реконструкции дорожного полотна. Общая площадь раскопа составила 153 кв. м. В раскопе была выявлена часть городской усадьбы, выходящей своей западной стороной на улицу. В результате проведения археологических исследований на улице Семена Ремезова был собран массовый материал, относящийся преимущественно к концу XVII – XVIII вв. В большинстве своем он представлен многочисленными фрагментами гончарной керамики, обломками костей животных, изделиями из стекла и железа, обрезками кожи и бересты [11]. Материалы были переданы в фонды Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

В 2006 г. проводились археологические исследования на объекте «Профессиональное техническое училище № 3» некоммерческим партнерством «Сохранение памятников истории и культуры» в рамках договора, заключенного с Комитетом по охране и использованию объектов историко-культурного наследия

Тюменской области. Договором предусматривалось заложение и исследование шурфов размером 2×2 м вокруг здания. В ходе проведенных археологических изысканий было исследовано 10 шурфов общей площадью 40 кв. м [10]. В результате проведенных археологических исследований вокруг здания бывшего Духовного училища (ПТУ № 3) был исследован фундамент здания и глубина его заложения. В шурфах был выявлен культурный слой XVIII в., собрана коллекция вещевого материала, в том числе предметы из органических материалов хорошей сохранности: кожаная обувь, канатик из растительных волокон. Изучена стратиграфическая ситуация на этом участке исторической части города Тобольска, позволившая сделать вывод о нахождении на этой территории в XVIII в. хозяйственных дворов [10].

В целом, исходя из переданных в музей коллекций, можно выделить несколько направлений в научно-исследовательской деятельности Александра Александровича Адамова: изучение средневековых памятников, исследование памятников периода Сибирского ханства, а также ученый очень много уделяет внимания культурному слою города Тобольска, связанному, в основном, с русским населением. Последнее направление продиктовано как интересами ученого, так и активной реставрационной деятельностью, которая спровоцировала и необходимость археологических изысканий на территории некогда главного города Сибири.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические исследования в Новосибирской и Тюменской областях в 1992 году // НА ТИАМЗ № 1604. Тобольск, 1993.
2. Адамов А. А. На городище Потчеваш // Сибирская столица. № 1. Тобольск, 1997. С. 22–24.
3. Адамов А. А. Археологические исследования в Тобольском кремле. С. 450–451 // Русские старожилы : материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 546 с.
4. Адамов А. А. Археологические исследования в Ремезовских палатах Дворца наместника в 2001 г. Тобольск, 2001 // НА ТИАМЗ № 1730.
5. Адамов А. А. Археологические исследования и надзор на объ-

екте «Церковь Захария и Елизаветы» в 2005 году. Тобольск, 2005 // НА ТИАМЗ № 1734.

6. Адамов А. А. Археологические исследования на объекте «Софийско-Успенский собор с ризницей и котельной» в 2005 г. Тобольск, 2005 // НА ТИАМЗ № 1753.

7. Адамов А. А. Археологические исследования на территории сада Ермака осенью 2005 г. Тобольск, 2005 // НА ТИАМЗ № 1736.

8. Адамов А. А. Археологические исследования на территории Тобольского кремля под водопровод и канализирование в 2005 году. Тобольск, 2005 // НА ТИАМЗ № 1737.

9. Адамов А. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Тобольского музея-заповедника в 2004 г. Тобольск, 2005 // НА ТИАМЗ № 1689.

10. Адамов А. А. Археологические исследования на объекте «Здание духовного училища» (ул. Ремезова, 2) в 2006 г. Тобольск, 2006 // НА ТКНС УрО РАН № 57.

11. Адамов А. А. Отчет о проведении археологических исследований на территории объекта «Реконструкция ул. С. Ремезова в г. Тобольске» в 2006 году. Тобольск, 2006 // НА ТИАМЗ № 1743.

12. Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 12 (74) : в 3 ч. Ч. 3. С. 16–20.

13. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

14. Адамов А. А., Турова Н. П. Погребальный обряд потчевашского населения с городища Долговское I // Ежегодник-2003 Тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2004. С. 163–173.

15. Адамов А. А., Турова Н. П. Новые данные по погребальному обряду населения юдинской культуры (по материалам могильника Вак-Кур) // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. № 3–4 (32–33). Тюмень : Вектор Бук, 2006. С. 176–178.

16. Любич А. А. Городище юдинской культуры Русское // Диалог культур и цивилизаций : материалы IX Всерос. науч. конф. молодых историков. В 2 ч. Тобольск : Изд-во ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2008. Ч. 1. С. 46–48.

17. Таскаева Н. А. Глиняные изделия с городища Долговское I // Диалог культур и цивилизаций : материалы XI Всерос. науч. конф. молодых исследователей. Тобольск, 2010. С. 28–29.

ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ В МАТЕРИАЛАХ ЮДИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ВАК-КУР*

Н. П. Турова

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН*

На основе материалов, полученных в ходе археологических исследований на площади крупнейшего могильника юдинской культуры – могильника Вак-Кур, приведено описание четырех детских погребений, содержащих такие элементы костюмного комплекса древнего населения Нижнего Притоболья, как шейно-нагрудные украшения. Сделана графическая реконструкция ожерелий, выполненных из серебра и бронзы.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, эпоха Средневековья, юдинская культура, грунтовый могильник Вак-Кур, шейно-нагрудные украшения, ожерелья, подвески.

On the basis of materials obtained during archaeological research on the area of the largest burial ground of the Yudinsky culture – the Vak-Kur, a description of four children's burials containing such elements of the costume complex of the ancient population of the Lower Tobol region as neck jewelry. Made graphic reconstruction of the necklaces made of silver and bronze.

Keywords: Western Siberia, the Lower Tobol basin, the Mid-

© Турова Н. П., 2019

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы № 0408-2019-0008 Пер. № НИОКТР 116020510080 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)»

dle Ages, Yudin sky culture, burial ground Vak-Kur, the necklace, the pendants.

Некрополи, бесспорно, являются уникальными источниками для реконструкции элементов костюмного комплекса древнего населения. Поэтому публикация материалов рубежа I тыс. н. э. с крупнейшего некрополя юдинской культуры – могильника Вак-Кур – является весьма актуальной. Цель данного исследования: введение в научный оборот материалов могильника Вак-Кур, характеризующих такую деталь костюмного комплекса юдинского населения Нижнего Притоболья, как шейно-нагрудные украшения.

Грунтовый могильник Вак-Кур находится в юго-восточной части ареала юдинской археологической культуры (Ярковский район Тюменской области, правобережье р. Тобол). Памятник был открыт тюменским археологом В. А. Захом в 1986 г.; к настоящему времени шестью раскопами исследовано 220 погребений могильника (раскопки А. А. Адамова, М. А. Буслевой, В. А. Заха) [1; 6]. По керамическому комплексу со шнуровой орнаментацией некрополь был отнесен исследователями к юдинской археологической культуре, которую многие ученые связывают с этногенезом манси [4, с. 252–256; 8, с. 175]. Датируется памятник IX–XI вв. [1, с. 249]. Подавляющее количество захоронений некрополя нарушено постингумационными проникновениями, в результате чего кости погребенных и инвентарь смещены с первоначальных мест и находятся в могилах, в их заполнении и межмогильном пространстве. Лишь 12 (5,5%) погребений могильника можно отнести к «непотревоженным»: 10 детских захоронений, а также 2 взрослых, в которых анатомический порядок костей был нарушен уже к моменту погребения (представлены вторичным погребением и парциальным – захоронение одной головы). Умерших хоронили в неглубоких ямах по обряду ингумации, на спине, головой в западном направлении. Характерной особенностью погребальной обрядности является поломка части сопроводительного инвентаря, а также использование погребальных лицевых покрытий [1; 2; 9].

Несмотря на это, материалы четырех детских погребений могильника все же дают нам информацию об использовании юдинцами шейно-нагрудных украшений. Ниже приведем описание данных погребальных комплексов и представим графическую реконструкцию выявленных шейно-нагрудных украшений.

Погребение 18 (детское). Находится на площади раскопа 2 (раскопки В. А. Заха) [6, с. 114–115, рис. 3]. Могильная яма подовальной формы, размерами 0,5×1,18 м, углублена в материк на 0,1 м, ориентирована по линии З – В. Погребенный был уложен головой на запад. Частично сохранились кости черепа и ребер, кости левой руки (на последних лежали шесть бронзовых бубенчиков с крестовидной прорезью). Над головой находились три железных наконечника стрел; в области груди – бронзовый наконечник ремня и три пронизки со вздутиями. Бронзовые пронизки, располагавшиеся цепочкой чуть ниже шейных позвонков, по всей видимости, представляли собой ожерелье (рис. 1: 2).

Погребение 192 находится на площади раскопа б (раскопки А. А. Адамова). Погребение детское, могильная яма подовальной формы, размером 1,3×0,47 м, ориентирована по линии З – В. Судя по сохранившимся костным останкам (фрагменты черепа, зубы, ключицы, позвонки в западной части могилы), умерший был уложен головой на запад. В восточной части могилы (в ногах) выявлен миниатюрный горшочек и железный наконечник стрелы. Между сохранившимися зубами и ключицами, в районе предполагаемой шеи погребенного, располагались цепочкой бронзовые элементы ожерелья: два спаренных маленьких гладких полубубенчика являлись центральной подвеской, по обе стороны от них располагались пронизки-трубочки и полусферы (половинки составных бронзовых бусин), нанизанные на веревочку или кожаный шнурок (рис. 1: 3).

Погребение 218 находится на площади раскопа б (раскопки А. А. Адамова). Погребение детское, могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, размером 1,17×0,5 м, ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Погребенный был уложен головой в СЗ-направлении. Сохранились лишь фрагменты костей

черепа. Под нижней челюстью выявлено ожерелье, состоящее из центральной серебряной бляхи подтреугольной формы, имеющей петельку для привешивания; фланкировали ее бронзовые пронизки-трубочки со вздутиями (рис. 1: 1).

Погребение 145/а находится на площади раскопа 4 (раскопки А. А. Адамова). Погребение детское. Контуры могильной ямы не фиксировались, т. к. погребение не перерезало материк. Ребенок был ориентирован головой в СЗ-направлении. Останки погребенного представлены лишь костями грудного отдела (ребра, позвонки), сохранившимися благодаря серебряной круглой бляхе, лежавшей на них поверх фрагмента кожи (от одежды или покрывала), закрывая полностью грудную клетку. Вокруг несохранившегося черепа выявлено 3 бронзовых бубенчика с крестовидной прорезью. Подвеска достаточно большая (около 12,5 см в диаметре), округлая, по бортику имеется декор из частых мелких округлых вдавлений; имеется приклепанная петля для привешивания (рис. 2). Судя по сохранившимся костным останкам, бляха была подвешена на шею ребенка (петелька находилась в области предполагаемой шеи). Подобные бляхи-подвески были обнаружены в нескольких погребениях X–XII вв. Пылаевского грунтового могильника (в районе грудной клетки взрослого индивида (погр. № 7), а также на груди ребенка (в парном погребении № 19) [7, с. 132, 135, рис. 3–4].

Для того чтобы приблизиться к решению вопроса о роли металлических изделий в погребальной обрядности средневекового юдинского населения, уместно обратиться к обрядовой практике обских угров, для культуры которых характерна большая роль металла в обрядах [3, с. 119]. Некоторые функции изделий из цветных металлов на теле погребенного можно объяснить исходя из обычая обских угров при изготовлении иттарма (временное вместилище души умершего) снабжать деревянную фигурку «светлым кругом» – серебряной монетой; в случае отсутствия последней, покойник, которому изготовили иттарма, превращался во вредоносное существо [5, с. 72]. Использовались монеты и при создании изображений духов (обозначали душу или служили вместилищем жизненной силы) [5, с. 20, 60–62]. Возможно, эти-

ми же установками руководствовались и юдинцы, снабжая умерших родственников металлическими украшениями.

Таким образом, удалось достоверно установить, что в состав погребального костюмного комплекса юдинского населения (по крайней мере, детей) входили металлические шейно-нагрудные украшения, представляющие собой ожерелья, состоящие из разнообразных серебряных и бронзовых элементов. Присутствие такого рода украшений лишь в материалах детских погребений нельзя однозначно трактовать как их использование только определенной возрастной группой населения, т. к. в связи с особенностями погребально-поминальной обрядности и поздними перекопками значительная часть интересующего нас материала оказалась смещенной с первоначальных мест; особенно основательно были потревожены захоронения взрослых. Часть рассмотренных украшений вполне могла входить и в состав прижизненного костюмного комплекса, другая же часть (большая бляха-подвеска из погребения 145/а), скорее всего, вошла в состав погребального костюмного комплекса в качестве атрибута, необходимого для реализации обряда захоронения.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX, часть I. 2003. С. 248–249.
2. Адамов А. А., Турова Н. П. Новые данные по погребальному обряду населения юдинской культуры (по материалам могильника Вак-Кур) // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. №3–4 (32–33). Тюмень, 2006. С. 176–178.
3. Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
4. Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. IV : Ученые записки Пермского государственного университета № 191. С. 240–256.
5. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986. 192 с.

6. Зах В. А., Чикунова И. Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107–118.

7. Кутаков Ю. М., Старков А. В. Пылаевский грунтовый могильник : (Предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 130–147.

8. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235.

9. Турова Н. П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 10 (60) : в 3 ч. Ч. II. С. 191–193.

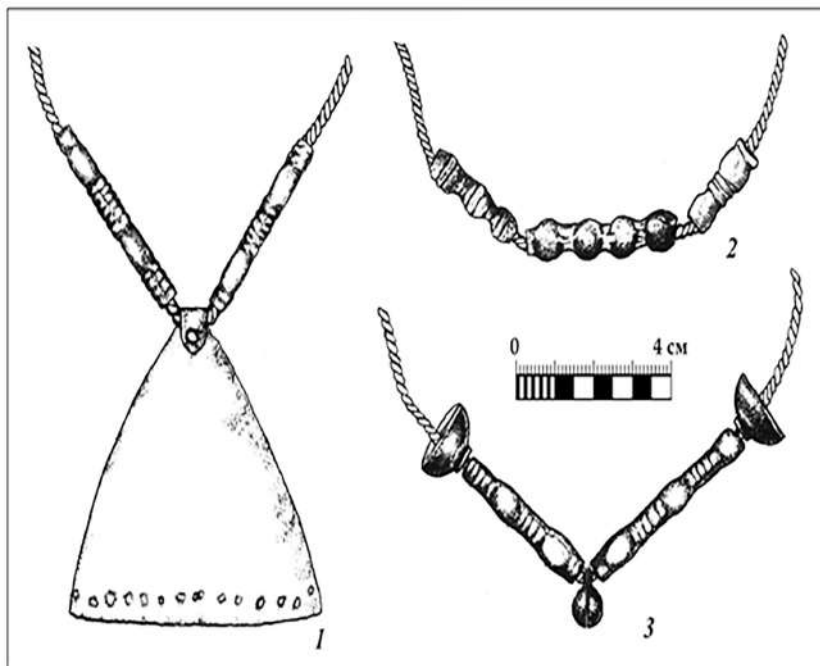

Рис. 1. Могильник Вак-Кур. Ожерелья.
Материал: 1 – серебро, бронза; 2, 3 – бронза.
1 – погр. 218; 2 – погр. 18; 3 – погр. 192

*Рис. 2. Могильник Вак-Кур.
Серебряная бляха-подвеска из погребения 145/а*

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА ЧАУХУ В ЗОНЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ*

Д. П. Шульга^{1,2}

*Россия, Новосибирск, ¹Сибирский институт
управления РАНХиГС при Президенте РФ
²Новосибирский государственный университет*

В настоящей работе рассматриваются черепа из могильников Чауху-3 и Чауху-4 в волости Хаэрмодунь, уезд Хэцзин, СУАР. Это район в южной части Тянь-Шаня, здесь исторически проходила одна из северных ветвей Шелкового пути. Судя по радиоуглеродному анализу и артефактам, хронологически погребения в двух этих некрополях датируются IX–IV вв. до н. э. (Чауху-4) и I–II вв. н. э. (Чауху-3). Естественно, хронологические и этнокультурные различия сказываются и на форме надмогильных конструкций. В случае с третьим могильником мы имеем дело с насыпями из не крупного камня, под которыми расположены вертикальные ямы с отвесными стенками. Для четвертого характерны каменные ограды и каменные же элементы внутримогильных сооружений.

Ключевые слова: раннескифское время, гунно-сарматское время, Шелковый путь, Синьцзян.

This article considers the skulls from the Chawuhu-3 and Chawuhu-4 burial grounds in Haermodun parish, Hejing county,

© Шульга Д. П., 2019

* Исследования выполнены при поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (Проект 5-100).

XUAR. This is a district in the Tien Shan southern part where one of the northern branches of the Silk Road historically passed. Judging by the radiocarbon analysis and artifacts the chronologically burial grounds in these two necropolises dated from the IX–IV (Chawuhu-4) cent. BC. and I–II cent. AD (Chawuhu-3). Obviously, chronological and ethno cultural differences affect the gravestones shape. In the case of the third cemetery, we deal with medium-sized stone mounds under which there are sheer walls vertical holes. The fourth one is characterized by the stone walls and stone elements inside burial. Conclusions on anthropology will be given below.

Keywords: Early Scythian time, Hunn-Sarmatian time, Silk Road, Xinjiang.

Территория Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики (где и расположены третий (рис. 1) и четвертый (рис. 2) могильники группы Чауху) не только непосредственно граничит с Сибирью, но и в известной мере имеет с таковой общую историю (по крайней мере, до гунно-сарматского времени). Контакты местного населения в эпоху бронзы и в раннем железном веке с Великой китайской равниной если и имели место, то постоянными не были.

Зато масса параллелей прослеживается с культурами IX–III вв. до н. э. Южной Сибири (Тува, Алтай, лесостепное Приобье, Саянский регион), Восточного Казахстана и Монголии. Это, помимо обширного вещевого комплекса (который является отдельной темой, описанной во многих публикациях, в том числе в КНР [4, с. 85–88; 9, с. 195–199; 10, с. 80–85]), подтверждается антропологическими материалами [2, с. 395–401; 5, с. 105–108; 7, с. 61–63], о которых и пойдет речь ниже. Благо, археологические естественно-научные исследования в Китае проводятся все чаще [8, с. 329–333].

Прежде всего, охарактеризуем гендерный и возрастной состав погребенных. Всего в Чауху-3 было обнаружено 14 костяков в 11 могилах, из них 10 мужчин и 4 женщины. На кладбище в Чауху-4 были обнаружены останки 106 человек в 50 могилах, в том числе 66 мужчин, 37 женщин, в трех случаях пол

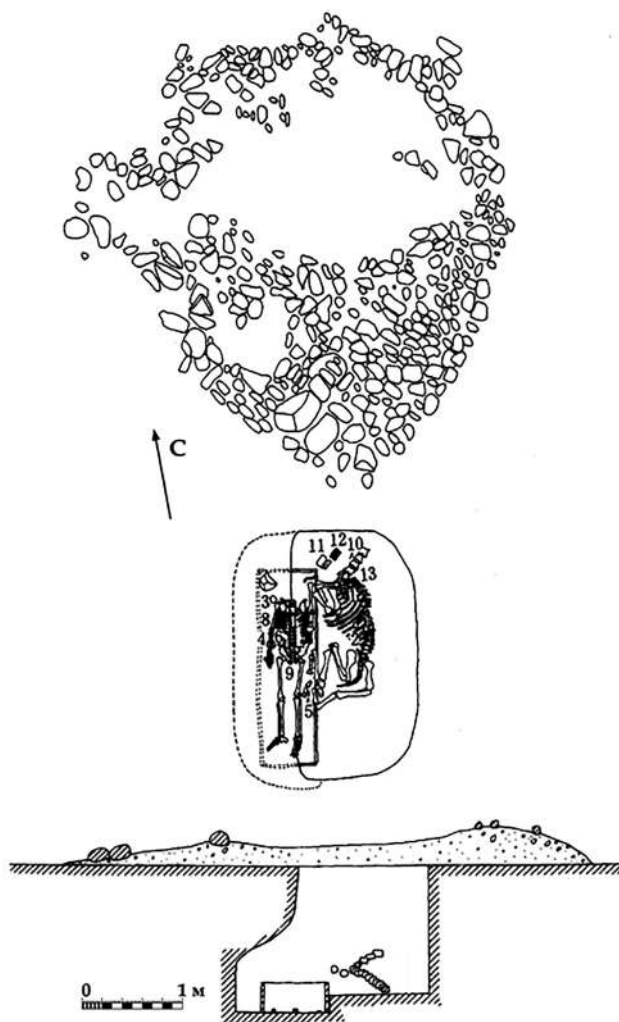

Рис. 1. Одно из погребений (М8) могильника Чауху-3: 1, 2 – железные предметы конской сбруи; 3 – белый камень; 4 – железное зеркало; 5, 10 – костяные иглы; 6 – костяной гребень; 7 – бронзовые украшения в виде колокольчика; 8 – серебряное кольцо; 9 – железная поясная пряжка; 11 – череп мелкого рогатого скота; 12 – лошадиный зуб; 13 – лошадиная кость (дается по: [1, с. 266]).

установить не представляется возможным. Соотношение мужчин и женщин составляло примерно 1,88:1. Таким образом, мужчин было захоронено значительно больше, чем женщин. Что касается возрастного соотношения, то на четвертом могильнике довольно много усопших были захоронены в подростковом и молодом возрасте (18,9 %), доминируют умершие в среднем возрасте (76,7 %), и лишь в нескольких случаях фиксируются скелеты, принадлежавшие старикам. Интересно, что доля женщин, умерших в подростковом возрасте, выше, чем мужчин (25 и 16,4 % соответственно), а средний возраст смерти мужчин и женщин составляет всего 31,8 года. Стоит отметить, что, несмотря на разрыв в полтысячелетия [3, с. 124], средний возраст смерти на Чауху-3 составляет 32 года, что очень близко к Чауху-4.

Следующая характеристика – краниологические показатели. Овал лица у мужских черепов из могильника Чауху-4 вытянутый или средней длины. Лоб обычно не покатый, напротив, встречаются почти «вертикальные» экземпляры. Внешний сагиттальный (стреловидный) гребень выражен весьма слабо. Надбровные дуги, напротив, мощные. Надпереносье выступающее, впадина носа довольно глубокая. Следует отметить однородность формы глазниц у черепов с четвертого могильника. Нижняя часть входного грушевидного отверстия заостренная. Носовая ось и клыковая ямка (*canine fossa*) сильно развиты. Соотношение входов в глазницы (*aditus orbitalis*) с плоскостью Франкфурта (плоскость, образованная прямой горизонтальной линией от верха слухового прохода до нижней границы глаза по обе стороны человеческого черепа) может быть охарактеризовано как перпендикулярное. Черепные швы четко прослеживаются. Что касается могильника Чауху-3, то здесь прослеживается куда более низкий овал лица, черепа здесь более округлые. Лоб у похороненных на третьем могильнике куда более покатый, чем у более раннего населения (прослеживаемого по материалам Чауху-4). Надбровные дуги и надпереносье развиты незначительно. Впадина корня носа также куда менее выражена, чем в Чауху-4. Глазницы имеют многоугольную форму. В то же время есть и параллели: нижняя часть входного грушевидного отверстия заостренная, носовая кость и клыковая ямка (*canine fossa*) сильно развиты.

Все вышесказанное отчетливо показывает ослабление европеоидных признаков в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. на

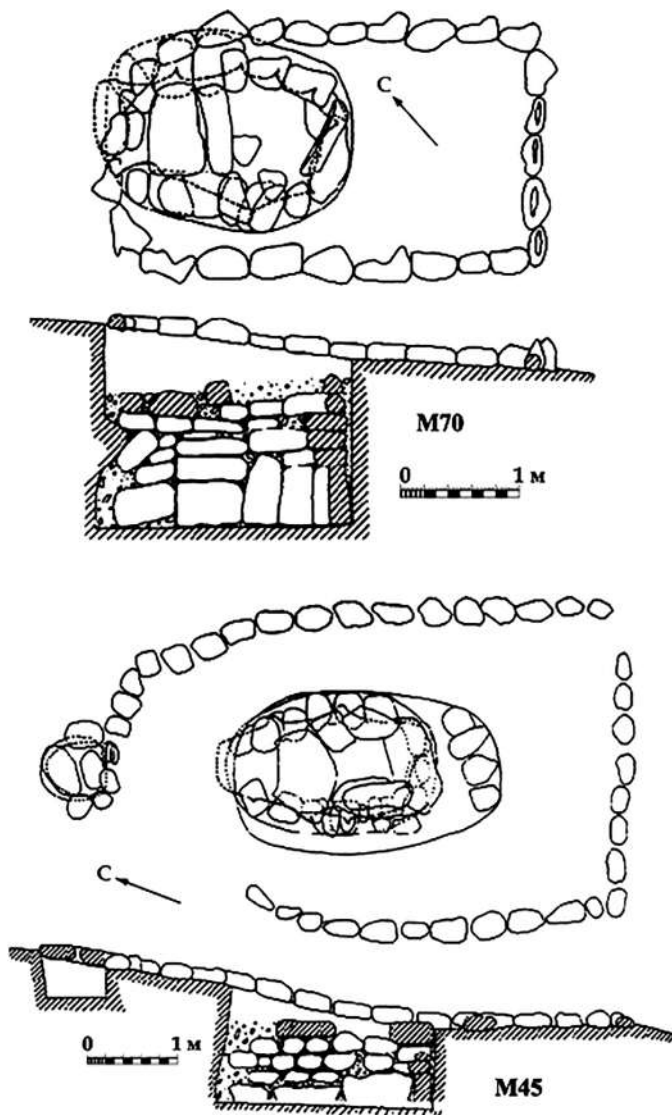

Рис. 2. Различные варианты погребений раннескифского времени могильника Чауху-4 (M70 и M45) (дается по: [11, с. 153])

территории Синьцзяна. Иными словами, население, оставившее Чауху-4, составляли в основном брахикефалы и мезокефалы с крупными носами (высота больше ширины), сагиттальный гребень, как уже говорилось, не выражен, что характерно как для мужчин, так и для женщин. Судя по материалам четвертого могильника, гендерных различий расового характера у населения IX–VI вв. не было. Совершенно иная ситуация складывается к началу нашей эры: монголоидные черты (описанные выше) начинают проследиваться все четче. Необходимо также отметить, что по целому ряду признаков (форма черепа, лицевой указатель, сагиттальный выступ и др.) население, оставившее Чауху-4, отличалось от палеоевропеоидов, более приближаясь к современным европеоидам [1, с. 328–329].

Из приведенных выше данных мы можем сделать вывод о том, что до начала активных контактов с Великой равниной Китая население центральной части СУАР антропологически мало отличалось от носителей других раннескифских культур (например, майэмирской), будучи европеоидами. Картина полностью изменилась с началом проникновения в Западный Край монголоидов (с конца III в. до н. э.) в ходе сложения Шелкового пути, во время активного функционирования которого (в первые века нашей эры) создавался могильник Чауху-3 [3, с. 123]. Несмотря на сохранения ряда европеоидных черт, к III в. н. э. уже можно говорить о коренных расовых изменениях у населения на территориях, ныне составляющих запад Китая. Точно такие же процессы мы видим на материалах находящегося в том же уезде Хэцзин, что и Чауху, некрополе Мохучахань [6, с. 355–370]. И именно с этого периода история Синьцзяна имеет больше точек соприкосновения со Средней Азией и Поднебесной, чем с Сибирью.

Список источников и литературы

1. Ван Минчжэ. Синьцзян Чауху: дасин шицзу муди фацзюэ баогао [王明哲. 新疆察吾呼: 大型氏族墓地发掘报告. 北京: 东方出版社. 1999]. Чауху в Синьцзяне: отчет о раскопках больших родовых могильников. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. 416 с.

2. Вэй Дун, Чжао Юншэн, Чан Сиэн, Чжу Хун. Хами Тяньшань бэйлу муди чуту лугудэ дэ цэлян синчжуан [魏东, 赵永生, 常喜恩,

朱泓。哈密天山北路墓地出土颅骨的测量性状// 人类学学报2012年第4期]. Измерения черепов из могильника Тяньшань бэйлу в уезде Хами // Жэньлэйсюэбао (Антропологический вестник). 2012. № 4. С. 395–406.

3. Мо Мо, Цю Чжили, Чжан Юэфэн, Ли Люфэн, У Мо, Ло Хань. Чжунго цайсэ бао юйши шиюндэ саньцы гаочао цзи ци юй гудай сычоу чжилу гуаньси таньсо [莫默, 丘志力, 张跃峰, 李榴芬, 吴沫, 罗涵. 中国彩色宝玉石使用的三次高潮及其与古代丝绸之路关系探索 // 中山大学学报第2014年6期]. Три кульминационных момента использования самоцветных камней и связь этого с древним Шелковым путем // Чжуншань дасюэ сюэбао (Вестник Чжуншаньского университета). 2014. № 6. С. 118–126.

4. Хань Цзянье. Гунюаньцян эрцяньци чжунхоуе ячжоу чжунбу дишюйдэ юаньдэ таогуань [韩建业. 公元前2千纪中后叶亚洲中部地区的圜底陶罐 // 考古2017年第9期]. Круглодонная керамическая посуда в Центральной Азии, начиная со II тыс. до н. э. // Каогу (Археология). 2017. № 9. С. 82–93.

5. ХэХуэйцин, СюйЮнцин. [何惠琴, 徐永庆. 新疆哈密五堡古代人类颅骨测量的种族研究 // 人类学学报2002年第2期]. Краниометрические исследования древнего населения Убао в уезде Хами // Жэньлэйсюэбао (Антропологический вестник). 2002. № 2. С. 102–110.

6. Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男, 阿里甫江·尼亚孜, 谈宁执. 新疆莫呼查汗墓地. 北京: 科学出版社, 2016]. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с.

7. Чжан Цзюнь. Синьцзян Цемосянь Цзявайжикэ муди жэньгудэ чжюа яньцзю цзелунь [张君. 新疆且末县加瓦艾日克墓地人骨的主要研究结论 // 现代人类学国际研讨会论文集. 上海: 2002年]. Итоги исследования человеческих костей из могильника Цзявайжикэ в синьцзянском уезде Цемо // Сборник статей Современного антропологического международного конгресса (Proceedings of The International Symposium of Anthropological Studies). Шанхай, 2002. С. 61–63.

8. Чжан Цюаньчао, Ван Минхуэй, Цзинь Хайянь, Чжу Хун. Синьцзян хэцзинсянь Чаухугоу коу сыхао муди чуту жэньгу хуасюэ юаньсудэ ханьлян фэньси [张全超, 王明辉, 金海燕, 朱泓. 新疆和静县察吾呼沟口四号墓地出土人骨化学元素的含量分析 // 人类学学报2005年第4期]. Анализ содержания химических элементов в человеческих костях из могильника Чауху-4 (уезд Хэцзин, Синьцзян) // Жэньлэйсюэбао (Антропологический вестник). 2005. № 4. С. 328–333.

9. Шао Хуэйцю. Синьцзян Субэйши вэньхуа яньцзю [邵会秋. 新

疆苏贝希文化研究 // 边疆考古研究。第12辑]. Исследование культуры Субэйши в Синьцзяне // Синьцзян каогу яньцзю (Археологические исследования Синьцзяна). 2013. Вып. 12. С. 193–220.

10. Шао Хуэйцю. Синьцзян чжагуньлукэ вэньхуа чулунь [邵会秋. 新疆扎滚鲁克文化初论 // 边疆考古研究2009年4辑]. Предварительное обсуждение материалов культуры Чжагуньлукэ в Синьцзяне // Синьцзян каогу яньцзю (Археологические исследования Синьцзяна). Вып. 4. С. 78–91.

11. Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. : (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация) : монография. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

ЧЖУНШАНЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО ЭТАПА ПЕРИОДА СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ

Д. П. Шульга¹, К. А. Дудукин²

*¹Россия, Новосибирск, Сибирский институт управления
РАНХиГС при Президенте РФ*

²Китай, Хучжоу, Международный центр ABIE

Царство Чжуншань, основанное скифоидными номадами племени сяньюй из общности ди, стало, пожалуй, местом первой китаизации завоевателей покоренными. В ранний период эпохи Воюющих царств еще существовало значительное количество гробниц с каменными над- и внутримогильными конструкциями, на среднем и позднем этапе Чжаньго их уже не так много. Этот тезис будет доказываться в настоящей статье на основе материалов раскопок в окрестностях города Линшоу (недалеко от границы провинций Хэбэй и Шаньси) и других. Плотность могил здесь высока, в основном, предположительно, семейные кладбища. В результате раскопок было исследовано 111 могил, но большинство гробниц были разграблены. Осталось 10 хорошо сохранившихся гробниц, представленных ниже.

Ключевые слова: Чжуншань, Северный Китай, скифское время, погребальный обряд.

Founded by the Scythian-like Xianyu tribe from the *di* community Zhongshan kingdom, probably, was the place of the first conquerors Chineseization by the conquered. In the Warring States era early period there still were a significant number of tombs with stone overgrave and intra-grave structures, at the middle and late Zhango stage

there were not so many of them. This thesis is proved in this article on the basis of excavations materials nearby Linshou town (near the Hebei and Shanxi provinces border). The graves density there is high (apparently, there are mostly family cemeteries). As a result of the excavations, 111 graves were investigated but most of the tombs were robbed. There are 10 well-preserved tombs presented below.

Keywords: Zhongshan, North China, Scythian time, burial rite.

В настоящей статье авторы постараются ввести в научный оборот материалы десяти наиболее сохранившихся погребений, относящихся к наследию северокитайского царства Чжуншань, основанного «скифоидной» (по материальной культуре) общностью сяньюй из белых ди. Погребения здесь располагаются весьма плотно, очевидно, в своей основе это родовые могильники. В результате археологических раскопок было выкопано 111 могил, но большинство их разграблены настолько, что затруднительно даже в общих чертах реконструировать погребальный обряд. Мы постараемся представить наиболее репрезентативные погребения. Стоит отметить, что в настоящей публикации авторы пользуются китайской нумерацией могил, где литера «М» является сокращением от 墓葬 (mùzàng, «погребение»).

M8003 находится на севере деревни Фанцзячжуан. Умерший лежит в яме с отвесными стенками (длина 2,62 м, ширина 1,3 м, глубина 1 м). Края могилы обложены камнем, образуя в середине погребальную камеру длиной 1,89 м, шириной 0,61 м и высотой 1 м. Внутри лежит скелет мужчины на спине со слегка подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Внутри погребальной камеры с левой стороны лежит бронзовый клевец гэ китайского облика, длина древка которого составляет 1,86 м. В районе пояса умершего помещался бронзовый кинжал, рядом прослеживаются остатки истлевших деревянных ножен. Кроме того, был найден узкий бронзовый нож, наконечник стрелы и поясной крюк. В районе ступней обнаружена каменная табличка. Под каменной погребальной камерой никаких следов иных захоронений не было обнаружено. Очевидно, что перед нами мо-

гила воина, на это также указывает то, что М8003 расположено к северу от княжеской гробницы. Такое положение малых погребений вокруг центрального захоронения правителя нередко символизировало посмертную «стражу» государя. Хронологически погребение М8003 следует отнести ко второй половине IV в. до н. э. (рис. 1, М8003).

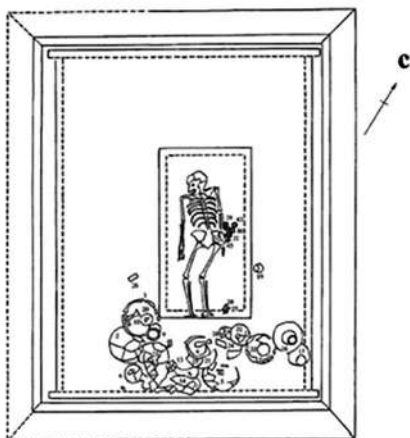
М8007 (рис. 2) находилась в южной части некрополя у деревни Ганбэй. Могильное пятно прослеживается в 30 см от уровня современной поверхности. По стратиграфии четко заметен грабительский шурф в середине могилы. Сама могила весьма крупная: длиной 4,6 м, шириной 3,62 м и глубиной 3,4 м. Высота деревянного внутримогильного сооружения 0,8 м, длина 4,1 м, ширина 2,4 м. Скелет в погребальной камере практически отсутствует, от него фиксируется лишь несколько раздробленных костей.

На дне обнаружены остатки двух жердей, лежащих по направлению север–юг, их толщина около 17 см, а длина около 4 м. Заполнение могилы плотное. По причине серьезного ограбления ритуальная посуда была смещена и повреждена. При работе с фрагментами удалось установить, что керамический инвентарь был представлен треножником, чашей *доу*, кувшином *ху*, горшками *гуань* разных разновидностей, плоской *пэнь*, а также чашей с носиком *и*. Хронологически погребение М8007 также следует отнести ко второй половине IV в. до н.э.

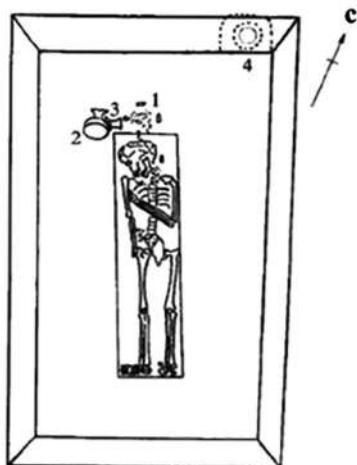
М8011 (рис. 1) находилась в западной части некрополя у деревни Ганбэй. Длина могильной ямы составляет 4,8 м, ширина 3,94 м и глубина 5,65 м. Внутри фиксируется двойная внутримогильная конструкция из дерева. Длина внешней части составляет 3,82 м, ширина 2,9 м, высота 1,18 м, длина внутренней части (так называемого гроба) 1,9 м, ширина 1,02 м, высота 0,72 м. Усопший лежит лицом на запад со слегка подогнутыми ногами. Ориентация северо-западная. Погребальная керамика находится в южной части могилы. В районе поясницы усопшего найдено скопление бус из фиолетового берилла и горного хрусталя, а также пять агатовых колечек. Уже упомянутая посуда включает в себя как обыч-

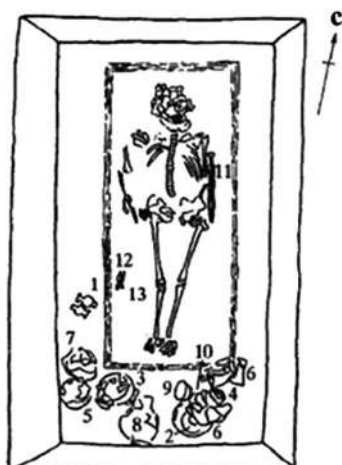
0 50 cm
M 8003

0 1 m
M 8011

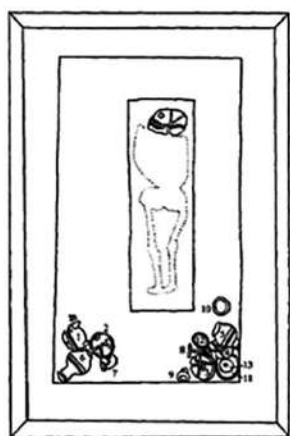

0 50 cm
M 8009

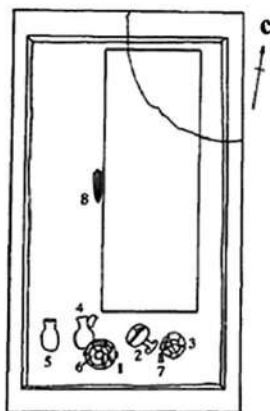
0 50 cm
M 8012

Рис. 1. Планы чжуншаньских погребений
M8003, M8011, M8009, M8012

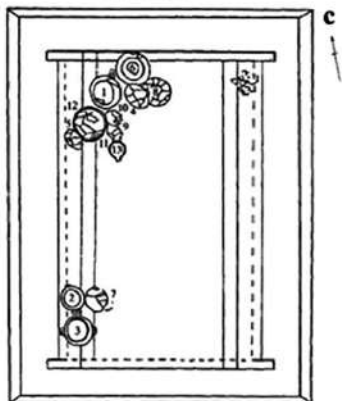
0 50 cm

M 8204

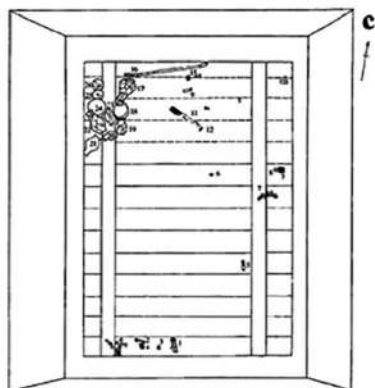
0 50 cm

M 8304

0 50 cm

M 8007

0 50 cm

M 8008

*Рис. 2. Планы чжуншаньских погребений
M8204, M8304, M8007, M8008*

ные категории (треножники, чаши *доу*, кувшины *ху*, горшки *гуань* разных разновидностей, плошки *пэнь*, чаши с носиком *и* и т. д.), так и высокохудожественный сосуд с оформленными в зверином стиле ручками, изготовленную в виде птицы чашу и специфический цилиндрический сосуд. Бронзовые артефакты также имеют место, это тесло (так данное изделие трактуют китайские авторы раскопок, возможно, это чекан), зеркало и поясной крюк. Время создания идентично предыдущим захоронениям.

М8205 (рис. 3) находится в восточной части могильника у деревни Ганбэй. Есть основания полагать, что это одно из наиболее ранних погребений здесь. Дело в том, что родовые некрополи, вероятно, сооружались с севера на юг. М8205 – одно из крупнейших (во всем могильнике) захоронений, и непосредственно к югу от него расположена группа из шести погребений, среди которых и М8207. М8205 довольно сильно пострадала, верхняя часть оказалась разрушена. Длина могилы составляет 4,74 м, ширина 3,52 м и глубина 2,9 м. В заполнении плотный грунт. Длина внутримогильной деревянной конструкции 3,06 м, ширина 2,04 м, высота 1,15 м. Судя по толщине серого слоя, толщина стенок была около 6 см. Внутри внешней конструкции, судя по серому следу в заполнении, располагался гроб, примерные размеры которого следующие: длина 1,97 м, ширина 0,67 м. Сохранность костяка очень плохая, однако можно с большой долей вероятности предположить, что усопший лежал вытянуто на спине. Внутри гроба бронзовых и керамических изделий не обнаружено. Впрочем, в районе пояса найдено немало изделий из драгоценных и полуделочных камней: кольцо из горного хрусталя, четыре агатовых кольца, восемь бусин из горного хрусталя, четырнадцать агатовых бусин, четыре бусины из фиолетового берилла, а также темный изумруд. Рядом есть следы бронзовых изделий, очевидно служивших элементом в единой композиции (украшении) с указанными каменными артефактами. В районе ступней найдены две костяные трубки и четыре костяных шила. В юго-западной части погребения по тлену прослеживается

круглое деревянное колесо диаметром 90 см, и толщиной 6 см. Хронологически погребение М8205 следует отнести ко второй половине IV в. до н. э.

М8008 (рис. 2) находится в восточной части могильника у деревни Ганбэй. Внутри двойная деревянная погребальная конструкция. Длина могильной ямы 5,2 м, ширина 4,6 м, глубина 5,48 м. В заполнении плотный грунт. Погребение было еще в древности разграблено. Можно реконструировать, что внешняя погребальная конструкция была длиной 4 м, шириной 2,8 м, высотой 1,5 м. На дне было две продольные доски и настил из четырнадцати поперечных. Внутренняя конструкция («гроб») была разрушена, человеческие кости не сохранились, как и большая часть погребального инвентаря. Осталось лишь несколько мелких изделий из бронзы и керамические сосуды (чаши *доу* нескольких типов, кувшины *ху*, горшки *гуань*, плошки *пэнь*). В южной части погребения сохранилось скопление бронзовых удил. Судя по деревянным и бронзовым остаткам во внешней внутримогильной конструкции, там стояла повозка, рассчитанная минимум на четверку лошадей. В северо-восточной части гроба найдено скопление наконечников стрел, в общей сложности 10 шт. На северном конце расположено восемь бронзовых деталей повозки (включая украшения).

М8009 (рис. 1) находится на могильнике Пубэй-Яочан (периода Сражающихся царств). Заполнение могилы плотное. Размеры ямы на дне и в верхней части различаются (при глубине 3,56 м). У поверхности могила в длину 3,12 м, в ширину 1,85 м, длина дна 2,68 м, ширина – 1,5 м. Погребение было сильно разграблено, поэтому большая часть артефактов, очевидно, была унесена. Из бронзовых изделий сохранился лишь крюк в районе поясницы. Оставшиеся керамические сосуды (расположены с северной стороны в районе головы), за исключением одного, серьезно повреждены. Умерший лежит вытянуто, конечности выпрямлены. Вокруг костяка прослеживаются остатки гроба (длина 1,68 м, ширина 0,42 м). Данное захоронение было создано позже описанных выше, в конце VI – начале III в. до н. э.

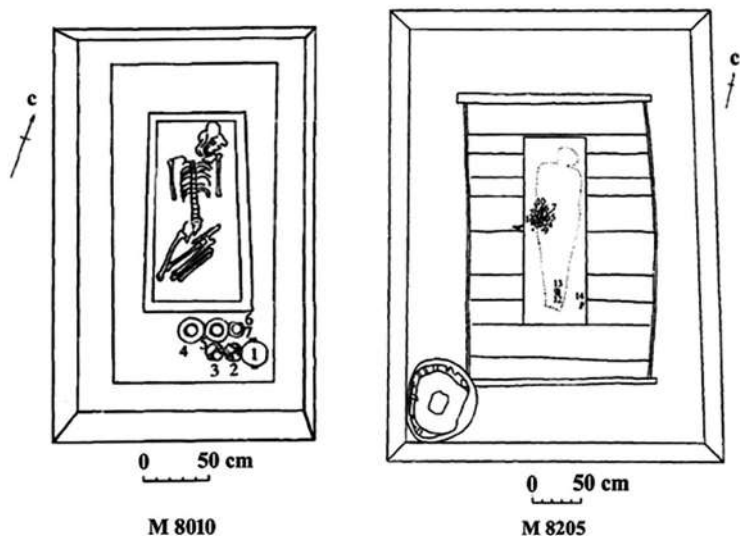

Рис. 3. Паны чжуншаньских погребений
M8010, M8205

M8010 (рис. 3) находится в западной части могильника у села Ганбэй. Могила прямоугольная, с плотным заполнением. Размеры ямы: длина 3,33 м, ширина 2,06 м, глубина 5,2 м. На дне погребения прослеживаются остатки внешнего внутримогильного сооружения, сделанного способом «ханту» (специфический метод трамбовки земли, с помощью которого впоследствии была возведена Великая стена и другие сооружения Китая). Размеры конструкции: длина 2,56 м, ширина 1,28 м, высота 0,7 м. Перекрытие было сделано из досок. Внутри земляного сооружения находился гроб (длина 1,6 м, ширина 0,77 м, высота неизвестна). В южной части гроба помещена глиняная посуда (треножник, чаши *доу*, кувшины *ху*, горшки *гуань* и чаша с носиком *и*). Данное захоронение было создано позже описанных выше, в начале III в. до н. э.

M8012 (рис. 1) находится в северо-западной части могильника у деревни Ганбэй. Форма могилы прямоугольная. Заполне-

ние плотное. Верхняя часть могилы, очевидно, перекапывалась, потому точные размеры установить сложно, видимо, они составляли около 3 м в длину, 1,87 м в ширину, около 0,9 м в глубину. Внешняя погребальная конструкция не прослеживается, гроб наличествует (длина 2 м, ширина 0,85 м). Усопший лежит на спине вытянуто. Рядом с левой рукой умершего лежал бронзовый кинжал. На правой стороне лежит крюк (вероятно, поясной) и бронзовый нож. В южной части гроба составлена керамическая посуда: треножник, кувшины *ху*, две деревянные чаши с крышкой, горшки *гуань* разных видов. Хронологически погребение также следует отнести к началу III в. до н. э.

M8204 (рис. 2) находится в юго-восточной части могильника у деревни Ганбэй. Данное захоронение является одним из самых южных. Могила по форме прямоугольная. Следов ограбления нет. Могильное пятно прослеживается на глубине 0,5 м от современной поверхности. Длина могилы 3,25 м, ширина 2,35 м, глубина 2,8 м. Как и в некоторых погребениях, описанных выше, прослеживается внешняя (высота 0,78 м, длина 2,68 м и ширина 1,55 м) и внутренняя (длина 1,74 м, ширина 0,52 м) конструкции. Из костей лучше всего сохранился череп, конечности прослеживаются по тлену. Погребальный инвентарь (посуда) располагается в юго-восточной и юго-западной частях. Найдены треножники, чаши *доу* разных типов, кувшин *ху*, горшки *гуань*. Примечательно, что ушки треножников уже закругленные, что принято считать поздней чертой. Некоторые сосуды орнаментированы. Датируется погребение началом III в. до н. э.

M8304 (рис. 2) находится на севере деревни Фанцзячжуан. Погребение частично разрушено, особенно пострадал северо-восточный угол, здесь были задеты кости скелета. Длина могильной ямы составляет 3,35 м, ширина 1,9 м, глубина 1,87 м. Высота внешней внутримогильной конструкции 0,87 м, длина 2,95 м, ширина 1,68 м. Внутренний гроб лежит ближе к восточной стенке могилы. Длина гроба 2,2 м, ширина 0,86 м. Кости скелета сильно разложились. Остатки глиняных изделий обнаружены в южной части погребения (треножник, чаши *доу*, кувшины *ху*, пиала), также были

найжены кусок каменного скипетра и бронзовая игла. Данное погребение относится ко второй половине III в. до н. э.

Представленные погребения, хотя и не все относятся к одному могильнику, принадлежат к одному району, где некрополи Чжуншань обнаруживаются наиболее плотно. Как мы видим, только в одном раннем погребении сохранилась «скифоидная» традиция каменной конструкции в могиле, в то время как в позднейших захоронениях фиксируется типично китайская техника «ханту». Впрочем, судя по инвентарю (например, бронзовым клевцам 29 на длинном древке), китаизация уже к VI в. до н. э. коснулась многих сторон жизни чжуншаньского общества.

Список источников и литературы

1. Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоу чэн [河北省文物研究所。河北省文物研究所]. Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. Пекин : Вэньу чубаньшэ, 2005. 393 с.

2. Цао Инчунь. Фэйюэ юй тунбу Чжуншань го цзинци фачжань тедань фэньси [曹迎春。《飞跃》与《同步》中山国经济发展特点分析//河北师范大学学报]. Стремительный скачок и «шаг в ногу» – анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. С. 137–140.

КОМПЛЕКС РОГОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПЕЩЕРЫ ТУРИСТОВ (РЕКА ЧУСОВАЯ)

Ю. Б. Сериков

*Россия, Нижний Тагил, Российский государственный
профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)*

Пещера Туристов находится в среднем течении р. Чусовой вблизи известного святилища на отвесной скале камня Дыроватого. В ней представлены материалы всех эпох от палеолита до Средневековья. Причем материалы позднего железного века и Средневековья составляют 85,5 %. Самый крупный комплекс связан с петрогромской культурой VI–X вв. н. э. В статье приводится характеристика всех типов роговых изделий, как серийных (наконечники стрел, кинжалы, мотыги, пробки, пластины), так и единичных (псалий, тупик, скульптуры). Анализируется техника их изготовления: рубка, строгание, химическое размягчение. Пещера Туристов долгое время использовалась в качестве путевого (кратковременного) святилища. Но в VI в. Пещера Туристов, наряду со святилищем в камне Дыроватом, превращается в крупное региональное святилище населения петрогромской культуры.

Ключевые слова: пещерное святилище, Средневековье, изделия из рога, техника изготовления.

Cave Turistov is situated in the middle reaches of the Chusovaya river close to the well known sanctuary on the cheer cliff of stone Dyrovaty. The materials of all ages from Paleolithic up to Medieval period are presented in it. And materials of Late Iron age and

Medieval period are 85,5 %. The largest complex is connected with Petrogromskaya culture VI–X c. ad. The article provides characteristic of all types of products made of horn, both serial (arrowheads, daggers, hoes, plugs, plates) and single (cheek-piece, scraper, sculptures). Their manufacturing technique is analyzed: cutting, planing, chemical softening. Cave Turistov for a long time was used as a travel (short-time) sanctuary. But in VI c. cave Turistov along with sanctuary in stone Dyrovaty evolved into large regional sanctuary of the population of Petrogromskaya culture.

Keywords: cave sanctuary, medieval period, products made of horn, manufacturing technique.

Пещера Туристов находится на левом берегу р. Чусовой в 17 км ниже по течению реки от с. Усть-Утка (Пригородный район Свердловской области). Пещера расположена в километре от уникального святилища на камне Дыроватом, которое широко известно двадцатитысячной коллекцией наконечников стрел [3, с. 121–140]. Пещера находится на высоте 30–35 м над уровнем воды. Вход пещеры ориентирован на северо-восток. Центральный грот «Жертвенный» имеет высоту 5–8 м, ширину 13 м и длину 21 м. Его поверхность до сих пор завалена раздробленными костями животных. Но 38 лет назад при первом посещении пещеры (1981) их было гораздо больше. А при Н. А. Прокошеве (1932) кости лежали слоем толщиной 20–35 см [2, с. 186]. Ширина входа 6 м, высота 3,2 м. Под пещерой находится так называемый конус выноса мощностью до 12 м. Пещера практически полностью исследована Н. А. Прокошевым в 1932, 1933 и 1937 гг.

Поэтому работы нашей экспедиции заключались в просеивании конуса выноса под пещерой, куда попадали смытые водой находки и отвал из раскопок Н. А. Прокошева. Конус выноса исследован на глубину до 11 м.

В результате за 12 лет исследований была получена большая коллекция находок – около 12 тыс. экз.

В пещере зафиксированы материалы всех археологических эпох от верхнего палеолита до Средневековья. Причем эпохи

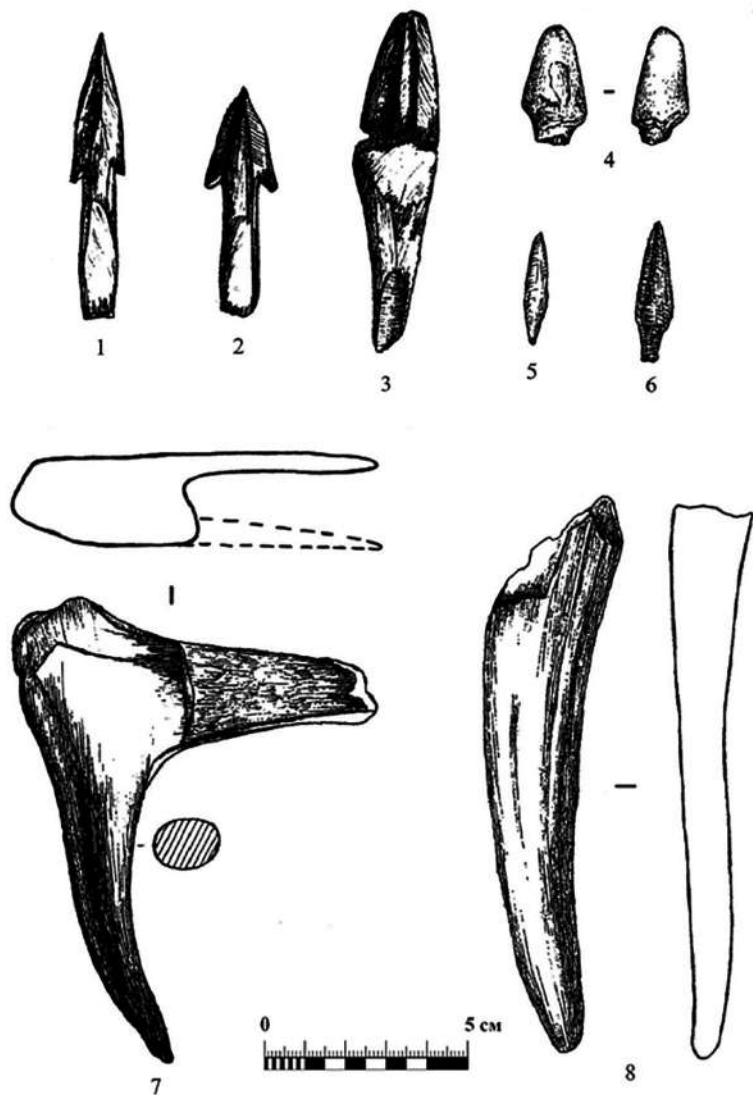

Рис. 1. Пещера Туристов.
 Изделия из рога (1-8): 1-6 – наконечники стрел;
 7-8 – мотыги

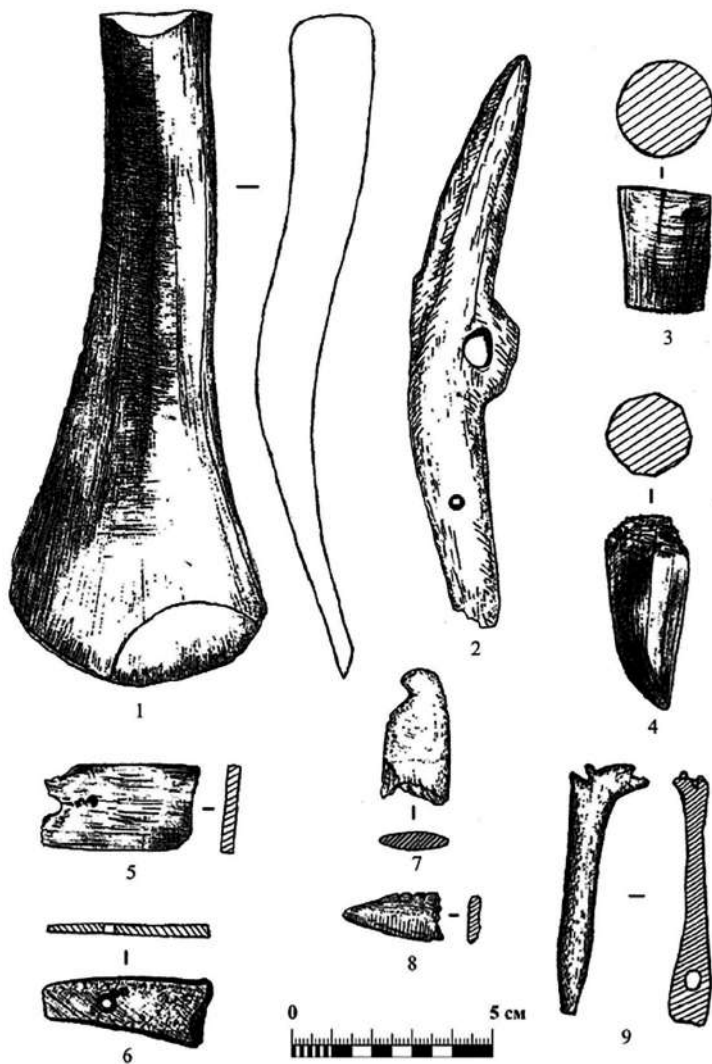

Рис. 2. Пещера Туристов.

Изделия из рога (1–9): 1 – тулик; 2 – псалий; 3–4 – пробки; 5–6 – пластины; 7 – фигурная рукоятка; 8–9 – скульптурные изображения

палеолита – раннего железного века представлены единичными находками или незначительными комплексами, а материалы позднего железного века и Средневековья составляют 85,5 % [7, с. 20–41].

Самый крупный комплекс находок связан с петрогромской культурой, которая датируется VI–X вв. н. э. Керамика этого типа занимала в основном горную часть Среднего Урала. Сосуды петрогромской культуры имеют высокий, прямой и слегка отогнутый наружу венчик. Край венчика всегда плоский и широкий за счет карнизика с внутренней и иногда с внешней стороны. Часто он орнаментирован шнуром и гребенкой. Венчик, шейка и плечико сосудов обычно украшены шнуровым орнаментом в сочетании с гребенкой и наколами. В тесте большей части сосудов присутствует заметная примесь раковины, редко – талька.

Комплекс костяных и роговых изделий (517 экз.) очень разнообразен по типовому набору. Роговые изделия в нем представлены 43 экз. Это самая большая коллекция в пещерных святилищах реки Чусовой [5].

Наконечников стрел, изготовленных из рога, в Пещере Туристов найдено 9 экз. Больше роговых наконечников только в святилище на камне Дыроватом – 27 экз. Представлены они разными типами. Два из них относятся к наконечникам с боковыми шипами. Они имеют треугольной формы перо в одном случае ромбического, в другом – трапециевидного сечения и длинный уплощенный на две грани насад (рис. 1: 1, 2). Длина одного наконечника 6,6 см, второго – 5,2 см. Еще два наконечника имеют вытянутую иволистную форму. У одного из них, длиной 5,8 см, ширина в средней части составляет 0,9 см. Сечение пера – ромбическое. Пятый наконечник длиной 8 см расслоился вдоль. Его перо листовидной формы разделено на две части своеобразной ступенькой. Боевая часть пера уплощена строганием, утолщенная – переходит в срезанный на две грани насад. На границе пера и насада с одного края вырезана округлая выемка диаметром 0,2 см (рис. 1: 3). У шестого наконечника длиной 4,2 см присутствует утолщенная ударная часть. Седьмой наконечник имеет выделен-

ную круглого сечения головку, чем напоминает биконические наконечники неолитической эпохи (рис. 1: 4). Последние два наконечника являются вотивными. Веретенообразный наконечник округлого сечения длиной 2,6 см можно отнести к типу игловидных укороченных пропорций (рис. 1: 5). Второй вотивный наконечник имеет длину 3,1 см. Насад (часть его от-

Рис. 3. Пещера Туристов.

Изделия из рога (1–6): 1 – тупик; 2 – псалий; 3–4 – мотыги; 5 – пробка; 6 – рукоятка с навершием в виде головки лосихи

ломана) овального сечения переходит в трехгранное перо (рис. 1: 6). Грани пера разные по ширине, ребра граней скруглены [6].

Анализ средневековых костяных и роговых наконечников из Пещеры Туристов показал, что на них присутствуют негативы срезов длиной до 10 см и шириной до 1 см. При этом поверхность срезов очень ровная и гладкая. Данные следы очень похожи на следы строгания древесины железным ножом. При помощи распаривания такой длины срезов на кости и роге добиться невозможно. Получить их можно лишь подвергнув кость и рог химической обработке. Эксперименты, проведенные И. Н. Тупиковым, позволили приблизиться к решению данной проблемы. После двухмесячного пребывания в щелоке (смесь воды и золы) кость размягчилась до состояния древесины, после чего удалось получить костяные стружки длиной 10 см и более. Полученную стружку можно было даже завязать узлом [8, с. 304–312].

Два роговых острия из Пещеры Туристов довольно стандартны по форме, размерам и технике изготовления. Собой они представляют отломанные концы колющих орудий, по-видимому кинжалов. Длина сохранившихся острий 5,9 и 4,4 см, ширина в месте слома соответственно – 1,9 и 1,7 см, толщина обоих 0,5 см. Треугольной формы концы изделий обработаны обстругиванием металлическим ножом.

Также обломком кинжала могла быть и отломанная роговая рукоятка длиной 3,6 см и шириной 1,9 см. Обушковая часть рукояти закруглена и оформлена боковой выемкой. Все изделие тщательно зашлифовано (рис. 2: 7).

Мотыги из Пещеры Туристов довольно разнообразны по своим типам. Одна из них представлена массивной заготовкой. Для мотыги использована нижняя часть лосиного рога от штанги до перехода в лопату, причем лезвием служило основание лопаты рога. Общая длина мотыги 22,3 см. Ширина грубо обработанного рабочего лезвия до 13 см. Оно имеет трапециевидную форму. Диаметр штанги рога до 5,5 см. В качестве мотыги также использовался отрубленный отросток рога лося длиной 12,5 см и диаметром до 3 см (рис. 1: 8). По всему периметру утолщенной

части отростка присутствуют мелкие следы перерубания. Кончик рога, который служил в качестве рабочей части, заметно заглажен и закруглен. От него вверх поднимаются линейные следы в виде длинных царапин (рис. 3: 3). В коллекции присутствует еще один отросток лосиного рога со следами перерубания. Его длина 13,2 см, диаметр в месте отсечения 3,1 см. Поскольку его отрубленный конец оставлен без дополнительной обработки, а на заостренном конце не зафиксировано следов использования, данное изделие можно отнести к заготовкам. Очень оригинально выполнена последняя в коллекции мотыга. У нее рабочей частью служил отросток рога длиной 10,5 см и диаметром до 2,5 см. Для крепления рукояти из лопаты рога была вырезана муфта длиной до 8,5 см, которая имела две щечки-боковины толщиной 0,4 см. Одна щечка сломана (рис. 1: 7). На верхней части мотыги отмечены следы уплощения ножом. Продольных царапин на мотыге не выявлено. Рабочий конец не закруглен, как обычно, а уплощен. На нем присутствуют мелкие сколы и выщерблины. Учитывая следы использования, а также явно маленький для мотыги вес, можно предположить, что данное изделие использовалось для определенных ударных действий. Возможно – в качестве боевого чекана (рис. 3: 4).

Одно изделие очень похоже на мотыгу (рис. 3: 1). Оно имеет лопатовидную, изогнутую в профиле форму длиной 16,9 см. Ширина «лопаты» доходит до 6,3 см. Рукоятка имеет овальное сечение диаметром 2–2,7 см. Верхняя часть рукоятки тщательно оформлена мелкими частыми срезами. Поверхность рукоятки также обработана строганием, которое выровняло пупырчатую поверхность рога. Рабочее лезвие округлое, слегка скошено в левую сторону (рис. 2: 1). На скошенной части хорошо сохранились следы употребления в виде закругленности и заглаженности рабочей кромки, на которой четко прослеживаются линейные следы скребкового характера. Изделие служило тупиком для обработки шкуры.

Единственным экземпляром в коллекции роговых изделий представлен псалий (рис. 3: 2). Он имеет слегка изогнутую дуго-

образную форму длиной 14,5 см. Оба конца залощены. В средней расширенной части вырезано отверстие неправильной овальной формы диаметром 0,8–1,0 см. Судя по следам, оно прорезано узким лезвием металлического ножа. В средней части одного зауженного конца просверлено еще одно отверстие диаметром 0,3 см (рис. 2: 2). Аналогии этому изделию известны на западном склоне Урала в комплексах раннего железного века [1, рис. 29: 6].

Оригинальными изделиями из рога являются так называемые пробки – 3 экз. Они очень похожи на современные пробки от бутылок с вином (рис. 3: 5). Одна пробка имеет высоту 3,2 см, диаметр верхнего конца 2,3 см, нижнего – 2 см (рис. 2: 3). На ней присутствуют следы строгания и обработки абразивом. Вторая пробка немного изогнута в профиле. Она залощена, обожжена, следы обработки не просматриваются. У третьей пробки сохранились в верхней части следы перерубания рога. Нижняя ее часть обстругана со всех сторон до получения асимметричного острия (рис. 2: 4). Длина пробки 5,4 см, верхний диаметр 2,4 см. Данные изделия могли использоваться в качестве затычек для кожаных или берестяных сосудов.

В качестве посредника использовался отросток рога лося длиной 11 см. С трех сторон он был надрезан железным ножом, а затем отломан. Сломанная часть обстругана ножом. На кончике орудия присутствует небольшой контрскол от несильного удара или нажатия.

Некоторые изделия из рога представлены в обломках. Среди них выделяются четыре выструганные из рога лося пластины. Все они обработаны металлическим ножом. Одна пластина сломана с двух концов. Сохранившаяся длина – 2,6 см, ширина 2 см, толщина 0,4 см. У второй пластины один конец обрезан, второй – сломан. Ее длина 3,6 см, ширина 2,1 см, толщина 0,5 см. В месте слома присутствует цилиндрическое отверстие диаметром 0,6 см. На одной из плоскостей находится две глухих сверлины диаметром 0,15 и 0,3 см (рис. 2: 5). Третья пластина имеет изогнутую форму длиной 4 см и толщиной 0,4 см. Один конец у нее заужен, на нем просверлено отверстие диаметром 0,3 см. Ря-

дом с ним проделаны две глухих сверлины диаметром 0,15 и 0,2 см (рис. 2: 6).

Кроме законченных изделий, в коллекции Пещеры Туристов присутствует 14 заготовок. Одна из них представляет собой отросток рога лося длиной 6,4 см со следами строгания и уплотнения. Заготовкой рукоятки можно считать корневую часть рога лося длиной 12,6 см и диаметром до 3,7 см. Один конец обработан мелкими срезами, второй сохранил естественную поверхность. В торце обработанного конца вырезано глухое отверстие глубиной до 1,3 см.

Также к заготовкам отнесены пять отрубленных отростков рога, пять кусков рога со следами строгания и два – со следами рубки. Выделяется массивный отросток рога лося длиной до 27 см и шириной до 8,8 см, отрубленный металлическим топором. Только в одном случае использовался рог северного оленя, во всех остальных – рога лося. Любопытной находкой являются два парных рога молодых лосей длиной около 20,5 см.

Небольшой серией представлены выполненные из рога скульптурные поделки. Одна из них изготовлена в виде фигурной Г-образной рукояти длиной 6,4 см (рис. 3: 6). Сечение рукояти овальное, нижняя часть уплощена на две грани. На верхнем конце вырезана головка лосихи. Морда лосихи частично разрушена. Хорошо сохранилось рельефно выделенное ухо. В нижней части изделия присутствует вырезанное металлическим орудием овальное отверстие размером 0,4×0,5 см. От отверстия вниз отходит паз длиной 0,8 см и диаметром 0,4 см (рис. 2: 9). Вполне вероятно, что данное «навершие» являлось рукояткой составного ковшика, к которому крепились при помощи отверстия и паза [4, с. 143].

Возможно, скульптурным изображением является еще одно изделие из рога длиной 2,6 см. Оно может рассматриваться в виде головки медведя. У головки выделен заостренный нос, вырезанные сверху зубцы обозначают уши. На плоскости находится гравировка из трех параллельных линий (рис. 2: 8). Своей формой данное изделие очень похоже на другую скульптуру, но вырезанную из кости [7, рис. 30, 22].

Представляет интерес массивная заготовка скульптурного изображения головы животного. Длина заготовки 19,1 см. Она вырублена из рога таким образом, что корневая часть рога была превращена в шею животного, а из штанги рога диаметром 6,6 см вырубили голову. Окончательной отделки скульптуры не последовало, но в общих контурах животного легко угадывается голова лося.

Конус выноса был насыщен тысячами костей животных: целых, расколотых, со следами оббивки, рубки, резания, строгания. Среди них можно отметить часть черепа лося с отрубленным у основания рогом.

В целом, весь комплекс роговых изделий, за исключением псаляя, можно с большой долей уверенности связать с населением петрогромской культуры.

Единичные находки разных эпох (от мезолита до раннего железного века) могут свидетельствовать о том, что Пещера Туристов долгое время использовалась в качестве путевого (кратковременного) святилища. В эпоху позднего железа в пещере заметно увеличилось количество находок, что свидетельствует о возрастании его сакрального статуса. Возможно, это связано с появлением постоянного населения на берегах Чусовой или с увеличением его численности. Еще позднее, в эпоху Средневековья, Пещера Туристов, наряду со святилищем в камне Дыроватом, превращается в крупное региональное святилище населения петрогромской культуры. В ней, кроме обломков свыше 400 сосудов, зафиксированы десятки и сотни разнообразных изделий из кости, рога, камня и металла, которые составляют значительные комплексы. Они заметно увеличатся, если к ним добавить неопубликованные находки из раскопок Н. А. Прокошева.

Список источников и литературы

1. Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск : ИПК «Звезда», 2006. 220 с.
2. Прокошев Н. А. Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. Вып. 109. 1935. С. 176–187.

3. Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996. № 4. С. 121–140.
4. Сериков Ю. Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 127–150.
5. Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. 368 с.
6. Сериков Ю. Б. Вотивные наконечники стрелс пещерного святилища на Камне Дыроватом (Средний Урал) // РА. 2011. № 4. С. 102–113.
7. Сериков Ю. Б. Древние святилища Тагильского края. Нижний Тагил : НТГСПИ (филиал РГППУ), 2017. 464 с.
8. Сериков Ю. Б., Тупиков И. Н. К вопросу о химическом размягчении кости в древности // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Том I : Материалы V Тверской археол. конф. и 16-го и 17-го заседаний науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь : Триада, 2015. С. 304–312.

ЧЬЕ ИМЯ СТОИТ НА МОНЕТАХ БУЛГАРА 812–813 гг.х.?^{*}

Р. Ю. Рева¹, Б. И. Леонов²

¹Россия, Новосибирск, Министерство культуры РФ

²Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское
общество коллекционеров

В настоящее время нумизматические данные становятся важнейшим источником для восстановления исторических событий в Улусе Джучи XV в. Как любой другой, этот источник требует специального критического анализа. В работе представлены новейшие реконструкции штемпелей и штемпельных гребенок одного из самых трудных для интерпретации нумизматических объектов – монет Булгара 812 и 813 гг.х. с неясным именем. Предложены возможные эпиграфические трактовки этого имени с соотнесением их к реальным историческим персонажам.

Ключевые слова: Улус Джучи, Булгар, Шибаниды, Тукати-муриды, Пулад, Тимур, Махмуд, монеты, штемпельный анализ.

At present, numismatic data become the most important source for the restoration of historical events in the Ulus Juchi of the 15 century. Like any other source, this requires special critical analysis. The paper presents the latest reconstruction of coin stamps and die links of Bulgar coins 812 and 813 AH with an indistinct khan's name the one of the most difficult to interpret objects of Golden Horde numismatics. Possible epigraphic interpretations of this name with adding references to real historical characters are suggested.

Keywords: Ulus Juchi, Bulgar, Shibanids, Tuqatimurids, Pulad, Timur, Makhmud, coins, stamp analysis.

В 1826 г. Х. М. Френо опубликовал монеты, чеканенные в Булгаре в 812-813 гг. (1409–1411), которые отнес к эмиссии от имени хана Тимура, но заметил, что имя начертано настолько сомнительно, что может быть прочитано как *Махмуд* [14, с. 374–375]. Монеты этого типа очень редки, к тому же диаметр штемпеля значительно превышает физический размер самих монет, таким образом, не существует таких экземпляров, где легенда лицевой стороны полностью попала бы на монетный кружок, и для ее прочтения необходимо иметь под рукой несколько экземпляров. Возможно, это обстоятельство повлияло на то, что этот нумизматический факт более чем на полтора столетия выпал из рассмотрения как нумизматов, так и историков. Только в 2004 г. Е. Ю. Гончаров и О. В. Тростьянский опубликовали работу, в которой предположили, что эмитентом данных монет мог быть некий неизвестный на тот момент хан Махмуд [3, с. 39]. Авторы сделали предположение, что именно этот загадочный Махмуд был тем самым царевичем, который в декабре 1408 г. (VII–VIII 811 г.х.), во время осады Идегеем Москвы попытался захватить ордынский престол, что привело к бегству хана Пулада, находившегося тогда в Столичном Улусе, и срочному возвращению Идегея из русских земель [3, с. 42].

В 2013 г. на XVII Всероссийской нумизматической конференции один из авторов настоящей работы сделал предположение, что эмитентом этих монет был Шибанид Махмуд-Ходжа, сын Каганбека [9, с. 56]. К данному выводу подталкивали следующие обстоятельства: отец Махмуд-Ходжи Каганбек, будучи главой шибанидской линии Джучидов, одно время занимал Верховный престол. В 777 г.х. Каганбек-хан отчеканил монеты со своим именем. Местом чеканки указана столица – Сарай ал-Джедид⁴. В дальнейшем Каганбек был оттеснен от Верховного престола и во времена Токтамышша обретался на периферии. Время его смер-

⁴Вопрос насколько реальное место чеканки джучидских монет соответствует месту, указанному в монетной легенде, здесь рассматриваться не будет. Однако указание эмитентом в качестве места чеканки именно столицы всегда говорит о том, что данный Джучид претендует на Верховный престол всего государства.

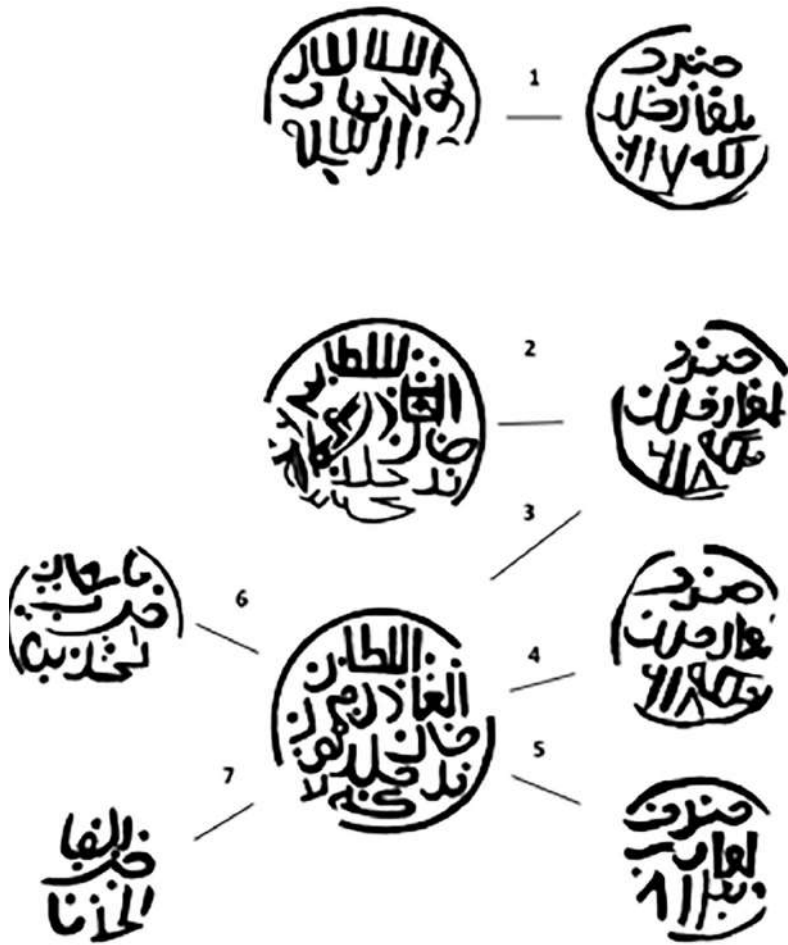

Рис. 1. Штемпельные реконструкции болгарских монет 812, 813 гг.х.

ти пока не установлено. Но очевидно, что его потомки должны были вынашивать мысли о возвращении Верховной власти в свой род. Время провозглашения Махмуд-Ходжи ханом пока неизвестно, но нумизматика свидетельствует, что Махмуд-Ходжа-хан чеканил монеты в Орду⁵ в 820–830 г.х. [1, с. 70–73; 2, с. 29–30; 9, с. 56]. Из летописных источников известно, что зимой 1428–1429 гг. (832 г.х.) Махмуд-Ходжа и «казанские» татары приходили к Галичу, затем взяли Кострому и «отидоша на Низ Волгою» [2, с. 29]. Впоследствии Махмуд-Ходжа владел землями между Ишимом и Тоболом, где и был убит в 834 г.х. Абу-л-Хайром. Итак, Махмуд-Ходжа мог быть тем самым человеком, кто отчеканил монеты в Булгаре в 812–813 г.х.

В 2017 г., описывая монеты Шибанидов, Р. Ю. Рева продолжал считать самым вероятным эмитентом указанных болгарских монет Махмуд-Ходжу, однако не настаивал на том, что это единственный возможный вариант, и даже не вставил в статью изображение этих монет среди других монет, чеканенных Шибанидами [12, с. 28–32]. Причиной явилось то, что на болгарских монетах имя прочитывалось как «Махмуд», а на монетах Орду четко видно: «Махмуд-Ходжа», а это все-таки разные имена⁶.

На нескольких конференциях авторы настоящей работы сталкивались с тем, что эмитента этих монет определяют однозначно: «Махмуд-Ходжа», а на вопрос: «Почему нет ни малейшей степени сомнения?» – отвечают: «Мы базируемся на ваших работах». С целью показать, что вопрос еще окончательно не решен, мы продемонстрируем последние варианты выполненных нами реконструкций как самих штемпелей этих монет, так и штемпельные связи, показывающие положение этих штемпелей в нумизматических «гребенках» (рис. 1: 1–7). Попытаемся также показать весь спектр возможностей правильной трактовки этого сложного

⁵Место находок этих монет пока исключительно Среднее Поволжье.

⁶Справедливости ради стоит заметить, что лицевой штемпель болгарских монет к тому времени так и не был реконструирован полностью и оставалась гипотетическая возможность наличия каких-то непрочитанных частей легенды в правой части штемпеля.

нумизматического факта.

1. Л.с. «*Султан правосудный Пулад-хан. Да продлит Аллах его правление*». Текст вырезан достаточно схематично, однако прочтение не вызывает никаких проблем.

О.с. «*Чекан Булгара. Да продлится правление. 812*». Год исполнен зеркально. Кроме того, цифра 8 перевернута.

2. Л.с. «*Султан правосудный Пулад-хан. Да продлится его правление*». Текст вырезан в подражательной манере, с большой натяжкой можно прочесть и «Махмуд-хан», есть «лишние», непонятные добавления. Имя эмитента настолько искажено и нечитаемо, что данное обстоятельство наводит на мысли, что это сделано намеренно.

О.с. «*Чекан Булгара. Да продлится правление. 812*». Год исполнен зеркально. Цифра 8 вырезана правильно.

3. Л.с. «*Султан правосудный «Махмуд»-хан. Да продлит Аллах его правление*».

О.с. тот же штемпель, что О.с. 2.

4. Л.с. тот же штемпель, что Л.с. 3.

О.с. как О.с. 2, другой штемпель.

5. Л.с. тот же штемпель, что Л.с. 3.

О.с. «*Чекан Булгара. Год 813*». Год исполнен правильно.

6. Л.с. тот же штемпель, что Л.с. 3.

О.с. «*Чекан Булгара ал-Джедид*».

7. Л.с. тот же штемпель, что Л.с. 3.

О.с. как О.с. 6, другой штемпель.

Исследуемые монеты представлены на рисунке штемпельными сочетаниями 3–7. Сразу оговоримся, что монеты, представленные штемпельной связью 2, хотя и показаны выше монет 3–7, но могут быть чеканены как до, так и после монет 3–7, в случае использования старых штемпелей. Нужно также заметить, что все штемпели выполнены неумелой рукой, поэтому исследователь не столько читает легенду, сколько пытается догадаться, какие буквы хотел изобразить резчик штемпеля. Напомним, что собственная чеканка монет в Булгаре после более чем шестидесяти лет ее отсутствия возобновилась в 805 г.х. при хане Шадибеке. Первоначаль-

но к изготовлению штемпелей были привлечены высококлассные специалисты-резчики. Монеты, хотя и имели весовую норму в полтора раза ниже, чем синхронные монеты Столичного вилайета, выполнены с известной долей изящества, надписи сделаны грамотно, с соблюдением всех канонов каллиграфии. Размер штемпеля ненамного превышает размер самих монет. Однако вскоре, начиная с 806 г.х., начинается деградация в изготовлении штемпелей булгарской чеканки. Штемпели увеличиваются относительно размера самих монет, надписи выполняются неграмотно, «в подражательной манере», некоторые части легенды монет становятся нечитаемыми [10, с. 509–526]. Процесс деградации достиг своего пика при хане Пуладе, т. е. как раз к тому моменту, когда начали чеканиться рассматриваемые в этой статье монеты.

Варианты прочтения имени на монетах 3–7:

1. «Пулад». На такое прочтение имени наталкивает указанное время чеканки 812–813 г.х. – время правления Пулад-хана. Кроме того, при внимательном рассмотрении штемпеля видно, что второй *мим* как бы лежит поверх следующей буквы, что может говорить о том, что здесь налицо неаккуратность резчика и второй *мим* и последующая буква могут быть разделены. В таком случае галочка, соединенная по краям с двумя *мим*, может оказаться лигатурой *ла*, повернутой по часовой стрелке на 90 градусов. В этом случае имя прочтется как «Пулад». При сравнении с монетой 2, очень близкой по исполнению к монете 3, видно, что такое предположение не лишено оснований.

2. «Тимур». Так это имя может быть прочтено, если предположить, что резчик случайно неверно вырезал первый харф, загнув его налево чуть больше, чем нужно, в результате первый *та* выглядит похожим на *мим*.

Не забудем, что первый публикатор этих монет Х. М. Френ отнес эти артефакты именно к чеканке хана Тимура [14, с. 374–375].

3. «Махмуд». Наиболее вероятное прочтение имени, однако и оно встречает эпиграфические трудности, т. к. *ха* между двумя буквами *мим* выгнуто налево, а не направо, как должно быть при

правильном написании.

4. «Пир-Махмуд». Если присмотреться к легенде штемпеля, то можно заметить, что ее можно прочесть двояко: и как «*Султан правосудный Махмуд-хан. Да продлит Аллах его правление*», так и «*Султан правосудный Пир-Махмуд-хан. Да продлится его правление*». Дело в том, что два соединенных «уголка» под именем «Махмуд» могут обозначать и слово «*Пир-*», и начало слова «*-лиллах*».

Разбор эпиграфических особенностей лицевого штемпеля монет 3–7 следует завершить следующими замечаниями. Слово «ас-султан» прочитывается уверенно, несмотря на то, что буква «син» показана слишком короткой горизонтальной чертой (фактически отсутствует). Финальная буква в имени начертана так, что в ней можно увидеть как «даль», так и «ра». На некоторых монетах от «даль» направо есть черта, возможно, следствие трещины в штемпеле, либо неумелой правки штихелем. Слово «мулькуху» написано разорвано, начальный «мим» в виде короткого харфа, чуть отклонен влево, «лям» не соединен с «каф».

Перейдем к сопоставлению вариантов прочтения имени на монетах со сведениями из письменных источников.

Возможность прочтения имени «Пулад-хан» несколько не противоречит другим источникам. Пулад, сын Тимур-Кутлука, был провозглашен Идегеем-ханом в 809 г.х. Монеты с его именем чеканились на территории Джучидского государства в 809–813 г.х.

«Тимур-хан» также является возможным вариантом. Несколько лет назад отнесение этих монет к правлению хана Тимура столкнулось бы с хронологическими трудностями, т. к. считалось, что Тимур воцарился не ранее 813 г.х. Однако новейшие исследования показывают, что Тимур уже в 812 г. указывал себя ханом при чеканке монет в Орду [7, с. 76]. Можно предположить, что провозглашение брата Пулада ханом состоялось даже раньше этой даты. В «Кара таварих» сообщается о том, что после смерти Шадибека сын Идегея Нур ад-Дин, не уговорив отца самому стать ханом, поссорился с ним и сделал ханом младшего брата Пулада Тимура, а после собрал войско и поко-

рил земли Идегея [13, с. 64]. В. М. Жирмунский считал, что тем «неким царевичем», что напал на ставку Пулада во время осады Идегеем Москвы зимой 1408–1409 гг. (811 г.х.), был Тимур [5, с. 372]. Некоторое время Тимур правил параллельно с Пуладом, но после был вынужден признать верховенство над собой младшего брата: Пулад «принял его (Тимура. – *P. P., B. J.*) ханом» [13, с. 64]. Произошло это не позже 813 г.х., когда Идегей, отстраненный от власти, бежал и отправил письмо к Шахруху, в котором жаловался на свое положение [11, с. 710–711]. Тимур некоторое время преследовал Идегея, но был предательски убит в 814 г.х. собственными эмирами, решившими признать ханом вернувшегося Джалал ад-Дина сына Токтамыша. Булгарские монеты с уверенно читаемым именем Тимура датированы 814 г.х.

Перейдем к вариантам прочтения «Махмуд-хан» и «Пир-Махмуд-хан». Перечислим Джучидов с такими именами, которые могли бы претендовать на титул хана: Шибаниды Махмуд-Ходжа, сын Каганбека, Махмуд, сын Ак-Суфи и Тукатимурид Пир-Махмуд, сын Менгасира.

О Махмуд-Ходже-хане, сыне Каганбек-хана, сказано выше. Он может подходить на роль эмитента этих монет, настораживает только отсутствие части имени «Ходжа» на них. В «Кара таварих» о Махмуд-Ходже сказано, что он начал править после Хаджи-Мухаммада: «Он был достойным ханом. Он сразился с вилайатом Тура, туменом Кунграт и еще туменом Саджиута, обратил их в бегство и покорил себе...» [13, с. 60]. Если учесть, что Хаджи-Мухаммад умер в 826 г.х., то ханом Махмуд-Ходжа был в промежуток 826–834 г.х. Интересные новые сведения об отце Махмуд-Ходжи были получены недавно при переводе на русский язык средневековых итальянских документов. «28 ноября 1380 г. генуэзцы составили первый из сохранившихся договоров о передаче им из состава *империи Газарии* (улуса Джучи, Золотой Орды) Солдайи, а также казалий Готии и Солдайи... В заключительной части договора 1380 г. среди лиц, удостоверивших договор с татарской стороны, значится некий Хошхельди Омар-Ходжа – посол императора Конак-Бея (*Coscheldi Omar Coia messo de lo Imperao Conach Bey*)» [4, с. 68–69]. С большой сте-

пенью вероятности можно утверждать, что под императором по имени Конак-Бей здесь кроется Каган-бай (варианты имени: Кан-бай, Каан-бай, Каган-бек). Впервые сведения об этом договоре опубликовал А. Л. Пономарев [8, с. 173].

Махмуд, сын Ак-Суфи был двоюродным братом хана Джумадука, правившего в 829–834 г.г. в Шибанидской части Золотой Орды. Этот вариант возможен, но маловероятен.

А вот Пир-Махмуд, сын Менгасира, был представителем очень значимого джучидского клана. Его родной брат хан Абдаллах был ставленником Мамай и правил западной частью Джучидского государства с 764 по 771 г.г., после чего Мамай возвел на престол сына Абдаллаха (племянника Пир-Махмуда) Гийас ад-Дин Мухаммада Тулака (правил с 771 по 782 г.г.). Позже, в 816 г.г., Идегей интронизирует другого племянника Пир-Махмуда Чекре, сына Акмыла. К сожалению, мы не знаем время жизни этого Пир-Махмуда, чтобы делать дальнейшие выводы.

Интересные сведения о некоем Пир-Махмуде мы находим в «Кара таварих». После того, как Тимур воцарился, Нур ад-Дин «тумен-бека Уйшун Пир-Махмуда, назначив ему (Тимуру. – Р. Р., Б. Л.) улугбеком, возвеличил его» [13, с. 64]. Факт назначения Пир-Махмуда на столь высокий пост при содействии Нур ад-Дина отмечен в Кара-Таварих особой песней в упрек Нур ад-Дину (там же). Здесь важен следующий вопрос: *Пир-Махмуд – это представитель племени уйшин или это чингизид, который на момент назначения командовал туменом уйшин?!* Сведения из Кара-Таварих подтверждаются документами Венецианской республики, где отмечено, что летом 1410 г. (813 г.г.) консул Таны получил известие от осведомителей о том, что «Темир Солтан и Бермахмут собирались совершить набег на Тану...» [6, с. 131].

Подводя итоги нашего исследования, следует признать, что вопрос: «Чье имя стоит на рассмотренных в статье монетах Булгара 812 и 813 г.г.?» – так и не получил однозначного решения. В статье представлены новейшие реконструкции штемпелей монет и поштемпельных гребенок, перечислены возможные варианты прочтения имени с соотнесением их с реальными историческими персонажами. Дальнейший путь к решению этой

проблемы авторы видят в продолжении штемпельного анализа нумизматического материала Булгара XV в. с целью выявления новых связей и штемпелей. Другим путем решения этой загадки может явиться выявление неизвестных на сегодня письменных источников, которые прольют свет на исторические события этой эпохи.

Список источников и литературы

1. Гаев А. Г. Монеты золотоордынского хана Махмуда (1445–1461) // Тезисы 7 ВНК. М. 1–99. С. 70–73.
2. Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск IV. Нижний Новгород, 2002. С. 9–55.
3. Гончаров Е. Ю., Тростьянский О. В. Хан Махмуд, Булгар, 812–813 г.х. // Нумизматика. Март 2004. М. С. 39–42.
4. Джанов А. В. Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Вип. 1 (VII). Київ : Горобець, 2018. С. 44–303.
5. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л. 1974. 728 с.
6. Карпов С. П. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 122–138.
7. Леонов Б. И., Зайончковский Ю. В. О дате начала правления золотоордынского хана Тимура б. Тимур-Кутлуга по нумизматическим данным // Нумизматические чтения ГИМ 2016 года. М., 2016. С. 72–77.
8. Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение № 2. Казань, 2013. С. 158–190.
9. Рева Р. Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы 17 ВНК. М., 2013. С. 56–58.
10. Рева Р. Ю. Поштемпельный анализ болгарских монет Шадибека : (Новый взгляд) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) : сб. науч. ст., посвящ. 60-летию П. Н. Петрова. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 509–539.
11. Рева Р. Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ : Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им.

М. А. Усманова : Оксфордский университет, 2016. С. 704–729.

12. Рева Р. Ю. Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. науч. конф., г. Курган, 21–22 апреля 2017 г. Курган. С. 25–36.

13. Утемиш-хаджи. Кара Таварих. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ : Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова, 2017. 312 с.

14. Fraehni Ch. M. Recensio numorum muhammedonorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae. Petropoli, 1826. 655 p.

**«КАРА ТАВАРИХ» УТЕМИША-ХАДЖИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ
ШИБАНИДОВ**

А. В. Парунин

Россия, Челябинск, фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал»

В 2017 г. на русском языке опубликована полная рукопись сочинения Утемиша-хаджи «Кара таварих», добавившая в современную историографию множество оригинальных сюжетов из золотоордынской истории. В данной статье акцентировано внимание на персоналиях из династии Шибанидов, поскольку хивинский историк приводит немало важных и оригинальных моментов из их истории. Проследить эти моменты, установить взаимосвязи между ними, отметить основные закономерности и противоречия, а также провести сравнительный анализ с другими письменными источниками этого круга – основная задача данного исследования.

Ключевые слова: Утемиш-хаджи, «Кара таварих», Шибаниды, мангыты, Абу-л-Хайр, Ваккас, Ядгар, Муса, Тура.

In 2017, the full manuscript of the work of Utemis-haji «Kara tavarikh» was published in Russian, adding to the modern historiography a number of original stories from the Golden Horde story. This article focuses on personalities from the Shibaniid dynasty, since the Khiva historian cites many important and original moments from their history. To trace these moments, to establish interrelations between them, to note the main laws and contradictions, and also to conduct a comparative analysis with other written sources of this circle is the main task of this study.

Keywords: Utemis-haji, «Kara tavarikh», Shibaniids, mangytes, Abu-l-Khair, Wakkas, Yadgar, Musa, Tura.

«Кара таварих» – полная стамбульская рукопись сочинения Утемиша-хаджи, использовавшаяся рядом исследователей на протяжении XX в., лишь в 2017 г. была полностью переведена на русский язык (Утемиш-Хаджи, 2017). В 2014 г. отдельным блоком издано сочинение «Продолжателя» Утемиша-хаджи, посвященное потомкам Шибанида Бекконди б. Минг-Тимур-хан б. Бадагул б. Джочи-Бука б. Бахадур б. Шибан [16, с. 64–66]. Исследование как самой рукописи, так и текста анонимного продолжателя, являвшегося также и переписчиком «Кара таварих», нашло отражение в ряде трудов исследователей [4, с. 370–392; 13, с. 117–134; 17, с. 58–72].

Автору данной статьи уже приходилось затрагивать историю династии Шибанидов в более кратком сочинении Утемиша-хаджи, носящем название «Чингиз-наме», опубликованном в 1992 г. [20, с. 3–9]. Золотая Орда здесь показана политизированно, с определенным идеологическим уклоном в сторону идеализации ее правителей. Причем Шибаниды не выглядели положительными персонажами (за исключением самого Шибана); за поддержку притязаний на ханский престол со стороны «черного человека» Ток-Буги они были переданы в подчинение беку Исатаю из клана кыйат [20, с. 6]. Публикация более полной рукописи позволила рассмотреть династию в более широком ключе; на некоторые аспекты истории династии акцентируется внимание в данной статье.

«Кара таварих» также можно отнести к сочинениям, содержащим генеалогию династии. Наиболее законченные версии присутствуют у Рашид-ад-Дина [21, с. 74–75], в анонимных сочинениях «Муизз ал-ансаб» (20-е гг. XV в.) [7, с. 42–43] и «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (1504–1510 гг.) [14, с. 34–38], «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали (1634–1640 гг.) [14, с. 348–351], а также в сочинении Абулгази (60-е гг. XVII в.) [1, с. 160–162]. Но приводимый Утемишем список династов далеко не полон и изби-

рателен: в нем упомянуты лица, относящиеся преимущественно к XV в. [25, с. 60–62]. Куда подробнее в этом отношении продолжатель Утемиша (чьи дополнения опубликованы в конце сочинения [25, с. 82–85]). Согласно мнению И. М. Миргалеева, трудно установить, с какого именно момента начинается приписка переписчика [17, с. 67], но нетрудно догадаться, что включенный «раздел о роде Бек Конды» является более поздним, т. к. в нем с самого начала упоминается внук Ибак-хана Кучум, правивший во второй половине XVI в., в то время как сочинение окончено в 959 г.х. (1551–1552 гг. [17, с. 67]). Хотя и не исключен вариант переработки уже имевшегося текста с добавлением информации, полученной в более позднее время.

К наиболее хронологически ранним упоминавшимся династам следует отнести Минг-Тимура (Мелик-Тимура у Утемиша-хаджи. – *А. II*). Последний в «Кара таварих» имел шестерых сыновей: «старший сын – Кулад, младше него был Джанта, младше него были Джанта и Токуд» [25, с. 62]. Вероятно, здесь имеет место неточность, поскольку у Минг-Тимура не было сыновей со схожими именами. Отметим, что вместо заявленных шести сыновей автор упоминает по сути трех: если Кулад – это Пулад, упомянутый в других источниках, то «Токуд», вероятно, Тунка. По версии Утемиша Токуд и Джанта не имели потомков; с биографией последнего солидарно и «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», однако здесь Тунка имел сына Даулата [14, с. 36].

Далее Утемиш пишет, что у «Кулада было два сына: Абул-хаир хан... и Ядыгер хан» [25, с. 62], что противоречит другим генеалогиям. В ряде схожих источников, Абу-л-Хайр является правнуком Пулада, так же как и Ядгар-хан [1, с. 161; 14, с. 35, 348–349].

Сложности возникают и с отцом Минг-Тимура, который фигурирует как «Кахил». При этом уже в следующем предложении он назван «Батавул-огланом» [25, с. 62]. Можно предположить, что такое именование царевича связано с существовавшей в Средней Азии традицией почетных имен. О подобной практике сообщает «Тарих-и кипчаки»: «Хан-и Бузург (т. е. Абу-л-Хайр-хан. – *А. II*)

нарек [его] именем Мухаммад-Шайбани и дал прозвище Шахбахт. В году пятьдесят восьмом родился еще один сын. Хан-и Бузург нарек [его] Махмудом [и] дал прозвище Бахадур» [14, с. 393]. Нечто подобное встречается и у Утемиша-хаджи, у которого Мухаммед Шейбани назван «Шахибек-ханом» [25, с. 60].

Представляет интерес упоминание среди царевичей Хызра, который «был ханом вилайата Тура». В сочинении он зовется сыном «Айба оглана», но чуть ниже Утемиш приводит генеалогию его сына Бахтияра: «Бахтияр султан ибн Хызр хан ибн Иса пал шахидом в битве Калмук» [25, с. 60–61]. В других генеалогиях Хызр также упоминается с ханским титулом, но является первым сыном Ибрахима и внуком Пулада [14, с. 35]. Также Хызр упоминается в «Михман-наме-и Бухара» Рузбихана, составленном практически в одно время с «Таварих». Здесь он выступает в качестве сына Пулад-султана и является братом Ибрахиму [26, с. 61]. Рузбихан еще раз вспоминает о Хызр-хане, касаясь «великих ханов-шибанитов, которые правили»: «В минувшие времена большая часть значительных ханов бывала из рода Шибана, и в недавние времена наиболее значительным из ханов обоих улусов был Хизр-хан, дед Хамзы-султана и брат Шайх Даулат-султана, который является отцом благочестивого, покойного великого хана Абу-л-Хайр-хана» [26, с. 61].

Согласно Утемишу, Хызр правил в вилайате Тура. Предположительно ею является Чимги-Тура (Тюмень русских летописей. – *А. П.*), в которой проходил обряд интронизации молодой хан Абу-л-Хайр [14, с. 144–145]. О городе Туре, но уже во время правления Кучум-хана сообщает османский хронист Сейфи Челеби [5, с. 177]. К сожалению, правление Хызра трудно привязать к какой-либо дате: Утемиш-хаджи крайне запутанно сообщает дальнейшую информацию о хане: «Бахтияр султан был его сыном. Хамза султан и Мехди султан, потом Хаджи Мухаммад хан, Гали оглан ибн Мелик Тимур, он стал ханом. Был еще среди них Хызр-хан. Основания говорить об их ханствах не было» [25, с. 60]. Здесь не совсем ясно, имеется ли в виду правление Хызра до Хаджи-Мухаммеда, либо же речь идет об еще одном Хызре?

Если они не были ханами, то почему нет оснований говорить об их правлении? Столь сумбурное и лаконичное повествование наводит на мысль, что автор либо не отредактировал получаемую от рассказчика информацию, либо сам рассказ не был представлен цельным сюжетом, а отдельными и не всегда связанными отрывками.

Сразу же после этого пассажа Утемиш переходит к изложению генеалогии Хаджи-Мухаммед-хана, а уже после него «ханом стал Махмутек Хаджи ибн Канбай ибн Илбек ибн Мелик Тимур. Он был достойным ханом. Он сразился с вилайатом Тура, туменом Кунград и еще туменом Салджиута, обратил их в бегство и покорил себе. Из его рода в этой ветви был Дуст султан, его также называют Атгучы Тубай султан» [25, с. 60]. Сразу бросается в глаза упоминание о войне чингизида с местными оппозиционными ханами. С одной стороны, это событие наверняка связано с отсутствием сильной ханской власти на северной периферии Золотой Орды, а с другой – с особенностями самого сочинения. Помимо лиц ханского достоинства, двигателями истории выступают многочисленные приближенные хана, особенно со времени усиления Идегея. Эта тенденция ярко проявилась и во времена противостояния мангытов и токтамьшевичей, и в 20-е гг. XV в. [25, с. 62–76]. Так, междоусобицы 1420-х гг. были сведены хронистом в противостояние мангыта Мансура и Тегене из крымского клана ширин.

Упоминание Дуст-султана примечательно тем, что Утемиш-Хаджи ссылается на некие «хроники Дуст-султана», которыми он пользовался [3, с. 166; 24, с. 98; 25, с. 53]. Царевич является старшим сыном Бучаги-хана; вторым был Иш-султан, инициатор создания сочинения о чингизидах, автором которого в итоге выступил Утемиш-хаджи [1, с. 187; 24, с. 90–91]. Их родословная такова: Дуст-султан – Бучага-хан – Аменк-хан – Берке-султан – Ядгар-хан – Тимур-шейх – Хаджи-Тули – Арабшах – Пулад [1, с. 162–187]. Генеалогия же вышеупомянутого Махмуда-Ходжи идет от второго сына Минг-Тимура, в то время как Пулад является третьим [14, с. 34]. В «Бахр ал-асрар» Эль-бек

назван Ибаком, первым сыном Минг-Тимура [14, с. 348]. Согласно тем же генеалогиям, Махмуд-Ходжа имел сына Сузандж-султана и на этом его ветвь обрывается [14, с. 35]. В любом случае Утемиш-хаджи неверно изображает генеалогическое древо современного ему Дуст-султана, что, по меньшей мере, странно, учитывая тот факт, что именно ему поручено составление труда о чингизидах, а об использовании неких «хроник» этого царевича он сам неоднократно вспоминает. Махмуда-Ходжу можно приписать к так называемой сибирской ветви Шибанидов, на что косвенно указывает Абулгази, обозначая их правление в «Туране» [1, с. 156], в то время как потомки Пулада правили в Мавераннахре и Хорезме [1, с. 160–161].

Возможно, мнимая связь с потомком Ядгар-хана стала причиной столь подробного рассказа о Махмуде-Ходжи. Чуть ниже Утемиш сообщает, что «Туглы Шейх пригласил вышеупомянутого Махмут Хаджи», после чего ханом стал Абу-л-Хайр [25, с. 60]. Об этом династе автор сообщает чуть ниже, оговариваясь, что он стал ханом, но в тот период, «когда Всевышний вручил Едику беку правление вилайатом Дешт в полномочии улугбека» [25, с. 60]. Приведенная Утемишем генеалогия «Туглы Шейха» указывает на уже упомянутого чуть выше Тимур-шайха, отца Ядгар-хана, который умер практически в одно время с Абу-л-Хайром (конец 60-х гг. XV в.) [1, с. 168; 14, с. 35]. Такая интерпретация противоречит отнесению событий правления к жизнедеятельности Идегея. Согласно ал-Айни, возвышение мангытского темника произошло в 1396–1397 гг. [6, с. 374]. В этот период времени известен Даулат-Шайх, отец Абу-л-Хайра [14, с. 35]. В пользу данной версии говорит и некое вышеупомянутое приглашение Даулат-Шайхом Махмуда-Ходжи. Возможно, упоминание о начале правления отца Абу-л-Хайра и усилении Идегея неслучайно, но о каких-либо выводах говорить рано, особенно учитывая краткость и непоследовательность изложения биографий Шибанидов.

Наиболее подробен Утемиш относительно биографии Абу-л-Хайра. Он упоминает всего одного сына хана – Шах-Будага, который, согласно «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», являлся

старшим [14, с. 35], а также «Шахибек-хана» (т. е. Мухаммеда Шейбани. – *А. П.*) и Махмуд-султана, сын которого «умный, справедливый Убейдуллах Бахадир хан» [25, с. 60]. Такое родословное древо, несмотря на его краткость, подтверждается другими источниками [1, с. 161; 14, с. 35].

Примечательно перечисление достижений Абу-л-Хайрхана. Утемиш сообщает, что хан три раза покорял «Тахт вилайат», прочитав хутбу в Орда-Базаре [25, с. 60]. В полной рукописи «Таврих-и гузида-йи Нусрат-наме» также имеется упоминание о помощи хану со стороны внука Идегея Ваккаса (о котором речь пойдет ниже. – *А. П.*), ставшего «причиной [того, что] хан дважды овладевал тронем Саина» [18, с. 234]. По мнению В. В. Трепавлова, понятие «тахт» связано с обозначением Большой Орды в дипломатической переписке XV – начала XVI в. [23, с. 243–244, прим. 14–15]. К примеру, правителем «Тахт мемлекети» (т. е. «Столичной области». – *А. П.*) назван сын Ахмада Шейх-Ахмед [9, с. 50]. Вероятно, здесь же стоит упомянуть и сообщение «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» о войне хана против Махмуда и Ахмада [14, с. 153–156]. Датировка в тексте отсутствует, но в связи с участием в походах Ваккаса, эти события стоит отнести не позже 1447 г. [10, с. 84–85]. В. В. Трепавлов, основываясь на сообщении Матвея Меховского, датирует смерть Ваккаса приблизительно 1447 г. [13, с. 92–93; 22, с. 100].

Смерть Ваккаса нашла отражение и в сочинении Утемиша-хаджи: «Абулхаир хан вручил султанат вышеупомянутому Ядыгеру. Через два-три года сыновья Мансур ибн Едику – Тимур бек и Тен Суфии бек убили Ваккас ибн Нуретдина» ([25, с. 61–62]. Об интронизации Ядгар-хана сообщает более позднее сочинение «Фирдаус ал-икбал»: «Йадгар-хан в году восемьсот шестьдесят втором (19 ноября 1457 – 10 октября 1458 г. – *А. П.*) стараниями Буреке-султана и Муса-бия стал падишахом над большей частью узбеков и долго время счастливо правил...» [14, с. 436]. Если связать сообщения этих двух источников, то год смерти Ваккаса смещается к 1460–1461 гг. Этому не противоречит и сообщение

Меховского, согласно которому «Оккас был убит, сыновья его отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно лет за 70 или *немного меньше* (выделено мной. – А. П.) до нынешнего 1517 года» [13, с. 92–93]. Безусловно, такая гипотеза имеет право на существование, несмотря на то, что в сочинениях разные исторические персонажи стали причиной ханствования Ядгара.

Вероятно, дополнением здесь может служить упоминание о Бахтияр-султানে, сыне Хызр-хана, который «в этот период... пал шахидом в битве Калмук» [25, с. 61]. Этот факт определенно можно связать с упоминавшимся у Масуда Кухистани эпизодом о войне Абу-л-Хайра с калмыками [14, с. 168–171], где среди военачальников числится Бахтияр, принявший во время битвы «мученическую смерть за веру» [14, с. 169]. Б. А. Ахмедов датировал войну с калмыками 1457 г. [2, с. 65–67], но сам исследователь эту дату никак не объясняет, за исключением упоминания о пребывании в качества аманата в течение семи лет у главы калмыков Уз-Тимур-тайши трехлетнего внука Абу-л-Хайра Махмуд-султана. Датировка события прочно вошла в работы других исследователей [10, с. 85; 12, с. 180; 19, с. 123]. В целом, в отрывке все произошедшие события выглядят вполне логично. Сначала в ходе сражения с калмыками погибает часть военной элиты Абу-л-Хайра, включая Бахтияра; затем, по итогам мирного договора с калмыками пошатнувшееся политическое положение хана заставляет его пересмотреть отношения с родственниками. В любом случае передача «султаната» Ядгару – это результат неких изменений внутренней политики. Затем, 2-3 года спустя, мангытская междоусобица приводит к гибели Ваккаса. Отметим, что столь точная хронологическая привязка у Утемиша единственная.

Так или иначе, желая отомстить, сыновья Ваккаса Муса и Ямгурчи обращаются за помощью к Абу-л-Хайру, но получают отказ. В последующем они обратились к сыну Ядгара Буреке, образовав союз с ним и его сыном [25, с. 62]. О союзе Мусы и Буреке и их совместном выступлении против Куджаша-мирзы сообщает Абулгази [1, с. 168], не упоминая об интронизации Яд-

гара. Впрочем, цитированные выше подобности приводит «Фирдаус ал-икбал», полностью подтверждая версию Утемиша-хаджи. О воцарении Ядгара сообщает также «Фатх-наме», но уже после смерти Абу-л-Хайра; по всей видимости, правление его продлилось очень недолго, после чего ханом стал сын Абу-л-Хайра Шайх-Хайдар [14, с. 53–56].

Отметим, что такая точка зрения отсутствует в ряде шибанидских сочинений, таких как «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», «Шейбани-наме» и «Бахр ал-асрар», а также «Гарих-и Кипчаки» [14, с. 19, 97, 361–362, 393]. Здесь сообщается о наследовании трона пятым сыном Абу-л-Хайра Шайх-Хайдаром, причем Ядгар вообще не упоминается. Даже у Абулгази, несмотря на подробный рассказ о потомках Ядгара, сам он, хоть и приводится в ханском статусе, не предстает перед нами гипотетическим соперником Абу-л-Хайра, умирая чуть ранее его [1, с. 168]. Хотя, очевидно, что после неудачи с последним мангыты делают ставку на другого Шибанида. Утемиш-хаджи вообще не упоминает Шайх-Хайдара, делая наследником трона Ядгара: династическая линия Мухаммеда Шейбани по каким-то причинам его не интересует. Судя по тому, что о притязаниях Ядгара первым из известных нам источников упоминает «Фатх-наме» (начало XVI в.) [14, с. 48], источники сочинения Утемиша зафиксировали сформировавшуюся важную историографическую традицию, которая оказалась за бортом внимания официальной шибанидской историографии.

Вероятнее всего, именно в характере сюжета сочинения кроется его относительная непопулярность именно в среде правителей-Шибанидов. По существу, Утемиш-Хаджи выполнил предписание хана выяснить «положение и обстоятельства огланов, [потомков] Йочи-хана, и кто после кого по порядку становился из них ханом, и вплоть до настоящего времени каким образом и при каких обстоятельствах...» [24, с. 90–91]. Безусловно, основная часть сочинения как «Чингиз-наме», так и «Кара таварих» с этим справилась. Однако небольшая часть, посвященная непосредственно Шибанидам, выглядит путаной и краткой. Осо-

бенно ярко это проявилось при отнесении Дост-султана к ветви Каганбека. Резонно предположить, что Утемишу-хаджи не были знакомы официальные генеалогические сочинения (либо же он ими не воспользовался. – *А. П.*). Не проясняет вопрос с генеалогиями и использование хроник хазрат Дост-султана, на которые так пристально обращают внимание исследователи [8, с. 49; 15, с. 18], предлагая считать нам, что хивинский историк критически перерабатывал сведения источников, а то и вовсе включил их в свое повествование.

Здесь неизбежно встает вопрос о характере источников сочинения Утемиша-хаджи¹. Если остальная часть труда базируется на обширном корпусе свидетельств, многие из которых были почерпнуты из крымско-поволжской историографии (например, свидетельства о фортификациях крепости Кырк-йер, а также рассказы Шейх-Ахмад-хана [25, с. 32–33]. – *А. П.*), то вопрос об источниках информации о династии Шибандов достаточно сложный. Ряд вышеуказанных свидетельств (например, правление Хызр-хана в Туре и деятельность Махмуда-Ходжи. – *А. П.*) являются оригинальными. Но дружественные отношения мангытов Мусы, Ямгурчи и Аббаса с Шибанидами Буреке и Ядгаром являются распространенным сюжетом, зафиксированным Абулгази и «Фирдаус ал-икбал». Сложно сказать, явилось ли сочинение Утемиша первоисточником, либо же эти сведения носят общий характер. Опять же, уникальна информация об участии в интронизации Ядгара Аббаса и Ямгурчи, а также детализации смерти мангыта Ваккаса и междоусобицы среди мангытов. В совокупности с иными свидетельствами можно предположить, что информация получена Утемишем из поволжских источников.

Вышесказанное требует дополнительного примера, но уже на биографии Тука-Тимурида Чекре. Прочитируем полностью: «До того как он вернулся (*Чекре. – А. П.*), Сейид Ахмед уже

¹Более подробно см.: Парунин А. В. Кара таварих Утемиша-хаджи как источник по истории Золотой Орды 1420-х гг. // В печати.

здесь скончался, когда он возвращался, также умер и Чекре хан. Убил Кебек хана. На трон возшел Дервиш оглан, который был беспощадным и безрассудным человеком». Но уже в следующем абзаце: «После смерти Кебек хана его вилайат захватил Чекре хан с Едику» [25, с. 69]. Складывается ощущение, что Утемиш, используя разную информацию, либо не воспринимал ее критически, либо не обрабатывал нужным образом, в результате чего возникали подобные анахронизмы. Подобным же образом выглядит и блок сообщений о Шибанидах: причем если все остальные известия о золотоордынских ханах выглядят более или менее логично, хотя и построены во многих случаях на фантастических основаниях, то в случае с Шибанидами наблюдается противоположная ситуация.

Список источников и литературы

1. Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. 240 с.
2. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М. : Наука, 1965. 181 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Том VIII. М. : Наука, 1973. 724 с.
4. Беляков А. В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 370–392.
5. Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.) : очерки. М. : Рудомино, 2004. 216 с.
6. История Казахстана в арабских источниках : сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I : Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
7. История Казахстана в персидских источниках. Т. III : Му'изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). Алматы : Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
8. Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-Хаджи в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010. С. 44–52.
9. Лемерсье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Ново-

го времени глазами французских исследователей. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 47–56.

10. Маслюженко Д. Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Вып. 4. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 76–88.

11. Маслюженко Д. Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 117–134.

12. Маслюженко Д. Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 177–195

13. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1936. 289 с.

14. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков : (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука, 1969. 655 с.

15. Миргалеев И. М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Вып. 4. Казань : Фолиант : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 14–19.

16. Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 64–66.

17. Миргалеев И. М. «Кара таварих» Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств // Тюркологические исследования. Т. 1. № 2. 2018. С. 58–72.

18. Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник 2009–2010 : Тюркские народы Евразии в древности и Средневековье. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 228–248.

19. Нестеров А. Г. Шибанидское (Шейбанидское) Узбекское ханство – государство кочевых узбеков // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV : Татарские государства XV–XVIII в. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 116–126.

20. Парунин А. В. «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. (с междунар.

участием) науч. конф. (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 3–9.

21. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.

22. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

23. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М. : Квадрига, 2015. 368 с.

24. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата : Гылым, 1992. 296 с.

25. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

26. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михман-наме-йи Бухара : (Записки бухарского гостя). М. : Вост. лит., 1976. 448 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ ВЛАСТИ ТЮМЕНСКИХ И СИБИРСКИХ ШИБАНИДОВ

Д. Н. Маслюженко

Россия, Курган, Курганский государственный университет

В статье рассмотрены возможности применения методов исторической антропологии в изучении власти правящей династии Тюменского и Сибирского ханств. Для этого проанализированы некоторые особенности модели сибирской государственности, специфика определения границ с учетом кочевого менталитета правителей и подданных, элементы презентации власти через символы власти и титулатуру, а также сохранение исторической памяти об этих правителях. Представленными сюжетами не ограничивается антропология власти ханов из династии Шибанидов, но они показывают возможные перспективы и направления дальнейших исследований внутренней истории сибирских государств постордынского времени.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, Шибаниды, антропология власти.

The article considers the possibility of applying methods of historical anthropology in the study of the power of the ruling dynasty of the Tyumen and Siberian khanates. For this purpose, some features of the Siberian statehood model, the specifics of determining the boundaries taking into account the nomadic mentality of the rulers and subjects, elements of the presentation of power through the symbols of power and titlature, as well as the preservation of the historical memory of these rulers are analyzed. The presented plots are not

limited to the anthropology of the power of khans from the Shibanids dynasty, but they show possible prospects and directions for further research of the internal history of the Siberian States of the Postordynian time.

Keywords: Tyumen khanate, Siberian khanate, the Shibanids, anthropology of power.

В последние годы специалисты, изучающие историю государств Шибанидов на территории юга Западной Сибири, все больше стремятся отойти от исследований внешнеполитических концептов к внутренней истории. В условиях постордынской государственности военная и дипломатическая деятельность хана оказывала непосредственное влияние на его положение и отношение с аристократией, и, наоборот, недовольство результатами политики хана за пределами его государства напрямую подрывало саму устойчивость власти.

Несмотря на сложившиеся традиции сибиреведения, основы которого были заложены Г. Ф. Миллером в имперское время и С. В. Бахрушиным в советские годы, с позиции внутренней истории шибанидских ханств изучалась лишь система организации власти и управления. Здесь исследователи прошли долгий путь от констатации только некоторых фактических нюансов до попыток переноса на сибирские реалии теории феодализма и только недавно сформировавшегося понимания, что аналогии нужно искать именно в монгольском и ордынском наследии. При этом оказалось, что многим предложенным в историографии схемам не хватает учета местной специфики, выявление которой крайне затруднено ограниченностью источниковой базы. По сути, на данный момент с определенной долей условности реконструирован аппарат управления (хан и в некоторых случаях его соправитель, беклярибек, карача или совет карачей, диван, уровни военной власти), выявлены различные схемы взаимоотношений центральной и местной власти или хана и аристократии, начата работа по определению состава дворов некоторых Шибанидов.

Представляется, что на современном этапе можно и нужно говорить о первых опытах исследования в рамках политической антропологии и особенно антропологии власти сибирской государственности, т. е. изучения властных отношений в обществе и способов их воспроизводства. Возможно, что именно этнологические подходы помогут по-иному взглянуть на некоторые хорошо известные феномены. Недаром одним из первых в этом направлении начал работать именно Д. М. Исхаков [4, с. 190–196; 5, с. 52–58]. При этом речь идет не только о создании просопографического портрета сибирской аристократии или выявлении конкретного функционала администраторов разного уровня [22, с. 338 и далее], но и других возможных направлениях и сюжетах, связанных именно с антропологией власти.

1. Определенная уникальность модели сибирской государственности заключается в том, что, кроме периода функционирования Узбекского ханства Абу-л-Хайра, представители местной ханской правящей династии происходили только из потомков Шибана по линии Бекконди-оглана. С учетом участия представителя этой ветви (Хаджи-Мухаммада) в борьбе за контроль над узбеками еще в 1420-е гг., можно говорить о сохранении ими власти на юге Западной Сибири на протяжении более 250 лет. Не менее важным было стремление династов опираться именно на ближайших родственников, которые выступали в качестве соправителей или руководителей войска. Это заметно по положению Мамука при хане Ибрахиме, довольно сложной схеме поочередного правления Муртазы и его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума, роли Маметкула в управлении войском при последнем из ханов и в дальнейшем, после его пленения, выдвигении старшего сына Кучума Али. В военных походах ханов Агалака и его племянника Кутлука б. Ибрахима также участвовали их братья и дети [17, с. 99; 18, с. 57].

Усиленное внимание к опоре на родственников являлось частью политических изменений, которые в целом характерны для постордынской государственности. В условиях скудости ресурсов шибанидских ханств на юге Западной Сибири правители становились «заложниками» волеизъявления кочевой аристокра-

тии. Ее усиление особенно заметно в период правления Абу-л-Хайра. Однако и почти сто лет спустя, в 1563 г., внук тюменского хана Ибрахима – Ахмад-Гирей прибыл в Искер править именно по приглашению: «сибирские люди... взяли к себе на Сибирь царевича» [16, с. 370].

В историографии периодически обсуждается вопрос о том, что конкурентами этим династам были представители княжеской семьи Тайбугидов. Однако, во-первых, речь идет только о кратковременном периоде между 1555–1563 гг., во-вторых, попытка провалилась не столько по причине военной активности Шибанидов, сколько в связи с явным неприятием данной идеи представителями иных аристократических семей (см. выше о приглашении Ахмад-Гирея) [9, с. 457–468]. В-третьих, возникает вопрос о самой возможности реального правления таких князей внутри чингизидского мира, где исключения из этого правила, несомненно, были в лице потомков мангытского бия Едигея и барлаского эмира Тимура, но даже они часто опирались на «марионеточных ханов» и обладали значительными военными ресурсами для поддержания своего авторитета. В этом отношении буркуты Тайбугиды больше походили на клан беклярибеков, который конкурировал на этой основе с мангытами Едигеевичами. При этом имеющиеся, хотя и довольно скудные источники, не дают оснований для рассматриваемых шибанидских ханств выделить совет карачи-беков именно из представителей четырех кланов, как это характерно для Крымского или Касимовского ханств. С учетом усиления кочевой аристократии и необходимости баланса между их интересами в подобные советы могли включаться представители гораздо большего числа кланов.

Одним из способов укрепления связей ханов и аристократии была брачная политика, которая позволяла опереться на ведущие кланы и племена Тюменского и Сибирского ханств [10, с. 103–109; 22, с. 178, 368–373].

2. В рамках этой тематики чрезвычайно важными являются опыты по выявлению границ сибирских государств, предпринятые омскими археологами А. В. Матвеевым и С. Ф. Тагауровым.

Несмотря на довольно четкую локализацию многих укрепленных пунктов, в том числе фронтирных крепостей, представляется, что мы не всегда можем определить их реальный функционал. Если отдельные городища были центрами крупных беков и мурз, руководивших кланами, в той или иной степени лояльных Шибанидам, то в других случаях это были именно центры ханских владений или власти. Причем имеются в виду не только претендующие, наравне с кочевой ставкой, на столичный статус Чимги-Тура и Искер, но и пограничные крепости, которые были не столько способом охраны территории, сколько элементами установления и сохранения власти над местным населением при участии соответствующих ханских администраторов и их военных отрядов. Указанные выше авторы считают, что строительство крепостей в Барабе и Томском Приобье было связано с опасностью от калмыков [14, с. 132]. Однако серьезную опасность на юге Западной Сибири калмыки стали представлять только в 1590-е гг. [3, с. 75]. В предшествующие десятилетия они появлялись даже на Иртыше крайне эпизодически, при этом необходимо более внимательно рассмотреть вопрос об особенностях отношений Кучума с калмыкскими тайшами в различные годы. Так, во второй половине 1590-х гг. представители калмыков упоминаются в окружении Кучума в условиях подготовки его набегов на русские крепости [19, л. 22, 40].

Очевидно, что в постордынском мире, как и вообще в традициях средневековой государственности, крайне проблематично пытаться выявить границы в их традиционном территориально-правовом понимании. Скорее, необходимо искать границы власти, т. е. признания главы государства определенными группами населения, которое выражалось, в том числе, в выплате в его пользу каких-либо налогов (в сибирских реалиях чаще всего мехами и «кровью»). Опора на различные группы населения была абсолютно принципиальным фактором удержания власти, поскольку для лидеров постордынского, как и кочевого мира в целом, главное значение имела власть над людьми и только затем над связанными с ними территориями. Именно лояльность

населения, особенно представителей элиты, и делала ту или иную территорию частью ханств Шибанидов. В этом отношении чрезвычайно показателен пример правнука Кучума – Кучука, который был провозглашен ханом в 1668 г. окружавшими его татарами, башкирами и калмыками [21, с. 119]. Интересно то, что он был не только последним ханом из сибирских Шибанидов, но и титуловал себя «Кучук Баатырь царь», т. е. аналогично своему прадеду [20, с. 63]. Годом ранее владения Кучука в Притоболье были зафиксированы на чертеже Сибири воеводы П. И. Годунова. Этот небольшой пример показывает связь между группами населения, ханской властью и территориями. Без первого элемента два остальных в кочевом обществе становятся лишёнными смысла. Пример Кучука иллюстрирует поразительную устойчивость некоторых политических механизмов, что может косвенно свидетельствовать о наличии при его дворе представителей клановой аристократии или представителей ислама. Именно они могли составить «Кучюка царевича лист, писан татарским письмом», задержанный в Тобольске [21, с. 214], при этом учтя принятые нормы составления подобного внешнеполитического документа.

Еще одним аспектом вопроса границ является то, что значительная часть выявленных исследователями городищ приходится на северные и восточные территории Сибирского ханства, присоединенные именно в период правления братьев Ахмад-Гирея и Кучума. В этом отношении развитие шибанидской государственности – это процесс постепенного распространения власти ее ханов к северу и востоку от изначальных тюменских или туранских владений. В середине 1490-х гг. это произошло за счет присоединения к Тюмени Сибирской земли, что позднее было описано в Сибирских летописях как перемещение Тайбугидов из Чимги-туры после убийства ими хана Ибрахима не позднее 1495 г. Затем в 1563 г. Сибирь была поставлена под прямой ханский контроль в результате конфликта с Тайбугидами, завершившегося после смерти князя Едигера приглашением Ахмад-Гирея. Лишь после формирования Сибирского ханства, состоявшего из двух земель (вилайетов) – Тюменской и Сибирской, начинается про-

движение ханской власти и связанного с ним населения на новые территории к северу и востоку от Искера. Кстати, хорошо изученный процесс исламизации, который мог быть фактором формирования государственной идеологии, также затронул только вновь присоединенные территории, на которые власть Шибанидов ранее не распространялась.

При этом в южных и западных регионах Тюменской земли необходимости в крепостях просто не существовало, поскольку здесь располагались кочевья тех племен, которые были традиционно связаны с Шибанидами. Следовательно, необходимости строительства здесь укрепленных центров, как части стратегии подчинения власти, не было. При этом обратим внимание на то, что и известные укрепления Искера могли быть отчасти избыточными, особенно если мы будем смотреть на этот город не просто как на столицу (при спорности применения этого понятия к Искеру), а как на центр презентации власти, призванный показать величие ханов и их представителей, в том числе во время сбора ясака с хантыйских и мансийских данников и союзников [8, с. 139–144; 13, с. 135–150]. Отчасти отсутствие крепостей на юге и западе ханства, например в Среднем Притоболье, может быть связано и с наличием здесь «заповедных» пушных угодий, на территории которых охотились представители абсолютно разных тюрко-татарских племен, а также некоторое время размещались ханские кочевья [12, с. 66–68].

3. Для презентации ханской власти значимым было наличие определенных символов ханской власти. Обладание ими было неотъемлемо от собственно владения самими властными полномочиями. Письменные источники позволяют говорить о наличии у первого тюменского хана Абу-л-Хайра трона, царской юрты и халата, которые выступали символами его власти. Последние два предмета явно связаны с общемонгольскими или ордынскими традициями власти, характерными для многих степных регионов. В отличие от них, трон в Чимги-туре выступал относительно новым атрибутом местных правителей, который впервые, видимо, был использован Абу-л-Хайром. По этой причине особое значе-

ние для тюменских династов имел трон правителей Улуса Джучи, который в источниках именуется как «престол (трон, стул) Саин-хана», т. е. Бату. По всей видимости, речь идет о легком переносном сидении, который действительно мог быть связан с ордынскими правителями. Его в разное время захватывали вместе с кочевой ставкой (Орда-Базар) Большой Орды Ахмада ханы Абул-Хайр и Ибрахим. Владение этим предметом играло значительную роль в политических играх и претензиях Шибанидов XV в. Для Сибирского ханства периода правления ханов Муртазы и его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума авторы в качестве таких предметов выявляют государственные печати различной формы, в том числе возможно так называемые *байсы*, и так называемую *Сибирскую корону* (боевой шлем хана Кучума восточного производства). Возможно, в придворных ритуалах использовался барабан. Кроме того, существовала тамга ханского рода, которая могла использоваться как аналог печатей, особенно при Кучумовичах [6, с. 360–368]. Очевидно, что, как показала недавняя работа А. В. Белякова, этими предметами перечень символов не исчерпывался. Например, он предлагает в этот список включить фляги (сулеи или амагилы) [22, с. 210–211]. При этом таким предметам, как «шлем Кучума», статус символа власти мог быть придан именно русскими администраторами, заинтересованными в визуализации власти над присоединенными землями Сибирского ханства.

Важным было то, что эти предметы хан не только использовал как личную атрибутику, но и мог раздавать, подчеркивая заслуги, статус и положение того или иного аристократа. Ханским подаркам явно придавали значение не только в XV в. при Абу-л-Хайре, но и в дальнейшем. Например, тобольский письменный голова И. Н. Ржевский в 1599 г. отнял у тобольских юртовских служилых татар лук, саблю, ковер и подушку Кучума, что было особо отмечено в переписке [22, с. 212].

Не менее интересным аспектом презентации ханской власти было использование соответствующей титулатуры. Сложность в ее изучении заключается в том, что она дошла до нас не в ори-

гинальных документах, а в литературных текстах Центральной Азии или переводах различных документов, сделанных в Москве. Это, кстати, значительно затрудняет выделение территориального компонента титула, который играл большую роль в антропологии власти оседлых правителей. Этот компонент чаще всего ограничивается указанием на «Шибанский», «Ногайский», реже «Тюменский» или только в XVI в. «Сибирский». Титул правителя чаще всего звучал как «хан» («царь» в русском переводе), однако иногда к нему добавлялось «султан» или «батырь-богатырь». На данный момент можно говорить о том, что первый апеллировал именно к степной традиции Чингизидов, второй, возможно, отсылал к мусульманской традиции, а вот происхождение третьего не совсем понятно, хотя он и использовался у Кучума и его правника Кучука. Во второй половине XVI в. этот элемент встречается и у союзника Кучума бухарского хана Абдаллаха II, что может говорить о некоей общей центральноазиатской или узбекской политической идее, которая требовала подчеркивать воинский статус хана [11, с. 97–103].

4. В 2014 г. Е. В. Вершинин в своей рецензии на книгу В. В. Тrepавлова «Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш» критически отнесся к легитимности прав Кучума и его потомков на Сибирское царство, о «чем якобы хорошо знало тюркское (и не только) население Западной Сибири». Он подчеркнул, что «историческая память местных народов... не сохранила даже имен его детей и внуков, что также свидетельствует о степени “популярности” царевичей...» [2, с. 187]. Приведенный им пример с исторической памятью действительно любопытен. Отчасти проблема могла быть в том, что непосредственные предшественники Кучума, например его дед Ибрахим, правили именно Тюменским ханством, формальная граница которого, видимо, не уходила восточнее и севернее Тавды. При этом тюменские правители большее внимание уделяли степной политике, в том числе борьбе за многочисленные узбекские племена, а присоединение к этому ханству Сибирской земли произошло уже в период его кризиса во второй половине

1490-х гг. По сути, занявшие искерский престол после 1563 г. Ахмад-Гирей и Кучум были первыми представителями династии, которые стали непосредственно управлять этой территорией, при этом значительно и быстро ее расширив. Понятно, что новые группы подданных в результате этого процесса стали частью Сибирского ханства на крайне непродолжительный период времени, поскольку уже потомки Кучума вновь отступают к югу к границам степной зоны, а ждать от недавно присоединенных народов верности и лояльности в этих условиях просто не приходилось. Именно по этой причине и в окружении Кучумовичей мы видим племена самого юга Западной Сибири, которые имели давние и традиционные связи с династиями [7, с. 5–10].

Исходя из этого, выявлять элементы сохранившейся памяти о тюменских и сибирских ханах и их власти необходимо там, где она имела длительные корни и длительные сложившиеся связи с местными племенами или отдельными социальными группами, что характерно именно для степных и лесостепных территорий Тюменского ханства. Отчасти это подтверждается упоминаниями тюменского хана Ибрахима и сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума в шежере башкирских племен, которые на самом деле включают в себя большой конгломерат тюрко-татарских кланов, а также в спорах за землю башкир еще при Петре I [15, с. 259, 265]. В этом отношении потенциально интересным может быть и сравнение описания Тура-хана и его ставки на горе Тура, которые упоминаются в шежере некоторых башкирских племен, с весьма схожими указаниями на ставку хана Кучума, рассмотренными В. В. Трепавловым [22, с. 153], особенно с учетом реальной политической традиции контроля тюменских и сибирских Шибанидов в Приуралье. Упоминаются эти же сибирские ханы и в хорошо известных сибирско-татарских рукописях, содержащих шежере сибирских суфиев. Еще в 1916 г. С. В. Бахрушин отмечал, что «туземные легенды» имеются и в «Сибирской истории» С. У. Ремезова, который мог опираться на «летописца татарского», о котором писал еще С. Есипов, так и на устные рассказы [1, с. 3, 10]. Основными информаторами у них были тюменские и тобольские

служилые татары, а также представители мусульманского духовенства, в частности из семей сибирских суфиев. Интересно то, что, судя по упоминаниям в летописях, эти информаторы также знали лишь «Упака» (традиционно рассматриваемого как Ибрахима) и Кучума с несколькими его родственниками. Представленными здесь сюжетами возможности выявления феноменов устной памяти о Шибанидах не ограничиваются, особенно если учесть богатство материалов Г. Ф. Миллера, но ставят при этом вопрос о том, почему сохранились лишь воспоминания об указанных выше правителях. Возможно, ответ на этот вопрос кроется в значительной смене населения, произошедшей в начале XVI в. в результате ухода многих местных узбекских племен в Среднюю Азию под влиянием ухудшения климата и кризиса Тюменского ханства.

Таким образом, изучение антропологии власти тюменских и сибирских ханов из династии Шибанидов способно раскрыть некоторые вопросы в истории западносибирской государственности. При этом рассмотренные сюжеты лишь показывают возможные перспективы и направления дальнейших исследований истории постордынского времени в Юго-Западной Сибири.

Список источников и литературы

1. Бахрушин С. В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, изданные Историческим обществом при Императорском Московском университете. № 3–4. М., 1916. С. 3–28.
2. Вершинин Е. В. Рецензия на: В. В. Трепавлов. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш // Российская история. 2014. № 3. С. 184–187.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М. : Наука, Главное издательство восточной литературы, 1983. 334 с.
4. Исхаков Д. М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. Вып. 1. Казань : Яз, 2011. С. 190–196.
5. Исхаков Д. М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических

основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Междунар. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 52–58.

6. Маслюженко Д. Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 360–368.

7. Маслюженко Д. Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 5–10.

8. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2014. С. 139–144.

9. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Шибаниды и Тайбугиды в 1563 г.: значение в истории и историографии Сибирского ханства // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии : материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М. : Медина, 2017. С. 457–468.

10. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 103–109.

11. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Титул «султан» и его использование в отношении правителей Тюменского и Сибирского ханств // «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании) : материалы Всерос. науч. конф. Воронеж, 15–16 сентября 2017 г. Воронеж, 2017. С. 97–103.

12. Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.

13. Маслюженко Д. Н., Татауров С. Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 135–150.

14. Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань : Фэн, 2012. 260 с.

15. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 : Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 632 с.

16. Полное собрание русских летописей. Т. 13 : Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб. : Типография Н. Ю.Скороходова, 1906. 234 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 37 : Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л. : Наука, 1982. 235 с.
18. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста, ввводн. ст., ред. В. И. Буганова. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1966. 614 с.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 22, 40.
20. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1819. 643 с.
21. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
22. Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИБИРСКИХ ТАТАР С КАЗАХАМИ В КОНЦЕ XVI В.*

Ю. С. Худяков^{1,2}, А. Ю. Борисенко²

*¹Россия, Новосибирск, Институт археологии
и этнографии СО РАН,*

*²Россия, Новосибирск, Новосибирский государственный
университет*

В статье анализируются исторические события, относящиеся к концу XVI в., когда представители одной из групп сибирской татарской знати, возглавляемые князем Сейдяком из аристократического рода Тайбугидов, при поддержке одного из казахских султанов Ураз-Мухаммеда, попытались вступить в контакты с российским администратором Д. Чулковым в Тобольском остроге. Вероятно, они рассчитывали на поддержку российских властей в борьбе за власть в Сибирском татарском ханстве. Однако, в результате недоверия со стороны российских властей, они были арестованы и отправлены в Москву. Попытка Сейдяка опереться на казахов в борьбе за власть в Сибирском татарском ханстве не удалась. Все сторонники восстановления татарской государственности на территории Западной Сибири были вынуждены объединиться вокруг хана Кучума из правящего аристократического рода Шейбанидов.

Ключевые слова: сибирская татарская знать, казахский султан, российская администрация, Сибирь.

© Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., 2019

* Работа выполнена по проекту, заявленному в РФФИ «Исторический опыт взаимодействия русского, сибирского татарского и казахского населения в южных районах Западной Сибири в конце XVI – XVII веках».

It is analyzed in an article the historical events, that are related to the end of 16th century, when members of the one of Siberian Tatars' nobility group, headed by prince Seidyak from aristocratic family of Taibugids, with assistance from one of the Kazakh sultans - Uraz Muhammad, tried to make contact with the Russian administrator Danila Chulkov in Tobolsk. However, as a result of mistrust from the Russian authorities they were arrested and dispatched to Moscow. Attempt of Seid Akhmat to rely upon the Kazakh in his struggle for power in the Tatar Khanate of Sibir has failed. All proponents of restoration of the Tatar statehood in the territory of Western Siberia had to join forces around Kuchum Khan.

Keywords: Siberian Tatars' nobility, Kazakh sultan, Russian administration, Siberia.

В истории Сибирского татарского ханства имел место исторический эпизод, когда некоторая часть сибирской татарской знати, возглавляемая одним из претендентов на ханский престол из ранее правящего аристократического рода Тайбугидов – Сейдяком (Сеид-Ахмадом), при поддержке со стороны знатного татарского мурзы Карачи и казахского султана Ураз-Мухаммеда заняла столицу государства – городок Кашлык (Искер) и попыталась вступить в переговоры с российскими властями, обосновавшимися в незадолго до этого построенном Тобольском остроге.

После этого поражения сибирских татарских войск в сражении под Чувашским мысом в 1581 г. хан Кучум из рода Шейбанидов, потомков одного из сыновей Чингиз-хана, отправился в столичный городок Искер, «поспешно собрал все свои драгоценности и в следующую же ночь бежал со всеми своими людьми» в степи Западной Сибири. С ним бежали многие знатные татары из соседних татарских городков. В это же время сибирского хана покинули и отряды его вассалов из числа таежных племен «остяков» – хантов и манси. Прибывший вслед за ним в Искер казачий атаман Ермак даже опасался, что оставление ханской столицы могло быть продиктовано какой-то хитростью со стороны сибирских татар, чтобы ослабить его бдительность и затем внезапно

напасть на его отряд. Поэтому Ермак приказал обследовать все окрестности, и лишь после того, как убедился в том, что сторонники хана Кучума действительно оставили столичный городок, он въехал в него, чтобы после этого сделать Искер местом своего будущего местопребывания [2, с. 227].

Хан Кучум со своими ближайшими родственниками, приближенными и верными воинами бежал в степи, откуда продолжил сопротивление пришедшему отряду русских казаков. Поражение и бегство Кучума обострило давние противоречия и борьбу за власть среди правящей элиты Сибирского татарского ханства. Это поражение наглядно продемонстрировало сибирской татарской и угорской родовой знати слабость воинских сил хана Кучума. Некоторые из них предпочли подчиниться атаману Ермаку и перейти на сторону победителей. Обострились противоречия среди татарской знати, сторонников Шейбанидов и Тайбугидов.

Вскоре о своих претензиях на власть в Сибирском ханстве заявил один из представителей правящего в прошлом в этом государстве аристократического рода Тайбугидов, отстраненного в предшествующие десятилетия от власти ханом Кучумом, представителем «Золотого рода» потомков Шейбани-хана и Чингиз-хана. После поражения и последующего бегства хана Кучума Сейдяк из рода Тайбугидов и его сторонники попытались открыто заявить о своих претензиях на верховную власть в Сибирском ханстве [6, с. 235]. На сторону Сейдяка перешли некоторые представители сибирской татарской знати. Его поддержал один из казахских султанов.

Уже вскоре после тяжелого поражения войска хана Кучума в бою, состоявшемся под Чувашским мысом, некоторые знатные татарские мурзы прибыли в Искер, занятый в это время казачьим отрядом атамана Ермака, и привезли ему подарки и запасы продовольствия [2, с. 230]. В это время такие подношения оказались особенно нужны, поскольку казачий отряд не имел необходимых запасов продовольствия, чтобы пережить зиму в условиях враждебного окружения. В дальнейшем еще один из знатных татарских мурз, Сенбахта Тагин, оказал услугу русским казакам.

Он сообщил атаману Ермаку о расположении временного лагеря сибирского татарского военного отряда, в котором находился наиболее авторитетный и талантливый в этот период татарский военачальник, племянник хана Кучума – царевич Махметкул. Это позволило русским казакам внезапно напасть на него и захватить в плен. В дальнейшем русские казаки отправили его в Москву, где он был вынужден согласиться служить московскому царю. Он неоднократно обращался с письмами к своим родственникам в Сибири, предлагая им перейти на службу к российским властям [2, с. 244]. Со временем с российскими властями в Сибири стала сотрудничать значительная группа сибирских служилых татар, известных под названием «йомышлы», которые несли военную службу в составе российских войск, охраняли границы сибирских владений Российского государства, принимали участие в военных действиях против сибирских татар, боровшихся за восстановление Сибирского татарского ханства [4, с. 46]. Неудачи хана Кучума привели к тому, что среди знатных татарских мурз в оппозицию к хану Кучуму перешел один из самых могущественных представителей высшей знати мурза Карача. Он располагал подвластным ему войском, которое находилось в городке Карачин, расположенном в долине р. Тобол. Однако наибольшую опасность для поддержания своей власти в Сибирском татарском ханстве для хана Кучума в этот период, несомненно, представлял татарский князь Сейдяк, который происходил из «сибирского владетельного рода» Тайбугидов, который узнал о поражении сибирского татарского хана и был готов отомстить за убийство своего отца Едигера [2, с. 236].

Оставленную русскими казаками бывшую ханскую столицу Искер первоначально заняли старший сын Кучума и наследник престола Сибирского татарского ханства Алей (Али) со своим отрядом. Однако в дальнейшем он был изгнан из бывшей ханской столицы князем Сейдяком, из правящего в прошлом знатного татарского рода Тайбугидов [5, с. 200]. После занятия Искера Сейдяк стал реальным претендентом на престол Сибирского ханства. В этом стремлении его поддержал знатный татарский мурза Ка-

рача, опиравшийся на войско, составленное из своих подданных. Также Сейдяка поддержал один из казахских султанов Ураз-Мухаммед. Судя по некоторым сведениям, незадолго до того, как он захватил Искер, Сейдяк побывал в Бухаре, где искал поддержки у местных правителей, которые, как и хан Кучум, принадлежали к знатному роду Шейбанидов. По другим сведениям, он «тайно жил среди татар» в Сибири и выдвинулся в борьбе за ханский престол в период ослабления и фактического распада Сибирского татарского ханства после поражения сибирского хана в бою на Чуывшском мысу. До того, как захватить бывшую ханскую столицу Искер, князь Сейдяк принял участие в дележе вещей ранее утонувшего казачьего атамана Ермака. Ему достался кафтан Ермака. В то время как его союзник, мурза Карача, также принял участие в дележе вещей казачьего атамана. Мурзе Караче досталась сабля казачьего атамана [2, с. 259]. Как полагал Г. Ф. Миллер, после бегства хана Кучума многие сибирские татары признали Сейдяка «своим законным государем» и даже стали платить ему «обычную дань» [2, с. 269]. В 1587 г. пришедший из-за Уральских гор российский военный отряд, под руководством «письменного головы» Д. Чулкова, соорудил неподалеку от Искера Тобольский острог. Как отметил Г. Ф. Миллер, этот острог был построен «без малейших препятствий со стороны живущих там татар» [2, с. 270]. Дальнейший ход событий показал, что татарский князь Сейдяк рассматривал российские власти в качестве главных противников хана Кучума и своих потенциальных союзников. Вполне вероятно, что он надеялся заключить с ними союз для совместных действий против Шейбанидов и их сторонников. Известно, что в прошлом сибирские правители из рода Тайбугидов, в том числе отец и дядя Сейдяка – князя Едигер и Бекбулат, в середине XVI в. возглавляли Сибирское ханство и платили дань московскому царю [2, с. 192]. Поддержка, оказанная Сейдяку со стороны мурзы Карачи и казахского султана Ураз-Мухаммеда, должна была способствовать тому, чтобы сибирские татарские племена признали его авторитетным претендентом на престол сибирского хана.

Летом 1588 г. Сейдяк, в сопровождении мурзы Карачи и казахского султана Ураз-Мухаммеда, а также их сибирских татарских и казахских воинов, занимался «ястребиной охотой» на берегу р. Иртыш, неподалеку от недавно построенного Тобольского острога. Вполне вероятно, что выбор места для занятия охотой был выбран не случайно, а целенаправленно – для установления контактов и дальнейших переговоров с российскими властями. Администратор Тобольска, «письменный голова» Д. Чулков, пригласил князя Сейдяка, мурзу Карачу и казахского султана Ураз-Мухаммеда в Тобольский острог на совместное пиршество для того, чтобы провести с ними мирные переговоры. Татарские и казахский предводители согласились, но с условием, чтобы вместе с ними внутрь острога вошли все сопровождающие их воины. Однако Д. Чулкову все же удалось уговорить татарских и казахского правителей взять с собой только одну сотню воинов, а остальных оставить за стенами острога. По мнению Г. Ф. Миллера, в результате этого «враги оказались в руках русских» [2, с. 270]. Принимающей стороне был нужен только какой-то предлог, чтобы сделать приглашенных гостей своими пленниками. Во время приема Сейдяк, у которого, вероятно, возникли какие-то подозрения, задумался. Д. Чулков стал обвинять его в том, что он замышляет что-то нехорошее против русских людей. Всем знатым гостям было предложено выпить по большой чаше вина, а когда они отказались, этот отказ сочли в качестве неоспоримого доказательства враждебных намерений гостей. По приказу Д. Чулкова знатные гости были связаны и захвачены в плен, а сопровождавшие их воины частично перебиты [2, с. 270–271]. Еще более несуразно объяснен этот эпизод в «Ремезовской летописи». В ней это нападение на татарских и казахского гостей объяснено тем, что в то время, когда они начали пить предложенные им чаши вина, у них «запершило в гортани», из-за чего их «обличили в зломыслии» и затем «начали побивать нечестивых». Сейдяк, мурза Карача и султан Ураз-Мухаммед даже попытались выскочить в окно, но были пойманы и связаны [1, с. 124–125; 3, с. 440–441, 578–579]. Эти эпизоды воспроизведены на миниатю-

рах «Ремезовской летописи», на которых Сейдяк и Ураз-Мухаммед изображены в чалмах с коронами на головах. На одном из рисунков они изображены сидящими за столом вместе с мурзой Карачей и Д. Чулковым, а на другом – выпрыгивающими из окна и попадающими в руки своих противников [3, с. 578–579]. Татарские и казахские воины, а также их командиры, находившиеся за стенами Тобольского острога, оказались совершенно не готовы к такому повороту событий и в панике бежали. Вслед за ними бежали и некоторые из тех татарских воинов, которые оставались в течение этого времени в Тобольском остроге. Странники татарского князя Сейдяка, остававшиеся в Искере, также не предприняли каких-либо попыток обороны этого городка и бежали. Некоторые из них отправились в стан хана Кучума, который в это время находился на р. Вагай [3, с. 441]. В дальнейшем захваченные в плен знатные татарские и казахский пленники были отправлены в Москву, где российские власти обошлись с ними вполне снисходительно и пожаловали земли [6, с. 240]. Известно, что в период Смутного времени султан Ураз-Мухаммед поддержал одного из самозванцев, претендующих на московский престол.

Вероятно, поведение Д. Чулкова в отношении знатных татарских и казахского гостей требует объяснения. Оно свидетельствует о том, что этот представитель российских властей в Сибире имел осознанное намерение взять в плен князя Сейдяка, мурзу Карачу и казахского султана Ураз-Мухаммеда. Вероятно, такими действиями он намеревался подчинить сибирских татар российским властям. Однако фактически он способствовал тому, чтобы ликвидировать один из очагов борьбы за ханский престол и объединить всех сибирских татар, стремящихся к восстановлению своей сибирской татарской государственности, вокруг хана Кучума и его ближайшего окружения. Если бы он вступил в переговоры с Сейдяком и поддержал его претензии на престол сибирского хана, это могло бы облегчить российским властям процесс присоединения сибирских земель к Московскому царству. В последующие годы хан Кучум стал совершать военные походы на селения сибирских татар, находящиеся в пределах российских владений

на территории Западной Сибири. Во время одного из этих походов хан Кучум «убил там много людей и награбил большое количество всякого добра» у сибирских татар, которые в предшествующий период подчинились российским властям [2, с. 272–273]. В дальнейшем хан Кучум, его потомки и наследники продолжили борьбу за восстановление Сибирского татарского ханства, опираясь на поддержку со стороны восточных государств. Такая политика способствовала тому, что сибирские татарское население, не желавшее покидать привычные места своего проживания, перестало поддерживать своего бывшего правителя. Это способствовало процессу присоединения лесостепных и степных районов Западной Сибири к Российскому государству.

Список источников и литературы

1. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2006. 270 с.
2. Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Вост. лит., 1999. Т. I. 630 с.
3. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань : Александрия, 2008. 688 с.
4. Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVIII–XIX вв.). Казань : Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. 288 с.
5. Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань : Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2002. 488 с.
6. Худяков Ю. С. Эпизод пленения Сейдяка и Карачи в Тобольске в 1588 году в истории взаимоотношения российских властей с сибирской татарской элитой (по материалам письменных и изобразительных источников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2014. Т. 13. Вып. 3 : Археология и этнография. С. 234–242.

ПРИАМУРЬЕ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-МАНЬЧЖУРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Я. В. Пилипчук

*Украина, Киев, Институт востоковедения
имени А. Е. Крымского НАН Украины*

Данная статья посвящена истории Приамурья в контексте русско-маньчжурских отношений в период 1681–1761 гг. В Приамурье империя Цин имела превосходство над русскими. В 1683–1684 гг. маньчжуры вели дипломатическую и военную подготовку к конфликту. Активно налаживалась логистика для выдвижения войск к Албазину. Оборону русскими Албазина в 1685 г. сложно назвать героической, поскольку крепость капитулировала в течение нескольких дней. Канси в 1685 г. считал, что достаточно взять только эту крепость. Восстановление русскими Албазина и увеличение там русского гарнизона вынудило маньчжур развязать масштабные военные действия. Кампания 1686 г. была сложной для маньчжуров. Русские ожесточено сопротивлялись и не дали маньчжурам взять Албазин. Канси пришлось отказаться от намерения осадить еще Нерчинск, как это предполагалось по первоначальному маньчжурскому плану. В 1687–1688 г. Канси не вел прямых военных действий и предпочитал воевать с русскими руками своих халхаских вассалов. Перспектива джунгаро-русского союза вынудила Канси искать мира с русскими. Царевна Софья также искала мира с маньчжурами, поэтому в 1686–1689 гг. направила послов для переговоров. Необходимо отметить, что и при русских, и при маньчжурах находились войска для подкрепления дипломатии реальной силой. У маньчжурского посла Сонготу она была более внушительной, а Ф. Головин мог

рассчитывать только на гарнизон Нерчинска. В переговорах активно участвовали посредники – иезуиты португалец Т. Перейра и француз Ф. Жербийон. Маньчжуры военным давлением навязали Русскому государству Нерчинский договор на своих условиях, который практически оставил население Приамурья и Приморья в сфере влияния империи Цин. Эти территории играли роль буфера и управлялись племенными старейшинами. Русское государство с 1689 по 1761 г. предпочитало не обострять отношения с империей Цин, однако таких уступок, как в 1689 г., более не делало. В том, что русские уступили громадные территории маньчжурам, была вина непосредственно Ф. Головина, который пытался оправдаться за это, существенно преувеличивая маньчжурские силы под Нерчинском.

Ключевые слова: империя Цин, Русское государство, маньчжуры, русские, Приамурье.

This article is devoted to the history of the Amur Region in the context of Russian-Manchu relations in the period 1681–1761. In the Amur region, the empire of Qing had superiority over the Russians. The Manchus conducted diplomatic and military preparations for the conflict in 1683–1684. The logistics for the deployment of troops to Albazin were actively set in motion. Defense of the Russians Albazin in 1685 is difficult to call heroic because the fortress capitulated within a few days. Kangxi in 1685 believed that it was enough to take only this fortress. The rebuilding of Albazin by Russians and the increase there of the Russian garrison forced the Manchus to unleash military operations of a much larger scale. The campaign of 1686 was much more difficult for the Manchus. The Russians fiercely resisted and prevented the Manchus from taking Albazin. Kangxi decided to abandon the intention to besiege Nerchinsk as well, as was supposed by the original Manchu plan. Kangxi did not conduct direct military operations in 1687–1688. He preferred to fight with Russians by hands of his Khalkha vassals. The prospect of the Dzungarian-Russian union forced Kangxi to seek peace with the Russians. The princess Sophia also sought peace with the Manchus, and therefore sent ambassadors

for talks in 1686–1689. It should be noted that both for the Russians and for the Manchus there were troops in order to reinforce diplomacy with real power. Manchu Ambassador Songongu has more impressive military power, and F. Golovin could count only on the garrison of Nerchinsk. The mediators – Jesuits Portuguese T. Pereira and Francese F. Gerbillon – actively participated in the negotiations. Manchus with military pressure imposed on the Russian state Nerchinsk Treaty on its terms, which almost left the population of the Amur and Primorye in the sphere of influence of the Qing Empire. These territories played a buffer role and were managed by tribal elders. The Russian state from 1689 to 1761 preferred not to aggravate relations with the Qing empire, but did not do such concessions as in 1689 year. The fact that the Russians ceded vast territories to the Manchus was directly the fault of F. Golovin, who tried to justify himself for this by greatly exaggerating the Manchu forces under Nerchinsk.

Keywords: Qing empire, Russian state, Manchus, Russians, Amur region.

Одним из интереснейших аспектов всеобщей истории является изучение истории империи Цин. Нужно отметить, что традиционно одним из самых популярных объектов исследования являются русско-цинские пограничные конфликты XVII в. Нужно сказать, что проблему в контексте русско-китайских отношений рассматривают такие исследователи, как К. Черевко [19], П. Воробьев [11] и В. Мясников [15]. Однако нужно отметить, что это устаревший подход. Правящая династия империи Цин была маньчжурского происхождения. Сами маньчжуры были потомками чжурчженей, как и многие народы Приамурья и Приморья. Среди работ, посвященных приамурскому региональному аспекту, нужно отметить статьи А. Артемьева [2], Э. Демина [12], Ю. Бартенева [5], книги В. Александрова [1] и Е. Беспрозванных [7]. Задачей данного исследования является рассмотрение русско-цинского конфликта 1685–1689 гг. в контексте истории Приамурья.

В 1682 г. под поводом охоты на оленей на север были отправлены Лантань и Пэнчунь, хотя на самом деле была осуществ-

влена разведка. Лантань указывал на сложность доставки военного снаряжения к Албазину. Нужно отметить, что перед тем, как начать войну, маньчжуры провели разведку и подвели коммуникации к Приамурью. Цинские генералы Лантань и Пэнчунь отмечали, что для того, чтобы разбить русских, достаточно 3 тыс. войска при 20 пушках. Количество суден предлагалось довести до 80. Отмечалось, что тунгусы солоны, цилер, элэчунь проявляют шапталость, а предыдущие кампании Миньандали, Бахай и Шарходы были неудачными из-за недостатка продовольствия. Маньчжурские беглецы из Науна и монголы с Аргуни сообщали о намерении маньчжуров начать боевые действия [16; 15, с. 247–248; 1, с. 107–111; 7, с. 57–58].

В 1683 г. отряд в 1,5 тыс. воинов выдвинулся в поход и должен был построить две крепости в районе Айгуни и Хумары. В Гирина войско должно было взять запас продовольствия на три года. Предполагалось, что маньчжуры смогут быстро захватить Албазин, и тогда дипломаты будут вести переговоры с позиции силы. Также в Приамурье нужно было создать зоны цзими, которые бы служили буфером между Маньчжурией и русскими, командирами гарнизонов в этих местах предлагалось сделать представителей местных племен. Значение Албазина было ключевым, и без него доставка русских войск была бы затруднена. Бахай указывал, что Айгунь и Хумара далеки от Албазина, от которого недалек город Нерчинск, откуда русские могут доставить продовольствие и войска. Император Канси не принял совета Бахая и сместил его с должности, назначив на это место Сабсу. Новый командующий постарался найти компромис между позицией Бахая и Канси и хотя не был отстранен, но к нему был приставлен Лантань. Сабсу вскоре был назначен управляющим Айгуни и других мест. Маньчжурские войска в 1683 г. выдвигались в местности на правобережье Амура. В 1683 г. Амухулан был направлен, чтобы развеять подозрения русских о приготовлении к войне, а в район Нерчинска был отправлен Мала для разведки. Тем временем Сабсу приказывал убивать захваченных в плен русских. Это оправдывалось тем, что русские беспокоят солонов. Государственный

совет империи Цин требовал выдать перебежчиков и удалиться в свои земли (Иркутск и Якутск). Канси говорил, что он лишь защищает амурские племена от русских. Мала сообщал, что в Албазине и Нерчинске находится по 500–600 русских. Отмечалось, что между Албaziном и рекой Буэрмафу находятся около десяти населенных пунктов и там русские построили избы и засеяли пашни. Маньчжуры не смогли начать войну не только из-за споров касательно стратегии и выдвижения войск, но и из-за того, что на западе усиливались позиции джунгарского хана Галдана-бошукту, который в 1679 г. потребовал от империи Цин признать его статус. Миссия, направленная в Монголию, разведывала отношения между тушету-ханами и цецен-ханами, а также собирала информацию об ойратах. И только в 1681 г. была завершена кампания против Южной Мин [16; 15, с. 249–262; 1, с. 111–115; 7, с. 58–59].

Крайне любопытным представляется маньчжурское видение событий, зафиксированное в биографии Лантаня и в «Плане усмирения русских». Так, в «Плане усмирения русских» под 1683 г. сообщается, что Исанъя отправили в Нингуту наблюдать за сооружением военных судов. Тогда Лантань донес о местоположении русских. Отмечалось, что Айгун находился недалеко от солонских деревень. Предлагалось перебросить из Гирина и Нингуты 1,5 тыс. человек, а провиант брать в Гирине и в поселениях сибо. Император приказал нингутаскому цзянцзюню Бахаю и футудуну Сабсу выступить на север и дополнительно построить 56 судов. 25 марта 1683 г. было приказано построить судна для перевозки по реке Сунхуацзян. В устье реки Цзюйлюхе было приказано строить грузовые судна и направить их по реке Ляохэ, а в местности Гирин построить 100 судов. Сабсу доносил, что в поход должны выступить воины Нингуты и Гирина, половина из них выступила в поход. Он отмечал, что если же их использовать в качестве бурлаков, то они будут в еще более худшем положении. На охотников из местного населения предлагалось возложить задачу обеспечения войска продовольствием. Войску Бахаем выделялся паек в половинном размере. Амухулан был отправлен в

Учжумуцинь. Войску Гирина и Нингуты было поручено в Айгун и Хумару. Бахай доносил, что эти поселения расположены далеко от Албазина. За Албазином же находится Нерчинск, откуда русские могут подвести продовольствие и подкрепления. Предлагалось подойти к Албазину и привлечь русских Албазина на свою сторону, а если это не удастся, то следует отправить войска из-под Мукдена в земле солонов. Император поручил Бахаю остаться на защите Гирина, а Сабсу и Валиху предлагалось выдвинуться к границе. Судна предлагалось укрыть в Эсули между Айгуном и Хумарой. На службе у маньчжуров находился отряд русских во главе с Иваном-латником. Мала отдал приказ о покупке продовольствия. 26 августа 1683 г. маньчжуры захватили в плен двух русских. 18 октября 1683 г. маньчжурскому войску из 500-600 воинов из Гирина и Нингуты и 400 даурам предписывалось встать лагерем у Нингуты. От Айгуна до Гирина предлагалось построить 10 почтовых станций. Потом это решение было изменено. Из Айгуна и Гирина войска не выступили, а в это место предписывалось отправить 600 воинов из Мукдена. 13 декабря 1683 г. было приказано прибавить количество судов для транспортировки провианта в Айгун. 25 декабря 1683 г. были даны офицерские чины Григорию, Агафону, Степану, Афанасию, Максиму, перешедшим на сторону маньчжуров. Нужно отметить, что более всех был возвышен Иван-латник [16].

В биографии Лантаня было указано, что в 1683 г. он изучил рельеф местности и доносил, что хотя у Албазина нет непроходимых гор, но там кругом дремучие леса и есть зыбучие пески. Также указывалось, что от Айгуна можно без затруднений плыть до Албазина. От того Айгуна до местности, где сливаются Хэйлунцзян и Сунъали, полмесяца пути водой. Приводился экскурс в историю маньчжурско-русских конфликтов. Касательно судов указывалось, что есть 40 больших и 26 малых. Лантань съездил в Нингуту, чтобы посоветоваться с местным командующим. В 1684 г. Лантань был наказан за какой-то проступок [16].

Русские силы были застигнуты неподготовленными. Перед конфликтом в 1682 г. туда было доставлено 50 пищалей, 2 пушки

и 30 пудов пороха, 67 казаков были разосланы на Зею, Селемджу, Бурею. В самом Албазине было не более сотни защитников. В Нерчинске находилось 46 казаков, 150 казаков были раскиданы по всему обширному краю. Первый удар маньчжуры нанесли по острогам на северных притоках Амура. 28 июля отряд Григория Степанова Мыльника был взят в плен маньчжурами близ устья Зеи. Маньчжуры выпустили только одного казака, чтобы он донес о судьбе отряда. Казаки сообщали невероятные истории об отряде маньчжуров в 15 тыс. человек и 567 кораблях маньчжуров. Однако тогда маньчжуры не развивали крупномасштабное наступление, а их флотилия, остановившись в устье Зеи, строила на Амуре укрепления. Вверх Зеи маньчжуры отправили отряд в 500–600 человек на 25 судах. Русские отряды пробивались с Зеи, Селемджи, Буреи в Якутск и на побережье Охотского моря. Маньчжуры несколько раз появлялись в окрестностях Селемджинского острога. А. Мокрошубов оставил это укрепление и ушел к Удскому острогу. Отряд Г. Фролова вернулся с Амгуни в Албазин. В феврале 1684 г. 400 маньчжуров взяли в плен защитников Верхозейского острога. От пленных маньчжуры услышали о посылке в Приамурье К. Хлопова с ратными людьми. Еще осенью 1683 г. маньчжуры дали знать русским о цели своей экспедиции специальной грамотой. Маньчжуры поставили ультиматум, по которому предлагали русским уйти из владений богдыхана и выдать Гантимура. Также содержалась угроза расправы, если русские ослушаются императора. Русские смогли противопоставить реформу управления, по которому восточносибирские уезды объединялись в Енисейский разряд. Только в самом конце 1683 г. в Москве было принято решение усилить оборону Приамурья и Даурии. В Енисейск из европейской России отправили 600 солдат, а из Енисейска местный воевода К. Щербатов направил к Байкалу 400 воинов. А. Толбузин добрался до Албазина только в мае 1684 г. Сибирские воеводы набирали промышленных и гулящих людей для пополнения войск. В июне 1684 г. из Енисейска в Даурию отбыло 82 казака. Туда же отправлялось 3 пушки, 3 затинных пищали, 200 ручных пищалей, 115 пудов пороха и свинца. Все

это прибыло в Удинск 21 сентября. В Бурятии вышла задержка, поэтому подкрепление и снаряжение дошли в пункт назначения только весной 1685 г. В ноябре 1684 г. возможную войну с маньчжурами правительство предложило вести силами сибиряков [7, с. 57–61; 1, с. 115–118].

В «Плане усмирения русских» сказано, что 25 января 1684 г. был отдан приказ о перевозке хлеба в Моэрхунь-тунь (Мерген). 23 февраля 1684 г. поступило донесение, что русские прибыли с реки Буреи на реку Амгунь, где соединились с русскими, которые пришли с Северного (Охотского) моря и воюют против фэйяка. В донесении указывалось, что если не принять срочных мер, то цилэр, хэчжэнь и фэйяка будут разорены русскими. Предлагалось двум командующим во главе 300 воинов при 4 пушках прийти к устью Амгуни. Гэкэданья из фэйяка должен был быть провожатым. 30 марта 1684 г. командующий Олочунь и другие прибыли на место. Они захватили в плен 21 русского во главе с Михаилом, которых предписывалось препроводить в Пекин. 7 мая 1684 г. был выдан походный паек войскам в Айгуне. 21 июня 1684 г. Мала доносил, что в Нерчинске и Албазине находилось по 500–600 русских. Отмечалось, что около Нерчинска возделываемых земель нет, и туда приезжают торговать намяр, халхасцы и баэрху. В местности Дэлинбай возделываемых земель немного. По сведениям перебежчика Бухэдэ новые и старые намяры, а также люди восьми родов: токунвоэр, чээркэциэр, балинь, кэнциэр, потагээр, баягээр (тунгусские племена) – и перебежчик Гантимур занимают скотоводством на реке Гэнхэ и Аргунь. Мала и Сабсу доносили, что если захватить хлеба, то русские в Нерчинске и Албазине окажутся в сложном положении. Перед набегом предлагалось русским заявить, что они заняли владения императора. 17 августа 1684 г. Мала донес, что послал дауров Бэйлээра разведать земли у Албазина. Сообщалось, что русские узнали, что на них готовится наступление и укрепили деревянный палисад. В Албазин прибыло еще 400 воинов, и там стало уже 900 русских. Сколько людей было в Нерчинске, неизвестно. Отмечалось, что некоторым из отряда Григория удалось бежать к своим. В городе Еносина было построено

200 новых судов, и из всех городов отправлены воины для перевозки провианта. Сообщалось, что русские перебросили из Нерчинска войска. 8 ноября 1684 г. было приказано переправить провиант из Гирина и других мест в Айгун [16].

В «Плане усмирения русских» сказано, что 8 января 1685 г. было приказано отобрать офицеров и воинов с плетеными щитами для осады. 15 февраля 1685 г. дутуну гуну Пэнчуну было приказано повести войска против русских. После взятия Албазина предлагалось отправить на смену хэйлунцзянскому войску 500 воинов из Мукдена, которые будут охранять границу и обрабатывать земли. Войскам, принимавшим участие в походе, предлагалось после этого вернуться в Мукден. Император говорил, что русские вторгались в земли солонов, хэчжэ, фэйяка, цилэр и их беспокоили. Русские захватывали местных жителей и их поселения, отнимали у них меха. Говорилось, что они углубились в земли фэйяка и хэчжэ (нанайцев). В Амгунь были направлены маньчжуры, поскольку русские захватывали земли богдыхана и не выдавали перебежчиков. В Албазин была отправлена грамота, в которой русским предлагалось убираться вон и уйти в Якутск, который и должен быть пограничной территорией. Если же русские не исполнят этого, то император угрожал им уничтожением. В случае если русские согласятся с приказом, в Албазине предписывалось поставить маньчжурский гарнизон, а войско должно было стать в Айгуне. 20 февраля 1685 г. Мала был назначен футудуном, а Сабсу отзывался от Хэйлунцзяна. Государственный совет предлагал направить на север 800 воинов, а император считал, что достаточно 400. 7 апреля 1685 г. плетеные щиты и мечи были отправлены в Гирин. 29 марта 1685 г. помощник даурского вождя Бэйлээр привел к маньчурам семь русских пленных. Одному из них удалось бежать, других доставили под конвоем. За это 1 мая 1685 г. император приказал вознаградить помощника Бэйлэера. 28 апреля 1685 г. было приказано от Молэгэня (Мергена) до Албазина учредить почтовые станции. Хэйлунцзянскому войску предлагалось выступить в поход и прибыть в место назначения. Датун гун Пэнчунь 13 июля 1685 г. подошел к Албазину

и объявил императорский указ. Русские отказались капитулировать, и на следующий день маньчжуры начали осаду и передвинули на позиции пушки. 16 июля маньчжуры пошли на штурм, и начальник русских капитулировал. Маньчжуры позволили русским уйти. Василий Захаров с 40 русскими отказался уйти, поступив на службу к императору. Перебежчики от монголов и солонов присоединились к маньчжурам. Минъай был отправлен в Государственный совет с известием о капитуляции, оттуда об этом донесли императору. После осады Албазина войско вернулось в Айгун, и там была организована охота, дабы пополнить запасы продовольствия. 3 августа 1685 г. от Гирина до Айгуня было приказано соорудить 19 почтовых станций. В документе от 10 августа 1685 г. говорилось, что русский с реки Удиэрхэ Андрей послал Ивана, чтобы привлечь на свою сторону племя элечунь, но Ликэдэнгэ схватил его и других и препроводил к маньчжурам. За это тот был вознагражден. Русский Иван был отпущен. Документом от 5 сентября 1685 г. было приказано вознаградить маньчжурских воинов. 25 сентября 1685 г. айгунский футудун Яцина за какие-то проступки был уволен, а на его место был назначен нингутанский селин Нацинь. В документе 14 октября 1685 г. говорилось, что император прощает Сабсу его промедление с выступлением в поход. Император торжественным тоном объявлял, что русские, до того сорок лет разорявшие его земли, были разбиты за несколько дней. Вместе с тем говорилось, что хотя Албазин и захвачен, но нужно соблюдать предосторожности. Воинам предписывалось возвратиться в Гирин, а не в Мукден. В селении Кунгэорцинъ предлагалось построить крепость. На берегу реки Нуныцзян в поселении Молэгэнь-тунь (Мерген) также предлагалось построить крепость, но когда воины, ставшие в Нэмуэре, соберут урожай. В Молэгэни хотели соорудить резиденцию Сабсу. В Хэйлунцзян предписывалось отправлять ссыльных, которых прежде сослали в Гирин и Нингуту, для усиления маньчжурского присутствия. Вэньдаю и Нациню предлагалось стоять гарнизонами в Хэйлунцзяне, а в этот регион рекомендовалось назначить футудуна Бодина [16].

В биографии Лантаня под 1685 г. указывалось, что русские продолжают нападать на фэйяка, элэчунь, солонов и хэчжэ, поэтому против них был направлен Лантань вместе с Сабсу, Пэнчунем, Гуаньбао, Баньдарша. 11 июня Лантань прибыл в Хангомо, а 13 июня он отправил Толбузину указ императора. Русские отказались его исполнять, а 15 июня на реке появились плоты русских. Против них был направлен Ялатнай. В стычке было убито 30 русских, а 15 было захвачено в плен. Лантань приказал Яциню и Хубуно расставить щиты, подготовить позиции для осады. Вэньдай, Вахана и Лю Чжао ци зашли в тыл городу и установили пушки, а Болицю, Уша, Хэ Ю разместились с флангов. Яцина и Байкэ стояли на судах около города. Лантань до десяти часов следующего вечера не мог взять город. Маньчжуры положили под стены города хворост, чтобы его поджечь, и тогда русские решили сдаться. Отмечалось, что монголы и солоны, прежде подчиненные русским, были возвращены на свои прежние места в маньчжурских владениях. Императору был подан доклад о победе. Спустя некоторое время стало известно, что русские вернулись на прежнее место и создали крепость из глыб [16].

В феврале 1684 г. Канси издал приказ, по которому Тушету-хан удалялся от русских пределов и прекращал торговлю. В Селенгинске Т. Афанасьев сообщил, что после поездки в улус тайши Цынбена узнал о подготовке маньчжуров к войне. Маньчжуры собирали войска, чтобы очистить край от русских, а также вели переговоры с монголами о союзе против русских. Очирой Саин Тушету-хан был враждебно настроен по отношению к русским. Он жаждал того, чтобы русские выдали ему бурятов и грозил выступить вместе с маньчжурами. В мае халхасцы совершили набег под Еравненский и Телембинский остроги. Русские также были убеждены во враждебности джунгарского Галдан-бошокту. От джунгарских послов русские узнали о посылке маньчжурами подкреплений на Амур и о том, что тем известно об отправлении русских подкреплений. В этой ситуации тунгусский князь Гантимур, чтобы не быть выданным маньчжурам, выразил желание креститься. В том же 1684 г. он умер в Нарыме. Летом 1684 г.

цинский император требовал у русских покинуть Албазин и Нерчинск. Он прямым текстом заявил, что его войска уже выступили, и пусть русские убираются, пока целы. Со второй половины мая албазинский воевода отправлял в разведку казаков, ожидая подхода маньчжуров. Однако, по оценке Сабсу, маньчжуры были неготовы к войне даже в 1685 г. Это вызвало смену командования, и вместо Сабсу войсками империи на Амуре начал командовать Вашань. Общее же командование было поручено Лантаню. В его штаб вошли Дунбао, Баньдарша, Мала. Осенью Канси указывал на необходимость взятия Албазина, но маньчжуры подошли к его укреплениям только весной 1685 г. Как повод для войны использовался тот предлог, что русские вторгались во внутренние земли империи. Канси еще раз предложил русским возвратиться в свои земли и заявил, что не против, если те будут собирать в Якутске ясак. Также он предложил выдать русских перебежчиков, а Албазин сделать пограничным цинским караулом. В марте 1685 г. маньчжурские войска появились под Албазином. Это был разведывательный отряд, который захватил в плен мельника. Тогда же русские узнали о намерении монголов не допустить в Даурию русские подкрепления и заблокировать их в Бурятии. В апреле 1685 г. отряд в 400 казаков с 380 промышленными и гулящими людьми отбивали у монголов угнанный скот вблизи Удинска. В мае 1685 г. к Пэнчуню был отправлен адъютант Гуаньбао, который пересказал слова Канси, что если русские Албазина сдадутся, то их пощадят [15, с. 262–284; 1, с. 115, 120–128; 17].

В апреле 1685 г. Канси в нескольких грамотах предлагал русским уйти из Приамурья. В мае 1685 г. цинская армия выступила в поход из Айгуня. В июне она подошла к Албазину и маньчжурский командующий предложил русским капитулировать, на что получил отказ. Еще 10 июня А. Толбузин отправлял в Нерчинск людей за подмогой, а 12 июня был полностью осажден. Нерчинский воевода получил извещение только 22 июня. 14 июня он получил из Аргунского острога сообщение о подходе к Нерчинску маньчжурского отряда от Науна. Албазинцы были осаждены превосходящим войском маньчжуров, вооруженных

преимущественно холодным оружием и луками. Только у сотни маньчжуров было огнестрельное оружие. На случай подхода русского подкрепления из Нерчинска маньчжуры выделили отряд. Маньчжуры открыли огонь из артиллерии и за день до бомбардировки выяснили, что острог укреплен слишком слабо. Маньчжуры уничтожили многие бойницы и одну пушку. Русским удалось отбить приступ, но потеряли 100 воинов, а маньчжуры – 150 солдат. На второй день Лантань приказал поджечь стены первой линии обороны. У русских же окончились боеприпасы. А. Толбузин был вынужден пойти на переговоры. Маньчжуры требовали, чтобы албазинцы ушли в Якутск. Не имея иного выхода, 16 июня 1685 г. русский гарнизон крепости во главе с воеводой капитулировал, 300 русским сохранили жизнь. Весть об этих событиях застала Канси во время его путешествия в Чахар. Император радовался этому событию. Тогда же в июне сотня казаков была осаждена в Селенгинске монголами, 43 казака – в Тункинском остроге. В июле-августе чемчагиры и карануты осаждали Аргунский острог. Маньчжуры сделали попытку утвердиться в верховьях реки Уды. Маньчжуры старались поднять на восстание против русских тунгусские племена. Якутский воевода М. Кроков, получив от А. Толбузина указание, что маньчжуры готовы прийти на Лену, начал готовить свой город к обороне. Албазинцы же, освободившись из маньчжурского плена, пришли в Нерчинск. В июле туда прибыл немецкий командир на русской службе А. Бейтон. Захватив китайца Ван Цзы-Ша в плен, русские узнали, что маньчжуры отошли назад в Маньчжурию к Науну. Там был оставлен гарнизон в 500 воинов. В 1685 г. русские отправили посольство к маньчжурам в ответ на их ультиматум. Известие о падении Албазина дошло до Москвы только в декабре 1685 г. Русские хотели провести посольскую конференцию в Селенгинске, чтобы подчеркнуть свои права на амурские земли. Тем временем в район Албазинского уезда был возвращен отряд А. Толбузина и был усилен отрядом А. Бейтона. Албазин был восстановлен, и осенью там находилось 514 казаков и 155 других людей. В Нерчинске оставалось 177 человек. К началу 1686 г. в Алба-

зине было 725 человек, а в Нерчинске и ближайших острогах 340 служилых и 100 иных людей. Для обороны Приамурья русские собрали около 1 тыс. воинов. Маньчжуры же делали набеги на земли Албазинского уезда осенью 1685 г. и зимой 1685–1686 гг., разоряя деревни и заимки. В октябре казаки имели столкновение с маньчжурами на реке Погромной. 14 октября маньчжуры напали на Покровскую слободу. Тогда же они напали на Вяткину деревню. Посланный им вслед кавалерийский отряд А. Бейтона нагнал маньчжуров у Монастырской заимки и разбил их. 26 ноября маньчжуры подошли к Шингаловской заимке и захватили пленников. В декабре 1685 г. захваченный в плен маньчжур сообщил русским, что цинское войско снова собирается идти войной на Албазин [1, с. 128–138; 7, с. 61–68; 15, с. 277–282; 5; 6; 17].

То, что Албазин был относительно быстро взят, было обусловлено тем, что русские недооценивали маньчжуров, считая, что Лантань будет не грознее Шарходы или Миньгандали. Позитивный опыт обороны Хумары обусловил то, что Албазин представлял собой острог с деревянными стенами и земляными валами, рассчитанный, скорее, на защиту против кочевников и таежных народов, чем от цинского войска. Первая осада Албазина обнажила проблемы. Когда на место прибыл А. Бейтон, он приказал перестроить крепость, учитывая европейский опыт. Албазинская крепость стала крепостью бастионного типа. А. Бейтон просил И. Власова и Ф. Головина прислать подмогу. Командовать обороной было поручено все тому же А. Толбузину. Очевидно, это ему было приказано сделать, дабы искупить свою вину за быструю капитуляцию [1, с. 128–138; 13; 7, с. 61–68; 15, с. 282–283].

В «Плане усмирения русских» сказано, что 21 февраля 1686 г. император приказал отправить щитников и пушки в Хэйлунцзянское войско, а Сабсу был послан на север, чтобы проверить известия вождя племени цилер Цинцзиэра. Маньпи послал на север вождя солонов Умубурдая и других к Албазину. Начальник Нерчинска И. Власов приказал А. Толбузину снова прибыть в Албазин. Когда стало известно о возвращении, император торопил Сабсу с ремонтом боевых судов. Войскам из Нингу-

ты и Гирина предписывалось спешно выступить в Хэйлунцзян. 18 апреля Баньдарша, Мала и Лантань были направлены в Хэйлунцзян. В документе от 13 августа 1686 г. сказано, что войска маньчжуров осаждают Албазин, но русские весьма упорны. В связи с трудностями император предписывал освободить дауров и солонов от уплаты дани. Миньяо и Мала было приказано следить за обеспечением войска. В документе от 4 сентября говорилось, что император через своих чиновников приказал Спафарию отвести русское войско от Албазина и Нерчинска. Отмечалось, что Канси многократно отправлял послания к Белому царю, но не получал ответа. Причиной этого считалось, что грамоты задерживались в Нерчинске, а в Албазине проживали преступники, которые не могут вернуться на родину. Император беседовал с послом Голландии и предполагал, что эта страна является соседом русских. В документе от 2 октября 1686 г. сообщалось, что скоро настанут холода, а русские все так же упорствуют, потому что ожидают подкрепления. Сабсу предписывалось не допустить прорыва блокады и предпринять к этому все меры. Футудуну Бодину предписывалось отправить 200 воинов, занятых на строительстве крепости в действующую армию. Сабсу доносил, что при нем находится 2100 воинов, но все же этого недостаточно. В документе от 3 ноября 1683 г. сказано, что прибыл посол от Белого царя. Говорилось, что у русских не было толмача, способного растолковать китайскую грамоту, а войну затеяло пограничное население. Послами были направлены Н. Венюков и И. Фаворов. В ожидании заключения мира Канси приказал прекратить боевые действия. Документом от 10 февраля 1687 г. были отправлены врачи в Албазин, чтобы лечить русских. По приказу от 9 августа 1687 г. русский посол прибыл на границу халхаских владений. Сабсу было приказано возглавить войска и отвести его в Айгун и Мергени [16].

В биографии Лантаня сказано, что 17 апреля 1686 г. Канси приказал Лантаню, Баньдарше, Гуанбао отправиться в Албазин и истребить русских. 13 июля Лантань прибыл к реке Хэйлунцзянь, 24 июня достиг Мыньдаиня. Лантань советовался с Баньдаршей,

Мала, Сабсу, Гуаньбао и после этого у реки Эрхэхэ разделил войско надвое. 8 июля маньчжурское войско подошло к местности Чакэдань у Албазина. 10 июля 1686 г. Лантань расположил войско на берегу Хэйлунцзяна и приказал судам блокировать течение выше города. 13 июля Лантань приказал артиллерии обстрелять город с севера, а Баньдарша и Яцинь подступили к городу с юга. 15 июля Иньдахунь и Шогэсэ были отправлены с войском на разведку. Столкнувшись с русским подкреплением, они его перебили. 17 июля Вэньдаю, Байкэ, Бяньули, Иньдахунь, Ян Ши-мао двинулись к земляному валу русской крепости. Там они попали в засаду, но перебили русских. 18 июля маньчжуры напали на вал. Русские отстреливались из ружей и пушек. Маньчжуры вели огонь из луков и пушек. 19 июля русские попытались отбить вал, занятый маньчжурами, но были отражены. 21 июля, а затем 16 августа русские предприняли вылазку на артиллерийские позиции маньчжуров, но были отражены. После этого русские более не делали вылазок, и маньчжуры их осадили в крепости. Лантань распорядился сделать насыпи около города. Когда они были завершены, то к императору прибыл посол от русского царя и Канси приказал Лантаню снять осаду. В ноябре-декабре 1686 г. маньчжурские силы разместились в большом лагере [16].

1 февраля 1686 г. маньчжурский отряд подошел к Албазину и разорил большую заимку. В марте 1686 г. кавалерийский отряд Бейтона на реке Хумаре напал на маньчжурский отряд и рассеял его. После этого маньчжуры временно перестали появляться у Албазина. Империя Цин укрепляла свое влияние в Приамурье. Планировалось построить новую крепость вблизи Мергеня. Сабсу просил направить весной корабли и подкрепление для осады Албазина. В регион были отправлены отряды Лантаня, Баньдарши, Мала и Линь Сичжоу. Пушки для цинского войска были отлиты голландцем Ф. Вербистом. Русские же имели в Албазине 1 мортиру, 3 затинных пищали, 8 пушек, 112 пудов пороха и 60 пудов свинца. В Албазине собралось 826 защитников крепости. В июне казацкие разъезды начали сталкиваться с маньчжурскими авангардами. В июле подошла осадная армия из не-

скольких тысяч человек при 40 пушках. Канси приказал Лантаню после взятия Албазина наступать на Нерчинск и захватить его. Он отправил в Албазин грамоту, в которой приказывал русским уйти с Амура. А. Бейтон совершил неожиданную вылазку, и Лантаню пришлось приводить в порядок свое войско. В августе из Нерчинска И. Власов отправил казаков к Албазину. Во второй половине июля маньчжуры предприняли первый штурм Албазина. 19 августа маньчжурская артиллерия била по крепости. До октября русские совершили пять вылазок и маньчжуры потеряли 150 человек. Второй штурм Албазина состоялся 1 сентября, и маньчжуры делали подкоп для того, чтобы проломить стены, однако русские вовремя его обнаружили, и казаки ликвидировали его во время вылазки. Тогда маньчжуры пошли на штурм и хотели поджечь стены. Первый вал древесины казаки сожгли сами, а второй ликвидировали благодаря подкопу. Маньчжуры начали из катапульта стрелять зажженными дровами. После этого албазинцы совершили вылазку всеми своими силами. Когда в октябре-ноябре Амур замерз, маньчжуры были вынуждены убрать с реки свои суда. До декабря 1686 г. Албазин продолжал держаться, хотя значительная часть гарнизона уже погибла. 100 солдат погибло в бою, а 500 умерло от цинги. Среди защитников осталось всего 150 казаков. Осаждающая армия тоже понесла значительные потери. В апреле 1687 г. русский дипломат И. Власов требовал от маньчжуров отхода от Албазина. К этому времени в живых оставалось 90 албазинцев. Летом 1687 г. маньчжуры отошли от Албазина. К Нерчинску прибыло подкрепление из Западной и Центральной Сибири в количестве 227 воинов во главе с С. Богатыревым. Также туда было направлено 6 пушек и боеприпасы. 144 служилых остались в Удинске. Ожидалось вторжение халхасцев, и поэтому силы, первоначально предназначавшиеся для Даурии, преимущественно останавливались в Иркутске, Удинске и других городах-острогах края. Маньчжуры же укрепляли свою крепость в устье Зеи. Ф. Головин со своим отрядом прибыл в Братск, а потом в Иркутск. В Забайкалье у русских было 1,5 тыс. служилых людей. Русские запасались продовольствием, готовясь к новым столкновениям.

При обороне Албазина участвовали селенгинские казаки И. Поршеников и П. Бушков. А. Бейтон исполнял ответственные поручения, много раз проявляя мужество. Интересными представляются сведения самого немца, которые фактически опровергают сведения цинских источников о милости, дарованной русским со стороны Канси. А. Бейтон отверг предложение маньчжуров прислать лекаря. Из анализа сведений биографии Лантаня мы понимаем, что лекари должны были шпионить в городе. А указание на то, что русских в Албазине было всего 20 с лишним, говорит о том, что маньчжуры не знали реального количества выживших. И хотя в «Плане усмирения русских» сказано, что, мол, император приказал отвести войска, но сведения биографии Лантаня говорят, что намерения маньчжуров были вовсе не так благородны. А Бейтон указывал, что фактически все время находился начеку. Маньчжуры убивали отдалившихся от крепости казаков и выжидали посева. Хотя фактически в 1687–1688 гг. военные действия не велись, но маньчжуры продолжали блокировать город. В 1689 г. маньчжуры щедро одарили А. Бейтона подарками. После этого он был вынужден уничтожить укрепления крепости. Но этого бы просто не было, если бы тот не проявлял мужества и рассудительность в 1686–1688 гг. В 1689 г. он, еще будучи раненым, прибыл в Нерчинск и попросил прикомандировать его к Ф. Головину. В 1690 г. он отбыл на запад [15, с. 283–287, 291–293; 13; 1, с. 138–154; 7, с. 68–73, 75–79; 12; 3; 5; 6].

От имени русских царей, а фактически, от царевны Софьи в Пекин была отправлена грамота. Вторая грамота была отправлена Пэнчуню В. Голицыным. Царевна настаивала на неправомерности действий маньчжуров и указывала, что для разрешения территориальных споров можно было бы отправить посольство в Москву. 1 августа 1686 г., когда маньчжуры осадили Албазин, посольство только прибыло в Селенгинск. Послав в монгольские улусы гонцов, русские удостоверились в безопасности пути через Монголию. Проезжая через монгольские земли в ставке Ундур-гегена, русские узнали об антирусской агитации маньчжур среди монголов. Канси отправлял послов

к Джебдзун Дамба-хутухте и Тушету-хану, подстрекая их напасть на русских. Они также пугали тех угрозой русского вторжения. Хутукта придерживался нейтралитета и старался удерживать Тушету-хана от союза с маньчжурами. 13 октября 1686 г. русские прибыли на цинскую границу в горах Кара-Обот и на реке Обот. Там члены маньчжурского государственного совета сообщили послам, что цинские войска осаждают Албазин [15, с. 291–293; 16; 7, с. 71–73; 18].

Далее у Калгана русских встретили яргучи, которые сопровождали послов до Пекина. На попытки маньчжурских чиновников узнать содержание грамот русские отвечали отказом, Н. Венюков и И. Фаворов отвечали, что Албазином они поступиться не намерены. 31 октября русские послы вступили в Пекин. Их встретили члены государственного совета, а послание русских было передано императору через соответствующего чиновника. Ф. Вербист оказал помощь Канси, предложив голландское посредничество. В. Паец (представитель Ост-Индской кампании в Батавии (Джокарте)) прибыл в Пекин. В ходе переговоров он должен был склонить русских к уступке Албазина и Нерчинска. Канси уже не упоминал о Якутске как о границе. Маньчжуры в предверии конфликта с джунгарами спешили заключить мир. В развязывании конфликта обвинялись албазинские казаки. Русские послы через Лэхэдуна заявили, что если император действительно хочет мира, то пусть отведет войска от Албазина. На это Лэхэдунь ответил угрозами уничтожить всех защитников русской крепости. В итоге Канси согласился отвести свои войска на несколько километров от Албазина. Письмо В. Голицына Пэнчуню маньчжуры отказались передавать. 10 октября русских послов приняли во дворце члены государственного совета. При посредничестве голландцев маньчжуры потребовали, чтобы Н. Спафарий был заменен на более покладистого эмиссара. Н. Венюков и И. Фаворов отказались выслушать грамоту Канси, стоя на коленях (исполняя ритуал коуту), как это было принято по церемониалу империи Цин. Нужно отметить, что и Н. Спафарий этого не делал. Н. Венюков и И. Фаворов в Пекине в 1686 г. заключили

с маньчжурами перемирие. Ф. Головин узнал обэтом 18 февраля 1687 г. [15, с. 288–290; 7, с. 73–79; 1, с. 152–153].

Ф. Вербист вступил в контакт с русскими и отмечал, что Канси готов пойти на мир, если к нему отойдет Албазин. В письме Н. Спафарию голландец писао, что Канси отправил к русскому царю грамоту с голландцем Ф. Вербистом и итальянским иезуитом Ф. Гримальди. Также в Москву была отправлена миссия иезуита Т. Перейры. 14 ноября 1686 г. миссия русских дипломатов выехала из Пекина. В конце декабря русские были уже в Халхе, 12 марта 1687 г. послы встретились с Ф. Головиным, а 17 июля 1687 г. прибыли в Москву. Через посредников-европейцев взаимоотношения Русского государства и империи Цин были восстановлены. В 1687 г. к Канси прибыл посол Очирой Саин Тушету-хана Дайчин-Мэргэн, который сообщал о ситуации в Халхе и нападении на нее ойратов. Маньчжурский богдыхан был обеспокоен тем, что война с русскими была не завершена, а ответная реакция царя была не известна. Канси действовал через своих халхасских союзников. В 1687 г. набег Очирой Саин Тушету-хана не состоялся только из-за снежной зимы 1686–1687 гг. Ф. Головин, в то время пребывавший в Селенгинске, был в курсе маньчжурско-монгольского альянса. Тем временем богдыхан направил своих лекарей в Албазин для того, чтобы оказать медицинскую помощь защитникам крепости. Это было предпринято на случай, если Ф. Головин придет в Албазин. Тот же оставался в Селенгинске, не желая вести отряд, которым командовал, на восток. Н. Венюков и И. Фаворов сообщили Ф. Головину о том, что среди халхасцев Ундур-Геген настроен про-русски. Этот монгольский правитель говорил Канси, что русские не доставляют монголам обид. Однако весной к монголам на курултай прибыли маньчжуры, которые агитировали их напасть на русских. Объединение монгольских и маньчжурских сил назначалось на начало марта 1688 г. Летом 1687 г. Ундур-Геген отказался поддержать Цинов, и благодаря монголам албазинцы провели о военных приготовлениях маньчжуров. Ф. Головин, согласно данным его статейного списка, вел переговоры с монголами в Иркутске, Удинске и

Селенгинске. Он уверял их в дружбе. Однако вопрос со вторжением был уже решен Очирой Саин Тушету-ханом в 1687 г. Маньчжуры им рассматривались как союзники против джунгар, а с русскими отношения обострял бурятский вопрос. Ф. Головин обещал решить пограничные споры, вернуть ясачных бурят и обещал посольству Цецен-нойона свободную торговлю в пограничных русских городах. Монгольский эмиссар уклонился от обещаний, говоря, что ему нужно обсудить вопрос с другими монголами. Потом прибыло посольство от Очирой Саин Тушету-хана, Шидишири Багатур-хунтайджи и Ундур-гегена. Тушету-хан настаивал на выдаче бурят. Со своей стороны, Ф. Головин приказал главе табунотов Цэбдэну прекратить угон скота у соседей. Он также хотел заручиться поддержкой Ундур-Гэгэна, но тот не желал ссориться ни с русскими, ни с маньчжурами. Кроме того, у него были большие противоречия с джунгарским ханом Галданом-бошокуту. Он поссорился с тибетским представителем, посадив его ниже себя. Галдан отметил это в переписке с Канси. Маньчжурский богдыхан старался не допустить войны между ойратами и халха-монголами, по крайней мере, в 1687 г. и пытался их примирить. В 1688 г. Галдан-бошокуту поднял на борьбу Дзасаку-хана, и тогда Очирой Саин Тушету-хан вернул своих вассалов в подчинение, совершив поход. Это стало причиной для развязывания войны, и сын Галдана Дорзиджаб вторгся в земли Халхи. Сын Очирой Саин Тушету-хана Галдан-тайджи выступил против него, отряд джунгар был разбит, а его предводитель погиб. Эта ситуация была на руку русским [15, с. 294–322; 1, с. 153–164; 18].

В «Плане усмирения русских» сообщается, что 20 мая 1688 г. Федор Головин прибыл в местность Селенге. Император приказал Соэту в сопровождении эскорта из 800 воинов двигаться на север. Для переговоров Канси предполагал использовать информацию Мала о том, как русские нападали на маньчжурскую границу и воевали на реках Хэйлунцзян, Сунхуацзян, Хумара, что те принимали перебежчиков, включая Гантимура. Соэту собирался указать, что раньше около Албазина жил даурский правитель

Бэйлээр, а около Нерчинска жило племя Маоминьань. Ставилось в известность, что от реки Хэйлунцзян русские могли прийти в Гирин и Нингуту. Земли по берегам этой реки принадлежали маньчжурским подданным – племенам элэчунь, цилэр, билаэр, хэчжэнь и фэйяка. Император заявлял, что Хэйлуцзян и впадающие в него реки с Нерчинском и Албазином нельзя оставить русским. Соэту был вынужден повернуть на полпути, поскольку халхасцы и ойраты развязали войну. В документе от 3 июня 1690 г. говорилось, что Федор Головин прибыл в Нерчинск. К нему был отправлен Соэту с 1,2 тыс. войска. В документе от 13 января 1690 г. указывалось: сначала Федор Головин отстаивал точку зрения, что Албазин и Нерчинск – это русские города. Соэту растолковал русским, что Нерчинск стоит на Ононе и является местом кочевий маоминьань, Албазин же был прежним местом владений Аэрбаси. Русским было заявлено, что эти местности были воровски заняты ими. Федор Головин был вынужден согласиться с этим. Государственный совет донес о том, что русские вынуждены были пойти на мир и в состав империи вошли земли на тысячи ли, ранее никогда не принадлежащие империи. На Горбице была поставлена стела, где были надписи на китайском, монгольском, маньчжурском, латинском языках. В Моэргене (Мергене) и Хэйлунцзяне были выставлены караулы [16].

Хотя «План усмирения русских» фактически является сборником официальных маньчжурских китаезычных документов, нужно понимать, что к нему нужно относиться осторожно. То, что было подано как императорская милость, таким по факту не являлось. Фактически сочинение посвящено прославлению императора Канси. Важны сведения о том, какие сложности в логистическом плане представляла из себя кампания под Албазином. Сабсу нужно воспринимать как командующего, который беспокоился о своих воинах, а не стремился обеспечить себе благосклонность со стороны императора, поэтому он и подвергся опале. Важны сведения о том, что русские действовали против маньчжурских вассалов. Это позволяет проанализировать предысторию событий и увидеть еще одну сторону конфликта.

В биографии Лантаня сказано, что в январе 1687 г. старшина русских Бейтон направлял в маньчжурский лагерь просьбу прислать провиант. К нему был отправлен русский на маньчжурской службе Иван, чтобы разведать истинное положение города. Говорилось, что там 20 с лишним нездоровых русских и больной Бейтон. В мае маньчжуры отошли от крепости и стали в Чакэдань. Бейтон попросил сеять хлеб у города, но Лантань ему это не позволил. 8 августа прибыл русский посол. 9 октября Лантань был повышен до статуса монгольского дутуна. В мае 1688 г. Лантаню во главе с Баньдарша и 1500 хэйлунцзянскими воинами было приказано разведать расположение русских. 10 июля он прибыл в Чакэдань и, во главе 500 латников, выехал к укреплениям Албазина. Он увидел, что крепость не была восстановлена, но местный староста Омусэфали посеял хлеб, за что получил укор со стороны Лантаня. 11 июля Лантань прошел мимо Албазина в Туньсэцинь. 19 июля он поехал на реку Элигуно (Аргунь). 20 июля Лантань укорял Омусэфали в том, что русский посол не прибыл, и еще раз упрекал его в том, что русские засеяли поля. В марте-апреле 1689 г. Идао доложил, что русский посол Федор Головин прибудет в Нерчинск. На переговоры со стороны маньчжуров были направлены Созту, Тунгоган, Алинай, Маци, Лантань, Мала, Сабсу. Осэ и Лолибай прибыли в местность Нуминь под Нерчинском. Созту, Тунгоган, Маци двигались с войском по суше, а Лантань, Баньдарша, Сабсу – по реке Хэйлунцзян. 23 июня Лантань с товарищами прибыл к Албазину и увидел, что крепость не восстановлена и засеяна только треть посевной площади. Лантань сказал старосте Олидаема, что в прошлом году русские хлеба были потравлены, поскольку не было посла, а в этом году, поскольку посол прибыл, хлеба не будут разорены. 22 июля Лантань прибыл к Нерчинску. Он расположился на берегу Нерчи с войском. 8 августа Федор Головин прибыл в Нерчинск. Послы маньчжуров заявили, что река Лена была границей маньчжурского государства. Русский посол был неуступчив. Лантань приказал напугать русских выдвиганием войска, что и было сделано. Русские испугались и пошли на переговоры. Договорились, что граница будет от устья Элигуна (Аргуни)

до северного берега Хэйлуңцзяна и от Гээрбици (Горбицы) вверх до гор Хинган и до моря. Лантань получил грамоту Федора Головина, чтобы переселить албазинцев. 5 сентября маньчжуры прибыли к Албазину, а с 9 сентября стали разрушать город. Русских же снабдили судами и провиантом. Бейтон пришел в маньчжурский лагерь, дабы поблагодарить Лантаня. В ноябре 1689 г. Лантань получил должность маньчжурского дутуна. 11 июля 1690 г. Лантань увидел по пути через город Моэргень более десяти русских изб с засеянными полями. Маньчжурский командующий вызвал к себе их старосту Василия и спросил, что они здесь делают. Тот отвечал, что им было приказано переселиться к Нерчинску, но у них нет на это денег. Лантань приказал уничтожить их избы, но позволил собрать урожай. Русские с ним перевалили хребет и радовались тому, что уцелели. 17 июня 1690 г. Лантань достиг Элигуна и поставил на этой реке стелу на китайском, монгольском, маньчжурском, русском и латинском языках. Далее велся рассказ о действиях Лантаня против джунгар [16].

Биография Лантаня дает более реалистичное описание действий маньчжуров против русских. Однако это сочинение также является панегериком, на сей раз Лантаню. Первая осада хотя в деталях описана неплохо, но традиционно воспеваются успехи маньчжуров и замалчиваются факты удачных действий русских. Вместе с тем, нужно отдать должное информации биографии Лантаня касательно блокады Албазина после двух кампаний.

Китайцы собирали информацию о русских благодаря иезуитам-европейцам. В 1688 г. китаец Чжан Пинге написал сочинение, посвященное путешествию в Россию. Сибирские владения России были названы захоlustьем, коими они и являлись. Отмечалось, что русские в свое время упорно обороняли Албазин. После него писал Цянь Лянцзе. Он называл русских «элосы» и возводил к племени усунь. Отмечалось, что это владение представляет собой захоlustье и простирается на 40 тыс. ли. Их соседями названы Персия, Халха и Албазин. Отмечалось, что при переписке они используют латинский алфавит и являются христианами. Их обычаи подобны обычаям обитателей западных стран. Русские

светловолосы и имеют светлые оттенки глаз. Чан Шу отмечал, что русские – это подданные государства Олосы. Они алчны, грубы и некультурны. Дауры и солоны называли их «лоча». Русские принимали цинских перебежчиков и грабили пограничные земли. Ян Бинь в сочинении «Описание земель внутри и за пределами Ивового палисада» отмечал, что русские – светловолосые высокие люди, с желтой бородой и с высокими носами, они не боятся стрел и воюют огнестрельным оружием. Они сильные, но любят спать. Говорилось и о русском летоисчислении. Описывались жилища, орудия труда, одежда, монетная система, пищевая продукция. Сообщалось, что их столица находилась на берегу моря в тринадцати месяцах пути от Албазина [15, с. 421–445].

Некоторый интерес представляет маньчжурский текст Нерчинского договора, который позволяет узнать, какие наименования для русской географической наменклатуры были у маньчжуров. Аргунь так и называлась, Горбица – Гербичи, Черная – Урум, Амур же назван Сахалян-Улой. Албазин назывался Яксой. Имена маньчжурских дипломатов приведены согласно их первоначальному маньчжурскому звучанию: Сонготу, Тунгуве, Лантань, Баньдарша, Сабсу, Мала, Уньда. При этом Сабсу назван охраняющим Сахалян-ула. В латинском тексте договора латинской графикой с некоторым искажением передавались маньчжурские варианты названий местностей [16].

Нужно отметить, что в 1686 г. Очирой Саин Тушету-хан не добился особых успехов в рейдах на русские пограничные остроги. Когда Ф. Головин в 1687 г. попытался вести переговоры с Очирой Саин Тушету-ханом, то монгол отказался идти на контакт. Большому походу на русских помешала война халха-монголов с ойратами. Ситуация была тревожной. Еще в декабре 1687 г. от русской агентуры среди монголов поступила инфомация, что халхасцы вместе с маньчжурами готовы идти на Нерчинск. В 1688 г. в империю Цин был отправлен с миссией посол С. Коровин. Очирой Саин Тушету-хан в набег на русские поселения отправил своего брата Шидишири Багатур-хунтайджи в начале января того же года. Основной удар наносился на Удинск и Селенгинск.

У русских в Забайкалье и Приамурье было около 2 тыс. воинов. Численность халхасцев, шедших на Забайкалье, оценивается от 4 до 12 тыс. человек. Они должны были отрезать Иркутск от забайкальских острогов, а также взять Удинск и Селенгинск. В Селенгинске у русских было 250 служилых, у Удинска – немногим более 1 тысячи. В Албазине было 100 служилых, в Нерчинске – 400 воинов. Монголов маньчжуры снабдили огнестрельным оружием, и русские в январе 1688 г. ощущали большие трудности. 26–27 января 1688 г. около Удинска русские сражались против халхасцев, и стрельцы потеряли половину своего состава (17 убитыми и 241 ранеными). Монголы осаждали Селенгинск. Попытка снять осаду Селенгинска был неудачной. Иркутский воевода А. Синявин начал массовую мобилизацию населения. В этой ситуации на стороне русских выступили буряты и тунгусы. Собрав наличные силы из русских, бурятов и тунгусов, в марте 1688 г. был сформирован отряд в 1519 воинов, который выступил к Селенгинску. Гарнизон Селенгинска находился в осаде 11 недель. Вылазка русских 4 февраля была неудачной, а 29 февраля монголы пошли на штурм. Они засыпали город подожженными стрелами и открыли огонь из пищалей. Однако русские отразили штурм. Когда к Селенгинску подошли русские подкрепления, то 20 марта 1688 г. Ф. Головин приказал бывшему украинскому гетману Д. Многогрешному во главе конного отряда совершить вылазку. Видя все это, 21 марта Шидишири Багатур-хунтайджи решил снять осаду и ушел в Халху. Очирой Саин Тушету-хан хотел послать под Селенгинск новый отряд, но благодаря Ундур-Гегену среди монголов возобладало мнение, что война с русскими при условии конфликта с джунгарами не нужна. Осенью 1688 г., в благодарность за дружественное отношение, русские отправили Ундур-Гегену подарки. Правда тот, как и Очирой Саин Тушету-хан, настаивал на выдаче бурят монголам. Те в 1676 г. бежали из Халхи в Забайкалье. Ранее же они в 1658 г. бежали от русских в Халху. Бурятский вопрос был большим местом русско-монгольских отношений. В июне 1688 г. Ундур-Геген оповестил Ф. Головина о том, что Канси будет добиваться мира

с помощью войска. В начале июля 1688 г. маньчжурская флотилия под началом Ченчуня подошла к Албазину. В Халха-Монголии тем временем развернулась полномасштабная война между халхасцами и джунгарами. Галдан-бошокту сломил сопротивление Очирой Саин Тушету-хана, Шидишири Багатур-хунтайджи, Ундур-Гегена. Летом 1688 г. джунгары разорили Халху. Ф. Головин укреплял Удинский острог и готовился нанести удар по табунам. По его задумке, это должны были сделать войска из Телембинского острога, Нерчинска и Удинска. Однако потом он решил отказаться от этого, и, в случае похода маньчжуров под Албазин, идти туда с отрядами из Удинска и Селенгинска. В августе 1688 г., оставив в Удинске и Селенгинске небольшие отряды, он, во главе отряда из 1160 воинов, двинулся в Нерчинск. Обоз был обеспечен ясачными [16; 15, с. 312–352; 1, с. 163-172; 18].

В 1688 г. С. Коровин сначала прибыл в Калган, где 15–19 марта вел переговоры с Лантанем. Он проинформировал, что имеет полномочия прекратить войну, а виновные с русской стороны будут наказаны. То, что монголы не смогли овладеть Селенгинском, обусловило то, что маньчжуры прервали на месяц переговоры. После перерыва русскому послу вручили документ, по которому маньчжуры соглашались провести мирную конференцию в Селенгинске. Предполагалось отправить цинское посольство в 500 человек во главе с Сонготу, Арани, Маци, Мала. В ставке хутукты С. Коровин узнал об осаде Селенгинска. Тогда джунгарский хан Галдан-бошокту распускал слухи о том, что вступил в союз с русскими, и этим воспользовался Ф. Головин. Свое местопребывание он перенес в Удинск. 28 июня С. Коровин встретился с Ф. Головиным. Тем временем Канси выбрал своим главным послом маньчжура Сонготу, а вторым – китайца Дун Гогана, третьим – маньчжура Маци, четвертым – маньчжура Мала, пятым – маньчжура Арани. С ними были и китайские чиновники. Переговоры между империей Цин и Русским государством велись на монгольском и латыни (которая более широко употреблялась). Экскорт посольства состоял из 6 тыс. человек, из которых было 800 солдат. Тем временем в мае 1688 г. маньчжурские вой-

ска Лантаня и Баньдарши выдвинулись к Албазину и Нерчинску. Канси высказывал претензии на Приамурье. Ф. Головин же получил инструкцию заявлять, что Албазин и Нерчинск никогда не были под властью богдыхана. Реальной границей империи Цин русские считали земли Ивового палисада, которые находились южнее Нингуты (это, несомненно, было преуменьшение, реальными форпостами маньчжуров к тому времени стали Цицикар, Айгун и крепость на Зее) [16; 15, с. 352–356; 7, с. 80–82; 18].

Канси же инициативу конфликта возлагал на русских, указывая на то, что те ходили на его земли, и маньчжуры, только построив Айгун и совершая походы на Албазин, прекратили нападения. Русские требовали, чтобы маньчжуры возместили убытки, связанные с военными действиями, и считали, что граница должна проходить по Амуру. Канси указывал, что беспокоится о жителях Приамурья и, если империя Цин не обретет там свою власть, местные жители не обретут спокойствие. Нерчинск и Албазин, а также бассейн Амура император считал землями империи Цин. Также предписывалось требовать выдачи Гантимура и других беженцев. Ф. Головин от своего правителя получил инструкцию, что Гантимур уже умер, а его потомки приняли православие и их невозможно выдать. Канси же инструктировал Сонготу, что если русские не подчинятся его требованиям, то необходимо свернуть переговоры. Ф. Головин от государя имел возможность лавировать и, если маньчжуры не пойдут на границу по Амуру, установить границу по Зее и Быстрой. Предлагалось на реках Зее и Бурее иметь совместные промыслы. Среднее и нижнее течение предлагалось не разграничивать, а иметь там нечто вроде кондоминиума. На дальнейшие уступки предписывалось не идти. Ф. Головин в таком случае собирался защищать русские владения военным способом [16; 15, с. 352–364].

Сонготу собирался подкрепить переговоры исторической аргументацией: тем, что в Приамурье жило племя маоминъань, а на землях дауров жил князь Бэйлэр. Эти территории не являлись землями русских и были буферными между владениями больших государств. 30 мая 1688 г. цинское посольство отпра-

вилось в путь. 8 июня в Селенгинск отправился посол Ундур-гегена хутукты Удзин Балдан-гичюл, который сообщал, что к Селенгинску и Нерчинску двигаются маньчжурские армии, каждая по 50–60 тыс. (что было дезинформацией). 31 июля албазинские казаки обнаружили в 15 верстах от города маньчжурское войско. Маньчжурское посольство, так и не доехав до Селенгинска, потеряло погибших от непривычного климата во время экспедиции 900 человек. Лантань приказал выжечь все посеы у Албазина. В августе 1688 г. халхасцы были разбиты в трехдневной битве при озере Олохой-нор джунгарами. Очирой Саин Тушету-хан вместе с хутухтой Ундур-гегеном были вынуждены бежать и просить цинского подданства. В октябре того же года Очирой Саин Тушету-хан официально стал вассалом маньчжуров. В это же время часть монголов из племени табунут приняли русское подданство. К Ф. Головину прибыл маньчжурский гонец Солоси, который заявил, что цинская дипломатическая экспедиция сорвана ойрато-халхаской войной. Канси хотел не допустить русско-джунгарского союза и решил добиваться мира с русскими. К похожему идеям пришел и Ф. Головин, который не хотел допустить того, чтобы монголы вместе с маньчжурами пришли в Бурятию и Даурию. Он отправил к Цинам И. Логинова. Тот в феврале 1689 г. прибыл в Нерчинск, 5 апреля уже был в Цицикаре, где его ожидали дзургучи [15, с. 352–355; 16; 7, с. 81–82; 18].

Канси же отправил к Нерчинску дипломатическую миссию во главе с Сонготу и Дун Гоганом. В посольстве находились и Лантань, Сабсу, Баньдарша. Арани же был направлен к Галдан-бошокту и в августе прибыл в его ставку в районе Кобдо. До того Канси добивался того, чтобы джунгары ушли из Халхи. Галдан-бошокту для давления на Цинов распустил слух, что намерен действовать вместе с русскими. В ноябре 1688 г. Галдан-бошокту отправил посольство в Иркутск и предложил совместные действия против маньчжуров. Он отказывался от своих прав на телеутские и кыргызские (енисейских кыргызов) земли. Взамен он хотел, чтобы русские начали войну против Очирой Саин Тушету-ханом. Ф. Головин не торопился с ответом. Кроме того, стес-

ненные джунгарами халхасцы частично переселялись в русские владения, и сибирские воеводы их укрывали у себя. Весной 1689 г. Очирой Саин Тушету-хан и Ундур-Геген совместно с маньчжурами начали контрнаступление против джунгар. Ф. Головин со своей стороны опасался, что если отряды Галдана-бошокту уйдут из Халхи, то туда придут войска халхасцев и маньчжур и оборонять от них Забайкалье будет крайне затруднительно. Он обещал Галдану-бошокту не заключать мира с Очирой Саин Тушету-ханом и Канси. Канси же попытался примириться с Галданом-бошокту, пока не был заключен мир с русскими. При переговорах он делал вид, что вина за конфликт лежит на Очирой Саин Тушету-хане и Ундур-Гегене. Он также старался выступать в качестве примирителя между джунгарами и халхасцами летом 1689 г. Галдан-бошокту попытался договориться о союзе с русскими, но взамен требовал выдачи халхасцев, находящихся у русских. Это насторожило русских и помешало джунгарскому посольству добиться успеха. 4 мая 1689 г. посольство И. Логинова встретилось с отрядом Лантаня в одном дне пути от Чжанцзянкоу, недалеко от Великой Китайской стены. Маньчжур обвинил русского посла в том, что он содействовал военным приготовлениям. И. Логинов же опровергал все обвинения. Лантань заверял русских, что военных при маньчжурском посольстве будет незначительное число. На самом деле в Айгуне зимовала хэйлунцзянская армия и при маньчжурах было 100 судов. В июне маньчжуры уже стояли под Албазином, а в июле начали двигаться в направлении Нерчинска. Видя это, русские медленно подтягивали силы ясачных бурят и тунгусов к Телембинскому и Еравненскому острогам. 12 июля маньчжурская флотилия подошла к Нерчинску. Ф. Головин получил информацию об этом 22 июля и сразу же отправил гонца с требованием отвести войска от Нерчинска. 27 июля маньчжуры получили требование и отвели свои суда на реку Шилку против устья Нерчи. На момент начала переговоров у русских было 100 служилых в Албазине и 600 в Нерчинске. Ф. Головин отдавал себе отчет в том, что в случае конфликта Албазин не удастся отстоять. Логинов отмечал, что вместе с послами при-

дет значительное войско. Маньчжуры же объявили, что Нерчинск будет местом встречи послов. Логинов вернулся в этот город лишь 1 августа. Когда он прибыл, Лантань, Саньсу и Баньдарша уже неделю находились под городом. Во время своей миссии И. Логинов встретился с европейцами, в частности с иезуитом Т. Перейрой. Русский проинформировал португальца, что русские вступили в союз с австрийцами и поляками против турок. Португалец же говорил, что христиане заинтересованы в мире русских с Цинами. При цинских послах была карта района разграничения, подготовленная Ф. Вербистом. 21 июня Сонготу прибыл к Нерчинску [15, с. 355–360; 7, с. 82–85; 16; 20; 1, с. 177–186; 18].

Сведения португальца Т. Перейры и француза Ф. Жербийона позволяют нам посмотреть на заключение Нерчинского договора с процинской европейской позиции. Говорилось, что император приказал снять осаду с Албазина и не ограничивал русских ни в чем при условии, что они не будут засеивать земли. Отмечалось, что на переговоры прибыло 90 судов с 1 тыс. воинов при 40 пушках. Португалец отмечал: маньчжуры говорили, что русские лгуны и нарушают ранее данное слово. Тот для справедливости указывал, что среди китайцев также много лгунов. Естественно, что в своем сочинении португалец считал себя и Ф. Жербийона людьми, спасающими переговоры от провала. Он также пел дифирамбы Сонготу, который был главой маньчжурского посольства. Впрочем, и Сонготу был не уверен в заключении договора. Португалец указывал, что Албазин не предмет для торга, поскольку войска императора занимали этот город. Причину неуступчивости Ф. Головина он видел в том, что А. Толбузин просил не уступать Албазин, поскольку не хотел терять свой пост. Также Т. Перейра считал, что русские думают, что иезуиты собираются вернуться в Пекин. Он отмечал, что маньчжуры были уязвлены блестящим видом русского посла, которого они считали варваром. Сам Ф. Головин во время переговоров находился в меланхолии. Т. Перейра отмечал, что ему приходилось убеждать и русских и маньчжуров в необходимости переговоров. Буряты, которые были около Нерчинска, были названы Т. Перейрой хал-

хасцами, отмечалось, что они хотят перейти на сторону маньчжуров. Самих маньчжуров он называл китайцами и татарами, а русских – москвитянами. К маньчжурам у Т. Перейры не было особого пиетета, и он отмечал упертость как маньчжуров, так и русских. Компромисс все же был достигнут, и договор подписан. Отмечалось, что русские дали дары маньчжурам, а маньчжуры – русским. Говорилось, что маньчжуры поблагодарили иезуитов за работу при переговорах. Для Т. Перейры и маньчжуры и русские были одинаково чужды. Единственное, он позитивно отзывался о Сонготу и Канси, т. е. льстил главным лицам в государстве по типичной иезуитской практике [16].

Ф. Жербийон отмечал, что 27 июля маньчжурский флот под командованием Маолаоэ прибыл к Нерчинску. Когда прибыло войско, с которым пришли Т. Перейра и Ф. Жербийон, вперед было направлено 500–600 воинов, чтобы расчистить дорогу. Отмечалось, что солдаты, служившие на судах, были ссыльными. Француз отметил ужасные условия их содержания. На судах прибыло 1,5 тыс. солдат, а с посольством 1,4 тысячи. Прибытие войска поразило воеводу Нерчинска, поскольку он не был уведомлен об этом. 22 июля послы отправили письмо русским уполномоченным, а 2 августа русские ответили. Русский курьер жаловался, что двое русских убиты у Яксы (Албазина) маньчжурами. Русский гонец отметил, что при нем только 500 солдат, в отличие от маньчжуров. 6 августа судам было приказано, чтобы они отошли дальше от Нерчинска. 8 августа прибыл русский посол, а 10 августа было решено, что послы от маньчжуров переправятся в сопровождении всего 800 воинов, из которых 500 будут при оружии. 12 августа была первая угроза срыва переговоров. Вместе с Ф. Головиным прибыло 260 русских солдат. Француз отмечал великолепную одежду русского посла. Указывалось, что при первом заседании маньчжурские послы потребовали больше, чем на самом деле хотели. На заседании 13 августа иезуиты не присутствовали. На этом заседании маньчжуры соглашались оставить Нерчинск русским. 14 августа русский посол идет на уловки, объясняя, что ему сложно говорить по-монгольски, хотя

при нем было два монгола. 15 августа иезуиты посетили Ф. Головина. Указывалось, что русский также хотел мира, как и европейцы. Отмечалось, что 100 маньчжур из-под Нерчинска были переброшены под Албазин и вместе с 400–500 маньчжурами, находящимися под Албазином, должны были потравить посеы и не позволить русским восстановить укрепление. Маньчжуры были настроены решительно и перешли к действиям 18 августа, многочисленные халхасцы, ранее ставшие подданными русских, уже склонялись на маньчжурскую сторону. 19–28 августа проходили переговоры. При подписании договора Ф. Головина сопровождали несколько сотен воинов. Для Ф. Жербийона был характерен интерес к быту и жизни монголов, которые Т. Перейра описывал очень скупо и неохотно. Француз больше, чем португалец, симпатизировал русским. Сведения Ф. Жербийона также позволяют уверенно утверждать о том, что количество 3 тыс., указанное в цинских документах, куда ближе к правде, чем указываемые русскими 8,7 или 10 тысяч. Под Нерчинском и Албазином при очень важных переговорах 1689 г. у маньчжуров было около 3,5 тыс. Это превышало русские силы в несколько раз, но не в десять и больше раз [16].

Голландец Н. Витсен передал русскую позицию. Он указывал, что в Даурии находится город Албазин около Амура и там есть возделываемые пашни. Соседями русских в этом крае являлись мугалы (монголы), татары Ниухе (маньчжуры) и собственно дауры. Отмечалось, что около крепости Албазин поселилось 300 русских. Около Албазина были соседние русские провинции Илим и Нерчинск. Говорилось, что сравнительно недавно синцы приплыли на 100 судах и вынудили отступить немногочисленный русский гарнизон. Указывалось, что Албазин – самый дальний русский город и далее его живут ламуты (эвены) и зукзары. Более 200 тыс. язычников платили дань русским в стране Даурия, они живут в шатрах и хижинах, которые находятся в лесах. Мунгут (Мерген) – это город, построенный по приказу синского императора. На реке Корга (Лорга) синцы держали крупные военные гарнизоны до 20 тыс. чел. В 1688 г. окольный из Брянска

Ф. Головин был отправлен на восток вести переговоры. Тогда братья (буряты) и тунгусы начали переходить на сторону богдыхана. Говорилось, что московиты и синцы содержали около Амура значительные гарнизоны. На реке Ингоде находилась крепость Нерчинск. На реке Хилке – крепость Иргенская. На берегу реки Аргунь – Аргунская крепость. В 1694 г. в Нерчинске по просьбе синцев были обезглавлены четыре человека за то, что они охотились в маньчжурских пределах. Нерчинские и удинские земли были раньше очень густо заселены, но когда земли отошли к Сине, между Нерчинском и Аргунью осталось мало людей, а между Науном и Аргунью их почти не осталось. В Нерчинске можно дешево купить синские товары, часто использовалась бартерная торговля. Нерчинск лежит на реке Нерча. В нем сильный гарнизон русских с пушками. Вверх по Шилке также заселились русские. Около города живут язычники – тунгусы, главой которых до недавнего времени был Каттана Гантимур, который из Ниухе, и его звали Павел Гантимур. Около Нерчинска в 1689 г. был заключен мир между московитами и синцами. За Ф. Головиным стояло 800 воинов, а за синским послом 5 тысяч. Послы обменялись дарами. Отмечено, что братские и онкотские народы бунтовали. Братья враждовали с верными московитам тунгусами, и между этими народами наблюдалась жестокая вражда. 2 тыс. братьев и онкотов хотели перейти на сторону синцев. В 1686 г. к реке Борзе в четырех днях от Нерчинска подходили монголы. По договору между московитами и синцами крепость Албазин снесена. Около Нерчинска живет 6 тыс. тунгусов, московитских подданных. Аргунская крепость после заключения мира стала крайней крепостью на синской границе. В Даурии под властью Синов находится город Наун. На реке Наун жило много синцев. Берег моря населен гиляками (нивхами). На берегу моря, говорят, находили европейское судно. Удинская – это русская крепость на реке Уде. По соседству с Даурией живут монголы, корейцы и братья. Народ, называемый амурцы, является подданным Сины. Глава онкотов Арзай в 1689 г. перешел на сторону синцев. На реке Силка в том году находился синский флот. Н. Витсен также сообщил

предысторию русско-маньчжурского конфликта, а также о войне между ойратами и монголами [8; 9; 10].

Войска Сабсу и Лантаня были на судах на реке Амур. 23 июля начались предварительные переговоры. Посланный Ф. Головиным В. Лутовинов задал маньчжурам вопрос, прибыли они к городу заключить договор или воевать. Он настаивал на равном составе посольских эскортов и предлагал маньчжурам отойти от города. Также он сообщал, что маньчжуры убили нескольких русских подданных и ведут себя вызывающе. Отмечалось, что И. Логинов еще не вернулся и его судьба неизвестна. 31 июля В. Лутовинов снова прибыл к маньчжурам в лагерь. Он выражал готовность пойти на открытие переговоров, но призывал маньчжуров отвести войска. Временем начала переговоров он назвал 11 августа, что не понравилось Цинам. Те призывали поторопить посла. 6 августа дзаргучи Раши прибыл к Сонготу с требованием Ф. Головина. Вместе с ним на приеме был С. Васильков. Сонготу продолжал вести переговоры с позиции силы, приказав спуститься судам вниз по течению. Ф. Головин вместе со своим отрядом выступил к Нерчинску 9 августа, а затем состоялось согласование протокола встречи [15, с. 358–361; 16; 1, с. 183–186].

Данные о переговорах, главным образом, сохранились в статейном списке Ф. Головина, записках Т. Перейры и Ф. Жербийона. 12 августа 1689 г. состоялась встреча Ф. Головина и Сонготу. Русский посол предложил сделать границей Амур. Ф. Жербийон указывал, что маньчжуры считали, что Нерчинск и Албазин находятся на территории, которая прежде платила дань маньчжурам. Также были выдвинуты претензии на Забайкалье до Селенги. Сонготу предъявлял права на земли Гантимура и его рода. Канси в инструкции Сонготу позволял провести границу по Аргуни. Сонготу был не склонен идти на уступки, однако понимал, что нельзя полагаться только на силу, как это делал Лантань. 13 августа он давил на русского посла, который, однако, был не намерен уступать. И тогда в качестве компромисса Сонготу предложил провести границу по Зее и Бурее с возмещением ущерба нанесенного маньчжурами Албазинской крепости. Се-

верный берег Шилки и Нерчи оставался за русскими. В ответ на это Ф. Головин предложил провести границу по Амуру до Зеи. Сонготу пошел на демарш, ночью убрав свой шатер. Маньчжурские послы действовали несогласованно с европейцами-иезуитами. Т. Перейра отмечал возобновление вялотекущих военных действий. Это был шантаж. Ф. Головин прислал в маньчжурский стан А. Белобочко и С. Василькова. Они говорили, что намерения маньчжуров снести Албазинский и Аргунский остроги свидетельствуют о их нежелании вести переговоры и что они готовы их прекратить. А. Бейтону Ф. Головин приказал готовиться к обороне Албазина, около Нерчинска усилили караулы. 15 августа Ф. Головина посетили Т. Перейра и Ф. Жербийон. Они отмечали, что если русские не уступят Албазин, то переговоры пройдут впустую и что маньчжуры готовы воевать. В Нерчинске находилось всего 1450 людей, а буряты и онкоты около Нерчинска были готовы перейти к Цинам. Сонготу предложил снести не только Албазин и Аргунский острог, но и поселения в междуречье Шилки и Аргуни. Планировалось, что граница будет проходить по Шилке. Несколько позже он согласился провести рубеж по реке Горбице и по хребту. Этот вариант был оглашен как окончательный. Ф. Головин продолжал отстаивать позицию, по которой граница продолжала находиться в районе Албазина [15, с. 361–371; 2; 7, с. 83–84; 16; 1, с. 183–186].

Тогда Сонготу начал решительно действовать, переманивая ясачных бурят и онкотов. После этого Ф. Головин согласился уступить вниз по Амуру столько земель, сколько маньчжурские послы хотят, правобережье Аргуни уступали до самого верхнего течения, а в районе Зеи предлагалось устроить общие промыслы. Сонготу соглашался на эти условия при том, что русские поселения должны быть перенесены с левобережья Аргуни, в том числе и местный острог. Это возмутило Лантаня, который отдал приказ о переправе войска. Позицию маньчжурских ястребов войны разделял Т. Перейра. Цинские войска стояли на высотах, с которых можно было удачно обстреливать Нерчинск. На сторону маньчжуров были готовы перейти буряты. Видя все это, Ф. Головин пошел на уступку, сдав Албазин. 21 августа русские попытались

вести переговоры о границе по Аргуни и Амуру до Албазина, однако маньчжуры снова перешли к военной демонстрации. Они осадили Нерчинск и находящееся в нем посольство. Цинское посольство дало знать, что не против установления границы по Горбице и Аргуни. Ф. Головин выдвинул предложение провести границу по Одекону, Амуру до устья Аргуни, до озера Далай-нор, а от этого озера довести до реки Керулен. Но и это предложение было отброшено [15, с. 371–377; 2; 1, с. 188; 7, с. 84].

Ф. Головин не смог бы противостоять маньчжурам в случае конфликта. Цинские войска фактически оккупировали Албазинский уезд и часть Нерчинского воеводства. Русский посол решил уступить земли в Приамурье, сохранив для русских земли по Аргуни, которые можно было использовать для земледелия. По Аргуни граница проводилась до самого верхнего течения, но не до Далай-нора. Аргунский острог должен был быть перенесен, а Албазин razорен. При приграничных спорах предполагалось вести переговоры, а не войну. На следующий день после этого решения к русскому послу прибыли маньчжурские гонцы, которые принесли цинский вариант договора. В нем предлагалось выдать эвенков Гантимурова улуса, на что русские не пошли. Ф. Головин отказался принять назад русских беглецов, выдаваемых маньчжурами, согласившись только на выкуп пленных. Маньчжуры же в ответ на это предложили провести границу по хребтам до самого моря и начали высказывать претензии на Якутское воеводство. Сонготу начал угрожать русским войной, рискуя сорвать переговоры. Головин отвечал, что согласен провести границу по хребту, ближайшему к Амуру, а земли к востоку от Зеи и Уды оставить без разграничения. Далее обсуждались второстепенные вопросы. 29 августа состоялось подписание договора, по которому Албазинский и Аргунский остроги разрушались, Приамурье отходило к Империи Цин, граница проходила по реке Горбице и ближайшему к Амуру хребту и по Аргуни. Между рекой Удой и хребтом проходила полоса неразграниченных земель. Нарушители границ карались обеими сторонами. Также карались перебежчики. Пленные албазинцы и перебежчики оставались в империи Цин,

род Гантимура – в русских владениях. Обеспечивалась свобода торговли в обеих странах. Император Канси был удовлетворен договором. Это позволило ему развязать себе руки в Монголии против ойратов [15, с. 377–386; 2; 7; 20; 1, с. 189; 7, с. 84–87; 19, с. 249–255].

В Москве узнали о заключении договора 31 мая 1690 г., а полностью ознакомились с ним 20 июня, когда власть царицы Софьи пала. Земли Приамурья фактически оказались ничьими, формально находясь под властью империи Цин. Они были возвращены в состояние, в котором находились в 40-х гг. XVII в. до прихода Е. Хабарова. В июне 1690 г. в Нерчинск прибыло посольство от Галдана-бошокту. Нерчинский воевода Ф. Скрипицын не решился начать войну против империи Цин, т. к. не имел на это полномочий. От джунгар также прибыло посольство во главе с Аюкой-дарханом. Он предлагал продолжить войну с маньчжурами и очистить от них Амур. Из Иркутска посол прибыл в Тобольск и просил его допустить в Москву. Когда в Нерчинске появился джунгарский посол, тогда Лантань в устье Аргуни устанавливал стелу с текстом договора. В 1690 г. Галдан-бошокту нанес поражение монголо-маньчжурскому авангарду в битве при озере Далай-нор. Тогда Канси направил против джунгар основные силы. В битве у Улан-Бутуна маньчжуры разбили ойратов, а Галдан-бошокту был вынужден отойти в Кобдо. В начале осени Галдан-бошокту предпринял контрнаступление и в битве при реке Шанхадай разбил Очирой Саин Тушету-хана и Ундур-Гегена. После этого он пришел на Онон и разбил оставленные у русской границы маньчжурские части. Удские казаки сообщали, что в 1690 г. на реке Тугур стояли маньчжурские войска, но они по непонятным им причинам отступили. Реальной же причиной было наступление джунгар, против которых маньчжуры должны были собрать войска. Маньчжуры после Нерчинского договора утратили интерес к Приамурью. Единственным городом в бассейне реки остался Айгун (Сахалынь-ула-хотонь). Хэйлуцзянский наместник был переведен из этого города в поселение Мерген. Гарнизон Айгуна периодически патрулировал русско-маньчжурскую границу. До-

зорные ходили судами по Амуру, Горбице, Шилке, Аргуни. Патрули на границу также отправлялись из Мергена и Цицикара. Три патруля состояли из отрядов по сотне человек. Айгун служил местом ссылки каторжников, которых использовали на лесоповалах и как бурлаков на реке. Ссылке подлежали как китайцы, так и маньчжуры. На Амуре Цины создали 32 казенных поселения, где жили ссыльные. На самом Амуре маньчжуры выставляли караулы в устье реки Хумары и на излучине Улусу-Модон. В переговорах с русскими в Нерчинске джунгарский посол Ачин-кашка говорил, что Галдан-бошокту не знал, что в Нерчинске были маньчжурские послы, и даже хотел наступать к Науну, чтобы очистить от маньчжуров Амур. Это, конечно, было дипломатичное приукрашивание. Джунгарский правитель хотел втянуть русских в свою войну. Он торопил русских с принятием решения и говорил, что богдыхан не имеет права на приамурские земли. В 1691 г. в Нерчинск прибыл маньчжурский представитель Кишты с письмом от Сонготу. Маньчжуры опасались возможного союза русских с джунгарами. Сонготу предупредил, чтобы русские не находились в Джунгарии, иначе будут убиты, и предостерег от союза с Галданом-бошокту. Русский посол Г. Лоншаков был отправлен в Китай в 1689–1690 гг. Он доносил, что маньчжуры ставят столбы для разграничения территории. Миссия русского посла была направлена на то, чтобы добиться выдачи перебежчиков и албазинцев, но это ему не удалось сделать. Вместе с тем была собрана важная разведывательная информация. Шпионажем занимался и П. Хмелев, который заметил антиманьчжурские настроения ханьцев (китайцев) Пекина. Он отмечал, что хотя маньчжуры и построили город Агул (Айгун) на Амуре, но их власть в регионе непрочна. После того как халха-монголы на съезде 1691 г. приняли решение войти в империю Цин как подданные, в 1692 г. в январе Сонготу отправил нерчинскому воеводе предложение провести границу между монгольскими владениями Цинов и сибирскими русскими владениями. Маньчжуры продолжали выдвигать территориальные претензии (в этот раз Забайкалье), русские же отсылали их к Нерчинскому договору, и поскольку джунгарско-мань-

чжурская война продолжалась, то удерживались от того, чтобы принимать конкретное решение. Летом 1691 г. русские отправили маньчжурам ответ, что воевать на стороне джунгар не собираются. Его привез А. Плотников, приехавший в Пекин вместе с русским торговым караваном [15, с. 387–394; 7, с. 87–98; 1, с. 194–201].

В 1692 г. датчанин Э. И. Идес просил русских позволить ему осуществить путешествие в цинские владения. Он был одним изиноземцев в Немецкой слободе и был завербован русскими. Его отправили как посла, который должен был передать царскую грамоту, и ему позволялось поклониться, т. е. исполнить церемонию коуту. Посольский приказ предписывал ему самостоятельно не поднимать вопрос о границе по реке Уда. Если же вопрос будет поднят маньчжурами, то он должен был отвечать, что не имеет для этого полномочий. Также предписывалось уклониться от утверждения Нерчинского договора особой присягой. Петр I не скрывал намерений пересмотреть невыгодный договор. Датчанину полагалось собирать информацию, не концентрируют ли маньчжуры войска в пограничных землях. Также нужно было выяснить, не нападают ли казаки на цинские владения, дабы не дать тем повод для войны. 2 марта 1692 г. Э. И. Идес отбыл из Москвы, а 10 октября 1693 г. прибыл в Пекин. Датчанин хотел передать дары и грамоту самому богдыхану, однако Сонготу, Исана, Аланьтай, Баньди угрожали ему тюремным заключением. 24 ноября 1693 г. Э. И. Идес удостоился императорской аудиенции, но это произошло только после того, как он поднес подарки Сонготу. В китайских документах дары были расценены как дань со стороны Белого (русского) царя, отмечалось, что его люди упрямы и костны. Россия характеризовалась как большое государство. Говорилось, что при династии Мин русские заходили за маньчжурские заставы. Сонготу жаловался Э. И. Идесу на русских подданных, которые ходят в промыслы за пушниной на Зею, Биринду и другие реки. Он также напоминал о размежевании монгольской земли. Ссылаясь на то, что разграничение проведено уже Ф. Головиным, Э. И. Идес свернул миссию и в феврале

1694 г. оставил Пекин. Через год он вернулся в Москву. Маньчжуры собирались укрепить Айгун, сделать из Цицикара значительный центр, для Ундур-гегена предполагалось построить город вблизи озера Далай-нор. Все эти сведения датчанин добыл у подкупленного им иезуита-француза. В 1693 г. маньчжуры учредили «Правила для русских дипломатов и купцов». Число послов не должно было превышать 200 человек, и они должны были являться раз в три года, жить в особом русском доме, губернаторам Хэйлуницяна предписывалось вскрывать послания русских, как только те пересекут границу. На русские остроги нападали монголы. В Даурии, хотя служилые, в отличие от Якутии, получали исправно жалование, положение было тяжелым. В Нерчинском, Еравнинском и новом Аргунском острогах было всего 400 воинов. Маньчжуры не собирались отправлять послов к русским. Это противоречило китаецентричной картине мира [7 с. 98–103; 1, с. 201–210; 15, с. 394–419].

В 1697 г. маньчжуры были настроены миролюбиво. Монгольские тайши были вынуждены вернуть русским угнанный у них скот. По завершении джунгарско-маньчжурской войны русские предложили маньчурам урегулировать вопрос о границе с Халхой. Русско-маньчжурская торговля шла через Нерчинск. Тяжелым был отрезок пути от Аргунского острога до Науна, поскольку он был небезопасен из-за налетов кочевников. Русские сбывали в Китай меха из Сибири. В 1699 г. нерчинский воевода предписывал русским не нарушать границу и ходить на промыслы в своих пределах. В 1700 г. маньчжуры добивались разграничений в Монголии, на что была санкция Канси. Петр I в 1706 г. предписывал русским соблюдать нерчинскую границу. В 1700 г. казаки бежали из Нерчинска в маньчжурские владения. Были и перебежчики из цинских владений, которые в 1703 г. бежали в русские владения. В 1710 г. якутские русские чиновники разведали местности у устья реки Уды. Некоторое время освоение Дальнего Востока русскими было затруднено невозможностью плавать по Амуру. В 1717 г. нерчинский воевода требовал от маньчжуров выдачи перебежчиков. Маньчжуры же ответили на это тем, что перебеж-

чики были только предлогом, а на самом деле русских беспокоит торговля, которая застопорилась с 1710 г. Отмечалось, что вопрос о монгольской границе, поднимаемый маньчжурами в 1700 г., так и не решен. Русских упрекали в укрытии халхасских перебежчиков и угрожали закрыть торговлю. В 1719 г. в империю Цин русские решили отправить миссию Л. Измайлова. Было решено добиться беспошлинной торговли и открытия в Китае русского консульства. Петр разрешил Л. Измайлову исполнить ритуал коутоу, за что русский посланник удостоился императорской аудиенции. Маньчжуры надеялись, что вопрос пойдет о разграничении монгольской границы и участии русских в войне против джунгар, но, выслушав русские предложения, чиновники государственного совета империи Цин были раздражены. Они позволили только пропустить в свою страну задержанный русский торговый караван, а за это просили выдать 700 монголов. Касательно разграничения, то рубежом маньчжуры предлагали сделать Ангару. На это русский посол не пошел, и его миссия закончилась провалом. В марте 1721 г. он выехал из Пекина, а караван Ф. Истопникова встретил искусственные преграды со стороны маньчжур. В 1722 г. цинский император заявил русскому агенту Л. Лангу, чтобы никаких русских купцов в его государстве не было. Такая позиция маньчжуров была, в свою очередь, обусловлена тем, что посольство Тулишена к калмыкам в 1714 г. встретило противодействие со стороны русского императора, а также русские не допустили маньчжурских мандаринов в Сибирь. Русские согласились только отдать монгольских перебежчиков [7, с. 103–120; 15, с. 419–423].

Летом 1724 г. гун Олондай и руководитель государственного совета Тэгуту прибыли в Селенгинск для решения пограничного вопроса. В 1725 г. от новой правительницы Екатерины I был отправлен дипломат С. Владиславич. 21 октября 1726 г. он прибыл в Пекин. На переговорах маньчжуры начали настаивать на том, чтобы русские отдали земли около Уды в Бурятии. Получив ответ, что это не та Уда, маньчжуры начали настаивать и на разграничении территорий у дальневосточной Уды. Они угрожали эмиссару от фактического домашнего ареста до оглашения вой-

ны. В июне 1727 г. русское посольство прибыло на государственную границу, где фактически летом и происходили переговоры. 20 августа 1727 г. был подписан Кяхтинский договор, составной частью которого был Буринский договор. Был решен вопрос о монгольской границе, по которой Бурятия и Забайкалье оставались русскими владениями, но часть Тывы стала маньчжурской. Район Уды остался неразграниченным. В 1729 г. Юнчжен отправил посольство в Россию для того, чтобы привлечь русских и калмыков для войны против джунгар. Посольство к калмыкам было задержано в Тобольске. В 1731 г. посольство прибыло в Москву, но не добилося там желаемого. Л. Ланг докладывал в 1732 г., что джунгары ведут войну с маньчжурами. В 1733 г. это породило у русских надежду установить границу на Амуре. Однако императрица Анна Иоанновна не желала войны с маньчжурами, и этот вопрос был отложен до лучших времен. В 1735 г. государственный совет империи Цин отправил в Сенат напоминание о желательности разграничения в бассейне Уды. Сообщалось, что русские промышленные люди переходят границу и охотятся в цинских владениях. Русские ответили, что в Сибирь отдали приказание жестче следить за границей. Тем временем экспедиция Скобельцина-Шетилова разведала местности по Горбице и Зее. Она вернулась назад в 1737 г. Экспедиция обнаружила, что на Зее, Албазихе, Амуре, Гилрое охотятся и проживают некоторые русские. Пока это не было массовым явлением, империя Цин безразлично относилась к мелким нарушениям, поскольку ей был важен джунгарский, а не приамурский вопрос. Русские тем временем исследовали реку Уду в 1741 г. В 1747 г. А. Чириков составил проект, по которому предлагалось вернуть Приамурье, действуя с моря. Однако на это не было санкции императрицы Елизаветы I, и портить отношения с маньчжурами русские не стали. У них остро стоял пограничный вопрос с джунгарами, границу с которыми русские отодвигали все далее на юг, заселяя Южную Сибирь русскими, однако не отменяя режим двоеданничества. Русские в 1754 г. только собрали сведения об Амуре. Предлагалось решить вопрос о Приамурье на основе компромисса. В 1755 г. произошел инцидент на грани-

це, который осложнил отношения. Бегство русского каторжника М. Шульгина в маньчжурские владения породило среди приамурского местного населения слухи, что Л. Соймонов хочет захватить Айгун. Местные тунгусо-маньчжурские племена были целиком довольны режимом, установленным Нерчинским договором, и боялись нового утверждения русских в регионе. Маньчжуры прямо заявили, что если у Л. Соймонова четыре полка, так у маньчжур их много более будет. В январе 1757 г. в Пекин отправили курьера В. Братищева, а в Пекин миссия прибыла в сентябре того же года. Маньчжуры отказали русским на прошение о пропуске русских судов в реку Амур. Бегство же джунгарского тайши Амурсаны в русские пределы привело в ярость Цяньлуна. Маньчжуры проводили рейды, заходя на русскую территорию. В мае 1758 г. В. Братищев привез в Санкт-Петербург официальный отказ маньчжурской стороны пропускать суда. Император Цяньлун приказал своим людям, в случае входа русских в Амур, предупредить их, а если они не послушаются, то с должным количеством войск схватить русских. В 1757 г. император требовал выдачи Амурсаны. В 1758 г. ситуация осложнилось бегством джунгар и алтайцев в русские владения. К тому времени Джунгарское ханство было уже ликвидировано, а маньчжуры добивали последние очаги сопротивления их оккупационным войскам. В 1761 г. маньчжуры выставили караулы по Аргуни. В 1760 г. маньчжуры выступили против взимания пошлин русскими в Кяхте с цинских торговцев. В 1762 г. состоялись переговоры между маньчжурами и русскими, которые не привели ни к каким результатам, и Кяхтинский торговый пункт был закрыт маньчжурами в одностороннем порядке. В 1763 г. И. Кропотову было позволено продать доставленные в Пекин товары. Императрица Екатерина II предпочла не осложнять отношений с империей Цин. В 1765 г. власти Хэйлунцзяна провели инспекцию пограничных территорий. В отчете было сказано, что не было засвидетельствовано фактов нарушения границ русскими. В нем также честно говорилось, что о границе маньчжуры реально не беспокоились со времен Канси и что проверки нужно проводить регулярно. В 1768 г. было подписано «Дополне-

ние к Кяхтинскому договору», в котором пограничные претензии предавались забвению, пошлины в Кяхте и Цурухайтуе не взымались, а русские уничтожали надолбы в Кяхте [7, с. 120–175].

Русские появились на этнических китайских землях в Пекине еще после действий Шарходы против русских. Из пленных была составлена русская рота, которой командовал А. Урусланов. До Первой Албазинской кампании маньчжуры доставляли попавших в плен русских. Вследствие двух албазинских кампаний пленных русских в Китае стало еще больше. Русские несли в Пекине военную службу, а также вели переводческую и преподавательскую деятельность. В 1708 г. при государственном совете была создана Школа русского языка. Правда она действовала недолго. Русские вскоре ассимилировались среди местного населения. С установлением в 1715 г. русской духовной миссии в Пекине Русская рота и албазинцы стали объектом влияния русских властей. Но чем больше времени проходило от Албазинских кампаний, тем менее это становилось возможным. В 1822 г. пришлось открывать школу для албазинских детей, чтобы обучить их основам христианства. В антропологическом отношении в XIX в. албазинцы не отличались от китайцев [4; 14].

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам. В Приамурье империя Цин имела превосходство над русскими. В 1683–1684 гг. маньчжуры вели дипломатическую и военную подготовку к конфликту. Активно налаживалась логистика для выдвижения войск к Албазину. Оборону русскими Албазина в 1685 г. сложно назвать героической, поскольку крепость капитулировала в течение нескольких дней. Канси в 1685 г. считал, что достаточно взять только эту крепость. Восстановление русскими Албазина и увеличение там русского гарнизона вынудило маньчжур развязать военные действия большего масштаба. Кампания 1686 г. была еще более сложной для маньчжуров. Русские ожесточенно сопротивлялись и не дали маньчжурам взять Албазин. Канси пришлось отказаться от намерения осадить еще и Нерчинск, как это предполагалось первоначальным маньчжурским планом. В 1687–1688 гг. Канси не вел прямых военных действий.

Он предпочитал воевать с русскими руками своих халхаских вассалов. Перспектива джунгарско-русского союза вынудила Канси искать мира с русскими. Царевна Софья также искала мира с маньчжурами, поэтому направила и послов для переговоров в 1686–1689 гг. Необходимо отметить, что и при русских, и при маньчжурах находились войска для того, чтобы подкрепить дипломатию реальной силой. У маньчжурского посла Сонготу она была более внушительной, а Ф. Головин мог рассчитывать только на гарнизон Нерчинска. В переговорах активно участвовали посредники-иезуиты – португалец Т. Перейра и француз Ф. Жербийон. Маньчжуры военным давлением навязали Русскому государству Нерчинский договор на своих условиях, который практически оставил население Приамурья и Приморья в сфере влияния империи Цин. Эти территории играли роль буфера и управлялись племенными старейшинами. Русское государство с 1689 по 1761 г. предпочитало не обострять отношения с империей Цин, однако таких уступок, как в 1689 г., не делало. В том, что русские уступили громадные территории маньчжурам, была вина непосредственно Ф. Головина, который пытался оправдаться за это, существенно преувеличивая маньчжурские силы под Нерчинском.

Список источников и литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М. : Наука, 1969. 240 с.
2. Артемьев А. Р. Спорные вопросы размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/1-1-0-8>.
3. Артемьев А. Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 годах // Вестник Дальневосточного отделения РАН. № 4–5. Владивосток : Дальневост. отд-ние РАН, 1993. С. 129–136. URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/1-1-0-6>.
4. Артемьев А. Р. К истории формирования русской православной диаспоры в Китае // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие : материалы Всерос. науч. конф. (3–4 февраля 2005 г.). URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/k_istorii_formirovanija_russkoj_pravoslavnoj_diaspory_v_kitae/1-1-0-133.

5. Бартенев Ю. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. Кн. 1. Вып. 2. СПб. : Тип. Лазарев. ин-та вост. языков, 1899. URL: <http://albazin.ucoz.ru/knigy/1.htm>.

6. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л. : Брокгауз-Ефрон, 1925. 97 [3] с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22195-bahrushin-s-v-kazaki-na-amure-l-1925#page/1/mode/grid/zoom/1>.

7. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середины XVIII в. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1986. 336 с.

8. Витсен Николас. Северная и восточная Татария. Т. 1. 624 с. Амстердам : Pegasus, 2010. URL: <http://kadykchanskiy.livejournal.com/216297.html>.

9. Витсен Николас. Северная и восточная Татария. Т. 2. 608 с. Амстердам: Pegasus, 2010. <http://kadykchanskiy.livejournal.com/216297.html>

10. Витсен Николас. Северная и восточная Татария. Т. 3. 584 с. Амстердам : Pegasus, 2010. URL: <http://kadykchanskiy.livejournal.com/216297.html>.

11. Воробьев П. И. К истории русско-китайских отношений в XVII в. // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. 17. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 167–198. URL: <http://albazin.ucoz.ru/knigy/8.htm>.

12. Демин Э. В. Жили-служили «Ивашко да Пашко» : (Как селенгинские казаки спасали легендарный Албазин на Амуре) // Журнал «Байкал». № 5–6. Улан-Удэ : Буряад унэн, 2012. URL: <http://albazin.ucoz.ru/knigy/7.htm>.

13. Зуев А. С. Штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири : альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск : Изд-во Новосиб. Гос. ун-та, 2000. URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/z/3-1-0-11>.

14. Лапин П. А. «Русская рота» в Пекине. К истокам русской православной диаспоры в Китае (конец XVII – начало XX в.) // Диаспоры. № 2. М. : Наталис, 2012. URL: <http://albazin.ucoz.ru/knigy/9.htm>.

15. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1987. 512 с.

16. Русско-китайские отношения в XVII в. : Материалы и документы. Т. 2 : 1686–1691. М. : Наука. 1972. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Russ_kit_otn_17_v_II/.

17. Русско-монгольские отношения. 1654–1685 : сборник документов. М. : Вост. лит., 1996. 559 с. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/>

Dokumenty/Mongol/Rus_mong_3/index.phtml?id=13570.

18. Русско-монгольские отношения. 1686–1691 : сб. документов. М. : Вост. лит., 2000. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_4/index.phtml?id=14121.

19. Черевко К. Е. О русско-китайской границе по Нерчинскому договору 1689 г. // Проблемы национальной стратегии. № 4 (25). М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. С. 249–255. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/4/19_.pdf.

20. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 212 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/840300/>.

**«ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ».
ЗАВОЕВАНИЕ РУССКИМИ ТУНГУССКИХ
ЗЕМЕЛЬ (10–80-е гг. XVII в.)**

Я. В. Пилипчук

*Украина, Киев, Институт востоковедения
имени А. Е. Крымского НАН Украины*

Данное исследование посвящено истории русского завоевания тунгусских земель в 10–80-х гг. XVII в. Проникновение русских на тунгусские территории началось еще во время покорения Пегой Орды и войн с Кучумовичами. В регионах с редким населением русские встречали незначительное сопротивление и быстро их покоряли. Эпоха восстаний против власти воевод пришлась на 30–40-е гг. XVII в. В более населенных землях – в Приангарье и Приамурье – русские встретили энергичное сопротивление местного населения в 20-е и 40–50-е гг. XVII в. Русским пришлось побороться за контроль над южными тунгусскими родами с бурятами и халха-монголами. Приамурье и Приморье рассматривались маньчжурами как зона влияния, что было небезосновательно. Появление русских на Амуре вызвало цепь приграничных конфликтов, в которых русские выступили на стороне так называемых диких чжурчженей, которых русские звали даурами, солонями и дючерами. Успехи русских в начале 50-х гг. XVII в. можно объяснить продолжительной войной маньчжуров с династией Южная Мин на юге Китая. Русская экспансия обусловила переосмысление роли приграничных областей в политике Империи Цин. Солоны, дючеры и дауры были переселены вглубь Маньчжурии. На место малоэффективного командования гарнизона Нингуты был назна-

чен энергичный полководец Шархода. Он смог нанести ряд поражений русским в 1654–1658 гг., опираясь на пограничные маньчжурские и корейские войска. Русские покинули Приамурье и снова появились в регионе в 70-е гг. XVII в. Присутствие русских на север от Амура обусловило подготовку маньчжуров к войне с Русским государством и развитие инфраструктуры в приамурских регионах Маньчжурии. Империя Цин в 70-е гг. XVII в. действовала силами своих вассалов – дауров, тунгусов-контагиров, халха-монголов. Предлогом для начала войны с русскими было то, что казаки отказались уходить с территории Приамурья, которая была провозглашена Канси владением Империей Цин.

Ключевые слова: русские, дикие чжурчжени, маньчжуры, тунгусы, Приамурье, Империя Цин.

This study is devoted to the study of history of Russian conquest Tungus land in 10–80-ies of XVII century. Penetration of Russian at the Tungus site began during the conquest of Pinto Horde wars Kuchumovichami. In regions with a population of rare Russian met little resistance and were quickly subdued. The era of rebellion against the authority of the governor prshlas 30–40-s of XVII century. In more populous states - and the Amur region in the Russian Angara met vigorous resistance of the local population, respectively, in the 20-ies and 40–50-ies of XVII century. Russian had to fight for control of the Southern Tungusia against Buryats and Khalkha-Mongols. Amur and Primorye Manchus considered as its zone of influence, and it was not without reason. The emergence of Russian in the Amur River has caused a chain of border conflicts which made Russian side so nazyvaemy wild Jurchen who called Russian Dauria, Solon and duchers. Russian successes in the early 50-s XVII. It can be explained by a long war with the Ming dynasty in the south of South China. Russian expansion has led to rethinking the place of border areas in the policy of the Qing Empire. Solons, Duchers and Daurd were relocated deep into Manchuria. In place of the command of the garrison Ninguta appointed an energetic commander Sharkhoda. He was able to defeat the Russian in the 1654–1658 yearson on the Manchurian border and

commanded by bordered Manchurian and Korean troops. Russians left the Amur region and reappeared in the region in the 70-ies of XVII century. Russian presence in the north of the Amur caused Manchus led training for war with the Russian state and the development of infrastructure in the Amur regions. Qing Empire in the 70-ies of XVII century acting against Russians by his vassals - Daur, Evenki-Kontagir, Khalkha-Mongols. The pretext for the war with Russian was that the Cossacks abandonen to proposition of Qanxi to leave the territory of the Amur region, which Qing emperor was declared a possession of Qing Empire.

Keywords: Russians, Wild Jurchens, Manchu, Tungusians, basin of Amur river, The Qing empire.

Одним из интересных аспектов истории Сибири является история завоевания и освоения русскими Центральной и Восточной Сибири. Необходимо отметить, что история этих регионов рассматривалась всегда в тени отношений России с Китаем (точнее Москвией с Империей Цин), а также взаимоотношений с халха-монголами Алтан-ханов и с ойратами-джунгарами. Даже история енисейских кыргызов и якутов куда лучше изучена, чем история взаимоотношений тунгусских народов с русскими. Отношения русских с эвенкийской династией Гантимуровых достаточно подробно освещены в статьях Ф. Болонева, А. Артемьева, Ю. Хазанкович, А. Соломина, А. Зуева [7; 88; 3; 79; 38; 39], с другими тунгусскими племенами и родами – в работах Б. Долгих, В. Тураева, Е. Беспрозванных, А. Бродникова, В. Александрова, В. Туголукова [84, с. 124–129; 2; 83; 11; 12; 13]. Действия маньчжуров против русских проанализированы в работах В. Мясникова, А. Бродникова, А. Пастухова, С. Гурулева, Б. Полевого, В. Успенского, А. Махинова, В. Шведова [85, с. 10–17; 57; 62; 89, 54, с. 38–53; 89; 54, с. 72–75; 30, с. 519–527; 5; 12]. Задачей данного исследования является изучение времени и характера распространения русской власти на тунгусские племена и предпосылок русско-маньчжурского конфликта 1685–1689 гг.

Одними из наиболее обстоятельных европейских сведений

о тунгусах являются данные Николааса Витсена. Сведения о тунгусах у него содержались в отдельной главе книги «Северная и восточная Татария», а также в главах об остяках, ниухе, даурах. Тунгусы им охарактеризованы как язычники, у которых были шаманы. В их стране протекает река Енисей, и баргузинские тунгусы находились под властью русских, вследствие чего на них напали монголы. Часть тунгусов находилась в синском (китайском) подданстве, т. е. зависела от Империи Цин. Народ, живущий у Енисейска, похож на тунгусов и имеет грубый характер. По соседству с тунгусами живут тувинцы, сойоты, барабинские татары, буряты, кыргызы, пясиды (самодийцы, предки нганасанов), якуты, юкагиры, гиляки (нивхи). Для Н. Витсена Тунгусия – это название Средней и Восточной Сибири, а также части Дальнего Востока. Две тысячи тунгусов платят дань монголам. Тунгусы – храбрые воины и воюют с монголами, например, на реке Ган. Около Тунки живут 500 тунгусов, подвластных русским. Они мастерски владеют луком. Федор Головин считал тунгусов самым диким народом. Тунгусы делились на оленных и конных. Упоминается тунгус по имени Ахтамур (Гантимур). Для тунгусов характерно крепкое телосложение и более высокий, чем у соседей, рост. Ранее тунгусы занимали большие пространства и были сильны, но под властью русских ослабли. На Аргуни и Шилке также живут тунгусы, покорившиеся русским. На реке Ган жило 200 тунгусов. Говорилось, что 3–4 тыс. синцев пришли на Амур и взяли в осаду Албазин, где находился гарнизон из сотни русских. Многие тунгусы ушли на южный берег Амура. Тунгусы на севере от Амура покорились русским. Тунгусы на Нижней Тунгуске – сильные люди. Находясь под властью русских, они управляются местными людьми и живут разбросанно в землянках в зимовьях. Около Байкала проживало 5 тыс. тунгусов, которые были подданными русских. Были в книге и недостоверные сведения, такие, например, как сведения о тунгусах на Сосьве [20; 21; 22].

Касательно же страны Ниухэ, то это – Маньчжурия и находится на северо-востоке от Китайской стены. Голландец передал русское название маньчжуров – богдойцы. Раньше ниухе

покоряли Сину, живут в палатках, а также в поселениях в домах. Голландец упоминал об императоре Канси и говорил, что свою столицу ниухе поместили в Пекине. Отмечалась их храбрость и то, что они хорошие наездники и мастерски стреляют из лука. Также они вооружены пашками и копьями. Отмечалось, что собственно синцы (китайцы) не уважали ниухе и называли их варварами. Указывалось, что укрепления у них плохие и не выдерживают огня из европейских орудий. Огнестрельное оружие они покупают из Центральной Азии (Бухары). Зато кони из страны Ниухе хороши, а их войска состоят из 40 тысяч воинов. Кроме этнонима Ниухе, голландец называл маньчжуров еще восточными татарами, состоящими из семи орд. Западные татары у него были монголы и джунгары. Отмечалось крепкое телосложение маньчжуров. В сообщениях о маньчурах Николас Витсен, как правило, передавал китайские данные, а также наблюдения голландцев. Отмечалось, что в 80-е гг. XVII в. маньчжуры запретили европейцам ездить по Империи Цин, поскольку воевали с русскими. Голландский информатор Николаса Витсена сообщал, что маньчжуры боялись даже имени русских. Но это, конечно, было преувеличением. Из захваченных в плен русских (в русско-маньчжурской войне 1683–1689 гг.) было создано подразделение императорской гвардии. Отмечалось их умение вести огонь из огнестрельного оружия. Русских казаков ценили как воинов, но вовсе не боялись их [20; 21; 22].

Также много информации у Николаса Витсена о Даурии. Дауры отмечались как данники русских, говорилось, что Даурия разделялась рекой Амур. Сообщалось, что князь дауров эмигрировал на юг от реки, чтобы не попасть под власть иноземцев, и оттуда напал на москвитов. Отмечалось, что дауры являются земледельцами. В Даурии находились русские поселения Нерчинск и Албазин. К Албазину подошло войско маньчжуров на ста кораблях и обстреливало его из пушек. В 1683 г. против русских двинулось 15 тыс. маньчжуров. Николас Витсен сообщал, что более 200 тысяч язычников в Даурии и около озера Байкал платили ясак русским. Однако также отмечалось, что жители Даурии – ду-

ховные последователи хутухты (монгольских буддистов). Никанская земля напрямую с маньчжурами не отождествлялась. Отмечалось отличие языка жителей Науна от маньчжурского (Ниухе, т. е. нючжень). В 1688 г. некоторые тунгусы и буряты бежали через Шилку, чтобы перейти в маньчжурское подданство. Говорилось, что тунгусы около Аргуни могут выставить 4 тысячи воинов на помощь русским против монголов. Границу русских с маньчжурами голландец локализовал по Амуру и Аргуни. Нерчинские и удинские земли были слабо заселены между Аргунью и Нерчинском, а между Аргунью и Науном людей было еще меньше. Во время переговоров русских с маньчжурами солон Орол собрал 2 тысячи воинов, что напугало 400 тунгусов, находящихся под защитой русских около Нерчинска. Ранее, в 1686 г., солон вместе с монголами и частью бурятов подходили в набег к Нерчинску. Отмечалось, что монголы ходили в набеги на русских в 1686, 1687, 1688 и 1689 гг. Николас Витсен некритично передавал сведения Федора Головина. Так, например, в 1686 г. говорилось о 20 тысячах монголов, пришедших под Селенгинский острог. Крепость Албазин была срыта, однако Нерчинск русским позволили сохранить как форпост. Вокруг Нерчинска жило 6 тысяч тунгусов. Силы противников русских и ясачных были явно завышены. Упоминалось Витсенем, что недалеко от Нерчинска живут гиляки (нивхи), а местность Уронкой находится между Нерчинском и Великой китайской стеной. Далее описывались города Аргунь (Айгунь) и Наум (Нингута). На реке Шур голландский путешественник локализовал дючеров. На реке Наум (Нонницзян) он локализовал неких тарганчинов. На берегу моря жили гиляки (нивхи). Касательно распространения буддизма, то это было характерно для бурятов и халха-монголов, а у маньчжуров и приамурских народов на первом месте был родной шаманизм, а проникновение буддизма к маньчжурам происходило, в основном, в Китае [20; 21; 22].

Сам этноним «тунгус» был иноземного происхождения. Тунгосами называли эвенов и эвенков ненцы. В форме «тунгус» этот этноним прижился у русских, а потом вошел в европейскую

историческую традицию. Монголы называли тунгусские народы лесными урянкатами. Конные эвенки называли себя «донки». Пешие восточные эвенки называли оленных эвенков «донкан» или «дункан». Оленные эвенки называли «нгегыда» нанайцев, ульчей и негидальцев, противопоставляя их себе – «дункан». Это самоназвание происходило от эвенского «дунрэ» (земля) и эвенкийского «дундрэ» (земля). Самоназвание же эвенов происходило от эвенского «эвиген» (местный). Эвенки переселились в район рек Ган, Нонни, Хайлера из северных от Амура районов. Самоназвание «эвенки» Г. Василевич объяснял как «косой». Для сравнения, самоназвание нанайцев «нанай» буквально значит «местный житель». Европейцы знали нанайцев как гольдов. Касательно русского обозначения, то, по мнению Б. Полевого, их называли дючерами. Вероятно, их также называли натками и ачанами. Ученый также отождествлял с нанайцами гоголей и гольдов. Д. Болотин считает, что это отождествление недоказуемо. Негидальцы называли сами себя «елкан бойонин» (настоящие люди), встречался и этноним «элкан бэйенин» (местный человек). Также в ходу было «Амиугун бэйенин» (люди с реки Амгунь). Эвенки же называли негидальцев «неегида» – крайние (береговые). Термином «нег» удэгэйцы называли прибрежных ороченов. Нивхи называли негидальцев «их'ыдийи» (люди чужого языка), нанайцы использовали термин «хингун'епи», ульчи называли их «амгун бэйэ» (люди реки Амгунь). Негидальцы же называли ульчей и нанайцев «натки» (небритые), нанайцев – гольдами, удэгэйцев – «олчан», маньчжуров – «манзу», тунгусов – «увунки», русских – «лоча». Что характерно, ульчи называли себя «нани» или «ульча», что буквально значило «местные жители». В отписках русских воевод ульчи упоминались как лонки. Этноним «лонки» был одним из названий ульчских родов. Ороки также себя называли «нани», «ульта», «уйльта». Вероятно, они происходили из тех же чжурчженских племен, что и ульчи. Однако ульчи обитали в Приамурье, а ороки – на Сахалине рядом с айнами и нивхами. Линденау сообщал, что это кочевой народ, который был в подданстве у Канси. Японец Могами Токнаи от-

метил зону расселения ороков. Русские Иван Москвитин и Василий Поярков, а также голландец Мартин де Фриз упоминали об этом народе. Ульчи, ороки и, частично, нанайцы относились к населению охотской культуры. Самоназвание ороков происходит от слов «орон» и «ула», которые обозначали «оленный». Орочены упоминались китайцами как «елунчун жу», а самоназванием служило слово «орочён» (оленеvod). Участие северотунгусского компонента в этногенезе ороков можно датировать не ранее XIX в., более ранние их предки связаны с чжурчженями. Нужно сказать, что охотская культура озерского этапа имеет ряд черт, схожих с культурой хэйшуй мохэ (чжурчженей). А. Василевский охарактеризовал охотскую культуру как мохэскую и считал, что население Сахалина представляло собой смешение местного палеоазиатского населения (северноазиатов и нивхов) с тунгусами. Тунгусы, переселившись с Нижнего Амура на Сахалин, адаптировались к местным условиям. Представляется, что в состав племен охотской культуры входило и местное палеоазиатское население, находящееся под культурным влиянием тунгусов. Охотцы проникли даже на Хоккайдо, однако были вынуждены отступить с Хоккайдо и части Сахалина под натиском носителей культуры Сацумон – протоайнов-гувэй. В эпосе айнов сохранились упоминания о битвах яункур (людей суши, тунгусов) и репункур (людей моря). Протоайнов к продвижению на север вынуждало давление японцев, которые вытесняли протоайнов с Хонсю на Хоккайдо, Курилы и Сахалин. Ряд ученых предполагает проживание тунгусских групп даже на Курилах. А. Василевский указывает, что в XII – первой четверти XIII в. Сахалин находился под властью чжурчженей [27; 15, с. 123–125; 70, с. 32–36; 69; 72, с. 401; 55, с. 26–27, 45–52; 42, с. 26–32; 48; 16, с. 120–124, 130; 8, с. 626–627; 17, с. 292–302].

К началу русской колонизации этноним «тунгус» был распространён на народы Центральной и Восточной Сибири, а также на часть народов Дальнего Востока. Тунгусами называли эвенов и эвенков. Великое расселение тунгусов из Забайкалья и Приамурья на юг, север и запад началось в XII в. и продолжалось

вплоть до середины XVII в. Чжурчжени расселились на значительных пространствах Маньчжурии в XII в., вынудив мигрировать часть киданей в Восточный Туркестан. Прародиной чжурчженей был район Приамурья и Приморья. Касательно же района происхождения северных тунгусских племен, то относительно гипотезы Г. Василевич о происхождении предков эвенков и эвенов в Южном Прибайкалье, то, как считает В. Туголуков, стоит отождествить с эвенками этноним «увань» («уваньхи»), упомянутый в китайских хрониках как составная часть государства Бохай, а потом как часть племени кумохи. Касательно же гипотезы Г. Василевич о связи этнонима «удзен», упомянутого в китайских хрониках, с родом эджен у эвенков, то вряд ли можно быть уверенным в этом, поскольку этот этноним упомянут как уги в транскрипции Н. Бичурина. Уги было одним из семи племен, входящих в государство Бохай. Вряд ли можно считать удачной и попытку выделить корень «дул» («дол») и приписать древнее происхождение долганам, как, впрочем, и этнонимы «бай», «кумо», «курэ». Только этноним «килен», распространенный среди эвенов в районе реки Охоты, может быть удачно отождествлен.

Эвенки и эвены отвоевали у юкагиров значительные пространства Якутии, вытеснив их в район Колымы и Индигирки. Решающие сражения произошли в районе Вилюя, где юкагиры были разбиты и после этого оттеснены в район, бедный на железо. Кстати, этноним «юкагир» тунгусского происхождения и звучал как «йюкегир», а самоназванием юкагиров было «одул» (сильный). Юкагиры сохранили доминирование только на Северо-Востоке Азии. При этом в разных регионах субстрат, который лег в основу отдельных родов и племен, отличался, поскольку тунгусы покорили территории, ранее принадлежавшие юкагирам, енисейским, палеоазиатским народам. Происходило активное взаимодействие с самодийцами. В 1605 г. в отписке из Кетского острога упоминалось о нападении тунгусских князцов Могуля (Малчагир), Гиргетья (Гургакга), Нянкул (Нянкаул), Кичега (Кичигир) на острог. Нужно сказать, что имена князцов были на самом деле названиями родов. Местные тунгусы были связаны с селькупамы Пегой

Орды. Селькупы называли тунгусов «полпэк». С тунгусами поддерживали отношения князь Тайбохта (в документе Байбахта) и Вагай Кичеев. В XVIII в. тунгусы проникли в земли хантов, а в XVI в. – в земли энцев. Тунгусы селились на реках Оми, Васюгане, Парабель по соседству с барабинскими татарами. В 1609 г. мы находим первое упоминание, что тунгусы восстали против власти русских. В этом же сообщении говорилось, что местные остяки, т. е. кеты (поскольку в событиях отписывался енисейский воевода), не хотят платить ясак. С момента гибели Кучума прошло уже десятилетие, а сыновья Кучума еще боролись за реставрацию Сибирского ханства, когда русские углубились в тунгусские земли и обложили их ясаком. В том же году тунгусы напали на кетов Кузнецкой волости. В 1607 г. русские впервые взяли дань с тунгусов района Нижней Тунгуски. Мангазейский казак Михайло Камышлов совершил поход на местных эвенков. Те платили ясак в Туруханском, Летнем, Турыжском, Илимпийский, Кондогирском, Титейском, Курейском, Непском зимовьях [19, с. 395–402; 1; 27; 82, с. 100, 105; 58; 18, с. 34–49; 48].

Нужно сказать, что эвенки оказывали ожесточенное сопротивление русским. Например, на казаков один раз напал отряд численностью в 700 эвенков. Упоминался князь горбинской земли Ковыр. Сопротивление русским было особо активным в 30-е гг. XVII в., когда эвенкийские земли завоевывали отряды мангазейских, енисейских, томских воевод. В 1639–1640 гг. против русских восстали алданские эвенки. Движение русских в 40-х – начале 50-х гг. XVII в. привело к приведению в русское подданство 30 тысяч тунгусов. Этому способствовали как экспедиции Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, так и упорядочение отношений русских с тунгусами, что нашло выражение в создании Якутского воеводства и установлении с ними добрососедских отношений. Так, воевода ограждал тунгусов от поборов казаков и служивых, а те, в свою очередь, платили ясак. Наиболее активных казаков и служивых направляли на северо-восток Азии, где они столкнулись с юкагирами и чукчами, начав серию многолетних войн. В этих конфликтах соседние с юкагирами эвены занимали пас-

сивную позицию и платили ясак. Другие же тунгусы поддержали восстания юкагиров. Напряженность в отношениях с тунгусами перешла с территории современной Саха-Якутии на пограничные земли Колымы и Индигирки. Еще одним фактором нестабильности была казачья вольница на Амуре. Хотя усилиями Шарходы казаки были вытеснены с Амура, но повторное возвращение Ерофея Хабарова на Амур привело к напряженности с местным тунгусским населением в 60-е гг. XVII в. В первое свое пребывание в 50-е гг. XVII в. он сжег городок Толчин, уничтожил мужчин, взял в рабство местных женщин и детей. Он нажил себе состояние на присваиваемом ясаке из соболей. Многие участники его экспедиций писали русскому царю, что он не заботился о приведении новых подданных под руку русского царя, а радел только о собственных прибылях. На момент конфликта с Империей Цин в 80-е гг. во всей Сибири было 4 тыс. казаков и служивых. При этом в самой Якутии в 40-е гг. их было 3,5 тысячи, а в 50-е гг. уже 2 тысячи. Монголоязычные дауры под давлением казаков сами мигрировали в Маньчжурию. Многие тунгусы бежали от русских, кинув своих аманатов в руках русских. Нерчинский договор 1689 г. сделал возможным существование нанайцев, орочей, ульчей, негидальцев, удэгэйцев в качестве вассалов Империи Цин в буферной зоне в Приамурье и Приморье. В Маньчжурии жили орочны, солоны и часть эвенков. Из солонов набрались люди в императорскую гвардию [84, с. 90–102].

О первых столкновениях русских с тунгусами известно по одному из русских документов, а конкретно, отписке тобольского воеводы кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о посылке сургутских служилых и кетов против эвенков. В документе отмечалось, что эвенки нападают на кетов и тюрков в бассейне Енисея. Чтобы урегулировать эту ситуацию предполагалось отправить против тунгусов 30 служивых и подвластных русским кетов. В начале XVII в. эвенки в союзе с кетами и нганасанами остановили немецкое продвижение на Таймыр. Активное сопротивление тунгусов вынудило Петра Бекетова признать за их князьями право на сбор ясака не казаками, а своими воинами. На практике это значи-

ло, что от сбора ясака обогащались не только казаки, но и воины тунгусских князцов и сам правитель. В 1619 г. был основан Енисейский острог, а в 1622 г. на Терентия Савина в местности Рыбная Ловля напали эвенки князца Тасея и отказались платить ясак. В 1624 г. против эвенков был отправлен отряд Терентия Савина с тем, чтобы взять ясак с князца Иркинея. В 1624–1625 гг. против Тасея был отправлен отряд Василия Тюменца, а также отряды Поздея Фирсова и Василия Алексева. На реке Бире Тасей атаковал отряд Василия Тюменца и вынудил его отступить, что вызвало волнения у кетов и качинских тюрков. Другие же казачьи отряды не нашли Тасея. Енисейский воевода Андрей Ошанин впоследствии отправил против Тасея экспедицию, численностью в 108 человек из 70 стрельцов и 38 кетов. Русским не суждено было разбить Тасея, поскольку тот погиб в войне с бурятами. В 1628 г. Лукашка Тасеев напал на русских, а тунгусы отказывались платить ясак. Против него был отправлен отряд Петра Бекетова, который усмирил тунгусов. По отношению к приангарским тунгусам, например к Иркинею, политика изменилась. Их приводили к шерти, принося им дары, опаивали вином [27; 2, с. 42–43; 10].

В следующем сообщении, датированном 1630 г., говорилось, что русские брали ясак с тунгусов и братских (бурятов) людей. Упоминались князцы Кохоль и Кавым, которые правили землями на Тасе и Чуне. Также были владения на Чаповчы, Муры, Карабулы, где упоминались лапагиры. Говорилось также о князцах Ыркинее, Текинее, Маймуги. На Тунгуске на Аплинском пороге с Ковы и Каты упоминался князец Болтурин, правящий чипогупами. Под Братским острогом на Тунгуске упоминались князцы Корота и Когуня. Налягами правил Мукилги. Отмечалось, что ясак за 1629–1630 гг. был собран казаками из Красноярска. Ясак был взят мехами, и, естественно, в ходе военных действий казаки забирали и продовольствие, в итоге ясачные тунгусы голодали. В тексте также было указано, что казаки появились на Лене. Как видно из контекста документа, русские к тому времени достаточно освоились в регионе. Возглавлял служивых Яков Хрипунов. В другом тексте 1630 г., который назывался «Росписью

именной рекам, землям и князям, с которых собирается ясак в Енисейский острог», упомянуты лишь тунгусы около Вихоревой реки и Тунгуски, при этом князья не упомянуты по имени. Зато земли бурятов и имена их князей были хорошо известны [Сборник документов по истории Бурятии, 1960].

В документе от 1633–1634 г. упоминается Ленский острог и якуты как «государевы непослушники». Отряд, отправленный на покорение якутов, насчитывал несколько десятков людей. Против них сражался брат якутского тойона Еттюя. Упоминались также тойоны Откурай и Бойзок. Енисейские служивые люди писали, что сидели в осаде и перечисляли свои ранения. Нужно сказать, что уже в 1633 г. до русских доходили сведения о Акиянском море (Тихом океане, а точнее об Охотском море). Евстафий Григорьев подбивал нескольких людей бежать из-под воеводской юрисдикции на восток. Нужно сказать, что Петр Бекетов в своей отписке довольно подробно описал приведение тунгусов современной Якутии к русскому подданству. В конце 20-х гг. XVII в. русские служивые из Енисейского острога проникли в Якутию. В район Ленского волока в 1628 г. пришел Василий Бугор. В 1633 г. Парфен Ходырев с Дружинкой Москвитиным пришел на реку Витим. В том же году туда пришел отряд Семена Родюкова, в 1634 г. – отряд Петра Бекетова, который на Средней Лене и Олекме собрал ясак с местных тунгусов [13].

В документе от 1636 г. енисейский воевода Прокофий Соковин уже писал о необходимости приведения в подданство бурятов, тунгусов и якутов. Отмечалось, что буряты не хотят платить ясак и нападают на служивых и тунгусов. Тунгусов буряты сгоняли в свои улусы. Кроме того, успехи бурятов вызвали то, что наляги, тунгусы и якуты начали отказываться платить ясак. Отправка нескольких экспедиций из Томска в Енисейский острог и далее серьезных результатов не дала, и поэтому енисейский воевода просил прислать на помощь несколько сотен пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием, для приведения местного населения к покорности. Он призвал царя отправить экспедицию на Лену [76].

В 1638 г. на Лену из Енисейска был отправлен отряд под руководством Ерофея Хабарова. Тогда же был отправлен отряд Петра Бекетова. Через Верхнюю Тунгуску, Рыбчу и Чадобчу он пришел к тунгусам, которые не желали покоряться. Этот командир разбил бурятов и вынудил их, как и тунгусов, платить дань. Наляские люди (наляги), ранее платившее дань бурятам, стали платить ясак русским. Отмечалось, что Петр Бекетов пришел на реку Лену, воевал по Илим и Киринге. Русские построили Якутский острог и принудили якутов платить дань. Заслугу приведения в подданство якутов на Лене Петр Бекетов приписал себе. В 1639 г. в Якутском остроге уже появились Петр Головин и Матвей Глебов. К ним пришли служивые из Березова и Тобольска. В 1640 г. упоминался уже Илимский острог. Дмитрий Копылов с томскими служивыми людьми воевал на Алдане, собирая ясак. Там он принудил платить дань лалагирских и бутольских тунгусов и накарских якутов. Далее путь шел на реку Маю, где жило десять родов тунгусов. Путь на Маю шел через Ламу, с которой можно было добраться до реки Учюр около озера, где жили многие тунгусы. Эту информацию русские получили от ясачных иженских тунгусов [60; 44; 73].

Нужно сказать, что вопрос взаимоотношений с тунгусами стоял довольно остро. В 1639 г. тунгусы-кентегиры напали на Витиме, убили Демида Пахомова, не дав ему поставить там зимовье. В 1640 г. шамагиры и мучугиры Гушко ограбили на Кирирге русских купцов Мишки Березовского, а на реке Большая Тира кутские тунгусы Мокшеива Ечуки ограбили русских Фильку Сисолетина. На реке Куриме в том же году Мокшей и Еченя ограбили Петрушку Устьямитина. На реке Коченга тунгусами Мукини были ограблены люди Ивашки Худякова, а тунгусы князца Звероула на Лене не давали русским охотиться. Эти мятежи начались с того, что в 1638 г. тунгусы кентегиры князца Пловунчи уничтожили отряд Микитки Саматрени и Андрея Осколькова. На реке Илим князцы Нетуйко и Ньюкейко громили русские зимовья и склады в 1640 г. Тунгусы делали это не только по Илим, но и по рекам Верхняя Тунгуска, Киргена, Куты, Мука, верхнему

течению Лены в 1639–1640 гг. Из всех тунгусов на территории современной Якутии ясак платил только князец Мукиня, остальные же дани не давали. Нужно сказать, что это был не первый такой случай. В 1624 г. шамагиры Бакшенги разбили Ивашку Золина и Сидорку Видяникова, а в 1628 г. Владимира Шишку. В 1631 г. тунгусы убили на Киренге несколько русских, а в 1637 г. шамагиры напали на отряд Андрея Осколкова на Лене. В 1640 г. понадобилось вмешательство якутских воевод, однако и это не привело к немедленным результатам. Так, шамагиры Чалбана, Звероула и Бакшенги воевали у устья Куты, а потом у Алдана и на Лене. Русские сидели в осаде в зимовьях, боясь тунгусов. В 1641 г. шамагиры и иокигиры напали на русских на Киренге, а потом ниже Таюры. Когда шамагиры были приведены к покорности силой русского оружия, то Бакшенга старался переложить ответственность на других тунгусских князцов и на действия русских сборщиков ясака [11].

Несмотря на сложную ситуацию, русские продолжали свое продвижение по тунгусским землям. В 1639 г. для поиска пути к Амуру был отправлен отряд Максима Перфильева. Он поднялся по Витиму до устья Муи. Русские захватили в плен тунгуса Комбойку и от его родственников получили информацию о Даурской земле, где правил князь Ботога. Зимовали русские в устье реки Котомары. Была собрана информация о пути с Витима на Шилку. После зимовки русские продолжили путь на реку Цыпир и дошли до озера Баунт. Экспедиция Ивана Осипова получила информацию о реке Чай и даурском князе Лавкае. Также путь к даурам исследовал Еналей Бахтеяров [13].

В документе, датированном 1640–1641 гг., Петр Головин и Матвей Глебов писали со слов Постника Иванова и Прокопия Лазарева, что экспедиция русских была на Янге и Индигирке. На Янге они встретили тунгусов, называемых ламутки (т. е. эвенов), на Онге и Янге реке жили якутский князь Кутурга и тунгусы. На Индигирке находилась земля юкагиров. Служивые сообщали, что у юкагиров взяли аманата, что с юкагиров можно взять большой ясак и что их земля многолюдна. Якутские воеводы могли уже

многое сказать о реках и населении на территории современной республики Саха-Якутии. Среди племен, подвластных русским, названы шамагиры, ладагиры, налагиры. В районе реки Тутуры русские столкнулись с тунгусским князем Можеулом, у которого был улусный чилкагирец. От него русские узнали подробности о землях бурятов. По Ламе и Байкалы жили пока еще независимые от русских чилкагиры и кумкагиры, и даже по реке Киренге не все тунгусы платили дань русским. Говорилось, что в том регионе живут многие тунгусы, названия родов которых неведомы. Сообщалось, что Ангара находится близ Енисейска, а Селенга течет через монгольские земли в Китай. Хотя эти знания были приблизительны, но в общем открывали для русских новые горизонты. Дальнейшие экспедиции Хабарова были бы невозможны без этих знаний [36, с. 241–248].

Продвижение землями тунгусов и якутов сделало возможным прохождение русских далее по берегам Северного Ледовитого океана и на юг – в степи. В документе от 1641 г. тунгусский князь Можеул-Мужуй сообщал, что тунгусы чилкагиры, как только государевы люди дойдут до них, согласны платить ясак. Говорилось и о намерении платить ясак бурятов. Мартыну Васильеву и Аксену Аникееву в 1641 г. была дана памятка для поиска путей в Китай. В Якутской приказной избе знали о реке Шилке в Приамурье и даурском князе Лавкае. Эти сведения, вероятно, были известны бурятам. В землях Лавкай добывали серебряную руду. В другом документе якутские воеводы говорили, что готовы привести к покорности неясачных тунгусов, живущих у Ангары, а также бурят. Сообщалось, что по реке Витим живет даурский князь Ботог и что язык дауров не похож ни на тунгусский, ни на якутский. Русские же служивые на реке Чае нашли неясачных тунгусов киндигирцев и иных родов. Для того, чтобы выйти на Витим, был отправлен отряд во главе со служивым татаринном Еналеем Бахтеяровым. В 1643 г. якутские воеводы отправили Василию Пояркову приказ привести в русское подданство тунгусов, бурятов и все население, которое будет ими обнаружено по пути на Зею и Шилку. Предписывалось защищать новых подданных

от третьей стороны. В 1643 г. Василий Поярков через реки Алдан, Учур, Гонам перешел Становый хребет, через реку Брянту спустился в Зею. Там он побывал у уиллагиров. В 1644 г. отряд Пояркова дошел до Амура. В 1644–1645 гг. он добрался до низовой Амура.

В документе от 1645 г. уже говорилось о восстании бурятов и тунгусов против русской власти и осаде ими Верхоленского острога, а также об отпадении всей земли бурятов и тунгусов (части тунгусов). Пятидесятник Курбат Иванов просил якутского воеводу Василия Пушкина о военной помощи. В регионах, где население было более многочисленным, русские натолкнулись на сопротивление. В документе от 1646 г. Василий Пушкин приказывал Алексею Бедареву усмирить восстание бурятов. Сообщалось про осаду Верхоленского острога и о том, что со времени разгрома казачьего отряда Васьки Колесникова буряты не платили ясак. Алексей Бедарев с войском более ста человек отправился в поход. Это возымело эффект, и после ряда стычек буряты дали аманатов и шертовали русским. Буряты были снова приведены в подданство. В борьбе с русскими погиб вождь Куржум, а русские отряды пришли на Ангару. Буряты указывали, что они люди степные и мехами дань не платят, а соболи у них от тунгусов. Челобитная служивых людей проливает свет на то, какой позиция была у части тунгусов. Сообщалось, что буряты не хотели давать дань и угрожали перебить служивых, а союзных русским ясачных тунгусов сварить в котлах заживо. В любом случае, инициатива отпадения от Московии принадлежала не тунгусам, а бурятам. Те тунгусы, которые отпали от русских, вероятно, находились в зависимости от бурятов. Союзником русских оставался Можеуль. В целом русские восстановили контроль над землями своих ясачных, однако Василий Пушкин обращал внимание царя, что в подконтрольных землях мало служивых и что для контроля над территориями, в том числе в Якутском остроге, необходимо отправить новых служивых в Сибирь. Об этом же просили служивые Верхоленского острога. В 1646 г. енисейский воевода Федор Уваров сообщал об обложении ясаком немирных тунгусов

и об основании острога при Байкале у устья Ангары. В 1646 г. был основан Верхнеангарский острог, а в 1648 г. – Баргузинский острог. После этого русское подданство приняло тунгусское население бассейна реки Мамы (притоки Вития). В этом документе раскрывалась предыстория восстания. Васька Колесников искал в землях тунгусов серебряную руду. Тунгусские князцы Котега и Мукотей были взяты в аманаты и сказали, что не знают о серебре. После подавления бурятского восстания русские около Байкала на Ангаре построили острог. Курбат Иванов в 1647 г. сообщал, что в прошлом привел к русскому подданству 1,5 тысячи бурят и 300 тунгусов. В 1647 г. Василий Пушкин писал в Сибирский приказ о событиях 1645–1646 гг. На протяжении 1646–1647 гг. русские продолжили покорение бурятских земель. В 1649 г. Ерофею Хабарову было позволено совершить поход на юг, вербовать людей для похода и приводить их в подданство. В 1649 г. он совершил первый поход в Приамурье, находясь в составе отряда И. Галкина, который пришел на реку Шилку. Тунгусское население бассейна реки Шилки начало платить ясак русским с 1649 г. Однако присутствие русских в Забайкалье стало прочным только в 60-е гг. XVII в., когда в 1666 г. были построены Верхнеудинский и Селенгинский, а в 1667 г. Еравненский остроги [74; 76; Беспровзванных, 1986, с. 35–39; 2, с. 6–10].

Во время второго похода в Приамурье Ерофей Хабаров столкнулся с княжеством Гантимуровых, которое было эвенкийским владением, достаточно развитым, поскольку лежало на периферии Империи Цин. По данным пленных тунгусов и дауров, Ерофей Хабаров указывал, что вверх по реке Шилке находилось княжество Гантимура, куда входили шародувы, нелюды и почеги. Шародувы – это сартулы, почеги – тунгусы почегорского рода. Сам Гантимур принадлежал к нелюдам. Население княжества составляло две тысячи луков, т. е. могло выставить войско из 2 тысяч человек. В 1655 г. Гантимур заплатил ясак русским при походе Петра Бекетова. К. Щербатов сообщал, что в подчинении у эвенков находилась часть дауров. Современники отличали Гантимура от даурских князей Левкая, Шильгея, Гильдегу. Дауры назы-

вались даурами, а нелюды лелюскими людьми, нелюли, недюли. А. Зуев сомневается, что Гантимур доминировал над тунгусами Восточного Забайкалья, что было характерно для XVIII в., т. е. времени правления его потомков – княжеского рода Гантимуровых. Гантимур вел торговлю с даурами, а информация Щербатова о подчинении дауров Гантимуру носила идеологический характер в колониальном споре между Московией и Империей Цин за власть над Приамурьем. Поскольку Гантимур стал русскими вассалом, то русские старались распространить его власть и на дауров, чтобы тем самым легитимизировать свои претензии. При этом нужно отметить, что при втором появлении казаков Ерофея Хабарова в 1650–1651 гг. Гантимур ушел в цинские владения, а в русское подданство перешел в 1666–1667 гг. Это переселение было зафиксировано в одном из документов цинского императора на старомонгольском языке. Гантимур назывался в документе подданным богдыхана. Он был лишь одним из 10 князцов на юге Восточного Забайкалья. Вряд ли его роль была более значимой, чем у князцов Бабуга, Тякша, Кагила, Топука, Болдоноя, Индака. Нужно сказать, что эти вожди также удалились со своих земель во время второй экспедиции Хабарова и вернулись позже Гантимура. Причиной их возвращения было то, что маньчжуры начали устанавливать твердый контроль над своей северной периферией. Эвенкийские вожди были расселены на севере Маньчжурии, а их вождям предоставлен чин цзолина. Большинство эвенков были переселено в Маньчжурию в 1653–1654 гг. А. Соломин считал Гантимура происходящим из дауров и правящей династии (Елюй) Империи Ляо. Такая гипотеза вряд ли соответствует действительности. Г. Миллер, А. Артемьев, Ф. Болонев считали его родом Дуликагир. Е. Широкогорова указывала на его происхождение из рода Баягир. По нашему мнению, наиболее вероятной представляется гипотеза А. Зуева о происхождении его из тунгусского племени нелюдов. Ю. Хазанкович говорила об его эвенкийском происхождении [88; 3; 38, с. 346–349; 79; 39, с. 242–248].

Согласно спискам Мангазейского архива, среди летних и нижнечумских тунгусов были роды Горагир, Иологир, Макзегир,

Малгачагир, Сентей, Тектя, Хангаев. В русских источниках для обозначения рода Сентей использовалось обозначение «товар», которое было испорченным эвенкийским «тэвел», обозначавшим таймырских долган. Горагиры платили ясак в 20-е гг. XVII в. Иологиры происходили от племени джалаир, часть которого бежала от монголов в Баргузинскую землю. Под давлением якутов иологиры переселились на Нижнюю Тунгуску, а оттуда далее в Приангарье и Прибайкалье. Род тектя происходил от вакагиров, которые, в свою очередь, происходили от меркитов. Укдогиры имели родственников на Дальнем Востоке среди пеших тунгусов Угдигир на реке Тауя. Хангаев род обозначал род хангай из тунгусов. На северо-востоке часть этого рода была ассимилирована юкагирами. Хангаями якуты называли диких тунгусов. Сами тунгусы называли хангаями чукчей. Чинчагиры были потомками тунгусов, смешавшихся с аборигенным населением. Предки рода Эмидак пришли из территории Якутии. Этноним «Макзегир», вероятно, также имел формы «мандегир» или «манегир». Из малоизвестных родов называется род купогир, который из русских документов первой половины XVII в. известен как род купы. Чапагиры жили на Ангаре, Подкаменной и Нижней Тунгуске, представляли собой смесь тунгусов с аборигенным населением бассейнов Ангары и Подкаменной Тунгуски. В русских источниках часто чапагиры и тунгусы противопоставлялись. В их составе было семь родов: мироколь, люток, кичель (кичегир), панкагир, санягир, кемукагир, мукто. Около Турыжского и Илимпейского зимовий жили баягиры и нюрумняли. Илимпейские тунгусы состояли из родов гургугир, елдагир, иологир, комбагир, оёгир, удыгир, хирогия, хукочар, хутокогир, эмидак. Б. Долгих считал, что илимпейские эвенки составляли группу нюрумнялей. Турыжские эвенки были баягирами. Стоит отметить, что эвенкийский род мурмугир-вервегир, вероятно, был связан с селькупами, и они были теми тунгусами, которые ушли к селькупам. Род елдагир пришел на Нижнюю Тунгуску с Вилюя. Елдагиры были ответвлением баягиров. Род катарэ был связан с летними тунгусами Нижнего Енисея. Катарэ были частью баягиров. Род Ковуки был

частью рода Момочар, а ховокогиры были частью баягиров. Комбагиры и удыгиры были чужими для эвенков Нижней Тунгски. Коныри были частью мамагиров. Род Токодо был родом смешанного самодийско-баягирского происхождения. Удагиры в XVII в. в основном жили на Средней Лене. Чёлкогиры жили первоначально на юго-западе Байкала и в Забайкалье. Некоторая часть из них появилась даже на побережье Охотского моря. Шалдагиры были частью кондогиров. Вблизи Кондогирского зимовья жили роды кондогир, чапагир, горнцын, чемдаль. Кондогиры жили также у Усть-Непского зимовья. Б. Долгих считал, что кондогир – это киндигир. Путугиры пришли на Нижнюю Тунгуску с Северного Забайкалья и в документах назывались почёгорами. Род монгольских русских источников – это род Мунгали, а Галель – это Галье (часть рода Каплин). Сычёгиры были известны русским с 20-х гг. XVII в. рядом с шаягирами и кумкагирами. Хачакагиры были частью Сычёгиров. Они пришли в регион с Нижнего Вилюя. Ошикагиры пришли с реки Ерома. У Усть-Непского и Курейского зимовий жили роды шиягир, момогир, мучугир, бояршин, колобовшин, майканов, коненкин, салаткин, тугошан, хамерин, лонтогир. Роберт Финч упоминал о шиягирах наряду с тунгусами. Момогиры были частью шиягиров, как и мучугир. С 40-х гг. XVII в. они платили дань. Момогиры ушли с Лены на Нижнюю Тунгуску под давлением киндигиров и чильчагиров, а в 1653 г. момогиры напали на Усть-Патоме на якутских служивых людей. Киндигиры и чильчагиры пришли на Нижнюю Тунгуску с севера. Мучугиры были враждебны русским. До переселения они жили на Лене. Бояршин род был шиягиров и момогиров, баягирского происхождения. Коненкины были частью мамагиров. Мойканов род – это род Мойкагир. Тугошары – это тугочеры. Лунтогиры были древним родом тунгусов. Среди дючеров был Лунтигирский улус [83, с. 100, 105, 107–157, 237–243].

В 1624 г. посланный из Енисейского острога Поздей Фирсов сражался с подкаменными тунгусами и разбил их. В 1629 г. русским в Закаменном зимовье дали дань кеты и эвенки рода Сентей. В списке закаменных остяков в 1639 г. были тунгусы Ендул, Или-

га, Сендул, Ченгул. Около Енисея эвенки и кеты сильно смешались между собой. Нужно отметить присутствие тунгусов и среди чулымских тюрков в 20–60-х гг. XVII в. Они проникали с восточного берега Енисея на западный, однако это было спорадическим явлением и осуществлялось уже в колониальный русский период в 50–80-е гг. XVII в. Однако нужно сказать, что далее на север тунгусы проникали на запад до рек Обь, Таз и Пясины. Исаак Масса указывал, что земля между этими реками является землями самоедов и тунгусов. Он упоминал также о реке Тоегрграф, т. е. о реке Турухан. Ниже этой реки на карте голландца написано Тингоеси (Тунгусия). Голландец отмечал, что тунгусы подчинились русским по совету самоедов. Отмечалось, что русские не прекращали исследовать земли тунгусов даже во время Смуты. Тунгусы рассказывали, что на юг от них находятся страны, враждующие между собой. Немец Альбрехт Доббен указывал, что при Енисее живут тунгусы, ему также было известно о странах якутов и дауров. Джо-сиас Логан локализовал тунгусов на реках Тунгуске и Енисей. Некоторая часть эвенов жила на территории Обь-Енисейского региона. На Иртыше жила группа тунгусов Лобутан. Нижнетунгусские тунгусы, согласно энецким преданиям, до XVII в. воевали с энцами. В эвенкийском фольклоре упоминался самодийский народ улдыга. Кроме того, предполагается проникновение на Турухан селькупов и их смешение с тунгусами. От тунгусов баягиров происходил энецкий род Бай. Смешанное самодийско-тунгусское население проживало на Нижней Тунгуске. Буляши и силахи имели смешанное происхождение. Русские считали буляшей и тунгусов родственными народами. В 20-х гг. XVII в. они воевали против русских. В 30-е гг. буляши воевали с тунгусами рода сентей. Нюрумняли были группой смешанного тунгусско-самодийского происхождения, они были связаны с Пясидской самоедью, предками нганасан, впрочем, как и ваянды. К моменту русской колонизации отношения энцев и тунгусов уже были добрососедскими [83, с. 162–169, 237–238, 240–245; 53; 34; 51].

Нужно сказать, что конные тунгусы жили среди монголоязычных народов и граничили с монголами, бурятами и даура-

ми. В районе Прибайкалья они составляли меньшинство, однако занимали значительные территории. В 1627 г. Максим Перфильев совершил поход в Прибайкалье и обложил данью местных эвенков. На протяжении 20–70-х гг. XVII в. русские построили в Восточной и Центральной Сибири ряд острогов, из которых совершали походы на тунгусов, приводя их в русское подданство. В лесостепной части Прибайкалья по Ангаре жила безымянная группа тунгусов. Далее по Гее и Видимо жили ордынская группа тунгусов во главе с князем Чеулкой, гейская группа во главе с Хеленкой, мунгули во главе с Едоком. Ордынские тунгусы откочевали, не желая покориться русским. Между 1669 и 1702 гг. гейско-видимские тунгусы делились на пять владений: Чичеулов, Кобулюков, Керкин, Вихоревских, Видимских. Далее находились нижеокинские тунгусы, которые делились на Ийскую волость и Нангатаев улус. В районе Ии и Уды кочевали кочемары, кармагиры, карануты. В районе реки Белой и Китой жили борондой и карануты. В таежном регионе в нижеилимской и устькиргенской областях жили шамагиры, в Усольской волости – ладагиры, в Хандинской волости – икогиры, Очеульской – камчагир и челкогир, в 20-е гг. XVII в. в районе верхней Лены жили сычëгиры, однако после прихода русских они ушли на Нижнюю Тунгуску. В Прибайкалье жило более 3 тысяч эвенков, среди которых 1,9 тысячи были стоководами, 1,5 тысячи – оленеводами. С расселением на территории русских эвенки начали оседать. В Прибайкалье жили борондой, загачины, заектаи, камчагиры, карануты, кармагиры, кумчагиры, мурмугиры, налягиры, халкачины, челкагиры, цингидины, чючинигиры, шамагиры. Борондой были частью каранутов, загачины были самостоятельным родом, и в Северо-Западной Монголии существовал хошун Цзахачин, уляты из Забайкалья были частью олетов Монголии, заектаи были частью кумчагиров. Икогиры ушли с Илима на Киренгу. Камчагиры были большим родом и жили между Леной и Байкалом. Этот род имел монгольское происхождение, а карануты, имевшие тюркское происхождение, в значительной степени вошли в состав бурятов. Кумчагиры были частью налягиров и происходили

от ветви кумгаут из племени джалаиоров, а мунгули были связаны с монголами. Налягиры были крупнейшим родом в таежном регионе. Цингиндины были потомками от смешения тунгусов и кетов, а халзакчины – от смешения бурятов и эвенков, равно как и тыртеевцы. Чёлкогиры во второй половине XVII в. переселились в Южное Забайкалье. Чючинигиры вследствие контактов с бурятами были ассимилированы последними. Одним из самых влиятельных родов в составе прибайкальских эвенков были шамагиры. На Амгуни жили негидальцы, которые происходили из эвенкийского рода насихагил. Кичигиры были одними из древнейших тунгусских родов, корчи были родом смешанного тунгусско-хорчинского происхождения в Баргузине, манегиры обитали в Приамурье. Прибайкальские эвенки в XVII в. находились под политическим и этническим влиянием бурятов. В русских источниках их называли «братцкими кыштымами». Буряты в 1641 г. напали на налягиров, запрещая им платить ясак русским. Те тунгусы, которые не желали покоряться бурятам, бежали на север. Часть эвенков, оставшихся на родине, была ассимилирована бурятами. Также эвенки контактировали с тюрками Тывы. Вместе с русскими тунгусы в 1661 г. погромили Яндашскую землю. В составе сойотов был тунгусский по происхождению род кучугет. Также эвенки корчуны ассимилировали часть потомков племени курыкан, которые не ушли с остальными на Лену, а остались в Прибайкалье. Изеберт Идес писал о верхнеангарских тунгусах, живших у Иркутского острога. Он отметил их татуировки, а также их силу и рост [82, с. 8–14, 22–44; 41; 83, с. 75–110].

В среднем и нижнем Приангарье также жили тунгусы. В этом регионе тунгусский князец Данул в 1609 г. воевал против кетов, селькупов и тюрок Кузнецкой волости, требуя, чтобы они не давали ясак русским, а только тунгусам. Кетский приказчик отправил против них отряд из русских, коми и селькупов. В 1611 г. тунгусы напали на селькупов. В 1623 г. кодские ханты Михаила Альчева воевали против Данулки. Еще ранее, в 1619 г., ханты ходили походом на Данулку. В 1621 г. в Енисейский острог с ясаком приходили тунгусские князцы Ялым, Юганя и Иркиней. В 1622 г.

ясак дал Тасей брат Ялым. Иркиней правил землями по Иркинее, Тасей по Тасе, а князец Мунти жил по реке Муре. В трех днях пути от Ангары находились земли лапагириров, откуда происходили князцы Иркиней и Бокей. Выше этого региона находились земли топороков, во главе которых находился князец Мамыга. На Аплинском пороге жили чапагиры во главе с Бултурином. На реке Рыбной жили лапагиры, мендизикуры, кайваганцы. Кайваганцев возглавлял князец Болкей Келов, а мендзикуров – Мукотей. Местных лапагириров возглавлял Мадуга Бурулчин. Данные об этих князцах датируются 20-ми гг. XVII в., а в 30-е гг. XVII в. топороки на Ангаре больше не упоминались. Вместо них начали писать о тунгусах на Чандобце и на Муре. Ичеренцев на Муре возглавляли Готал Мултин, а чандобских тунгусов – Тюлкиней. В 80-х гг. XVII в. местные тунгусы обозначались как чадобские и рыбинские. На Тасеевской жило семь родов – Ичериль, Легор, Недедин, Таналчин, Топорокиль. Численность местного эвенкийского населения достигала более 1,7 тысячи человек. По соседству с ними жили енисейские племена асанов и коттов. Регион Приангарья особо активно колонизировался русскими, что привело к уходу части местного населения в другие места. Русские вели меновую неэквивалентную торговлю с тунгусами. Приангарские тунгусы принадлежали к племенам и родам багдаль, ичериль, коюнголь, кайваган, кипан, немедин, таналчин, топороки, недедин. Род багдаль принадлежал к племени чемдаль, род ичериль же ощутил на себе влияние шамагириров, переселившихся с Лены на Ангару, смешавшись с ними. Позже они смешались с русскими. Кайваганы были родом смешанного тунгусо-енисейского происхождения. Каменско-черноульские тунгусы были чапагирами. Кипань были смешанной группой населения тунгусо-аринского происхождения. Рыбенские лапагиры составляли одно целое с варгаганскими тунгусами. В русском сочинении «О сибирском царстве» лапагиры и горагиры упоминались отдельно от тунгусов. В. Туголуков считает, что можно говорить о древнеуральском субстрате в составе местного населения. Мендзинкурцы и немедины были одной и той же этнической группой эвенкий-

ского происхождения. Нанадунки и топорки были смешанными группами. Топороки происходили из рода Момогир. Таналчины имели смешанное асанско-эвенкийское происхождение. Ятоули (ятогиры) своим происхождением были связаны с маньчжурскими народами. В бассейне Средней Ангары эвенки жили рядом с кетоязычными асанами и коттами. По документу от 1633 г. Асанская земля совмещалась с эвенкийским владением Сабука, который был братом Тупорака, откуда топорки и получили свое название. Асаны активно смешивались с эвенками, как и аринцы и кеты. У тунгусов, по сведениям Адама Бранда, были обычаи, которые современные этнографы считают характерными для енисейских народов. Немецкий купец отмечал, что тунгусы – это народ, распространившийся широко и далеко, который когда-то был воинственным и непокорным, сейчас же он повинуетя русским и платит ясак. Дома их из шкур и войлока, нрав тунгусов весел, поклоняются они идолам, и у них есть шаманы. Делятся они на конных, оленных и собачьих (по способу передвижения). Этнически смешанные группы эвенки называли чангитами, дотунгусское же население называли чулугды, наименование, которое восходит к общему алтайскому обозначению енисейского населения. Нужно сказать, что этим термином называли вообще неалтайские народы, например тех же русских [83, с. 47–51, 56–68; 41;10].

Эвенки Подкаменной Тунгуски составляли особую группу тунгусов. В 1621 г. сургутские казаки П. Федорова вышли на Подкаменную Тунгуску через реку Тым и Сым-волок. В 1625 г. на Средней Тунгуске Поздей Фирсов сражался с эвенками. В местности Летние Рассохи на него напало множество тунгусов. Правители Варгаганской земли Колделя и Ялтегу были вынуждены заплатить русским ясак. В 20-е гг. XVII в. упоминались князцы Таена и Лопу. Питские эвенки платили ясак у реки Пит. В Чунском зимовье платили ясак нюрумняли и чемдали. Около него же жили койдогиры и чапагиры. У Тетерского зимовья жили роды Топороки и Инберетин. Тетерские тунгусы состояли из родов чемдели, топорки, целбуяна. Целбуяна – это род чемдалей. Подкаменная Тунгуска находилась в стороне от основных магистралей

переселений, которые шли по Вилюю, Нижней Тунгуске, Ангаре. В устье Подкаменной Тунгуски жили кеты. Лишь в XVIII–XIX вв. туда начали переселяться чапагиры и баягиры. На Подкаменной Тунгуске доминировало племя ганальчи, в составе которого главными были роды Куркагир и Момоль. Роды Кордуяль, Кочениль, Лопоколь, Момочар, Хорболь были менее значительными. Куркагиры были древним тунгусским родом и подверглись значительному влиянию монголоязычных соседей. Часть из них вошла в состав бурятов. Момоли являются частью момогиров. Момогиры к моменту прихода русских находились в верховьях Нижней Тунгуски на правом берегу Лены, а потом переселились на Ангару. Кордуяли, возможно, были потомками ассимилированного эвенками монголоязычного народа. Другие роды, кроме хорбольей, были эвенкийскими. Кроме вышеуказанных, известны и другие роды: балигир, бульдагир, галель, гургагир, дюмиган, кималь, кироктоль, кичель, кунногир, купогир, куричель, кичаль, лонтогир, масель, мачакугир, нюшкагир, оёдаль, ошикагир, панкагир, санягир, саримикталь, суликаль, тонкуль, топороколь, тукаль, хоркигир, чапагир, чёлколь, чемдаль, чильчагир, чонколь, ятояль. Баликагиры были обособившейся группой балигиров, род бульдагир был частью забайкальского эвенского рода бултэгир. Роды кичель и панкагир были связаны тесным родством. Кироктоль был ответвлением чапагиров, кучали восходили к куркугирам, нюшкагиры были ответвлением рода мучугир и были родственны роду ушкагир. Чемдали были ответвлением чапагиров, чонокли были объякученными тунгусами из рода синигир. На Подкаменной Тунгуске жили лишь немногие из кетов рода Богден. В кетской сказке Тунгама сказано, что на кетов напали тунгусы, однако им удалось перебить преследователей. Нужно сказать, что еще до XVII в. тунгусы делали попытки подчинить себе кетов и самодийцев. Эвенки-варгаганцы были группой смешанного эвенкийско-кетского происхождения. Напряженные отношения с кетами были у эвенков-ганальчей (куркагиров). Кеты наступали на Подкаменную Тунгуску, а эвенки в этом им противодействовали, впрочем, эти племена обычно торговали между собой. Ганальчи

сражались и с родственными эвенками-чемдалями. Эвенкийский фольклор говорил о народе момондой на Подкаменной Тунгуске. В. Туголуков считает, что это самодийское по происхождению население. Момондой после подчинения тунгусами стали относиться эвенками к своим предками. Легенда напоминает сказания эвенков о ваяндах, группе смешанного тунгусо-самодийского происхождения. Поскольку нганасаны расселились достаточно поздно, то, вероятно, этими самодийцами могла быть одна из территориальных групп энцев [83, с. 71–73, 80–96].

Нужно сказать и о северо-западном ареале расселения тунгусов, где обитали эвенки и, частично, эвены. Там находились горы, из которых вытекали реки Курейка, Пясины, Котуй и Хета. До тунгусов там обитали самодийцы. Самоядь упоминалась даже на низовьях Лены в 1636 г. Это была Хантайская и Тавгицкая Самоядь. В эти земли пришли нюрумняли и буляши (ваянды), которые сами являлись группами смешанного самодийско-тунгусского населения. Местных тунгусов русские обложили ясаком в 20-е гг. XVI в., основав в 1625 г. Пясинское зимовье. Другие зимовья были основаны в 30-е гг. XVII в. В 1635 г. Елисей Буза взял ясак с тунгусов. В середине XVII в. тунгусское население края начало расти вследствие миграций эвенков с Нижней Тунгуски и эвенов с восточной стороны Нижней Лены. Тунгусов также гнали сюда эпидемии на Вилюе, Лене, Оленке. Баягиры и ваянды Есея и Нижней Тунгуски вели войны с синигирами и эдянами Анабары и Оленека в 1639–1667 гг. В 1682–1683 гг. тунгусы – ваянды и малчагиры – восстали против произвола ясачных сборщиков. В середине века момогиры Нижней Тунгуски воевали с калтагарами, сологонами, нюрманганами. Эвенки родов баягир, сологон, нюрмаган, калтагир мигрировали в южную Якутию и Приамурье. Якуты еще до XVII в. проникали на тунгусский северо-запад, однако в XVII в. это проникновение получило массовый характер. Они приходили с Вилюя и Алдана и сосредоточили в своих руках торговлю. Эвенки и эвены жаловались на якутскую экспансию [83, с. 175–178, 180].

Важно описать, какими были отношения тунгусов с соседя-

ми. Их племена активно воевали с якутами. Несмотря на то, что якуты занимали сравнительно небольшие территории на Средней Лене, их земли были зоной компактного расселения. На Вилюе и Олекме жили калтакули, нанагиры, баягиры, долганы, мургаты, бэллеты, нюрмаганы, киндигиры, сологоны, угулээты, почеганы, вакараи, маугиры, ваянды, булаши. Особое внимание стоит уделить некоторым родам, которые пришли с Приамурья в Якутию. Это сологоны, долганы и эджены (эдиганы). Последние, по предположению В. Ушницкого, происходят от народа уцзэ, упомянутого в китайских источниках, который, в свою очередь, называли дикими чжурчженями. Нужно сказать, что имели место и обратные миграции. Так, шамагиры выселились с Нижней Лены в Приамурье. Часть из них была поглощена якутами. Пуягиры или же баягиры жили у верховья Сини и озера Тобуй. Баягиры были предками кангаласских тунгусов, и значительная их часть ушла на юго-восток. Увалагиры обитали на Среднем Вилюе и были потомками от смешения нанагиров с аборигенами Вилюя. Мургаты представляли собой нанагиров, смешавшихся с туматами, которые принадлежали к числу монголоязычных народов. Вероятно, тунгусы угуляты также были племенем смешанного тунгусо-монгольского происхождения. Этногенез многих тунгусских народов также был связан с покорением и ассимиляцией местного палеоазиатского населения. Кроме того, нужно отметить и ассимиляцию тунгусами части юкагиров. Ваянды были группой смешанного самодийско-тунгусского происхождения. Впоследствии они стали территориальной группой нганасан. Тунгусо-самодийское происхождение имели буляши и нюрумняли. Нужно отметить, что расселение самодийцев на Таймыре – процесс достаточно поздний и датируется временем русской колонизации, а это значит, что тунгусы присутствовали в этом регионе ранее самодийцев и их пласт более ранний. В 1683 г. группы смешанного происхождения разгромили Есейское зимовье. Касательно долганов, то эта группа тунгусов была тюркизирована якутами, и долганы стали тюркским этносом. Этногенез долган сложен. До тюркизации долганы имели смешанное тунгусско-юкагирское

происхождение. Многие роды тунгусов имели смешанное происхождение, поскольку значительные просторы владений, где ранее обитали юкагиры, были заняты тунгусами. Долганы жили на реках Сите и Вилюе. Нанагиры жили в районе Нюрбы, а также от Лены до устья Олекмы. Они представляли собой часть киндигиров, как и камчагиры и лашкагиры [86, с. 124–129; 83, с. 182–192, 198–203, 213–230].

Тунгусы занимали большую часть современной республики Саха-Якутия. Восточные эвенки жили на восток от Байкала и Лены, к югу от Алдана и Май. Их южной границей служил Амур. На севере и северо-западе эвенки граничили с якутами; на северо-востоке – с эвенами; на юге, юго-западе и юго-востоке – с монголами, даурами, дючерами, нивхами. Общая численность эвенков, по данным Б. Долгих, составляла 21 тысячу человек. В верховьях Селемджи и Шевли жили мокогиры (бирары). В бассейне Зеи жили уиллагиры. По Гилюю и Нюкже – манягиры. На Бурее жили шамагиры. В бассейнах рек Кур, Урми, Тунгуска, Бира, Биджан – килены, дилкогиры, четелкогиры, юкамцы, дунканы. На северо-востоке дальневосточного ареала эвенков обитали роды буталов, лалагириров, макагириров, эджен. На побережье Охотского моря жил тунгусский род аинкагир. Дальневосточных эвенков было 564 человека. Во время русской колонизации якуты, пользуясь тем, что тунгусы воевали против казаков, начали наступление на тунгусские земли из своего анклава на Верхней Лене. Еще одной проблемой были междоусобицы между отдельными тунгусскими родами. Маугиры и агагиры, уиллагиры и лалагиры ожесточенно воевали друг против друга. Верхнеленские и нижнетунгусские, тунгирские и нюкжинские эвенки также враждовали между собой. Кроме того, межродовые конфликты часто провоцировали служивые люди, используя одних тунгусов против других. Большие потери тунгусы понесли от эпидемий, принесенных русскими, поскольку не имели к ним иммунитета. Переселения дауров и дючеров, осуществленные маньчжурами, привели к миграции в Маньчжурию гогулей и большей части тунгусов, которые занимались земледелием. На освободившиеся

земли приходили так называемые пешие тунгусы с берегов Охотского моря. Также за Амур мигрировала часть эвенков, желавших сбросить власть русских. Эти миграционные процессы привели к сложению ряда новых этносов Приамурья. Тунгусские роды донкан и юкаминкан заселили бассейны рек Кур и Урми. В районе озера Болонь жили тунгусы рода эджен, которые до переселения жили на Алдане и Мае. Эвенки жили у озера Удыль. Нахтагиры принимали участие в этногенезе нанайцев, и они, как и килеры и шамагиры, были ассимилированы нанайцами. Тунгусские роды были и среди ульчей [84, с. 90–102].

Нужно сказать, что эвены оформились вследствие взаимодействия пеших тунгусов с палеоазиатскими народами северо-востока Азии. В якутском предании говорилось, что прародитель якутов Омогой Бай прогнал с Вилюя тунгусов. В другом предании повествовалось, что якуты потеснили тунгуса Тарагана и вынудили его бежать на север, где эвены образовали ламунхинский род. В фольклоре эвенков было предание, что мамагиры под давлением якутов Тыгына переселились на север. С происхождением эвенов связаны река Вилюй и низовья Алдана, как исходная точка миграции. Дотунгусское население территорий, на которые пришли эвены, якуты, называли харасагыл. На эти территории пришли шологоны, дулиганы, эдиганы. Также тунгусы потеснили монголоязычных туматов, которые смешались с тунгусами и юкагирами на нижней Лене и Яне. Придя на Охотское побережье, предки эвенов смешались с местными «пешими тунгусами». В этническую территорию эвенов в XVII в. вошли земли вблизи Охотского моря между реками Тауя и Улья, в Верхоянском хребте и у истоков Колымы. Северо-восточными соседями тауйских эвенов стали коряки, которые потеснили юкагиров. Переселение коряков на юкагирские территории отмечается в эпоху русской колонизации в XVII в. С запада на земли юкагиров наседали верхоянские эвены, продвигавшиеся по Яне, Индигирке и Колыме. С востока на юкагиров наступали чукчи. Юкагиры, несмотря на свою воинственность, не смогли остановить вторжение, поскольку им приходилось сразу одновременно сражаться на нескольких фронтах. Кроме того, их силы подкосили эпидемии.

Отток части тунгусов в верховья Май, Ульи и Охоты способствовал этногенезу негидальцев. Принимая в расчет миграции, нужно отметить, что почти через столетие количество эвенов на Охотском побережье сократилось в три раза. Эвены делились на роды бояшин, годникан (ветвь рода кукугир), горбикан (родственники эвенков килер), долган, килар, кукугир, уяган, эджен, абдор, адган, ивъян, кутин, нюччин, омоктон, омыттыкагир, угджур, уяир, шелган. Расселение эвенов сопровождалось дроблением родов на меньшие единицы. В 1668 г. эвены еще мирно жили с коряками, но уже в 1688 г. они с ними воевали. В качестве ясачных инородцев эвены участвовали в походах казаков на коряков, тесня их на северо-восток. В 1709 г. эвены с казаками дошли в походе на коряков до реки Тубаны. В 1678–1679 гг. зашиверские эвены жаловались на юкагиров. В 1688 г. казак Иван Тобольский уже указывал, что ламутки (эвены) побили ясачных юкагиров. Эвены метисировались с русскими. В первой половине XVIII в. эвены проникли на Чукотку. Проникновение на Камчатку эвенов состоялось в XIX в. В якутском предании говорилось, что перед якутами на Колыме жили ламуты (эвены). На Колыме и Алазеи эвены появились еще в XVII в., однако появлялись и жили там лишь эпизодически. Ассимиляция юкагиров эвенами произошла в XIX в. Однако у эвенов были и столкновения с русскими. Эвены-горбиканы в 1677 г. разбили отряд русских Томилова, а в 1680 г. разгромили на Юдоме отряд Данила Бибикова из 200 человек. В 1678 г. кукугиры во главе с Мунеканом и годниканы во главе с Некруном взяли в осаду Охотский острог. Эвены родов килар и лялтигир также в 1678 г. восставали против русских из Охотского острога. В 1652 г. эвены рода Тугочер были обложены русскими ясаком. В 1665 г. ненигиры хотели отбить у русских своих аманатов. В 1680 г. эвены рода Эвъян напали на отряд Бибикова. Другие эвенские роды были более покорны и исправно платили русским ясак [43, с. 20–48; 59].

Русские, продвигаясь на восток, также сталкивались с тунгусскими родами, жившими вокруг якутов и рядом с юкагирами. В документе от 1641 г. отмечались успехи Ивана Реброва и Семе-

на Дежнева в исследовании земель на северо-востоке Азии, за что их награждали мехами соболей. В 1642 г. Семен Дежнев и Михаил Стадухин указывали, что пришли на Оймякон, но, поскольку это место холодное, они платили дань не там, а на Чюне. Рядом с ними жили мемельские тунгусы, т. е. представители рода момофир племени шиягир. Синигиры жили на Оленьке, Анабаре, Чоне, Нижней Тунгуске. Вместе с долганями они пришли на Таймыр, где были ассимилированы нганасанами и якутами. Момогиры враждовали с другими тунгусами из родов нюмагиров и нюрмаганями. В «скаске» Андрея Горелого от 1646 г. указывалось, что на Колыму можно попасть только летом. В 1646 г. сообщалось о путешествии Василия Пояркова на Охотское море. В «скаске» Михаила Стадухина от 1647 г. говорилось о реках Колыме, Чюхче и Анадыри. Впервые в этом источнике чукчи упомянуты под этнонимом «чюхчи», и отмечается схожесть их быта с самоедами. Тем же годом датировано путешествие Семена Дежнева. В 1648 г. на Анадырь был отправлен Анкидинов для ясачного сбора на Анадыри. В том же году Семеном Дежневым был взят с этой земли первый ясак с юкагиров (в источнике их называли омоками). В 1649 г. ясачные юкагиры восстали, призвав на помощь еще не покоренных русскими неясачных юкагиров и чукчей. В документах 1663–1664 гг. ясачные юкагиры с Колымы жаловались на произвол со стороны русских служивых. Они повторили свои жалобы и в 1664–1665 гг. В 1681 г. юкагиры подняли восстание против русских, о чем сообщал Курбат Иванов из Анадырского острога, прося у якутского воеводы помощи. Иван Приклонский в документе от 1683 г. отмечал, что шамагиры, удагиры, нашикагиры давали ясак, а когда юкагирский вождь Канива поднял восстание против русских, то и тунгусские роды поддерживали юкагиров и отказывались платить ясак [60, с. 117–119, 221–222; 47; 73; 46, с. 106–113; 81, с. 9–11; 59; 36, с. 175–176, 180–183].

В западной части Якутского уезда тунгусы жили на реках Оленек и Анабар, они принадлежали к роду синигир. Далее жили «пешие тунгусы» из родов готниан, шалган, эджен, шолгон, горбикан, киляр, нинагир, улбидан, тлбакан, уягир, негняр, боя-

шин, которые жили на побережье Охотского моря. Численность «пеших тунгусов» вскоре сократилась из-за эпидемий, многие роды вовсе прекратили существование. В Зашиверском зимовье ясак платили ламуты-эвены. Они начали платить дань с 1662 г. Ламуты также платили ясак в Верхнеколымском зимовье, например зельянский род. Также соседями племен Северо-Восточной Азии были уягиры и кукугиры. Тунгусы делились на собственно охотских, тауйских и оленных. Тауйскими были долганы, уяганы, дельяны, кукугиры, годниканы, килары, горбиканы. Охотскими были угдигиры, негняри, уягиры, инеганы, ачганы, толбаны, шолганы, баякшинцы, ненакагиры, нюнагиры, гулюгиры, шолон, эджен, годниканы, килары, горбиканы, уяганы, лелтягиры, зельяны, мамагиры, кайтагиры, эджены, енъян. Большинство этих родов платило ясак в Охотском остроге, который был построен в 1649 г. Иваном Афанасьевым, а еще ранее Иван Москвитин в 1639 г. дошел до Охотского моря и сделал палеоазиатов нивхов ясачными людьми русского государя [35, с. 442–548; 57, с. 87; 14].

В Приамурье интересы русских столкнулись с маньчжурами. По данным В. Пояркова, маньчжуры совершали походы на дауров и торговали с ними. Действия Ерофея Хабарова в 1649–1651 гг. в Даурии вызвали ответную реакцию маньчжуров. Нужно отметить, что Ерофею Хабарову в 1650 г. была дана инструкция привести к русскому подданству даурских князей и князя Богдоя (так сначала переводили титул богдыхан). Якутский воевода Д. Францбеков также послал грамоту в случае принятия русского подданства Богдоем (богды-ханом). В случае, если князь не станет вассалом русских, воевода угрожал вторжением шеститысячного войска. В 1651 г. из Якутской приказной избы был дан приказ Ерофею Хабарову отправить отряд Трепку Чечигина к князю Шамшакану. Интересно, что в документе он назван царем и князем. Его резиденция была на реке Ноницзян, и, вероятно, это был один из маньчжурских военачальников. Отряд Трепки Чечигина был малочисленным, и ему предписывалось только установить контакт. Якутский воевода на всякий случай подготовил грамоту о принятии русского подданства. Сами дауры указывали, что

Шамшакан – это не император, а ставленник Алакабатуракана, который был назван царем. Не исключено, что так называли Абахая. Но в 1649 г. Империей Цин правил уже Айсингиоро Фулинь (Шуньчжи). Ерофей Хабаров в своей отписке указывал, что находится на Амуре и Зее-реке. Он сообщал, что подчинил себе дауров. Отмечалось, что казаки напали на князя Гуйгудура, с которым находились два других князя, а также богдоевы улусные люди. Богдоевы люди – это никто иные, как маньчжуры, князь Богдой и царь Шамшакан – это ни что иное, как калька с монгольского титула маньчжурского императора богдыхан. Отмечалось, что до русских в землях дауров бывали маньчжуры, постоянно там было около 50 человек. У маньчжуров не было инструкции сражаться с русскими, и поэтому казаки смогли в 1649–1650 гг. основать зимовье у Албазина и в 1651 г. взять город. После Албазина пал ряд других крепостей дауров и дючеров. Обоснование русских в Приамурье, которое маньчжуры считали своим пограничьем, обеспокоило Цинов. Ерофей Хабаров отмечал, что в 1652 г. под Ачан прибыли маньчжуры. Ачан был одной из твердыней дючеров, народа, родственного маньчжурам. К моменту подхода цинского войска Ачан уже был под контролем русских. Из Нингуты, по данным Ерофея Хабарова, прибыло 600 солдат (что маловероятно, максимально было немногим больше половины от указанного числа). Ерофей Хабаров называл маньчжурского военачальника Осенеем (Исенеи, князь дючеров). Он приказал брать казаков живьем и поплатился за излишнюю самоуверенность большими потерями. Казакам даже удалось взять две китайские пушки. Потом был захвачен Нилгуцкий город. Дючери Есенея, Иведака-мафа и Тамфи-мафы, жаловались маньчжурскому губернатору Учурве в Надымны. Касательно Гуйгудара, Балдачи, Туронча, то, вероятно, они были даурами. Против русских было отправлено 500 дауров, более 500 дючеров и 420 людей Манзинского улуса, 500 людей Исенея. Сказано, что Манзинский улус (Маньчжурия) подчиняется маньчжурам, равно как и Шингалу (Сунгари). Около города Мовгена (Мукдена) живут дауры и тунгусы. По сведениям Ерофея Хабарова, Никанская земля же была не до конца

покорена маньчжурами и ее правитель Зелзей постоянно воевал с царем Шимшаканом. Нужно сказать, что эти данные очень неточны. Никанской землей русские называли Маньчжурию, а никанцы – производное от китайского «нюйчжень». Афанасий Пашков отмечал в 1653 г., что люди по Шилке продолжают платить дань маньчжурам, но платят и русским. Енисейский воевода просил отправить на помощь новых воевод с войсками. В 1653–1654 гг. царь хотел установить торговые отношения с Империей Цин. В 1655 г. из Сибирского приказа пришел документ, по которому предписывалось служивым в Даурской земле не ущемлять права дауров, дючер и нивхов, которые стали русскими подданными и платят ясак [44; 54, с. 72–75; 6; 5, с. 38–43; 2, с. 10–11; 57, с. 92–101; 68, с. 328–333; 49, с. 641].

К цифрам, приведенным Ерофеем Хабаровым, стоит относиться очень критично. Во всем Приамурье у Империи Цин было 7,5 тысячи солдат. При этом в наиболее масштабных действиях вокруг Албазина в ходе войны 1683–1688 гг., по сведениям Томаса Перейры и Франсуа Жербийона, принимало участие около 1,4 тысячи солдат в сопровождении 1 тысячи солдат, плюс еще 1 тысяча работных людей. Под конец войны в Нерчинске было 1,5 тысячи русских против 2,5 тысячи маньчжуров с союзниками. В китайских источниках упоминалось о трехтысячном войске. Ярким показателем завышенной численности маньчжуров в русских источниках являются данные Головина о 10 или 17 тысячах маньчжуров. Воевода Кислянский писал о набеге 10 тысяч маньчжуров на небольшой русский гарнизон. Ерофей Хабаров и Онуфрий Степанов говорили о 10 тысячах маньчжуров только в пограничных территориях в 50-е гг. XVII в. В Ачанском сражении, по данным Ерофея Хабарова, русскому отряду из более 600 человек противостояло 600 маньчжуров и 1,5 тысячи дауров и дючеров. Реально возможна другая цифра. В Нингуте могли жить только 350 воинов, другие находились в Сунгари и Хурха-бира. В лучшем случае, русским противостоял отряд из Нингуты и несколько сотен дауров. При этом Ерофей Хабаров указывал на потери маньчжуров в несколько сотен, говоря о своих потерях

в десятках, что было явно нереальным и для более поздних эпох. В китайских документах сказано, что во главе войска находился Сифу. Штурм крепости не удался, и, к тому же, Ерофей Хабаров сделал удачную вылазку, ударив противнику в тыл. У Хабарова же было немногим больше трех сотен воинов. Когда только появилась возможность, он оставил Ачан и ушел вверх на Зею. Во время правления Нурхацзи людские ресурсы маньчжуров были ограничены, что, однако, не помешало Империи Цин одержать победы в ряде битв. Армия сына Нурхацзи Абахая после разгрома Чахарского ханства в 1634 г., покорения Кореи в 1636 г. и взятия Бейцзина стала многочисленной за счет воинов с покоренных территорий, однако большинство из них использовалось против китайцев и монголов. В связи с этим всех маньчжуров перевели в военное сословие и освободили от уплаты всех налогов. Их было 60 тысяч, которых организовали в войско восьми знамен. Эти силы они выставляли при тотальной мобилизации. Солоны, дауры и шивэ также не платили никаких налогов и были только воинами. Отряды солонов и шивэ были организованы по принципу знаменных частей. Они были легкой конницей, хотя могли сражаться и в пешем строю, стреляя из луков. В состав войска Империи Цин, к моменту походов Ерофея Хабарова, входили чахарские монголы, а во время войны 1683–1688 гг. и халха-монголы [63; 44; 75].

По описаниям русских дауры, большей частью, сражались конными, стреляя из луков, и были крайне слабы пешими. Касательно дючеров, то большинство русских этнологов считали их отдельным этносом. Б. Полевой считал их нанайцами. Д. Болотин настаивал на том, что они были частью чжурчженей-маньчжуров. А. Бурькин отмечал, что этноним «чжурчжень» не мог перейти в «дючер», как и попасть в русский язык из нанайского. По его мнению, «дючер» попал в русский из эвенкийского языка. «Дючер», скорее, был соционимом, а не этнонимом. «Лон» обозначал местные караулы маньчжуров [14].

Особо стоит сказать о тунгусо-маньчжурских народах Приамурья и Приморья. Ульчи были известны русским как лонки,

а нанайцы как голдики. На севере доминировал севернотунгусский компонент, на юге – маньчжурский. Присутствовал и местный амурско-чжурчженский компонент. В среднем и нижнем течении Амура жили гоголи, дючеры, натки. Основными группами тунгусов были шамагиры, юкамцы, дунканы, бирары, уиллагиры, манагиры, колтагиры. Амгунские тунгусы были предками негидальцев. Шамагиры, юкамцы, дунканы, четелскогиры были предками ряда нанайских родов. К приходу русских эти тунгусы заняли Нижнее Приамурье. Наиболее восточными группами приамурских тунгусов были манагиры, жившие у Зеи, Гилюя, Уркана. Бирары жили у Селемджи, Быссой, Шевли. Колтагиры жили у рек Ингода и Нерче. Эти тунгусы ощущали влияние дауров и дючеров и находились на периферии Империи Цин. Бирары делились на роды гурагир и дунагир. На Зее жили одауренные шамагиры, лалагиры князца Томканея и уиллагиры. Дуланы русских источников – это солоны, которые занимали склоны Большого Хингана и бассейн реки Нонни. Они входили в знаменные войска и, собственно, были дючерами. На Зее жили пашенные тунгусы. Местные баягиры, шамагиры и ежеуны были зависимым от дауров населением. Также пашенные тунгусы жили на Верхнем Амуре. Зейских тунгусов было около 1240 человек. Конные тунгусы жили в Южном Забайкалье и Баргуджине. Вакараи вследствие русской экспансии вторглись в Приамурье, но в 1654 г. были разбиты манагирами. После того как маньчжуры увели в Маньчжурию манагиров, на их место пришли киндигиры, которые поселились у Албазина. Эвенки расселились у Охотского моря. Это были роды лалагир, бутал, эджэн, муктегир, мэкэгир, эгенкегир. Бирары оказывали русским поддержку в войнах с маньчжурами. Нужно отметить, что союзниками русских были тунгусы Сибири, в то время как приамурские и приморские тунгусские народы выступали на стороне Империи Цин и дауров. К конным тунгусам относился род нелюдов, к которому принадлежал Гантимур. В Забайкалье было и десять иных владений. К конным тунгусам относилось 11 родов: баягир, дуликагир, колтагир, почагор, лупикир, баликагир, челкагир, чермагир, вакараи, чёмагир. Они жили

около Баргузинского, Телембинского и Селингинского острогов. Конные тунгусы платили дань монгольским тайшам. В 1655 г. русские принудили платить ясак Гантимура. В 50-е гг. XVII в. конных и пашенных тунгусов маньчжуры эвакуировали вглубь Маньчжурии. В 1667 г. к русским вернулся Гантимур только со своими ближайшими родственниками. Ороконы были близки к племенам манагиров. Они платили дань маньчжурам в Аньгунь. По Амуру и Тугуру жили негидальцы [37, с. 24–39, 47–55; 82, с. 75–110; 6].

В лесах Нижнего и Среднего Приамурья жили ороконы, манегиры, бирары. В эпоху Мин упоминались народы цилеми, цихейми, цзилэны, цзилеми, гуу. В XIV–XV вв. на территории Приморья и Маньчжурии находился караул Нургань, где жили зависимые от Империи Мин чжурчжени. В середине XV в. начинают набирать силу цзяньчоуские чжурчжени. В XVI в. возросло влияние одного из чжурчженских племен – маньчжур. Территория Маньчжурии стала известна как Оранкай, а чжурчжени как оранкайцы были известны японцам. В 1592 г. во время Имиджинской войны, когда японцы перешли реку Туманган, чжурчжени были самостоятельной силой и выступили против японцев. Ими правил Макиду из своей столицы, а чжурчжени охарактеризованы как хорошие наездники и стрелки из лука. Чжурчженей объединил в начале XVII в. Нурхацзи, который происходил из местности Нургань. Он осуществил несколько набегов на Приморье и Приамурье, где также жил ряд чжурчженских племен (от них происходили нанайцы, ульчи, удэгейцы). В «Цюаньдяо бэй као» упомянуто, что по Уссури живут мулунь, восточнее их – циякала, по Сунгари и Амуру – хэйцзинь, вдоль Амура – фэйяка, вдоль Великого Восточного моря – цилер (киле) и оленеводы камунихань. В «Вень Сянь тукао» упомянуты народы цзюй и гуши, которые А. Бернштам отождествляет с тунгусами, поскольку иным названием этого народа цзюй было увань. В документах эпохи Мин страна на нижнем течении Амура называлась Нургань и, что характерно, имела статус го (государства). Местное население не было вассальным Империи Мин, хотя китайцы проникали в эту

страну. Страну населяли племена улянха (на север от реки Хуаншуй и к югу от Верхнего Амура, граничили на западе с горами Хинган, а на востоке – с рекой Сунгари) и жучжень-чжурчжени. Чжурчжени Хайси жили в районе рек Сунгари и Ашихе, а чжурчжени Цзяньчжоу – в районе Нингуты и Саньси, которые находились севернее от рек Ялуцзян и Туманган. Для нас особый интерес представляют дикие чжурчжени, жившие на Нижнем Амуре и в Приморье [31, с. 32–43; 33; 40; 50, с. 320–343; 25].

Д. Болотин считает, что около Зеи жили тунгусоязычные гогули и монголоязычные дауры. Гогулей он считает зейскими дючерами, живущими по обоим берегам реки Зеи до впадения в нее Селмеджи и Томи. Дючеры занимали средний и нижний Амур, а дауры – верхний Амур. В археологическом отношении даурам соответствовала владимировская культура XIII в. – середины XVII в. Нужно сказать, что в состав носителей этой культуры входили и тунгусоязычные группы. Дючеров, как общность, русский археолог считает реальной со второй половины XIII в. Нижнеамурский вариант владимировской культуры, по мнению исследователя, был амурским чжурчженским. Также чжурчжени жили на Среднем Амуре, а предками чжурчженей были мохэ. Численность приамурского населения была небольшой. Предков нанайцев было 2 тысячи, ульчей – 1,5 тысячи, оленных тунгусов – 1,25 тысячи [9, с. 26; 8, с. 616–635].

В бассейне Сунгари сунгарийские нанайцы, орочи, удэгэйцы были известны под названием хэджэнь. В состав чжурчженей входили племена хэйшуй мохэ, сумо мохэ, байшань, хуйба, тели, юэси, фуне, юйлоу, удигай, ужэ, уго, вэймо. В эпоху Империи Ляо в состав 72 непокорных племен категории шеннючжи входило много чжурчженских племен. Нейтральными по отношению к Ляо были чжурчжени хуйба. В состав непокорных племен входили удзи, удигай, ужэ, тели, еланские роды хешиле и ваньян. Они проживали в Приморье и в Северной Маньчжурии. Этноним «удзи» или «уджэ» был китайской адаптацией маньчжурского «вечжи» (лес), а «веджи-кай» или же «удигай» значило «лесные люди». По мнению Г. Розова, «ужэ» и «удзи» – синонимы. Нужно сказать, что сами

удэгэйцы называли себя «лесными людьми». У удэгэйцев сохранилось предание, что убежать в леса их вынудили монголы. Некоторое время «удэ-удигэ» было словом нарицательным, обозначавшим у китайцев и маньчжуров диких лесных жителей, пока не стало самоназванием народа удэгэйцев. Племя ужэ приняло активное участие в истории государства Бохай и играло активную роль в государстве Поздний Бохай, которое существовало в эпоху киданской экспансии. С 1616 г. маньчжуры стали уводить удэгэйское население из Приамурья для войны с Империей Мин и включали его в свои восьмизнаменные отряды. Одно из удэгэйских племен – цьякала (кьякала, камедзига) – было переселено в Маньчжурию. В предании удэгэйцев сказано, что они оказывали сопротивление маньчжурам. Походы маньчжуров обусловили распад родов удэгэйцев на более мелкие единицы. Удэгэйцы состояли из трех основных родов: Кьякала (род Кья), Фейяка (род Пеонка), Кялундзига. Однако, по мнению некоторых ученых, родов могло быть больше, а самых известных могло быть пять: Камандзига, Кялундзига, Кья, Кимонко, Геонка. Китайцы в цинское время обозначали удэгэйцев как уди (удаха). Взаимодействие удэгэйцев с другими тунгусо-маньчжурскими племенами привело к появлению родов удэгэйского происхождения у нанайцев, негидальцев, ульчей. По мнению А. Старцева, фейяка жили в бассейне реки Уссури. Удэгэйский род пеонка вынужден был мигрировать с Уссури под давлением маньчжуров и переселился в район рек Самарги и Пея. В этом регионе они взаимодействовали с нанайцами рода килер и образовали роды Кялундзигаи Кимонко. Род кья жил по побережью Японского моря в районе рек Павловка и Джигитовка. Удэгэйцы активно взаимодействовали с эвенками родов килер и самагиров. Удэгэйцы враждовали с нанайцами, зато у них активные были связи с родственными негидальцами и неродственными айнами [18, с. 34–49; 80, с. 75–86; 28].

Написанные в эпоху Юань династийные хроники «Ляо-шу» и «Цзинь ши» упоминали о непосредственных предках маньчжуров – чжурчженях, которые в XII в. создали Империю Цзинь на просторах Приморья, Приамурья, Маньчжурии и Северного Ки-

тая. В первой половине XIII в. Империя Цзинь была разгромлена монголами, а Приморье и Маньчжурия были опустошены. Чжурчжени были откинuty в развитии в догосударственный период. После того как Империя Юань была разгромлена, чжурчжени получили возможность развития, поскольку монгольское государство распалось на ряд враждующих между собой государств. В 1404 г. появился первый заметный вэй Ахачу из чжурчженей в Цзянчжоу. В 1404 г. Империя установила администрации в Вуже и Нургани, а в 1406 г. в Маоляне. Этот шаг был призван цивилизовать чжурчженей и поставить их на службу Империи Мин, не ущемляя их самостоятельности. Предок Нурханци Менгу-Темур был жихуйши (полководцем) цзянчжоуского вей. Империя Мин вела торговлю с чжурчженями и допускала на свою территорию 1 тысячу чжурчженей из Хайси и 500 из Цзянчжоу. Вследствие развития сельского хозяйства и демографического роста возростала сила чжурчженей, а китайцы начали массово селиться в Ляодуне. Чжурчжени платили Империи Мин формальную дань, однако на практике были, скорее, соседями, чем данниками. Они могли заключать союзы с любым правителем. Например, они поддерживали ойратского Эсен-хана, за что китайцы ввели против них экономические санкции. У чжурчженей была аристократия (бейле), общинники-воины (гуцу, чушен) и рабы (аха, боой аха). Рабами становились преимущественно китайцы и корейцы, попадая в рабство во время набегов чжурчженей на пограничье. Период с 1580 по 1616 г. был эпохой политической нестабильности, связанной с борьбой за власть в Маньчжурии между разными чжурчженскими вождями. Победителем из этой борьбы вышел Нурхацци, объединив все племена, а халха-монголы в 1606–1607 гг. были вынуждены заключить с ним мир и породниться. Они даже называли его наиболее уважаемым правителем. Далее Нурхацци и Абахая пришлось воевать против чахарского хана Лигдена, который оспаривал у них лидерство в регионе. После подчинения Чахара ряд монгольских племен вошли в состав маньчжурского войска в качестве дополнительных знаменных войск. Монгольские тайши имели некоторую автономность, но входили в состав Империи

Цин. Нужно сказать, что чжурчжени приняли новое обозначение – маньчжуры – только в 1635 г. при Абахэе, и даже при основателе Империи Цин Нурхаци государство первоначально называлось Хоу Цзинь (Позднее Цзинь), а на маньчжурском – Айсинь Гиоро. Обосновывая свою захватническую политику, Нурхаци способствовал в 1623 г. публикации интересного исторического документа «Обращение Поздней Цзинь к императору Ваньли», где перечислял обиды, нанесенные китайцами чжурчженям. Нурхаци называл свой народ нойджень. Термин «манджу» появился впервые около 1613 г. в «Цю Маньчжоу дан» и вошел в оборот после 1628 г. При Абахэе была создана легенда о божественном мандате династии Айсинь Гиоро (Да Цин го). Этноним «маньчжуры» окончательно вытеснил старый этноним «чжурчжени» только в XVIII в. По мнению А. Пастухова, по Амуру жили дючеры, которые были по сути теми же чжурчженями (дикими чжурчженями). В устье Зеи, по мнению исследователя, жили солоны. Касательно этнонима «солон», то он был отмечен у северотунгусских народов и буквально обозначал «верховской житель». Русские его фиксировали в формах «шелон» или «шологон». Солоны жили по Зее и Аргуни. Солоны считали себя прямыми потомками чжурчженей. В 1635 г. Убахай-батур и Цзингурдай осуществляли походы из Нингуты против северо-восточных племен, одним из которых было племя варка. В Нингуту отправляли ссыльных [28; 29; 26; 71; 91, р. 239–282; 52; 61; 24; 66, с. 109–121; 90, 334–343; 65; 31, с. 32–43; 62].

Нужно сказать, что первые достоверные сведения о Приамурье для русских добыла еще экспедиция Ивана Москвитина в 1639 г. Экспедиции же Василия Пояркова и Ерофея Хабарова привели к тому, что местные тунгусские и иноэтничные (нивхские) князьки признали власть русских, что привело к крушению системы буферных княжеств, которую выстраивали на севере маньчжурские правители. Отряды чжангиня Хайсэ из Нингуты были малочисленными и потерпели поражение от русских в 1652 г. Нужно также учитывать факт того, что маньчжуры большинство своих сил сконцентрировали против китайцев, а также дауры в

первой кампании Ерофея Хабарова не получили сколько-нибудь значимой помощи. К тому же Нингута с 1636 г. находилась в упадке из-за того, что маньчжуры совершили успешный поход против солонского (эвенкийского) правителя, чьи владения находились на Зее. Маньчжуры, переселяя солонов, считали свою задачу на севере выполненной. При прямой угрозе со стороны русских владения домена династии Айсинь Гиоро (Цин), Нингуту в 1653 г. стали спешно отстраивать. Причиной первых успехов русских было то, что они атаковали на кораблях с воды или успешно оборонялись в крепостях. Они имели огневое преимущество, поскольку отряды из Нингуты были вооружены луками. В 1652 г. у маньчжуров было 30 многоствольных ручниц [65, 74].

В 1654 г. с Сунгари на Амур выдвинулись отряды маньчжуров. Об их действиях известно по китайскому документу и по отписке Онуфрия Степанова. Казак сообщал, что пришедшие под Хумаринский острог маньчжуры были отбиты, несмотря на наличие у них пушки. В другом документе он сетовал на малочисленность гарнизона острога и жаловался на отсутствие продовольствия. А. Пастухов считает, что Онуфрий Степанов завысил численность войска Мингадари. Большинство цинского войска составляли даурские и дючерские ополченцы, была малоэффективная артиллерия. Кроме того, Мингадари постоянно ссорился с Шарходой. Интересно отметить, что казак сообщал, что зимовали русские в дючерской земле, не доплыв до гиляков (нивхов). Когда же лед сошел, казаки, сделав струги, начали собирать дань с дючеров, а в предыдущем году Ерофей Хабаров взял большой ясак с приамурских народов, и по Амуру стало нечего брать в ясак. Поэтому Онуфрий Степанов с Амура пришел в устье Сунгари, где 6 июня ему дали бой. Сообщалось, что на воде русские одержали верх, а маньчжуров выбили на берег, где те соорудили укрепления. Многие русские были ранены и исчерпали боезапас пуль для пищалей. Казаки отступили на стругах далее по реке Амур. Воеводы приказали соорудить остроги у устьев рек Урки и Зеи, однако это было невозможно из-за набегов маньчжуров и их союзников.

Маньчжурский богдыхан запретил приамурским племенам собирать хлеб в Приамурье, и их переселили на реку Наун (Нонницзян). Таким образом, казаки были лишены продовольствия. Маньчжуры также построили на Сунгари крепость, чтобы не позволить русским пополнять свои запасы. Важны сведения корейских источников, поскольку корейцы Син Нью принимали участие в амурских походах маньчжуров. Об войне 1654 г. сказано в дневнике Син Нью, «Тонмун Хвиго» («Собрание всеподданнейших докладов»), «Хёджон Силлок» («Хроники правления вана Хёджона»). Говорилось, что в первой войне (1652) маньчжуры были разбиты, и они попросили корейцев отправить на помощь 100 стрелков под началом Пён Гыпа. Сообщалось, что они соединились с отрядами начальника Нингуты и на реке столкнулись с 13 большими русскими кораблями и 26 малыми с командой, общим числом в 400 человек. У китайцев и корейцев было 20 кораблей и 140 ладей с войском в 1 тысячу человек. Маньчжуры вели бой и на воде и на суше, выстроив укрепления. Битва происходила 6 июня. Маньчжуры преследовали русских и дали им бой в местности Хотхон (Хумаринский острог). После этого еще были бои, что подтверждают сведения из челобитной амурских служивых Якова Никитина. Сообщалось, что в устье Торы-реки казаки находились в осаде, поскольку их окружили дауры. На Шингалу (Сунгари) русских разбили богдойские люди (маньчжуры), которые сражались с ними три дня. С Сунгари служивые отступили на Амур. Корейцы вернулись домой без потерь. Николас Витсен указывал, что в битве на Шингале погибло 400 русских, а спаслось только 200. Синцы победили в битве, имея 50 больших судов против 12 русских дощаников. В 1654 г. дауры были расселены маньчжурами у рек Нонницзян и Муданцзян. Из территории Забайкалья был переселен ряд тунгусских родов. В 1654 г. Алексей Михайлович отправил посольство в Китай и получил ответ на старомонгольском языке. Немец Иоганн Филипп Кильбургер отмечал, что русские в 1654 г. отправились в Камбалык и многого там достигли в торговле с ханом Великой Татарии (Империи Цин). В 1657 г. к маньчжурам прибыл Сеиткул Аблин как

русский посол, и ему был подарен ряд вещей. Впоследствии этот мусульманин несколько раз будет возглавлять дипломатические миссии русских в Китай. Далее миссии возглавлял Федор Байков. В то время с 1655 г. вассалами Империи Цин себя признала часть восточно-халхаских тайшей (восемь тайшей согласились платить ясак). Нужно сказать, что халха-монголы были разделены на четыре ханства и не могли эффективно противостоять соседям [74; 75; 89, с. 38–43; 5, с. 41–45; 77, с. 179–181; 2, с. 11; 57, с. 102–156; 45; 20; 21; 22; 90, р. 344–346; 31, с. 32–43; 49, с. 641; 62].

В китайском трактате «Пиндин Лоча Фаньюэ» («План умирения русских») отмечалось, что у олосы (русских), или лоча (по терминологии дауров и солонов), не было давних отношений с Китаем. Говорилось, что они бесчинствовали на границах и принимали перебежчиков из Империи. В 1652 г. Хайсе из гарнизона Нингуты был разбит русскими, а в 1655 г. отряд Миндали (Мингадари) напал на Хумара и нанес поражение русским. В 1657 г. Шархуда нанес поражение русским в местности Шанцзяньхуэй. В 1660 г. сын Шархуды Бахай нанес поражение русским при Гуфатаньцунь. О столкновении 1660 г. писал Афанасий Пашков и локализовал битву на Шилке под Нелюдским острогом. Отряд служивых людей прибыл на реку Шилку по приказу царя и должен был на Амуре соединиться с войском Онуфрия Степанова и Андрея Потапова. Однако маньчжуры взяли в плен Онуфрия Степанова еще в 1658 г. Клишко Иванов находился на Шилке с 180 казаками, которые отняли продовольствие у Андрея Потапова и пошли по Амуру к морю, где были разбиты маньчжурами. Немногие уцелевшие бежали в Тугирский, Иргенский, Енисейский остроги. Воевода в 1660 г. приказал казакам ожидать его подхода в Нелюдском и Тунгусском острогах (где было сто человек), а также в Албазине (где были остальные русские). Из Иргенского острога казаки ходили на тунгусские улусы. Отмечалось, что Авраам Парфенов пограбил русских, а меха продал местным. По сути, китайские сведения о победе Бахая над русскими не подтвердились. Нужно сказать, что китайские документы скупы на информацию о действиях в Приамурье. Нужно отметить сочине-

ния «Нингута цзилюе» («Краткие записки о Нингуте»), «Шуньчжи шилу» («Жизнеописание императора Шуньчжи»), «Цин ши Гао» («Очерки династии Цин») и дневник корейца Син Нью под названием «Пунчоннок» («Записки о карательном походе на север»). В «Шуньчжи шилу» сказано, что после поражения Хайсе был казнен, а Сифу отстранен от должности и получил сто ударов плетьюми. Согласно «Цин ши гао», на смену Хайсе прибыл Шархода из рода Гарча, уроженец сунгарийского поселения Нельба. Он в 1652 г. был назначен командиром гарнизона Нингуты и в 1653 г. оборонял стратегически важные регионы. В 1658 г. русские грабили границы, и Шархода напал на них и разбил. У пленных отрезал левое ухо. В 1659 г. скончался, и ему наследовал его сын Бахай.

Шархода до того воевал в Китае. Услышав об экспансии русских, он просился на Родину, но его прошение было удовлетворено только через некоторое время. Назначение Шарходы повысило статус этого уезда, поскольку полководец был назначен амбагань-чжангином. При Шарходе были два помощника – маньчжуры Хайта и Нигели. О людях, упомянутых у Ерофея Хабарова, не сказано. Зато в «Любянь Цзилюе» («Краткие записки о ивовой границе») сообщалось, что Харходэ (Шархода) каждый год поднимает войска и совершает подвиги и что никто из нингутских варваров не ненавидит его. Шархода был опытным военачальником и не стал оборонять реку Усури и сконцентрировался на обороне Сунгари, поскольку русские зимовали у нивхов в устье Амура. Касательно событий 1654 г., то и маньчжуры и китайцы считали себя победителями. По данным Онуфрия Степанова, во время его деятельности в Приамурье маньчжуры эвакуировали тунгусское население среднего Амура и низовьев Сунгари. Касательно же военных действий, то на Амуре Шархода и корейский военачальник Пён Гып нанесли казакам поражение. В «Пиндин Лоча Фаньюэ» это свершение приписали Мингадари, хотя тот потерпел поражение от русских. Начало кампании 1654 г. было за маньчжурами, однако завершение было за русскими. Фактически ситуация пришла к ничьей. Крепость Хумара (Ху-

маэрхэ) была опорным пунктом русских на Амуре. Активность маньчжуров против русских объяснялась тем, что еще со времен Ляо и Цзинь реки Амур и Сунгари играли ключевое значение для местного чжурчженского населения. Они служили торговой магистралью, которая соединяла Маньжурию с племенами Сахалина и Приамурья. Через Сахалин, Хоккайдо и далее торговый путь вел в Японию. К тому же, учитывая, что Приамурье и Приморье были населены родственными им племенами «диких чжурчженей», маньчжуры вполне могли считать эти территории своими. Появление русских на Амуре и Приморье рассматривалось как вторжение завоевателей в маньчжурскую сферу влияния. Это было подтверждено материалами Нерчинского договора, по которому за Империей Цин остались Приамурье и Приморье, а русско-маньчжурская граница проходила по Становому хребту и Аргуни [85, с. 10–17; 74; 75; 2, с. 11; 26; 67; 66, с. 109–121; 23].

Локализовать места битв все же возможно благодаря русским данным. В 1652 г. Хайсе воевал у Учжала (Ачана). Хумара – это Хумаринский острог, под которым в 1655 г. состоялась битва. В песне «Во Сибирской Украине, во Даурской стороне...» сказано, что казаки приготовились к осаде и что маньчжурам удалось застать врасплох только 25 человек, которые рыбачили. Онуфрий Степанов сообщал о 20 казаках. Гарнизон крепости попробовал отбить пленных, но неудачно, поскольку Мингадари приказал их казнить. Состоялось это 13 марта. Маньчжуры с союзниками поставили походный лагерь и стали обстреливать крепость из пушек, что, однако, заметных результатов не дало. 24 марта был осуществлен штурм острога, который также не дал результата, и, исчерпав продовольствие, Мингадари 4 апреля отступил из-под острога, а русские также отступили и вынуждены были сжечь острог, поскольку маньчжуры увели окрестных дауров и дючеров в Маньжурию и казаки не могли прокормиться за их счет. Местность Шанцзяньхуэй – это местность на Амуре. В отписке даурского воеводы от 1658 г. сообщалось, что маньчжуры погромили на Шингал-реке отряд Онуфрия Степанова. По мнению А. Пастухова, Шингал-река – это река Сунгари. Перед этим

казаки Андрея Пашкова совершили ряд рейдов в земли дючеров. В Даурской земле они должны были встретиться, но маньчжуры их опередили, разбив один из казачьих отрядов. А. Петриловский указывал, что маньчжуры на семи судах с огнестрельным оружием разбили отряд Онуфрия Степанова, а отряды Артюшка Филиппова находились на Амуре, а Афанасия Пашкова не было в Албазине, он находился на верховьях Шилки. Онуфрий потерял 270 людей и все судна. Также были уничтожены припасы. Люди Петриловского указывали на то, что у Степанова было всего 540 людей и его флотилия была разбита на Амуре. После поражения его люди разбежались. Афанасий Пашков действовал же в землях дючеров и добился определенных успехов. После этого в русских документах исчезают сведения о столкновениях с маньчжурами. Корейский командующий Син Нью сообщал, что в 1658 г. флотилия Шарходы встретила с флотилией русских из 11 кораблей, которые отступили к берегу. Приблизившись, маньчжурские корабли открыли огонь из пушек, и им ответили русские. Маньчжурская флотилия подошла еще ближе, и солдаты на кораблях открыли огонь из луков и ружей. Огонь был настолько плотным, что русские не выдержали и обратились в бегство, высадившись на берег. Маньчжурские корабли приблизились и притянули русские корабли крюками, захватив четыре корабля. Русские на берегу продолжали сопротивление. Оставшихся на кораблях казаков захватили в плен. Впрочем, некоторым из них удалось угнать один из четырех захваченных струг и бежать. Ли Хёниль отмечал, что люди из вальгэ (дауров) на севере были лишены всего. Китайцы несколько раз сражались, после чего обратились за помощью к корейцам. Указывалось, что Син Нью стрелял стрелами из лука во время битвы на Амуре, а огонь с маньчжурских кораблей был таким плотным, что враг не выдержал и бежал. В плен было захвачено десять русских, которым была сохранена жизнь. Дневник Син Нью был использован в «Пукчон Ильги» Син Ныка (правнука Син Нью). В «Плане усмирения русских» говорится о победе сына Шарходы Бахая над русскими в бассейне Амура. В русском документе от 1659 г. сказано о даурских служивых лю-

дах и Нерчинске. О маньчжурах не было упомянуто. В документе от 1660 г. сказано, что Андрей Байкаловский и Клим Иванов бежали, преследуемые маньчжурами. Они ушли к Кумарскому острогу к Афанасию Пашкову. В документе от 1661 г. уже говорилось, что Якунько Парфенов и Елизарка Семенов на Амуре были атакованы маньчжурами. Войск у казаков было мало – всего 56 человек, и собственно они должны были при первой встрече отступить. Столкновение должно было происходить в районе Даурии. Это же подтверждает отписка Афанасия Пашкову енисейскому воеводе. Указывалось, что маньчжуры побили даурских служивых людей около моря и на Сунгари, т. е. повторялись более ранние сведения. Немногочисленные казаки ушли с Амура на Шилку, а оттуда в Игреньский и Тунгусские остроги, из которых совершали набеги на тунгусские улусы. В письме Ерофея Хабарова царю Алексею Михайловичу от 1667 г. упомянуто, что маньчжуры совершенно разорили русские поселения в Даурии. Казаки просили снова позволить им плавать по реке Амур. В 1668 г. в отписке Ивана Толбузина из Албазина сообщалось, что в плен был захвачен тунгус из рода контагир. Указано, что около Албазина живет много тунгусов. Под 1668 г. в донесении Семена Дежнева было сказано об усобице между тунгусами родов баягир и озян на реке Оленек [65; 57, с. 148–149, 159, 192–193; 2, с. 11; 77, с. 179–188; 74; 5, с. 45–51; 64].

В кампании 1658 г. против Онуфрия Степанова маньчжуры собрали более двух сотен корейцев, вооруженных огнестрельным оружием, более сотни маньчжуров с таким же оружием и около сотни китайских канониров с пушками. У маньчжуров не было тяжелых голландских пушек, но и этого хватило для того, чтобы нанести поражение казакам. В битве при устье Сунгари столкнулось 40 суден маньчжуров и 11 казачьих стругов. Маньчжуры собрали 1407 воинов, среди которых было 307 аркебузирова, 400 лучников, 100 артиллеристов, 600 латников. На русские суда был обрушен шквал огня, и казаки не выдержали, прячась в трюмах или сбегая на берег. Маньчжуры захватили несколько русских судов. Войском Империи Цин руководил Шархода. После

этого поражения казаки в 1659 г. сожгли Хумаринский острог [65; 57, с. 148–149].

В 40-х гг. XVII в. маньчжуры были заняты подавлением восстания китайских крестьян в 1644–1647 гг., разгромив государство повстанцев в Северном Китае и в Сычуани. На сторону империи Цин в эти годы перешел ряд минских полководцев – У Саньгуй, Цзинь Шенхуань, Ли Чендунь. Армия Ли Цзычена была разгромлена еще в 1644 г. В 1644 г. Айсиньгиоро Фулинь начал править под девизом Шуньчжи. Маньчжуры в переговорах с династией Мин представляли дело так, что свергли в Северном Китае власть разбойников. Почти сразу же они начали наступление на китайцев Империи Южная Мин. В 1645 г. сын Нурхаци Додо взял Нанкин. В 1649 г. по соседству с Пекином в городе Тайюань восстал военачальник Цзян Сян, а мусульмане Ганьсу захватили Ланьчжоу. Однако эти восстания были подавлены уже в 1650 г. После этого маньчжуры развернули наступление на Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун. Впрочем, им пришлось в 1650–1653 гг. воевать в Гуандуне, Хунани, Сычуани, Цзянси с войсками династии Южная Мин. Успешно действовал против них Ли Динго. В 1654–1655 гг. маньчжуры вытеснили китайские войска из Хунани, Гуандуна и Гуанси в Гуйчжоу и Юньнань. Гуйчжоу была занята в 1658 г., а в Юньнань вторглись в 1659 г. Минский двор бежал в Бирму. До 1663 г. продолжалась война с государством Чжэнов. Не до конца покоренные территории были организованы в три вассальных государства: Фуцзянь была возглавлена Гэн Цзимао, Гуандуном правил Шан Кэси, Юньнань получил У Саньгуй. На Тайвани существовало государство Чжэнов. Для полномасштабных операций на севере не было сил, но и пограничных войск хватило, чтобы нанести поражение русским [57, с. 83–86; 32; 31, с. 32–43].

Следующие смутные слухи о маньчжурских кампаниях датируются уже 1669 г. Сначала говорилось, что маньчжуры собираются напасть. Потом последовало посольство Шаралдая, который передавал информацию о том, что албазинские служивые люди нападают на дауров и дючеров. Указывалось также, что оле-

нии тунгусы из рода Контагир нападают на служивых и не платят ясак. Нужно сказать, что любое волнение на границах создавало предпосылки для восстания определенных тунгусских родов. Нерчинский воевода сообщал, что маньчжуры подошли под три нерчинских острога с запасами продовольствия. Источником информации были халха-монголы и Васька Захаров, который был отправлен для ясачного сбора к тунгусам. В 1670 г. илимские воеводы говорили о приходе осенью маньчжуров под Нерчинск. В 1670 г. Данило Аршинский сообщал о нападении тунгусов рода контагир на Албазин, когда служивые совершили поход на дауров. Никифору Черниговскому удалось отстоять крепость, однако контагиры переставали давать дань. Данило Аршинский также сообщал, что тунгусы, жившие по реке Онон, отказывались платить ясак. Вместо этого они откочевывали к монголам и платили дань им. Монголы нападали на бурят и приходили под Нерчинск. Албазинские служивые жаловались на недостаток продовольствия, оружия и других важных вещей. Данило Аршинский отметил малочисленность русских в Забайкалье и Приамурье. Также он говорил, что маньчжуры жалуются на то, что русские ходят в походы на дючеров и дауров. В 1670 г. маньчжурский император Шэцзу потребовал от русских выдать Гантимура. Говорилось, что от Минкадия уже был послан Шаралдай с подобной просьбой. Кроме того, в 1670 г. прибыл в Нерчинск фудутун Монготу. Он должен был урегулировать тот инцидент, что торгончины со стороны Маньчжурии были на Зее и занимались там промыслами, на что русские приказали их заточить в темницу. В документе от 1671 г. указано, что русский гарнизон Албазина во главе с Никифором Черниговским был уничтожен. Якутский воевода выражал опасение, что маньчжуры могут вторгнуться в его владения. Однако он указывал, что якуты и тунгусы продолжают усердно платить ясак. В документе от 1672 г. сообщалось, что некто Мынгитей с сотней людей приходил под Нерчинск и отгонял местных тунгусов во владения Империи Цин, угрожая войной. В Нерчинск из Якутска и Даурии прибыло подкрепление. В связи со сложным положением в 1673 г. к монгольскому алтан-хану Очиру

и его брату Батуру прибыло посольство русских, однако в 1674 г. халха-монголы напали на бурятов и воевали под Селенгинским острогом. В 1675 г. было отправлено посольство к халхаскому хунтайджи, которому было предписано указывать на русское подданство бурят и не делать уступок. Петр Иванович Годунов в документе «О ведомости о китайской земле и о глубокой Индеи» писал, что Китай многолюден, однако там мало огнестрельного оружия, их порох плох, пушки небольшие и местные предпочитают стрелять из луков, потому что делают это мастерски [74; 5, с. 51–55; 2, с. 52–73; 57, с. 162–186; 30, с. 519–527; 56; 78].

В 1674 г. был заново отстроен Албазин. В документе от 1675 г. указывалось, что албазинские служивые усмирили восстание баунтовских тунгусов, которых поддерживали тунгусы из рода киндигир. В том же году русские отправили три сотни воинов на реку Ган по просьбе дауров, которые попросили о переходе в русское подданство. Маньчжуры были разбиты. Тогда же было отправлено посольство Н. Спафария в Китай. Во время этого посольства служивым было запрещено ходить на Амур и Зею, чтобы не усложнять переговоры. Русские в 1676 г. собирали ясак с улагиров. Под 1678 г. сообщалось уже о том, что дауры нападают на Албазин, а халха-монголы взяли в осаду Селенгинский острог и приходили под Иркутск и Братский острог. В 1680 г. русские вели переговоры с халха-монголами о мире, впрочем напрасно. В 1681 г. казаки уничтожили в Албазине местных тунгусов. Также нерчинские казаки напали на намясинских тунгусов, которые до этого никому не давали дани и обложили их ясаком. В отписке от 1682 г. говорилось о походе русских на реки Зея и Селенгу. Отмечалось, что русские хотели взять ясак с тунгусов, однако тем давать ясак русским запретили дауры. Говорилось, что вблизи этих мест тунгусы, маньчжуры и дауры торгуют. На Селенге русские взяли ясак с бирарских тунгусов, а на Зее – с урегирских тунгусов. В 1682 г. нерчинский воевода Федор Воейков отмечал намерение албазинских служивых идти на реку Быструю против маньчжуров. Действия служивых привели к тому, что у маньчжуров появился предлог для наступления на русские владения в 1685–1688 гг.

Император Айсингиоро Сюань Е (Канси) предпринял ряд подготовительных мероприятий. В 1661 г. в Гирине была построена судостроительная верфь. В 1674 г. это поселение стало городом, который находился рядом с Нингутой и Мукденом. В 1676 г. из Нингуты в Гирин был переведен генерал-губернатор. В городе было построено 100 судов. В 1681 г. маньчжуры около Амура собирали ясак и считали район Зеи своей исконной землей. В 1682 г. они искали среди русских беглых из наунских сел. Фудутун Лантань сообщал, что войска могут двигаться на лошадях, однако грузы лучше отправлять на кораблях по рекам. Напротив устья Зеи был построен город Айгунь, в устье Хумархэ была построена крепость Хумара, а между Айгунь и Хумарой – крепость Эсули. Маньчжуры создали инфраструктуру, необходимую для военных действий. В 1683 г. произошел пограничный инцидент, вследствие которого отряд албазинских казаков был разбит, а русские попали в плен амурской флотилии маньчжуров. Канси отправил русским послание, в котором называл земли дауров, фэйяка, солонов (эвенки-солонь), цилэр (эвенки-килен) своими, а русским предлагал убраться с Амура в свои прежние земли. В 1684 г. началась полномасштабная война русских и маньчжурских пограничных отрядов. Следует отметить, что у маньчжуров планы войны с русскими существовали еще с 60-х гг. XVII в., но Канси считал эти замыслы несвоевременными. Действия маньчжурских полководцев под Нерчинском и Албазином были рекогносцировкой будущих вторжений. Цинские командующие пришли к выводу, что захватить владения русских будет легко. Бахай, Лантань, Сабсу и Пэнчунь возглавили маньчжурские войска. Главной целью будущей войны был Албазин в Даурии. Канси представил дело так, что война была начата для защиты приамурских племен от русских. Северохалхаские Тушету-хан, Богдо-геген хутухта, западнохалхаский Дзасакту-хан были союзниками Империи Цин и зависели от нее. В 1691 г. зависимость стала свершившимся фактом на общемонгольском съезде знати. И только джунгары вели себя независимо. Необходимо отметить, что именно активность джунгар привела к переключению внимания Канси из Примурья

на западную границу, поскольку Империи Цин угрожал Галдан Бошокту-хан [74; 5, с. 55–60; 2, с. 73–79, 88–98, 101–112, 160–161; 57, с. 194–279; 30, с. 519–527; 56; 31, с. 32–43; 90, р. 345–348].

Реагировать на действия русских маньчжурам мешала война саньфань, которая началась в 1673 г. с приказа императора Канси трем князьям сложить с себя полномочия. Она продолжалась до 1681 г. В 1675–1683 гг. маньчжуры воевали с государством Чжэнов, которая завершилась высадкой цинских войск на островах Пэнху и капитуляцией чжэнских войск на Тайване. В 80-е гг. XVII в. ряд халха-монгольских ванов приняли цинское подданство. Маньчжуры подстрекали их к нападению на русские земли. Ранее в 60-х гг. XVII в. чахарский правитель Абунай поднял восстание против маньчжуров, однако оно было подавлено. Большинство правителей Внутренней Монголии (Чахара) стали вассалами маньчжуров в 1636 г. еще при императоре Абахаяе. Канси же запретил китайцам жить на север от Ивового палисада для того, чтобы маньчжуры, метисировавшись с китайцами, не утратили своих боевых качеств. Действия Империи Цин против русских осуществляли монгольскими итунгусскими вассальными правителями, а также небольшими китайскими и корейскими отрядами [57, с. 158, 187; 87; 32].

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам: тунгусы в силу своего доминирования в Средней и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке были одними из основных противников русских. Восстания юкагиров против русских получали поддержку от тунгусов. Обычно за восстанием бурятов против русских следовало отпадение земель южнотаежных тунгусов. Тунгусы на границе Империи Цин имели зачатки государственной организации и входили в сферу влияния маньчжуров. Одним из таких владений был улус Гантимура из племени нелюдов. В целом для маньчжуров была характерна оборонная тактика, направленная на сдерживание русских силами дючеров, дауров и иных племен Приамурья и Приморья. Переход маньчжуров в контрнаступление был связан с тем, чтобы недопустить русских на реку Сунгари и вглубь собственно Маньчжурии. Империя Цин

отправляла в 50-х гг. XVII в. на север ограниченные войска, поскольку была занята войной против Империи Мин. Остановить продвижение русских в 1654 и 1658 гг. смог Шархода, а Бахай только завершил вытеснение малочисленных казаков из Приамурья. В 60-е гг. XVII в. Империя Цин предпочитала сдерживать русских силами дауров, тунгусов-контатигров и минимальными отрядами пограничных войск. Война с вассалами Империи Цин и немногочисленными цинскими пограничниками носила характер пограничных столкновений немногочисленных отрядов войск.

Список источников и литературы

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 г. – 17 июля 1610 г.). Императорское Общество Истории и Древностей Российских. М., 1914. URL: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1600_1609gg/akty_istoricheskie_1608g/1608_12_25_ne_ranee/29-1-0-154.

2. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М. : Наука, 1969. 240 с.

3. Артемьев А. Р. Лук князя Гантимура // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. № 5. Владивосток : Дальнаука, 1990. URL: <http://svitoc.ru/topic/1150-evenkijskij-rod-gantimurovyh/>.

4. Бернштам А. Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии // Советская этнография. № 2. М. : АН СССР, 1947. С. 62–64.

5. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середина XVIII в. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1986. 336 с.

6. Боголюбский И. Очерки народностей, известных в Амурском крае и по берегам Восточного Океана со времени пришествия русских в XVII столетии // Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 618.

7. Болонев Ф. Ф. Не жесточью, а ласкою. Отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурову в XVII–XIX вв. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/arj/?html=bolff.htm&mi=25&id=1304>.

8. Болотин Д. П. Народы и культуры Приамурья в Позднем Средневековье // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 616–635.

9. Болотин Д. П. Происхождение амурских эвенков // Краеведение Приамурья. № 3. Благовещенск, 2008. URL: <http://evenkitekka.ru/stellages/ethnography/proiskhozhdenie-amurskikh-evenkov/>.

10. Бродников А. А. Русско-тунгусские отношения в Нижнем Приангарье: сопротивление князя Тасея. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/brodnikov_a_a/russko_tungusskie_otnosheniya_v_nizhnem_priangare_soprotivlenie_knjazca_taseja/94-1-0-145.

11. Бродников А. А. Русско-тунгусские отношения на Ленском волоке и прилегающей территории в 30-е гг. XVII века (до образования Якутского уезда) // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Т. 5. Вып. 3. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2006. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/brodnikov_a_a/russko_tungusskie_vzaimootnosheniya_na_lenskom_voloke_i_prilegajushhej_territorii_v_30_e_gody_xvii_veka_do_obrazovaniya_jakutskogo_uezda/94-1-0-153.

12. Бродников А. А. Витимский поход М. Перфирьева 1639 г. и первые попытки проникновения русских на Амур // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Т. 10. Вып. 1. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. С. 40–44. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/brodnikov_a_a/vitimskij_pokhod_m_perfireva_1639_goda_i_pervye_popytki_proniknoveniya_russkikh_na_amur/94-1-0-314<http://www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/4695/05.pdf>.

13. Бродников А. А. Отписка сына боярского П. Бекетова с устья Олекмы (к вопросу о русско-тунгусских отношениях на Средней Лене в середине 30-х гг. XVII в. // Вестник НГУ Сер. : «История, филология». Т. 11. Вып. 1. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2012. С. 137–144. URL: <http://www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/6378/19.pdf>

http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/brodnikov_a_a/otpiska_syna_bojarskogo_p_beketova_s_ustja_olekmy_k_voprosu_o_russko_tungusskikh_otnoshenijakh_na_srednej_lene_v_seredine_30_kh_godov_xvii_veka/94-1-0-311.

14. Бурькин А. А. Заметки об этнониме чжурчжени и наименовании «чжурчженский язык» // Сибирская заимка. № 7. 2001. URL: <http://zaimka.ru/burykin-jurchen-language/>.

15. Бушаков В. А. Етноніми тунгуси, евенки, евени (до семантичної типології етнонімів) // Східний світ. К. : Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України, 2012. № 4. С. 123–125.

16. Василевский А. А. О средневековье Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов (600–1600 гг.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. № 10. Южно-Сахалинск : Сахалин. гос. ун-т, 2013.

17. Василевский А. А. Охотская проблема в свете современных исследований (1980-е – 1990-е гг.) // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 292–307.

18. Василевич Г. М. Древнейшие этнонимы Евразии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. № 4. М. : АН СССР, 1946. С. 34–49.
19. Василевич Г. М. Тунгусы перед присоединением к Русскому государству // История Сибири. Т. 1. Ленинград : Наука, ЛО, 1968. С. 395–402.
20. Витсен Н. Северная и восточная Татария. Т. 1. Амстердам : Pegasus, 2010. 624 с. URL: <http://kadykchanskiy.livejournal.com/216297.html>.
21. Витсен Н. Северная и восточная Татария Т. 2. Амстердам : Pegasus, 2010. 608 с. <http://kadykchanskiy.livejournal.com/216297.html>.
22. Витсен Н. Северная и восточная Татария Т. 3. Амстердам : Pegasus, 2010. 584 с. URL: <http://kadykchanskiy.livejournal.com/216297.html>.
23. Во Сибирской Украине, во Даурской стороне. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/kir/kir-168-.htm>.
24. Волкова М. П. Новый текст предания о происхождении маньчжуров // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока : XV годич. науч. сессия ЛО ИВН АН СССР. 1979. Ч. 1. Л. : ЛО ИВН АН СССР, 1981. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVI/1580-1600/Predanie_manczur/text1.htm.
25. Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь : истор. очерки. М. : Наука, 1975. 451 с. URL: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=srednie-veka&author=vorobev-mv&book=1975>.
26. Головачев В. Ц. Страна Нургань и внешняя политика династии Мин в XIV–XV вв. // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 3. М. : Ин-т востоковедения РАН, С. 129–152. URL: http://www.synologia.ru/a/%C2%AB%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0_%D0%9D%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%8C%C2%BB.
27. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН, 1995. 600 с. URL: http://ethnobs.ru/file/Golovnev_Govorjashhie_kultury.pdf.
28. Горский В. В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. Пекин : Изд-во Русской духовной миссии в Пекине, 1852. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Gorskij_V_V/text11.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Gorskij_V_V/text12.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Gorskij_V_V/text13.htm.

29. Горский В. В. О происхождении родоначальника ныне царствующей династии Цин и имени народа маньчжу // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. Пекин: Изд-во Рус. духовной миссии в Пекине, 1852. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Gorskij_V_V/text2.htm.

30. Гурулев С. А. К истории начального периода русско-китайских отношений (вторая половина XVII века) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. С. 519–527.

31. Дацышен В. Г., Модоров Н. С. Цинская империя в XVI–XVIII вв.: зарождение и развитие // Мир Евразии. № 2 (22). Горно-Алтайск : Гор.-Алт. гос. ун-т, 2013. С. 32–43. URL: <http://svitoc.ru/topic/2603-imperiya-tcin/>.

32. Де Брюн Воже. История о завоевании Китая маньчжурскими татарами, состоящая в пяти книгах, сочиненная господином Воже де Брюном. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1788. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVI/1580-1600/Boze_de_Brun/text1.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVI/1580-1600/Boze_de_Brun/text2.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVI/1580-1600/Boze_de_Brun/text3.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVI/1580-1600/Boze_de_Brun/text4.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVI/1580-1600/Boze_de_Brun/text5.htm.

33. Дедахин О. Ю. Известия о народах Амура и Сахалина в исторических документах XIII–XIV вв. // Ученые записки Сахалинского государственного университета. № 3. Южно-Сахалинск : Изд-во Сахалин. гос. ун-та, 2003. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1360-1380/Yuan_si/framepred1.htm.

34. Доббин Альбрехт. Описание Сибири // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Ч. 2. Иркутск : Крайгиз, 1936. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Dobbin/text.phtml?id=630>.

35. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири. М. : Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1960. 624 с.

36. Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб., 1852. URL: [http://xn--80afg3aiou.xn--plai/sources/history/docs/docs-x=1661\\$002.phphttp://elib.shpl.ru/ru/nodes/3017-t-4-1655-1664-spb-1851#page/1/mode/grid/zoom/1](http://xn--80afg3aiou.xn--plai/sources/history/docs/docs-x=1661$002.phphttp://elib.shpl.ru/ru/nodes/3017-t-4-1655-1664-spb-1851#page/1/mode/grid/zoom/1).

37. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1950. URL: <http://si>

brelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1648g/1648/110-1-0-503.

38. Зуев А. С. О властном статусе тунгусского князя Гантимура // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Т. 18. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 346–349.

39. Зуев А. С. Хан Тимур, булат или стрелок из лука: к этимологии имени тунгусского князя Гантимура // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Т. 12. Вып. 5. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2013. С. 242–248.

40. Ивлиев А. Л. Известия о народах Амура и Сахалина в исторических документах XIII–XIV вв. // Ученые записки Сахалинского государственного университета. № 3. Южно-Сахалинск : Изд-во Сахалин. гос. ун-та, 2003. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1340-1360/Czin_chuanchuan/text1.htm.

41. Изберт Идес и Адам Бранд. В гостях у тунгусов // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск : СО РАН, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Ides/otryv2.phtml?id=4061>.

42. История и культура негидальцев : истор.-этнограф. очерки. Владивосток : Дальнаука, 2014. 349 с.

43. История и культура эвенов. СПб. : Наука, 1997. 184 с.

44. Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова // Сын отечества. № 1. СПб., 1840. URL: [http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/history/docs/docs-x=02\\$01.php](http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/history/docs/docs-x=02$01.php).

45. Кильбургер Иоганн Филипп. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Россию в 1674 г. // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Ч. 2. Иркутск : Крайгиз, 1936. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Kilburger/text3.phtml?id=692>.

46. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. М. : Изд-во ин-та народов Севера, 1936. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/pdf/63/index.htm.

47. Колумбы земли русской : сборник документальных описаний об открытии и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1989. URL: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1641g/1641_08_17_ranee/103-1-0-792, http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1642g/1642_06_07_ne_ranee/104-1-0-793.

48. Косарев В. Д. Орочены, ороки, уйльта. О спорных моментах этнонимии и этногенеза. URL: <http://kosarev.press.md/Orochons%20-%20oroks%20-final.htm>.

49. Крадин Н. П. Русские крепости и поселения на Дальнем Востоке XVII–XVIII вв. // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 615–658.

50. Ларичев В. Е. Золотая империя (Цзинь) // История Сибири. Т. 1. Ленинград : Наука, ЛО, 1968. С. 320–343.

51. Логан Джосиас. Путешествие Джосиаса Логана на Печору и зима, проведенная им там с Уильямом Пергслоу и Мармадьюком Уильсоном в 1611 году // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Иркутск : Крайгиз, 1932. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Logan/text.phtml?id=3061>.

52. Мазуров А. И., Пастухов А. М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Кн. 1 : Русская колонизация Приамурья, Северо-Восточной Сибири и Америки. Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2009. 383 с.

53. Масса И. Покорение Сибири // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск : СО РАН, 2006. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/sibir.phtml?id=4019>.

54. Махинов А. Н., Шведов В. Г. Ачанское сражение на Нижнем Амуре в 1652 г. // Военно-исторический журнал. № 1. М. : МО РФ, 2013. С. 72–75.

55. Миссонова Л. И. Уйльта Сахалина : Большие проблемы малочисленного народа. М. : Наука, 2006. 295 с.

56. Международные отношения в Центральной Азии : Документы и материалы. Кн. 1-2. М. : Наука, 1989. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Mezd_otn_centrazii/index.htm.

57. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1987. 512 с.

58. Немировский А. А. Материалы к реконструкции облика юкагирских воинов. URL: http://arctic-megapedia.ru/w/images/1/19/Yukaghir_weaponry.pdf.

59. Немировский А. А. Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг. URL: http://arctic-megapedia.ru/w/images/8/85/Anadyr1676_1685.pdf.

60. Открытия русских землепроходцев и мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1951.

61. Пан Т. М. Обращение Поздней Цзинь к династии Мин // Письменные памятники Востока. № 2 (7). СПб. : Ин-т вост. рукописей РАН, 2007. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1620-1640/Obras_czin_min/frametext.htm.

62. Пастухов А. М. Восьмизнаменная армия в период Тяньмин-Канси. URL: http://vk.com/doc358527_260730600?hash=e4f1415e653599b371&dl=6525c3561183130675.

63. Пастухов А. М. Жизнеописания Ци Цигуана и Мао Юань. URL: http://vk.com/doc358527_260731522?hash=194e3c2cff83766ce1&dl=4eb74e39ff47574f9b.

64. Пастухов А. М. Конница династии Цин XVII–XVIII вв. URL: http://vk.com/doc358527_260730267?hash=0a338c39bc37014bf6&dl=aab60b5c3c222d9d60.

65. Пастухов А. М. Корейская пехотная тактика самсу в XVII веке и проблема участия корейских войск в Амурских походах маньчжурской армии. URL: https://vk.com/doc358527_264851885?hash=3cc8640dcc211dd29d&dl=80b277342f52fcee1.

66. Пастухов А. М. Маньчжурская администрация в землях Нингуты и вассальных владениях в Приамурье // Общество и государство в Китае : XXXIX науч. конф. М. : Вост. лит., 2009. С. 109–121. URL: http://www.synologia.ru/a/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D1%87%D0%B6%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B0%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.

67. Первый русско-китайский договор 1689 года. М. : АН СССР, 1958. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Nerc_dogovor/text.htm.

68. Полевой Б. П. О местонахождении Ачанского городка // Советская археология. М. : Ин-т археологии АН СССР, 1960. № 3. С. 328–333.

69. Полевой Б. П. Известная челобитная С. В. Полякова и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке XVII–XIX вв. Т. 2. Владивосток : Дальнаука, 1995. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Poljakov/pred.htm>.

70. Полевой Б. П. О подлинном местоположении Косогорского острога 50-х гг. XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке XVII–XIX вв. Т. 4. Владивосток : Дальнаука, 2003. С. 32–36. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_53.htm.

71. Попов П. С. О тьских памятниках // Записки Русского географического общества. Т. 16. 1904–1905. СПб., 1906. URL: <http://www>.

vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/1400-1420/Tyrsk_Stely/text.htm.

72. Решетов Б. В. Орочны // Народы и религии народов мира. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 401.

73. Русские мореходы в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1952. URL: http://sibrelit.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1640g/1640_08_ranee/102-1-0-1031, http://sibrelit.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1646g/1646_01/108-1-0-1040.

74. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. 1608–1685. М. : Наука, 1969. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Russ_kit_otn_17_v_I/index.htm.

75. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. 1686–1691. М. : Наука, 1972. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_82.htm.

76. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ : АН СССР СО, 1960. 493 с. URL: http://sibrelit.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1630_1639gg/akty_istoricheskie_1630g/1630/53-1-0-338, http://sibrelit.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1630_1639gg/akty_istoricheskie_1636g/1636_04_03_ne_ranee/59-1-0-406, http://sibrelit.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1645g/1645_05_19_ranee/107-1-0-448.

77. Симбирцева Т. М. Участие корейских отрядов в албазинских войнах 1654 и 1658 гг. : Источники и историография // Традиционная культура Востока Азии : сб. статей. Вып. 3. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2001. С. 179–188.

78. Скачков П. Е. Ведомость о китайской земле // Страны и народы Востока. Вып. 2. М. : Наука, 1961. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1660-1680/Vedomost_kit_zemle/frametext.htm.

79. Соломин А. В. Происхождение тунгусского князя Гантимура по данным ономастики // Генеалогический вестник. № 45. СПб. : Русское генеалогическое общество, 2012. URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/library/av_solomin_proishozhdenie_tungusskogo_knyazyu_gantimura_po_dannym_onomastiki/.

80. Старцев А. Ф. Некоторые аспекты проблема этногенеза удэ-гэйцев // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток : Дальнаука, 2004. № 2. С. 75–86.

81. Токарев С. А. Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях // Сборник материалов по этнографии якутов / ред. С. А. Токарев. Якутск, 1948. С. 9–11.

82. Туголуков В. А. Конные тунгусы // Этногенез и этническая

история народов Севера. М. : Наука, 1975. С. 75–110.

83. Туголуков В. А. Эвенки и эвены Средней и Западной Сибири. М. : Наука, 1985. 284 с.

84. Тураев А. В. Этническая история дальневосточных эвенков (XVI–XIX вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. Владивосток : Дальнаука, 2009. № 5. С. 90–102.

85. Успенский В. Л. Из истории русско-китайских отношений в XVII веке: по новым документам на монгольском языке // Новый исторический вестник. М. : Изд-во РГГУ, 2012. № 33. С. 10–17.

86. Ушницкий В. В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 9. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 124–129.

87. Фомина Н. И. Три документа по истории антицинской группировки на юге Китая (середина XVII в.) // Китай: история, культура и историография. М. : Наука, 1977. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1640-1660/Dok_anticin/text1.htm.

88. Хазанкович Ю. Г. Эвенкийский род Гантимуровых. URL: <http://svitoc.ru/topic/1150-evenkijskij-rod-gantimurovyh/>.

89. Шведов В. Г., Махинов А. Н. Кумарская битва // Военно-исторический журнал. № 8. М. : МО РФ, 2011. С. 38–43.

90. Di Cosmo N. The Qing and Inner Asia // The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid age. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 333–362.

91. Pei Huang. New light on the origins of Manchus // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 50. № 1. Harvard Mass : Harvard-Yenching Institute, 1990. P. 239–282. URL: http://www.deepsky.com/~merovech/voynich/voynich_manchu_reference_materials/PDFs/2719229.pdf.

92. Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryvinghe van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de Noorder en Oostelykste deelen van Aziën en Europa... – Tweede druk, nieuwe uitgaaf [2-е изд., нов. вып.: перепечатка 2-го изд. с доп. ил. и картами]. 2 deel. illus., pl. port., maps, plans, facsim.– Amsterdam : by M. Schalekamp, 1785. Eerste Deel [1 том]. [1, 1, 1, 16], XXV, 503 p. pl.1–43, maps. Tweede Deel. [2 том]. [1], 503–968, [18] p., pl. 44–92, maps. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433000056766;page=root;seq=15;view=thumb;size=100;orient=0;num=499>.

**«К ЯППОН-ОСТРОВУ».
ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ**

Я. В. Пилипчук

*Украина, Киев, Институт востоковедения
имени А. Е. Крымского НАН Украины*

Статья посвящена истории присоединения Северо-Востока Дальнего Востока и Курильских островов к Русскому государству. Первым народом Северо-Востока, с которым столкнулись русские, были юкагиры, которые были наиболее грозными в военном отношении. В 30–50-х гг. XVII в. юкагирские племена были объяснены. В 60-х гг. XVII в. они пишут жалобы на произвол ясачных сборщиков, и тогда же начинаются первые восстания. Наиболее значимым явлением было восстание Канивы в 1680–1684 гг. Потери, понесенные в ходе восстаний, и высокая смертность от эпидемий вынудила юкагиров стать лояльными царской администрации. Этому способствовала и экспансия чукчей и коряков в Юкагирию. Наиболее ожесточенными противниками русских были чукчи, принципиально не желавшие платить ясак. Чукчи нападали на ясачных юкагиров и коряков, вынуждая тех просить помощь у русских. В битвах они три раза побеждали русских. Чукчи наиболее часто нападали на Нижнеколымский и Анадырский остроги. Русские намного чаще брали верх в столкновениях с чукчами. Отряды казаков были относительно малочисленны, большая часть войска русских воевод состояла из ясачных людей. Поэтому и стали возможны поражения отрядов А. Чудинова, А. Шестакова и Д. Павлуцкого в 1702, 1730, 1747 гг. Коряки оказывали ожесточенное сопротивление русским в

XVII в. и воевали не менее удачно, чем чукчи. Они победили в ходе восьми значимых столкновений. Обострение корякско-русских отношений в 1707–1715 гг. связано с восстаниями ительменов против власти русских. Покорение Камчатки заняло период с 1697 по 1730 гг. Апогей ительменско-русского противостояния пришелся на 1707–1714 гг. Наиболее долго казакам сопротивлялось ительменское племя суаачю-ай. Ительмены три раза одержали победу над русскими. Начало освоения Курил русскими датируется началом XVIII в., а вторая половина этого столетия стала временем усиленного продвижения на юг. Отношение русских к айнам было более гуманным, чем у японцев к айнам. Это не исключало отдельных случаев произвола сборщиков ясака, но в целом имперские власти пробовали привести население в подданство обращением в православие и ограждением от произвола. Причиной столь медленного продвижения была колонизация алеутов в 40–60-х гг. XVIII в., а также противостояние с чукчами. Чукотку удалось замирить, ликвидировав Анадырский острог и перейдя от войны к мирной торговле, взывая с чукчей лишь символическую дань. За исключением Кадьяка, больших противоречий у русских с эскимосами не было. Алеуты с Лисьих островов оказали русским ожесточенное сопротивление в 60-е гг. XVIII в. Восстание было обусловлено жестокостью сборщиков дани.

Ключевые слова: русские, казаки, колонизация, чукчи, коряки, ительмены, эскимосы, алеуты, айны, Северо-Восток Азии.

This paper is devoted to the Russian conquest of the North-East of the Far East and the Kurile Islands. The first people of the North-East, which were faced Russian Yukagirs who were the most formidable militarily. They start pay a tribute to Russians in the 30-50-s years of XVII century Yukaghir tribes. They write complaints to their tributaries collectors in the 60-ies years of XVII century and at the same time start the first Yukagir revolts. The most important event was the revolt Canivet in 1681–1685. Losses incurred during the uprisings and high mortality from epidemics forced Yukagirs be loyal to the royal administration. This was facilitated by the expansion of the Chukchi and Koryak in Yukagirs. The most fierce opponents of Russians were

Chukchi, who fundamentally unwilling to pay tribute. Chukchi attacked tributaries Yukaghir and Koryak, forcing those asking for help from the Russian. Chukchi most frequently attacked Nizhnekolymsky and Anadyr forts. Russians is much more likely to take the upper hand in the clashes with the Chukchi than vice versa. Cossack detachments were relatively few in number, the majority of Russian troops consisted of the governor tributaries. Therefore, and made possible the defeat of troops of A. Chudinov, A. Shestakov, D. Pavlutsky in 1702, 1730, 1747 years. Koryak put up fierce resistance to Russian in the XVII century and fought successful than the Chukchi. They wined in eight important clashes. Aggravation of Koryak-Russian relations in 1707–1715 years due to the Itelmen uprisings against Russian authorities. The conquest of Kamchatka took during 1697–1730 years Apogee of Itelmen-Russian confrontation took during 1707–1714 years. Most long resist to Russians take Itelmen tribe suaachyu-ay (Avachintsy). Itelmens wons in three important clashes. Start of occupation of Kuriles by Russians can be dated the beginning of the XVIII century. Time of intensive promotions of Russians in the South was the second half of this century. Attitude to Russian Ainu was more human than the Japanese to Ainu. This does not preclude individual cases of violence of tribute collectors, but on the whole imperial power tried to lead Ainu people in citizenship to appeal to Orthodoxy and guard against tribute collectors. The reason for such slow progress was the colonization of the Aleuts in the 40–60-ies years of XVIII century and confrontation with the Chukchi. Chukotka managed to pacify eliminating Anadyr fort and going from war to peaceful trade. Chukchi payed to Russians only a symbolic tribute. Russian not confronted with Eskimos except Kodyak accident. Aleuts from the Fox Islands had a fierce Russian resistance in the 60-ies years of XVIII century. The revolt was caused by brutality of tax collectors.

Keywords: Russians, Cossacks, colonization, Chukchi, Koryaks, Itelmens, Eskimos, Aleuts, Ainu, North-East Asia.

Одним из интереснейших аспектов истории Сибири является история присоединения Северо-Западной Азии к Русскому государству. Впервые эти аспекты начали изучать Г. Ф. Миллер и

И. Фишер. Правда, их интересы были связаны со столкновениями с кочевниками и маньчжурами. Изменение ситуации наметилось в советское время, когда исследователей заинтересовали отношения русских с чукчами, коряками, ительменами, эскимосами. В связи с русской колонизацией этот аспект освещали М. Ципоруха, В. Самойлов, С. Токарев, В. Туголуков, В. Огородников [Ципоруха, 2013; Самойлов, 1945; Снегирев, 1945; История Сибири, 1968, Т. 2; Токарев, 1936; Туголуков, 1979; Огородников, 2011]. В современной русской историографии проблемами покорения земель Северо-Востока Азии занимаются А. Зуев, А. Нефедкин, В. Шадрин, А. Немировский. Вопросу завоевания Аляски и Алеутов посвящена статья А. Гринева, покорению Курил – работы А. Василевского и С. Лим [Зуев; Зуев, 2001; Зуев, 2002а; Зуев, 2002б; Нефедкин, 2003; Немировский а; Немировский б; Немировский в; Гринев, 2003; Шадрин, 2010; Василевский; Василевский, 2010; Лим, 2011б]. Задачей данной работы является исследование включения Северной Азии, Курильских и Алеутских островов в состав Русского государства.

Нужно сказать, что юагиры были несколько чужеродным народом на Северо-Востоке Азии, поскольку являлись частью уральцев, зашедших наиболее далеко на восток. Вопросу протоуральско-юагирских связей посвящена значительная литература как в русской, так и в финской историографии и лингвистике. В русской историографии о связи юагиров с самодийцами говорил Е. Крейнович. Протоюагиры в бронзовом и большей части железного века занимали значительные территории в Восточной Сибири. Юагиры происходили от населения ымыяктской культуры, и им был свойственен байкальский антропологический тип и вафельная керамика. Для общения между собой они использовали пиктографическое письмо. Мир образов выражался в наскальных рисунках. Своими первопредками они считали остроголовый мужской образ и древовидный женский образ. Наскальные изображения из Южной Якутии до прихода туда якутов и тунгусов принадлежали юагирам. Однако в XII–XIV вв. из большинства территорий бассейна Лены их потеснили курыкане. Также юа-

гиры ощутили серьезное давление со стороны тунгусов. Самые серьезные поражения от них они ощутили на Вилюе. Количество юкагиров с 20–30 тыс. сократилось к нескольким тысячам. Нужно сказать, что само наименование «юкагир» тунгусского происхождения, а самоназвание юкагиров было «одул» (сильные). Мигрируя из Восточной Сибири на Северо-Восток Азии, юкагиры временно рассекли ареал берингоморских культур надвое, отделив чукчей и эскимосов от родственных им коряков. Общая лексика юкагиров с алеутами и якутами связана с аборигенами Алдана – Лены, которые были в регионе до ымыяхтской культуры [Немировский а; Немировский б; Напольских, 2002, с. 195–203; Николаева, 1988; Понарядов, 2008; Шадрин, 2008а, с. 101–115; Шадрин, 2008б, с. 197–205; Aikio, 2014, p. 1–64; Häkkinen, 2012, p. 91–101; Piispanen, 2013, p. 165–197; Гурвич, 1982, с. 168–180; Жукова, 2008, с. 3–18; Fortescue, 1988, p. 21–50; Жукова, 2010; Кирьяк, 1993, с. 125].

Юкагирские племена делились на северные и южные. К северным относились омоки, алайи, чуванцы-шелаги, коромои, олюбенцы, яндыри, янга, онойди. К южным относились когимэ, шоромбои (шоромба), ходынцы, анаулы, лаврентьевцы. В юкагирском фольклоре сообщается о том, что до юкагиров в регионе жило местное население, промышленявшее оленеводством. Оно делилось на людей леса и людей моря. Юкагиры подчинили и ассимилировали местное население. Экспансия юкагиров на северо-восток датируется XV–XVI вв. В XVII в. юкагиры даже на Северо-Востоке ощущали сильное давление со стороны тунгусов. Юкагиры были вынуждены сражаться на трех границах: с тунгусами, чукчами и коряками. То, что юкагиры смогли долго сдерживать противников, было обусловлено воинственностью этого народа. Юкагиры имели также некоторое превосходство в вооружении. Кроме костяных шлемов, костяного ламелляра лэбул, палиц, пращей, каменных топоров, стрел с каменными и костяными наконечниками, они были вооружены стрелами и копьями с железными наконечниками, железными пальмами. Железное вооружение юкагиры получали от якутов, сами же они поставляли

копья, ножи, пальмы чукчам. В тайге и тундре юкагиры воевали с помощью боевых нарт. У юкагиров вообще не было щитов. Это же было характерно для сибирских угров и самодийцев. В I тыс. н. э., после кулайской эпохи, угры, самодийцы и юкагиры отказались от щитов, хотя кулайцы ранее их активно использовали. Видимо, в бою в тайге и тундре щиты были больше обузой, чем приносили пользу. Главные противники юкагиров – эвены – были вооружены защитным снаряжением из железа и кости. На вооружении у них были копья и стрелы с железными наконечниками. У самих юкагиров не было кистеней. Якутские куяки доставались юкагирам в качестве даров, импорта и трофеев. Наручи и поножи широко использовались чукчами и коряками. У юкагиров наручи и поножи изготавливались из кости, т. к. железа не хватало. Земли юкагиров не были богаты на железо [Немировский а; Немировский б; Немировский г; Ушницкий, 2009; Попов, 1928а, с. 95–102; Попов, 1928б, с. 71–74; Попов, 2006, с. 224–231].

После походов С. Дежнева и М. Стадухина в результате деятельности первых якутских воевод были объяснены полностью омоки, когиме и лавренцы. Частично были объяснены чуванцы, ходынцы, анаулы. Для взимания дани были построены Верхнеколымское, Среднеколымское, Нижнеколымское, Омолонское, Чендонское зимовья. В Среднеколымском и Нижнеколымском зимовьях платили ясак омоки, в Верхнеколымском – когиме, в Омолонском – лавренцы, в Чендонском – пенжинские ходынцы и пенжинские чуванцы. В Анадырском остроге платили ясак от 30 до 300 мужчин, а всего – около 1,2 тыс. юкагиров. Омолонское зимовье было заброшено в 60-е гг. XVII в. До XVII в. юкагиры расселялись на значительной территории от нижнего течения Лены на западе до средней части бассейна Анадыря на востоке, от Северного Ледовитого океана до отрогов Верхоянского хребта на юге. Они жили в разных природных зонах – тайге, лесотундре и тундре. Первым русским, побывавшим в 1635 г. в юкагирских землях, был И. Ребров. Он взял с них ясак в 560 шкурок и побывал на реке Яне, соорудив Верхоянское зимовье. В 1638 г. Ребров побывал на Индигирке и поставил там два зимовья.

В 1638 г. на Яне и Индигирке появились П. Иванов, И. Ерастов и Ф. Чюкичев. Юагиры, жившие на Яне, назывались адыче, русские называли их янгинцами или яндинцами. На Яне было 170 платильщиков ясака. Местные юагиры жили в тундре и были оленеводами. Гораздо больше юагиров жило на Индигирке. Иванов отчитывался, что мехов для ясака в Юагирской земле много. На Индигирке жили юагиры-шоромба. Там же жили адыче. Ниже по течению жили юагиры-олюбенцы. На Индигирке было 268 плательщиков ясака. Рядом с юагирами жили эвены и якуты. Олюбенские князцы Морла и Бурулга показали путь русским на Алазею. Прибытие русских поразило юагиров. Русские были необычны тем, что прибыли на кораблях, были косматыми, в сравнении с ними, и использовали огнестрельное оружие. На реке Алазее русские нашли юагиров-алайи в числе 145 платильщиков ясака. На Колыме русские появились в 1643 г. и основали там зимовье. Нижнеколымское и Верхнеколымское зимовья были основаны в 1644–1647 гг. Нижнеколымские юагиры назывались омоками, а верхнеколымские – когимэ. Омоки были в мирных отношениях с чукчами. В 1649–1650 гг. чукчи вместе с омоками выступили против русских служилых людей. Зато отношения с когимэ и алаями были враждебны. Они нападали на них в 1662, 1672, 1673–1674, 1676 гг. Омоки же враждовали с чукчами. С 1663 г. коряки группами в 40–50 человек начали появляться на верхней Колыме и угонять оленей. Русские продолжали свое продвижение на восток, пришли на Похычу и вышли к Олюторскому заливу Охотского моря. Там они застали коряков. Когда на Анадырь пришел С. Дежнев, он застал на его среднем течении юагиров-анаулов. В районе Анадыря обитали ходынцы и чуванцы. В 1649 г. на левом берегу Анадыря у впадения в него протоки Прорвы из Майна С. Дежнев поставил ясачное зимовье. Ходынцы кочевали на пространстве между Анадырем, Пенжиной, Генжигой, в верховьях Большого и Малого Анюев. Из всех юагиров только ходынцы и чуванцы поначалу отказались платить дань. Ходынцы приняли участие в разгроме анаулов. Приход русских обусловил распространение на севере неизвестных до этого эпидемий. Они

происходили в 1657, 1659–1660, 1669, 1691–1692 гг. и привели к вымиранию многих юкагиров. Появилась диспропорция между мужским и женским населением. Если при появлении русских юкагиров было 4,7 тыс., то к концу столетия их стало 2,6 тыс. человек. Русская администрация стала совмещать население разных родов, например ходынцев и чуванцев. Это, в последующем, привело к ассимиляции ходынцев чуванцами. В 1703 г. юкагиры в ряде зимовий были приписаны к тунгусам. Это вело к тому, что юкагиры ассимилировались с эвенскими родами. Необходимо отметить и произвол, чинимый сборщиками ясака. В XVII–XVIII вв. русские принуждали юкагиров креститься. Сокращение количества юкагиров привело и к сокращению территорий обитания [Немировский б; Немировский в; Туголуков, 1979, с. 6–7, 14–24, 38; Шадрин, 2010; Огородников, 2011].

Нельзя сказать, что юкагиры смирялись со всем, что выпадало на их трудную долю. Поначалу они жаловались приказчикам на произвол служилых людей. В 1663–1664 гг. в Доездной памятке С. Абрамова упоминалось о том, что русские не добрали дани с ясачных юкагиров на Колыме, Индигирке и Алазее. Ранее юкагиры высказали готовность быть в подданстве у царя Алексея Михайловича и платить ясак пушшиной. Причиной недобора была названа деятельность боярина Степанова Дуная и Гришки Татарина. Обычно юкагиры платили от 15 до 30 шкурок соболей. Тогда же поступила просьба Тимки и Тилкуя Угронлакчеевых защитить их от своеволия служилых людей. В 1664 г. поступила жалоба Кильтежки Калязина якутскому воеводе И. Голенищеву-Кутузову защитить их от произвола И. Кузакова с товарищами. В 1666 г. в район Анюйского хребта был отправлен приказной С. Авраамов, чтобы расследовать дела В. Броника и колымских якутов, грабивших юкагиров [Токарев, 1936, с. 106–113].

В 1639 г. П. Иванов принудил платить ясак часть племени шоромба вместе с янгинцами. В 1641–1642 гг. шаман-вождь Шенкодей платил ясак Д. Зыряну (Ярилу). В декабре 1642 г. шоромба вместе с янгинцами осадили Уяндинское зимовье, но были отбиты. В 1643–1644 гг. шоромба Пороча был аманатом у русских.

В 1647 г. А. Горелый ходил в горы для взятия аманатов. Между 1643–1648 гг. род князца Пелевы был вынужден подчиниться русским. В 1648 г. у русских уже было три аманата от шоромба. В 1650 г. к Подшиверскому зимовью подкочевали юкагиры вождя Люкочи. Против них было направлено 50 служилых, и Люкоча бежал, а в плен попали два его брата – Люлюлцу и Чанжу. В 1651 г. род Люкочи был покорен русскими, а в 1655 г. было основано Зашиверское зимовье. В 1656 г. ясак платило уже все племя шоромба. В 50-х гг. XVII в. из-за произвола сборщиков ясака у юкагиров племени шоромба был недостаток в припасах. В 1666 г. Чанжа – вождь племени юкагиров-шоромба вместе с эвенами поднял восстание против русских. Он хотел уничтожить Зашиверское зимовье. Пребывавший там К. Лошаков смог отстоять острожек. Потом юкагиры осуществили еще одну попытку штурма, но русские и ее отбили. В октябре 1666 г. на хребте Черского юкагиры и эвены уничтожили отряд служилых, что шел из Якутска к Индигирке через горы. После этого эвены обратились против юкагиров и многих перебили. Один из спасшихся, Тогурямо, бежал в Зашиверское зимовье. Летом 1667 г. 50 юкагиров-шоромба вместе с русскими выступили против тунгусов. Эвены были разбиты на хребте Черского и в 1668 г. были вынуждены давать ясак. В 1657, 1669 и 1693 гг. ареал обитания шоромба был затронут эпидемиями оспы. Болезнь поразила многих юкагиров этого племени. В Зашиверском зимовье шоромба платили ясак вместе с тунгусами. К 1769 г. племя прекратило существование и было отунгушено [Немировский б].

В 70–80-х гг. XVII в. произошло крупное антирусское выступление юкагиров. В Чендонском зимовье в 1673 г. приказчиком был В. Бурлак, который сменил А. Щипунова. Ему юкагиры отказались платить дань и откочевали. В 1676 г. В. Бурлак был вынужден отойти в Якутск и забросить зимовье. В 1677 г. из Якутска ему на смену прислали В. Тарасова (Пермяка), а в 1678 г. на смену ему – М. Ворыпаева. Ворыпаев в 1679 г. дошел до Омолона и там встретил В. Тарасова. На Пенжине и Часовишной он искал юкагиров, но вместо того столкнулся с коряками.

В 1679–1680 гг. М. Ворыпаев разыскивал пенжинских чуванцев. Те же откочевали на Анадырь и там обязались платить ясак. 1680 г. прошел в столкновениях с коряками на Пенжине. В Анадырь на смену И. Потапову двинулся И. Курбатов. Дойдя до реки Анадырь, его кочи разбились об лед, и его отряд по пути в острог наткнулся на отряд из 200 юкагиров-ходынцев, возглавляемых Канивой, который был враждебен к русским. В сражении погибло 16 русских, остальные 12 укрылись в острожке, оставшемся еще от похода М. Стадухина. Отряд И. Курбатова спас подход юкагиров-чуванцев под предводительством С. Моторы, который отогнал Каниву. Курбатов смог добраться до Анадырского острога, который в конце 1681 г. или в начале 1682 г. осадил Канива. Острог охраняли только люди И. Курбатова, поскольку люди И. Потапова отбыли в Якутск. В 1681 г. на Пенжине М. Ворыпаева сменил И. Исаков. Услышав о восстании Канивы, он пошел к Анадырю на помощь И. Курбатову. В 1682 г. в Анадырь прибыл отряд Н. Тютин, а в 1683 г. отряд Е. Осипова. В 1682 г. И. Гольгин на Пенжине получил назначение приказчиком Нижнеколымского зимовья. Он оставил Пенжину, и Чендонское зимовье окончательно запустело. В 1683 г. он оказался в Анадыре и, отправившись морем, прибыл к Нижнеколымскому зимовью. Большинство русских стянулись в Анадырский острог, а из юкагиров их поддерживали чуванцы и омоки. Иные юкагиры поддерживали Каниву и контролировали пространство между Анадырем и Колымой. Пути с Анадыря на Колыму были перекрыты восставшими юкагирами. В 1684 г. в Анадырь пробился М. Ворыпаев. В январе 1684 г. И. Гольгин вместе с союзными омоками Косого ходили на верховья Анюя. Там состоялся бой, в котором Канива потерял 15 из 50 воинов и сам попал в плен. В 1684 г. было восстановлено Омолонское зимовье. События 1680–1684 гг. серьезно ослабили юкагиров, и на их территорию вторглись коряки и чукчи. В 1685 г. в Анадырь прибыл В. Тарасов (Пермяк). В 1715 г. восставшие юкагиры просят о помощи чукчей, однако те помощи не оказали [Немировский в; Нефедкин, 2003, с. 136].

После восстания Канивы юкагиры были вынуждены окон-

чательно покориться русским. Они выставляли вспомогательные отряды на помощь русским. В 1708 г. юкагиры помогали русским брать Каменный и Косухин остроги. В 1714 г. юкагиры участвовали в осаде Олюторского корякского острога. В том же году они жаловались на набеги коряков-олюторов. В 1731 г. юкагиры участвовали в экспедиции на чукчей, а в 1746 г. принимали участие в походе отряда Д. Павлуцкого. Юкагиры, как правило, отправлялись русскими впереди себя для разведки. Во время второго похода Д. Павлуцкого в 15–20 км от Анадыря у Юкагирской сопки чукчи перебили чуванцев. В 1753 г. чукчи напали на стойбище юкагира И. Ефремова. Мужчин перебили, а женщин и детей взяли в плен. В 1754 г. от стойбища юкагиров на реке Налуче у Анадыря чукчи захватили большое стадо оленей, принадлежащих чуванцам. После того как царская администрация упразднила Анадырский острог, одна часть юкагиров перебралась на Нижнюю Колыму, а вторая переселилась к Охотскому морю. Это было сделано для того, чтобы жить подальше от чукчей. Без помощи русских из Анадырского острога они не могли эффективно обороняться против них. Оленеводы чуванцы и ходынцы ушли на Большой и Малый Анюи. Там они стали кочевать с коряками и были ими ассимилированы. Через некоторое время возобновились добрые отношения между юкагирами и чукчами. Правда, ареал расселения юкагиров значительно сократился. Благодаря захвату юкагирских земель коряки и чукчи приобрели общую границу. В Нижнеколымске и Походске под прикрытием русских продолжали жить омоки. Когимэ же ощущали сильное влияние со стороны русских, якутов и эвенов. В 80-е гг. XVII в. сравнительно большое количество якутов перешло с Яны на Индигирку и Колыму. В XIX в. местные юкагиры оказались ассимилированы якутами. Общее проживание с эвенами привело у юкагиров к билингвизму. Это было характерно и для верхнеколымских, и для алазейских юкагиров. На Яне повторилась та же история, что на Индигирке. Местные юкагиры перешли на эвенский язык и уже в 30-х гг. XVIII в. числились как тунгусы [Туголуков, 1979, с. 25–37; Немировский б].

В XVII в. перед приходом русских на Чукотке и Камчатке продолжали жить в каменном веке. Эскимосы, коряки, чукчи использовали орудия труда и оружие из камня и кости. Палеоазиаты жили в пережиточном неолите и неразвитом железном веке. Железо поступало туда с территорий тунгусов, якутов и юкагиров. Северо-западноберингоморская культура принадлежала корякам-керекам, среднекамчатский и южнокамчатский вариант древнеительменской культуры – разным группам ительменов. Существовала древнекорякская культура. Пунукская эскимосская культура была характерна для восточного и юго-восточного побережья Чукотки. Культура Туле возникла на территории Гренландии и на севере Канады. Это была неоэскимосская культура, возникшая после завоевания эскимосами владений культуры Дорсет. На Чукотке жило четыре эскимосских племени: вутээнцы, айваны, пээки, уэленцы. Корни палеоазиатов восходили к культурам древнеберингоморской, нортон и ипиутак. Древнеберингоморцы были двоюродными братьями нортон и ипиутак. При этом северо-восточными палеоазиатами, по мнению А. Лебединцева, стоит называть только чукчей и коряков. Юкагиры появились в регионе во второй половине I тыс. н. э. Ванадырскую культуру связывают с юкагирами, которые вобрали в себя, в некоторой мере, палеоазиатский субстрат. Несколько особо стоят ительмены. Общее их количество к моменту прихода русских исчисляется от 12 до 25 тысяч человек. Однако по данным ясачных книг на 1697 г. ительменов было 12680, а к 1738 г. стало 8448. Перед появлением русских северной границей ительменов были реки Тиггиль и Ука. Айны жили на юг от реки Авачи. Ительмены – это совершенно особый от северо-восточных палеоазиатов этнос. Есть некоторые следы эскимосского присутствия на землях ительменов, но, вероятно, это было наидревнейшее известное население края. Куда более логичными представляются связи ительменов с алеутами, в частности, это прослеживается в обряде захоронения умерших. Ительмены поддерживали активные связи с айнами, и южные ительмены ощутили айнское влияние. Можно говорить только о контактах ительменов с айнами и алеутами.

Правда, язык ительменов, похоже, стоит совершенно особо среди языков Северо-Востока Дальнего Востока. Ительмены делились на следующие группы: живущее по реке Камчатке племя бурин, по Аваче – племя суаачю-ай, большерецкие – кыкша-ай, по западному побережью Камчатки – лигнурин, на реках Хайрюзовой, Белоголовой, Морошечной – племя кулес. Южнее, на мысе Лопатка, жили ближние или мохнатые курилы, т. е. айны. Все эти группы проживали в 120 поселениях. Юг Камчатки и первые два Курильских острова представляли собой ительменско-айнскую контактную зону. Ительменские племена суаачю-ай и кыкша-ай были смешанного ительменско-айнского происхождения, племена лигнурин и кулес имели смешанное ительменско-корякское происхождение. Чисто ительменами, пожалуй, можно назвать только племя бурин. Ительмены вели войны между собой, а также воевали против айнов и коряков. Коряки воевали против чукчей, юкагиров, эвенов, ительменов. Чукчи – против эскимосов, юкагиров, коряков. Межэтнические столкновения имели эпизодический характер. Обострились они в момент русской колонизации, когда коряки и ительмены были сделаны ясачными. Во время русской колонизации они, бывало, захватывали ружья как трофей и даже стреляли из них (случай в 1689 г.), однако русские запрещали продавать им ружья и пули до 1837 г. В 20-е гг. XIX в. снабжать чукчей ружьями начали американские торговцы. Куда более часто чукчи и иные народы использовали луки со стрелами, копья, пращу с комнями, копья, ножи, пальмы. Было также и неспециализированное оружие: дротики, гарпуны, топоры, палицы, молотки, кистени. Если в начале колонизации наконечники (кроме пальм и ножей) были из кости и камня, то в XVIII в. использовалось в основном железо (однако оно полностью не вытеснило оружие из кости и камня, потому что металлов на Северо-Востоке не хватало). Для защиты тела у чукчей не использовался щит, зато деревянные щиты были у их противников – коряков. Тело защищали кожаный ленточно-ламинарный и пластинчато-ламеллярный доспехи, в XVIII в., кроме них, использовались и железные куяки. Кольчуги чукчи захватывали у юкагиров, железный до-

спех они могли покупать у ясачных – эвенов, юкагиров, коряков. Для коряков был характерен костяной ламеллярный панцирь. На чукотских доспехах были наспинники и крылья. Ительмены использовали наконечники стрел японской работы, и к ним, бывало, через шторма попадали японские доспехи. Коряки торговали с более южными народами – нивхами и даурами. Шлем у чукчей был ламеллярный костяной, иногда железный. Также использовались наручи и поножи. У алеутов и эскимосов-чугачей были деревянные доспехи. Похожие на чукотские и корякские доспехи носили ительмены [Диков, 1977, с. 7–42; Диков, 1979, с. 217–278; Диков, Васильевский, Сергеев, 1968, с. 343–352; Кирьяк, 1993, с. 125; Лебединцев, 2008, с. 67–80; История и культура ительменов, 1990, с. 14–30; Зуев, 2002а; Нефедкин, 2003, с. 48–107; Соколов, 2014, с. 523–524].

Чукчи во время русской колонизации разделялись на две больших группы. Первая занимала собственно Чукотский полуостров к востоку от реки Амгуэмы и залива Креста (Анадырского лимана). Чукчи кочевали во внутренней части полуострова. Кочевые чукчи называли себя «лыораветланы» (настоящие люди). Они не учили язык соседей, а каждого инородца считали потенциальным врагом и старались убить. Споры со своими соплеменниками, как правило, решали кровопролитием. Чукчи были фаталистами и презирали смерть. Перед боем они вводили себя в наркотическое опьянение, объевшись мухоморами. Обычными были военные танцы, которыми чукчи себя готовили к бою, в жертву приносились олени и собаки. У поверженного врага отрезали голову. А тело прославленного врага, например Д. Павлуцкого, разрезалось на мелкие кусочки. Чукчи, как и их соседи, практиковали татуирование. После убийства врага наносили татуировку. При поражении своих мужчин чукотские женщины убивали своих детей и сами заканчивали жизнь суицидом, чтобы не попасть в плен. Из врагов, как правило, захватывали в плен женщин, а мужчин убивали. Пленных врагов часто пытали. Другие народы они считали ниже себя. Исключение было сделано только для русских. Между низовьями Алазеи и Колымы жили оседлые чукчи.

Район от залива Креста до Шелагского мыса населяли эскимосы. Касательно эскимосов, то уназигмит (по чукотски айваны) жили от бухты Провидения до района залива Лаврентия, нывукахмит (пээки) – в районе мыса Дежнева, сигиньгмит (вутээнцы) – от залива Креста до бухты Провидения, уэленцы – от поселения Уэлен до мыса Рыркапия. Кочевых чукчей было 2 тысячи, а азиатских эскимосов – 4 тысячи. Коряки жили от реки Олы у Тауйской губы и Уки на Камчатке на юге до района несколько южнее реки Анадыря, реки Пенжины. Русские называли кочевых коряков «чаучу», а оседлых – «нымылыгу». Это искривленные названия «чавчумен» и «нымылан». Всего коряков было от 7 до 14 тысяч. А. Зуев делил коряков на четыре больших группы: коряков побережья Берингова моря (племена апукинцы, пешие олоторы, кереки), коряков восточного побережья Камчатки (укинцы (карагинцы), коряков западного побережья Камчатки (пешие паланцы, акланцы), коряков севера Охотского побережья (акланцы, паренцы, итканцы (все эти три группы русскими назывались пенжинцами), гижиггинские, туманские, ямские) [Гурвич, Вдовин, Орлова, 1968, с. 408–427; Зуев, 2002а; Нефедкин, 2002, с. 170–176, 202–211].

В 1642 г. казаки Д. Зыряна (Ярила) впервые столкнулись с чукчами на реке Алазея. Местные чукчи и юкагиры отказались платить ясак. В 1648 г. последовала экспедиция Ф. Попова и С. Дежнева, когда русские обогнули Чукотский полуостров и вошли в реку Анадырь. На Чукотке русские столкнулись с каменными (кочевыми) чукчами. В 1646–1648 гг. русские старались торговать с чукчами. В 1650 г. туда прибыли отряды С. Моторы и М. Стадухина, а в 1654 г. отряд Ю. Селивестрова. С коряками русские столкнулись в 1639 г. Охотский острог на реке Улье стал базой для продвижения в земли коряков. Вторым опорным пунктом стал Анадырский острог. Оттуда в 1651 г. на реку Пенжину прибыл М. Стадухин, затем он пробрался в район рек Гижиги и Тауй. С коряками-кереками в устье Анадыря в 1654 г. встретились С. Дежнев и Ю. Селивестров. С. Дежнев в 1654–1655 гг. совершил поход к пенжинским корякам. В 1657 г. с Колымы на Пенжину ходил Ф. Чюкичев. Вследствие походов М. Стадухина,

И. Рубца, И. Камчатого, Ф. Чюкичева русские прибыли на Камчатку. Наименование «Камчатка» встречается с 1667 г. на чертеже Сибири. Она была отображена и на чертежах 1672 и 1684–1685 гг. Н. Витсен в своем сочинении обозначил реку Камчатку, впадающую в Тихий океан. Несмотря на то, что русские доходили до реки Лесной и Карагинского залива и плавали даже рекой Камчаткой, Колумбом земли Камчатки считают В. Атласова, поскольку через него стало известно об этой земле широкой публике. В ходе своих плаваний 1697–1699 гг. он обследовал почти весь полуостров до реки Лесной и заметил первые острова Курильской гряды. Попытка Б. Полевого вывести название Камчатки от И. Камчатого, а название Паратунки от Паратуна (реально же Паратуна – это междуречье) из айнского языка неубедительны, как показало исследование А. Бурькина. Камчаткой в «Сказке» В. Атласова названа земля, где жили, кроме ительменов, еще и коряки с айнами. В своем путешествии С. Дежнев не достиг Камчатки, а М. Стадухин достиг только северной части полуострова. В 1700 г. на Камчатку были отправлены служилые люди. К 1706 г. они продвинулись к мысу Лопатка. В 1711–1713 гг. русские проникли на первые два острова Курильской гряды – Шумшу и Парамушир. Эти плавания совершил И. Козыревский. В 1720–1721 гг. И. Евреинов и Ф. Лужин прошли на кораблях вдоль Курильской гряды. В 1724 г. Петр I поручил датчанину на русской службе В. Берингу совершить плавание в Америку. Во главе отряда, отправившегося на Курилы, стояли приказчики Д. Анциферов и И. Козыревский. Япония стала известна русским даже несколько раньше, чем Курилы, поскольку экспедиция Е. Хабарова в Приамурье добыла от местных тунгусо-маньчжурских народов сведения о чижемах-японцах и острове Иессо (Эдзо, т. е. Хоккайдо). По результатам экспедиций русские составляли все новые и новые чертежи, на которые наносили открытые земли. Составлялись карты, на которых отмечались новые земли. Н. Милеску-Спафарий в середине XVII в. доносил неясные сведения о Японии. Сообщалось, что Яппон-остров находится напротив Амура. Говорилось о дани японцев, которую они платят Китаю. Естественно, информация

о Японии доходила к русским через приамурские племена и китайцев [Зуев, 2002а; История Сибири, 1968, Т. 2, с. 153–154, 156–161; Witsen; Спафарий 2005; Бурькин; Ципоруха 2013].

Чукчей пробовали обложить ясаком, но, встретив отказ, начали предпринимать серию экспедиций. В 1648 г. в плен к русским попал чукча Апу. В том же году из Нижнеколымска против вождей Ауну и Тыке осуществил поход отряд И. Пинегги. В 1649 г. русские из Нижнеколымска вновь напали на чукчей. Во время экспедиции погиб один служилый. В 1650 г. М. Стадухин совершил поход на нижнеколымских чукчей. В 1653 г. более 200 чукчей осадили Нижнеколымское зимовье, используя осадные щиты, но штурм удалось отбить. В ответ казаки совершили поход, причиной которого было названо то, что чукчи нападали на русских служилых на Алазее. В 1656 г. русские при помощи юкагиров захватили в плен чукотского старейшину Миту. Его освободили взамен на трех сородичей. Однако в 1656 г. Мита напал на ясачных юкагиров на Нижнеколымское зимовье. В 1659 г. чукчи напали на русских у Нижнеколымска, после чего отряд из 19 служилых и 150 юкагиров двинулся в поход на чукчей. В 1660 г. на Чукотском полуострове К. Иванов во главе отряда из 22 служилых отразил нападение отряда чукчей на 10 байдарак. В бухте Провидения этот отряд сражался с кочевыми чукчами. В 1662 г. чукчи осадили Нижнеколымск. В 70-х гг. XVII в. русским удалось объясачить оседлых чукчей. На протяжении XVII в. чукчи атаковали русских 11 раз, в то время как русские были атакующей стороной 8 раз. Походами на Чукотку решились ходить С. Дежнев, С. Мотора и М. Стадухин, а кроме того, были заняты объясачением юкагирских племен анаулов и ходынцев. В своем сообщении от 1676 г. И. Рубец упоминал о чукчах как о неясачных иноземцах. Оставшиеся на некоторое время без защиты русских юкагиры ощущали разорительные набеги чукчей. В 1679 г. чукчи осадили в Нижнеколымске 10 служилых, в 1682–1688 гг. совершали набеги на юкагиров и русских в окрестностях Анадырского острога. В 1685 г. чукчи убили около Нижнеколымска 4 служилых и 18 юкагиров. Вследствие малочисленности русские не смогли

защитить ясачных. Нижнеколымск русским удалось отстоять. В 1688 г. чукчи перебили полностью отряд В. Кузнецова, когда тот стал на ночевье. В 1692 г. С. Чернышевский ходил походом на чукчей и перебил чукчей из 16 юрт [Нефедкин, 2003, с. 18–21; Зуев, 2002а].

Сообщая о событиях 1685 г., В. Тарасов (Пермяк) указывал, что под Анадырь приезжают ходынцы, чуванцы, чукчи, коряки. В 1688 г. А. Цыпандин сообщал о нападении на Анадырь со стороны коряков и чукчей. Говорилось, что местные юкагиры терпят много бед от набегов этих народов. Период 1682–1688 гг. вообще был богат на набеги чукчей. В 1687 г. И. Анкудинов собирал ясак с морских оседлых чукчей. Именно с некочевых чукчей удалось собрать первый ясак. В 1689 г. чукчи собирались в поход на русских. 1690–1692 гг. также отметились столкновениями. В 90-х гг. XVII в. чукчи, совершая набеги на земли ясачных коряков и юкагиров, наносили ущерб русским интересам. В 1699 г. из Анадыря по просьбе коряков был осуществлен поход на носовых (кочевых) чукчей. Он был удачен, и с чукчей взяли аманатов и ясак [Зуев, 2002а].

В XVIII в. чукчи перманентно воевали с коряками. Это вынуждало русских оказывать помощь ясачным. В 1702 г. А. Чудинов отправился из Анадыря в поход на чукчей. Его отряд состоял из 24 русских и 110 ясачных юкагиров. Он был направлен на защиту ходынцев от набегов чукчей. На Андарском Носу на них напало 300 чукчей. В битве, которая состоялась, 200 из них погибло, а остальные отступили. На следующий день подступил отряд в 3 тысячи чукчей (это существенное преувеличение, думается, что чукчей было лишь несколько сотен). Отряд А. Чудинова потерял ранеными 70 человек. Русские просидели в осаде в лагере пять дней, после чего отступили в Анадырь. И. Енисейский в 1708 г. совершил поход на носовых чукчей и побил там 12 юрт. В январе 1710 г. к Нижнеколымску пришли чукчи, одного из которых русские взяли в плен. В том же году чукчи-шалаги перебили шесть мореплавателей Д. Бусарманова. В 1711 г. состоялся морской поход П. Попова за ясаком. Чукчи-кочевники отказались

платить, оседлые чукчи же дали ясак. В 1727–1730 гг. было несколько экспедиций, осуществленных А. Шестаковым, в котором участвовали 19 русских, остальные были из якутов, эвенов, юкагиров и коряков. 14 марта 1730 г. чукчи разбили этот отряд на реке Егаче. Погиб сам А. Шестаков, дворянин Б. Жертин, 10 казаков, 11 эвенов, 1 коряк. Было потеряно 12 фузей и 3 ружья, 12 ручных гранат, знамя, 12 железных куяков. В 1731 г. состоялся первый поход Д. Павлуцкого с отрядом в 268 казаков и 280 коряков и юкагиров. Ему удалось отбить потерянное А. Шестаковым и захватить табуны оленей. В трех фронтальных сражениях были отбиты 42 пленных коряка и 2 пленных русских. Количество погибших чукчей превышалось, и указывалась цифра от 802 до 1452 воинов. Со стороны русских было потеряно трое служилых, пять коряков и один коряк. При таком развитии событий куда более реальны потери чукчей в две-три сотни, не более. В 1732 г. речной поход Д. Павлуцкого закончился ничем, поскольку чукчи откочевали от Анадыря. В 1733 г. представители этого народа совершили набег на Адарь и убили 12 казаков и некоторое количество коряков, взяв в плен женщин и детей. В 1737 г. чукчи пришли к Нижнекамчатскому острогу, убив 6 служилых и некоторое количество союзников. В 1738 г. они подошли к Анадырю, убив 8 служилых и 20 ясачных коряков. В 1740 г. Сенат принял решение о прекращении походов против чукчей, однако через два года пересмотрел свое решение и распорядился о том, чтобы после победы над чукчами их депортировать на другие земли. Императрица Елизавета приказала «немирных чукчъ искоренить вовсе». В 1744 г. на Чукотку совершил поход Д. Павлуцкий, который возглавлял отряд из 400 человек, из которых 100 русских, 170 коряков, 67 юкагиров, иные юкагиры-чуванцы и эвены. Походы Д. Павлуцкого на чукчей отобразились в фольклоре юкагиров-омоков. Указывалось, что в то время омоки еще были многочисленны. На реке Анадырь состоялась битва, а после этого была битва при урочище Сердце-Камень, в которой погибло 88 чукчей и был взят в плен получукча-полукоряк Н. Дауркин, освобождены пленные коряки, взято стадо в несколько тысяч оленей. В 1746 г. Д. Павлуцкий

снова напал на чукчей у Чаунской губы и разбил 5 встреченных юрт, в битве погибло 16 чукчей. Отряд русских с союзниками состоял из 140 человек. В марте 1747 г. на реке Орловой 400–500 чукчей разбили авангард из 97 русских и 35 коряков. Погиб сам Д. Павлуцкий, 32 русских и 11 коряков. После этого на Чукотку был отправлен С. Кекеров, который осуществил экспедицию в 1749 г. В 1750 г. в своем втором походе он захватил 2,5 тысячи оленей. В 1751 г. В. Шатилов с отрядом в 200 человек морем напал на чукчей и у Красного Яра столкнулся с ними. В 1752 г. в ходе экспедиции, в которой участвовало 180 воинов на 11 судах, вниз по Анадырю были захвачены пленные и некоторая добыча. Чукчи отыгрались убийством шести русских промышленников на реке Чукочьей. В 1754 г. 500 чукчей напали на юкагиров в 37 км от Анадыря. Юкагиров было восемь юрт, и чукчи взяли в плен В. Кузнецова [Нефедкин, 2003, с. 21–24; Зуев, 2002а; Зуев, 2001; Зуев; [Омокская эпическая песнь о походе Павлуцкого на чукчей в литературной передаче Ф. Матюшкина]; Зуев, 2002б].

С 1755 г. Сенат предписывал И. Шмалеву привести в подданство чукчей лаской. Императрица хотела простить все проступки чукчам и не брать с них аманатов. Чукчи не верили в добрые намерения русских. В 1756 г. 200 чукчей напали на живущих у Анадыря юкагиров. Отправленные в погоню за ними 200 русских и коряков не смогли их нагнать. В 1756 г. брат главного вождя коряков Эйгели Ивака Лехтелев заключил мир с чукчами, и те поселились на реке Хатырки. Уже через год коряки перебили осмелившихся это сделать чукчей. В 1759 г. чукчи пришли на Камчатку и взяли в плен 15 казаков и убили нескольких. Позже они пришли под Анадырь. С. Кекеров прорвал окружение. В 1769 г. коряки совершили поход на чукчей и на Чаунскую губу. В ответ чукчи пошли походом на коряков у реки Гижиги, но были разбиты там русскими. В 1775 г. отряд из чукчей, ходивший на коряков, вел переговоры с Н. Дауркиным. У Гижиги чукчи отогнали скот у коряков. Русские и коряки атаковали их и убили 54 чукчи, а 12 ранили. Женщин и детей они взяли в плен. В 1778 г. чукотский тойон Амулят Хергынтов и комендант Гижигинской крепости

И. Шмалев заключили мир между собой. Этот тойон, а также вождь живших у Северного Ледовитого океана чукчей – тойон Аоекткин Чымчыкын заплатили ясак и примирились с русскими. В 1778 г. Екатерина II приняла чукчей в русское подданство. В 1781 г. состоялся последний набег чукчей на коряков. В том же году был заключен договор с русскими о ненападении чукчей на коряков. В 1788 г. была организована ярмарка в Большой Анюе для торговли с чукчами. В 1789 г. зашиверский исправник И. Баннер убедил платить чукчей ясак по одной красной лисице с лука. В 1822 г. по уставу об инородцах чукчам официально позволили жить по своим законам и судили их свои вожди. В 1840 г. оседлые чукчи совершили набег на эскимосов, которые жили на американском берегу. Нужно отметить, что чукчи были милитаризованным обществом, с которого было невозможно брать ясак в том размере, в котором брали с иных народов. Только после ликвидации Анадырского острога чукчи угомонились с набегами на русских. Символический ясак с чукчей в одну лисью шкурку с семьи был для тех незначим, а торговля с ними представляла куда большую выгоду [Нефедкин, 2003, с. 24–26].

Первый конфликт с коряками произошел в 1648 г. М. Стадухин воевал против коряков-кереков на Пенжине. В 50-х – первой половине 60-х гг. XVII в. отряды М. Стадухина, С. Дежнева, Ф. Чюкичева, П. Травина, К. Иванова, И. Ермолина сражались с коряками на Аклане, Пенжине, Гижиге, южнее Анадырского лимана, в районе Анадырского острога. Ясак с коряков приходилось брать только силой после ожесточенного сопротивления. К началу 60-х гг. XVII в. русские уже ходили во владения коряков на Камчатке. Экспедиции И. Камчатого и Ф. Чукичева побывали в районе с реки Гижиги до реки Лесной. В 1669 г. в корякские земли ходили с походом отряды К. Дмитриева и И. Ермолина. Оба русских отряда были истреблены коряками. В 70-х гг. XVII в. русские проникали в земли коряков из районов Анадырского и Охотского острогов и с Колымы. В 80–90-е гг. XVII в. было проведено 23 похода, 10 из которых сопровождалось боями. Столкновения с коряками происходили на реках Яма, Иреть, Пенжина, Аклан,

Олютора, Апука. На территории Камчатки коряки уничтожили отряды Л. Морозко и П. Сюрюкова. В 1680 г. коряки пробовали уничтожить русское зимовье на Пенжине. В 1681 г. с Пенжины М. Ворыпаев сообщал, что ясака и аманатов нет, поскольку местные от рек откочевали. И. Голыгин предпринял походы в северную часть Камчатки в 1682, 1686–1688, 1691–1692 гг. В. Кузнецов и Г. Томский нападали на коряков на юге от Анадырского острога в 1688 и 1689 гг., соответственно. Ф. Кондратьев и И. Соловей ходили на Яму и Тауй в 1688 и 1692 гг. Д. Потапов ходил на Вилигу и Табон в 1690, 1691, 1696 гг. М. Многогрешный приходил на Пенжину в 1693 и 1696 г. И. Антипин был на «Корякской землице» в 1692 г. К началу 90-х гг. XVII в. дважды брали ясак с ямских коряков. В 1692 г. И. Анкудинов брал ясак в «Корякской землице». В 1693–1694 гг. Л. Морозко брал ясак с коряков Северо-Западной Камчатки. В то же время С. Бычан объясачил коряков на Пенжине. Там же в 1696 г. брал ясак М. Многогрешный. В 1691 и 1696–1698 гг. с туманских коряков на Вилиге и Табоне брал ясак Д. Потапов. В 1697 г. В. Атласов брал ясак с Акланского, Каменского, Усть-Пенжинского острожков и с олюторов на Тигиле. В 1700 г. с князцов Цынпана и Аглупова собирал ясак И. Енисейский [Зуев, 2002а].

В XVIII в. коряки продолжают оказывать сопротивление русским. В 1702 и 1720 гг. это делают сидячие паланцы. В 1705, 1709, 1711, 1712, 1714, 1715 гг. воюют с русскими сидячие олюторы. Кочевые олюторы воюют в 1709, 1711, 1714, 1715 гг. Сидячие пенжинцы восстают в 1706 г., косухинцы и каменцы – в 1708 г., акланцы – в 1715 и 1716 гг. Кочевые и оседлые паренцы воюют в 1708 и 1709 гг., гижигинские оседлые и кочевые – тогда же, ямские – в 1709 и 1712 гг., туманские – в 1712 г., анадырские кочевые – в 1712 г., апукинские кочевые и оседлые – в 1715 г. Как можно легко убедиться, пик выступлений коряков выпадает на время ительменских восстаний против русских. Казакам не хватало сил, чтобы всюду успевать. В конфликтах чаще побеждали русские (15 раз), ничей завершилось 6 столкновений, в 10 случаях побеждали коряки. Из этих 10 случаев только половина была

серьезными столкновениями. В 1705 г. олюторы уничтожили отряды Ф. Протопопова и В. Шелковникова, в 1709 г. отряд И. Панютина, в 1715 г. акланцы побили отряды камчатских приказчиков, а апукинцы уничтожили отряд А. Сургутского [Зуев, 2002а].

Первое столкновение русских с ительменами произошло в 1696 г., когда Л. Морозко был южнее реки Тигиль. Там он разгромил ительменский острожек. В. Атласов же когда пришел на Камчатку, то сначала был мирен с ительменами на реке Еловке. Жители четырех острожков без принуждения дали ясак. Местные вожди из слов казачьего атамана поняли, что взамен ясака поступят под защиту какого-то могущественного государя. Они попросили помощи против своих сородичей в нижнем течении реки Камчатки. Продвигаясь на юг, русские принуждали силой ительменов из острожков платить ясак. Казакам заплатили ясак ительмены от Еловки до рек Ичи и Большой. В 1700 г. на Камчатку был прислан приказчик Т. Кобелев с большим отрядом. Камчатка была изъята из подданства Якутску. Почти каждый год из Якутска на Камчатку присылали приказчиков. В период 1700–1725 гг. состоялось 25 нападений русских служилых людей на ительменов. Ительмены же нападали на них 15 раз. В 1707 г. ительмены взяли Большерецкий острог. В 1710 г. был уничтожен отряд И. Харитонова на реке Большой. В 1711 г. полностью был уничтожен отряд Д. Анциферова на реке Авача. Разгар столкновений ительменов с русскими пришелся на 1707–1714 гг. Прибытие подкреплений было затруднено отдаленностью Камчатки. Ительмены не выступали против русских единым фронтом, в лучшем случае объединялись в речные группы. На Иче русским сопротивлялись ительмены-лигнурины, на Аваче – суаачю-ай, кыкша-ай – на реке Большой. Ительмены-кулес (реки Хайрюзова, Белоголовая, Морошечная) и бурины (река Камчатка) практически не участвовали в событиях. Кулес находились вне досягаемости русских, а бурины подчинились русским. На реке Камчатке появились русские остроги – Верхнекамчатский и Нижнекамчатский. Бурины прекратили сопротивление уже к 1704 г. и принимали участие в походах на авачинцев в 1707 и 1713 гг. В 1707 и 1711 гг.

большеречские ительмены собрали несколько тысяч воинов (на наш взгляд, это большое преувеличение). В 1711 г. авачинцы собрали ополчение в 800 воинов (должно быть, племя выставило против русских ополчение из всех способных владеть оружием мужчин). В 1715 г. ительмены Колы, Воровской и Большой и верховьев Камчатки хотели побить ясачных сборщиков на реке Воровской. В 1716 г. ительмены на реке Колпаковой подговаривали ительменов на реках Облуковиной, Кругоровой, Воровской напасть на отряд К. Соколова. Однако каждая община и группа действовали самостоятельно и не координировали действия. Хантай Хажихобин доносил о набегах айнов. В 1725 г. некий Чароч донес об измене ительменов с рек Островной и Жупановой. С Камчатки русские брали большой ясак. Собственно этим и обусловлены многие выступления ительменов. Нередкими были войны между самими ительменами. В 1715 г. ительменский вождь Нелюка напал на ясачных на реках Гомкины, Опалы, Озерной. В 1723 г. мохнатые курилы (айны) напали на ительменов с реки Опалы. В 1725 г. ительмены с Бобровой, Островной, Жупановой напали на ительменов с реки Налычевой. В 1716 г. ясачный Кауж Уратов донес русским о намерениях ясачных с Колы, Воровской, Большой напасть на ясачных сборщиков. Тогда же ясачный Чакочева донес о подобном намерении ительменов с рек Колпаковой, Облуковиной, Крутогоровой, Воровской напасть на экспедицию К. Соколова. В 1717 г. ясачный Курина острожка Галянач донес о намерении в 1716 г. ительменов с реки Островной напасть на ясачных сборщиков. К 1707 г. обясачены ительмены с рек Большой, Ичи, Крутогоровой, Колпаковой, Облуковиной. В период с 1707 по 1714 г. ительмены не платили ясак и отпали. Только в 1714 г. сопротивление ительменов удалось подавить, а окончательно их успокоить удалось до конца 20-х гг. XVIII в. Ительмены, живущие на реке Камчатке, не восставали. Авачинцы же выступали в 1714, 1715 и 1725 гг. С. Крашенинников отмечал, что до 1731 г. авачинцы часто бунтовали. Г. Стеллер считал, что подати на ительменов были наложены с 1730 г., т. е. со времени покорения всех ительменов. В 1740 г. в Авачинской бухте была основана

Петропавловская гавань, которая стала одним из центров русской власти на полуострове [Зуев, 2002а; Ципоруха, 2013].

Казачьи расценивались аборигенами Северо-Востока однозначно как враги. Отмечалось, что они продвигаются на судах и вооружены огнестрельным оружием. Они ожесточенно сражаются и бешено храбры. Русских считали непредсказуемыми. Приход русских служил точкой отсчета новой эпохи. В чукотском фольклоре казаки нередко носят корякские имена, что должно подчеркнуть их враждебность. Жестокость была определяющей чертой казаков в сказаниях [Кузьминых, 1994, с. 32–39].

После покорения Камчатки русские предприняли движение на юг. Первые известия о айнах донес еще В. Атласов, говоря о Курилах. В начале XVIII в. русские экспедиции уже побывали на Северных Курилах. Нужно отметить, что С. Крашенинников говорил о том, что железные вещи попадали на Камчатку с японскими путешественниками. Однако Дэнбей, попавший к русским, был занесен на Камчатку штормом. Скорее всего, железные вещи попадали к ительменам через айнов. Рейсы японцев на Кунашир (один из южнокурильских островов) фиксируются в середине XVIII в. Нужно отметить, что на острове Хоккайдо было зависимое от сегуната Токугава княжество Мацумаэ. В 1706 г., когда казаки захотели взять с айнов ясак, те вооружились и собрались в большом количестве. Айны были настроены отстоять свою независимость, и обложить их данью удалось лишь через некоторое время. И. Козыревский отмечал, что у айнов были кюаки, сабли, копья, луки со стрелами. Сообщалось, что они ожесточенно сражаются и с ними пришлось столкнуться в трех битвах. В 1727 г. императрица Екатерина I издала указ о включении Курил в состав империи. В 1730–1732 гг. А. и В. Шестаковы организовывали походы на Северные Курилы. В 1734–1738 гг. на островах уже действуют православные миссионеры. В 1738–1740 гг. айны с северных островов уже жалуются на произвол со стороны казаков. Власти запрещают визиты казаков, кроме самых крайних случаев. В 1744–1745 гг. японец Юсончей был занесен штормом на Онекотан, а казаки, обнаружив его, отправляют на Камчатку.

В 1749 г. восстают айны с острова Шумшу. Для успокоения населения отправляют казака Шергина, который организовал школу. В 1750–1755 гг. взимание ясака с айнов достигает апогея. В 1752 г. на юг бегут айны с Парамушира. Это вынуждает камчатскую администрацию поручить сбор ясака не ясачным сборщикам, а айнским старейшинам. На юг в 1750–1755 гг. отправляются миссии М. Новограбленного и Н. Сторожева. В 1755 г. русские добираются до Симушира. В 1756–1757 гг. на острове Матуа зимует Юрлов. В 1759–1760 гг. Ф. Соймонов ходатайствует о снятии преград для движения по Курилам. В 1766–1769 гг. И. Черный доходит до о. Итурупа. В 1775–1780 гг. суда русских регулярно бывают на Урупе и пытаются создать поселение. С населения Южных Курил берется ясак. Русские предприняли экспедицию М. Шпанберга на Кунашир еще в 1739 г. В контакт с японцами вступить не удалось. После этого русские на протяжении 20–25 лет вообще не трогали Южные Курилы. Айнский тойон с Итурупа И. Черному в 1769 г. объяснял, что далее 19-го острова Курильской гряды живут японцы и их довольно много. Впрочем, это не мешало казакам бывать на них и брать ясак. Однако основная база русских находилась на Урупе. В 1787 г. Екатерина повелела отправить кругосветную экспедицию для закрепления права русских на открытые земли. В 60–70-е гг. XVIII в. на островах пылала борьба айнов против русских. В 1766–1769 г. казацкий сотник И. Черный чинил произвол на Урупе, Итурупе, Расшуа. Он многих айнов убил, многих замучил и создал из айнок гарем. В 1770 г. боцман Сапожников чинил произвол на Центральных Курилах. Был убит тойон с Итурупа, а деревня айнов сожжена. В 1771 г. айны Итурупа и Расшуа напали на русских. Вооруженные пиками и стрелами, они убили 25 русских. На острове Чирпой айны убили 10 русских, а в 1772 г. на острове Маканшури – экипаж русского судна. В 1773 г. айны преследовали потерпевших кораблекрушение русских на острове Уруп. В 1774 г. на Урупе заключен торжественный мир. В 1800 г. на Итуруп прибывает японский чиновник Кондо Юдзо. Местные айны в 1800 г. поклонялись кресту. Когда японцы повалили крест, айны плакали. На всех Курилах проживало 164 крещеных айна.

С образованием Русско-Американской компании насилие со стороны русских над айнами ушло в прошлое. Русские в такой последовательности осваивали Курилы и взымали дань: в 1711–1713 гг. с первых двух островов – Шумшу и Парамушира; 1730–1732 – с четырех; 1734 – с пятого по девятый; 1751–1755 – по шестнадцатый включительно; 1766 – вновь по шестнадцатый, а также с «мохнатых тойонов», т. е. с жителей южных Курил; 1768–1769 – с восемнадцатого (Уруп), девятнадцатого (Итуруп) и князцов – двадцатого (Кунашир); 1770–1774 – по девятнадцатый (Итуруп) включительно; 1778–1779 – с Итурупа, Кунашира, старшин двадцать первого (Шикотана) и северной части двадцать второго (Мацумаэ–Хоккайдо) – всего было объясачено 1500 человек; 1781 – с Кунашира; 1790–1791 – с Итурупа [Бондаренко, 1992, с. 269–275, 351–370; Черевко, 2010; Лим, 2011б, с. 186–203; Василевский, 2010, с. 117–123; Василевский, глава 11; Таксами, Косарев, 1990, с. 42–56; Богданов; Черевко, 2010, с. 229; Ципоруза, 2013].

Особо остановимся на вооружении айнов. У самых северных из них (на Камчатке и Курилах) было оружие с костяными и каменными наконечниками и кожаный ламеллярный доспех. Если же говорить о более южных группах, то там должны были применяться металлы. В ряде японских документов говорится о ковке металлов айнами Сахалина при помощи мехов. В «Описании Северного Эдзо» Мамией Риндзо указано на проникновение кинжалов к нивхам от маньчжуров и ножей от японцев. Отмечалось, что айны более цивилизованны, чем ороки. Подчеркивалось, что сахалинским айнам хорошо знакомаковка металлов. Если уж так описываются народы более дикие, чем айны, то вооружение айнов должно было быть достаточно эффективным. Для защиты тела они носили куяки и шлемы, были вооружены мечами (размером с японские кинжалы) и копьями, стреляли из луков стрелами с отравой. Нужно сказать, что завоевание японцами северного Хонсю продолжалось с VI по XII в. Протоайнов японцы называли эмиси и отметили их мохнатость. Они были отличными стрелками и прекрасно вели партизанскую войну. Японский клан Абэ был айнским по происхождению. В XIII–XIV вв. протоай-

ны-гувэй вместе с нивхами вели войну против монгольских отрядов из тунгусо-маньчжурских народов в Нижнем Приамурье. Айны могли воевать на вместительных лодках на реках и на море. С XII в. японцы начали проникать на Хоккайдо, в XV в. там образовалось японское княжество Мацумаэ. Еще в XVI в. айны были хозяевами большей части Хоккайдо. Власть японцев распространялась только на провинции Осима, Сирибэси, Ибури. Опорными пунктами японцев были замки на острове. В XVII–XVIII в. княжество Мацумаэ переходит в активное наступление. Даймиё из этого княжества вели политику на истребление айнов. В период с XV по XVII в. айны Хоккайдо много раз восставали. Наиболее известными вождями айнского сопротивления были Косямаин, Тарикона, Сякусаин. Айнское сопротивление осложняла взаимная вражда, которая часто было кровной. На Хоккайдо они делились на две группы: мэнаси-куру (люди с Востока) и сюму-куру (люди с Запада). Косямаин смог взять многие японские форты и поднять на восстание более 10 тысяч айнов. В XVIII в. айны еще продолжали партизанскую войну против даймиё. Наиболее освоенными были приморские области, земли внутри острова были освоены мало, и айны там жили относительно независимо. На Сахалине айны воевали против ороков. Айны учились быть воинами с детства, при возможности воевали и женщины. Айны воевали в пешем строю, а их предки эмиси воевали и в конном строю, и могли стрелять во время езды. Айны имели навыки строить фортификации, у них они назывались «тяси». Тяси изготовлялись из дерева, и в них было несколько палисадов, по углам находились смотровые вышки. Тяси с полным правом можно считать крепостями. Тяси возводились возле водоемов и на возвышенностях. К влиятельным эмиси попадали японские мечи типа кэйто и шлемы типа сёкакуцуки-кабуто (по-другому – эмиси-но кабуто). У них также были шлемы типов хосикабуто и судзикабуто. Кроме японских шлемов, к айнам попадали и маньчжурские. Простые эмиси носили деревянные доспехи типа аёппе, правда, к ним проникали и континентальные металлические доспехи ламеллярного типа. Они проникали на Сахалин и Японский архипелаг

из Приамурья от чжурчженских племен. Железный доспех типа бэтти попадал к айнам от нанайцев, а тип мэно:ко: использовался нивхами и айнами. Носили айны и доспехи типа кэйко:. У сахалинских айнов были как архаичные японские доспехи, так и более современные типа тосэй-гусокуэ. Эмиси использовали мечи: длинные тати типа кэйто: и небольшие варабиэто:. Айны использовали мечи тати и утигатана (катаны и вакидзаси). Для мечей были ножны сая. На вооружении были ножи танто:, палицы сугу, каменные жезлы сэкибо. У айнов было хорошо развито военное дело, и хотя профессионального сословия военных не сложилось, но они были качественно лучше вооружены, чем народы Северо-Востока Дальнего Востока [Аmano Тецуя; Переяславцев, 1993; Косарев; Таксами, Косарев, 1990, с. 7–39; Соколов, 2014, с. 506–555].

Нужно сказать, что японцы знали о Курилах еще в 30-х гг. XVII в., и Курилы были нанесены на карту Мураками Хиронори. В основе ее лежала карта Кодо Седзаэмона. Этот японец вместе с Сато Камэмоном и Какидзаки Курандо в 30-х гг. XVII в. обследовал острова на север от Хоккайдо (Хабомаи, Сахалин, Южные Курилы). В 60-х гг. XVII в. японцы торговали с айнами в Аккеси. В 1643 г. Южные Курилы собственными глазами увидел голландец М. де Фрис. Он провозгласил Итуруп и Уруп собственностью Нидерландов. Однако сил для того, чтобы закрепить господство на них, у него не было. Еще раньше в 1618–1621 гг. на Хоккайдо побывал итальянец-иезуит Д. де Анжелис. Он описал внешность и вооружение айнов. Говорилось, что они вооружены копьями, мечами, луками с отравленными стрелами. В качестве доспеха использовался кафтан с прикрепленными к нему дощечками. Таким образом, айны использовали ламеллярный доспех из кости. Нужно сказать, что айны появились на Курилах сравнительно поздно. Они завоевали местное население, которое в легендах айнов называлось «тончами коропокгуру», «тоисэкуру». Жителей островов итальянец характеризировал как небородатых, в то время как русские писали о мохнатых курилах. Айны освоили Курильские острова на протяжении XVII в., потому как на них

с юга давили японцы. Хоккайдо заселялся японцами, и на нем было основано княжество Мацумаэ. В середине XVII в. Хоккайдо было объято пожаром восстания Сякусяина. Японцы смогли его подавить лишь в 1669 г. Дальнейшему освоению прилегающих к Японии островов помешала политика самоизоляции, начавшаяся с 40-х гг. XVII в. В 1697 г. корабль Дэнбэя был отнесен к Камчатке штормом. Самого Дэнбэя захватывает в плен В. Атласов. В 30–40-х гг. XVIII в. японцы все чаще появляются вблизи южных берегов Кунашира и Хабомаи. С 1731 г. в Японию айны с островов Кунашира и Итурупа платят дань японцам. На Хоккайдо после подавления айнского восстания японцы имели вблизи от Кунашира фактории Аккеси и Немуро. В 1751 г. японцы из Мацумаэ высаживаются на Сахалине в местности Сирануси. В 1754 г. основывается первая японская фактория на Южных Курилах. Хидая Кюбей основывает ее на Кунашире. Он грабит и ущемляет айнов. В 1761–1765 гг. Мацумаэ строит на Кунашире укрепление. Собственно активизация японцев касательно Курил произошла довольно поздно. В 1771 г. польский авантюрист М. А. Беневский бежал из Камчатки в Японию и, представ перед бакуфу, выступил с предостережением, что Рюсю (русские) на Камчатке и на Курури-ису строят крепости и что в 1772 г. русские намерены пойти к прилегающим к Мацумаэ островам и направить туда корабли. Кудо Хэйске в «Размышлениях о красноволосых Эдзо» указывал, что нельзя мириться с продвижением русских, иначе все земли Эдзо станут русскими владениями. Нужно мобилизовать ресурсы на севере и вести с русскими торговлю через факторию. В 1789 г. айнский вождь из селения Тофуцу (Серноводск) Цукиноэ поднял восстание на Кунашире. Восстание было подавлено. Часть его руководителей погибла, часть попала в плен. В местностях Фурукумаппу, Томари, Тофуцу (ныне Южно-Курильск, Головинно, Серноводск) айны напали на японские поселения, ограбили торговцев и убили 22 человека. Кондо Юдзо предлагал на Курилах построить японский форт. Он начал переманивать айнов на сторону Японии. Токунаи Могами беседовал с русскими в 1786 г. и считал Курилы исконными японскими территориями, говорил,

что айны Эдзо (Хоккайдо) и Куриру-ису (Курильских островов) – это единый народ. Однако айны Курильских островов, Сахалина и Хоккайдо были разными ветвями одного народа и разговаривали на разных диалектах. В 1792 г. японцы снова отправили на север экспедицию во главе с тремя чиновниками, чтобы они выяснили ситуацию на Курилах, Сахалине и Хоккайдо. В 1798 г. на Итурупе был поставлен столб, на котором было написано, что остров является владением Японии. В 1799 г. Восточный Эдзо и Курилы были переданы под прямое управление Эдо (т. е. сегуната Токугава). На Южном Сахалине и Южных Курилах появились правительственные чиновники и сторожевые посты. Поведение Кондо Юдзо на Итурупе в 1800 г. указывает на то, что японское присутствие там ощущалось куда больше, чем русское. В 1806–1807 гг. Н. Хвостов и Г. Давыдов уничтожают японские межевые символы. Хвостов давал Давыдову указания идти к Сахалину и начать торговлю с местными айнами. Самому же Н. Хвостову было приписано пройти до Анивы и, если встретятся японские суда, их уничтожить, а японцев взять в плен. В инструкции указывалось, что японцы называют Сахалин Карафутто. Жителей Сахалина предписывалось привлечь на свою сторону, а японцев бить, где только можно. У японцев предписывалось узнать, с каких именно островов из Курильской гряды они берут ясак и есть ли у них на островах гавани. Эту экспедицию осуществили корабли «Юнона» и «Авось». Русские высадились в Аниве на Сахалине и захватили в плен японцев, а айнам на разграбление отдали магазин. Однако айны не были столь дружественными русским. Часть из них напала на русских, однако их удалось отбить и нескольких из них захватили в плен. Русские также напали на Ойду на Курилах. Японцы начали обстреливать русских из ружей, на что корабли открыли огонь из пушек. Это поселение было главной японской базой на Курилах. Русские хотели зайти на остров Матмай (айнское название местности Матомай, тут русское искажение названия княжества Мацумаэ, в данном случае, обозначение Хоккайдо), но этому помешала погода, и русские повернули к Сахалину. Далее путь Хвостова и Давыдова лежал в Охотск [Бондаренко,

1992, с. 267, 269, 279–280, 282–286, 346–348, 352–353, 364–384; Черевко, 2010; Файнберг, 1960; Лим; Лим, 2011а, с. 169–194; Лим, 2011б, с. 186–203; Василевский, главы 8, 10; Оглоблин, 1891б, с. 11–24; Климова, 2011; Кириченко, 2001; Таксами, Косарев, 1990, с. 42–56; Черевко, 2010, с. 163–181, 229, 261–273].

В 1697 г. В. Атласов через ительменов взял в плен Дэнбея и узнал от него о Японии. Он забрал его в Анадырь. В 1701 г. японцем, которого доставили в Якутск, заинтересовался Петр I. Его привезли в Москву. В 1705 г. он еще оставался в русской столице. Сам Дэнбей говорил, что он купец из Осаки, который торговал с айнами, но был отнесен морем к Камчатке. Там на него напали айны, которые были вооружены луками со стрелами, а также топорами с каменными и костяными наконечниками. Они перебили 19 японцев и только Дэнбея оставили в живых. Он через некоторое время попал на Камчатку-реку, где его и застал В. Атласов. От Дэнбея русские вывели некоторые сведения об Японии. В меру своих возможности он старался их дезинформировать, сообщая, что, мол, из Китая в Японию есть путь по суше. В 1783 г. экипаж, находившийся под командой капитана Кацурагава Хосю, был занесен штормом на Камчатку. Японец говорил, что эта земля уже присоединена к России. Начальником русских в регионе был Я. Невидимов. На протяжении нескольких лет японцы пробыли на Камчатке, пока ими не заинтересовались. Их направили через Охотск в Якутск, а оттуда в Иркутск, далее в Москву и Санкт-Петербург. Благодаря длительному пребыванию в России, японцы составили обстоятельный отчет о России, и данные об этом государстве вместе с данными А. М. Беневского вынудили бакуфу действовать на севере. Нужно отметить, что Накагава Городзи писал о своем путешествии по Сибири. Он описал быт и обычаи якутов и тунгусов. Указал, что те находятся на службе у русских. В японском сочинении «Сны о России» было сказано, что русские по эдзоски «акахито» – красный человек (рыжий). Один из японцев был заброшен бурей к земле Амчитка (Камчатка). Кодаю, Коити, Исокити были отправлены через Камчатку и Сибирь в Европейскую часть России в Санкт-Петербург и предстали

перед русской императрицей, после этого японцы через Россию и Китай вернулись на родину [Като, 1978; Оросиякоку суймудан, 1961; Оглоблин, 18916; Кацурагава Хосю, 1978, с. 52–96; Черевко, 2010, с. 225–226].

Таким же продолжением экспедиции на Северо-Восток было проникновение русских на Алеуты и Аляску. В 1741 г. Алеутские острова были обнаружены второй экспедицией В. Беринга. Русские промышленные люди М. Неводчиков и Я. Чупров в 1745 г. высадились на острове Атту. Команда их экспедиции перебила население в алеутском поселении, оставив в живых лишь трех молодых алеуток. В 1753 г. русское судно «Св. Иеремия» пристало к острову Адак, а в 1756 г. – к острову Танага. В 1758 г. бот «Св. Юлиан» пристал к острову Умнак из гряды Лисьих островов Алеутской гряды. Три года промышленные люди провели на Умнаке и соседнем острове Унашалаке, где занимались торговлей и рыболовством. Произвол русских промышленников был жестоким, и алеуты Лисьих островов в 1763 г. перебили команды четырех русских судов. Погибло около 250 русских. Уцелело лишь 6 русских и 6 камчадалов на острове Умнак, которые и сообщили С. Глозову о событиях. Команда галеота «Св. Николай» высадилась на Умнак и уничтожила четыре поселения алеутов, но была уничтожена населением пятого поселения. Промышленники были перебиты, а их корабль сожжен. Лишь в 1765 г. восстание было подавлено. К Ушанану подошли корабли «Св. Андреян и Наталья» и «Св. Петр и Павел». В ходе восстания погибло от 3 до 5 тысяч алеутов. За несколько десятков лет знакомства с русскими население Алеутских островов сократилось в три раза. Многие умирали от болезней, занесенных путешественниками. После этого алеуты окончательно покорились русским. В 1794 г. Алеуты были переданы Русско-Американской кампании. В «Записке о состоянии Алеут» говорится, что местное население находится в состоянии каюров (зависимого населения) [Гринев, 2003; История русской Америки, 1997].

С эскимосами русские должны были познакомиться еще во время плавания С. Дежнева. Они жили как на чукотском,

так и на американском берегах Берингова моря. Информация о них поступила к русским во время экспедиций В. Беринга и Д. Павлуцкого. Экспедиция А. Шестакова и Д. Павлуцкого исследовала Берингов пролив. Бот «Св. Гавриил» побывал на берегах мыса Принца Уэльского в 1732 г. Русских возглавлял М. Гвоздев. В 1763 г. эскимосы конягмиуты с острова Кадьяк атаковали команду С. Голотова. В 1784 г. Г. Шелтихов прибыл с двумя кораблями, в стычке с местным населением он перебил от 150 до 500 эскимосов. Через двадцать лет численность кадьякцев сократилась вдвое. Нужно сказать, что сами эскимосы были отнюдь не миролюбивым народом. В XIII–XIV вв. эскимосы культуры Туле совершили плавание через Канадский Арктический архипелаг и уничтожили там палеоэскимосское население культуры Дорсет. В эскимосских преданиях этот народ охарактеризован как сивуллимунит «первые люди», которых эскимосы истребили. Их эскимосы уничтожили не только в Гренландии, но и на Канадском Арктическом архипелаге и на берегах Лабрадора. Эскимосы культуры Туле доплыли до Гренландии. Там они столкнулись со скандинавами, жившими на острове. В 1379 г. эскимосы напали на Западное поселение. В папской грамоте от 1448 г. папа Николай V епископам Скальхольтскому и Голумскому в Исландии сообщает, что в 1418 г. в Восточное поселение прибыл языческий флот. Эскимосы разорили церкви и осуществили общее опустошение. О столкновениях со скандинавами были упоминания в эскимосском фольклоре. В нем сказано, что в битве при Какертоке были уничтожены последние скандинавы. В иллюстрациях к работе датского миссионера и историка Ханса Эггеде эта тема тоже получила развитие. Нужно сказать, что в упадке скандинавских поселений в Гренландии также сыграли роль Малый Ледниковый период и эпидемия чумы. Кроме того, датское мореплавание стало неконкурентным из-за деятельности Ганзы, а экспорт меха из Московии и африканской слоновой кости португальцами сделал неактуальными экспедиции скандинавов за моржовыми бивнями и мехами в Гренландию. Контакты с Европой становились все более редкими, а скандинавы стали хуже питаться. Колонии

в Гренландии пришли в глубокий упадок. В любом случае, к 1500 г. Гренландия была занята только одними эскимосами-инуитами. Кроме культуры Туле, в XIII–XIV в. была и инуитская культура Инугсук, представители которой были знакомы со скандинавскими достижениями и жили на западе Гренландии. Инугсук была дочерней культурой по отношению к Туле. Датская экспедиция, прибывшая в Гренландию в 1474 г., уже не нашла там европеоидное скандинавское население. В столкновениях с русскими азиатские эскимосы поддерживали чукчей. Иногда чукчам помогали и эскимосы с островов Берингова моря. Иногда на помощь приходили эскимосы из Америки. Однако отдельные группы эскимосов воевали и между собой, например жители одного острова с жителями другого. Были и войны азиатских эскимосов с чукчами, однако это было до русской колонизации, о чем есть сведения в фольклоре. С прекращением войн с русскими и их ясачными активностью чукчей обратилась на восток. Чукчи вместе с азиатскими эскимосами начали нападать на эскимосов островов и американских эскимосов. Такие набеги были зафиксированы русскими в 1701, 1711 и 1840 гг. Эскимосы сооружали свои поселения на возвышенности на мысу и укрепляли их на случай набега с суши или моря. Укрепления сооружались из моржовых шкур, снега и иногда даже из камня. В каменных укреплениях были бойницы для стрельбы из лука, а также применяли пращи. При подходе к укреплениям готовили колышки, которые могли повредить ноги. Когда же эскимосы вели наступление, то перед штурмом вражеского поселения они вели ураганный обстрел из луков и пращей. То, что относилось к эскимосам по части ведения войны, характеризовало частично оседлых чукчей. Били эскимосов и на воде. Чукчи на них могли приходиться на байдарках. На море эскимосы и чукчи вели перестрелку из луков. Американские эскимосы жаловались русским, что чукчи нападают на них почти каждый год. В этих набегах участвовали оседлые чукчи, азиатские эскимосы и кочевые чукчи, взятые на борт. Для того чтобы перебраться из Азии в Америку, у азиатов уходило три дня при двух остановках на островах. При набегах упор делался на факторе неожиданно-

сти. Чтобы спастись, американские эскимосы, как правило, не бежали вглубь материка, а уходили в море. Если же враг был замечен, то защитники обстреливали врага, желая пробить байдары, или встречали врага на берегу. Эскимосы защищали свое тело кожаными ламеллярными или ламинарными доспехом, поножами и наручами. Они не носили шлемы, потому что это мешало стрельбе из лука. Также не использовались щиты [История русской Америки, 1997; Гринев, 2003; Нефедкин, 2003, с. 26, 64, 75, 108–110, 130–132, 135, 186–198; Стрингольм, 2002, с. 229; Egede, 1738; Egede, 1741; Thompson, Radford, Suzuki, 2009; Rankin; Ford, 1959; McGhee, 1996; Arneborg; *Diplomatarium Norvegicum*, 1863, № 528, s. 554; Возгрин; Возгрин, 1984; Schledermann, 1998, p. 391–392].

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам. Первым народом Северо-Востока, с которым столкнулись русские, были юкагиры, наиболее грозные в военном отношении. В 30–50-х гг. XVII в. юкагирские племена были объяснены. В 60-х гг. XVII в. они пишут жалобы на произвол ясачных сборщиков, и тогда же начинаются первые восстания. Наиболее значимым явлением было восстание Канивы в 1680–1684 гг. Потери, понесенные в ходе восстаний, и высокая смертность от эпидемий вынудила юкагиров стать лояльными царской администрации. Этому способствовала и экспансия чукчей и коряков в Юкагирию. Наиболее ожесточенными противниками русских были чукчи, принципиально не желавшие платить ясак. Чукчи нападали на ясачных юкагиров и коряков, вынуждая тех просить помощь у русских. В битвах они три раза побеждали русских. Чукчи наиболее часто нападали на Нижнеколымский и Анадырский остроги. Русские намного чаще брали верх в столкновениях с чукчами, чем наоборот. Отряды казаков были относительно малочисленны, большинство войска русских воевод состояло из ясачных. Поэтому и стали возможными поражения отрядов А. Чудинова, А. Шестакова и Д. Павлуцкого в 1702, 1730, 1747 гг. Коряки оказывали ожесточенное сопротивление русским в XVII в. и воевали не менее удачно, чем чукчи. Они победили в ходе восьми значимых столкновений. Обострение корякско-русских отношений

в 1707–1715 гг. связано с восстаниями ительменов против власти русских. Покорение Камчатки заняло период 1697–1730 гг. Апогей ительменско-русского противостояния пришелся на 1707–1714 гг. Наиболее долго казакам сопротивлялось ительменское племя суаачю-ай. Ительмены три раза одержали победу над русскими. Начало освоения Курил русскими датировано началом XVIII в., а временем усиленного продвижения на юг стала вторая половина этого столетия. Отношение русских к айнам было более гуманным, чем у японцев. Это не исключало отдельных случаев произвола сборщиков ясака, но в целом имперские власти пробовали привести население в подданство обращением в православиe и ограждением от произвола. Причиной столь медленного продвижения была колонизация алеутов в 40–60-х гг. XVIII в., а также противостояние с чукчами. Чукотку удалось замирить, ликвидировав Анадырский острог и перейдя от войн к мирной торговле, взывая с них лишь символическую дань. За исключением Кадьяка больших противоречий у русских с эскимосами не было. Алеуты с Лисьих островов оказали русским ожесточенное сопротивление в 60-х гг. XVIII в.

Список источников и литературы

1. Богданов В. Судьба исследователя Курил и Японии Ивана Козыревского : (Новые биограф. сведения об авт. «Чертежа камчадальского носу и морским островам»). URL: <http://www.kamlib.ru/resources/bogdanov.htm>.
2. Бондаренко О. Неизвестные Курилы. М. : Дейта-Пресс, 1992. 400 с.
3. Бурькин А. А. История открытия Камчатки, или Байки старого Паратуна : Домыслы, вымыслы и умыслы в объяснении происхождения названия «Камчатка» (по материалам книги Б. П. Полевого «Новое об открытии Камчатки»). URL: <http://zaimka.ru/burykin-polevoy/>.
4. Василевский А. А. Аину Курильских островов // XIV Съезд Русского географического общества. Кн. 4. Ч. 1. Секция А-2. История географической мысли и историческая география. М. : РГО, 2010. С. 117–123. URL: <https://shipdesign.ru/News/2010/12-12/Vasilevsky.html>.
5. Василевский А. А. История Курильских островов. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/8/>, <http://www.kuriles-history.ru/book/>

chapter/10/, <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/11/>.

6. Возгрин В. Норманы в Гренландии (к 1000-летию открытия острова). URL: <http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/greenland.htm>.

7. Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. М. : Мысль, 1984. 157 с. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/V/VOZGRIN_Valeriy_Evgen'evich/Vozgrin_V.E..html.

8. Гринев А. В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. № 8. М. : Редакция журнала «Вопросы истории», 2003. URL: http://Annales.info/amerika/rus_amer/coloniz.htm.

9. Гурвич И. С., Вдовин И. С., Орлова Е. П. Народы северо-востока // История Сибири. Т. 1. М. : Наука, 1968. С. 408–427.

10. Гурвич И. С. Юкагиры // Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. С. 168–180.

11. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М. : Наука, 1977. 395 с.

12. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М. : Наука, 1979. 354 с.

13. Диков Н. Н., Васильевский Р. С., Сергеев Д. А. Племена северо-востока // История Сибири. Т. 1. М. : Наука, 1968. С. 343–352.

14. Жукова Л. Н. Представления одулов (лесных юкагиров) о первопредках по данным изобразительного искусства и фольклора // Якутский архив. № 4. Якутск : Комитет гос. архив. службы Республики Саха, 2008. С. 3–19.

15. Жукова Л. Н. Юкагиры – наследники циркумполярной культуры Северной Евразии // Языки и фольклор народов Сибири. № 3. Новосибирск : Ин-т филологии Сиб. отд-ния РАН, 2010.

16. Зуев А. С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия : История, филология. Т. 1. Вып. 3 : История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 14–24. URL: <http://zaimka.ru/zuev-policy/>.

17. Зуев С. А. «Немирных чукчей искоренить вовсе...». URL: <http://zaimka.ru/zuev-chukchi/>.

18. Зуев А. С. Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.) : Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 3–38. URL: <http://zaimka.ru/zuev-pavlutsky/>.

19. Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. / Новосиб.

гос. ун-т. Новосибирск. 2002, 330 с. URL: <http://zaimka.ru/zuev-aborigines/>, <http://zaimka.ru/zuev-aborigines-app1/>, <http://zaimka.ru/zuev-aborigines-part2/>, <http://zaimka.ru/zuev-aborigines-app2-3/>.

20. Зуев А. С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII–XX веках : Проблемы политической и социальной истории : Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. С. 53–82. URL: <http://zaimka.ru/zuev-koryak/>.

21. История и культура ительменов : историко-этнографические очерки. Л. : Наука, 1990.

22. История Русской Америки (1732–1867). М. : Международные отношения, 1997. URL: http://militera.lib.ru/explo/ira/1_03.html.

23. История Сибири. Т. 2. М. : Наука, 1968.

24. Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М. : Наука, 1993.

25. Лебединцев А. И. Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. Вып. 3. Магадан : Сев.-Вост. науч. центр Дальневост. отд-ния РАН. 2008. С. 67–80.

26. Като К. Сибирь начала XIX века глазами японца // Этнографическое обозрение. № 3. М. : Наука, 1978. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Nakagawa_Gorodzi/text.phtml?id=13303.

27. Кацурагава Х. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») : пер. с яп., комментарий и приложение В. М. Константинова ; отв. ред. В. Н. Горегляд. М. : Наука, 1978. URL: https://archive.org/details/kacuragava_hosyu_kratkie_vesti_o_skitaniyah_v_severnyh_vodah, <http://sciuro.livejournal.com/221143.html>.

28. Кириченко А. А. Из ранней истории русско-японских отношений // Российское востоковедение в память о М. С. Капице: очерки, исследования, разработки. М. : Муравей, 2001. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Chvostov_2/frametext.htm.

29. Климова О. В. Подготовка экспедиции Хвостова на Сахалин в 1806 г. : Анализ инструкций Резанова – Хвостову и Хвостова – Давыдову // Елагинские чтения. Вып. 5. СПб. : Остров, 2011. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Chvostov/text1.phtml?id=11756>.

30. Косарев В. Д. «Изначальные»: место и роль «северных эми-

си» в этносинтетических процессах на Японских островах. URL: <http://kosarev.press.md/Init-III.htm>.

31. Кузьминых В. И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1994, С. 32–39. URL: <http://zaimka.ru/kuzminykh-cossacks/>.

32. Лим С. Ч. Восстание айнов на Кунашире и в Мэнаси в 1789 году. URL: <http://istorja.ru/articles.html/japan/menashi-kunashir-rebellion/>.

33. Лим С. Ч. История айнского сопротивления японской экспансии в 1669–1789 годах в Эдзо // Вестник Сахалинского музея. № 17. Нижне-Сахалинск : Изд-во Сахалин. музея, 2011. С. 169–194. URL: http://www.sakhalinmuseum.ru/ufile/21_Vestnik-p169-194.pdf.

34. Лим С. Ч. Экспансионизм России и Японии на Дальнем Востоке и айнское общество // Вестник Сахалинского музея. № 18. Нижне-Сахалинск : Изд-во Сахалин. музея, 2011. С. 186–203. URL: http://sakhalinmuseum.ru/ufile/215_186-203.pdf.

35. Напольских В. В. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / ред. С. Г. Кляшторный. Казань, 2002. С. 195–203.

36. Немировский А. А. Вооружение юкагиров. URL: http://wiradhe.narod.ru/yukaghir_weaponry.htm.

37. Немировский А. А. Материалы к истории юкагирского «племени» шоромба. URL: <https://yadi.sk/i/vxrsFfOK32qxkP>.

38. Немировский А. А. Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_3/4_102.htm.

39. Немировский А. А. Новые лингвистические результаты и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров : Основные факты и проблемы этногенеза и древней этнической истории юкагиров : кратчайший очерк этнической истории юкагиров до XVII в. URL: https://yadi.sk/i/pzO_6Vr3cqbJf.

40. Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. - 352 с. URL: http://nozdr.ru/militera/h/nefedkin_ak01/index.html.

41. Николаева И. А. Проблема урало-юкагирских генетических связей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. URL: <https://yadi.sk/i/cooD7BOjbecih>.

42. Оглоблин Н. Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии

Камчатки // Чтения в обществе истории и древностей Российских. Кн. 3 (158). М. : Университетская типография, 1891, С. 1–18. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_64.htm.

43. Оглоблин Н. Первый японец в России // Русская старина. Т. 72. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1891. С. 11–24. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_65.htm<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVIII/1700-1720/Dembej/text1.htm>.

44. Огородников В. И. Из истории покорения Сибири : Покорение Юкагирской земли : репринтное издание 1922 г. СПб. : Альфарет, 2011. 108 с. ; 1 л. карт.

45. [Омокская эпическая песнь о походе Павлуцкого на чукчей в литературной передаче Ф. Матюшкина] // Мнемозина. Т. 1. М. : Типография Императорского Московского театра, 1824. С. 172–176.

46. Оросияюку суймудан (Сны о России). М. : Изд-во вост. лит., 1961. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVIII/1780-1800/Sny_o_Rossii/frametext.htm.

47. Переяславцев В. В. Описание Северного Эдзо, сделанное Мамией Риндзо // Общество изучения Сахалина и Курльских островов. Краеведческий бюллетень. № 4. Нижне-Сахалинск: Изд-во Сахалин. музея, 1993. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Descriptio_Edo/frametext.htm.

48. Понарядов В. В. Урало-алтайско-юкагирские языковые связи с точки зрения лексикостатистики. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 2008. 44 с.

49. Попов Г. А. Омоки // Сборник трудов исследовательского общества Саха кэскилэ. № 5. Якутск : Об-во Саха кэскилэ, 1928. С. 95–102 ; коммент. 356–357.

50. Попов Г. А. Омоки Колымского округа Якутской Республики // Советская Азия. № 2. М. : Об-во изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, 1928. С. 71–74.

51. Попов Г. А. Омоки // Сочинения / Г. А. Попов. Т. 2. Якутск : Якут. гос. ун-т : Ин-т гуманитар. исслед. акад. наук Республики Саха (Якутии), 2006. С. 224–231 = републикация работы.

52. Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время. М. : Изд-во Главсевморпути, 1945. 188 с.

53. Снегирев В. Л. Русские на севере : Борьба за освоение северных морей и рек. М. ; Л. : Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1945. 100 с.

54. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности : материалы к истории становления айнского этноса. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. 766 с.

55. Спафарий Н. Г. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М. : Языки слав. культуры, 2005. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVII/1660-1680/Spatharius/text.phtml?id=12885>.
56. Стрингольм А. Походы викингов. М. : АСТ, 2002. 736 с. ; [8] л.
57. Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? М. : Мысль, 1990. 318 с.
58. Тецуя Аmano. Кузнечное дело айнов и нивхов Сахалина. URL: <http://karafuto.bambizo.ru/modules/Pages/KuznechnoeDelo.pdf>.
59. Токарев С. А. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л. : Изд-во Ин-та истории народов Севера, 1936.
60. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М. : Наука, 1979. 152 с.
61. Ушницкий В. В. Юкагиры в XVII в. // Человек и Север : Антропология, археология, экология. Вып. 1. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Сибири Сиб. отд-ния РАН, 2009. С. 192–195.
62. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 312 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1022823/>.
63. Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. 688 с.
64. Ципоруха М. И. От Ермака до Беринга. М. : Вече, 2013. 372 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1282080/>.
65. Шадрин В. И. Лингвистическая наука об этногенезе юкагиров // Языки коренных малочисленных народов Севера в начале III тысячелетия. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние РАН, 2008. С. 101–115.
66. Шадрин В. И. Современные концепции этногенеза юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние РАН, 2008. С. 197–205.
67. Шадрин В. И. Присоединение «Юкагирской земли»: отражение в фольклоре // Языки и фольклор народов Сибири : электр. науч. журнал. № 3. 2010.
68. Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or chance resemblance? // Finnish-Ugrische Forschungen Band 62. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014. P. 1–64.
69. Arneborg J. Norse Greenland – research into abandonment. URL: http://pure-01.kb.dk/ws/files/7775575/Arneborg_PROFF_09_juli_2015_jar_05_08_2015.pdf.
70. Diplomatarium Norvegicum. Band. VI. Christiania: P. T. Mallings Forlagshandel, 1863. URL: http://www.dokpro.uio.no/perl/middelalder/diplom_vise_tekst.prl?b=6260&s=n&str=.

71. Egede H. Omstændelig og udførlig relation, angaaende den grønlandske missions begyndelse og forsættelse, samt hvad ellers mere der ved landets recognoscering, dets beskaffenhed, og indbyggernes væsen og leve-maade vedkommende, er befunden. Kobenvan : Trykt hos J. C. Groth, 1738. URL: https://books.google.com.ua/books?id=GDA1AQAAMAA-J&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

72. Egede H. Det gamle Grönlands nye Perustration, eller Naturel-historie, og Beskrivelse over det gamle Grönlands, Situation, Luft, Temperament og Beskaffenhed. København : Trykt hos J. C. Groth, 1741. URL: <https://books.google.com.ua/books?id=OLgOAAAAQAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:hans+inauthor:egede&hl=uk&sa=X&ved=0ahUKEwiBhYfzoZfSAhVL2SwKHbzDK4Q6AEIOTAE#v=onepage&q&f=false>.

73. Ford J. Eskimo prehistory in the vicinity of Point Barrow, Alaska // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 47. Part 1. New York : American Museum of Natural History, 1959. 272 p., 13 ill.

74. Fortescue M. The Eskimo-Aleut-Yukagir relationship: an alternative to the genetic/contact dichotomy // Acta Linguistica Hafniensia. Vol. 21. Copenhagen : Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1988. P. 21–50.

75. Häkkinen J. Early contacts between Uralic and Yukaghir // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264. Helsinki : Suomalais-Ugrilaisen Seura, 2012. P. 91–101.

76. McGhee R. Ancient people of the Arctic. Vancouver BC : UBC Press, 1996. XII, 244, [16] p.

77. Piispanen P. S. The Uralic-Yukaghiric connection revisited: Sound Correspondences of Geminate Clusters // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 94. Helsinki : Suomalais-Ugrilaisen Seura, 2014. P. 165–197.

78. Rankin L. K. An archaeological view of the Thule/Inuit occupation of Labrador. URL: http://www.mun.ca/labmetis/pdf/thule_inuit%20final%20report.pdf.

79. Schledermann P. Inugsuk culture // Archaeology of Prehistoric Native America : an Encyclopedia. New York-London : Taylor and Francis, 1998. P. 391–392.

80. Thompson N., Radford T., Suzuki D. T. Inuit Odyssey. Toronto : CBC Learning, [2009]. DVD-Video CD.

81. Nicolaas Witsen. Noord en Oost Tartarye. URL: http://www.dbnl.org/tekst/wits008noor02_01/wits008noor02_01.pdf.

ПЕРВАЯ КРЕПОСТЬ ОМСКА: ЧТО ГОВОРIT АРХЕОЛОГИЯ

Ю. В. Герасимов, М. Ю. Здор, М. А. Корусенко

Россия, Омск, Омский научный центр СО РАН

В статье представлены результаты археологических исследований, проведенных в историческом центре г. Омска в 2017 г., проливающие свет на некоторые неизвестные доселе страницы истории города. Так, установлено местоположение некоторых элементов фортификации первой Омской крепости, что позволяет с достаточной точностью позиционировать ее размещение на территории современного города.

Ключевые слова: археология Омска, кладбища Омска, первая Омская крепость, археологические памятники, историческое наследие.

In the article are presented results of archaeological researches of historic center of Omsk in 2017. This research shed light on some never-before-seen pages of town history. In result of this research, location of some elements of deliberate fortification of the First Omsk fortress was located. This allowed to recognize location of Fortress on present city map.

Keywords: archeology of Omsk, Omsk cemeteries, the first Omsk fortress, archaeological sites, historical heritage.

Актуальность темы

Местоположение первой крепости, выстроенной в устье р. Оми отрядом И. Д. Бухгольца¹, планировка и развитие ее сооружений до сих пор вызывает острые дискуссии в среде истори-

ков, краеведов и просто интересующихся историей города Омска. В ходе наблюдения за работами по реконструкции улицы Ленина в 2016 г. авторами были получены археологические материалы, которые позволяют, вкупе с уже имеющимися данными, убедительно локализовать первую Омскую крепость на карте города.

Источники

Источниковую базу составляют письменные документы, картографические и фотоматериалы, данные археологии. Приведем краткие характеристики каждой группы.

Письменные источники

Документов, которые описывали бы проект, строительство и развитие крепости, основанной в 1716 году, до настоящего времени не сохранилось. Из описи дел Тарской канцелярии, скопированной Г. Ф. Миллером, известно о существовании переписки по поводу строительства и развития крепости в устье Оми, но сами документы, по-видимому, утрачены².

Первое описание Омской крепости оставил Г. Ф. Миллер, посетивший ее в 1734 г. Автор приводит два варианта конфигурации фортификационных сооружений: «Низкий земляной вал, в фигуре правильного пятиугольника...», и далее, в этом же тексте: «правда, в бытность мою там в 1734 году крепость была четырехугольная (...). Но как на другой год в Селенгинск я прибыл, и там застал господина Бухольца бригадиром и комендантом, то он меня обнадежил, что заложенная им крепость подлинно так сделана была, как она прежде описана» [10]. Заметим, что цитируемый текст появился в 1760 г., т. е. спустя 26 лет по окончании путешествия автора, и создавался, скорее всего, по памяти, с опорой на путевые заметки, точность измерений и описаний которых проверить было уже невозможно.

Упоминания первой Омской крепости в сообщениях участников академических экспедиций XVIII столетия еще более лапидарны. Проезжавший через Омск в 1771 г. И. П. Фальк отмечает, что «старая крепость с форштадтом стоит выше на левом берегу Ома, чрез который сделан красивый деревянный мост» [15]. В следующем году здесь побывал П. С. Паллас, который указал только,

что «старая крепость построена была выше реки Омы на Иртыше, и обведена деревянною стеною с бастионами и рвом» [15]. Единственное дошедшее до нас описание Омской крепости содержится в справке Тарской канцелярии, составленной по запросу Г. Ф. Миллера в 1734 г.: «Омская крепость построена в 716-м году четырехугольная подполковником Бухалцом который ныне брегадиром [...]. А вокруг ея поставлен палисад и выведены по углам бастионы. И на тех бастионах прорублены бойницы и поставлены пушки. И за полисадами выкопан ров, а за рвом поставлены рогатки и надолбы» [Цит. по: 12, с. 144].

Таким образом, сообщения письменных источников достаточно скудны, известно лишь, что крепость была поставлена на южном берегу р. Оми, «саженях в 50 от ея устья» [10], на возвышенности, известной как Алюярский яр. Информация о форме крепости (четырёхугольная или пятиугольная), ее размерах и этапах развития противоречива.

Картографические источники

Карт, отображающих первую Омскую крепость, известно немного. Впервые картографические материалы были опубликованы в трудах А. Ф. Палашенкова и В. И. Кочедамова [8, 13], а позже группа исследователей осуществила их публикацию и подробный анализ [12], поэтому мы ограничимся кратким перечислением известных карт. В архиве Г. Ф. Миллера есть сведения о существовании чертежа «О строении Омской крепости за Омью рекою острогу и дворов в линию», отправленного из Тобольска коменданту Омской крепости Вельяминову-Зернову, но сам документ до сих пор не обнаружен. Наиболее ранней картой, на которой отображена топографическая ситуация в устье Оми, считается проект новой крепости, составленный капитан-инженером де Гранже в 1722 г. На левом берегу Оми схематично показаны три существующих укрепления: треугольный редут на стрелке Иртыша и Оми, четырехугольный форт близ переправы через Омь и большая пятиугольная крепость на высокой террасе. Более высокой детализацией отличаются планы Омской крепости 1745 и 1755 гг., которые показывают ее контуры в виде неправильного

пятиугольника, а также застройку и укрепления слободы, занимающей заливной луг приустьевой поймы. Небольшой фрагмент первой крепости, включающий остатки восточного бастиона и прилегающих фасов, отображен на плане 1803 г.

Итак, картографические материалы показывают крепость пятиугольной, но тем не менее не снимают противоречия письменных источников. Кроме того, точность съемки деталей рельефа, принятая в топографии XVIII столетия, не позволяет убедительно совместить современные карты с архивными без дополнительных увязок.

Изобразительные источники

К сожалению, изображений первой Омской крепости до нашего времени не дошло, но в архивах музеев, местных и центральных, обнаружена подборка фотографий города, наиболее ранние из которых относятся к последней трети XIX в. В последние годы стараниями музейных работников, краеведов и любителей истории созданы представительные банки оцифрованных копий фотографий, что значительно повысило доступность данного источника. Указанные материалы, хотя и не показывают непосредственно местоположения первой Омской крепости, содержат ценную информацию об историческом рельефе приустьевой зоны Оми, которую следует использовать для решения вопроса о ее локализации.

Археологические источники

Уточнить исторически достоверное местоположение первой Омской крепости могли бы помочь археологические данные, но систематических исследований в интересующем нас районе города не проводилось. Несколько случайных находок, обнаруженных в ходе строительных работ середины XX в., зафиксировал А. Ф. Палашенков, связав их с остатками сооружений первой крепости. Так, отмечены следы рвов на ул. 10 лет Октября и перекрестке Рабфаковская – Почтовая, остатки срубов и свай из хвойных бревен близ площади Ленина [13, с. 19].

Первая попытка провести ограниченные по масштабам раскопки на предполагаемой территории первой крепости была

предпринята в 2014 г. Н. В. Телятниковой (Беликовой). Четыре небольших раскопа (шурфа) были заложены близ остановки «Площадь Ленина» на западной стороне проспекта Маркса [1, с. 309]. Полученный материал, как и следовало ожидать, показал наличие культурного слоя города второй половины XVIII в.: были обнаружены две монеты, фрагменты чернолощенной керамики, железные ножи, оселки [1, с. 310; 17, с. 404]. Следов каких-либо конструкций, которые можно было бы уверенно интерпретировать как элементы крепостных сооружений, зафиксировать не удалось. Поэтому, хотя предметы и открытые в шурфах объекты еще раз подтвердили давно известный факт существования на левобережье Оми городской застройки, связывать их именно с первой Омской крепостью, считая, что полученные материалы решают вопрос ее локализации, как это делают авторы, нет никаких оснований. Скорее, проведенные работы подтвердили, что обнаружить элементы крепостной фортификации точечными раскопками, характерными для археологической разведки, можно только при исключительном везении.

Историография

Первыми исследователями истории Омской крепости можно считать И. Я. Словцова и Г. Н. Потанина, в трудах которых рассматривались причины ее основания, был поставлен вопрос о конструкции. В работах исследователей XX столетия поставлена проблема топографической привязки исторического объекта, тесно связанная с вопросом о форме и размерах крепости. Двойственная информация письменных источников породила противоречивые концепции. Так, по мнению А. Ф. Палашенкова и В. И. Кочедамова, Омская крепость имела форму неправильно пятиугольника [8, 13], в то время как А. Д. Колесников считает ее четырехугольной [7, с. 36]. При этом В. И. Кочедамов полагал, что под руководством И. Д. Бухолца в 1716 г. были выстроены только треугольный редут и четырехугольный форт, а большая пятиугольная крепость была сооружена уже в 1717 г. под началом майора Аксакова [8, с. 6]. Оригинальное решение указанного противоречия предложил А. М. Лосунов, высказав идею о том,

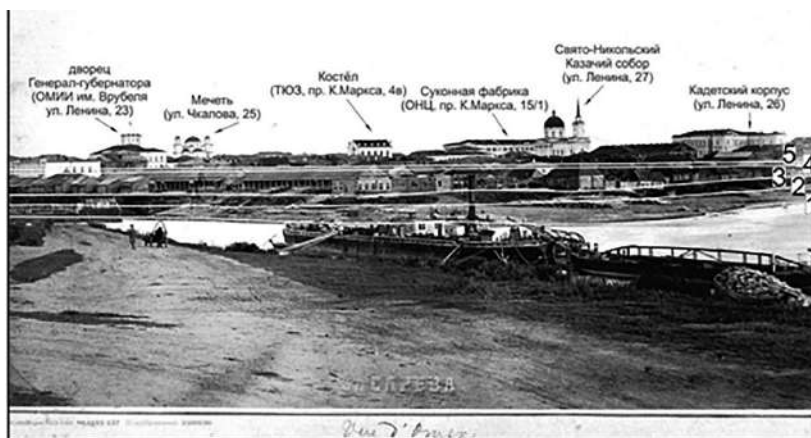
что крепость несколько раз перестраивалась, меняя свои очертания [9, с. 171]. Эту концепцию подверг обоснованной критике Д. О. Плахута [16, с. 102] и, в свою очередь, выдвинул идею о регулярной перестройке крепости, в соответствии в количестве известных планов [16, с. 105]. Уже в 1950-х гг. А. Ф. Палашенковым и В. И. Кочедамовым были предприняты первые попытки совмещения данных старых карт и современной градостроительной ситуации. При том что оба исследователя использовали одни и те же источники (планы Омской крепости 1722 и 1755 гг.), результаты получились несколько отличными. Так, по А. Ф. Палашенкову, крепость имела площадь 4 га и была локализована на территории нынешних Ленинской горки, Театральной площади, Городской думы [13, с. 29]. В. И. Кочедамов оценил площадь крепости в 6 га (с этим мнением позже согласился и А. Ф. Палашенков), расположив ее западнее, в пределах современных площадей Ленина, Театральной, сквера Памяти борцов Революции [8, с. 7].

В 1960 г. увидели свет «Материалы к археологической карте Омска» А. Ф. Палашенкова, где опубликованы сведения о находках остатков частокола в виде фрагментов вертикальных бревен, следах рвов, с привязками к топографическим реперам города — улицам, зданиям, перекресткам [14, с. 18–19]. Используя собранные материалы, ученый предложил свой вариант локализации крепости на территории современного Омска. Конечно, нынешняя карта города отличается от современной А. Ф. Палашенкову, тем не менее данные, собранные и систематизированные исследователем, и сейчас играют важную роль как материальные реперы для картографических построений.

Указанные данные использовал С. С. Тихонов, предпринявший попытку наложить на современную карту г. Омска находки, описанные А. Ф. Палашенковым, данные исторической картографии и результаты археологических изысканий [18; 19]. Полученные результаты оказались близки гипотезе А. Ф. Палашенкова с небольшой корректировкой по азимуту [19, рис. 1а]. Согласно схеме С. С. Тихонова, западный фас крепости проходит вдоль улицы Карла Маркса, а склон террасы

Иртыша пересекает сквер Борцов Октябрьской революции в створе ул. Броз Тито.

Рассмотренные варианты локализации первой крепости в устье Оми опирались, главным образом, на данные исторической картографии. Этот подход требует точного совмещения топографических привязок старых и современных карт, но решение указанной задачи сильно осложняется высоким уровнем антропогенного давления, приведшего к существенному искажению исторического ландшафта: изменились конфигурации берегов рек Оми и Иртыша, исчезли ступени надпойменной и коренной террас Иртыша. Благодаря указанному обстоятельству достоверных реперов для совмещения ландшафтов исторической картографии и современной градостроительной ситуации не сохранилось.

*Рис. 1. Панорама Омска, вид от Иртышских ворот.
Фото конца XIX в.*

(источник: <https://humus.livejournal.com/6051448.html>):

*1 – урез воды р. Иртыш; 2 – подошва 1-й надпойменной террасы;
3 – бровка 1-й надпойменной террасы; 4 – подошва 3-й надпойменной террасы;
5 – бровка 3-й надпойменной террасы*

Результаты, полученные авторами в ходе археологического наблюдения за ходом строительных работ по реконструкции улицы Ленина в 2017 г., позволяют предложить новый подход к решению обозначенной проблемы. Кратко изложим исторические данные о возникновении и развитии застройки юго-восточного сектора приустьевой зоны р. Оми, необходимые для понимания степени и вектора антропогенной трансформации природного рельефа изучаемой территории.

История

Появление первых постоянных строений в устье р. Омь, на ее левом берегу, связано с неудачной экспедицией «за Яркендским золотом» под руководством подполковника И. Д. Бухгольца. Отряд, потерявший в результате боев и эпидемии почти три четверти своего состава, высадился на месте будущего города 17–18 мая 1716 г., хотя называется и дата 20 июня (все даты приводятся по новому летоисчислению). Руководитель экспедиции обратился в Тобольск с просьбой о присылке пополнения и за разрешением на строительство крепости. Губернатор М. П. Гагарин прислал 500 драгун и 800 мастеровых, которые и обеспечили высокие темпы строительства укреплений. По единодушному мнению историков, строительными работами руководил пленный шведский артиллерийский поручик Яган (Иван) Каландер [12, с. 112], прикомандированный к экспедиции в качестве инженера и начальника артиллерии. В течение лета-осени крепость была приведена «в надлежащее состояние», а в декабре И. Д. Бухголец сдает командование гарнизоном майору И. Л. Вельяминову-Зернову и отбывает по вызову в Тобольск. Крепостные сооружения, из-за отсутствия в округе строевого леса, были выстроены из сырого дерева – ивняка и березы. Уже на следующий год из Тобольска присылают чертеж «О строении Омской крепости за Омью рекою и дворов в линию», руководителем работ становится майор И. Г. Аксаков. Эта крепость отображена на чертежах 1722, 1745 и 1755 гг., которые, вкуче с описаниями XVIII в., позволяют представить ее внешний вид, оценить размер и привязку к деталям рельефа.

Система фортификации включала треугольный редут на стрелке Оми и Иртыша, четырехугольный острог на первой надпойменной террасе Иртыша и большую крепость в форме пятиугольника на коренной террасе. Главная крепость северной стороной выходила на крутой берег р. Омь, с других сторон была окружена сухим рвом глубиной до 3 м, ее стены состояли из земляного вала и частокола. В крепость вело четверо въездных ворот. В западной куртине, выходявшей на берег Иртыша, располагались Спасские ворота, через которые можно было выехать в Южный форштадт (Луговскую слободу), юго-восточную разрезали Знаменские ворота, выводившие на дорогу в Томск. К берегу Оми, на север, вели Никольские ворота, дорога из которых вела вдоль берега Оми к Шестаковским воротам, расположенным в восточной куртине [8, с. 6]. Расположенная к западу от крепости, на пойменной террасе Иртыша, Луговская слобода была укреплена с юга рвом, валом и линией надолбов, связанных в единую систему с основными фортификациями крепости. Позднее стал заселяться и правый берег Оми, здесь расположились постройки Губиной, Омской и Курганной слободы. Для сообщения между слободами через берег Оми был возведен наплавной мост. Огражденная площадь слобод составляла около 40 гектаров, но их заселение было неравномерным, правобережные территории были населены слабо [8, с. 8]. Первая Омская крепость не была лишена недостатков: расположенная на левом, джунгарском, берегу р. Омь, в периоды ледостава и ледохода, а также половодья она была отрезана от правого, русского, берега, от главных путей сообщения с административными центрами Сибири. Весенние половодья, заливавшие пойму, топили крепость ежегодно, приводя в негодность строения и земляные сооружения, меж тем как строительный лес был крайне дефицитен, что, естественно, осложняло ремонт, в результате фортификация постепенно ветшала. Кроме того, крепость была удалена от уреза Иртыша почти на 500 м, поэтому «не может та крепость к Иртышу-реки обороны иметь, а на другое место (т. е. ближе к Иртышу. – *авт.*) переносить невозможно для того, что те места низкие и неудобные» [8, с. 5]. С учетом всех перечисленных факторов было принято решение о переносе крепости на высокий правый берег Оми.

После демонтажа первой Омской крепости на ее территории возникли Луговская и Казачья слободы. В XIX в. на территории Луговской слободы, переименованной в Ильинский форштадт, были построены каменная церковь во имя св. пророка Илии, дом-дворец генерал-губернатора, общественное собрание, католический костел, мечеть, благодаря чему этот район превратился в деловой и общественный центр города. Через центральную часть Ильинского форштадта с севера на юг проходила Дворцовая улица, южный конец которой сливался с Атаманской улицей Казачьего форштадта, а северный выходил на Ильинский мост через р. Омь, на противоположном берегу которой начинался Чернавинский проспект, выведивший на центральную торговую площадь города. Именно эта линия легла в основу современной улицы Ленина. В конце XIX столетия на Чернавинском проспекте была проложена первая мостовая, протяженностью 350 метров, и деревянные тротуары, затем мостить стали улицы Дворцовую и Атаманскую. К концу 1930-х гг. проезжая часть на всем протяжении двух улиц была замощена булыжником, появились первые уличные фонари. В конце 1940-х гг. началась масштабная реконструкция улицы, в результате чего появились асфальтированная проезжая часть и тротуары, подвесное электрическое освещение, между проезжей частью и тротуарами были разбиты рабатки. В середине 1950-х гг. в ходе масштабной реконструкции сквера Памяти борцов революции была выровнена поверхность, поставлены подпорные стенки. Изменился и уровень площади Ленина: его подняли, тем самым спланировав склон улицы Ленина и сделав более удобным подъезд к мосту через Омь.

Таким образом, в результате достаточно длительной истории освоения, поверхность исторического центра города была в значительной степени деформирована, но подпочвенные слои в основном сохранили естественные структуры. В 2017 г. археологам удалось «заглянуть под землю» в ходе строительных работ по реконструкции улицы Ленина, благодаря чему появилась возможность воссоздать исторический рельеф.

Стратиграфические исследования 2016 г.

Стратиграфические разрезы, заложенные в юго-запад-

ном секторе перекрестка улиц Ленина и Лермонтова и у западной стороны улицы Ленина в районе здания № 20 показали наличие слоя искусственного происхождения мощностью больше 1 м, который предназначен для повышения уровня современной дневной поверхности. Ни одно из строительных раскрытий на площади Ленина, глубина которых достигала 1,5 м, не достигли уровня залегания коренных пород. В то же время наблюдения на бортах траншей и котлованов, расположенных на Ленинской (Ильинской) горке, в сквере Памяти борцов революции, у историко-краеведческого музея показали, что техногенные структуры мощностью до 0,7 м залегают на коренных породах с четко выраженными переходами между материнской породой и гумусовыми слоями. Следовательно, на этом участке исследовательские раскрытия обнажили высокую часть речной долины, т. е. террасу. Интересно также отметить, что разрезы на северной границе сквера Памяти борцов революции близ улицы Лермонтова показали резкий переход от материковой породы к вторичному гумусу. Такая ситуация могла возникнуть лишь в том случае, если был удален весь естественный гумус, повреждена крыша материкового слоя и затем на открывшееся основание уложен новый плодородный слой, сформировавший современную дневную поверхность. Наблюдаемая картина свидетельствует о том, что низкая площадка надпойменной террасы на участке площади Ленина искусственно поднята на высоту свыше 2 м, в то время как склон коренной террасы был сглажен, благодаря чему удалось добиться выравнивания поверхности для организации транспортных магистралей. Указанные наблюдения, скорее всего, отражают работы по благоустройству сквера Памяти борцов революции второй половины XX в. [2, с. 262].

Стратиграфические наблюдения хорошо согласуются с результатами анализа фотографий старого Омска, на которых отображены в том числе детали исторического ландшафта приустьевой зоны Оми. Так, на фото, сделанном от Иртышских ворот второй Омской крепости в начале XX в., отчетливо прослеживается первая надпойменная терраса, контур которой повторяет изгиб улицы Лермонтова. На берегу реки устроена пристань, низкая

площадка застроена пакгаузами, на заднем плане видны здания, стоящие на высокой коренной террасе: дворец генерал-губернатора, мечеть, костел, Свято-Никольский военный собор, кадетский корпус (рис. 1).

Анализ фотографических материалов

На фото второй половины 1920-х гг., сделанном с башни здания генерал-губернаторского дворца, хорошо читается склон коренной террасы, который проходит по скверу Памяти борцов революции так, что братская могила лежит на высокой площадке, а памятник Парижской коммуне расположен ниже, на первой надпойменной террасе. Перепад высот позволяет оценить фигура человека, стоящего на склоне, ближе к ул. Лермонтова: судя по фото, он достигает 3 метров (рис. 2-1).

Рис. 2. Антропогенные трансформации рельефа центральной части г. Омска. Панорама, вид от генерал-губернаторского дворца, фото 2-й половины 1920-х гг.

(источник: <http://tatarlar.spb.ru/omsk-staryj-foto.html>):

1 – фигура человека; 2 – линия бровки второй надпойменной террасы

На одной из фотографий начала XX в. хорошо виден небольшой уклон площадки коренной террасы у дворца генерал-губернатора в сторону ул. Ленина (рис. 3). Позже, в результате работ разных лет по благоустройству центральной части города,

*Рис. 3. Уклон площадки террасы
у дворца генерал-губернатора, фото 1903 г.
(источник: <https://omsk-55.livejournal.com/3014.html>)*

как мы уже отмечали выше, был поднят уровень проезжей части ул. Ленина, площади перед Юбилейным мостом, сооружены парапеты у сквера Памяти борцов революции, выровнена площадка коренной террасы. В начале 1950-х гг. была проведена масштабная реконструкция сквера Памяти борцов революции, его поверхность была выровнена, уступ террасы сложен, границы были оформлены парапетами (рис. 4). По завершении указанных работ от исторической части рельефа сохранился небольшой фрагмент в виде Ленинской (Ильинской) горки и плавный уклон улицы Ленина на участке от краеведческого музея до Юбилейного моста.

Реконструкция исторического ландшафта

Проведенные нами стратиграфические наблюдения в купе с данными исторической фотографии позволяют с высокой степенью достоверности реконструировать рельеф юго-восточного сектора устья Оми (рис. 7). В структуре долины Иртыша выделяются следующие элементы: низкая приустьевая пойма, площадка

которой постепенно повышается к востоку, ступень первой надпойменной террасы высотой 3–4 м, уступ второй надпойменной террасы высотой до 3 м, сглаженный склон третьей, коренной террасы. Площадка первой надпойменной террасы, ширина которой достигала 350–400 м, имела плавный скат к Иртышу (см. рис. 1). Бровка второй надпойменной террасы проходила по Ленинской горке и восточной стороне улицы Ленина, пересекая последнюю в районе дома № 20 (см. рис. 5, 6), уклон ее вверху был довольно крутым, близ перехода к площадке надпойменной террасы сползнен (см. рис. 2). Склон коренной террасы, довольно пологий, хорошо видимый на фотографии у фасада генерал-губернаторского дома (см. рис. 3) и до настоящего времени прослеживаемый на ул. Броз Тито, близ ул. Маркса, переходил в относительно ровную площадку. Уклоны надпойменных террас сливались близ перекрестка улиц Ленина и Чкалова, образуя крутой склон, видимый

*Рис. 4. Улица Ленина. Сквер Памяти борцов революции.
Фото середины 1950-х гг.
(источник: <https://omsk-55.livejournal.com/3014.html>)*

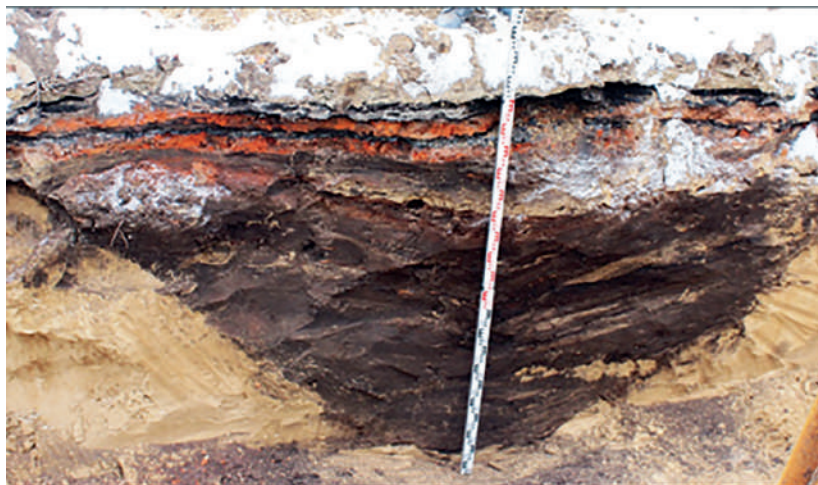

Рис. 5. Фото стратиграфического разреза крепостного рва на перекрестке улиц Броз Тито и Ленина

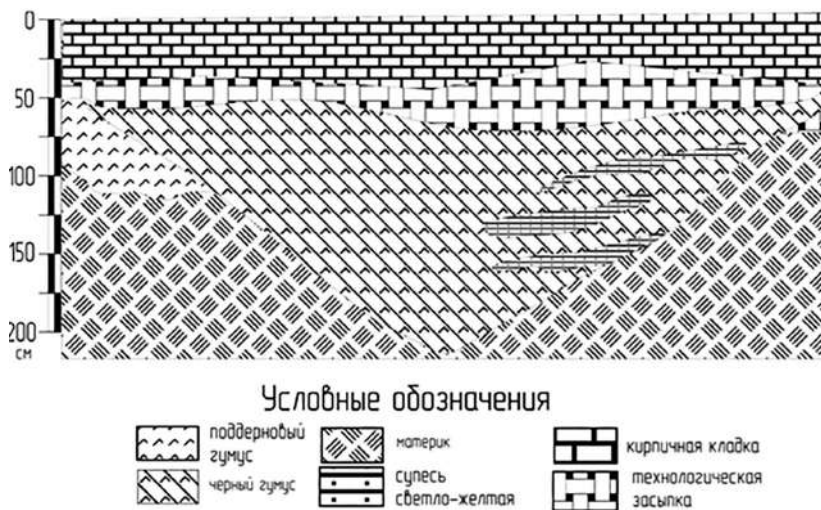

Рис. 6. Чертеж стратиграфического разреза крепостного рва на перекрестке улиц Броз Тито и Ленина

и сегодня позади здания кадетского корпуса. Судя по топографическим данным, разница высотных значений между уровнем Иртыша в межень и площадкой коренной террасы достигает 15 м, из которых лишь половина приходится на резкие перепады, соответствующие ступеням террас, а остальное – на плавные уклоны площадок. Заметим, что в описании местоположения крепости 40-х гг. XVIII в. отмечено, что таковая стояла «в пяти бастионах, на горе немного скатом к реке Иртышу» [6, с. 36]. Левый берег долины реки Омь близ устья не имеет выраженных террас.

Описанная реконструкция линии коренной террасы Иртыша отличается от той, которую предложил С. С. Тихонов. Напомним, что он, опираясь на данные топографических карт 1940 и 2015 гг., помещал ее параллельно западному контуру проспекта Карла Маркса [18, с. 105]. Результаты наших стратиграфических изысканий вкупе с исследованием архивных фотоматериалов позволяют убедительно связать локализацию Алюярского яра, на котором располагалась большая крепость, с нынешней Ленинской (Ильинской) горкой.

Локализация первой Омской крепости

Уточнить местоположение крепостных сооружений позволяют остатки крепостных рвов, зафиксированные на стратиграфических разрезах в двух местах строительной траншеи: близ пересечения улиц Броз Тито и Ленина и у пешеходного перехода на улице Лермонтова, на месте северного парапета сквера Памяти борцов революции (рис. 7).

В целом, стратиграфические картины обоих разрезов близки, поэтому приведем обобщенное описание. Первое от поверхности стратиграфическое подразделение представлено техногенным слоем пешеходной зоны (песчаная подушка, асфальтовое покрытие). Погребенная почва отсутствует, прослежены небольшие линзы переходного подпочвенного слоя, материк представлен плотной супесью желтого цвета (см. рис. 6). Археологический объект представляет собой трапециевидную в сечении структуру, впущенную в материк на глубину до 2,5 метра от уровня современной дневной поверхности, шириной по верхнему основанию

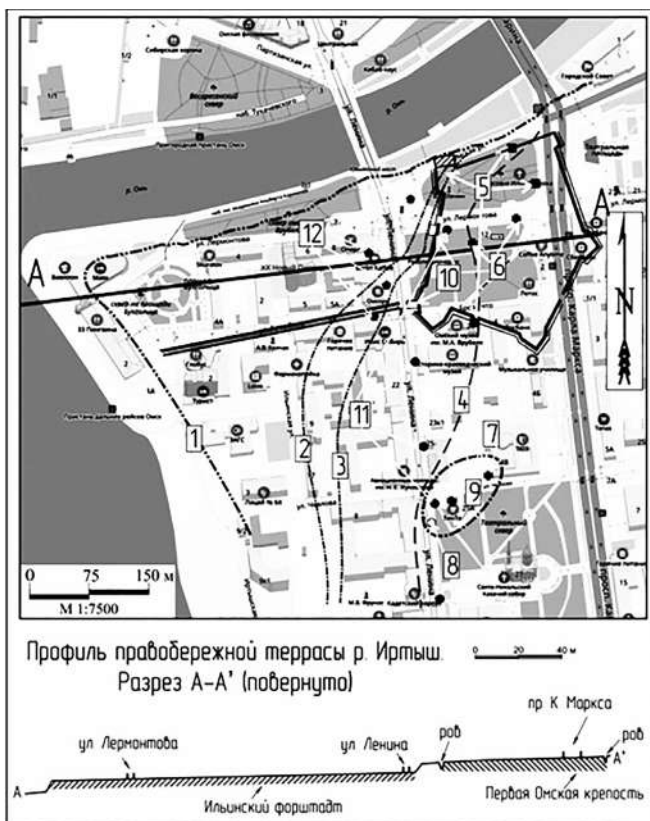

Рис. 7. Наложение реконструкции исторического ландшафта приустьевой зоны Оми, археологических находок и исторического плана Омской крепости на карту современного г. Омска: 1 – бровка первой надпойменной террасы; 2 – подошва второй надпойменной террасы; 3 – бровка второй надпойменной террасы; 4 – бровка третьей надпойменной террасы; 5 – «строительные остатки», описанные А. Ф. Палашенковым; 6 – могилы «в ограде бывшей Ильинской церкви», описанные А. Ф. Палашенковым; 7 – могилы в Городском саду, описанные А. Ф. Палашенковым; 8 – погребения, обнаруженные в ходе археологических работ 2017 г.; 9 – предполагаемые границы кладбища отряда И. Д. Бухгольца; 10 – следы крепостных рвов; 11 – стратиграфические разрезы, в которых проявились естественные структуры почв; 12 – стратиграфические разрезы, в которых естественные структуры почв отсутствовали

более 3,5 метра. Заполнение – чернозем с переслоем светлой желтоватой материковой супеси (см. рис. 5).

Профиль наблюдаемых инклюзий свидетельствует об их искусственном происхождении, морфология и размеры позволяют соотнести таковые с эскарпированным рвом крепости, а зафиксированные направления дают возможность совместить наши наблюдения с данными исторической картографии (см. рис. 4).

Ров, зафиксированный у юго-западного угла сквера Памяти борцов революции, направлен параллельно Оми, а отмеченный на северной границе – перпендикулярно реке. Наложение на современную карту города чертежа Омской крепости 1755 г. показало, что места расположения рвов в целом совмещаются с контурами фортификации, локализация которой близка варианту, предложенному В. И. Кочедамовым [10, с. 9]. Интересно отметить, что форма именно неправильного пятиугольника, не раз становившаяся предметом споров историков, прекрасно вписывается в детали рельефа, и, видимо, именно этим обоснована ее целесообразность (см. рис. 5, 6).

Убедительным представляется и мнение В. И. Кочедамова, о том, что И. Д. Бухгольц построил два укрепления – четырехугольный острог и треугольный редут, расположив их на низкой первой надпойменной террасе. Эта версия согласуется с известной хронологией строительства. Действительно, отряд И. Д. Бухгольца прибыл к устью Оми во второй половине мая, отсюда был направлен гонец в Тобольск, из канцелярии губернатора получен ответ, доставлен Бухгольцу, и лишь поле этого начались строительные работы. Путь до Тобольска и обратно составляет порядка 1500 верст, для его преодоления требовалось около месяца конного пути, поэтому ответ М. П. Гагарина мог быть получен не ранее начала июля; резерв подошел еще позже. Уже осенью, к концу сентября, крепость была приведена «в надлежащий вид», а к зиме закончены строительные работы [10]. Получается, что за три-четыре месяца нужно было создать проект, планировочное обоснование, раздобыть стройматериал и построить крепость, казармы для зимних квартир личного состава, редут и четырехугольный форт

у переправы через р. Омь. Весь этот титанический труд выполнен слабосильной командой из 700 человек, только что вернувшихся из тяжелейшего похода, где большая часть отряда погибла от голода и эпидемий, а оставшиеся в живых вряд ли были полны сил.

Для сравнения, работы по сооружению Ямышевской крепости, меньшей площади, имевшей всего три фаса и два бастиона, заняли полтора месяца, при том что работы выполнялись отрядом почти в три тысячи человек [4]. Кроме того, комплекс пятиугольников, который лежит в основе фортификационной системы Вобана, довольно сложно спланировать на местности, между тем Каландер не был военным инженером; вообще, в таких специалитетах в Сибири ощущался большой дефицит [10, с. 5]. Характерно, что укрепления были сооружены на низкой надпойменной террасе, хотя на противоположном берегу высился крутой яр. Такой выбор противоречил канонам военно-инженерной науки того времени, на что сразу же обратил внимание инженер Поль де Гранж, предложив перенести крепость на правый берег Оми, на то самое место, где будет заложена вторая крепость в 1768 г. В историографии приводились разные доводы, объясняющие решение И. Д. Бухгольца: создание опорного пункта на левом, джунгарском, берегу для дальнейшего продвижения в Верхнее Прииртышье, контроль стратегически важного пересечения путей сообщения, и даже – стремление использовать реку Омь как дополнительную защиту в случае возможного конфликта с М. П. Гагариным (хотя последнее предположение, на наш взгляд, совершенно абсурдно).

Между тем все эти мотивы не противоречат закладке крепости на правом берегу и, следовательно, не объясняют сделанного выбора. Он становится понятен, если анализировать место размещения укрепления с точки зрения пехотного линейного офицера, задача которого – не допустить высадки противника на берег. Для десантной операции, действительно, левый берег более удобен, поэтому размещение здесь системы укреплений и ее структура представляется вполне резонным: на стрелке поставлен маяк с небольшим гарнизоном и артиллерийским парком, а чуть выше,

на площадке террасы, – крепость с основным гарнизоном. В случае атаки на маяк со стороны реки гарнизон крепости обеспечит ему быструю поддержку, а расположение крепости позволяет контролировать сухопутные пути сообщения и переправу через Омь. Повторимся, что эта схема логична именно с точки зрения опытного офицера линейной пехоты или артиллериста, хорошо знакомого с тактикой европейской войны начала XVIII в. Для военного инженера очевидна необходимость размещения крепости на господствующей высоте, в то время как для прикрытия потенциальной зоны высадки десанта и переправы через Омь достаточно одного редута, что и продемонстрировал проект де Гранжа. Данная гипотеза позволяет объяснить наблюдаемые факты и снять отмеченные в историографии противоречия.

Неизвестное кладбище

В заключение скажем несколько слов об одной неожиданной находке. В строительной траншее близ ограды Театрального сквера были зафиксированы остатки захоронения, разрушенного при предыдущих реконструкциях улицы Ленина. От погребения сохранилось: часть могильной ямы, полуистлевшие доски гроба и фрагмент костяка, в стенке траншеи прослежены следы еще нескольких погребений. Эти находки коррелируют с данными А. Ф. Палашенкова о следах погребения, обнаруженных при рытье траншеи под фундамент трансформаторной будки напротив фасада Театра музыкальной комедии в 1947 г. [14, с. 20]. Кроме того, им упомянуто погребение, обнаруженное при ремонте Летнего театра, располагавшегося в здании бывшего костела, на северо-восточной окраине Театрального сквера [14, с. 21]. Остатки сгнивших досок позволили соотнести захоронение с христианской традицией, но никаких исторических сведений о существовании кладбища на этом месте А. Ф. Палашенкову обнаружить не удалось. Учитывая локализацию захоронений, их несомненную культурно-историческую идентичность, можно утверждать принадлежность таковых одному погребальному комплексу, историческая судьба которого требует дальнейших изысканий, в том числе археологических.

Примечания

1. Д. Н. Фиалков на основе архивных изысканий убедительно транскрибирует фамилию основателя Омска как Бухолц [19], но такое написание не стало общепринятым в современной краеведческой литературе. Авторы в статье оставляют традиционное написание.

2. Публикацию списка материалов см.: [12, с. 145–146].

Список источников и литературы

1. Беликова Н. В. Предварительные результаты разведочных работ на I Омской крепости // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. Омск : ОГИК музей, 2017. С. 309–310.

2. Дьякова О. П. История мемориального сквера Памяти борцов революции в фотографиях // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражд. войны в России. Омск : ОГИК музей, 2017. С. 259–262.

3. Евсеев Е. Н. Омск в XVIII и первой половине XIX веков // Из истории Омска (1716–1917 гг.). Омск, 1967. С. 9–40.

4. Евсеев Е. Н. Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости // Мосты жизни нашей / Евгений Евсеев : исследования, публикации. URL: <http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175>, свободный (дата обращения: 10.12.2018).

5. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. 333 с.

6. Колесников А. Д. Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отд. Геогр. об-ва Союза ССР. Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, Омское отд-ние, 1965. С. 133–135.

7. Колесников А. Д. Омская пашня. Омск, 1999. 111 с.

8. Кочедамов В. И. Омск: как рос и строился город. Омск : Омск. кн. изд-во, 1960. 112 с.

9. Лосунов А. М. Крепость, положившая начало г. Омску // Влияние Петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура) : материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2010. С. 167–171.

10. Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оног отправлениах и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_7/frameizm.htm, свободный (дата обращения: 10.12.2018).

11. Омские некрополи : Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. 232 с.
12. Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XIX века. Тобольск, 2015. 384 с.
13. Палашенков А. Ф. Планы Омской крепости 1722 и 1755 годов // Изв. Омск. отд-ния Географ. о-ва СССР. Вып. 3 (10). Омск, 1960. С. 25–29.
14. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Омск. отд-ния Географ. о-ва СССР. Вып. 3 (10). Омск, 1960. С. 3–23.
15. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Pallas_3/text3.htm, свободный (дата обращения: 10.12.2018).
16. Плахута Д. О. Первая Омская крепость (1716–1768 гг.): этапы строительства, картография // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. Вып. № 17. С. 101–112.
17. Татауров Ф. С. Археологическое изучение первой Омской крепости: о чем рассказала стратиграфия // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. Омск : ОГИК музей, 2017. С. 404–406.
18. Тихонов С. С. Археологические материалы и возможности изучения ранней истории Омска // Омск-300 : Прошлое. Настоящее. Будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2016. С. 37–42.
19. Тихонов С. С. Этнографо-археологические исследования и вопросы картографирования исторических объектов (на примере первой Омской крепости) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : Наука, 2015. С. 104–108.
20. Фиалков Д. Н. По следам Ивана Дмитриевича Бухолца // Известия Омского отделения Всерос. геогр. о-ва Союза ССР, 1964. № 6 (13). С. 61–66.

**ТОБОЛЬСК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ
А. А. АДАМОВА И ЕГО УЧЕНИКОВ**

Е. П. Загваздин

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН*

Статья посвящена ряду вопросов, касающихся археологического изучения одного из старейших городов Западной Сибири – Тобольска. История изучения города как памятника археологии начинается с 1970 г., когда здесь приступают к раскопкам профессиональные археологи. Важной вехой в исследованиях города стал период с 2000 г. В это время набирают обороты ремонтно-реставрационные работы в исторической части города. Особую роль в них сыграли археологические исследования А. А. Адамова и его учеников. В статье обозначены общие вопросы, связанные с историей проведения раскопок в Тобольске, а также организацией спасательных археологических исследований в городе, начиная с 2000-х гг. Рассмотрены основные направления в изучении городской среды XVI–XVIII вв., даны их краткие итоги.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тобольск, А. А. Адамов, археология, раскопки, реставрация.

The article is devoted to issues relating to the archaeological study of Tobolsk as one of the oldest cities in Western Siberia. Exploring the city as a cite of archeology begins in 1970, when professional archaeologists already begin the excavations. An important milestone

in the research of the city was the period from 2000. At this time, repair and restoration work in the historical part of the city is gaining momentum.

A special role at this time was played by archaeological research by A.A. Adamov and his disciples. The article was identified general issues related to the history of the excavations in Tobolsk, as well as the organization of rescue archaeological research in the city since the 2000s. Given the main directions in researches of the urban environment of the XVI–XVIII centuries are considered, results are given.

Keywords: Western Siberia, Tobolsk, archeology, A.A. Adamov, excavations, restoration.

В истории изучения Тобольска существует еще немало пробелов. Однако археологические раскопки, которые проводятся здесь уже почти 40 лет, смогли значительно расширить и дополнить недостающие сведения, особенно касающиеся раннего периода XVII–XVIII вв. Сделаем ремарку, что речь идет об изучении городского культурного слоя, а не о памятниках археологии, находящихся на территории Тобольска, история исследования которых более протяженная во времени.

Первые сводные данные о раскопках, проводимых в городе, появились в расширенной монографии «Город Тобольск. Археологический очерк» под авторством А. А. Адамова, И. В. Балюнова, П. Г. Данилова [1]. В последующем, в связи с продолжением исследований, информация о них расширяется. Итоги изучения культурного слоя Тобольска отражены в работах тюменских археологов А. В. Матвеева, О. М. Аношко и др. [14; 15; 4; 5].

Несмотря на подробное описание участков исследований в монографии А. А. Адамова и других, а также отдельных обзорных планов в публикациях тюменских ученых, они не полностью отражают картину исследований всего города. В представленной статье этот недостаток отчасти устранен, т. к. представлено картографирование всех известных городских раскопок [1, с. 24]. Эта визуализация многолетних то-

больших работ позволяет оценить масштаб исследований в городе на протяжении почти 40 лет.

Другая важная информация, касающаяся уже спасательных раскопок, активно проходивших в Тобольске с 2000 по 2012 г., – характеристика механизмов организации и проведения таких работ. В научных публикациях данный момент почти всегда остается «за кадром». В настоящей статье этому уделено особое внимание, т. к. без учета этих обстоятельств было бы трудно представить и тобольскую археологию. Особую роль в проведении этих раскопок принадлежит Александру Александровичу Адамову.

Для представления о тобольских древностях и их значимости для истории Сибири следует дать небольшой экскурс в историю изучения города как памятника археологии. История археологического изучения г. Тобольска началась относительно недавно. До революции, в последней четверти XIX – начале XX в., представления о тобольских древностях обогащаются лишь случайными сборами с территории Чукманского мыса и Панина бугра [1, с. 31].

В последующем городские раскопки приобретут другую направленность и масштабность. Во многом их предваряли работы талантливого археолога и краеведа А. Ф. Палашенкова. По поручению Омского облисполкома в течение 1938–1940 гг. [13, с. 254] он и двое его помощников – техники И. П. Каширов и Ф. П. Серов – провели огромную работу по подготовке проектной документации для реставрации памятников в Тобольском кремле [10, с. 120]. В 1941 г. по уже утвержденному плану должны были начаться работы по его восстановлению, но им не суждено было сбыться – началась война [13, с. 253].

Лишь после окончания Великой Отечественной войны к этому проекту вернутся вновь. В 1952 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими проведено предварительное обследование состояния архитектурных памятников Тобольского кремля. С 1956 по 1966 г. под руководством Ф. Г. Дубровина в нем осуществляются восстановительные

работы. Предвосхищали их и реставрационные раскопки¹. В 1957 г. были исследованы контуры и фундаменты бывших крепостных стен (южные, восточные и северные прясла) [11, с. 144]. Именно раскопки позволили реставраторам определить их точное расположение и конфигурацию, наметить планы реконструкции.

После проведения первых крупных реставрационных работ в кремле наступило относительно затишье. Главная цель в реставрации комплекса была достигнута, а проводить раскопки другой направленности не было возможности. Такая ситуация, с одной стороны, была связана с тем, что длительное время в науке господствовало представление о том, что ценность представляют лишь средневековые напластования. Верхний временной рубеж в их изучении был обозначен 1700 г.

Сибирские города культурным слоем такой древности в основном обделены. Хотя на это могут возразить, что есть пример раскопок позднего сибирского памятника – Мангазеи (XVII в.), проведенных в 1968–1973 гг. [7]. Однако по своему содержанию и местоположению «златокипящая» больше подпадает под описание памятника археологии, чем объекта городских раскопок, и является, конечно, исключением, чем правилом. Контрпримером служит Санкт-Петербург. Его «пограничная» дата основания привела к тому, что систематическое изучение культурных напластований археологами началось лишь в конце 1980 – начале 1990-х гг.! А до этого времени раскопки проходили эпизодически, в 1970–1980-е гг., играя подчиненную роль в рамках реставрационных работ [20].

В отличие от Санкт-Петербурга, не испытывавшего труд-

¹Термин обозначает земляные работы, направленные на выявление (так называемое раскрытие) утраченного архитектурного объекта и локальное изучение технического состояния фундамента памятника. Их главная цель – сбор технических данных для подготовки проекта реставрации и производства работ. Методически отличаются от археологических исследований ограниченным арсеналом научных приемов, присущих археологической науке.

ностей в археологических кадрах, Тобольску таких специалистов не хватало. Лишь в 1970 г. впервые изучением городского слоя со знанием дела занялась первый постоянный археолог – И. А. Сыркина. На Чукманском мысу, близ кремля, она изучала погребения, потревоженные во время земляных работ. В дальнейшем археологические раскопки широкими площадями в 1980–1990-х в разных районах исторической нагорной части города эпизодически проводили П. А. Беляев, Е. Л. Хворостова, Л. Н. Сладкова. Так, П. А. Беляев исследовал восточный край городского оборонительного вала 1688 г.; Е. Л. Хворостова проводила рекогносцировочные раскопки у фасадов дома Фонвизина, а Л. Н. Сладкова занималась исследованиями на ул. Октябрьской [1, с. 24–27].

Важным фактором в становлении тобольской археологии стало открытие в 1979 г. историко-английского факультета (в дальнейшем исторического) Тобольского пединститута, ставшего кузницей археологических кадров. Благодаря плеяде молодых преподавателей, таких как Е. П. и С. В. Мартыновы, А. В. Головнев, В. П. Галкин и другим на факультете кипела научная жизнь. Студенты-историки принимали деятельное участие как в этнографических, так в археологических экспедициях [12]. Немалую помощь оказали студенты исторического факультета и в раскопках в Тобольске.

До 1990-х гг. состояние культурного слоя в кремле (исключая реставрационные раскопки 1950–1960-х гг.) профессиональным археологам было не известно, несмотря на то, что севернее кремля исследования уже велись. В 1990-х гг. в Тобольском кремле организовал небольшие раскопки сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) А. В. Нескоров [16].

В 2000 г. сотрудник ТГИАМЗ канд. ист. наук А. А. Адамов по заказу Тобольско-Тюменской епархии впервые провел в кремле на месте строящейся Иконной лавки археологические раскопки широкой площадью [2]. Площадь раскопа составила 198 кв. м. Хотя ранее на этом месте проводились реставрационные раскоп-

ки, итоги тех работ упоминаются кратко [11, с. 143 (рис. 95), с. 144]. А. А. Адамов не только на качественном уровне провел работы, но и получил ценные сведения по планировке кремля XVII–XVIII вв. Поддержку в этих исследованиях оказал открытый тремя годами ранее тобольский филиал областной Инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры [19, с. 9–10].

Рубеж XX–XXI вв. стал поворотным в деле изучения тобольских древностей. Немаловажную роль в последующем сыграл административный фактор. 16 марта 2003 г. город с рабочим визитом посетил президент РФ В. В. Путин. В этом же году им было дано поручение о разработке комплекса мер по созданию туристического центра Западной Сибири на базе историко-архитектурного наследия г. Тобольска (№ Пр-515 от 26.03.2003 г.). Главный акцент в этих мероприятиях уделялся реставрационным работам в Тобольском кремле. Поэтому львиная доля археологических исследований, проведенных там, – это спасательные раскопки. Осуществлялись они, главным образом, на объектах реставрации, в местах строительства инженерных сетей и сооружений, при благоустройстве территории.

Неоценимую помощь в организации раскопок оказал тобольский филиал областного Комитета по охране памятников. Он не оставался в стороне даже когда был преобразован ранее (июнь 2002 г.) в филиал ГУК ТО «Дирекция по сохранению культурного наследия», учредителем которого стал областной Комитет по охране и использованию историко-культурного наследия (далее КОИ). В последний год своей работы, в 2006 г., дирекция, в очередной раз переименованная в АНОК «Проектно-реставрационный центр», продолжала поддерживать исследования. Так, благодаря ее вмешательству, удалось приостановить земляные работы на улице Ремезова и провести раскопки. Это необычное место раскопок, находившееся на полотне автодороги, в «неперспективном месте», открыло массу ценного научного материала.

Раскопками А. А. Адамова на этом месте была изучена часть усадьбы первой половины XVIII в. с прилегающим к ней

двором, а также фрагмент улицы допожарного Тобольска [9]. Из-за линзы локальной многовековой мерзлоты сохранились многие находки из органических материалов того времени: шерстяные ткани, кожа, дерево, береста и т. п.

С начала активной фазы реставрационных работ археологические исследования в нагорной и подгорной частях города проводили тобольские археологи: ученики А. А. Адамова из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, НП «Сохранение памятников истории и культуры», НПО «Сохранение археологического наследия народов Сибири», АНОК «Проектно-реставрационный центр». Курировал направления археологических исследований на объектах реставрации в большинстве случаев А. А. Адамов. Источники финансирования этих мероприятий складывались из двух составляющих. На стадии проектирования финансирование раскопок осуществляли проектные организации, такие как ЗАО «Промстройпроект». Эта организация разработала большинство реставрационных проектов по памятникам Тобольска. На стадии ремонтно-реставрационных работ финансирование раскопок проходило через генподрядные организации.

С 2007 по 2012 г. к раскопкам в городе подключается Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета под руководством д-ра ист. наук, проф. А. В. Матвеева. А. В. Матвеев и А. А. Адамов – друзья и коллеги. Оба родились в Новосибирске и прошли археологическую школу Татьяны Николаевны Троицкой.

Заказчиком тех работ выступил Комитет по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области (Тюмень) [6; 18; 17]. На протяжении ряда лет под руководством А. В. Матвеева в Тобольске было раскопано около 2000 кв. м культурного слоя [5] и сделан ряд замечательных открытий [15; 4].

В последний год раскопок Институт гуманитарных исследований совместно с Институтом проблем освоения Севера проводил изучение городского слоя на территории воевод-

ского двора в кремле [5, с. 13]. В этом же 2012 г. совместными усилиями тюменских и тобольских археологов изучался культурный слой на месте проектируемого пешеходного моста² и при разработке проекта по благоустройству Чукманского мыса [3]. По обеим сторонам Никольского взвоза было вскрыто 100 кв. м культурного слоя. Изучены фундаменты утраченной Никольской церкви и кладбище при ней. На Чукманском мысу раскапывалась территория посада, а также городище раннего железного века.

После 2012 г. раскопки в исторической части Тобольска не проводились, т. к. реставрационные работы в кремле в основном были завершены. Возобновились исследования лишь в 2017 г. по ул. Октябрьской, но были иными по направленности. Они осуществлены Тобольской комплексной научной станцией в рамках научной темы ФНИ под руководством Е. П. Загваздина и были достаточно скромными по своим объемам – всего 10 кв. м, но достаточно интересными. В ходе работ оказалось, что даже на такой незначительной площади, на треть уничтоженной коммуникациями, удалось выявить непотревоженные напластования XVII–XVIII вв.

Заключение. В ходе многолетних исследований, а конкретно с 2000 по 2012 г., когда спасательные раскопки в исторической части Тобольска под руководством А. А. Адамова стали вестись систематически, общая площадь изученного культурного слоя составила 2343 кв. м³. По материалам Тобольского кремля и Красной площади впервые удалось выяснить многие аспекты строительной истории города конца XVI–XVIII вв. Раскопки наглядно показали, как выглядели ранние оборонительные сооружения кремля в недолговечном деревянном исполнении. В конце XVII в. кремль начал отстраиваться в камне, и эти моменты также

²Скандальный проект, к счастью, не был осуществлен.

³По материалам научного архива Группы этноархеологических исследований ТКНС УрО РАН. Сюда не включены площади исследований, связанных с надзором за земляными работами.

нашли свое отражение в материалах раскопок под руководством А. А. Адамова. Была достаточно подробно изучена и деревянная архитектура тоболяков, особенности планировки городских кварталов XVI–XVIII вв.

Материальная культура тобольских горожан также оказалась под пристальным вниманием. В 2014 г. И. В. Балюновым защищена диссертация «Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований», подготовленная под руководством А. А. Адамова. Несмотря на фундаментальный характер этой работы, исследования по изучению предметов материальной культуры Тобольска не закончены и продолжают удивлять неожиданными находками.

Другой важной стороной аварийных раскопок Тобольска стало изучение многочисленных православных кладбищ. Благодаря этим исследованиям проясняется локализация расположения утраченных храмов, выясняются особенности погребального обряда до 1770-х гг., когда кладбища были выведены за пределы городской черты – туда, где сейчас располагается Завальное кладбище.

При всей важности изучения культурного слоя Тобольска обращает внимание резкая диспропорция в степени изученности города (рис. 1, 2). Так, наибольшая плотность раскопок была сосредоточена на территории кремля и Красной площади (зона 1А), как наиболее активной реставрационной площадке. Далее следуют раскопки севернее Красной площади (зона 1Б). Объективно хуже всего изучена подгорная часть города (зона 2). Подгорная часть Тобольска остается во многом *terra incognita* для археологов. Однако пример многих городов России с влажным культурным слоем показывает, что информативность таких мест, несмотря на сложность работ, в разы выше, чем сухих участков.

Несмотря на объективные трудности, проведение археологических раскопок в Тобольске показало свою необходимость. Накопленный за эти годы полевой материал хранит в себе огромный потенциал, который находит выход в многочисленных публикациях и диссертационных исследованиях.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А., Балонов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
2. Адамов А. А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы : материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 450–451.
3. Адамов А. А., Турова Н. П. Городище раннего железного века на мысу Чукман в городе Тобольске // Тобольск: времена, события, люди. Тобольск, 2017. С. 7–16.
4. Аношко О. М. Памяти А. В. Матвеева // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2013. № 1 (3). С. 61–63.
5. Аношко О. М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2015. № 1(5). С. 11–18.
6. Археологические находки в Тобольске и Тюмени имеют большую историческую ценность (02 ноября 2007 г.) // Тюменская область. Официальный портал органов государственной власти. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/news/arhiv_news/objList.htm?id=10382639@egNews (дата обращения: 25.11.2018).
7. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазeya : Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1. 166 с.
8. Данилов П. Г. Никольская церковь в структуре городской застройки Тобольска XVII–XVIII вв. // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. Т. 9. № 1. С. 56–60.
9. Данилов П. Г. Усадьба первой половины XVIII в. в Тобольске // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 392–396.
10. Жук А. В. Андрей Федорович Палашенков как церковный археолог : Ляпин-Сосьвинская экспедиция 1939 г. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». Омск, 2016. № 3 (11). С. 116–134.
11. Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Тюм. кн. изд-во, 1963. 156 с.
12. Лаптева М. Ю. О становлении исторического факультета Тобольского пединститута им. Д. И. Менделеева // Исторический сбор-

ник : сб. науч. работ, посвящ. 30-летнему юбилею ист. фак. ТГСПА им. Д. И. Менделеева. Тобольск, 2009. С. 6–7.

13. Лейфер А. Э. Жить вместе : избранные очерки и эссе. Омск : М-во культуры Омск. обл., 2013. 384 с.

14. Матвеев А. В., Аношко О. М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2011. № 1. С. 49–54.

15. Матвеев А. В., Аношко О. М., Селиверстова Н. Ф. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007–2009 годах // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2011. № 2. С. 6–11.

16. Нескоров А. В. Тобольские изразцы как исторический источник (к постановке проблемы) // Русские старожилы. Тобольск, 2000. С. 400–403.

17. Новый археологический раскоп в Тобольске (дата публикации: 17.07.2012) // Тобольск-Информ. URL: <http://tobolsk.info/news/10210-novuj-arheologicheskij-raskop-v-tobolske> (дата обращения: 25.11.2018).

18. Об отчете главы администрации города Тобольска за 2011 год // СПС Право.ru. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25574562/25287185> (дата обращения: 25.11.2018).

19. Панфилов А. Н. Об организации дела охраны памятников истории и культуры в Тюменской области // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2011. № 1. С. 7–11.

20. Сорокин П. Е. Археологические исследования в Санкт-Петербурге // Клио. 2015. 7 (103). С. 126–133.

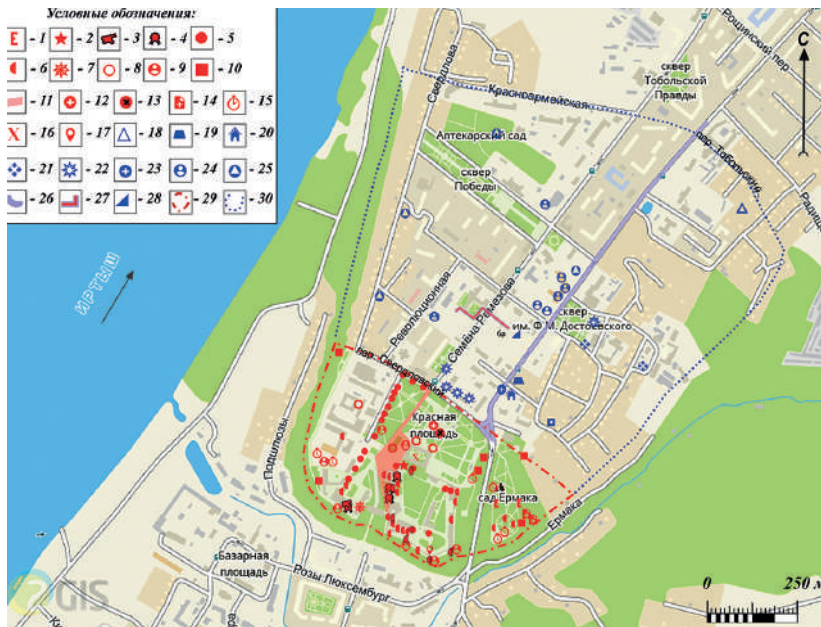

Рис. 1. Карта археологических исследований в нагорной части Тобольска

Исследования в зоне 1А: кремль – Красная площадь – Чукуманский мыс (А. А. Адамов (раскопки: 1 – 1999 г., 2 – 2000 г., 3 – 2001 г., 4 – 2003 г., 5 – 2004 г., 6 – 2005 г., 7 – 2006 г.); А. В. Нескоров (раскопки: 8 – 2003 г.); И. В. Балюнов (раскопки: 9 – 2007 г., 10 – 2008 г.; надзор: 11 – 2007 г.); А. В. Матвеев и др. (раскопки: 12 – 2007 г., 13 – 2008; 14 – 2008–2009 гг., 15 – 2012 г.); Е. П. Загваздин (разведка: 16 – 2009 г.; 17 – 2006 г.))

Исследования в зоне 1Б: пер. Свердловский – ул. Красноармейская – пер. Тобольский (П. А. Беляев (раскопки: 18 – 1986 г.); Е. Л. Хворостова (раскопки: 19 – 1988 г.); Л. Н. Сладкова (раскопки: 20 – 1988 г., 21 – 2004 г.); А. А. Адамов (раскопки: 22 – 2006 г.); А. В. Матвеев и др. (раскопки: 23 – 2007 г.); Балюнов И. В. (раскопки: 24 – 2007 г., 25 – 2008 г.; надзор: 26 – 2007 г., 27 – 2008 г.); Е. П. Загваздин (раскопки: 28 – 2017 г.); 29 – границы зоны 1А; 30 – граница зоны 1Б

Рис. 2. Карта археологических исследований в подгорной части Тобольска (зона 2)

Л. Н. Сладкова (раскопки: 1 – 2001 г.); **А. А. Адамов** (раскопки/надзор: 2 – 2005 г., 3 – 2006 г.; надзор: 4 – 2005 г., 5 – 2006 г.); **Е. П. Загваздин** (надзор: 6 – 2006 г.); **И. В. Балюнов** (раскопки: 7 – 2006 г., 9 – 2008 г.; надзор: 9 – 2008 г.); **А. В. Матвеев и др.** (раскопки: 10 – 2010 – 2011 гг.)

ДАСТАН «ИДЕГЕЙ»: К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ЭПИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (ЧАСТЬ 1)

Д. М. Исхаков

*Центр этнологического мониторинга Всемирного конгресса
татар, журнал «Туган жир» / «Родной край»*

Эпос «Идегей», уже длительное время изучающийся как произведение народного творчества, до сих пор не подвергнут должному анализу с точки зрения сохранения в нем исторических реалий последнего периода существования Золотой Орды. Связано это с тем, что данный дастан преимущественно изучался фольклористами, для которых не так важны реалии исторического характера. На самом деле есть необходимость выяснения исторических оснований сюжетов, отдельных повествовательных деталей, персоналий, фигурирующих в этом произведении. Но для этого необходимо к исследованию отмеченного дастана применять методы, характерные для исторической науки. Настоящая публикация, являющаяся первой частью статьи, посвящена именно такому анализу.

Ключевые слова: дастан, Идегей, символы власти, золотой трон, государственная птица, сульдэ, исторические реалии.

The epos «Idegey», which has been studied for a long time as a work of folk art, has not yet been adequately analyzed from the point of view of preserving in it the historical realities of the last period of the existence of the Golden Horde. This is due to the fact, that this dastan was mainly studied by folklorists, for whom historical realities are not so important. In fact, there is a need to clarify the historical

foundations of the plots, individual narrative details, and personalities, that appear in this work. But for this it is necessary to apply the methods, characteristic of historical science to the study of the noted dastan. This publication, which is the first part of the article, is devoted to just such an analysis.

Keywords: dastan, Idegey, symbols of power, golden throne, state bird, sulde, historical realities.

Сохранившийся у многих тюркских народов (ногайцев, татар, казахов, башкир, алтайцев, каракалпаков, узбеков, туркмен) дастан «Идегей» достаточно хорошо изучен фольклористами как эпическое произведение (детальнее см.: [1; 10; 11]). Но выяснение исторических оснований сюжетов, отдельных повествовательных деталей, упоминаемых в этом эпосе персоналий, отнюдь не завершено, более того, оно, как нам представляется, еще сколько-нибудь основательно и не осуществлено. Именно в связи с необходимостью раскрытия исторических реалий, нашедших отражение в дастане «Идегей», и была подготовлена настоящая статья.

Так как национальные версии дастана «Идегей» имеют значительные отличия друг от друга, в данном случае было решено сосредоточить внимание на татарской версии эпоса, точнее будет сказать, на том его варианте, который является неким «обобщением» записанных у татар около 20 его текстов [5, с. 6]. Конечно, этот ставший в конечном счете «классическим», т. е. татарским общенациональным, вариант дастана «Идегей» (тексты см.: [5; 6; 10]) может включать и некие элементы «дополнения» и «исправления», осуществленные при подготовке сводного текста данного эпоса. Однако пока все его зафиксированные в виде аутентичных записей версии не будут опубликованы – а этого на сегодня еще нет, – нам приходится иметь дело со сводным, уже изданным на литературном татарском языке вариантом. На самом деле лишь сравнительное изучение всех существующих национальных версий данного эпоса позволило бы выявить, так сказать, его инвариантную часть, чего еще и близко нет (одну интересную попытку такого рода недавно сделали ногайские исследователи [13]). Но так как такая за-

дача еще даже не поставлена, приходится исходить из национальных версий дастана, в данном случае – татарского его варианта. При этом мы вполне осознаем, что такой подход накладывает определенные ограничения на выводы, которые будут проистекать из нашего анализа содержания дастана «Идегей».

Имея в виду, что заслуживающих внимания, в связи с нашей задачей рассмотрения деталей, в дастане «Идегей» немало, в этой публикации было решено ограничиться двумя вопросами: об «алом престоле» («ал тэхет») и «государственной птице» («дәүләт кошы»), позволяющими тем не менее отчетливо увидеть присутствие в рассматриваемом эпическом произведении отчетливых следов золотоордынских исторических реалий.

Что такое «алый престол/ал тэхет»?

В рассматриваемом дастане несколько раз упоминается ханский трон, который называется «ал тэхет». Скажем, в начальной части эпоса, когда речь идет о золотоордынском хане Тохтамыше (годы полноценного правления 1380–1397/98), приводятся такие строки:

*...Туктамыш хан килгәндә
Ал тэхеткә менгәндә,
Ал тэхетнең аркасы
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгәндә [5, с. 39].*

Как видно из текста дастана, этот особым образом маркированный трон находился в «ханском дворце» (хан сараенда). Этот трон, по ходу разворачивания в эпосе дальнейших событий, в тексте появляется второй раз при описании взятия г. Сарая Тимуром. Точнее, он упоминается в эпизоде, в котором рассказывается о приходе Идегея из г. Булгара к этому завоевателю, который на тот момент находился в г. Сарае. Когда Идегей задал вопрос об местонахождении Тимура, его приближенные ответили так:

*– Шаһ Тимерне сорасаң,
Шаһ Тимердәй олы хан
Алтын агач тутый кош*

Ал тәхетне алдырып

.....

Сәмәркандка юнәлде [5, с. 170].

Третье появление этого трона в эпическом произведении связано с притязаниями сына Идегея Нураддина (Норадын/Ир Норадын/Морадым) на сарайский престол. Хотя в дастане уже было сказано, что данный трон был Тимуром увезен в Самарканд (см. выше), при описании желания Нураддина стать ханом Золотой Орды про указанный престол возникает следующий пассаж:

Алтын сарай, хансарай,

Хан сарае ак ишек,

Ир Норадын килгәндә,

Ал тәхеткә менгәндә, (внимание! – Д. И.)

Ал тәхетнең аркасы

Алтын егач тутый кош

Сайрап телгә килгәндә [5, с. 219].

В последний раз этот трон упоминается в эпизоде, когда сын хана Тохтамыша Кадыйбирде (реальная историческая фигура) после смерти своего отца задает вопрос одному из его беков – Джанбаю (Киң Жанбай – он был лидером племени кенегес). Вопрос звучит так:

Туктамышның бие идең,

Бүген кемгә би булдың?

Алтын ташлы тәхетенә

Бүген кем углын мендердең? [5, с. 280].

Как видим, в дастане «Идегей» фигурирует некий трон, который стоял во дворце (хан сарае, алтын сарай) ханов Золотой Орды. Он в тексте эпоса именуется двояко: «ал тәхет» и «алтын ташлы тәхет». На самом деле в смысловом отношении оба этих понятия близки между собой, ибо в татарском языке слово «ал» (русское «алый» – из татарского) не только обозначает цвет, но и применяется для передачи понятия «хорошее, прекрасное, красивое» (см.: «эшләр ал да гөл»/«дела хороши, прекрасны»). Кроме

того, надо иметь в виду, что и понятие «алтын»/«золото», кроме прямого значения, имеет и переносный смысл: «хороший, красивый, драгоценный» (к примеру, «алтын бала», «алтын кеше», «алтын куллы» и др.). Отсюда понятно, что и используемое в дастане выражение «алтын ташлы тэхет» может иметь значение «красивого, драгоценного трона». В результате получается, что в смысловом отношении оба фигурирующих в эпосе понятия имеют одно и то же значение, а выражение «ал тэхет» есть не что иное, как сокращенный вариант понятия «алтын тэхет»/«алтын ташлы тэхет». Таким образом, в дастане подразумевается одно и то же сооружение, что доказывается и его нахождением в «ханском дворце» (хан сарай), именуемом также «алтын сарай». Дополнительно это заключение можно усилить и тем, что рассматриваемый трон мог быть действительно покрыт «червонным» (кызыл/ал) золотом.

Если принять к сведению все сказанное, перед нами появляется «золотой трон», как уже установлено являвшийся одним из важнейших символов власти в Золотой Орде [3; 7]. Как известно, данный трон стоял в «золотом шатре» (отсюда само понятие «Алтын Урда», что в изучаемом нами дастане отражено в понятии «алтын сарай»). Любопытно, что в эпосе «Идегей» относительно указанного трона назван его не зафиксированный историческими источниками элемент – могущий издавать птичью трель «золотой попугай» («алтын тутый кош»). Эту загадку мы пока не в состоянии решить, поэтому она должна быть просто отмечена.

Еще одно интересное место дастана – фиксация в нем вначале увода Тимуром «золотого трона» в Самарканд, затем как бы его обратного возвращения. Похоже, что тут мы имеем дело с констатацией того, что центр сосредоточения власти в Золотой Орде не мог быть куда-либо увезен потому, что он был «прикреплен» к ее столичному поселению – г. Сараю. На самом деле в этом случае явно подразумевается, что «алтын тэхет» был связан с династией Чингисидов, от которых он не мог просто так быть отчужден. Действительно, из исторических источников нам известно, что в г. Сарае находилось престольное место, именуемое

в источниках русского происхождения как «Саинов стул». Так как «Саин» – это Бату, получается что подразумевается «Батыев трон». Более чем вероятно, что в интересующем нас дастане имеется в виду именно этот символ власти, сохранившийся в Золотой Орде, по меньшей мере, с XIII в. (см. подробнее: [3]). А вот тогда, когда сын хана Тохтамыша Кадыйрбирде вопрошает у Джанбай бека (Киң Жанбай) о том, кого он возвел на этот престол, на самом деле речь идет об обряде интронизации карача-беками на ханский трон Чингисида. К счастью, мы имеем одно описание данного обряда, оставленное на рубеже XIV–XV вв. баварским солдатом удачи Иоганном Шильтбергером. Тот сообщает следующее об интронизации в «Золотой Татарии» (обратим внимание и на этот термин) хана: «...короля (т.е. хана. – Д. И.) посадив на белый войлок три раза приподнимают. Затем его обносят вокруг палатки и посадив на трон, дают [ему] золотую саблю. После этого он по их обычаям дает клятву» [12, с. 44]. Тут «золотая сабля/меч» явно реминисценция «золотого трона». Имеются и более поздние описания такого церемониала, например в Касимовском ханстве в 1600 г., в котором тоже присутствует «золотой трон» [4]. Он упоминается и в связи с Булгарским вилайетом Улуса Джучи в татарских исторических преданиях [8].

Отсюда вывод: когда мы обнаруживаем в дастане «Идегей» выражение «золотой трон» («ал тэхет»/«алтын тэхет»), то должны понимать: создатели указанного эпического произведения сохраняли историческую память о более ранних золотоордынских политических реалиях. То, что дело обстоит именно таким образом, будет ясно из следующего далее разбора текста дастана.

Что такое «государственная птица»?

До того, как мы займемся поисками объяснения присутствующего в эпосе «Идегей» выражения «государственная птица» («дәүләт кош[ы]»), следует рассмотреть основную сюжетную линию эпоса. Дастан начинается с сообщения о приходе хану Тохтамышу письма от «Шаһ Тимера», т. е. Тимура, обозначенного совершенно точно «эмиром [племени] бырлас». В том послании Тимур говорит:

*Жаектан ашу Ак Түбә,
Иделдән ашу Күк Түбә,
Күк Түбәдә ак сарай;
Анда утырган Туктамыш –
Ул Туктамыш син булсаң,
Сине баккан мин булсам,
Тугрына кунган Төкле Аяк
Тугыз йортка дан булса,
Аны миңа тапшыргыл [5, 12 б.].*

Надо сказать, что «тугры» – это насест для птицы (другие его варианты – «тур»/«тургач») [5, с. 12]. Поэтому «Төкле Аяк» – это птица, сидящая на насесте. Тимур требовал от Тохтамыша эту знаменитую на «девять юртов» птицу. Получивший это беспардонное требование и разозленный Тохтамыш через ответное письмо напоминает Тимуру, что тот всего лишь эмир, а сам он – Чингисид. При этом он заявляет:

*Кара лачын Төкле Аяк,
Сиңа булмас, Шаһ Тимер [5, с. 13].*

Стало быть, в дастане фигурирует птица из породы «кара лачын». Далее выясняется, что эта птица, увязываемая в эпосе с другими охотничьими птицами, находилась под присмотром отца Идегея – Котлыкья бия. Между тем, после получения послания от Тимура, хан Тохтамыш решил испытать двух птенцов, родившихся от отмеченного выше «кара лачын»а по имени «Төкле Аяк». Испытание показало, что эти птенцы были не от него. Понявший это Тохтамыш заявил Котлыкья бию:

*Ау лачыным караган
Котлыкья син булсаң,
Салган ике йомыркасын
Оядан алган да син икән! [5, с. 17].*

Заодно Тохтамыш обвинил Котлыкья бия в том, что тот передал птенцов Тимуру, продавшись тому за деньги (букв. – за «золото»/«алтынга») и предав своего хана. Хан Тохтамыш стремившемуся оправдаться перед ним Котлыкья бию заявил:

*Куш канатлы алтын таж,
Күз урынында гәүһәр каш,
Чыңгыздан килгән дәүләт кош (внимание! – Д. И.)
Бу башымда түгелме? [5, с. 18].*

Таким образом, бывшая из породы «кара лачын» птица, поименованная по эпосу «Төкле Аяк», из охотничьей птицы внезапно претерпевает трансформацию, и перед нами возникает образ некоей «государственной птицы» («дәүләт кош»), прикрепленной к «золотому венцу», имевшему не только пару крыльев («куш канат»), но и выполненные из изумруда глаза. Тут важно запомнить, что данная птица, точнее, ее слитое с золотым венцом изображение имело какое-то, идущее со времен Чингиса, государственное значение.

Пока далее посмотрим, что же происходит в дастане. А происходит следующее: Котлыкья би, у которого хан просит объяснения по поводу предательства, в свою очередь, бросает Тохтамышу два обвинения. Во-первых, он упрекает своего хана в том, что при нем сократились торговые связи и уменьшился прирост богатства. Во-вторых, он указывает на то, что двухкратное переселение через р. Итиль привело к тому, что ему достались неудобные земли. Заключает свое обвинение он так:

*Йорттан йортым күчкәне –
Бездән ырыс киткәне,
Куштан кошың күчкәне –
Сездән дәүләт киткәне [5, 20-21 бб.].*

Согласно Котлыкья бию, переселение его владения (юрта) с одного места на другое (причем переходя Итиль) равно уходу счастья («ырыс» – счастье, благодать), а смена птицей гнезда равно разрушению государства. Тут все построено на иносказаниях, но при некотором внимании с ними можно разобраться. Пока что отметим – признавший свою измену Котлыкья би выражает согласие на беспощадное ханское наказание:

*Бер башымны ике итеп,
Ике ханга баш орсам,*

*Ул да булса, ханиям,
Йорттан абруй киткәне,
Чабучы булсаң, баш – менә!
Түгүче булсаң, кан – менә!* [5, 21 б.].

Тохтамыш, перед которым в ожидании казни преклонил колени Котлыкыя би, тому говорит:

*Син дә кичә би булдың,
Бүген килеп, син дә бер
Үлем белән тиң булдың –
Токымыңны ораен!* (более точно *ораем.* – Д. И.).

После того как хан произнес эти слова, он своим бекам приказывает уничтожить весь родбиа. Так заканчивается вводная часть дастана, и в нем дальше названная «птица» и «золотой венец» больше не фигурируют. Несмотря на это, образ этой удивительной птицы, имевшей разные ипостаси – реального создания в виде охотничьей птицы из рода «кара лачын» и скульптурного элемента, являвшегося частью золотого венца, требует объяснения. Тем более что в последнем значении он выполнял функцию «государственной птицы».

При выяснении ответа на этот вопрос нельзя упускать из виду то, что в данном случае мы имеем дело с эпическим миром, в котором могут существовать разного рода мифические создания. Однако при размышлении над объяснением того, что подразумевается под «государственной птицей» дастана, возникает впечатление о существовании какой-то связи между двумя ее ипостасями. Для того чтобы раскрыть эту загадку, надо напомнить о том, что в другом тюрко-татарском дастане – эпосе «Туляк и Сусылу» – упоминается некая обозначенная загадочным выражением «миңезлик кош» птица, оказывающаяся в конечном счете «белым шонкаром» («ак шонкар») [2]. Нужно сказать, что понятие «миңезлик» означает деньги («акча», «тәңкә»), а в сочетании со словом «кош» (птица) – «начеканенное на деньгах изображение птицы» («акчага сугылган кош [сүрәте]). В итоге, здесь опять появляется «государственная птица», что, однако, требует дополнительного разъяснения (детальнее см.: [2]).

Прежде всего, следует обратить внимание на такой татарский исторический источник, как «Дэфтэре Чыңгыз-намэ» (XVII в.). В этом источнике содержится весьма интересная информация о беках Чингисхана и племенных атрибутах (оран, дерево, птица, тамга), связанных с ними племен. Но что показательно, такие же атрибуты приводятся и по самому Чингису: оран – «йан каба», дерево – «чинар», птица – «ике баш кара кош», тамга – «кош башы». Между тем применительно к тому племени, из которого были предки Чингиса, – к племени кыйат – в этом источнике указаны иные атрибуты: оран – «аруйан», дерево – «карагай», птица – «шонкар», тамга – «ашамай» [14, р. 56, 59]. Такие различия могут быть объяснены двояко: 1) из-за того, что род Чингисхана происходил из отдельного ответвления племени кыйат – рода бурджигин, возможно, что у этого ответвления клана имелись собственные племенные (родовые) атрибуты; 2) не исключено, что после того как «Золотой род» («Алтын урук») Чингисхана возвысился в ходе образования Великого Монгольского государства, заняв надклановое положение, он заимел собственные, отличные от прежних, атрибуты. Действительно, в природе нет «двуглавых птиц», как это указано насчет «птицы» Чингисхана. Стало быть, этот атрибут – искусственный. Если дело обстоит таким образом, то и другие «племенные» атрибуты Чингиса могут быть такими же. Но все же занятно то, что «птица» Чингисхана носит наименование, несколько похожее на название «птицы» хана Тохтамышы – «кара лачын» («черный сокол»). Во всяком случае, цветовая гамма их совпадает. Однако орнитологически ситуация более сложная. Дело в том, что у татар «каракош» – птица из семейства ястребиных, и она имеет еще одно наименование «кара бөркет» («черный беркут»). И этот вид точно относится к семье ястребиных. Но вот птица, именуемая «лачын» (т. е. «сокол»), относится к отряду Falconidae, т. е. к группе (семейству) соколиных. Так что «птица» Тохтамышы не может быть полностью отождествлена с «птицей» Чингисхана, совпадает только их окрас.

Однако тут имеется один нюанс, позволяющий выстраивать новую цепочку рассуждений. Известно, что древним племенным

атрибутом клана кыйат – личного племени Чингиса – была птица «ак шонкар/шонхор» [2]. А эта разновидность птиц относится к соколиным, как и указанная выше «птица» хана Тохтамыша. Возникает следующая гипотеза: если иметь в виду, что в рассмотренных сообщениях о «птицах» могут присутствовать две этнокультурные традиции: монгольская, имеющая дело с «шонхором», относящимся к соколиным, и тюркская, зафиксированная в эпосе «Идегей» и выставлявшая на передний план орлиных, ибо «каракош», «кара бөркет» – это орлы, входящие в семейство ястребиных, похоже, что в дастане «Идегей» эти две традиции пережили синтез. Правда, в этом случае остается необъясненным окрас «птиц»: «шонхор» рода Чингиса был «белым», а «птица» Чингисхана из «Дэфтэре Чыңгыз-намэ» – черного цвета («каракош/Кара кош»). Тут могут быть предложены такие гипотезы: а) это два наименования одной и той же птицы; б) в данном случае мы имеем дело с отражением в источниках разных (монгольской и тюркской) этнокультурных традиций. Скорее всего, верно последнее, возникающее как отражение смешения двух указанных традиций: «кара лачын» из дастана «Идегей» относится к соколиным, как и «шонхор», но в цветовом отношении он превращается в «каракош», сближаясь с орлиными.

К сказанному следует добавить, что по татарской исторической традиции, обнаруживаемой в «Дэфтэре Чыңгыз-намэ», тамга Чингисхана – «птичья голова» («кош баш[ы]»). Между тем на монетах представителей «дома Бату» имеются тамги, весьма напоминающие птиц и птичьих головы (с клювом), а на монетах Узбека и Джанибека уже отчетливо отчеканены двуглавые птицы [2]. На самом деле это и есть так называемые «двуглавые орлы» (на российском гербе, скорее всего, они же) / «ике баш каракош». Более чем вероятно, что «двуглавые орлы»/«ике баш каракош» выросли из сульдэ (онгона) клана Чингисхана. Если это так, то вопрос о «государственной птице» из эпоса «Идегей» получает собственное, достаточно понятное объяснение.

Во-первых, прикрепленное к «золотому венцу» (явный дополнительный символ власти) изображение птицы с двумя кры-

льями (т. е. это «кара лачын», «кара кош») есть не что иное, как поднявшееся на уровень государственного символа сульдэ рода Чингисхана. Когда это изображение стало печататься на монетах, оно уже фактически превратилось в герб. Во-вторых, сульдэ было связано с духовным миром, судьбой племени, следовательно, и с его счастьем, везеньем («ырыс»). В-третьих, в дастане птица, именуемая «Төкле Аяк», хотя и выступает как обычная охотничья птица («кара лачын»), некоторые сюжеты эпоса выдают в ней тотемическое создание. Поэтому, когда отец Идегея Котлыкыя би передал птенцов этой тотемической птицы – духа племени в руки чужаков, это означало не только предательство по отношению к конкретному сюзерену, но и ко всему золотоордынскому государству во главе с правящей династией Чингисидов. Такое не могло остаться безнаказанным.

Следовательно, мы должны рассматривать два рода птиц из дастана «Идегей» в единстве: через эти образы передается общее послание, имеющее прямое отношение к исторической судьбе Золотой Орды. Речь идет о взаимном переплетении символического и реально-исторического. В таком случае сюжетная линия дастана «Идегей», рассказывающая о «государственной птице», приобретает глубокий смысл.

Список источников и литературы

1. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. 727 с.
2. Исхаков Д. М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды = Golden Horde Numismatics. 2013. № 3. С. 120–127.
3. Исхаков Д. М. Золотоордынская этнология татар : 1. Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тэхет») // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. 2014а. №3 (5). С. 175–190.
4. Исхаков Д. М. Комментарий к одному месту из сочинения Кадыр-Али бека «Джамигут-таварих» // Сулеймановские чтения (Семнадцатые) : Всерос. научн.-практ. конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, 30–31 мая 2014 г.) : труды и материалы / под общ. ред. Х. Ч. Алишиной. Тюмень : Печатник, 2014б. С. 234–235.
5. Идегэй. Татар халык дастаны. Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.

6. Идегей. Татарский народный эпос : пер. С. Липкина. Казань : Татар. кн. изд-во. 1990. 256 с.

7. Кушкумбаев А. К. «Алтын Орда»: об одном символе власти в империи Джучидов // Байырғы турик құндылытары – 2017 : Халықаралық ғылыми–теориялық және практикалық конференциясының материалдар жинағы. Астана : ЕҰУ баспасы, 2017. С. 356–361.

8. Мустакимов И. А. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (к вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2008. № 1. С. 142–157.

9. Сикалиев А. И-М. Ногайский героический эпос. Карачаево-Черкес. ин-т гуманитар. исслед., 1994. 326 с.

10. Татар халық дастаны «Идегей». Н. Исәнбәт жыйнамасы. // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 бб ; №12. 34–82 бб.

11. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань : Фэн, 1999. 199 с.

12. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год : пер. с нем. Ф. К. Бруна ; изд., ред. и прим. акад. АН Азерб. ССР З. М. Буниятова. Баку : Элм, 1984. 86 с.

13. Эдигэ : ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой ; Карачаево-Черкес. ин-т гуманитар. исслед. при Правительстве КЧР. М. : Наука, 2016. 512 с.

14. Ivanics Maria, Usmanov M. A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Ćingiz-nāmä). I. (Worwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Studia Uralo-Altica 44. Szeged, 2002. 324 pp.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(НА ПРИМЕРЕ КАЛЕНДАРНОЙ
ЛЕКСИКИ И МИФА)**

Г. С. Врганесян

Россия, Москва, Центр изучения религий, РГГУ

Анализ календарной лексики (названия марта-апреля, «наста/бурундука» месяц) в календарях алтайцев и уральцев (селькупы, обские угры), являющейся неотъемлемой частью календарной лексики народов Обь-Енисейского междуречья и Саяно-Алтая, выявил связь частотности упоминания месяца бурундука в календарях алтайцев, кетов, селькупов с генетическим маркером – величиной гаплогруппы Q1a3.

Ключевые слова: Календарная лексика, наст, месяц бурундука, генетический маркер.

The semantics of the March-April designations («crust / chipmunk» month) in the calendars of Altaians and Uralians (Selkups, Ob Ugrians), which is an essential part of the calendar vocabulary of the indigenous peoples of the Ob – Yenisei interfluve and Sayano – Altai, is considered. The connection of frequency of mentioning of the Chipmunk month in the calendars of the Altaians, Ket, Selkup with the genetic marker, the value of Q1a3 haplogroup was revealed.

Keywords: Calendar vocabulary, crust, Chipmunk month, genetic marker.

Анализ лексики и структуры традиционных народных календарей представляет интерес как один из способов реконструк-

ции, языковой и культурной, хотя и не самый востребованный. Причина этого – либо отсутствие этимологий, либо несоответствие формы и содержания в названиях месяцев. Последнее может быть связано зачастую с тем, что названия месяцев, в силу этнических или культурных контактов, заимствуются, сохраняя исходную форму, но получая новую трактовку. При этом особую роль играют «народные этимологии», которые опираются на близкую огласовку лексем и реальные календарные события. Интенсивное этническое взаимодействие народов региона делает анализ календарной лексики достаточно продуктивным и своеобразным инструментом для языковых и культурных реконструкций.

По-видимому, наиболее информативным является изучение лексики, относящейся к переходным периодам (между зимним и летним сезонами), т. к. обычно им отвечает не только переход через опорные точки солнечной эклиптики (весеннее и осеннее равноденствия), но и смена хозяйственных занятий. В Западной Сибири, где высокая влажность, это, в первую очередь, «месяц наста» и связанные с ним календарные символы. Это природное явление нашло свое отражение в календарях обских угров. Месяцы наста, февраль – апрель, обычно представлены в виде «ступеней» – малой и большой. Это «ман поль этпос» (малый наст месяц, февраль) и «яныг поль этпос» (большой наст месяц, март) в календаре уральских манси. В календарях северных манси эти названия февраля и марта раскрываются как месяцы «малого/большого чарыма» [26, с. 47]. Лексема «поль»: 1) наст; 2) замерзать [49, с. 91]. Лексема «чарым» заслуживает подробного анализа. «Чарым» (наст) был известен еще в конце XIX в. В [37, с. 25]: «чарым – упругий снег, затвердевший от долгого лежания и пригретый солнцем» (то же в [25, с. 46]), т. е. этот термин у северных манси зафиксирован достаточно надежно. Прауральское *sarV – замерзший снег, ледяная корка на снегу, sarem, sarom, çars – твердая ледяная корка на снегу (коми). Венгерское szir (ony/oty/ogy) – ледяная корка на снегу, замерзшая после слякоти. Прасамодийское *sira – снег (ненецкое sirra – снег; нган. siru – снег; sir (ser) –

селькупское), а также *siŋä* (койбалы, матор) [34, с. 171] по огласовке близки. При этом ни одно из названий наста в самодийских языках не имеет надежной этимологии, а прасамодийское общее название наста не восстанавливается [35, с. 186].

Хотя лексема «чарым» (наст) встречается у алтайцев [8, с. 176], ни в одном известном автору календаре алтайцев фенологического термина «наст» (*ġagum* (см., напр., [14, с. 424]) нет в обозначениях месяцев марта-апреля. При этом «чарым» – «половина» в хакасском [7, с. 312] и использована в названии октября в форме «чарыш» как «равноденствия месяц» [12, с. 328]. В календаре чулымских тюрков «чарым кыш, чарым чай» – половина зимы, половина лета [22, с. 129]. В работе [8, с. 176] *ġag* возводилось к «чарча» – застывать, мерзнуть. Для обозначения наста чаще используются лексемы «тоудок; каткан кар» [6, с. 331]. При этом в древнетюркском лексема *ġag* (*um*) неизвестна (срав. «тонг» – замороженный, замерзать [21, с. 575], в шорском «тоот» – наст [30, с. 108], «тонгот» – скользкий (якут.). Лексемы «наст» («чарым») нет и в перечнях самодийско-тюркских и тюркско-енисейских заимствований [23, с. 135–159] (см. также «сой» – наст, бурятский [41, с. 303]). Разноречивость приведенных языковых материалов позволяет пока лишь говорить, что лексема «чарым» была использована для маркировки месяцев в двух разных переходных сезонах (и разной семантикой) – весны и осени. Является ли это простой омонимией или языковым заимствованием с потерей исходных этимологий, пока судить трудно, однако необходимо отметить следующее. Месяц наста в календарной модели с доминированием зимнего сезона как основного фактически замыкал зимний сезон, кроме того, он совпадал с наступлением равноденствия, и часто именно в это время происходила вставка дополнительного месяца [19, с. 115–119].

В связи с этим целесообразен поиск названий вставных месяцев в ранних записях традиционных календарей Западной Сибири. Одна из наиболее ранних записей алтайских календарей была сделана, по-видимому, И. Г. Георги в конце XVIII в. [20, с. 261] (телеуты). Отсчет календарного времени начинался с апре-

ля, т. к. «звери» появляются в апреле. Речь шла, по-видимому, о «жердын жеры сокоры – семь слепых земли»: барсуки, кроты, медведи, змеи, тарбаганы, суслики [24, с. 189]. Подобное разделение фауны на зимних и летних животных известно и в других, ареально близких традициях. Например, селькупы полагали, что выход в конце зимы «летних зверей» (tajetsuri) начинается с бурундука [18, с. 189]. В упомянутой записи календаря (телеуты) год состоял из 13 месяцев, но тринадцатый месяц «терялся» между летним и зимним месяцами [20, с. 261]. Это можно считать указанием на то, что регулярным этот месяц не был и вставлялся по необходимости, скорее всего, на стыке основных сезонов – зимы и лета. В алтайской календарной традиции операцию вставки дополнительного месяца для выравнивания счета календарного времени по луне и солнцу производили, скорее всего, в конце зимнего сезона. В. И. Вербицкий отметил месяц «сын гурук ай» – апрель («сын» – настоящий, «гүрүк» – бурундук), т. е. месяц «настоящего бурундука», в отличие от ложного («месяца бурундука») [14, с. 317] (апрель – стык зимнего и летнего «годов»). Но в более поздних записях алтайских календарей это название уже не встречается. У южных алтайцев, при 12-месячном календаре с циклом в 360 дней, возникающую разницу в 5 дней компенсировали вставкой на шестой год месяца с названием «кирши ай», и он следовал после месяца «кочкор ай». «Тулаан ай» – март получал в этом случае имя «толыш» (замена) [24, с. 192]. То есть дополнительный месяц вставляли по завершению зимнего сезона, который считался основным, от которого и шел отсчет календарного времени [19, с. 112–115], и приходилось это на месяц наста (обычно вторая половина марта – середина апреля). Более поздняя запись календаря, сделанная Г. Спасским [45, с. 10] в начале XIX в., почти не отличалась от записи И. Г. Георги. Названия некоторых месяцев («кандыка», «уряк» – жатвы, «куртуйак» – старухи, «аши (ажых)» – последний зимний и др.) сохраняли в неизменном виде свое расположение и в более поздних записях (см., напр., [40, стлб. 6, 7; 24, с. 189–193]), при этом иногда менялся смысл, вкладываемый в название месяца. Например, «аших» (март, «последний зимний

месяц», по И. Г. Георги, Г. Спасскому) получил свою буквальную трактовку («перевала месяц»). Добавим, что есть и другое название марта – «тулаан (туулан)» (преграда; гора, букв.) [14, с. 379], поэтому с опорой на старые записи можно говорить о семантике модели при переходе от холода к теплу – как некое преодоление воображаемой преграды («перевала»), после чего переход к теплу становится необратимым. Такая модель могла быть отражением реалий – горного ландшафта. Отметим также частое использование алгоритма «большой – малый», при маркировке месяцев, образующих пару, имеющих смысловую связь, они встречаются в той или иной последовательности в течение всего года, поэтому связывать их только с особенностями фенологии (снег, мороз, жара, ветер) однозначных оснований, наверно, нет. В ранних записях особый интерес представляет название апреля «курузь ай» – месяц ободранной белки [45, с. 10], который в работе [42, с. 279] в целях устранения «явных опечаток и искажений» получил название «курёк айы» – бурундука месяц. Основание для маркировки апреля «месяцем бурундука» в этой работе было, казалось бы, достаточно весомое: почти идентичная огласовка (курузь < көрүк; күрүк (гүрүк, курек); көөрүк [14, с. 183, 193, 484]). Месяц с таким названием сохранился и в календарях кумандинцев, тубаларов, челканцев, шорцев (см., напр., [40, стлб. 7; 44, с. 204–210; 9, с. 45; 10, с. 532, 533]). Есть даже два месяца (март – апрель) с этим названием – как «большого и малого гона бурундуков» – в некоторых вариантах хакасских календарей [12, с. 327–329], хотя в более ранней записи Н. Ф. Катанова (сагайцы) названия этих месяцев раскрывались как «гона хорьков» [27, с. 236, 237] (көрік – бурундук [45, с. 206]). Хотя бурундук сибирский (*Tamias S.*) входит в семейство беличьих, тем не менее «ободранная белка» без пояснений «бурундуком» ни по смыслу, ни формально не становится («тиин» – белка, хак. [45, с. 615]; «тийин» [6, с. 26]; «тийин», «чырбык» (алт.) [5, с. 121]; «тиин» (шор.), «саккыл», «шарбак» (конд.); белка-летяга – «пабырган», «камкуш» [30, с. 76]. Возведение сибирско-тюркского «көрүк» – бурундук к общетюркской основе *küfen* – хорёк, ласка > *kury* (селькуп.), *kürö*

(камас.) – горноста́й А. В. Дыбо полагала неубедительным [23, с. 147]. Близкая огласовка как один из главных мотивов «народных» этимологий, действительно, могла стать причиной такой трансформации, но только этим нельзя её объяснить. Поэтому причину надо искать в другой плоскости, тем более что лексема «белка» в алтайских календарях (известных автору) не встречается. Расхождения между формой и смыслом календарной лексемы, скорее всего, указывают на утерю информантами ее исходного смысла, а также являются свидетельством первичности и абсолютной устойчивости формы лексемы, нежели ее содержания.

Месяцы бурундука есть в календарях шорцев [4, с. 56]. «Месяц бурундука» (щепи, щеляй, шепак, щепяк) известен в большинстве календарей северных селькупов, изредка сменяясь «гусиным» т (ö:кал/экэл) месяцем. Сохранился он и в некоторых календарях центральных (сапакей, ше:бикка) и южных (сеебака, сеоки, себка, са́бки) селькупов [28, с. 56; 29, с. 81–84]. Но его нет в календарях чулымских тюрков (см., напр., [40, стлб. 7], хотя А. П. Дульзоном были выявлены селькупский и кетский субстраты в их составе. Он полагал этот регион местом интенсивных контактов кетов, южных самодийцев и тюрков [22, с. 127]. В календаре маторов (южные самодийцы) «orumkistitn – (выхода) бурундука месяц», в календаре «остяков с реки Кеть» «лапин туи – бурундука месяц» [31, с. 75, 77]. Во втором случае выделяется название месяца «туи», которое по огласовке можно сблизить с камасинским tzuì – месяц [31, с. 98, пр. 177], хотя по Г. К. Вернеру одним из обозначений понятия «луна – ночь», наряду с формой «сай» (арин); «си» (юг.); «шиг» (котт.); «си» (кет.), была общая енисейская форма *tuǰ (в эджешинском говоре «джу») [15, с. 56]. Месяц бурундука (конуп, кооньп) есть почти во всех записях календарей кетов (полтора десятка), начиная с самой ранней [1, с. 38, 39; 31, с. 79, 80; 15, с. 54, 55]. То есть обозначение апреля, как «месяца бурундука» являлось неотъемлемой частью календарной лексики некоторых народов Саяно-Алтая и Обь-Енисейского междуречья. Месяца с таким названием нет в календарях обских угров, бурят, сибирских татар, якутов, эвенов, эвенков, южных тунгусов,

нивхов, юкагиров и палеоазиатов (коряки, чукчи, ительмены). Но бурундук при этом занимает важное место в фольклоре алтайцев, теленгитов, тофаларов, хакасов, тункинских бурят, хантов, манси, западных и юго-восточных эвенков, нанайцев, якутов, северных селькупов, кетов и нивхов, будучи однозначно соотношенным с маркировкой времени межсезонья – месяцем наста. В фольклоре юкагиров и палеоазиатов – коряков, чукчей, ительменов – он отсутствует, хотя у юкагиров и ительменов он мог быть и утерян [11, с. 6]. Природная основа мифов – особенности внешнего вида бурундука: пять черных темных продольных полос (символы тьмы) на спине. Большое число сказочных сюжетов, в которых бурундук и крупный хищник (медведь, лиса) спорят за право маркировки темного и светлого времени (см. аналитический каталог сказочных сюжетов Ю. Е. Березкина, Е. Н. Дувакина, мотив В69А [3, В69А]), – подтверждение высокого календарного статуса бурундука, при этом победа почти всегда остается за бурундуком. В одной из версий хакасского сюжета спор медведя и бурундука касался числа дней в первом весеннем месяце (медведь – 30, бурундук – 31), и бурундук берет вверх [47, с. 48, 49]. В алтайской версии звери собираются, чтобы установить длительность года, месяца, дня; медведь предлагает год длиною сто лет, сто месяцев и сто дней в месяце. Из всех зверей ласка прибегает последней и предлагает календарь с 12 месяцами и 30 днями, его и принимают [48, с. 14, 15]. Судя по используемым числам (12, 30), эта версия поздняя, но исключить существование более раннего прототипа с другими числовыми характеристиками (9, 27 и др.) нельзя. Кроме того, замена в сюжете бурундука лаской делает понятным появление месяцев хорька в календаре сагайцев (см. выше). Бурундук из-за царапин, нанесенных медведем (пумой, совой в Северной Америке), становится символом перехода через равенство света и тьмы (равноденствие) и регулятором естественного хода природных событий, притом что медведь чаще соотносился с тьмой. В Северной Америке (сэлиши, ирокезы, чинук и др.) бурундук предстает в роли трикстера [11, с. 9, 10], находя спасение от преследующей его людоедки на дереве, что вполне соотносится с по-

ведением сибирских трикстеров (Тарданак, Альвали, Ича, Эквапырис). С учетом сказанного, трансформация «ободранной белки» в бурундука в ранних записях календаря (Георги, Спасский, телеуты) могла быть отражением сюжета о причине появления полос на спине бурундука, которые оставили когти медведя («обдирка»). Однако это не объясняет отрицательного отношения алтайцев к бурундуку, которые убитого бурундука бросали или нанизывали на палочку и, вложив в рот траву, вешали на дерево с западной стороны. Объяснялось это тем, что он чем-то досадил богу (украдел корову у бога неба – Тэнгрэ – бурхана) и тот прогнал его на землю [38, с. 181].

Охота, занимавшая в прошлом существенное значение в экономике населения горнотаежной зоны и подробно описанная в работах Ф. А. Сатлаева, Л. П. Потапова, И. И. Назарова [43, с. 6–8; 39, с. 16–25; 32, с. 128–132], формально не отражена в ранних записях календаря [31, с. 74; 20, с. 261; 45, с. 10], в них нет ни одного месяца с таким охотничьим названием. Однако им можно считать месяц бурундука (кõ/урек), которым начинался «летний» год. Это обстоятельство в работе [32, с. 127] объяснялось высокой ролью, которую имел бурундук для весеннего рациона жителей тайги (вопреки мнению Г. Н. Потанина, см. выше). С этим безоговорочно нельзя согласиться, т. к. добыча копытных по насту значила для экономики ничуть не меньше, поэтому надо искать другие мотивы появления этого названия. Известно, что бурундук выходит из спячки примерно за одну-две недели до окончания месяца наста, после этого срока образующаяся под солнцем ледяная корка уже не выдерживает веса человека – сигнал для прекращения пушной охоты и начала охоты на крупных копытных по насту [2, с. 17]. Кроме того, выход бурундука предвещает выход медведя из спячки и совсем не случайно, что медведя и бурундука связывают сказочные сюжеты, в которых бурундук являлся «старшей сестрой» медведя [3, В69], или же был «знаком» с его родителями [38, с. 181]. Ю. Е. Березкин отметил, что носители мифологемы «бурундук» входили в ареал бытования мифологемы «нырлящик за землей» (сотворение суши) – извлечение

грунта из-под воды птицей (гагарой, уткой) или другим существом (дух низа) [11, с. 6]. Интересно соотнести частотность упоминания месяца бурундука в календарях с таким генетическим маркером этничности, как частота мужских гаплогрупп. Среди указанных народов – алтайцев, кетов, обских угров, селькупов и других (см. выше), которые занимали таежную зону Сибири от Урала до Енисея и у которых бурундук занимал в фольклоре важное место, наиболее ранними и доминирующими являются три мужские гаплогруппы: N1c1, N1b и Q1a3 [15, с. 80]. Выберем в качестве основы для сравнения календари кетов, в которых почти всегда обязательно есть месяц бурундука (конуп) [1, с. 38, 39; 15, с. 54–55; 31, с. 79–80], а в качестве этнического маркера величину гаплогруппы Q1a3, которая является наиболее характерной для кетов (84 %). За ними идут северные селькупы (66 %), у южных – порядка 40 %, северные алтайцы (32 %), северные ханты (21 %), тувинцы (14 %), хакасы (4,8 %), южные алтайцы (3,7 %) [16, с. 80–83]. Даже при достаточной условности этого сопоставления окажется, что месяц бурундука есть почти во всех известных календарях кетов (90 %), более 70 % календарей селькупов (подсчет по сводной базе селькупских календарей, 32 записи), в 75 % кумандинских календарей, 50 % календарей тубаларов, 100 % челканцев (в среднем 75 % по всей выборке). У хакасов он зафиксирован только у сагайцев и бирюсинцев, что примерно и соотносится с малой величиной Q1a3 (4,8 %). И ожидаемо, что он полностью отсутствует в более поздних календарных записях у южных алтайцев (см., напр., [24, с. 189–193]). Добавим также, что частота гаплогруппы Q1a3 у американских индейцев, потомков выходцев из Северо-Западного Китая, маршруты которых в Америку лежали через предгорья Тянь-Шаня и Памира, с проходом через Южную Сибирь, составляет 80 % [16, с. 83], что в целом коррелирует с многочисленными фольклорными сюжетами в Северной Америке, в которых бурундук играет роль трикстера и маркера времени [11, с. 9, 10]. То есть можно говорить о некой прямой зависимости между величиной гаплогруппы Q1a3 и частотой появления образа и месяца «бурундука» в календар-

ном мифе и лексике. Причины явного выпадения из выявленной зависимости северных (казымских) хантов (21 % Q1a3) и тувинцев (14 % Q1a3), у которых в календарях нет месяца бурундука, могут быть разные. В первом случае могло иметь место инкорпорация кетов в состав хантов с утерей календарных традиций ввиду доминанты специфического оленеводческого (хантыйско-го) календаря [50, с. 30; 33, с.55], с заменой его на лексему «наст» («кер», «ун кер тылыщ» – большого (последнего) наста месяц, северные ханты [26, с. 47]). У тувинцев-тоджинцев (род чогду), имевших родственные связи с сагайцами, кумандинцами, шорцами и койбалами, преобладали оленеводство и охота, название апреля «ыдалаар ай» – месяц охоты с собаками по насту [13, с. 20, 42, 66, 68]. Указанием на возможность существования контактов (прямых или косвенных) тюркских языков Саяно-Алтая и некоторых групп обских угров (манси, венгры) и, возможно, коми может быть общая лексема «чарым» – наст, отражающая, в первую очередь, важное место этого периода времени в календарном мифе народов Саяно-Алтая как фенологического маркера завершения зимнего сезона и время вставки дополнительного месяца для выравнивания отсчета календарного времени по Луне и Солнцу.

Список источников и литературы

1. Алексеенко Е. А. Кеты. Л. : Наука, 1967. 262 с.
2. Алексеенко Е. А. Мифы, предания, сказки кетов. М. : Изд-во вост. лит. РАН, 2001. 343 с.
3. Аналитический каталог сказочных сюжетов [Электронный ресурс] (дата обращения: 12.02.2019).
4. Анохин А. В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник. Вып. 1 : Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 49–64.
5. Балакина О. Н., Дедеева В. С. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2015. 167 с.
6. Баскаков А. Н. Русско-алтайский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1964. 875 с.
7. Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. М. : ГИИНС, 1953. 487 с.

8. Баскаков Н. А., Тошакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М. : ГИИНС, 1967. 312 с.
9. Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая пол. XIX – нач. XX в.) : дис. ... канд. истор. наук. Омск : ОмГУ, 2001. 330 с.
10. Бельгибаев Е. А., Бурнаков В. А. Традиционный календарь туба // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. VIII. Новосибирск : ИАЭ СО, 2002. С. 532–536.
11. Березкин Ю. Е. Полосатый бурундук: фольклорный мотив в Старом и Новом Свете // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 5–19.
12. Бутанаев В. Я. Народный календарь хакасов // Рериховские чтения. 1984 : материалы конференции. Новосибирск : Наука, 1985. С. 326–331.
13. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы : историко-этнографические очерки. М. : Изд-во вост. лит., 1961. 216 с.
14. Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. 494 с.
15. Вернер Г. К. Слова темпоральной семантики в енисейских языках // Сборник статей к 95-летию проф. Дульзона А. П. Томск : ТГПИ, 1995. С. 52–59.
16. Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и кетов в свете генетических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР = Tomsk Journal LING & ANTROPO. 2013. № 1 (1). С. 79–96.
17. Вртанесян Г. С. Календарная символика тунгусоязычных народов Восточной Сибири и Приамурья // Сибирский сборник – 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. Памяти Н. В. Ермоловой. СПб. : Кунсткамера ; МАЭ РАН, 2014. С. 56–67.
18. Вртанесян Г. С. Некоторые особенности лексики и структуры народных календарей Алтая // Народы Евразии : История. Культура. Языки : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2017. С. 184–192.
19. Вртанесян Г. С. Спрятанное время в календарях народов Урала и Сибири // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 112–123.
20. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. : Русская симфония, 2005. 799 с.
21. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.

22. Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // Уч. зап. Томского государственного пединститута. Томск : ТГПИ, 1952. Т. IX. 219 с.
23. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М. : Вост. лит., 2007. 221 с.
24. Енчинов Э. В. Традиции и инновации в народном календаре алтайцев в конце XX – начале XXI в. // Studiaculturae. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. Вып. 18. С. 185–194.
25. Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. Тюмень : Мандр и Ка, 2003. 198 с.
26. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1987. 284 с.
27. Катанов Н. Ф. Сагайские названия 13 месяцев года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Имперском Казанском университете. Казань, 1897. Т. XIV. Вып. 2. С. 235–239.
28. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку : Тазовский диалект. М. : МГУ, 1980. Ч. 1. 423 с.
29. Кузьмина А. И. К этимологиям названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск : ТГУ, 1977. Вып. 4. С. 71–86.
30. Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 1993. 153 с.
31. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009. Т. 8. Ч. 1. 453 с.
32. Назаров И. И. Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. С. 125–181.
33. Наумова О. Ю. Этническая генетика тоболо-иртышских сибирских татар по данным о разнообразии митохондриальных ДНК : дис. ... канд. биол. наук. М., 2008. 107 с.
34. Норманская Ю. В. Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // Подвижники сибирской филологии : тез. докл. Всерос. науч. конф. Новосибирск : ИФ СО РАН, 2007. С. 170–175.
35. Норманская Ю. В. Реконструкция прасамодийских метеорологических названий // Материалы II Международной конференции по самодистике. СПб. : Нестор – История, 2008. С. 179–194.
36. Онина С. В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2002. 170 с.
37. Павловский В. Г. Вогулы : этнографический очерк. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1907. 229 с., VIII ил.

38. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии : материалы этнографические. СПб. : Типография В. Безобразова, 1883. Вып. IV. 386 с.
39. Потапов Л. П. Охотничий промысел алтайцев : (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб. : МАЭ РАН, 2001. 168 с.
40. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Ч. 1. 968 стлб.
41. Русско-бурят-монгольский словарь. М. : ГИИНС, 1954. Т. 1. Ч. 1. 750 с.
42. Самаев Г. П. Записи Макария как источник по исследованию алтайского календаря // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности). Горно-Алтайск, 1999. С. 274–284.
43. Саглаев Ф. А. Кумандинцы: историко-этнографический очерк (вторая половина XIX – первая треть XX в). Горно-Алтайск, 1974. 200 с.
44. Славнин В. Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск : Наука, 1991. С. 179–218.
45. Спасский Г. И. Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник. СПб., 1821. Ч. 16. Кн. 10. С. 9–14.
46. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М. : ИЯ РАН, 2001. 767 с.
47. Трояков П. А. Мифы и легенды хакасов. Абакан, 1995. 183 с.
48. Хохолков В. Ф. Легенды и мифы седого Алтая. Горно-Алтайск, 1997. 40 с.
49. Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. М. ; Л. : ГУПИ, 1936. 115 с.
50. Шухов И. Н. Из отчета о поездке весною 1914 года к казымским осякам // Сб. МАЭ. Пг., 1916. Т. III. С. 103–112.

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Т. Б. Усеинов

*Россия, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

Календарные пословицы, рассматриваемые в статье, были записаны отечественными этнографами в степной части полуострова до депортации крымскотатарского народа (1944). Предлагается классификация пословичного корпуса, в основу которой ставится семантика языковых клише и отсылка к календарю. Синкретическая сущность лежала в основе создания малых жанров фольклора степных крымских татар. Отмеченный паремиологический фонд, несмотря на свою культурную ценность, до сих пор не стал предметом научных исследований, чем обуславливается актуальность представленной работы.

Ключевые слова: крымские татары, пословицы, календарь, семантика.

Calendar proverbs considered in the article were recorded by domestic ethnographers in the steppe part of the peninsula before the deportation of the Crimean Tatar people (1944). A classification of the Crimean Tatar proverbial corpus is proposed, which is based on the semantics of language cliches and reference to the calendar. The syncretic essence underlay the creation of small genres of folklore of the steppe Crimean Tatars. The noted paremiological foundation, in spite of its cultural value, has not yet become the subject of scientific research, which determines the relevance of the presented work.

Keywords: Crimean Tatars, proverbs, calendar, semantics.

При исследовании календарной поэзии народов мира становится ясно, что наиболее часто используемой стихотворной формой, отражающей данное направление, является песня [4, с. 24–26]. Однако этот факт не умаляет места и роли паремий в календарной поэзии.

Малые поэтические жанры фольклора играют важную роль в сохранении и передаче культурного наследия крымскотатарского народа. Несмотря на это, отмечено небольшое количество работ, освещающих общие вопросы крымскотатарской паремиологии [5; 6; 7].

Автохтонное население исторически образуют три этнических составляющих: степные крымские татары (кипчаки), южнобережные крымские татары (огузы) и татары средней полосы (Предгорного Крыма), вобравшие культурные традиции обеих предыдущих групп.

Отметим, что сохранившийся пословичный материал рубежа XIX–XX вв. представляет собой паремиологическое наследие кипчакской (так называемой степной, северной, ногайской) культурной составляющей крымскотатарского народа. Единичные паремии на огузском диалекте не позволяют раскрыть лингвокультурный типаж крымского татарина Предгорья или Южнобережья.

На протяжении многих веков форма клише поддавалась влиянию новых культурных веяний, видоизменялась и совершенствовалась.

Говоря об основных факторах, повлиявших на развитие формы и содержания пословиц степных крымских татар, необходимо отметить культурное влияние мусульманской и, фрагментарно, языческой цивилизаций.

До XX в. крымские татары-степняки, в большей степени, проживали в сельской местности. По этой причине малые жанры фольклора отражают мировосприятие деревенского человека степного Крыма.

Понятие о времени в сознании степняка неразрывно связано с народным календарем, нашедшим отражение в паремиях.

Взяв за основу семантику языковых клише и их отсылку к календарю, были выделены следующие типы пословиц.

1. Пословицы, отражающие **запрещение или указание к действию**, связанные с календарной датой: *Язда азыкъсыз, къышта тонсыз елгъа чыкъма – Язда азыкъсыз, къышта тонсуз джолгъа щыкъма* – Летом без провизии, зимой без шубы не выходи в дорогу¹ [8]; *Юз он – тарлагъа къон – Юз он – тарлагъа къон* – Через сто десять дней после ноября² вспахивай поле [8].

2. Часто календарные пословицы отражают **критический взгляд на происходящее**. Прежде всего, отметим пословицы, связанные с тем или иным народным обрядом, в рамках которого критически раскрывается гиноцентричная субъективность как отклонение от стандартной андроцентричной картины мира: *Кокте той бар деселер, къадынлар мердивен къурмагъа чалышырлар – Кокте той бар деселер, къадынлар мердивен къурмагъа чалышырлар* – Если скажут, что на небесах есть свадьба, женщины начнут устанавливать туда лестницу [3]; *Макътавлы къыз тойда осурыр – Макътавлы къыз тойда осурур* – Хваленая девушка (невеста) на свадьбе громко испортит воздух [8].

Не часто встречается критика в связке с временами года: *Язгъа чыкъардыкъ тананы, бегенмез олды ананы – Язгъа щыгъардыкъ тананы, бегенмез болду ананы* – К лету вывели теленка, стал не признавать мать [8].

3. Третий тип образуют **пословицы, характеризующие тот или иной промежуток календарного времени**. Они связаны с конкретной календарной датой (днем, месяцем, временем года). В них же встречаем описание отличительных особенностей календарной поры и связь с той или иной сезонной деятельностью человека.

¹Примеры в статье предлагаются по следующей схеме: стандартный литературный крымскотатарский вариант пословицы – диалектный степной крымскотатарский вариант пословицы – смысловой русский перевод пословицы.

²*Къасым* – 1) ноябрь; 2) половина года (по народному календарю с 8 ноября, т. е. начала зимы, – до 6 мая, т. е. начала лета).

Пословицы, характеризующие календарный день. Зимнее солнцестояние, приходящееся на 22 декабря, активно праздновалось во многих языческих традициях по всему миру, а также продолжает почитаться в рамках современных культур.

Паремиологический фонд степных крымских татар содержит отсылку на этот знаковый календарный день: *Къырым къышы къантардан анълашылыр – Кърм къышы къантардан анълашылыр* – Крымская зима будет понятна после Кантара³ [3].

Ниже представленная пословица повествует о дне Теркунь, сопутствующему свадебному обряду, проводимому, как правило, осенью: *Теркуню якъын сабыр этемез, тешек ерини топлап оламаз – Теркуню якъын тозалмаз, тешек орнун джыялмаз* – Та, чей день-теркунь⁴ близок, не может вытерпеть, не может собрать свою постель [8].

Пословицы, характеризующие календарный месяц. В пословицах степных крымских татар рубежа XIX–XX вв. наиболее часто упоминаемым месяцем является *март* (обнаружено восемь пословиц). Именно в это время закладывается основа всестороннего процветания семьи на протяжении будущего календарного года, которое зависит в том числе и от капризов природы.

Материальные возможности степняка в марте ограничены, зимние запасы на исходе: *Март къапыдан бакътырыр, къазма-курек якътырыр – Март къапыдан бакътырыр, къазма-курек джакътырыр* – Март за дверь заставит выглянуть, кирку и лопату заставит сжечь⁵ [8]; *Март айы, дерт айы – Март айы, дерт айы* – Месяц март – месяц страданий [8]; *Март докъузы къыш томпузы – Март токъузу къыш томпузу* – Девятое марта – зимы палица [8].

³*Кантар* – (кр. тат. Къантар), т. е. «весы», день 22 декабря.

⁴*Теркуню* – тюрк., день первого (после замужества) посещения невестой родительского дома.

⁵На рубеже XIX–XX вв. степные крымские татары в деревнях отапливаются кизяком, который заканчивается в марте. Люди вынуждены сжигать в печах черенки от домашних инструментов.

Март ассоциируется в сознании народа с окончанием холодного времени года, хотя в самом начале этого не совсем весеннего месяца морозы еще сильны. Аналогичную позицию по отношению к марту обнаруживаем в пословицах соседних славянских народов. Пример:

«*Як прийде марец – обмерзне старцю палец*» (малорос.);
«*Мартъ коровъ рогъ шибають*» (великорус.) [2, с. 145].

Семантически близким к представленному выше образцу является следующий пример, касающийся апреля: *Къоркъ абирлининъ бешинден, огузню айырыр эшинден – Къоркъ абирлининъ бешинден, огузню айырыр эшинден* – Бойся пятого апреля⁶, он быка (вола) разлучает от его пары [8].

Встречаются пословицы противопоставляющие, казалось бы, находящиеся «по соседству» март и апрель.

По мнению степняка очень важно, чтобы в марте лишняя влага не мешала посевной, а уже в апреле она придется очень кстати: *Мартта бакъа сиймесин, абириде бир тамсын – Мартта бакъа сиймесин, абириде бир тамсын* – В марте лягушка пусть не мочится, а в апреле – пусть хотя бы один раз покапает⁷ [8]; Март – *къуракъ, абирли – сувлакъ – Март – къуракъ, абирли – сувлакъ* – Март – засушливый (безводный), апрель – изобилующий водой [8].

Так же в пословицах упоминается месяц *ноябрь*⁸, часто как олицетворение начала зимы (обнаружено три пословицы): *Къасым келир кесим башлар, хысым келип бизде къышлар – Къасым келир кесим башлар, къысым келип бизде къышлар* – Касым придет и начнется забой скота, родственники придут и останутся зимовать [8].

⁶В пятых числах апреля погода по-зимнему холодает, часто убивая быков, разлучая пару животных

⁷«В марте лягушка пусть не мочится», т. е. излишняя влага земле не нужна, «а в апреле – пусть хотя бы один раз покапает», т. е. влага уже необходима для посевов.

⁸*Касым, къасым* – календ., 1) ноябрь; 2) половина года (с 8 ноября, т. е. начала зимы, – до 6 мая, т. е. начала лета).

Таким образом, наиболее часто упоминаемым в пословицах степных крымских татар рубежа XIX–XX вв. являются следующие месяцы: март – 8 пословиц, ноябрь – 3, декабрь – 2 и апрель – 2 единицы.

Пословицы, характеризующие время года. Данная категория пословиц степных крымских татар является самой многочисленной.

С точки зрения семантики календарные пословицы предлагается разделять на две группы:

о летнем периоде (с 6 мая по 8 ноября): *Яз ели ярдай – атны йыкъар – Джаз джели джардай – атны джыгъар* – Летний ветер, как овраг, – лошадь свалит [8]; *Бир чичекнен яз олмаз – Быр щецекмен джаз болмаз* – Одним цветком лето не наступит [8];

о зимнем периоде (с 8 ноября по 6 мая): *Къайда олсань анда ол, пердалязизде⁹ эвде ол – Къайда болсань анда бол, пердалязизде уйде бол* – Где ты будешь, там и будь, но на лютые холода будь дома [3].

Первый, летний, период неся семантическую нагрузку развития, приумножения, накопления, призван отразить стремление народа к увеличению материальной составляющей. В большей степени сказанное касается сельскохозяйственной деятельности и скотоводства.

Летняя пора, в противовес зимней, долгожданна и благодатна. Что бы в этот период ни делал человек, все приводит к его изобилию: *Яз куню атынъ уч аягъы сувда, бир аягъы унда олур – Джаз куню атынъ уч аягъы сувда, бир аягъы унда болур* – Летом три ноги твоей лошади в воде, одна – в муке [8].

Суровый климат степного Крыма и Северного Причерноморья предоставляет в распоряжение татарину-степняку небольшой временной отрезок, за который ему необходимо пополнить запасы продовольствия, отопительного материала и т. д.: *Къыр-*

⁹*Пердалязиз* – календ., пора между зимой и весной; дни, когда зима и весна «тягаются» между собой.

мыскъадан орънек ал, яздан кышыкъя азырлан – Кымырскъадан орнек ал, джаздан кышыкъя азырлан – Бери пример с муравья, готовься к зиме с лета [8].

Второй период неразрывно связан с понятиями использования, расходования материального достатка, наработанного в предыдущий календарный цикл. Если лето благоволит человеку, то зима, скорее, испытание, а возможно, и выживание.

«Холодный зимний ветер заметает за ночь невысокие татарские саманные дома по самые крыши так, что утром тот, кто смог выбраться из собственного жилища, ходит по соседям и высвобождает их от «снежного плена»¹⁰.

Красоты зимней степи далеко не радуют степняка, т. к. за первым снегом придут лютые холода: *«Къар ягъа» – деп къуванма – аязы олур – «Къар джава» – деп къуванма – аязы болур* – Не радуйся, что идет снег, – будет мороз [8].

Большое количество календарных пословиц строятся на основе противопоставления «лето – зима»: *Яз екъсулнынъ, кыши барлынынъ – Джаз джарлынынъ, кыши барлынынъ* – Лето – бедного, [а] зима – богатого [8]; *Кыши кольмексиз, яз отъмексиз елгъа чыкъма – Кыши гольмексиз, яз отмексиз ела чыкъма* – Не выходи в дорогу зимой без рубахи, [а] летом без хлеба [3]; *Язда азыкъсыз, кышита тонсыз елгъа чыкъма – Язда азыкъсыз, кышита тонсуз джолгъа цыкъма* – Летом без провизии, [а] зимой без шубы не выходи в дорогу [8]; *Тенбельнинъ иши битмез, яз кельсе де кышы битмез – Тенбелин иши питмез, джаз кельсе де кышы питмез* – Работа лентяя не закончится, хотя пришло лето, – его зима не закончится [8].

Также используется противопоставление «весна – осень»: *Бааръ елине келиним, кузь елине кызым чыкъсын – Бахаръ джеллине келиним, куз джеллине кызым цыкъсын* – На [холодный] весенний ветер пусть выйдет невестка, а на (теплый) осенний ветер – дочь [8].

¹⁰Из воспоминаний Зейнеп Абдулхайыровой (1921–2009), уроженки села Шибан (Лужки) Сейитлерского района (Нижегородского района) Крыма.

Порой наблюдается и подмена семантически близких понятий «весна» и «лето», приводя в действие нестандартное противопоставление «лето – осень»: *Къозу корсень – яз олур, черен корсень – кузь болур – Къозу корсень – яз олур, черен корсень – кузь олур* – Ягненка увидишь – значить лето наступит, стог увидишь – значить осень наступит [3]; *Язда япын, кузде комуп кет – Джазда джабын, кузде кемуп кет* – Уходи летом прикрыв, а осенью закопав [8].

4. Прогностическая функция, с характерной ей **способностью к предвидению**, активно применяется в календарных паремиях и составляет одноименный прогностический тип: *Вакъытсыз ачкъан терек бой атмаз – Вакъытсыз ацкъан терек бой атмаз* – Несвоевременно расцветшее [по весне – У.Т.] дерево не прибавит в росте [8]; *Арфе куню ялан айткъаннынъ байрамда бети къызарыр – Арпе куну ялан айткъаннынъ байрамда бети къызарыр* – У говорящего неправду в предпраздничный день в праздник лицо покраснеет [8].

Клишированные синтаксические конструкции выражают причинно-следственные отношения между единицами сообщения с применением следующих элементов:

если – если: Баарь кельсе от бурьленир, фырсаат тюцсе – халкъ тюрленир – Бахарь кельсе от бюрьленир, нурсат тюцсе халкъ тюрьленир – Если наступит весна – трава распустится, если удобный случай представится – народ воспрянет [8];

кто – тот: Торгъайдан къоркъкъан тары экмез – Торгъайдан къоркъкъан тары экмес – Кто боится воробьев, тот не сеет просо [3];

когда – тогда: Баарь олса, дагъ устю багъ олур – Баар боса, дагъ усти багъ болур – Когда наступит весна – гора станет садом [3] и т. д.

5. Национальный колорит и своеобразие наблюдается **в пословицах с косвенной отсылкой на календарное время года:**

весна: Дуадакъ ягъмур ягъса баласынынъ башыны къорчалар, бурчакъ ягъса – озь башыны къорчалар – Дуадакъ джаун джауса баласынынъ башын къорчалар, бурчакъ джауса – генди

башыны кьорчалар – Если пойдет дождь, дрофа¹¹ будет защищать голову своего детеныша, если пойдет град – будет защищать собственную голову [3];

осень: Басымсыз пиченни ель алыр, ель алмаса, эль алыр – Басымсыз пиченинь ель алур, ель алмаса, эль алур – Не придавленное сено разбросает ветер, если ветер не разбросает – чужие заберут [3].

К данному типу относятся также пословицы, описывающие сезонные сельскохозяйственные работы и тем самым косвенно намекающие на время года, в которое выполняются. Ниже представленный образец упоминает осеннюю вспашку под яровые: *Надассыз тарла намазсыз моллагъа бенъзер – Надассыз тарла намазсыз моллагъа ушар* – Поле без зяблевой вспашки похоже на муллу, не делающего намаз [8].

Тема зяблевой вспашки – одна из часто используемых в календарных пословицах степных крымских татар. В текстологическом материале обнаруживается ряд отсылок к данному виду сельскохозяйственной деятельности: *Ягъмурнен надас топракъны джаныдыр – Джавынман надас топрагъын джаныдыр* – Дождь и зяблевая вспашка – душа земли [8].

6. Календарные пословицы, тесно связанные, а возможно **возникшие в рамках обряда и несущие информацию о нем**. Данные языковые клише узко функциональны, применяются в неразрывной связи с определенными национальными празднествами, обычаями и обрядами.

Несмотря на целый ряд отмечаемых в народе языческих (Наврез, Кыдырлез) и исламских (Ораза байрам, Курбан байрам) праздников, календарные пословицы степных крымских татар (рубежа XIX–XX вв.) освещают лишь празднества с невыраженной отсылкой к конкретной календарной дате.

¹¹*Дрофа* – произн. в славян. языках: рус. «дудак», чеш. «dudek», словц. «dudok», польск. «dudek», чеш. «dud». Производное от *чагатайск.* «тойдакъ, тогдакъ» и несколько позже *крымскотат.* «дувадакъ, дуадакъ». Птица приступает к гнездованию с середины апреля до конца мая. «Птенцы держатся возле матери до зимы, а иногда и до следующей весны» [1].

Наиболее часто встречаются паремии, связанные со свадебным обрядом, который, как правило, проводился осенью (после сбора урожая): *Душмандан бош кьайтсань да, тойдан бош кьайтма – Джавдан бош кьайтсань да, тойдан бош кьайтма* – Даже если от неприятеля порожним вернешься, со свадьбы порожним не возвращайся [8]; *Къара кьызгъа кельгенде, тань атар – Къара кьызгъа кельгенде, тань атар* – Займется заря, когда дойдет дело до «черной» девушки (невесты)¹² [3].

Иногда мужское застолье под воздействием спиртного затягивалось, часто жених и вовсе не отправлялся в комнату невесты, либо уединялся позже полагаемого времени.

Произносилась эта пословица по поводу столкнувшейся со злополучием «черной» девушки-невесты, так и не дождавшейся жениха в день собственной свадьбы.

7. Календарные пословицы, содержащие **проклятия и магические приговоры**. Несмотря на строгий запрет в Исламе на колдовскую практику, в народе активно применяются магические словесные формулы: *Яз яткъаннинь янбашы сынсын, кьыш юргеннинь аягъы сынсын – Джаз джаткъаннинь джанбашы сынсын, кьыш джюргеннинь аягъы сынсын* – У пролежавшего все лето пусть бедро сломается, у проходящего всю зиму пусть ноги сломаются [8].

8. Клише, отражающие **межнациональные отношения через призму календарной даты**.

В паремиях степных крымских татар активно используются этнокультурные стереотипы применительно к наиболее многочисленным народам Крымского полуострова, примечаются наиболее характерные для них черты: *Март ичери, чингене тышары – Март ищери, щингене тышары* – Март внутри, цыган снаружи [8].

¹²У татар степного Крыма и татар Добруджи (Румыния) на рубеже XIX–XX вв. жених, в день свадьбы, гулял за дружеским (мужским) застольем, называвшемся «общение жениха» («киев кьонушмасы»). По традиции, после полуночи он уединялся в комнату для новобрачных, но через некоторое время вновь выводился обратно с песнопениями к молодым людям.

Основные выводы

– Сохранившийся текстологический материал рубежа XIX–XX вв. отражает состояние паремиологического фонда кипчакской, степной составляющей крымскотатарского народа.

– Единичные паремии на огузском диалекте не дают возможности определить лингвокультурный типаж крымского татарина Предгорья или Южнобережья.

– Календарные пословицы степных татар являются бесценной составляющей культурного наследия крымскотатарского народа.

Список источников и литературы

1. Беме Р. Л., Грачев Н. П., Исаков Ю. А., Кошелев А. И., Курочкин Е. Н., Потапов Р. Л., Рустамов А. К., Флинт В. Е. Курообразные, журавлеобразные // Птицы СССР. М. : Наука, 1987. С. 466–481. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дрофа>.

2. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. С.-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1901. 620 с.

3. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым / под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева. Симферополь : Типография Таврического губернского земства, 1914. 67 с.

4. Садокова А. Р. Японская календарная поэзия. М. : Наследие, 1993. 160 с.

5. Усеинов Т. Б. Диалектологический аспект в процессе создания лексикографических изданий, отражающих крымскотатарский паремиологический фонд // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2017. № 4. С. 5–10.

6. Усеинов Т. Б. Диалектологический взгляд на издание сборников крымскотатарских паремий // Научный вестник Крыма. 2017. № 3 (8). С. 5.

7. Усеинов Т. Б. Основные прагматические функции крымскотатарского паремиологического фонда // Научный вестник Крыма. 2018. № 3 (14). С. 18.

8. Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler / Hazırlayan M. Ülküsal. Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970. 253 s.

К ВОПРОСУ ОБ УПОМИНАНИИ ГИДРОНИМА ИТИЛЬ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Н. В. Беленов

*Россия, Самара, Самарский государственный
педагогический университет*

В статье анализируются упоминания гидронима Итиль у тюркских народов в Сибири и в Средней Азии. Данное название встречается в тюркских источниках: как в рунических, так и написанных на арабском языке. Это дало повод ряду исследователей утверждать, что гидронимический термин «итиль» был ранее широко распространен в тюркских языках – ныне сохранившись лишь в башкирском и татарском, а также что ряд рек в Сибири и Средней Азии тоже назывался Итиль. Автор статьи, последовательно рассматривая все случаи упоминания гидронима Итиль в тюркских источниках, показывает, что во всех данных случаях нет оснований видеть под этим названием какую-либо реку, кроме Волги.

Ключевые слова: Итиль, Волга, тюрки, тюркские языки, Сибирь, Средняя Азия, гидронимия, географическая терминология

The article analyzes the mention of the Itil hydronym in Turkic peoples in Siberia and Central Asia. This name is found in Turkic sources: both in runic and written in Arabic. This gave rise to a number of researchers to argue that the hydronymic term «Itil» was previously widespread in the Turkic languages – now preserved only in Bashkir and Tatar, and that a number of rivers in Siberia and Central Asia was also called Itil. The author of the article, consistently considering all

cases of mentioning the hydronym Itil in Turkic sources, shows that in all these cases there is no reason to see under this name any river except the Volga.

Keywords: Itil, the Volga, the Turks, the Turkic languages, Siberia, Central Asia, hydronyms, geographical terminology

Географическая терминология тюркских народов чрезвычайно разнообразна, при этом существенная ее часть является общей для большинства тюркских языков, имея лишь закономерные фонетические отличия. Не так, однако, обстоит дело с термином «итиль», который в качестве самостоятельной лексемы бытует только в татарском и башкирском языках [9, с. 33]. Здесь он, как представляется, восходит к имени собственному – названию реки Волги, распространенному у тюркских и монгольских народов – Итиль (чувашское Атӑл, татарское Идел, башкирское Изел, ногайское Эдил, казахское Еділ, калмыцкое Иджил).

Почему же данный термин не принял собственного географического значения в других тюркских языках, в которых бытует собственная форма Атыл/Идель, например в чувашском или ногайском? Как представляется, на формирование географического термина в татарском и башкирском языках воздействие оказало наличие двух рек, содержащих в названиях формант «идель»: Чулман-идель – Кама (изначально – ниже впадения реки Белой до устья) и Агидель – Белая. Они же, в свою очередь, получили свои тюркские названия вследствие средневековых представлений об истоках Волги-Итиль где-то далеко на востоке, за Уральскими горами. Нередко за истоки Волги арабо-персидские географы принимали Иртыш: такое видение отражено, например, в географическом труде ал-Идриси, а эти представления, вероятно, были восприняты им от тюркских народов [2, с. 65].

Мы полагаем, что гидроним Итиль восходит к угорским языкам, из которых он уже проник в различные тюркские языки, а затем и в монгольские [3, с. 47].

Серьезным аргументом против такой точки зрения могло бы стать наличие гидронимов с формантом «итиль» на других

территориях расселения тюркских народов: в Средней Азии, Западной Сибири, Малой Азии и т. д. Таковых, впрочем, в современной гидронимической номенклатуре указанных территорий не обнаружено. Имеется, однако, ряд упоминаний в древнетюркских письменных источниках некоей реки с подобным названием; таким образом, возможно, термин «итиль» относится к тюркской лексической архаике и ранее был распространен достаточно широко в тюркских языках, а сегодня сохранился лишь в башкирском и татарском.

Попытаемся показать, что во всех случаях упоминания данного термина восходят к тюрко-монгольскому названию Волги.

Прежде всего, рассмотрим свидетельство М. Кашгарского, у которого гидроним в форме «Etil» достоверно фиксируется [8, с. 236]. Свое произведение М. Кашгарский предваряет рядом обращений к читателю, в которых разъясняет принципы его построения и содержание. Относительно упоминаемых в нем географических названий он сообщает следующее: «Из названий гор, пустынь рек, озер и прудов я упомянул те, что находятся на землях ислама. Из тех, что находятся на землях многобожия, я привел лишь несколько...» [7, с. 19]. Отметим, что река Итиль, протекающая по землям волжских булгар, во время написания труда (XI в.) относилась к «землям ислама». При классификации тюркских наречий Махмудом Кашгарским упоминается река с названием Атил, которую трудно идентифицировать, а гидронимический ряд, в котором она упомянута, позволяет гипотетически отнести ее к среднеазиатским или сибирским рекам: «Самым правильным (тюркским наречием. – *Н. Б.*) – у ягма, тухси и жителей долин рек Ила, Артиш, Йамар и Атил» [7, с. 45]. Специальная словарная статья, впрочем, опровергает данные предположения: «Атил – название реки на землях кипчаков, впадающей в море булгар, один из ее притоков протекает через Рус» [7, с. 47]. Географическая характеристика реки позволяет однозначно идентифицировать ее с Волгой: в XI в. кипчаки уже прочно закрепились в Поволжье, а булгары – на Каспии. Прикаспийский Саксин, по сведениям ал-Гарнати, посетившего город в XII в., фактически

контролировался булгарами и суварамии [6, с. 103]. В целом же, булгары взяли под контроль участок волжского пути от Булгара до Каспия вскоре после падения Хазарии [4, с. 205]. Приток, протекающий через земли руссов, очевидно, течение Волги до впадения в нее Камы, которую в XI в. в тюркском мире продолжали считать собственно Волгой-Атил [10, с. 93].

Далее, в «Легенде об Огуз-кагане», датируемой XIII в., которая известна лишь по одному парижскому списку XV в., также упоминается река «Etil» [8, с. 236]. По мнению ряда специалистов, данная легенда складывалась у огузских тюрок на протяжении длительного времени, а в прообразах Огуз-кагана можно видеть и полулегендарного шаньюя гуннов Модэ, и первых тюркских каганов [5, с. 115]. Последние варианты, в том числе и зафиксированный в списке, сложились накануне принятия огузами ислама, позднее Огуз-хан фигурирует в легендах уже как первый хан-мусульманин.

Так или иначе, в этом случае также нет оснований говорить о какой-то реке с подобным названием, отличной от Волги. Каганатские тюрки вышли к Волге в середине VI в., после чего эта река стала западной границей их государства. Из византийских источников следует, что к этому времени Волга в Византии уже была известна под именем «Тиль», тюрки же называли ее иначе; как именно – источники умалчивают, сообщая лишь, что это название означало «чёрная» [12, с. 10]. Вероятно, здесь также сказалась традиция отождествления истоков Волги с верховьями Иртыша, один из истоков которого и ныне носит название Кара-Иртыш [2, с. 65]. В дальнейшем, по-видимому, тюрки восприняли поволжскую форму названия реки, по нашему мнению, от утров либо от огузо-тюркского населения низовьев Волги. Тот факт, что Волга явилась западной границей каганата, обусловил ее относительно частое упоминание в эпических сказаниях, посвященных тюркским правителям и их державе.

Наконец, слово «идил», согласно прочтению И. А. Батманова, отмечено в тюркских рунических памятниках [1, с. 99]. А. А. Камалов предполагает, что речь здесь идет о какой-то от-

личной от Волги реке, название которой до нашего времени не сохранилось [9, с. 33]. Здесь, однако, надо заметить, что, как мы уже упоминали, тюрки познакомились с Волгой еще в VI в. При этом самые ранние датировки орхоно-енисейских рунических памятников не выходят за рубеж VII–VIII столетий [11, с. 112]. Таким образом, велика вероятность того, что под «рекой Идил» в рунических надписях понимается именно Волга. Наконец, согласно иным прочтениям орхоно-енисейских памятников, гидроним Идил в них вообще не фигурирует, а данный топоним означает «название неизвестной местности в Южной Сибири» [13, с. 184], на основании прочтения В. Радлова [14, с. 17]. В этом случае топоним может иметь достаточно широкий диапазон значений, но едва ли будет являться гидронимическим термином.

Таким образом, полагаем, что в средневековых упоминаниях термина «идил» в среднеазиатских и сибирских памятниках нет необходимости видеть отдельный географический термин либо собственное имя какой-либо другой реки, кроме Волги.

Список источников и литературы

1. Батманов И. А. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962.
2. Беленов Н. В. Восточные и европейские источники по топонимии Волжской Булгарии // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2016. № 2. С. 65–75.
3. Беленов Н. В. К вопросу о тюрко-монгольском названии реки Волги // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец, 2018. № 5. С. 44–50.
4. Беленов Н. В. Топонимия Волжской Булгарии в этноисторическом контексте. Самара, 2016.
5. Бичурин И. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом, с приложением карты Монголии и различных костюмов. СПб., 1828.
6. Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
7. Диван лугат ат-Турк. Махмуд Кашгарский : пер., предисл. и коммент. З-А. М. Ауэзовой. Алма-Ата, 2005.
8. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.

9. Камалов А. А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа, 1997.
10. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы : текст, перевод, комментарий. М., 2006.
11. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности : тексты и исследования. М. ; Л., 1951.
12. Напольских В. В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018. № 1. С. 7–29.
13. Наханова Л. А. Историко-семантическая интерпретация топонимов в орхоно-енисейских памятниках : дис. на соискание уч. степени PhD. Астана, 2014.
14. Radloff W. Die alturkishen inschriften der mongolei. St-Petersburg, 1895.

**ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЕДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА
В БЕРЕЗОВСКОМ УЕЗДЕ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

И. С. Томилов

Россия, Тобольск

Статья посвящена изучению оленеводства в Березовском уезде, ведение которого автохтонное население приспособляло к образу жизни животных. В работе находит отражение исследование состояния оленеводства у разных народов края, численность коренного населения и поголовья животных, рацион питания и образ жизни оленей, динамика и экономическое состояние отрасли скотоводства. Актуальность работы обусловлена выделением ряда особенностей, характерных для человеческой деятельности в области оленеводства, а также их встраиваемость под географо-климатические условия и природно-физиологическую специфику животных. Сегмент оленеводства в национальной экономике занимал весомое место. Несмотря на такую роль, оленеводство автохтонов в течение столетий хозяйствования не претерпело существенных изменений. Суровый климат и приверженность традиционному укладу жизни не способствовали внедрению инновационных технологий, совершенствованию технических приспособлений, развитию коллективных форм хозяйствования. Тем не менее к концу Нового времени (начало XX в.) устойчиво росло товарное оленеводство, а сама отрасль скотоводства из вспомогательной превратилась в основную.

Ключевые слова: Березовский уезд, оленеводство, образ жизни, автохтон, отрасль, поголовье, Новое время.

The article is devoted to the study of reindeer husbandry in the Berezovsky district, the management of which the autochthonous population adapted to the way of life of animals. The work reflects the study of the state of reindeer husbandry in different peoples of the region, the number of indigenous people and livestock, diet and lifestyle of deer, the dynamics and economic condition of the livestock industry. The relevance of the work is due to the allocation of a number of features characteristic of human activity in the field of reindeer husbandry, as well as their embeddability under geographical and climatic conditions and natural and physiological specificity of animals. The segment of reindeer husbandry in the national economy occupied a significant place. Despite this role, reindeer husbandry of autochthons has not undergone significant changes over the centuries. The harsh climate and commitment to the traditional way of life did not contribute to the introduction of innovative technologies, improvement of technical devices, the development of collective forms of management. Nevertheless, by the end of the New time (the beginning of XX century) commodity reindeer husbandry was steadily growing, and the industry of cattle breeding itself turned from auxiliary to basic.

Keywords: Berezovsky district, reindeer husbandry, lifestyle, autochthonous, industry, livestock, New time.

Оленеводство для коренного населения Тобольского Севера на рубеже XIX–XX вв. являлось одним из основных промысловых занятий, а для кочевых инородцев Березовского уезда – фактически единственным источником для существования. В силу этого людская деятельность, уклад жизни автохтонов были строго подчинены повадкам и образу жизни оленей (*Cervus tarandus*, олень северный). Так, хозяйство самоедов (дореволюционное название ненцев, самоназвание «нинэчи») полностью базировалось на ведении оленеводства. У значительной части зырян и остяков (хантов, самоназвания: «кондихо» (северные), «асьяхи» (южные) и др.) олени также занимали весомое место. Как писал член Врачебной управы Ф. М. Белявский, в 1820-е гг. посетивший край, «олени, спутники и питатели северных племен, спокойно пасутся

огромными стадами на мшистых тундрах, всегда покорные голосу человека, который им всем обязан и которому они ничем не должны» [1, с. 4].

Ввиду такой значимости отрасли для народного хозяйства и местной экономики, истории развития оленеводства коренных народов Тобольского Севера посвящено весомое число научных работ. Изучение этого вопроса берет начало в досоветском периоде. Тот же Ф. М. Белявский приводил сведения об особенностях использования оленей в качестве транспорта и пр. Кроме того, путешественник подробно описал основные промыслы и применяемые при этом орудия у различных народностей автохтонов: оленеводство и рыболовство у остяков, звероловство и оленеводство у самоедов [1, с. 40–45, 76–80, 174–182].

Исследователь Севера А. И. Якобий в своей работе приводил сведения о пастбищах, продукции тундрового оленеводства [27]. Весомый вклад в освещение целого комплекса проблем в конце XIX – начале XX в. внес известный ученый-сибиревед, этнограф и организатор ряда экспедиций в неисследованные районы Тобольского Севера А. А. Дунин-Горкавич. В своем фундаментальном труде «Тобольский Север» он уделяет внимание национальным чертам ведения оленеводства, процессам физиологии и питания животных, оценке рентабельности производства и многим другим аспектам этой отрасли скотоводства [5; 6; 7].

В 1908 г. под руководством Б. М. Житкова была проведена крупная экспедиция Русского географического общества на Север Тобольской губернии. Итогом поездки стала монография ученого, в которой в том числе затрагиваются сведения об оленеводстве ненцев Ямала, рассматривается экономическое значение отрасли для населения тундры [8].

В начале XX в. одними из наиболее острых проблем оленеводства являлись массовые эпизоотии и отдельные падежи скота. Для изучения вопросов эпидемий и предотвращения гибели животных был организован ряд экспедиций, по результатам которых опубликован комплекс трудов. Ученые освещали значимость деятельности для Севера Тобольской губернии, ход падежей, протекание и клинику заболеваний оленей, меры борьбы с рас-

пространением болезней, организацию ветеринарного дела [14, с. 1–22; 15, с. 123–139; 16, с. 17–21; 21; 25]. В этот период также публиковались доклады и отчеты, касающиеся расселения инородческих семей, их обеспеченности оленями и др. [24, с. 1–32].

В советский период историей становления оленеводства на Ямале занимались М. М. Броднев, П. Н. Востряков, А. В. Головнев, Ю. Б. Симченко [2; 3, с. 94–108; 22].

Из современных работ интерес представляет монография Е. В. Кариха, посвященная межэтническим отношениям среди населения Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения (XIX – начало XX в.). Часть работы посвящена коренным народностям Тобольского Севера и культивируемому ими оленеводству [10]. Серия трудов В. А. Козьмина посвящена историографическому аспекту, а также состоянию оленеводства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. [11, с. 227–242; 12].

Этнографический состав населения Березовского уезда к 1904 г. выглядел следующим образом: остяки – 10 649 чел. обоего пола (27,5 % от числа жителей всего Тобольского Севера и 43,1 % населения уезда), вогулы – 2530 (соответственно, 6,5 и 10,2 %), самоеды – 6207 чел. (16 и 25,1). Всего на территории уезда проживало 19 386 автохтонов (74 % всех инородцев губернии, 50,1 % населения Тобольского Севера и 78,4 % жителей уезда), 5344 русских (сюда же причислялись выходцы из Малороссии и представители иных ветвей славяно-православного происхождения) и зырян (21,6 % населения Березовского уезда, 13,8 – Тобольского Севера) [4, с. 28–31].

К началу XX в. подавляющая часть жителей Березовского уезда существовала за счет собственного хозяйства: натурального (олeneводство, рыболовство, охота) – у автохтонов, мелко-товарного (торговля, товарные рыболовство и оленеводство) – у русских и зырян. Застой в хозяйственной жизни инородцев был связан с условиями сурового климата, вынуждавшими все силы тратить на удовлетворение насущных потребностей. Этим объясняется отсутствие инновационных орудий производства и низкий уровень благосостояния коренного населения, влиявших на раз-

витие культуры. Подобное положение вещей было характерным для всех народностей уезда, отличаясь между собой лишь степенью отсталости. По мнению авторитетного этнографа А. А. Дунина-Горкавича, наиболее примитивными являлись остяки (за исключением проживавших на р. Казым), далее следовали вогулы (самоназвание «манси») и самоеды. Лидерство последних в своеобразном «интеллектуальном зачете» среди автохтонов объяснялось тем, что их рацион, благодаря оленине, был более сбалансированным и питательным, чем у рыбаков-остяков и вогулов [7, с. 27]. Однако, несмотря на практикуемый в течение столетий промысел, даже они не смогли в полной мере рационализировать оленеводство. В отличие от самоедов, проживавших в заполярной части уезда, остяки и вогулы населяли зону высокоствольных лесов. При этом вогулы, в основном, занимали бассейн р. Сосьвы и Ляпина, т. е. приуральскую (западную) часть Березовского уезда (рис. 1: 7).

Рис. 1. Ляпинские вогулы

Остяков, использовавших лошадей в качестве средства передвижения и транспортировки, называли лоша́дными, или

оседлыми. Несмотря на культивирование скотоводства, они существовали за счет продуктов рыболовства и проживали по рекам: Ковинская, Васпухол, Ендырь, а также в низовьях Северной Сосьвы. Оленные остяки в пределах уезда селились следующим образом: рыболовы-оленоводы – по течению Оби ниже Березова; остяки, примерно в равной степени ловившие зверей, рыбу и разводившие оленей, – на р. Казым. Существовала и третья группа остяков, так называемые пешеходы-звероловы, жившие по р. Малая Сосьва. Они не имели лошадей и оленей, добывая средства к существованию за счет звероловства. Богатство остяков составляли олени, «сберегаемые ими с крайней осторожностью и величайшей заботливостью; у кого есть от 200 до 5 тыс. оленей, тот называется богатым. Неимеющие оленей действительно очень бедны, ибо животные сии доставляют остяку все платье, пищу... Невозможно однако назвать сие истинным богатством по той причине, что как бы велико число оленей у остяка не было, он не улучшает своего состояния, живет в одной и той же юрте, употребляет такую же пищу, как и все прочие, т. е. рыбу и мясо издохшего оленя. Одна крайность заставит его убить оленя для утоления голода, и то только богатые решаются на такое пожертвование; бедные же голодное время питаются одним подаянием» [1, с. 80–81].

Оленеводство у вогулов и остяков, проживавших в зоне высокоствольных лесов (часть Березовского уезда южнее 64-й параллели с. ш.), едва удовлетворяло их потребностям в передвижении. Точное количество оленей, как и их хозяев-самоедов, было неизвестно. Согласно неполным официальным данным (обзоры Тобольской губернии, памятные книжки, списки населенных мест), с 1897 по 1904 г. поголовье оленей в Березовском уезде увеличилось в 2,7 раза (со 164 463 до 448 151 голов), в Сургутском – в 2,6 (с 2203 до 5870) [17, с. 37; 20, с. 92; 23, с. 112]. Однако, по замечаниям А. А. Дунина-Горкавича, с 1899 по 1901 г. количество животных в официальных документах увеличилось одновременно более чем на 300 тыс. голов, что представляется абсолютно невозможным, учитывая предыдущие темпы роста поголовья и осо-

бенности размножения оленей (рис. 2: 13). Кроме этого, за 1900 г. данные о скотоводстве вообще отсутствовали. Таким образом, из верификации источников видно, что регулярная регистрация оленьей фактически не велась, а информация из официальных источников ежегодно без существенных изменений переписывалась в отчеты и представляется необъективной [7, с. 108–110].

Рис. 2. Вид на Обдорск и перекочевку самоедов

Зыряне, как и автохтоны, делились на оседлых и кочевых. В силу образа жизни и этнических черт они в большей степени, чем русское население, тяготели к экономической деятельности в труднодоступных глухих местностях. Такие важные отрасли народного хозяйства, как оленеводство и рыболовство, у инородцев находились в стазисе элементарного уровня, в то время в руках зырян промыслы получали заметное ускорение и прогресс. Автохтоны в материальном отношении были в меньшей степени за-

интересованы в развитии оленеводства, чем зыряне. Одним из наглядных свидетельств этого служит их деятельность в Обдорском крае: зыряне у инородцев скупали предметы промыслов (шкуры оленей, пушных зверей и пр.) по более высоким ценам, чем предлагаемые русскими торговцами. Это привело к серьезной конкуренции с местными предпринимателями, повышению стоимости продукции коренных жителей и препятствовало стремлению русских купцов к легкой наживе.

Продуктивность зырянского оленеводства, подходы к его ведению проявлялись и в процессе забоя животных. Чаще валили молодых годовалых оленей, получая более ценную шкуру. В отличие от них инородцы предпочитали забивать зверей в зрелом возрасте: олени набирали мышечную массу тела, но теряли ценность своей шкуры. Часть зырян занималась оленеводством ради получения продуктов скотоводства, другая – для извозного промысла. Поэтому первые предпочитали держать важенок (самок северного оленя), другие – молодых бычков. Зыряне, как правило, содержали стада средних размеров – около 500 голов. По 1–2 тыс. животных владели немногие, а по 4 тыс. и более – единицы. Градация была обусловлена системой питания и мерами санитарной безопасности: большая численность оленей требовала значительного надзора, увеличения корма (на 1 км² тундры среднего качества, при условии соблюдения экологической безопасности, в течение года могли прокормиться не более 4–5 оленей) и служила дополнительным фактором риска при возникновении эпизоотии. Если все же хозяин-зырянин владел большим стадом, то стремился дробить его на относительно мелкие.

По оценкам А. А. Дунина-Горкавича, ежегодная доходность со стада оленей среднего поголовья составляла 500 руб. (из расчета 5 руб. за одного оленя при 100 головах, которые можно было забить в течение года без последствий для воспроизводства численности стада). Чистая прибыль, с учетом расходов на пастьбу, определялась ученым в 400 руб. Сбывать оленину зыряне предпочитали в местном торговом центре – Обдорске. Среди продуктов оленеводства коренного населения зыряне ежегодно вывозили с

Обдорской ярмарки около 10 тыс. шкур, направляемых в с. Ижму (Печорский уезд Архангельской губернии, ныне – Республика Коми) для выделки замши (рис. 3: 13).

Рис. 3. Обдорская ярмарка

Численность оленей у самоедов Тобольского Севера в 1847 г. (по подсчетам географа-статистика И. Ф. Штукенберга) составляла 95 тыс. голов, у зырян-ижимцев в 1842 г. (по данным этнографа В. А. Иславина) – около 120,5 тыс. В 1892 г. у 686 самоедских семейств (по сведениям историка-этнографа И. М. Снегирева) количество оленей не превышало 80 тыс., а у 739 зырянских семейств – свыше 200 тыс. Таким образом, в течение полувека численность самоедских оленей снизилась более чем на 15 тыс. голов. За этот же период у зырян в соседних губерниях она значи-

тельно выросла (на 86 тыс.), несмотря на регулярно возникавшие там эпизоотии [7, с. 112–115; 9, с. 82–88; 26, с. 42].

Пищей оленей являлась скудная флора тундры: летом и осенью – лишайник (*Lichen nivalis*), листы карликовой березы (*Betula nana*), копеечник альпийский (*Hesiderum alpinum*), борщевик (*Heraclеum*); зимой – лишайник еловых деревьев (*Lichen hirtus*). Как отмечал современник, «питаются олени не одним мхом, и, хотя могут есть траву и сено, однако ж, очень слабеют, а иные даже и умирают от них; а потому для их пастбищ выбираются места самые обильные мхом» [1, с. 38, 225].

С середины XIX в. устойчиво росло товарное рыболовство. Оленеводство добилось этого только спустя полвека, но продолжало уступать добыче рыбы, пушнины и по-прежнему было рассчитано на внутреннее потребление. Тем не менее к началу XX в. оленеводство из вспомогательной отрасли превратилось в одну из основных. Это свидетельствовало о переходе инородцев от потребляющего охотничьего хозяйства к производящему скотоводческому.

В начале XX в. сведения о количестве домашних оленей также были крайне неточны. К 1911 г. поголовье домашних оленей на Тобольском Севере составляло 473 тыс. особей, из которых 467 тыс. приходилось на Березовский уезд. Для сравнения, поголовье лошадей во всей губернии насчитывало 844 тыс. Практически все олени принадлежали ненцам и зырянам, содержавшим крупные стада и кочевавшим на территории Обдорского края. С другой стороны, согласно сведениям Тобольского статистического комитета, если в XIX в. численность оленьего поголовья в уезде не превышала 200 тыс. голов (в 1870 г. – 131 тыс., в 1884 г. – 126 тыс., в 1897 г. – 167 тыс.), то уже в начале XX в. этот показатель увеличился более чем в 2 раза: в 1904 г. – 454 тыс., в 1910 г. – 467 тыс. В 1911–1912 гг. на Ямале бушевала эпидемия, в результате которой пало около 100 тыс. оленей, и численность оленей значительно снизилась – до 403–413 тыс. голов. Однако уже к 1914 г. поголовье практически достигло доэпизоотного уровня –

453 тыс. [18, прил. Б; 19, с. 10, 12; 23, с. 5; 28, с. 152]. Таковы примерные данные динамики численности домашних оленей в последней трети XIX – середине второго десятилетия XX в. на Тобольском Севере (рис. 4: 7).

Так называемые куноватские (по месту проживания около одноименного села) и обдорские остяки занимались выловом рыбы (прежде всего, наиболее ценного муксуна), охотой на птицу (летом) и копытных зверей (зимой). Оленеводство у таких остяков играло второстепенный (транспортный) характер. Приоритет в выборе промыслов напрямую влиял на уровень благосостояния. Те же обдорские ханты жили беднее тундровых соседей-олeneводо-дов по ряду причин. Во-первых, рыболовство – процесс довольно трудоемкий и менее эффективный, чем оленеводство (товарное рыболовство хантами не практиковалось как из-за нехватки орудий и приспособлений, так и мотивации для их приобретения). Во-вторых, основные запасы самого дорогого зверя (песца) были сосредоточены в тундре.

Самоеды в основном занимались кочевым оленеводством, сочетавшимся с рыболовством и охотой. Среди них выделяют ныдскую группу (р. Ныда), добывавшую пропитание благодаря лову рыбы, и «степных» ненцев, рыбной ловлей не занимавшихся. «Удобными местами для кочеванья почитают они [*самоеды*. – И. Т.] тундренные, то есть изобилующие мхом, нужным для их оленей, также и рыболовные и лесные, необходимые для их промыслов» [1, с. 153].

Несмотря на огромную роль оленеводства в жизни автохтонов Тобольского Севера, оно было слабо связано с рынком: источником денежно-меновой торговли выступала пушнина. К занятиям русского населения относились рыболовство (индивидуальное, наемное, промысловое) и торговля с инородцами. Купцы-горожане розничной торговлей практически не занимались, и нишу посредников между ними и охотниками заняли мелкие предприниматели-обдоряне. Зыряне (коми-ижемцы) были заняты в сфере услуг (торговля, извоз). Центрами купли-продажи

кожевенного сырья и рыбы на севере уезда, вопреки определяющей роли города, считались села (в первую очередь Обдорск и Мужы). Однако большинство ижемцев-мигрантов с Урала занимались тундровым оленеводством.

Рис. 4. Самоеды р. Ныда с оленями

Значение оленеводства было настолько велико, что животные часто выступали субъектами уголовных преступлений. Согласно книге для записи приговоров относительно тяжб, споров и проступков инородцев ведения Обдорской остяцкой и самоедской управы, с 1881 по 1901 г. зафиксировано 37 случаев краж оленей и 4 незаконного присвоения чужого имущества, являвшегося продуктом оленеводства (около 40 % всех проступков в Обдорском крае за указанные 20 лет). Наказание виновных в таких случаях было гораздо суровее, чем за воровство другой собственности. Например, за кражу трех оленей с нартой обвиняемые самоеды

должны были заплатить потерпевшему 50 руб. (в случае отсутствия денег – были отправлены на год в работу), а также получить по 50 ударов розог каждой (укрыватели преступников осуждены на 30 ударов). Осудить могли даже за попытку воровства оленей. Так, в интернациональном покушении на кражу 8 оленей участвовали архангельские зырянин и самоед, а также ляпинский самоед. При этом инородцы были осуждены на 10 ударов розог, а с зырянина предстояло взыскать 4 оленя. В третьем случае обвиняемый самоед за кражу трех оленей был приговорен не только к возврату похищенного (в денежном эквиваленте – 30 руб.), но и к 50 ударами розог. Часто олени выступали как мера штрафа за совершенное или планируемое преступление. Например, за изнасилование женщины обвиняемые самоеды были вынуждены отдать потерпевшей 3 оленя [7, прил. 5, с. 26–33].

Олени часто выступали и предметами претензий в правах наследования инородцев: между братом и сестрой после смерти отца, дочкой и братом покойного инородца, опекунами и подопечными, родственниками внутри одного рода и др. Кроме того, очень часто животные становились объектами споров о праве владения движимого имущества между соплеменниками [7, прил. 5, с. 36–37].

Важность оленя для автохтона неизменно подчеркивал практически любой путешественник, побывавший в Березовском уезде: «Инородцы, чуждые образованности, при столь жестоком климате были бы самые несчастные в мире существа без сих животных, которые, сверх пищи, жилья и одежды способностью бегать по снегу целиком, часто избавляют их от замерзания; и нередко сохраняют от смерти людей, которые во время сильных буранов ложатся между оленями» [1, с. 46].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. оленеводство для коренных народов Тобольского Севера являлось одним из основных занятий. Однако его значение для разных этносов автохтонов было различным. Практически для всех племен самоедов (ненцев) олень выступал центральным объектом хозяйствования, поклонения, источником пропитания и побочных продуктов быта.

В отличие от них, вогулы (манси) и остяки (ханты) делились на географические и промыслово-ориентированные группы. У одних, так называемых оленных остяков оленеводство примерно в равных долях сочеталось с рыболовством и звероловством. У других оно не играло вообще никакой роли. Кроме инородцев оленеводством занималось и пришлое население, в основном – зыряне. В отличие от автохтонов, масштабы разведения оленей у них были скромнее, но с приоритетом на товарное производство. Русские держали животных в исключительных случаях и, как правило, имели дело лишь с конечными продуктами отрасли. В Березовском уезде ведение оленеводства было весьма велико. Помимо подсобного хозяйства и вклада в экономику региона, оно также оказывало влияние на демографию, миграцию, образ жизни, быт, верования, благосостояние и даже интеллектуальные способности автохтонов.

Список источников и литературы

1. Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому океану. М. : Тип. Лазаревых, 1833. 263 с.
2. Востряков П. Н., Броднев М. М. Оленеводство Ямала. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1964. 98 с.
3. Головнев А. В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 94–108.
4. Дунин-Горкавич А. А. Справочная книжка Тобольской губернии : прил. к карте Тобольской губернии, по сведениям до января 1904 г. Тобольск : изд. автора, 1904. 160 с.
5. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1 : Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб : Тип. В. Киришбаума, 1904. 281 с.
6. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2 : Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск : Тоб. типография, 1910. 432 с.
7. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 3 : Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск : Тоб. губерн. типография, 1911. 208 с.
8. Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб. : Тип. М. М. Стасюлеви-ча, 1913. 350 с.

9. Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.
10. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
11. Козьмин В. А. Западносибирское оленеводство (историографический аспект) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург–Салехард, 2005. С. 227–242.
12. Козьмин В. А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : (Проблема происхождения и типология) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. 24 с.
13. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и Земля Ямал : путевые записки. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1868. 121 с.
14. Макаревский А. Н. Значение оленеводства на севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними : доклад ветеринарного врача // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1906 год. Тобольск, 1907. Вып. 16. С. 1–22.
15. Макаревский А. Н. К вопросу об организации ветеринарного дела на севере Тобольской губернии вообще, в частности о борьбе с эпизоотиями оленей // Труды Первого губернского совещания ветеринарных врачей и фельдшеров в Тобольске 10–17 марта 1907 года. Тобольск, 1907. С. 123–139.
16. Макаревский А. Н. Падеж оленей и беспомощность населения на севере Тобольской губернии // Вестник общественной ветеринарии. 1912. № 13–14. С. 17–21.
17. Обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск : Губернская тип., 1898. 94 с.
18. Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск: Тип. Губернского управления, 1911. 40 с.
19. Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск : Тип. Губернского управления, 1916. 78 с.
20. Памятная книжка Тобольской губернии на 1904 г. Тобольск : Губернская тип., 1904. 192 с.
21. Попов Н. Ветеринарные нужды Березовского уезда // Труды Второго губернского ветеринарного совещания в Тобольске в 1908 году. [Б. м., б. г.]. 43 с.
22. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М. : Наука, 1976. 312 с.
23. Список населенных мест Тобольской губернии. 1904. Тобольск : Губернская тип., 1904. 182 с.

24. Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С. И. Драчинского в 1913 г. // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1914 год. Тобольск, 1914. Вып. XXIV. С. 1–32.
25. Чеботарев А. Н. Массовые падежи оленей на низовьях реки Оби летом 1905 года и характер их. Тобольск : Тип. М. Н. Костюриной, 1915. 30 с.
26. Штукенберг И. Ф. Указатель для изучения России в отношении географии, топографии, этнографии и статистики. В 4 ч. Ч. 1. СПб. : Тип. И. И. Глазунова и комп., 1849.
27. Якобий А. И. Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1900. 40 с.
28. Ямал – знакомый и неизвестный : монография / А. М. Аблажей, В. А. Бойко, А. П. Зенько и др. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СОРАН, 1995. 238 с.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР
В ТОБОЛЬСКОМ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ
МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ**

Я. Б. Абдуллина

*Россия, Тобольск, структурное подразделение
«Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник»
ГАУК ТО «ТМПО»*

В статье рассмотрено наследие заболотных татар в составе этнографической коллекции народов Севера и Сибири в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. Представлены некоторые данные об этнографических поездках в места проживания заболотных татар, начиная с середины XX в. В статье представлены музейные предметы, привезенные из различных экспедиций, а также этнографические отчеты. Культура заболотных татар мало изучена, практически отсутствуют крупные исследования. В статье сделана попытка обзорно рассказать о некоторых имеющихся коллекциях по заболотным татарам.

Ключевые слова: культура, сибирские татары, заболотные татары, этнографические коллекции, этнография.

The article deals with the cultural heritage of the Zabolotnye Tatars as part of the ethnographic collection of the peoples of the North and Siberia in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. From the middle of the 20th century are presented some data on ethnographic trips to the places of residence of the Zabolotnye Tatars. The culture of the Zabolotnye Tatars are little studied, there are

not major scientific studies. The article made an attempt to briefly tell about some of the museum collections.

Keywords: Culture, Siberian Tatars, Zabolotnye Tatars, ethnographic collections, ethnography.

Особенности культурного наследия любого народа необходимо рассматривать и изучать, т. к. глобальные процессы культурной интеграции и унификации затрагивают практически все народности. Необходимо выделять особенности того или народа, ведь каждый народ имеет свои уникальные черты. На современном этапе становится важным сохранить и популяризовать различные формы традиционной культуры, которые проявляются в материальной и духовной составляющей. В данном контексте огромную роль в сохранении культурного наследия играют такие учреждения, как музеи, они представляют культуру в материальной и духовной сфере. Статья направлена на выявление особенностей культуры заболотных татар в музейных коллекциях Тобольского музея-заповедника. В этой работе сделана попытка проанализировать музейные коллекции, связанные в целом с сибирскими татарами и с заболотными татарами в частности, в фондах и в музейных экспозициях. Характерные особенности заболотных татар сформировались в результате влияния местных финно-угорских племен и практически не изучены.

Коллекции по этнографии начали формироваться еще до основания Тобольского музея – в 1870 г. До 1910 г. коллекции пополнялись благодаря дарению музею предметов частными лицами. С 1910 по 1927 г. музей был поставлен на научную основу, исследователи начинают проводить экспедиции по территориям Тобольской губернии, в этот период была сформирована одна из уникальных этнографических коллекций. На современном этапе в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике в структурном подразделении Тюменского музейно-просветительского объединения находится одна из ценнейших этнографических коллекций народов Севера и Сибири, представляющая быт, промыслы, занятия, народный костюм, действует постоянная

выставка «Культура и быт сибирских татар», которая находится в экспозиции Дворца наместника. Большая часть поступлений по сибирским татарам в музей появилась в 1921 и 1936 гг. До этого периода были поступления во II половине XIX в., однако это были отдельные предметы. На сегодняшний день коллекция по материальной культуре сибирских татар насчитывает более 400 предметов.

Среди сибирских татар ученые выделяют заболотных татар. Заболотные татары представляют субэтническую группу людей, которые принадлежат к этносу сибирских татар, но отличаются особенностями своей культуры, языком, а также местностью их компактного проживания в северо-западной части Тобольского района Тюменской области России (преимущественно в Ачирском и Лайтамакском сельском поселениях). По описаниям «Губернских ведомостей» 1860 г. о заболотных татарах: «охота была одним из главных занятий. Звероловством занимаются преимущественно зимой в болотах и лесах, куда заходят медведи, лоси, олени, белки, зайцы и другие звери. На охоту заболотные инородцы ходят на лыжах».

Интерес к культуре и истории заболотных (ясколбинских) татар был вызван многочисленными научными экспедициями в отдаленную местность – в районы Лайтамакского и Ачирского поселений Тобольского района. Одними из первых исследователей были научные сотрудники Российской академии наук. Сбор этнографической коллекции по заболотным татарам Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН начался в 1948 г. с экспедиции научного сотрудника МАЭ В. В. Храмовой в Тюменскую область, Тобольский район, Лайтамакский сельский совет. В. В. Храмова пришла к заключению, что «заболотные татары» относятся к тюркской группе народов, но историю этих татар нужно будет изучать, используя археологические находки в этих местах, т. к. она считала, что «находки керамики принадлежат, по-видимому, не татарам, а какому-то другому народу, жившему здесь в начале нашей эры» [5, с. 174].

Тобольским музеем-заповедником были организованы

экспедиции в 1970–1980-е гг. в районы проживания заболотных татар. Инна Андреевна Сыркина проводила археологические раскопки, ею было исследовано городище Иляк-Альпа в Заболотье, относящееся к эпохе поздней бронзы и Средневековья [4]. Игорь Владимирович Белич проводил экспедиции к сибирским татарам в 1974 и 1978 гг. В этот период были выявлены и представлены в Тобольский музей коллекции по материальной культуре сибирских татар. В 1974 г. – 50 предметов, в 1978 г. – 68 предметов. В 1980–1990-е гг. И. В. Беличем проводились экспедиции в Бегишевский, Вагайский, Ярковский районы Тюменской области и в Муромцевский район Омской области [2]. Им было собрано несколько десятков предметов материальной культуры сибирских татар.

В коллекции «Этнография Севера и Сибири» в фондах представлены предметы по различным тематикам: «Бисерные изделия», «Животноводство», «Земледелие», «Игры и игрушки», «Меховые изделия», «Одежда», «Охота», «Предметы культуры», «Ремесло», «Рыболовство», «Транспорт», «Украшения», «Утварь». В коллекции «Игры и игрушки» о заболотных татарах можно узнать из рисунков детей-школьников, выполненных на тетрадных листах, время создания рисунков датируется 1936 г. Рисунки были выполнены школьниками из села Лайтамак. В этих рисунках дети представляли хозяйственную жизнь заболотных татар. Рисовали животных, обитающих в местной природной среде. Подписи к рисункам выполнены на латинице на местном диалекте. В разделе о промыслах и хозяйственной жизни заболотных татар «Рыболовство» представлены иглы для плетения сетей второй половины XX в. д. Вармахли Тобольского района. Помимо фондохранилища Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, сведения о сибирских татарах можно найти в научном архиве музея. Здесь интерес представляют отчеты об этнографических поездках и работах в районы компактного проживания сибирских татар. В научном архиве хранится «Отчет об этнографических работах в 1995 году», составленный А. А. Адамовым. В отчете содержатся материалы интервью с жителями

села Лайтамак о традиционных народных играх и занятиях, где представлены сведения о самобытной и уникальной культуре [1]. Встречаются такие игры и занятия, как «чукэ» (городки), «нештэ атышу» (бросание глины), «касалай атышу» (охота на маленьких птичек). Интересны сведения из «Материалов по этнографии усть-ишимских (1980–1981 гг.) и заболотных (1983 г.) сибирских татар» А. В. Головнева [3]. Он отмечает, что наиболее сильное угро-самодийское влияние испытали тобольские и заболотные татары. В отчете представлена информация о межэтнических контактах, миграциях, истории появления поселений, происхождении топонимов, хозяйственной жизни, торговле, жилищах, одежде, утвари, транспорте, социальном устройстве, семье и родственных отношениях.

Таким образом, коллекции по сибирским татарам собирались в основном с середины XIX до середины XX в. В последней четверти XX в. этнографическая коллекция сибирских татар является важной составляющей в изучении традиционной культуры народов Сибири. Рассматривая особенности культуры небольшой этнической группы заболотных татар, можно отметить, что этнографические коллекции Тобольского музея-заповедника являются источником для изучения этнической истории, традиционной культуры, обычаев и верований. В коллекции сибирских татар предметы, связанные с заболотными татарами, представлены отдельными фрагментами. Отдельные категории предметов по заболотным татарам сохраняют этнические особенности народа, только в музее можно увидеть предметы, давно ушедшие из повседневной жизни.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Отчет о этнографических работах в 1995 году // Научный архив ТИАМЗ. НА-1556/1-20.
2. Белич И. В. Материалы этнографической экспедиции в Тобольский район к ясколбинским татарам, 1987 г. // Научный архив ТИАМЗ. Д. 1181.
3. Головнев А. В. Материалы по этнографии усть-ишимских (1980–1981) и заболотных (1982) сибирских татар // Научный архив ТИАМЗ. Д. 1240.

4. Сыркина И. А. Отчет историко-бытовой экспедиции Тобольского музея-заповедника, проводившейся с 20 по 24 марта 1973 г. // Научный архив ТИАМЗ. Д. 1193.

5. Храмова В. В. Заболотные татары // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1950. № 2. С. 174–183.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ НАРРАТИВЫ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА

А. С. Тимощук

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Цель работы: провести ценностно-смысловой анализ древнеиндийского эпоса. Задачи работы: 1) определить место эпоса в древнеиндийской литературе, 2) предложить классификацию индийского эпоса с точки зрения эстетического отношения к миру, 3) дать характеристику эстетических нарративов.

В условиях глобализации мы имеем беспрецедентные возможности изучать мировые эпосы и их влияние на динамику культур, определить внутренние институциональные и структурные условия, обуславливающие социально-политическую роль эпоса в развитии цивилизаций; установить решающие факторы модернизации мифа; наметить главные направления его трансформации в эпохе модерна.

Ключевые слова: нарратив, эстетизм, пурана, итихаса, миф.

The purpose of the work is to conduct a value-semantic analysis of the ancient Indian epic. The tasks of the work are: 1) to determine the place of the epic in the ancient Indian literature, 2) to propose the classification of the Indian epic from the point of view of the aesthetic attitude to the world, and 3) to characterize the aesthetic narratives.

In the midst of globalization, we have unprecedented opportunities to study the world epics and their influence on the dynamics of cultures, determine their internal institutional and structural conditions that influence the socio-political role of the epic in the develop-

ment of civilizations; to fix the decisive factors in the modernization of myth; to outline the main directions of its transformation in the era of modernity.

Keywords: narrative, aesthetics, purana, ithihasa, myth.

Введение

Археолог А. А. Адамов открыл удивительный мир средневековых сибирских городов. Благодаря новым исследованиям мы теперь знаем, что мир древних культур и цивилизаций был сложнее, чем мы первоначально предполагали. Сходным потенциалом обладают исследования древних литератур, которые доносят в мифологической форме комплексные представления о мире и человеке.

Традиционные ценности связаны с выживанием человека как родового существа, а постиндустриальные – как смыслового индивида. Оба типа ценностей не противопоставлены друг другу, а находятся в логике дополнительности. В позитивном значении современной текучей modernity эти амбивалентные ценностные установки дают социальную мобильность, возможность менять статусы. С другой стороны современный homo culturalis зачастую становится ареной конкурирующих ценностных установок, что может приводить к стрессам, неврозам и депрессиям.

В этой связи интересно, как происходит синтез традиционных и посттрадиционных ценностей в глобальном сообществе, какое место занимают сегодня эпические произведения, которые когда-то служили квинтэссенцией смыслов для традиционных культур. Рассмотрим, каким трансформациям подверглись нарративы Индии.

Эпос представляет собой архаичный художественный текст, выполняющий сложные функции в традиционном обществе: коммуникативную, когнитивную, политическую, легитимирующую, досуговую и иные. Переходя от литературоведческого подхода к философскому, следует поместить эпос в расширяющийся дискурсивно-нарративный контекст, где он обретает но-

вую интерпретацию как универсальная форма коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры. Нарратив – носитель единицы культурной информации, действующий описательно-эмоциональную функцию человека в его рефлексии мира и общества. Нарративное знание удовлетворяет потребность в личностном, эмоциональном познании мира и связывает общество прочными скрепами в виде ключевых текстов, определяющих на века дискурс культуры (Веды, Трипитаки, Тора, Библия, Коран и т. п.).

Нарратив тесно связан с социокультурной феноменологией, которая анализирует общество как совокупность жизненных миров, генерирующих и транслирующих свои тексты, артикулирующих идентичность этой группы [7].

В мире нарастающей сложности традиционные нарративы, сакральные тексты уже не обеспечивают легитимацию и универсализацию социальных ценностей. Глобализированное общество разобщено в своих генераторах смысла. Исторические ключевые тексты культуры уже не обладают такой силой макронаррации. Ценностно-смысловые коды культуры весьма разобщены. В этих условиях имеет место пролиферация нарративов. Сегодня нарративизации подвергается политика (неомифотворчество), наука (междисциплинарный, повествовательный и развлекательный стили подачи естествознания), предпринимательство (дневник бизнесмена, истории успеха). Формируется целое направление нарративной экономики, в которой рассматривается легитимизирующая и стимулирующая роль дискурсов в создании экономических эффектов, как влияет мотивация ключевых текстов на паттерны потребления, корпоративное поведение, рыночный обмен и распределения благ [1].

Существенно, что в условиях кризиса больших нарративов светское право и государство берет на себя функции метанаррации. Вместе с тем классические монументальные нарративы также участвуют в процессе глобального культурного синтеза. Более того, современная ситуация модерна позволяет предложить новую интерпретацию места эпоса в культуре.

Эпос в структуре Вед

Ведийские нарративы – это динамичный феномен [8]. С течением времени они подвергались адаптации к изменявшимся условиям жизни. Для прояснения вопроса о сущности эпического материала важно изучить ее ценности и смыслы. Нарратив может быть понят лишь внутри культуры, в которой он функционирует. Равно как и традиция может быть понята только сквозь призму нарративов, ибо без них не существует.

Телеология ведийских и эпических текстов позволяет признать их равную значимость для аксиологического анализа ведийской культуры. В качестве функций традиционных нарративов можно назвать ценностно-смысловую трансляцию и возможную последующую трансценденцию индивида. На уровне нарративов-откровений это «имманентная» трансценденция – гармония с реальностью в реализации своих утилитарных смыслов.

Кульминация трансценденции имеет место в нарративах-преданиях. Бхагавад-гита, Бхагавата пурана призывают к трансцендированию, благодаря которому человек выходит за рамки своего наличного бытия, вскрывает имманентное и расширяет смысловые горизонты. Сковывать себя этим пространством, локальным жизненным миром, держаться за сиюминутное, пусть даже освященное богами, есть имманенция, а обращаться к первоосновам (сфере примордиального), супра-объективному, единому и интимно-личному есть трансценденция. Они оппозиционируют друг к другу как бытие во времени и бытие вне времени. Трансцендирование – это акт выскакивания человека за естественный, природой регулируемый ход событий.

Ведийская литература в целом содержит референцию на одну трансценденцию – выход за предел обыденного, земного, но различия в этосе источников позволяют усмотреть ее оттенки. Модальность ведийского логоса позволяет выделить из всего субстрата литературу прагматико-символическую (самхиты, брахманы), гностическую (упанишады, араньяки) и эстетическую (итихасы-пураны). В первом случае осуществляется попытка трансценденции за счет превосхождения уровня утилитарной

деятельности, предложение материальных ингредиентов Боже-
ству как обратного дара, возврата. Подобная трансценденция на
уровне карма-канды (раздел Вед, регламентирующий сферу ути-
литарного выбора человека) осуществляется за счет отречения от
плодов своего труда или принесения части своих результатов в
качестве жертвы божеству.

Нарративы-откровения служили жертвенными формулами
соединения обыденного и сакрального мира, поэтому мантры и
формы их использования тщательно передавались без изменений.
Была разработана целая система их точного заучивания и сверки
точности произношения. Со временем смыслы текста рутинизи-
ровались, «затерлись» и нарративы потеряли значение как носи-
тели утилитарных смыслов. На первое место вышли тексты, где
не точность формы была значима, а правильность передачи смыс-
лов и отношения к реальности.

На уровне гнозиса индивид преодолевает круговую рефлекс-
ию утилитарного отношения, когда средства познания являются
одновременно и объектом познания. Он перестает наблюдать са-
мого себя и обращается к источнику средств, объекта, условий
познания и самого бытия. Это трансценденция на уровне гья-
на-канды (литература, развивающая ведийский гнозис), где акт
трансцендирования осуществляется за счет различения «я» от
«не я».

Эпические нарративы выводят индивида на высший уро-
вень трансценденции – эстетический, ибо здесь он целиком осво-
бождается от эмоциональной самоизоляции, развивает неутили-
тарную мотивацию. Он не заинтересован в материальной выгоде
от своего акта трансцендирования или спасения от страданий.

Чувственность человека в полной мере охватывается и на-
правляется нарративами-преданиями, которые несут эстетиче-
ские смыслы. Эпические повествования (пураны, Махабхарата,
Рамаяна) выводят индивида на высший уровень трансценденции –
эстетический, лишенный прагматизма и поиска знания. На этом
уровне в личности человека раскрываются его потенциальные
смыслы и он утверждает себя в конкретности и целостности своего

индивидуального бытия. Главная задача эстетических нарративов – удовлетворять потребность субъективного вкуса, излагать смысл истории как воплощения метафизической игры. Делается вывод, что смыслообразование традиционной культуры (ТК) имеет четкую векторную динамику и колеблется в зазоре праксис – логос – поэзис.

Нарративы воздействуют на культуру и сами подвергаются влиянию с ее стороны, ибо, в свою очередь, культура не может не транслировать свой опыт через интерпретацию текстов. Сущность человека обнаруживается в присвоении значений его знаковой системе, нахождении смыслов. Знаковые системы могут выступать репрессивной системой, если утилитарные и теоретические смыслы являются доминантными в культуре.

Особенность нарративизации предмодернистских индийских религиозных течений бхакти заключается в их эстетическом развертывании сценария и эмоциональной личной истории как основы религиозного опыта. Собственно логические и философские тексты индуизма остаются лишь в истории философии как накопители идей.

Ведущий логико-эпистемологический трактат Веданта-сутра начинает терять свое базовое идеологическое значение и сохраняет свою ключевую позицию лишь номинально, как дань памяти. Сегодня же 4 из 6 философских школ вообще находятся вне внутреннего или внешнего философского дискурса, т. е. не транслируются как направления: ньяя, санкхья, мимамса, вайшешика. Только йога и веданта сохранили некоторую итерацию как философии, да и то благодаря практической части. Йога востребована как система оздоровления, поэтому иногда наиболее продвинутые последователи могут послушать лекции по Йога-сутрам Патанджали. Что касается Веданта-сутры, о ней вспоминают в религиозных направлениях вишнуитов и адвайтистов, однако по ней не ведутся диспуты. 18 из 20 комментариев на этот философский канон написаны до XIII в. включительно. Самые поздние два толкования, Валлабхи и Шуки, относятся к XVI в. Вместе с тем количество комментариев на Бхагавата пурану растет. Из 80

комментариев к главному вайшнавскому сказанию только два относятся к XIII и XV вв. – Мадхавы и Шридхары, соответственно. Напротив, самое последнее толкование Гаудия-бхашья предложено Бхактисиддханта Сарасвати в XX в. Все это свидетельствует о росте значения нарративов (пуран) и закате собственно философско-метафизической традиции Веданта даршаны и других школ. К тому же, как замыслили анонимные составители Бхагавата пураны, она и является комментарием к Веданте. Вторая строчка Бхагавата пураны (БП) это вторая сутра Веданты, *janmAdy asya yataH* (все сущее произошло из Него). Однако первая строчка Веданты: настало время вопрошать об Абсолютной истине (*athAto brahma-vij~nAsA*) – в БП заменено на мантру «ом намо бхагавате васудевая». Получается некий радикальный палимпсест, когда новый вероисповедный текст пишется на старом спекулятивном. При этом новый текст конкретно религиозен, никаких вопросов об истине, есть готовый ответ: поклоняйтесь Богу.

Индия – один из крупнейших в Азии производителей и потребителей современного искусства № 1. Востоковед Г. Резник высказал в 2016 г. идею на индологическом форуме, что одной из причин тому может быть кинематографичность индийского эпоса, подготовившего благоприятную рецепцию театра, записанного на пленку. Дело в том, что Рамаяна, Махабхарата, пураны составлены не по принципу исторической правды, а как эстетические наррации, где истиной является чувство преданности Божеству.

Таким образом, когда современные адепты вишнуизма стремятся на основе Бхагавата пураны, Махабхараты реконструировать древнеиндийское общество, построить эмпирически верифицируемую космологию, оценить народонаселение Земли 5 тысяч лет до н. э., мы нагружаем эти тексты неоправданными ожиданиями. Они не создавались для этих целей. Следует помнить, что эти источники создавались тогда, когда не было разделения на научное и ненаучное мировоззрение. Поэтому в них есть говорящие животные, живые горы, цветочные самолеты, неисчислимые армии и стада, магия, оборотничество, т. е. все, что свойственно художественному фильму со спецэффектами.

На основании романа Л. Н. Толстого «Война и мир» нельзя реконструировать историю войны 1812 г., но можно понять определенные общественные настроения, уловить дух эпохи. Подобно этому эпическая литература Древней Индии имеет художественно-этическую ценность, но не научно-историческую.

Индийские духовные практики не были никогда статичными – это динамика интерсубъективного опыта. Динамика онтопозиса обслуживает потребность в индивидуации субъектов культуры. Это осуществляется путем умножения, пролиферации смыслов и особенно быстро происходит сейчас, когда дискурсы функционируют в мировом контексте. Античность дискурсов поддерживается запросами самоидентичности субъектов культуры, их самоотнесением с первичной территорией смыслов своего ключевого текста (или иного смыслогенератора).

Кинематографический принцип организации текста можно также усмотреть в книгах Ветхого Завета, которые художественно выстроены для того, чтобы поразить воображение воспринимающего. Из обычных для многих народов перипетий кочевой жизни евреи вынесли концептуальные идеи и подали их так, что Библия на тысячи лет удерживает свои позиции блокбастера в мире. Богоизбранничество – этот талант создавать знаковые произведения. Древние вавилоняне и египтяне, вероятно, очень бы удивились своей репрезентации в еврейской истории, но оскарносцев не судят.

А. Ф. Лосев противопоставил абсолютную и относительную мифологию. Посттрадиционная культура не способна удовлетворить потребность человека в абсолютных мифах, она предлагает вереницу кочующих относительных мифов (Гарри Поттер, Шрэк, Ночной дозор и т. п.). Для того чтобы миф имел продолжительный успех, он должен быть укоренен в традиции (Властелин колец, Звездные войны). Несмотря на то, что относительные мифы основаны на традиционных архетипах (судьба, добро, зло), они слабо концептуализированы, не имеют такого долгого фонового существования в культуре, и в силу этого их эффект непродолжителен.

Пролиферация нарративов

Генерация новых эпических произведений связана с активностью социальных групп на индийском субконтиненте. Пролиферация нарративов – это естественный процесс для любого общества, находящегося в демографическом и экономическом развитии. Выделяются новые группы, и они конструируют свои тексты.

Эпосы, летописи, пураны, итихасы, былины – это специфические виды текстов. К ним нельзя относиться как фактологическому материалу. Для участников социально-мифологической группы они представляют истину. И дело не в том, что здесь имеет место пренебрежение точным научным знанием. В среде представителей самых фундаментальных наук неизбежно идет создание своих мифов. Нарративизация, или создание мифов, поддерживающих целостность социальной группы, – это свойство всех сообществ *homo sapiens*. И эти мифы будут иметь важные сходные свойства: они личностны, противоречивы и ценностны. Понять их можно через культурологическую эмпатию и герменевтику текста. Так можно понять, например, сакральные тексты мертвых цивилизаций.

Как нам известно, особенно на примере авраамических религий, тексты пишут люди, за которыми стоят группы поддержки, между которыми идет борьба, и она затем отражается в псалмах. Каждый нарратив имеет свою тематическую роль в древних обществах. Есть нарративы-вставки, которые играют мемориальную, референциальную роль. Существуют местные, стхала пураны, которые играют статусную роль. Будет наивным считать, что религиозные тексты выполняли только функцию воспитания святости. Поскольку в аграрном типе общества религия сочетала в себе и политическую, и образовательную, и развлекательную функции, и все это отражается в священных текстах. Они комбинируют в себе миф, религию, науку, идеологию, социальную и историческую память, поданную сквозь призму набожности и ожидания воздаяния.

Главная идея нарратива – узнаваемость. Их повторяли

не для того, чтобы узнать что-то новое. Они возвращали нас к себе, соединяли неизвестное с известным и играли психологически-компенсаторную роль в огромном неизвестном мире. Плюс нарратив должен создать иллюзию знания.

В этом смысле древний досуг всех видов сословий был «детским»: слушать одну и ту же сказку для погружения в состояние сознания вечности. Этим отличается традиционный тип цивилизации от инновационного, где, несмотря на пролиферацию мифов в невероятном количестве социальных групп, есть установка на прагматическое, критическое, целеполагающее и технократическое мышление. Наука и техника убивают миф. Однако поскольку ученые тоже люди, даже здесь есть место мифу.

Многие верующие считают, что авторитетность нарратива устанавливается его древностью, изначальностью, примордиальностью. И в этом тоже проявляется наше психологическое стремление к вечности, к повторению.

С точки зрения философии нарратива не так важно, придумал ли Рупа Госвами, Баладева Видьябхушана или Кедранатха Бхактивинода определенные источники, или они действительно раньше существовали. Тексты этих гуру интересны сами по себе как духовные события. Они создают новый нарратив, новую Веду. Ведь исконные тексты Риг веды тоже созданы по вдохновению свыше мудрецами, как там сказано (РВ 10.71). Риши – это певцы, прорицатели, они видят будущее и его вербализуют. Значит, Веды творятся и сейчас. Могут появиться новые тексты, новые нарративы; хотя они не войдут в классический корпус, но будут связаны с ним идейно, будут ссылаться на него и дадут новое вдохновение на этом этапе развития человечества. Таким образом, Веда – это живой проект, а ведийская культура может иметь много этнических воплощений. Смысл не в том, чтобы сохранять антикварность текста, а в том, чтобы он работал здесь и сейчас.

Классификация пуран

18 пуран считаются основными и называются великими (маха). В Матсья пуране приводится следующий их список:

Агни, Брахма, Брахмавайварта, Брахманда, Бхавишья, Бхагавата, Вамана, Вараха, Вишну, Ваю, Гаруда, Линга, Маркандея, Матсья, Нарадия, Курма, Падма, Сканды. В Бхагавата пуране (12.7.23-24) приводится тот же список, однако отсутствует Ваю пурана, но есть Шива пурана. В Падма пуране тексты перегруппированы и разделены на три части в соответствии с тремя основными качествами существования: благость (саттва), раджас (страсть) и невежество (тамас). Матсья пурана говорит о том, что в саттвичных пуранах преобладает повествование о славе Хари, в раджастичных прославляется Брахма, а в тамасичных – Шива и Агни (МП 190.13-14.). Учитывая, что среди материальных качеств высшее положение занимает качество (благости) саттва, можно говорить о естественной иерархии пуран (см. табл. 1, БП 12.13.4-9).

Таблица 1

Тамас	Раджас	Саттва
Сканда 81100 стихов	Брахмавайварта 18000	Падма 55000
Ваю (Шива 24000)	Бхавишья 14500	Нарадия 25000
Курма 17000	Брахманда 12000	Вараха 24000
Агни 15400	Брахма 10000	Вишну 23000
Матсья 14000	Вамана 10000	Гаруда 19000
Линга 11000	Маркандея 9000	Бхагавата 18000

Эти 18 пуран объединяются в один комплекс «маха-пураны», хотя реально всего пуран насчитывается до нескольких сотен. Они относятся к категории «смрити», или то, что передается через коллективную память, и отличаются от «шрути», текстов откровения, генеративностью, прирастанием содержания, а также эпичностью, художественным обрамлением.

Иногда маха-пураны в категории «тамаса» традиционно принято считать шиваитскими (за исключением Ваю пураны, которую в качестве одной из центральных почитают шри вайшнавцы Южной Индии), в категории «раджаса» – прославляющими Брах-

му, а в категории «саттва» – вишнуитскими. Систематическое изучение пуран позволяет отделить их ядро от модернизации, осуществленной в теистических школах.

Пураны служили постоянно пополняемыми энциклопедиями знаний. Помимо древней теологической части, в них могла быть представлена и обновленная информация фенологического характера, сведения о сакральной географии, местах паломничества. Этим пураны похожи на современное вики-знание, когда один и тот же текст редактируется участниками его потребления. В отсутствие Интернета коммуникационными каналами служили крупные храмы, их библиотеки и сообщества брахманов. Они брали известные древние сюжеты, видоизменяли их, адаптировали к мировоззрению и нуждам общины, редактировали.

Это подвижный эпос, который создавался в сложном аграрном обществе. В космологии есть гипотеза о происхождении планет путем постепенного приращивания за счет мелких частиц. Такая аккреационная модель подходит и к пуранам. Нет даты создания этих повествований и одного автора [9, с. 3–6]. Они складывались под грифом легендарного Вьясы в процессе жизнедеятельности древнеиндийского общества. Американский санскритолог Л. Рочер также считает, что стиль и композиция текста позволяют сделать заключение, что пураны, по-видимому, представляют собой компиляцию разных частей, написанных в разное время разными авторами [10, с. 207–208].

Помимо продвижения религиозных идей, пураны осуществляли политическую, региональную и рекламную функции, включая списки правителей и локальные места паломничества. Отдельные географические части выступали путеводителем и собирали местные легенды. Вероятно, до списка известных пуран был один нарратив, некая пра-пурана, которую затем разобрали на сюжеты, модифицировав их под конкретные секты.

Пурана соединяет разрозненные ручейки знания в единый текст под определенным углом: вишнуитским, шиваитским, шактистским. Эти микропотоки, в свою очередь, являются извест-

ными вставками, постоянно подвергавшимися реорганизациям в различных версиях.

Пураны считались стандартными нарративами нормального индуистского общества, поэтому их старались перелицовывать для поддержки своей секты, переписывая сюжеты в свое одобрение. Это причина, почему тексты существуют в разных списках.

Диалог пуран с «еретиками» в лице джайнов и буддистов позволяет отнести их отдельные сюжеты к первым векам до нашей эры. Точное же время их создания определить невозможно, поскольку пураны в ведийской традиции – это живые прирастающие тексты. Они играют познавательную функцию, выступая энциклопедиями всевозможных эзотерических и экзотерических знаний, а также политическую, коммуникативную, идеологическую.

Матсья, Сканды, Агни среди всех нарративов особо выделяют Бхагавата пурану. Там прославляется ценность дарения БП и говорится о том, что она основана на Гаятри мантре (satyaMraha-MdhImahi) и содержит 18000 стихов (МП 53.20, 22; СП 2.39-42). Падма говорит о том, что слушание БП прекращает цикл рождения и смерти (ПП. Утгара кханда 22.115). Гаруда подчеркивает красоту сложения БП, называет ее прекраснейшей (шримад) песней (самаведа) среди пуран.

Обособление БП среди прочих нарративов имеет субъективные и объективные основания. Существенное объективное основание – самое большое количество комментариев на этот текст. Известно порядка 30 комментариев на БП от Средних веков до современности: 1) Кардама Кшая – «Анвая», 2) Шридар Свами «Бхавартха-Дипика», 3) Вамшидарха «Бхавартха-Дипика-Пракаш», 4) Джива Госвами «Вайшнава Тошани», 5) Джива Госвами «Брихад-Вайшнава Тошани», 6) Сударшан Сури «Шукапакшиям», 7) Шринатх Чакраварти «Чайтанья Мата Манджуша», 8) Вирарагхавачарья «Бхагават-Чандрика», 9) Виджайдхвадж Тиртха «Пада-Ратнавали», 10) Джива Госвами «Крама-Сандарбха» и «Брихад Крама-Сандарбха», 11) Вишванатха Чакраварти Тхакур «Сарартха-Даршини», 12) Баладева Видьябхушана

«Вайшнавандини», 13) Чаларинараяначарья «Бхагават Татпарья Типпани», 14) Сатьябхинаваяти «Дургхата Бхава Дипика», 15) Пандхари Нараяначарья «Дургатоддхара», 16) Прабхучаран «Шри Типпани», 17) Пурушоттам Чаран «Субодhini Пракаш», 18) Валлабх Махараджа «Шри Субодhini Лекха», 19) Диксит Лалу Бхатта «Субодhini Йоджана», 20) Бхагавадея Нирбхая Рама Бхатта «Субодhini Карика Вьякхья», 21) Ганга Сахай «Анвигартха Пракашика», 22) Гопалананда Муни «Нигудхартха Пракаш Вьякхьянам», 23) Бхагават Прасадачарья «Бхакти Маноранджани», 24) Харисури «Бхакти Расаянам», 25) Шукадев Ачарья «Сиддханта-Прадипа», 26) Валлабхачарья «Субодhini», 27) Пурушоттамчаран Госвами «Субодhini-Пракаш», 28) Гиридхар Лал Госвами «Балпрабодhini» [10].

К этому списку следует добавить комментарии Бхактиведанта Свами, который вместе со своими последователями выполнил толкование с 1-й песни по 13-ю главу 10-й песни в период с 1960 по 1977 г. Остальные 86 глав 10-й песни, а также 11-ю и 12-ю песни комментировали его ученики Хридаянанда Госвами и Гопипаранадхана даса.

Bhaktivedantapurports отличаются от всех иных комментариев, поскольку отражают динамику его миссии. Первая песнь была переведена во Вриндаване и опубликована в Индии, она несет в себе настроение Вриндавана, выражает чаяния мирового распространения послания Бхагаватам, дает подробные энциклопедические справки области ведийской культуры. Первые три тома были написаны в одиночестве и созерцании, остальные комментарии были написаны в совершенно иной обстановке. Прабхупада был окружен своими последователями, его движение быстро расширялось и сталкивалось с различными проблемами, о которых он регулярно пишет в комментариях, отчего комментарии порой становятся газетными репортажами.

Интересные субъективные эстетические основания выделения БП содержатся в ней самой. Она называет себя произведением, созданным Вьясадевой в эпоху его духовной зрелости. Рассказывается, что Вьяса был неудовлетворен после составле-

ния ведийского знания на благо всего человечества (БП 1.4.26). Осознание незавершенности повествования, неполноты бытия, заставило его искать причину своего разочарования. Нарада, учитель Вьясы, разъяснил ему, что причина его неудовлетворенности кроется в пренебрежении эстетическими смыслами, вкусом к бескорыстному служению (БП 1.5.8). Ответом Вьясы и стала безупречная (амала) Бхагавата пурана, зрелый плод дерева Вед, сочный и полный вкусом (расам – БП 1.1.3). Повествования БП имеют эстетическую структуру и обрамление.

Особое положение БП еще и в том, что Бхагаватам берет человека в момент экзистенциального кризиса. Слушатель БП, Махараджа Парикшит, внимает ей в преддверии смерти. Фактически, БП – это ответ на его вопрос, о том, каков долг человека перед главным экзаменом в его жизни (БП 1.19.24). Поэтому БП отбрасывает все наносное, неподлинное и эфемерное (дхарма проджита кайтава – БП 1.1.2). Эта вайшнавская пурана – самая революционная, поскольку в ней брахманская ортодоксия попирается неожиданными примерами и идеалами: демоны Вритра, Прахлад, Бали оказываются более духовными, нежели традиционные сословия, и именно они формируют социальное послание бхакти, а самыми целомудренными и духовными из женщин признаются шудры-доярки (гопи), оставляющие своих мужей ради randevу с богом Кришной.

Дискурсивный характер пуран отразился в их свободном распространении и атрибуции. Если маха-пураны еще имеют списки, то число упа-пуран (дополнительных, «подпуран») не канонично. В их примерном перечислении фигурируют: Атма, Ади, Брихаддхарма, Бхаргава, Вамана, Варуна, Вишнудхарма, Вишнудхармотгара, Ганеша, Деви, Девибхагавата, Дурваса, Нанди, Нандикешвара, Нарадийа, Калика, Калки, Капила, Манавя, Марича, Махабхагавата, Махешвара, Кали, Нанда, Нарасимха, Парашара, Самба, Санаткумара, Саура, Шива, Шивадхарма, Ушана, Экамра.

Местные легенды вполне могут становиться пуранами, преданиями ветхой старины (в Кашмире есть своя Ниламата пурана, а в Гуджарате – Малла пурана). Упа-пураны также соотносятся с

различными религиозными течениями: Деви Бхагавата упа-пурана – с шактами, Ганеша упа-пурана – с поклонниками Ганеши.

Упа-пураны не сильно отличаются по содержанию от маха-пуран, однако в них просматривается «компиляторство». Они также в значительной степени соответствуют локальным культурам и традициям и не имеют такого большого охвата событий.

В ведийской литературе встречается употребление словосочетания «итихасы-пураны» (БП 1.4.20; 1.4.22; 3.12.39; 10.69.28.), что подчеркивает их близость. Однако наличие двух терминов для обозначения сходной сказительной традиции свидетельствует о различии двух направлений: одно было сосредоточено на героическом эпосе, а другое – на теогонии, космогонии и генеалогии [6, с. 22].

Чхандогья упанишад называет итихасы-пураны пятой Ведой (itihAsa-purANaHpa~NcamaHvedAnAMvedaHЧУ 7.1.4). В Брихадараньяка упанишад Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарвангираса, итихаса и пурана возникают из дыхания Всевышнего (БУ 2.4.10). В самих пуранах варьируется сюжет о разделении Вед и поручении пуран в ведение Ромахаршаны Суты. Такая «канонизация» пятой Вед несет смысловой оттенок «Веды для народа», обращенной ко всем недваждырожденным и женщинам. Эта идея встречается в Матсья пуране, где Всевышний заявляет, что «с течением времени, когда люди уже не могут понять изначальную пурану, я принимаю форму Вьясы (тот, кто разделяет) и устраиваю ее для понимания смертных» (МП 53.8-9).

Эпос как трансценденция

Далее будут рассмотрены ведийские нарративы как одни из самых многогранных и древних в индоевропейской культуре. Мы разберем их роль и значение в традиционном обществе. Эпическая традиция Древней Индии уходит корнями в гимны Вед, сказители которых были певцами. В Атхарваведе итихасы (былина), пураны (древнее предание), гатха (песни) и нарашанси (панегирики) перечислены в одном ряду. С одной стороны, откровение и предание в традиции дополняют друг друга. С другой стороны, поскольку они поддерживались разными кланами брахма-

нов, между которыми существовала конкуренция, сказительная традиция пуран и итихас могла противопоставляться жреческой традиции мантр.

Пураны – это динамичные произведения, чья датировка и авторство есть регрессия в неопределенное прошлое. Сказители «пураники» облекали истории мелизмами, повторами, концовками и отступлениями. Это живое слово, поддающееся авторской обработке, и поэтому пураны выглядят моложе по языку, нежели «застывшие» самхиты. Неслучайно в итихасах и пуранах повествование передается от одного звена другому: первое звено – второму, второе – третьему и так далее (в Бхагавата пуране Сута Госвами рассказывает мудрецам Наимишараньи, возглавляемых Шаунакой, о диалоге между махараджей Парикшитом и Шукрадевой Госвами – БП 1.1.5).

Пурана – это сказ, творящийся каждый раз заново. И дело часто не в массиве информации, а в эстетическом состоянии передачи произведения. Слушатели пуран в древности испытывали эстетическое переживание при обсуждении их тем. Говорится, что Ломахаршана, один из первых сказителей пуран, своей виртуозностью пересказа пуранических историй вызывал у слушателей поднятие волос на теле, трепет восторга (ВП 1.69). В этом заключается специфика пурана и итихас. Эти произведения вводят нас в эмоции традиции, ее настроение, которые нельзя экстрагировать из упанишад. Сказания позволяют почувствовать мелодичность, пластичность древнеиндийского мирозерцания, «передающего ритмику космического танца Шивы во время сотворения сущего, его сохранения и разрушения, звучания мриданга Вишну или волшебной флейты Кришну, отвлекающей человеческие души от привязанности к майе и зовущей в их истинную родину» [2, с. 169].

Эстетические нарративы нацелены исключительно на ценностно-смысловую трансляцию. Так, БП утверждает, что для ее изложения необходима личность бхагавата, ценитель ее вкуса (...pibata bhAgavataM rasam AlayaM muhur aho rasika bhuvi bhAvukAH... БП 1.1.2.). Поэтому БП иногда называют «Шу-

ка-самхита» – песнью, пропетой Шукадевой Госвами. Бхагаватам возможен только «здесь и сейчас», его нельзя, строго говоря, записать на какой-то физической носитель. Ибо те незримые структуры вкуса, аффицируемые слушателю во время слушания, уникальны и невозпроизводимы техникой. Бхакти или партиципация в эстетической деятельности – это субъективная реальность, обитающая в сердцах ее носителей. Эстетический вкус к нарративам бхакти нисходит с абсолютного плана реальности на слушателя, когда носитель эстетических смыслов обращает внимание на него. Поскольку реальность всегда субъективна и существует множество субъектов, она многомерна, т. е. объективно-субъективна. При внимании к произведению человек сам развивает квалификацию для его дальнейшего воспроизведения. Техника не может быть субъективной, тогда как каждый сказитель обогащает нарратив своим субъективным вкусом. Так прирастает и восполняется пурана (sam-ura-bRmhitaH).

Содержание пуран и итихас часто интерпретируется как «мифологическое», причем под мифом понимают вымысел или фантазию. Вместе с тем в индийской традиции, равно как и в ранней античности, не делали различия между историей и историейми, поэтому в этих повествованиях так тесно переплелась жизнь людей и богов.

Для нас сейчас важно то, что мифология пуран и итихас суть не просто этиологические, космогонические, антропогонические и прочие мифы. Это повествования, обращенные к глубоко личностным переживаниям человека. Они содержат витальные смыслы, энергию действия незаинтересованного отношения, свободного от примесей теоретического и утилитарного. Поэтому их можно отнести к особому виду эстетического мифа. На основании анализа БП можно выделить следующие характерные признаки эстетического мифа:

- 1) качества самого мифа:
 - а) способ передачи (музыкальный, песенный – uraṅgīyamAnAt – БП 10.1.4);
 - б) способ получения (на слух – zrotra – БП 10.1.4, tac

chraddadhAnA munayo ...1.2.12);

с) поэтичность мифа (uttamazloka – БП 10.1.4);

d) самодостаточность мифа (naStA-prAyeSv abhadreSunityaM bhAgavata-sevayA – БП 1.2.12);

e) психотерапевтический и катарсический эффект мифа (bhava-auSadhAt – БП 10.1.4);

2) условия восприятия эстетического мифа:

a) ненасилие по отношению к другим существам, т. к. насилие по отношению к невинным закрывает возможность смиренного восприятия мифа (vinA pazu-ghnAt – БП 10.1.4);

b) внимательное слушание (zuSrUSoH zraddadhAnasya – БП 10.2.16).

Когда проводят грань между итихасами и пуранами, то делают это по жанровому принципу. Итихасы – это былины с центральным героическим сюжетом. В религиозной культуре не проводится различие между мифом и знанием, поэтому itihAsa – это и хроника, история (itihAsavid – историк), и вместе с тем легенда, традиция.

Пураны должны обладать другим набором содержательных признаков: в них раскрываются темы первичного творения (сарга), вторичного творения (пратисарга), генеалогия правителей (вамша), космические циклы и их повелители (манвантарани), дальнейшее повествование об именитых родах (вамшанучарита) (ВП 4.10-11; МП 53:65; Курма пурана КП 1.1:12.). Таким образом, жанровая задача пуран – создание метаистории [6, с. 86]. Это возможно в силу циклического восприятия времени. В феноменальном мире нет ничего нового, все, что случится, изначально записано в пра-Пуране. В мире богов эта Пурана поистине огромна – 1 млрд стихов, а в мире людей существует ее сокращенная версия – 400 000 стихов. В конце эпохи Двапара они разделяются на 18 частей (МП 53.9-11; ШП 1.33-34.).

Цикличность программирует человека: «продолжай крутить колесо дхармы» (БГ 3.16). Быть подчиненным жестким правилам и нормам своего окружения, в котором суждено жить от рождения до самой смерти, необязательно плохо: культура предлагает свои, весьма немногочисленные, но испытанные многими поколениями, образцы решения типичных проблем

бытия. Вследствие устойчивости циклов существование человека в традиционном обществе достаточно комфортно, его будущее гарантировано и предсказуемо. Традиционная культура консервирует время через движение по кругу, в то время как посттрадиционная культура – это время-ускорение, *time management*. О надысторичности времени в традиционной культуре говорит медиевист А. Я. Гуревич: «Нет представления о непрерывно текущем потоке времени, оно дискретно, прерывисто. Время эпоса – время шахматных часов» [3, с. 123]. Темпоральное традирование трансцендентного осуществляется через цикличную структуру эпоса, создание образа метафизического неизменного, но обжитого мира.

Заключение

Нарратив сегодня часто представляется как неклассический тренд, коммуникативная рациональность. Исследование выявило, что процессы негоциации ценностно-смысловых горизонтов и их трансляция через ключевые дискурсы, не является новой. И в этом смысле *modernity*, действительно, является текучей, она имеет свои универсальные архетипы. Особенность нарративов древней земли Бхараты заключается в том, что в них решается не только функциональная задача коммуникации согласия; сверхчувственное слушание рассматривается в качестве основы универсального духовного опыта.

Древнеиндийские эпические тексты служат цели трансцендирования сознания в традиционной культуре, выхода на некую точку абсолютного означаемого, задающего ценности и смыслы, нормы и идеалы, ориентиры и принципы, границы локуса, проксемику своего и чужого, семиосферу земного и космического, ритуалы обмена и дара, символические способы разрешения конфликта, социальную организацию и систему родства.

Эпические тексты (традиционные нарративы) – это инструменты трансценденции в религиозной культуре, т. к. формируют и транслируют ценностно-смысловые идеалы в обществе, это ориентир для развития вертикального мышления, осознания своей включенности в иерархию планов бытия.

Список принятых сокращений

- БГ – Бхагавад гита
БП – Бхагавата пурана
ВП – Ваю пурана
КП – Курма пурана
МБ – Махабхарата
МП – Матсья пурана
СП – Сканда пурана
РВ – Риг веда
ШП – Шива пурана

Список источников и литературы

1. Вольчик В. В. Нарративная и институциональная экономика // Journal of Institutional Studies. 2017. Т. 9. № 4. С. 132–143.
2. Григорьева Т. П. Духовность в мире: эстетический опыт Древнего Востока // Эстетика природы. М. : ИФ РАН, 1994. 230 с.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. : Искусство, 1990. 396 с.
4. Елизаренкова Т. Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1999. 758 с.
5. Гхош А. Основы индийской культуры // Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М., 1987.
6. Сахаров П. Д. Мифологическое повествование в санскритских пуранах. М. : Наука, 1991. 135 с.
7. Тимошук Е. А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2012. № 4. С. 66–73.
8. Тимошук А. С. Ведийская культура: сущность и метаморфозы. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2002. 148 с.
9. Dimmitt C., van Buitenen J. A. B. Classical Hindu Mythology: A Reader in the Sanskrit Puranas. Temple University Press, 1978. 318 p.
10. The Puranas / Rocher L. // A History of Indian Literature. Volume II Fascicle 3. Wiesbaden : Verlag Otto Harrassowitz, 1986. 282 p.
10. Srimad Bhagavatam Canto 10 (With Multiple Sanskrit Commentaries). URL: //https://archive.org/details/SrimadBhagavatamCanto10with-MultipleSanskritCommentaries (дата обращения: 28.02.2019).
11. Vartak P. V. Vastav Ramayan. Pune: VedvidnyanaMandal, 1993.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ОБРАЗА
МИФИЧЕСКОЙ ПТИЦЫ
В ОБСКО-УГОРСКОМ
И ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

С. В. Сотникова

Россия, Надым,

ООО «Центр археологических исследований»

Статья посвящена сопоставлению образа мифической птицы в обско-угорском и тюрко-монгольском фольклоре. Эти образы имеют много общего: гигантские размеры птицы, позволяющие переносить героя на огромные расстояния, связь с мировым деревом (верхним миром), священным напитком, целительством и шаманской практикой. Вероятно, такое сходство обусловлено тем, что истоки этого образа уходят в глубокую древность и связаны с индо-иранскими представлениями о мифических птицах – иранском Саена/Сенмурве/Симурге, индийском Гаруде. Однако различия обско-угорской и тюрко-монгольской традиций также выступают вполне определенно. Своеобразие обско-угорского образа мифической птицы Карс проявляется в том, что ее связь с культовым напитком, целительством и шаманской практикой опосредована образом Мир-сусне-хума.

Ключевые слова: обско-угорский фольклор, тюрко-монгольский фольклор, образ мифической птицы, священный напиток, целительство, шаманская практика.

The article is devoted to the comparison of the image of the mythical bird in Ob-Ugric and Turko-Mongolian folklore. These

images have a lot in common: the gigantic size of the bird, allowing to carry the hero across vast distances, connection bird with the world tree (the upper world), with the sacred beverage, healing art and shamanic practice. Probably, this similarity is due to the fact that the origins of this image goes back to ancient antiquity and are associated with Indo-Iranian ideas about mythical birds – Iranian Saena/Senmurv/Simurg, Indian Garuda. However, the differences between the Ob-Ugric and the Turko-Mongolian traditions also appear quite clearly. The peculiarity of the Ob-Ugric image of the mythical bird Kars is manifested in the fact that her connection with the sacred beverage, healing art and shamanic practice mediated by the Mir-Susne-Hum image.

Key words: Ob-Ugric folklore, Turko-Mongolian folklore, image of mythical bird, sacred beverage, healing art, shamanic practice.

Образ мифической птицы присутствует как в обско-угорском, так и в тюрко-монгольском фольклоре. Эти образы имеют много общего, что, вероятно, обусловлено общими истоками, но различия также выступают вполне определенно.

Образ мифической птицы в обско-угорском фольклоре и его истоки

В обско-угорской мифологии имеется чрезвычайно интересный образ гигантской хищной птицы, именуемой Kārs у манси и Kāgəsy у хантов. Она известна по фольклорным материалам как «крылатый Карс» или «небесный Карс». Однако, как было отмечено В. Н. Чернецовым, «образ ее не всегда вполне четок и варьирует как по местностям, так и у отдельных рассказчиков» [24, с. 116]. У вогулов (манси) – это птица, во всем напоминающая орла, только во много раз больше него. У остяков (хантов), как указывает К. Карьялайнен, Карс рисуется в виде орла, только больше размерами. У васюганских остяков есть эпитет «Карес с крыльями в семь сажень» [Там же]. Наиболее полное и отличное от остальных определение Карса зафиксировано С. К. Паткановым у иртышских остяков: «эта птица огромна и имеет человекоподобную голову с большим клювом. Сразу за руками у нее

на плечах выросли два сильных крыла, а на кистях – длинные и острые когти. Tõxtiņ-Kâris обладает необыкновенной силой: ей не стоит никаких усилий нести человека на спине. Кроме того, эта птица отличается разумом и может говорить, как человек. Родиной ее являются теплые моря и водоемы южных местностей, откуда она периодически отправляется на север» [17, с. 167–168]. В мансийском фольклоре образ мифической птицы Карс связан со сказками об Эква-пырище (Эква-пырищ – это сказочное имя Мир-сусне-хума). На озере или на море, иногда на море с горячей водой, растет гигантская лиственница. На ее вершине находится гнездо четырех крылатых Карсов. В основании гнезда живет «Не Имеющая Сердца и Печени Железная Лягушка». Когда оба Карса улетают за пищей для детей, лягушка взбирается в гнездо и грызет крылья птенцов, поэтому они не могут научиться летать. В воде, окружающей дерево, живут ящери- или драконоподобные чудовища; если Карс упадет в воду, они съедят его. Карсы питаются тем, что уносят людей из близлежащего городка. Эква-пырищ взбирается на лиственницу и убивает железную лягушку. В благодарность за спасение птенцов Карс отказывается в дальнейшем есть человеческое мясо, переносит героя на своей спине через море в городок. В тексте, записанном С. К. Паткановым, крылатый Карс переносит на своей спине героя из нижнего мира в верхний [24, с. 117, 131–134].

В. Н. Чернецов считает, что образ Карса в фольклоре обских угров возник не конвергентно, а в тесной связи с соответствующим циклом индо-иранских мифов, и сопоставляет его с индийским Гарудой и иранским Сенмурвом. С Гарудой сходство проявляется в том, что Карс имеет человеческую голову и руки, а с Сенмурвом – в роли переносчика героя через море или из одного мира в другой, причем здесь обнаруживается совпадение даже в деталях. Сколько бы пищи для кормления птицы в дороге ни было заготовлено, ее не хватает к концу перелета, и герой вынужден отрезать куски своей ноги и скармливать их Карсу. Но при прилете на место Карс возвращает их герою и залечивает раны [24, с. 118].

Рассмотрим индийский и иранский образы мифических птиц более подробно. В индийской традиции имеется образ гигантской птицы Гаруды. Средневековые трактаты представляют его в виде человека с круглыми глазами и двумя или четырьмя руками. На его птичью природу указывают крылья за спиной и широкий клюв вместо носа [9, с. 170–171]. Роль Гаруды в Индии ограничена кругом мифов из первой книги «Махабхараты». С рождения Гаруда был наделен такой великой мощью, что сотрясал горы, мог поднять в воздух огромного слона, подобно облаку накрыть громадной тенью землю. Когда садился Гаруда на священные деревья, сгибались и даже ломались их гигантские ветви и стволы, где гнездились тысячи обычных птиц [3, с. 95]. Устойчивым мотивом в индийской традиции является борьба Гаруды со змеями. Существует мнение, что этот мотив представляет символическое воспроизведение борьбы солярного героя с его хтоническим противником [15, с. 70].

Иранская птица Саена (Сенмурв) имеет много общих черт с индийским Гарудой. Она гнездится на Древе Всех Семян – Виспобиш, которое плодоносит семенами и зернами всех полезных растений, какие есть в мире. Каждый раз, когда Сенмурв поднимается на своих крыльях в воздух, у дерева вырастает тысяча ветвей; когда же он садится, он ломает эти ветви и рассеивает их семена. Семена осыпаются в океан, и Тиштрия, прилетев напиться, выпивает воду со всеми семенами и проливает ее дождем на весь мир. Зороастрийские тексты причисляют Саену/Сенмурва к птицам, хотя она описывается как крылатый пес, покрытый рыбьей чешуей. Этот облик символизирует господство в трех стихиях [18, с. 67]. Эта легендарная птица под именем Симург появляется в поэме Фердоуси «Шах-намэ». «Симург» – новоперсидская форма древнеиранского «Сайна-мрига» – буквально «Сайна-птица». Несмотря на то, что многие мотивы древних преданий в поэме уже подверглись обработке и приобрели более реальную окраску, образ Симурга сохранил характерные черты мифической птицы древних ариев. Он обитает на высокой горе, недоступной ни для зверя, ни для человека. Эта огромная птица сравнивается с «кры-

латой горой», о ней говорится: «Как тучи спустился и взмахами крыл сиянье небесных светил погасил». Симуург считался вещью птицей, которой «открыто» будущее. Он знал человеческий язык. Но, как конкретно представлялась тогда чудесная птица, остается неясным. Раннесредневековые зороастрийские сочинения, передающие традицию сасанидской эпохи, называют Симурга «собако-птицей», на памятниках сасанидского искусства он рисуется крылатым существом с чертами птицы и хищника собачьей породы [3, с. 97–98].

В традиции обских угров отсутствует мотив борьбы Карсов с хтоническими противниками, что отличает его от образа индийского Гаруды. Более того, гигантские птицы бессильны перед железной лягушкой, которая грызет крылья их птенцов. По-видимому, в угорской фольклорной традиции первостепенная роль отводилась характеристике образа мирового дерева, представленного в виде огромной лиственницы посреди горячего моря, которая «сучьев не имеет, глазков (неровностей на коре) не имеет». Гнездо Карсов, находящееся на вершине дерева, маркирует, соответственно, верхний мир, тогда как драконообразные существа, живущие в воде у корней дерева и враждебные птицам, являются олицетворением нижнего мира. Мотив связи мифической птицы с мировым деревом (мировой горой) характерен, прежде всего, для иранской птицы Саены/Сенмурва/Симурга.

Таким образом, в обско-угорском фольклоре угро-индо-иранские связи проступают весьма отчетливо.

Образ мифической птицы в тюрко-монгольском фольклоре и его истоки

Сюжет об огромной мифической птице имеется также в фольклоре монгольских и тюркских народов Центральной Азии и Южной Сибири. Название этой птицы, производное от имени Гаруда, в тех или иных вариантах известно многим народам Сибири, особенно Южной, где она выступает как Хан Гаруди. Алтайцы называли ее *кан-Кереде*, *хан-Кирэ*, тувинцы – *хан Гариде*, буряты – *хан Хэрэгдэ*, якуты – *Хардай*, монголы – *хан-Гериде*, *хан Гередей*, *хан Гариди*, *хан Хэрэгдэ*, *канн-Кереде*, *Гаруди шибэгун*.

С. В. Иванов считает, что возникнуть самостоятельно в различных районах Сибири эти названия не могли, и в данном случае нельзя отрицать возможности проникновения их в Сибирь из стран Центральной, Восточной или Южной Азии. Но эти названия наслоились на более древние местные и, в ряде случаев, вытеснили последние [12, с. 196].

По представлениям тюрко-монгольских народов, Хан Гаруди обладал огромной силой и гигантскими размерами. В одной якутской поэме образ птицы *Хардай* описывается в следующих выражениях: «Глянул он: летит необыкновенно страшная великая птица. Клюв у ней – что кирка, откованная в Вилюйске, а перламутровые когти – что косы верхоянские. Отменным пухом железным покрыта была. Крылья – что кусты можжевельника. Хвостовые перья – целая рощица хвойного леса. Громадный котел – голова у ней, а глаза – ровно чашки. Это летит на него демонская птица *Хардай*» [12, с. 196]. По представлениям бурятов, птица *хан Хэрэгдэ* имеет гигантские размеры и сидит неподвижно на дереве, растущем на берегу моря. Она так тяжела, что если сдвинется с места, то земля потеряет равновесие. Тюрко-монгольский Гаруда также находится в постоянном конфликте со змеем, поедающим его птенцов. Гигантский змей, например Аврага Могой, в отсутствие Гаруды выходит из океана и нападает на его гнездо. Герой убивает змея, и благодарный Гаруда становится его чудесным помощником [8, с. 267].

В фольклоре ряда тюркоязычных народов сохранился образ огромной птицы Каракус или Алып-Каракус – «черная птица», «богатырь черная птица», что было иносказательным наименованием орла, беркута. У казахов, киргизов (Алп-каракуш), казанских и сибирских татар (Каракош) – огромная птица, которая в благодарность за спасение своих птенцов от дракона *аждарха* покровительствует герою. Она сажает его на спину и переносит в отдаленные земли [1, с. 622]. В башкирской мифологии Карагуш – огромная птица подводного или подземного царства. В сказках у Карагуш есть птенцы, которых герой спасает от змеи или дракона. Спасенные птенцы прячут героя от матери, которая по запаху

узнает присутствие человека и готова его растерзать. Затем птица помогает герою выбраться на белый свет и добраться до дома. По представлениям башкир, Карагуш – это царь птиц, он связан с нижним миром, поэтому встреча с ним опасна. В отдельных сказках Карагуш отождествляется с мифической птицей Самрегуш. Самрегуш также имеет огромные размеры, кроме того, у нее две головы – птичья и человеческая, и она умеет говорить. Самрегуш становится помощником батыра после того, как он спасает ее птенцов. Она излечивает рану батыра и доставляет его в мир людей. Самрегуш связывает нижний и верхний миры. Происхождение башкирского названия этой птицы исследователи связывают с иранскими языками, с мифической иранской птицей [22, с. 247–248, 315]. У казахов и киргизов Каракус также иногда отождествлялся с птицей Самрук (Симрух), иранской Симург [1, с. 622].

Связь образа мифической птицы с целительством и шаманской практикой в тюрко-монгольской традиции

Одной из характерных черт рассматриваемого образа мифической птицы является ее амбивалентность. Так, иранская птица Симург по одним источникам обладала двумя натурами – хорошей и дурной, по другим источникам было два Симурга – благой и демонический [14, с. 436–437]. Образ благодетельного Симурга в поэме Фердоуси «Шах-намэ» связан с Залем. Симург нашел в пустыне младенца Заля, отца Рустама, и вскормил его в своем гнезде. Подобная амбивалентность образа характерна для башкирского Карагуша. С одной стороны, Карагуш связан с нижним миром, встреча с ним опасна, особенно для беременных женщин и детей. Если в семье часто умирали дети, то считалось, что их бьет Карагуш. Поэтому существовала система мер, направленная на избавление человека от его влияния. Когда ребенку исполнялось шесть месяцев, ловили в горах карагуш (большого подорлика). Чтобы ребенок жил долго, его заговаривали, толкая и перекатывая с боку на бок живой птицей. Затем птицу отпускали [22, с. 247–248]. В данном магическом действии Карагуш выступает в своей положительной ипостаси. Определенная двойственность характерна и для обско-угорского Карса. Сначала он пита-

ется людьми, а затем отказывается от этой привычки и начинает помогать герою.

По-видимому, амбивалентность образа мифической птицы обусловлена связью с целительством. Индийцы приписывали Гаруде способность исцелять болезни [12, с. 198]. Особой способностью к исцелению обладал иранский Симург, который излечил богатыря Рустама [14, с. 436–437]. Башкирский Самрегуш излечивает рану батыра. Башкиры использовали птицу каракуш в магическом действии, направленном на защиту ребенка от болезни и смерти.

Возможно, именно причастность мифической птицы к исцелению человека способствовала тому, что у ряда тюркских народов Алтая образ Каракуса оказался связан с шаманским культом. В алтайских былинах кан-Кереде рисуется птицей и одновременно женщиной-шаманкой. Она так велика, что, опустившись на землю, покрывает бахромой своего костюма всю земную поверхность. Для того чтобы нагреть ее огромный бубен, требуется 9 суток. При каждом ударе в этот бубен десять человек падают мертвыми – такова необыкновенная сила птицы. Алтайцы называют ее «царем птиц» [12, с. 198].

У алтайцев-телеутов на шаманском бубне изображалось семь птиц – помощников шамана, называвшихся «семь черных птиц (*кара куш*) Ульгения» или «Чамгыл птицы». Эти птицы по приказанию шамана ловили при помощи сетки ушедшую или унесенную духами душу больного. Шаман так обращался к своим птицам: «Эркей хана Чамгыл птицы, / Золотую сетку натяните. / Золотую душу с конскую голову, / В когтистые лапы захватите!» [10, с. 119–120]. Таким образом, в шаманской практике алтайцев птицы *каракуш* связаны с исцелением больного.

По-видимому, связь мифической птицы с целительством следует рассматривать как отголосок древнего сюжета о похищении мифической птицей с неба священного напитка, типа индийского Сомы, иранского Хаомы или амриты. Этот мотив достаточно устойчив как в индийской, так и в иранской традиции и восходит, вероятно, ко времени индоиранского единства.

В ведийской «Ригведе» он связан с орлом (*шьена*), тогда как в иранской «Авесте» – с фантастической птицей Саеной [3, с. 94–95]. В «Ригведе» этому сюжету посвящено два гимна (VI, 26 и VI, 27). Священное растение Сома растет на высшем небе или на горе, откуда его похитил орел (*шьена*). Это растение охранял стрелок Кришану, который стрелял в птицу, но выбил у нее только одно перо. Орел благополучно доставил Сому Индре, а Ману приготовил для Индры первое жертвоприношение. Комментаторы и современные исследователи «Ригведы» пишут о *шьене* как об орле или соколе [19, с. 739–740]. Но некоторые исследователи считают, что авторы ведийских гимнов имели в виду не реальную птицу, а мифическую [3, с. 95]. Иранская птица Саена (Сенмурв) также связана со священным растением Хаомой (иранский аналог Сомы). Согласно иранской мифологической традиции, Хаома, дерево бессмертия, царь всех лекарственных растений, находится на острове в океане Ворукаша. Десять тысяч ящериц стремятся похитить священное дерево. Но рыба Кара плавает вокруг острова и неустанно стережет Хаому. Рядом с Хаомой растет Древо Всех Семян – Виспобиш, где живет Сенмурв, царь птиц [18, с. 67].

В Индии сюжет о похищении напитка богов амриты связан также с Гарудой. Риши Кашьяпа имел двух жен – Кадру и Винату, которые приходились друг другу сестрами. Супруг предложил им выбрать себе такое по численности потомство, какое они пожелают. Кадра пожелала иметь тысячу детей, а Вината – только двух, но таких, которые превзошли бы детей Кадры своим могуществом и силой. Прошло время, и Кадра снесла десять сотен яиц, а Винату – всего два. Из этого следует, что одна из них имела змеиную природу, а другая – птичью. Через 500 лет у Кадры вылупилось 1000 змей, а у Винаты сначала только один – Аруна. Както сестры поспорили относительно цвета хвоста небесного коня бога Солнца. Вината считала, что хвост огненного цвета, а Кадру настаивала, что он черный. Они договорились, что проигравшая станет рабыней сестры. Кадру пустилась на хитрость. По ее приказу змеи-детеныши повисли на хвосте небесного коня и скрыли

под своими черными телами истинный цвет коня. Таким образом Вината попала в рабство к сестре. Прошло еще 500 лет, и из второго яйца Винаты вылупился Гаруда. Он решил освободить мать от тяжелого рабства. Змеи обещали освободить Винату, если Гаруда добудет для них напиток бессмертия – амриту. Но священный напиток находился на небе у Индры и тщательно оберегался. Добывая амриту, Гаруда победил в сражении богов, возглавлявшихся Индрой. Он пролетел сквозь спицы вращающегося колеса, преграждавшего путь к амрите, убил двух стерегущих амриту драконов. Однако затем Гаруда заключил союз с Индрой, пообещав ему, что возвратит амриту богам, как только освободит мать. Гаруда приносит амриту змеям, и те освобождают Винату. Однако Гаруда предлагает змеям, прежде чем вкусить амриту, совершить ритуальное омовение. Пока змеи совершали омовение, Индра, по договору с Гарудой, похищает у них амриту и уносит обратно на небо (Мхб I. 23–30) [3, с. 95; 7, с. 71; 15, с. 68–76]. Согласно другой версии, Гаруду сотворили Валакхильи – мудрые волшебные карлики. Обиженные Индрой они создали орла, крадущего любимый Индрой напиток Сому с неба Индры [15, с. 71].

Определенная связь мифической птицы со священным напитком сохранилась в алтайском шаманизме. Так, на телеутском бубне, помимо семи птиц *каракуш*, присутствовала и восьмая птица, которая рисовалась несколько больше других, она носила название «с медными когтями черная птица (кара куш)» или «Ульгения птица большой беркут». В алтайской мифологии Каракус являлся одним из сыновей Ульгения – верховного божества и демиурга [16, с. 546]. Эта птица сопровождала шамана при камлании и выполняла обязанности слуги: подносила духу жертвенную брагу (*абырткы*) и относила домой опустевший берестяной туес, в котором была брага. Кроме того, Каракусу шаман поручал отнести домой свой бубен, когда его бубен «уставал» от долгого пути [10, с. 119]. Таким образом, в шаманской практике телеутов священная птица Каракус связана с напитком, который предлагается духам. Каракус выступает помощником шамана также у казахов и некоторых групп узбеков [1, с. 622].

Следует отметить, что эта связь мифической птицы с шаманством далеко не случайна. Ее истоки, возможно, восходят к иранскому Симургу. В «Шах-наме» рассказывается, как Симург нашел в пустыне младенца Заля, отца Рустама, вскормил его в своем гнезде, обучил языку людей и тайнам чародейства. Поэтому Заль считался колдуном, «седым волшебником». Вырастив и воспитав Заля, Симург принес его на себе обратно на землю [3, с. 97–98]. Кроме того, Симург исцелил богатыря Рустама, противника зороастризма, и помог ему сразить Исфандияра. С помощью хитроумного Заля, наученного Симургом, Рустам узнает, что глаз – единственное уязвимое место Исфандияра, и пронзает его заговоренной отравленной стрелой [14, с. 436–437; 2, с. 390–391].

Связь образа мифической птицы с целительством и шаманской практикой в обско-угорской традиции

В обско-угорской традиции прослеживается некоторая связь птицы Карс с шаманским культом. Но эта связь в мансийском фольклоре опосредована образом Эква-пырища (сказочное имя Мир-сусне-хума). Эква-Пырищ взбирается по огромной лиственнице к гнезду Карсов. Эта лиственница «сучьев не имеет, глазков (неровностей на коре) не имеет» и, по существу, является мировым деревом. У народов Сибири мировое дерево выступает местом получения шаманами своей силы и приобщения к высшим божествам [24, с. 124–125]. Действия Эква-Пырища имеют параллели с алтайской шаманской практикой. Так, у алтайских народов по мировому дереву («с золотыми листьями богатой березе») шаман совершает свое восхождение в небесный мир, поэтому большинство обрядов, а особенно обряд посвящения шамана, связано с наличием березы, естественно растущей или срубленной. Иногда такую березу заменяют деревянные столбы или лестницы с птицами наверху. Это же дерево иногда мыслится в виде золотого столба в центре земли, около золотого водооя. Птицы-духи помещаются на его ветвях, а небесные кони пасутся около его ствола [11, с. 308]. Восхождение по мировому дереву обско-угорский Эква-Пырищ совершает чисто шаманским способом, поочередно натягивая на себя шкурки горноста и носатой мыши, которые

получает в ходе своего путешествия. Здесь также следует отметить аналогии с алтайской шаманской традицией. Так, шорский шаман при восхождении к Ульгеню в верхний мир привязывает к головной повязке и к бубну кусок заячьего хвоста. Шкура зайца вешается при камлании Ульгеню и небесным духам. Заяц играет большую роль в шаманстве алтайских народов. Его белый цвет и быстрый бег способствовали тому, что шаманы считали зайца посредником между людьми, в частности шаманами, и верховными небесными духами [11, с. 303]. Таким образом, Эква-Пыришь, взбираясь на дерево, по-существу, получает шаманское посвящение и обретает своего духа-помощника и учителя Карса, который в дальнейшем помогает ему поймать гигантского золотого окуня и мифическую птицу. Однако это не единственный сюжет, связанный с шаманским посвящением Мир-сусне-хума у мирового дерева. В мансийских священных сказаниях, где рассказывается о похождениях фратриальных героев и об установлении различных обрядов, сохранилось повествование о шаманском испытании Мир-сусне-хума. Юноша, по указанию старухи, привязывает себя к «вращенному небом, вращенному землей» столбу, у которого он проводит очень длительный срок. Последовательно его посещают всадники на черном, рыжем и, наконец, белом коне. От последнего юноша получает божественную силу и становится Мир-сусне-хумом («наблюдающим за миром человеком»), объезжающим мир на белом коне [24, с. 124]. По другой версии, он получает коня и березу с золотыми листьями. Далее он приходит к своему отцу Нуми Торуму, который приказывает ему идти на Обь и там, где река разделяется надвое, посадить золотую березу и устроить городок. С этого момента сказка становится священной и в ней говорится, как устраивать жертвоприношение и т. д. [23, с. 38]. В дальнейшем герой, выступая уже в образе Мир-сусне-хума, покровительствует шаманам. Он выслушивает просьбы камлающих в темных чумах шаманов. Очень часто перед жилищем на это время предварительно ставились несколько серебряных или металлических тарелочек для его коня [6, с. 411]. Таким образом, Мир-сусне-хум выполнял роль посредника между людьми

ми и богами [13, с. 145]. Он помогает также излечению болезней и является подателем счастья, успеха и здоровья [6, с. 411–412; 13, с. 145]. Принося жертвы Мир-сусне-хуму, манси были уверены, что он обязан защищать человека от болезней. К нему обращались со следующим призывом: «Для того тебя произвел твой отец золотой Кворыс, чтобы ты защищал душу моей дочери, моего сына. Ночью умоляем тебя со слезами, днем умоляем тебя со слезами: защити нас от болезни. Если заболит женщина, вылечи ее, если заболит мужчина, вылечи его! Золотой князь, золотой человек, об этом тебя просим, об этом тебя умоляем» [5, с. 90]. Таким образом, в обско-угорской традиции мифическая птица Карс не связана с целительством, эта функция приписывается посреднику – Мир-сусне-хуму, как учителю шаманов.

Генетическая связь обско-угорского образа Мир-сусне-хума с иранским Митрой неоднократно обосновывалась разными исследователями [5, с. 90; 20, с. 146–149; 21, с. 154; 25, с. 44–52 и др.]. На южное происхождение этого образа указывают такие атрибуты Мир-сусне-хума и его культа, как конь, конские жертвоприношения, металл, солнце. Кроме того, вероятно, следует учитывать, что культ иранского Митры был неотделим от культа священного напитка – Хаомы, который часто использовался в ритуале жертвоприношения именно Митре. В образе Мир-сусне-хума также можно распознать следы культа священного напитка, на что уже обращали внимание некоторые исследователи [25, с. 46]. По сведениям И. Л. Гондатти, у манси бытует представление о том, что «Мир-сусне-хум всегда имеет в правой руке бутылку водки... поэтому, когда начинают пить, то, откупоривши бутылку, обязательно наливают стакан и ставят его временно на священную шкатулку; эту водку впоследствии выпивает хозяин жилья; иногда часть водки выплескивают и в огонь, как дар покровителям огня...» [6, с. 416]. Как отмечает И. Н. Гемуев, в качестве подарков –приношений Мир-сусне-хуму имелась стопка из посеребренной латуни [4, с. 76].

Таким образом, своеобразие обско-угорского образа мифической птицы Карс проявляется в том, что ее связь с культовым

напитком, целительством и шаманской практикой опосредована образом Мир-сусне-хума.

В заключение следует отметить, что наиболее значимыми характеристиками мифической птицы, представленной такими образами, как обско-угорский Карс, тюркский Карагуш/Самрегуш, тюрко-монгольский Хан Гаруди, являлись: гигантские размеры, позволяющие переносить героя на огромные расстояния, связь с мировым деревом (верхним миром), священным напитком, целительством, шаманской практикой, что в различной степени нашло свое отражение во всех этих традициях. Истоки образа, вероятно, уходят в глубокую древность и связаны с индо-иранскими представлениями о мифических птицах – иранском Саена/Сенмурве/Симурге, индийском Гаруде.

Список источников и литературы

1. Басилов В. Н. Каракус // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 622.
2. Брагинский И. С. Рустам // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 390–391.
3. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М. : Мысль, 1974. 124 с.
4. Гемуев И. Н. Мировоззрение манси : Дом и Космос. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 232 с.
5. Гемуев И. Н. Мир-сусне-хум // Мифология манси. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 89–91.
6. Гондатти И. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 404–443.
7. Гринцер П. А. Амрита // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 71.
8. Гринцер П. А., Неклюдов С. Ю. Гаруда // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 266–267.
9. Дешпанде О. П. Эволюция образа Гаруды на Яве и Бали // Культура народов Индонезии и Океании. Л. : Наука, 1984. С. 170–179. (Сборник МАЭ. Т. 39).
10. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея археологии и этнографии. М. ; Л. : АН СССР, 1949. Т. X. С. 107–190.
11. Дыренкова Н. П. Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири // Тюрки Саяно-Алтая : статьи и этнографические ма-

териалы. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 277–339.

12. Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея археологии и этнографии. М. ; Л. : АН СССР, 1955. Т. XVI. С. 165–264.

13. Карьялайнен К. Ф. Религия угорских народов. Томск : ТГУ, 1995. Т. 2. 284 с.

14. Лелеков Л. А. Симург // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 436–437.

15. Маретина С. А. Змея в индуистской мифологии (по материалам МАЭ). СПб. : МАЭ РАН, 2005. 140 с.

16. Неклюдов С. Ю. Ульгень // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 546–547.

17. Патканов С. К. Иртышские остяки и их народная поэзия // Сочинения в 2 т. / С. К. Патканов. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. С. 25–381.

18. Рак И. В. Мифы древнего Ирана. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. 400 с.

19. Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1999. 768 с.

20. Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М. : Наука, Гл. редакция вост. лит., 1981. С. 146–162.

21. Хелимский Е. А. Мир-сусне-хум // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 153–154.

22. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.

23. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. М. ; Л., 1939. Вып. II. С. 20–40.

24. Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды института этнографии. Новая серия. М. ; Л., 1947. Т. 1. С. 113–134.

25. Яшин В. Б. Еще раз об митраических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 44–52.

МЕЧЕТИ СИБИРСКИХ ТАТАР

С. М. Червонная

*Польша, Торунь, Польский Институт
исследований мирового искусства,
Университет имени Николая Коперника*

История исламского сакрального зодчества у сибирских татар начинается с мемориальных сооружений над могилами «святых» («шейхов»). Эти сооружения назывались «астана» (а также «зийараты» – места паломничества) и были местной разновидностью архитектурной традиции, широко распространенной в культуре суфизма. В Сибири они имели форму деревянных срубов. Фактически они исполняли функции мечетей, поскольку здесь совершались коллективные молитвы («намазы»). Молитвы совершались также на открытых участках земли, не имевших построек, и такие места («мусалла») тоже по своей сути были мечетями. У тех племен, обращенных в ислам, которые еще вели кочевой или полукочевой образ жизни, мечетями могли служить переносные кибитки (юрты), и неслучайно к их пластическому образу обращаются современные архитекторы, проектируя новые мечети, например, для Барнаула, для поселений в Ногайских и Казахских степях, сопредельных с территорией бывшего Сибирского ханства. Первые столицы (Чимга-Тура на месте нынешней Тюмени, Сибирь / Кашлык / Искер на берегу Иртыша) этого ханства строились в XV–XVI вв. по образцу золотоордынских городов. Духовным центром мусульманского города становилась мечеть. Традиционный тип «татарской мечети», сложившийся в каменной и деревянной архитектуре Казанского ханства, становится господствующим в народном зодчестве сибирских татар со

второй половины XVI в. Казанские муллы, которых после падения Казанского ханства в 1552 г. хан Кучум пригласил в Сибирь, способствовали проникновению сюда этих традиций. Несмотря на огромные потери и разрушения, которые претерпела исламская архитектура сибирских татар в процессе завоевания Сибирского ханства и после присоединения Сибири к Российскому государству, особенно в XVII–XVIII вв., – традиция исламского сакрального зодчества не прервалась в культуре сибирских татар. Почти каждое татарское село к началу XX в. имело свою деревянную мечеть, построенную чаще всего на месте более старой, разрушенной мечети по ее образцу. Либерализация национальной и религиозной политики самодержавия с конца XVIII в. приводит к тому, что в сибирских городах становится возможным строительство новых каменных мечетей. Появляются мечети в Петропавловске, Омске, Ембаево, Тобольске, Томске, Чите. Их авторы, как правило, пытаются приблизить каноны и модели исламской архитектуры к формам православного церковного зодчества, ввести «сибирский ислам» в главное русло стилевых направлений русского искусства. После длительного периода опустошений, наступившего после 1917 г. и связанного с воинствующим атеизмом, положенным в основу религиозной политики советской власти, в эпоху «перестройки» (на рубеже 1980-1990-х гг.) начинается новый этап возрождения исламской архитектуры в Сибири. Интенсивное строительство новых мечетей происходит в конце XX – в первых десятилетиях XXI в. в крупных сибирских городах с «интернациональной» мусульманской диаспорой и в селах – традиционных местах компактного проживания тоболо-иртышских, барабинских и томских татар. Художественный феномен современной «сибирской мечети» несет на себе печать эклектики – смешения разных стилей, архитектурных «цитат», мотивов, основ традиционной и «высокой» («хай-тек») технологии. Наиболее перспективной для сохранения и культурного возрождения этнической группы сибирских татар представляется та тенденция в современном зодчестве, которая возрождает традиционный тип татарской деревянной мечети, свидетельствующий об этнокультурном единстве всего «татарского мира».

Ключевые слова: мечеть, астана, мусалла, формы и традиции исламского сакрального зодчества, Сибирское ханство в культурном пространстве Золотой Орды и в системе отношений между государствами после распада Золотой Орды, Сибирь в составе Российской империи, возрождение религиозной жизни сибирских мусульман и культовое исламское строительство в Сибири конца XX – начала XXI вв.

The history of Islamic sacral architecture of the Siberian Tatars begins with memorial structures over the graves of «saints» («sheikhs»). These structures were called «Astana» (as well as «Ziyarats» – places of pilgrimage) and were a local variety of architectural tradition, widespread in the culture of Sufism. In Siberia, they had the form of wooden frameworks. Actually, they had the functions of mosques, since collective prayers («namaz») were performed here. Prayers were also made on open plots of land that had no buildings, and such places («musallah») were also in essence mosques. For those tribes converted to Islam, who still led a nomadic or semi-nomadic way of life, portable tents (yurts) could serve as mosques, and it is not by chance that modern architects turn to their plastic image, designing new mosques, for example, for Barnaul, for settlements in Nogai and Kazakh steppes adjacent to the territory of the former Siberian Khanate. The first capitals (Chimga-Tura on the site of the present Tyumen, Siberia / Kashlyk / Isker on the bank of the Irtysh) of this khanate were built in the XV–XVI centuries on the model of the Golden Horde cities. The mosque became the spiritual center of the Muslim city. The traditional type of «Tatar mosque», formed in the stone and wooden architecture of the Kazan Khanate, becomes dominant in the folk architecture of the Siberian Tatars from the second half of the XVI century. The Kazan mullahs, who, after the fall of the Kazan Khanate in 1552, Khan Kuchum invited to Siberia, contributed to the penetration of these traditions here. Despite the enormous losses and destruction that the Islamic architecture of the Siberian Tatars underwent during the conquest of the Siberian Khanate and after Siberia

joined the Russian state, especially in the XVII–XVIII centuries, the tradition of Islamic sacral architecture was not interrupted in the culture of the Siberian Tatars. By the beginning of the twentieth century, almost every Tatar village had its own wooden mosque, most often built on the site of an older, destroyed mosque following its model. The liberalization of the autocracy's national and religious policies from the end of the XVIII century makes it possible to build new stone mosques in Siberian cities. Mosques appear in Petropavlovsk, Omsk, Embaevo, Tobolsk, Tomsk, Chita. Their authors, as a rule, try to bring the canons and models of Islamic architecture closer to the forms of Orthodox church architecture, to introduce «Siberian Islam» into the mainstream of stylistic directions of Russian art. After a long period of devastation, which began after 1917 and was associated with militant atheism, which became the basis of the religious policy of the Soviet government, in the era of «perestroika» (at the turn of the 1980s and 90s), a new stage in the revival of Islamic architecture in Siberia begins. Intensive construction of new mosques occurs at the end of the XX and in the first decades of the XXI century in large Siberian cities with an «international» Muslim diaspora and in villages — traditional places of compact residence of Tobol-Irtysh, Barabin and Tomsk Tatars. The unique phenomenon of the modern «Siberian mosque» bears the imprint of eclecticism – mixing different styles, architectural «quotes», motives, the basics of traditional and «high» («high-tech») technology. The most promising for the preservation and cultural revival of the ethnic group of Siberian Tatars is the trend in modern architecture, which revives the traditional type of Tatar wooden mosque, testifying to the ethno-cultural unity of the whole «Tatar world».

Keywords: mosque, astana, musallah, forms and traditions of Islamic sacral architecture, Siberian Khanate in the cultural space of the Golden Horde and in the system of relations between states after the collapse of the Golden Horde, Siberia within the Russian Empire, the revival of the religious life of Siberian Muslims and the sacral Islamic building in Siberia at the late twentieth – early twenty-first centuries.

Традиция исламского сакрального зодчества развивается в Западной Сибири на протяжении многих веков. Ее истоки связаны с включением этой земли в состав Джучиева улуса империи Чингисидов – Золотой Орды. Уже при основании этого государства был задействован огромный культурный потенциал тех мусульманских народов (Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа, Крыма), которые были объектами, жертвами монгольских завоеваний и вместе с тем строителями, созидателями сложившейся на основе этих завоеваний государственной системы, золотоордынской цивилизации. Первая резиденция Бату-хана находилась в Булгаре – городе, чья принадлежность к исламскому миру насчитывала к тому времени более трех столетий. После смерти Бату-хана (1256) его брат и наследник хан Берке уже вступает на престол, приняв исламскую веру, и новая столица, которую он строит (после первой столицы – Сарай-Бату, или Старого Сарая, – нынешнего Селитренного городища в Астраханской области), – Сарай-Берке, или Новый Сарай (ныне Царевское городище у Цимлянского водохранилища Волгоградской области), принимает облик мусульманского города, духовным центром которого становится сверкающая лазурной керамикой каменная мечеть. При хане Узбеке, правившем в 1313–1342 гг., ислам стал государственной религией Золотой Орды.

Если архитектурное наследие Булгара золотоордынского периода [1; 2], Старого и Нового Сарая на нижней Волге [33; 34], Сарайчука на Урале [32], старейшие мечети и мавзолеи Крыма [4], архитектура Казанского ханства [18; 35; 37; 38] исследованы весьма обстоятельно, а в некоторых случаях буквально возрождены из археологических руин, возвращены к жизни в пространстве современного города, как это произошло в Булгаре [16], то сибирское пространство, к сожалению, выпало из поля внимания исследователей культуры Золотой Орды. Можно сказать, что отечественное искусствознание в большом долгу перед сибирскими татарами.

Исламизация Западной Сибири и ее коренного населения – сибирских татар – происходит позже, чем на других землях золо-

тоордынской империи, где ислам был господствующей религией еще до монгольских завоеваний или стал таковой уже на ранних этапах формирования Золотой Орды. Золотоордынские города с их мечетями, мавзолеями, дворцами-сараями находились далеко от мест проживания сибирских татар, но это были города, сменявшие друг друга столицы (Булгар – Сарай-Бату – Сарай-Берке) и крупные культурные и торговые центры того самого государства, гражданами (подданными) которого были сибирские татары, находившиеся под властью ханов Золотой Орды. «Почти все <...> улусы заволжского Дешта, – отмечает в своем исследовании историк В. В. Трепавлов, – имели во главе потомков Чингисхана: Джумадук б. [бий] Суфи кочевал между реками Сары-Су и Эмбой [Емь, Емба]; Махмуд-Ходжа б. Каганбек <...> – между Тоболом и Ишимом; Мустафа б. Муса – по левому берегу Атбасара, правого притока Ишима; Девлет-Шейх б. Ибрагим – по левому берегу

Рис. 1. Проект мечети для Астрахани по мотивам белой войлочной юрты ногайских кочевников. 2003. Архитектор Абдрахман Махмудов

Иртыша до впадения в него Тобола. Все перечисленные лица принадлежали к дому Шибана б. Джучи» [31, с. 95–96].

Вероятно, первыми мечетями сибирских татар, продолжавших вести кочевой или полукочевой образ жизни, были переносные кибитки (юрты). Эта гипотеза не может иметь археологического подтверждения, поскольку кибитки ставились на том или ином земельном участке, потом снимались с него и переносились на другое место, не оставляя ни фундаментов, ни каких-либо еще материальных следов. Одним из первых предположение о том, что традиционные «мобильные сооружения» тюркских кочевников «вошли в архитектурное пространство Ислама», став юртами-мечетями, высказал Нияз Халит, обратив внимание на такие исторические источники, как «Путешествие хана Ибн-Батуты в

Рис. 2. Мечеть в Павлодаре.

Проект 2002 года по мотивам сине-зеленой конической формы казахских кочевников. Авторский коллектив под руководством архитектора Толегена Абильды

Золотую Орду в половине XIV века», в котором отписывался «целый движущийся город с улицами, домами, мечетями и кухнями» [36, с. 32]. Опираясь также на иконографию средневековых мусульманских миниатюр, в которых встречаются изображения шатров-кибиток, используемых в культовых целях, Халит предлагает собственную реконструкцию форм «средневековых тюркских мобильных сооружений» [36, с. 19–20], имевших круглые (как полушария), пирамидальные и подобные двух- и четырехскатным крышам очертания и перевозимых на телегах или на спинах вьючных животных.

Неслучайно к образу юрты обращаются некоторые современные архитекторы, проектирующие мечети для ногайских, казахских и сибирских мусульманских общин. У ногайского архитектора Абдрахмана Махмудова, создавшего в 2000–2003 гг. интереснейший проект мечети для Астрахани (рис. 1), это прежде всего образ белоснежной войлочной юрты; для авторов Соборной мечети в городе Барнауле – это зеленые юрты (кок-юрт) степных поклонников «Бога синего неба» – Тенгри (тенгризм непосредственно предшествовал распространению ислама во многих регионах Великой Степи); для казахского архитектора Толегена Абильды, возглавлявшего коллектив авторов, проектировавших Соборную мечеть для Павлодара, главным модулем для новых архитектурных интерпретаций служила не только сине-зеленая (кок) юрта конической формы, но и форма остроконечных минаретов, расположенных вокруг нее и напоминавших о вертикальных шестах, сооружаемых древними тюрками в качестве символов Вселенной, о копьях, втыкаемых в землю, как знак военной защиты (рис. 2).

Важнейшим шагом в приближении к Западной Сибири исламской цивилизации стало формирование в XIV в. первого самостоятельного улуса (государственного образования) сибирских татар – Тюменского ханства с центром в Чимге-Туре / Чинги-Туре (на месте современной Тюмени). Его основателем был потомок Джучи, правитель сибирского улуса (тумена) Хаджи-Мухаммад, который в 1420 г. провозгласил себя ханом и объединил под своей властью земли в междуречье Туры, Тобола и Ишима. В конце

1420-х гг. сибирские князья-эмиры подняли мятеж против Хаджи-Мухаммада и посадили на тюменский трон другого наследника Джучи, сына Давлет-Шейх-оглана хана по имени Абулхайр/Абу-л Хайр, который царствовал в 1428/29–1468 гг. При нем установилась теснейшая связь Сибири со Средней Азией. В 1431 г., возглавив ряд племен центрального и северного Казахстана, он стал предводителем Узбекской Орды. В 1440-х гг., проводя успешные войны с Тимуридами, он захватил города Сузак, Аккурган, Узгенд и Сыгнак – главные опорные пункты сартов (узбеков). Связи Сибири со Средней Азией были особенно сильными в середине XV в. при правлении династии Шибанидов, которые рассматривали Сибирский улус как составную часть узбекского государства. В 1470-х гг. независимость Сибирского ханства восстановил внук Хаджи-Мухаммада татарский хан Ибак (Ибрагим бий Махмудек из Тюменского юрта), тесно связанный с ногайскими мурзами и захвативший трон в Чимге-Туре. В 1495 г. он погиб в борьбе с местными князьями «тайбугина рода» (Тайбугидами). Их предводитель Мухаммад Тайбуга перенес свою главную ставку в поселение Сибирь (или Кашлык, в русских источниках – Искер), по названию которого все государство стало именоваться Сибирским ханством.

И Чимга-Тура, и Сибирь, ставшая новой столицей, и другие татарские поселения неуклонно превращались в города мусульманской культуры. «Распад империи [Золотой Орды], – пишет Нияз Халит, – привел к сложению государственных архитектурных школ на основе развития уже сформировавшихся к тому времени региональных золотоордынских стилей. Стиль метрополии <...> перешел в разряд архитектурной традиции <...> Каждое вновь образовавшееся татарское государство продолжало дальнейшее развитие стиля исходя из собственных культурных и политических предпочтений. Для каждого из них [важнейшим моментом] стало строительство новой столицы, разумеется, с перенесением туда каких-то знаковых черт прежней столицы чингисидов – Сарая. <...> по этой причине центральные столичные мечети Казани, Бахчисарая, Хан-Кермана, Керменчика, Астраха-

ни, Чимги-Туры могли во многом быть схожими» [36, с. 53].

Прочно укоренившаяся в народной памяти сибирских татар легенда связывает распространение ислама в Западной Сибири с миссионерской деятельностью («походом») прибывших сюда из Средней Азии «366 бухарских шейхов». Одни исследователи относят это событие к концу XII – началу XIII в. и связывают поход 366 бухарских шейхов в Тобольский юрт с именем шейха Багаутдина аль-Балти – отца всемирно известного суфийского поэта Джалалетдина Руми. «По мнению других ученых, 366 шейхов были направлены в Сибирь в конце XIV века по приказу шейха Багаутдина Накшбанди» [14, с. 3]. Конец XIV в. следует считать более верным ориентиром, нежели рубеж XII–XIII вв., когда ислам могла исповедовать лишь небольшая часть сибирских князей, но никак не основная масса сибирского населения, сохранявшая языческие верования и традиции идолопоклонства (поклонения «куклам»). Постоянной константой данной легенды является сообщение о «бухарском» происхождении проповедников ислама в Сибири (исторические этнонимы «бухарцы/бухаретины», «ташкентцы», «сарты» стали устойчивыми понятиями в языке сибирских татар [12, с. 28]) и о их статусе «шейхов», имеющем определенное значение (наставников, учителей, мастеров, предводителей) в иерархии суфийских братств («таррикатов»). Видимо, это были выходцы не только из самой Бухары, но также из других культурных центров современного Узбекистана и представители различных суфийских течений («орденов») – накшбандийа, мевлевийа, бекташийа, а также различных правовых школ (мазхабов) – шафиитов, маликитов, ханифитов, распространенных в Средней Азии. Вместе с сопровождавшими их семьями, учениками, слугами и воинской стражей (около 1700 воинов [12, с. 89]) бухарские шейхи формировали культурный массив, весьма заметный в населении Западной Сибири.

В суфийских братствах широкое распространение имел культ «святых», на месте захоронения которых возводились мемориальные сооружения, становившиеся объектом поклонения и притягивавшие к себе паломников. В разных этнических культу-

рах мусульманского сообщества такие сооружения имели разные названия, в казахской культуре и в культуре сибирских татар за ними закрепилось наименование «астана». По сути это были мавзолеи (иногда сооружаемые над захоронением «святого»), иногда без такого захоронения – в память о нем), монументы, стихийно превращавшиеся в места для коллективной молитвы мусульман, т. е. в мечети. В архитектурном отношении это могли быть еще довольно примитивные сооружения, в Сибири чаще всего это были деревянные срубы, иногда с притвором (сенями). Этимологически с понятием «астана», заимствованным из персидского языка и проникшим в Сибирь при посредничестве «бухарских шейхов», были связаны такие представления, как «порог», «царский двор», «дворец счастья», «место отдыха и сна», «могилы пророков и авлия» [12, с. 371] (арабским словом «авлия», означавшим «друг Аллаха», в суфийской интерпретации – «святой»), сибирские татары стали называть и самих бухарских шейхов, и их последователей – проповедников ислама). Об этих памятниках существует довольно богатая литература (см.: [26; 27]), в том числе опирающаяся на такие источники, как «сачара» («грамоты») – старинные татарские рукописи, в которых содержатся сведения о местонахождении могил шейхов. Располагались астана, главным образом, по берегам судоходных рек, по которым пришли в Сибирь исламские миссионеры, что с самого начала определяло характер синтеза исламской сакральной архитектуры (мавзолея, мечети, некрополя, сооружаемого в форме деревянного сруба) с окружающей природой.

В XVII в. многие сибирские астана были подвергнуты ограблениям так называемых бугровщиков – искателей золотых кладов, которые проводили свои «раскопки» на местах сооружения и находили ценные предметы [19, с. 68].

Некоторым астана приписывались магические свойства; считалось, что паломничество к ним может вылечить от болезней. Наиболее почитаемыми были Баишевская астана, Варваринская астана (мавзолеей шейха Дауда), а также место захоронения жены легендарного Хаким-Ата – Амбар-Ана, за помощью к ко-

торой обращались бездетные женщины [12, с. 125]. Исламские и доисламские обряды и верования сибиряков при этом сложно переплетались, но мусульманский характер астана был главным, определяющим трендом.

Муллы («чтецы Корана») в мусульманских общинах сибирских татар исполняли также обязанности «смотрителей» астана, и эта традиция держалась долгое время, о чем свидетельствует обнаруженная в 2004 г. в с. Карагай Тюменской области рукопись, переписанная почерком насх в стиле XVIII в., с описанием карагайской астаны-мавзолея и упоминанием одного «из детей Худжа шаиха, ныне чтеца Корана на могиле святого» [12, с. 20].

Астана по сути своей были разновидностью мечетей, так же как разновидностью мечетей являются широко распространенные в арабском мире, на Ближнем Востоке, завийа (от арабского *zawīya* – небольшие, увенчанные куполами мечети-гробницы местных суфийских «святых» – марабутов) и места паломничества к этим могилам зийараты. Совершение мусульманских обрядов, чтение Корана, вершение молитвы – намаза – у могилы «святого», внутри сооружения, возведенного над этой могилой, или рядом с ним, под открытым небом, является не чем иным, как функционированием мечети. Поскольку такие обряды сибирские татары совершали и такие сооружения над могилами особо почитаемых шейхов возводили, не может быть речи об «отсутствии мечетей» [12, с. 59] в местах их проживания в Средние века, хотя архитектурный облик астана, не имевших таких важных компонентов, как минарет, существенно отличался от того типа татарской деревянной мечети, который получил распространение в Сибири позднее, под непосредственным влиянием культуры казанских татар. Астана, служившие местом паломничества и молитвы, заменяли сибирским татарам «настоящие» мечети не только в те времена проникновения ислама в Сибирь, когда местные жители еще не строили мечетей по казанским образцам, но и после присоединения Сибирского края к Российскому государству, когда многие старые мечети здесь были разрушены. Так, шведский ученый И. П. Фальк, проводивший исследования в За-

падной Сибири в 1768–1773 гг., отмечал, что на месте столицы хана Кучума Искера уже нет древней мечети, стоявшей там еще сто лет тому назад, зато на татарском кладбище стоит деревянная башня, которая считается надгробием шейха (Скир-Стам, или Искер-астана) и к которой стекается на поклонение множество мусульман [12, с. 193].

Всего на территории Западной Сибири, главным образом в Тюменской и Омской областях, зафиксировано местонахождение более 80 средневековых астана [12, с. 248]. Часть сохранившихся астана в Тюменской области сравнительно недавно (в 2004 г.) включена в реестр памятников, охраняемых государством, но большинство астана исчезло с лица земли, оставшись только в народной памяти. Постройки на астана – четырех-, шести- и восьмигранные деревянные срубы – сохранились от сравнительно недавних времен, но по ним можно судить и о наиболее древних, исходных формах исламской сакральной архитектуры в Западной Сибири.

Следующий этап развития исламского сакрального зодчества в Сибири – появление мечетей в сибирских городах – связан с деятельностью казанских миссионеров, которых пригласил в Сибирское ханство Кучум, внук Ибака. В конце 1550-х гг. при поддержке бухарского хана Абдуллы бия Искандера он начал борьбу за возвращение сибирского трона, отнятого у его деда Тайбугидами. Эта борьба завершилась успехом в 1563 г., Кучум принял титул хана сибирского и тюменского и объявил ислам государственной религией своего государства. Через ногайские степи пролегал безопасный для сибирских паломников путь хаджа в Мекку [31, с. 373]. По данным Духовного Управления мусульман Европейской части России, в 1570-х гг. здесь появились первые «настоящие» мечети [22, с. 86], обладавшие минаретами и ориентированные по кибле. Казанские муллы, которых пригласил в Сибирское ханство хан Кучум, видимо, были не только «богословами» (проповедниками ислама) и учителями в мусульманских школах (мектебах), но и людьми, способными перенести на сибирскую почву казанский художественный опыт возведения каменных и деревянных мечетей.

Ни одной из этих «первых мечетей» Сибирского ханства – памятников архитектуры второй половины XVI в. – не сохранилось на сибирской земле, но они, несомненно, стояли здесь на пути казацких дружин и московского войска, возрождались из пепла после пожаров и разрушений, строились заново повсюду, где проживали обращенные в ислам сибирские татары.

Свидетельством того, что в сибирских городах до их завоевания существовала высокоразвитая инфраструктура, бывшая базой крепостных, жилых и сакральных сооружений, может служить описание тех богатств, какие захватил Ермак в Искере, приводимое российским историком Н. М. Карамзиным, который опирался на русские летописные источники. «26 октября, – пишет Н. М. Карамзин, – Ермак <...> торжественно вступил в Искер, или в город Сибирь, который стоял на высоком берегу Иртыша, укрепленный с одной стороны крутизною, глубоким оврагом, а с другой – тройным валом и рвом. Там победители нашли великое богатство, если верить летописцу: множество золота и серебра, азиатских парчей, драгоценных камней, мехов...» [15, с. 625]. О мечетях Карамзин ничего не пишет, но ясно, что все эти сокровища хранились не под открытым небом, а в средневековом мусульманском городе мечеть всегда была местом собирания и показа разного рода ценностей.

Карамзин между прочим сообщает еще одну интересную деталь, существенную для представлений о той мусульманской Сибири, которая была присоединена к России. Описывая сражение за город Искер, он отмечает: «...а слепой Кучюм, стоя на горе с иманами, с муллами своими, кликал Магомета для спасения правоверных» [15, с. 624–625]. Видимо, эта сцена произвела настолько сильное впечатление на казаков, участвовавших в битве, что по их рассказам вошла потом в русские летописи и в составленную на их основе «Историю государства Российского» Карамзина. Для историков совершенно очевидно, что эта сцена свидетельствует о мусульманском характере того общества (во всяком случае, его правящей элиты), с которым русские столкнулись в Сибирском ханстве (хана Кучюма окружали его

имама и муллы), а действие, которое разворачивалось «на горе» (на высоком берегу Иртыша), было исламским богослужением, при этом в полном соответствии с нормами исламской науки веры («Мечеть – весь мир») само открытое пространство (берег, гора, земля, где совершалась молитва правоверных мусульман) становилось мечетью.

Открытые мечети (мусалла), имевшие минимальное архитектурное обозначение или вовсе не имевшие никаких построек, представлявшие собой расчищенную и ровную земельную площадку где-нибудь за городом, лишь условно отделенную от остальной территории, например, с помощью расстеленных ковров, и ориентированную по кибле в сторону Мекки посредством какого-либо предмета (камня, книги Корана или воткнутого в землю шеста), определявшего ту сторону, в какую должны были быть обращены лица молящихся, как справедливо отмечает Нияз Халит, «существовали и продолжают существовать во всех регионах исламской культуры» [36, с. 34], и, несомненно, они имели место у сибирских татар. Но были у сибирских татар и мечети в виде построек, зданий, т. е. своя архитектурная традиция исламского сакрального зодчества, тесно связанная с культурой городов-крепостей и деревенских поселений.

О том, что в Искере во времена правления хана Кучума существовала мечеть, сложенная из сырцового кирпича, свидетельствует описание того, что от нее осталось, оставленное церковным миссионером Н. Г. Спафарием, посетившим развалины города, омываемые водами Иртыша, в 1675 г. и не скрывавшим своего враждебного отношения к попыткам сибирских татар восстановить эту мечеть. «...Место то самое крепкое, – писал Спафарий, – остров есть, однако ж ныне лежит пусто, только тобольские татары для воспоминания нечистые их веры магмецкие, обновили преж сего и ныне обновляют мечеть, в которой по их нечистой вере приходяще действуют» [12, с. 251]. Эта возникавшая до присоединения Сибирского ханства к России мечеть еще долго продолжала служить «приходящим» сюда татарам местом для их пятничных молитв.

Показательно, что ангажированные русские летописцы считали главной задачей и заслугой «ермаковских казаков», завоевавших Сибирь, «...победити бусурманского царя Кучума, и разорите богомерзкие и нечестивые их капища и костелы <...> отпаде вся бесовская служба и костелы, и требища идольские вся разорися и сокрушися». Не отдавая себе отчета в различиях между мусульманскими святынями и языческими капищами и к ним же присовокупленными «костелами», авторы такого рода текстов в полной мере выражали ту враждебность исламу, которая сопровождала военное наступление на Сибирь. «Разорить» и «сокрушить» удавалось многое, однако далеко не всё. Из «челобитной» митрополита Сибирского и Тобольского Филофея, направленной Петру I, можно судить о том, как сильна была разрушительная тенденция непримиримой к исламу церкви, и одновременно о том, какое упорное сопротивление оказывали сибирские татары наступлению на их права, поскольку их мечети и их поселения еще сохранялись на тобольской земле. «Чтоб в Тобольску мечетем татарским между церквами Божиими и житию их татарскому с христианы не быть» [28; цит. по кн.: 12, с. 175], – требовал Филофей. Жестоко и категорично требовал, но безрезультатно. Сибирское ханство, будучи уже уничтоженным как государство, сохранялось как мусульманское культурное поле, полная русификация и христианизация которого оказалась для завоевателей невыполнимой задачей.

Г. Ф. Миллер, по путевым описаниям которого можно представить себе, как выглядели земли бывшего Сибирского ханства в XVIII в., отмечал, что во многих татарских аулах по берегам Оби и Иртыша от Березовых юрт до Тобольска стоят мечети [23; 12, с. 252].

Даже из официальной российской статистики известно, что после царских указов 1742-1744 гг., содержавших требования «разметать» и «слопать» все лишние, с правительственной точки зрения, мечети, в Тобольском уезде были снесены 66 из 89 мечетей, в Тюменском уезде – 19 из 32 [14, с. 6]. Значит, и 89 тобольских, и 32 тюменских мечети (а фактически, вероятно, значитель-

но больше) возвышались на этой земле до середины XVIII в., да и после разрушений 1740-х гг. здесь еще оставались десятки старинных мечетей и с величайшим трудом (иногда втайне от властей) строились новые мечети, часто по образцам разрушенных памятников. При мечетях существовали мусульманские школы, а в с. Ембаево (в Ембаевских юртах, Улуг-Манчел) – медресе (мусульманский университет), продолжавшее свою просветительскую деятельность вплоть до 1917 г.

«О том, как выглядели тюменские мечети четырьеста лет назад, – пишет Изиль Гарифуллин, – мы можем судить по запискам неизвестного датского путешественника, рукописи которого были обнаружены в библиотеке Копенгагена и относятся к 1666 году» [14, с. 6]. К сожалению, о том, как выглядели эти мечети в архитектурном измерении, записки датского путешественника не дают представления, но они несомненно подтверждают наличие исламской культовой практики (в них описан процесс намаза и азана) и исламский характер сооружений, которые он ошибочно называл «церквями», не употребляя слова «мечеть». «Нет здесь ни картин, ни стульев, ни скамеек, – писал он, – но полы полностью покрыты коврами. Когда они (верующие, местные жители. – С. Ч.) входят в эти молитвенные помещения, снимают свои шапки и обувь <...>, палки свои оставляют у дверей, в церкви садятся на корточки, глядят лицо обеими руками и наклоняются до пола, простираются и бормочут про себя на своем языке, а затем, примерно через час, уходят В их церквях никаких колоколов, зовущих на молитву, нет. Для приглашения верующих на молитву один из старшин <...> берется обеими руками за уши и, подняв лицо вверх, кричит что есть мочи: “Алла! Алла! Алла!” Это очень далеко слышно. Люди собираются на богослужение тотчас же» [14, с. 6; 7, с. 5].

Как поразительно похоже это описание мечетей сибирских татар, вызывавших изумление и непонимание европейского путешественника, на то, что оставил один из польских авторов XVI в., посетивший татарскую мечеть в Вильнюсе (в его бывшем пригороде – Лукишках). «Нет здесь никаких образов, – писал он, – ни-

каких изображений, ни единого какого-нибудь божка или чёрта; стены совершенно голые, и только пол покрыт яркими цветными коврами / Nie masz w nim żadnego wizerunku, ani jakiegoś bożka, ani czarta. Gołe tutaj ściany, podłoga tylko barwnymi kobiercami zasłana» (фрагмент датированного 1581 г., адресованного Давиду Хытреусу письма анонимного автора опубликован в книге: [8, с. 30]).

Сходство между мечетями сибирских, литовских, казанских татар неслучайно получало отражение в письменных источниках (свидетельствах европейских наблюдателей), почти буквально совпадавших друг с другом. Оно существовало на самом деле, прежде всего в деревянной архитектуре, которая преобладала (и в силу климатических условий, и в силу доступности материала в местах, богатых еще не истребленными лесами, и в силу исходной художественной традиции) в татарском народном зодчестве. К середине XVI в. уже в полной мере сложился классический тип деревянной татарской мечети – срубного сооружения с притвором и с башенкой минарета, встроенной в двускатную крышу здания строго по центру или над фасадом (притвором). Этот тип приобрел исключительную прочность и устойчивость в татарской культуре: он репродуцировался на протяжении многих последующих веков не только в татарских аулах Закавказья, но и во всем огромном евразийском пространстве, в котором существовал и ныне существует «татарский мир». Сходство мечетей казанских, литовских, сибирских татар является свидетельством культурного единства этого мира (см. об этом: [6; 13]), что не исключает существования внутри этого единого мира различных региональных художественных школ с их местными особенностями. Выпадают из этого мира, пожалуй, только мечети крымских татар, которые как в силу особенностей исторического развития Крымского ханства, ориентированного на образцы сельджукской и османской культуры (так же как на политический союз с Турцией), так и в силу особенностей местного климата и запасов строительных материалов (известняка, белоснежного мрамора) обрели иную классическую форму каменных сооружений с высокими башнями-минаретами, врезающимися своими легкими стрелами (отточенными «карандашами») в небесную синеву.

Деревянные мечети сибирских татар, стоявшие в селах и городах Сибирского ханства, гибли не только от военных опустошений в конце XVI в. Они разрушались от времени, сгорали при пожарах и уничтожались сознательно и целенаправленно сибирскими чиновниками-наместниками, исполнявшими волю царского двора, уже в мирное время, казалось бы, окончательно «присоединения» Сибири к России, что можно считать одним из наиболее трагичных эпизодов нашей истории. 22 июня 1744 г. был принят сенатский Указ «О нестроении мечетей...», содержащий прямое указание на то, чтобы во всех населенных пунктах, где появилось русское население или крещеные инородцы, где уже построены православные церкви или только планируется их строительство, «...все Татарские мечети, которые там еще по ныне не сломаны: те мечети все сломать, и вновь строить в тех деревнях, где Русские о новокрещенные жить будут, отнюдь не давать» [24, с. 221]. И хотя Указ имел множество казуистических оговорок, в частности предупреждений о том, что не все мечети надо подряд и сплошь уничтожать, ибо это нанесет татарам ненужное «оскорбление», а там, где в населенном пункте проживает «не менее, как от 200 до 300 душ» мусульман мужского пола, мечеть все же можно оставить, а православных жителей, чтобы не вводить их «в соблазн» видом мечети, переселить в другое место, – было совершенно ясно, что все эти оговорки не меняют вандалистской сущности правительственного указа: и найти «чистое» татарское село на территориях, подвергшихся интенсивной колонизации и миссионерской деятельности Православной церкви, уже было не просто, и переселение из таких деревень православных жителей было задачей трудно выполнимой. Независимо от естественного прироста татарского населения, указ жестко требовал исходить из тех 200–300 «душ», которые в данный момент можно зафиксировать («быть толикому числу мечетей, сколько по нынешнему положению по числу мужеска пола душ определено; а ежели сверх того положения, где останутся излишние мечети <...> сломать немедленно» [24, с. 222]).

Сколько таких мечетей в Западной Сибири было «сломано немедленно» или уничтожено в медленном процессе разрушения зданий, мы не знаем, но с полной вероятностью можем утверждать, что вопреки всем жестким наказаниям («те мечети сломать и вновь строить не давать») традиция деревянного исламского са크рального зодчества у сибирских татар не исчезла бесследно, а возродилась на каждом новом витке либерализации имперского режима.

В источниках сохранились сведения о деревянных мечетях, построенных в Сибири во второй половине XVIII в. Среди них – Ревдинская (1776), Киндерская (1779), Мало-Каскаринская (1780), Кончегурьская (1785) и другие мечети [12, с. 253]. Самая поздняя в этом ряду – мечеть в с. Красный Яр Тюменской области (1788) – известна не только по упоминаниям: в основе своей она сохранилась, хотя при обновлениях и ремонтах была перестроена.

«Сведения о мечетях и имамах Тюменского округа в 1828 году», опубликованные К. Б. Кабдулвахитовым [14, с. 7], свидетельствуют о том, что число деревянных мечетей (построенных, главным образом, в конце XVIII – начале XIX вв.) здесь измерялось многими десятками. В 1854 г. в 63 татарских поселениях на территории Тобольского, Тюменского и Ялуторовского казачьих военных округов насчитывалось 57 мечетей, в 1862 г. в Тобольской губернии, где проживала значительная часть сибирских татар, насчитывалось 139 мечетей [12, с. 86], а в начале XX в. они имелись во всех татарских аулах Сибири.

Особую страницу в истории исламского культового зодчества Сибири дореволюционного периода составляет сооружение каменных мечетей в городах, которое практически начинается здесь в XIX в., хотя считается, что «старейшая каменная мечеть в Сибири была построена в середине XVIII века в городе Тара» [22, с. 86]. По сведениям, закрепившимся в народной памяти, а затем и в письменной историографической традиции, ее строителями были «бухарцы» – продолжающие прибывать из Средней Азии в Сибирь не только одиночками, но и организованными группами: проповедники ислама, купцы, учителя. До наших дней

не сохранилось не только руин, но даже достоверных описаний этого здания, а если принять во внимание, что середина XVIII в. была временем малоблагоприятным для строительства новых мечетей (даже гораздо лучше, чем это имело место в Сибири, организованной общине казанских татар удалось получить от российской императрицы – и то в виде исключения – «милостивое разрешение» на строительство двух каменных мечетей в Казани – Марджани и Апанаевской – только в конце 1760-х гг.), сведения о Тарской каменной мечети середины XVIII столетия (во всяком случае, касающиеся времени ее сооружения) можно считать легендарными.

Легендами овеяна также история сооружения второй каменной мечети XVIII в. в Сибири, а именно мечети в с. Тоболтуры, о которой тот же источник (изданный при активном участии Духовного Управления мусульман европейской части России и Сибири альбом «Мечети России и стран СНГ») сообщает: «Сегодня самая старая сибирская мечеть находится в селе Тоболтуры, по преданию, ее построили нелегально во второй половине XVIII века – каждый проезжавший через село татарский купец оставлял там кирпич» [22, с. 86].

Согласно легенде, «подарком» Екатерины II мусульманам была Касымовская мечеть, сооруженная в Петропавловске в 1795 г. На самом деле место для ее сооружения около крепости Святого Петра, где активно шла торговля и натуральный обмен с кочевниками, было выбрано с учетом интересов среднеазиатских купцов; они же финансировали строительство, а после того как Касымовская мечеть была повреждена ударом молнии (в 1801 г.), построили еще три мечети за стенами крепости [12, с. 253].

Гораздо более широкая панорама каменного исламского са크рального зодчества в Сибири открывается в XIX и в начале XX в. Теперь новые каменные мечети строятся, главным образом, по проектам профессиональных российских архитекторов, далеко не всегда ориентировавшихся на классические образцы татарской деревянной мечети, чаще следовавших стилевым течениям и моде, распространенной в европейской архитектуре того или

иного периода. К сибирским губернским и уездным центрам имели непосредственное отношение те «рекомендации» (чаще всего жесткие регламентации), которые вырабатывались в ведомствах Российской империи.

В 1782 г. специальным уставом императрица возложила контроль за сооружением мечетей на местную полицию. В это же время был разработан первый «Образцовый проект на татарскую мечеть» для мусульман России. Как отмечает Нияз Халит, опубликовавший этот проект, «он представлял собой центричный кубический объем, увенчанный уплощенным куполом и фланкированный двумя трехъярусными минаретами по сторонам входа <...> Этот первый опыт такого рода показывает полное смятение русского архитектора перед поставленной задачей: “поженить” древнюю архитектурную традицию с современным российским стилем <...> В итоге родилось эклектичное сочетание чисто ренессансной ротонды со средневековыми минаретами болгарского стиля» [36, с. 64–65]. Согласно подписанному императрицей в 1782 г. указу, мечети такого типа должны были появиться в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке и Петропавловске.

Детальная регламентация самой архитектурной и технической стороны исламского культового строительства продолжалась в России и в первой половине XIX в. Она касалась как отдельных регионов, так и всего мусульманского ареала Российской империи. Указом Николая I от 31 мая 1829 г. «Об устройстве деревень, коим не позволено заводить церквей иначе, чем на площадях» ограничения накладывались на количество, месторасположение мечетей и утверждался «образцовый проект татарской мечети», разработанный Строительным комитетом Министерства внутренних дел империи (архитектором А. И. Мельниковым). Этот проект игнорировал все прежние традиции исламской архитектуры, исключал возведение высоких башен-минаретов и содержал в себе крестообразный план сооружения, что вызывало недоумение и протесты мусульман. Оренбургское магометанское духовное собрание вынуждено было обращаться со специальным ходатайством в Министерство внутренних дел, объясняя практи-

ческую невозможность строительства мечетей по данному образцу. Тем не менее такие мечети строились, в том числе и за Уралом. В соответствии с «образцовым проектом» были сооружены мечети в Оренбурге (в 1803–1805 гг., с перестройкой в 1820 г.), в Омске (1824–1829) и в Троицке (первая половина XIX в.).

Омская Соборная (Историческая) мечеть была одной из первых в Сибири и во всей Российской империи, сооруженных за государственный счет. Ее архитектурный облик в полной мере определялся теми «рекомендациями» и «регламентациями», которые вырабатывались для всех мусульманских народов России Министерством внутренних дел без малейшего учета как местных традиций, так и ценностных ориентиров мировой исламской архитектуры, с главным намерением сделать мечеть как можно более подобной православному храму. Двухъярусная башня минарета над входом в мечеть, имеющая верхнюю открытую галерею, как бы изначально предназначенную для колоколов, более всего напоминает здесь звонницу православной церкви. Центрическая купольная конструкция («ротонда»), массивные выступы с боковых сторон, ассоциирующиеся с формами полукруглых апсид, классицистическая строгость сооружения, переходящая в тяжеловесный ампир, – все это является наглядным образцом той «российско-мусульманской» эклектики, которую «образцовые проекты» мечетей насаждали по всей России.

Только в 1844 г. правительство разослало в губернии новые образцовые проекты и планы деревянных и каменных мечетей, разработанные Главным управлением путей сообщений и публичных зданий и «высочайше утвержденные» императором 18 ноября 1843 г.: в них появились минареты – две или четыре миниатюрных башенки, фланкирующие увенчанное куполом здание молельного зала, или одна высокая башня у северного торца здания, под которой находился притвор – вход в молельный зал (подробно об этом см.: [9, с. 26–32]). Эти проекты уже открывали чуть более широкий простор для исламского культового строительства, однако должно было пройти еще два десятилетия до появления царского указа от 17 декабря 1862 г. «О дозволении

*Рис. 3. Соборная мечеть в Тобольске
(кирпичное здание возведено на месте старинной
деревянной мечети). 1890.
Архитектор Б. Б. Цинке.
Здание реставрировано в 1988 г.*

строить мечети не по одним высочайше утвержденным образцовым планам и фасадам, но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными», и российские мусульмане, наконец, избавились от навязанной им «образцовой системы» сооружения мечетей.

В Сибири одним из первых результатов такого избавления явилось сооружение каменной мечети в 1884–1888 гг. в с. Ембаево под Тюменью. Здание, построенное на месте старой деревянной мечети, стоявшей здесь с 1810 г., по проекту архитектора Б. Б. Цинке, имело сильно выступающий притвор, над которым возвышалась многоярусная башня минарета под шатровым покрытием. Над квадратным в плане молельным залом был возведен плоский купол на низком барабане. По всему периметру здания тянулся ярус высоких окон стрельчатых очертаний. Автор проекта, несомненно, обладавший эрудицией в истории стилей европейской архитектуры и знакомый с еще недавно обязательными «рекомендациями» («образцовыми» планами и фасадами), не торопился отходить от этих образцов и стремился придать архитектурной композиции симметричную уравновешенность и строгость. В контексте сельской застройки мечеть воспринималась как величественное и богатое сооружение. Построенная на средства татарского мецената Нигматуллы Кармышакова-Сейдукова, мечеть в с. Ембаево стала известна как Мечеть Нигматуллы Хаджи.

Через несколько лет, в 1890 г., по проекту того же архитектора (Цинке) уже не в селе, а в уездном центре – Тобольске – была сооружена Соборная мечеть (рис. 3). Новое каменное (кирпичное) здание было построено на месте старинной деревянной мечети, но отнюдь не по ее образцу, а, скорее, по образцам русской светской и церковной архитектуры (плоский купол на круглом барабане над молельным залом; мотивы «городков» – узорной кирпичной кладки карнизов и наличников, обрамляющих высокие окна) и с активным использованием конструктивных и декоративных элементов, не имеющих отношения к исламской традиции. Однако одна характерная особенность этой мечети все же

формировала важное звено в еще довольно смутной, но все же осязаемой цепи художественной преемственности между новыми сооружениями и памятниками «татарской старины». Минарет этой мечети, встроенный в крышу над притвором, отдаленно напоминал своими геометрическими очертаниями и своим цветом (кладкой красного кирпича) знаменитую Башню Сююмбеки в Казанском кремле, и хотя сама принадлежность Башни Сююмбеки к архитектурному наследию ханской Казани весьма сомнительна (вернее всего, это смотровая башня, появившаяся в системе укреплений Казанского кремля уже в XVII в.), да и сходство минарета Тобольской мечети (высокий восьмерик, обрамленный ажурным балконом-шефре, на низком четверике, увенчанный пирамидальным шатром и олемом) с башней Сююмбеки было слабо выраженным, но все же это сходство ощущалось, а величайшая популярность Башни Сююмбеки в исторической памяти и сознании татар, которые принимают ее за аутентичный памятник ханской Казани и связывают с ней романтические легенды о печальной судьбе последней царицы Казанского ханства, многократно усиливала эффект долгожданного появления «своей», татарской, мечети, при этом весьма солидной, высокой, заметной в панораме уже ставшего русским города.

Другим важным событием стало сооружение «Белой мечети» в Томске в 1913 г. по проекту архитектора А. Лангера. Эпоха архитектурной эклектики в российском зодчестве оставила на этом сооружении свой след. Здесь осязаемы и стилизация под классические образцы исламской архитектуры (ребристые купола, заимствованные из сокровищницы наследия Тимуридов; форма высокой башни-минарета, напоминающего маяк, что находится в полном соответствии с главным идеологическим посылом исламской культовой архитектуры, утверждающим, в том числе дословно, вербально, что минарет/минара является маяком), и вполне светский характер здания, пронизанного по всему периметру расположенными в два яруса окнами, вызывающего ассоциации скорее с учреждением просветительского характера, храмом науки, нежели с молельным домом.

Своеобразный компромисс между формами православной церковной архитектуры (главки, купола луковичной формы, наружные выступы михрабной ниши, напоминающие апсиды православной церкви) и канонами исламской архитектуры ищут и демонстрируют авторы Томской Красной мечети, которая также появляется в начале XX в. [25, с. 72–78]. Несомненно, это именно то, что российская архитектура эпохи конца империи могла предложить татарским подданным этой империи, осторожно касаясь струн национальной ментальности, напоминая мусульманам о ценностях их собственного и мирового художественного наследия, в то же время стараясь привлечь их к господствующей в Сибири православной культуре, сгладить противоречия, создать мечеть, похожую на православный храм.

Надо подчеркнуть, что «каменные» мечети, строившиеся в XIX – начале XX в. в уездных и губернских центрах Сибири (Тобольск, Томск, Омск, в этом ряду стоит также появившаяся на самой восточной окраине условного «сибирского» пространства, в географическом измерении – уже на Дальнем Востоке, сложенная из красного кирпича Соборная мечеть в Чите, построенная в 1904–1907 гг.) находились в сложной, прерывистой, дискретной системе связей с традиционной культурой сибирских татар. Само их расположение в городах, изначально формировавшихся не как татарские юрты, а как русские крепости-остроги, – в городах, где абсолютно преобладало русское население, свидетельствовало о том, что исходной интенцией строителей (по большому счету – Российского государства, разрешавшего и поощрявшего это строительство) была не забота об удовлетворении духовных запросов коренного мусульманского населения Сибири, а демонстрация «веротерпимости» имперской власти, примерявшей на себя особенно модный в начале XX в. наряд либерального и демократического государства. Здесь было много показного, рассчитанного на приобретение симпатий правителей азиатских исламских стран, на успешное соревнование с другими великими колониальными империями (прежде всего с Британской), снисходительно относившимися к исламскому культовому зодчеству на территории

своих колоний и начинавшими проектирование мечетей в городах собственной метрополии (так, первая мечеть в Лондоне, представляющая собой архитектурное подражание индийскому Тадж-Махалу, появляется в 1889 г.). Нельзя, однако, сказать, что для сибирских татар мечети такого рода изначально были и всегда оставались «чужими». Напротив, они входили в национальное самосознание сибирских татар, постепенно меняя, расширяя его параметры, обогащая народную память и гордость представлениями о том, что «у нас» есть не только маленькие и скромные деревянные мечети, но и новые каменные чертоги в городах, внушительные знаки и символы проникновения ислама и господства исламской веры на сибирской земле. Даже если сибирские татары эти мечети не строили и в городах, где поднимались новые сооружения, не жили постоянно, да и бывали редко, все равно это были их мечети, поскольку во всем мусульманском населении Сибири татары составляли основной стержень, исторический костяк, лидирующую прослойку, из которой прежде всего рекрутировались муллы, настоятели мечетей, учителя и предводители общин. Широкое распространение в этих общинах уже с конца XIX в. получали идеи джадидизма – просветительского и реформаторского общественного движения, направленного на модернизацию всего образа жизни мусульман.

Строительство мечетей в Сибири продолжалась вплоть до той новой катастрофы, которая постигла мусульманскую культуру сибирских татар (как и других народов России) после большевистского переворота 1917 г. и с началом кампании воинствующего атеизма, взятого на вооружение советской властью как основа ее религиозной политики. В годы советских репрессий практически все сибирские мечети были закрыты, разрушены или предназначены для использования в целях, не имевших ничего общего с исламской культовой практикой (последнюю действующую мечеть в с. Чикча Тюменского района, как пишет К. Б. Кабдулвахитов, «советам удалось закрыть» в 1960-х гг. [14, с. 3]).

Возрождение исламского культового зодчества сибирских татар начинается в эпоху «перестройки» и интенсивно протекает

на протяжении последнего десятилетия XX и первых десятилетий XXI в.

Теперь этот процесс затрагивает не только регионы традиционного проживания сибирских татар, но также многие города, в том числе крупные промышленные центры, и разворачивается на территории, простирающейся далеко за пределы бывшего Сибирского ханства и на север (самые северные мечети появляются за Полярным кругом), и на восток (Якутск и другие города Восточной Сибири). Расширение географического поля не означает, однако, формирования единого стиля, цельного художественного феномена, или, иначе говоря, характерного типа современной «сибирской мечети». Понятие «сибирской мечети» имеет два различных измерения.

С одной стороны, на исторической родине сибирских татар, главным образом, в сельской местности, там, где заново формируются и регистрируются по нынешним законам Российской Федерации мусульманские общины местных жителей, мечети строятся заново, обычно на местах, где стояли (или якобы стояли) старые, давно исчезнувшие мечети, по их образцам, а в некоторых случаях реставрируются, ремонтируются, реконструируются из фрагментов, которые от прежних построек сохранились (как, например, деревянная мечеть середины XIX в. в с. Иртышатском Тюменской области). Как правило, это скромные, небольшие, не претендующие на внешнее величие сооружения.

Как отмечает Е. М. Козлова-Афанасьева, «...все деревянные мечети выстроены единообразно по традиционной схеме “минарет на крыше”. Рубленые в один этаж, иногда с подклетью, они обычно перекрывались скатной кровлей (с. Авазбакеево, Иртышатское, Конченбург) или плоским куполом (с. Сабанаки), имели продольно-осевой план <...> Главный элемент композиции мечети – минарет – располагался над северной частью здания. Его стройный восьмигранный ярусный объем каркасной конструкции <...> венчался высоким коническим шатром с полумесяцем <...> Благодаря острому выразительному силуэту мечеть господствовала в окружающей скромной застройке <...> организовывала пространство селений» [17, с. 52–53].

*Рис. 4. Деревянная мечеть в с. Конченбург
Нижнетавдинского района Тюменской области. 2006.
Построена под руководством местного
муллы Низама Камалутдинова*

Обычно строят свои сельские мечети сами сибирские татары, не прибегая к помощи приезжих архитекторов, и по многим параметрам эти мечети являются подлинными произведениями народного творчества, чаще всего коллективного и анонимного. Развитие и укрепление этой традиции представляется чрезвычайно перспективным для сохранения и культурного возрождения этнической группы сибирских татар.

С другой стороны, в сибирских городах строятся импозантные мечети внушительных размеров и репрезентативные «исламские центры» (архитектурные комплексы, включающие помещения культового, просветительского, общественного назначения).

Рис. 5. Мечеть в д. Второвагай Вагайского района Тюменской области. Заложена в 1999 г., строительство завершено в 2003 г. под руководством председателя местной мусульманской общины Риската Усманова. Кирпичная кладка стен сочетается с элементами покрытых опалубкой деревянных конструкций (минарет, барабан под плоским куполом)

Нередко их отличает богатое оформление интерьеров (цветная керамика, мозаики, сверкающие светильники, ценные привозные ковры) и смелая фантазия, порою неожиданность и эклектичность архитектурных композиций, в которых могут причудливо сочетаться мотивы древнерусской архитектуры, вариации на темы неоготики, барокко, классицизма, демонстрация высоких строительных технологий (так называемый хай-тек), стилизации в «восточном» духе с непосредственными цитатами из арабских, персидских, тимуридских, османских источников или с осторожной отсылкой к этим источникам, а также рожденные раскован-

ным воображением художника изобразительные, пластические формы (кибитка, парус), встроенные в тело здания. Зодчие, по чьим проектам сооружаются такие мечети, в известном отношении продолжают ту традицию, которую заложили в Сибири российские архитекторы XIX – начала XX в.: они (люди иной культуры) строят эти мечети не для себя, а для «других» (мусульман), стараясь по своему разумению и возможностям привить этим мусульманам представления о ценностях современной архитектуры.

Социальная база (состав прихожан, круг меценатов и заказчиков), на которой держится строительство этих мечетей, сильно отличается от сельских общин сибирских татар. Она связана не столько с татарской, сколько с интернациональной, российской Сибирью, набирающей высокие темпы экономического развития и технического прогресса, славящейся своей нефтедобывающей, газодобывающей, золотодобывающей промышленностью, успехами в энергетике (строительством гидростанций на великих сибирских реках), железнодорожным строительством в вечной мерзлоте и в обход этой мерзлоты (легендарный БАМ), а также многими другими проектами, уже давно обеспечившими ей славу прочного тыла, а в некоторых отраслях даже авангарда всей российской (в недавнем прошлом – советской) государственной системы, экономики и культуры. Мусульманский субстрат представляющих эту планету «сибиряков» не сводится к этнической группе сибирских татар. Не только в обиходном просторечии, но и в научной литературе появились понятия, свидетельствующие о разобщении сибирской уммы по этническому признаку и формировании таких общин и центров религиозной жизни, как «узбекские, казахские, таджикские, чеченские мечети» [11, с. 12].

Провести таким образом условный «водораздел» между традиционными мечетями сибирских татар и мечетями, воздвигаемыми для «новых мусульман» Сибири, теоретически можно довольно логично и четко. На практике, однако, все оказывается гораздо сложнее. Между городом, поселком городского типа и селом в Сибири порою не существует столь очевидных различий,

которые позволили бы провести однозначную классификацию, разделив все сибирские мечети на сельские и городские. Даже в сравнительно маленьком селе в силу особого стечения обстоятельств может возникнуть необходимость сооружения импозантной каменной мечети, способной достойно соревноваться с мечетями больших городов. В крупном многолюдном городе по воле архитектора, заказчика или по инициативе мусульманской организации может быть построена типичная татарская «деревенская» мечеть, сохраняющая все очарование подлинного произведения народного искусства. «Приписать» ту или иную мечеть, где бы она ни стояла, какой-либо только одной группе прихожан совершенно немыслимо, поскольку по самой своей природе мечеть всегда открыта для всех верующих независимо от их национальности и социального статуса, и мы никак не можем «отнять» у сибирских татар те городские мечети, в которых, они, может быть, редко бывают, но имеют право гордиться ими, радоваться их красоте, простору, богатству.

Поэтому общую панораму современного исламского культового зодчества в Сибири мы все же не будем делить на части ни по этническим, ни по топографическим признакам (город – село), а постараемся привлечь внимание к некоторым сооружениям, заслуживающим внимания как специалистов (искусствоведов, историков архитектуры), так и широкой публики, еще очень мало осведомленной о том, какие мечети возведены и строятся сегодня в Сибири.

Больше всего мечетей сосредоточено ныне в Тюменской области, что вполне естественно как в историческом контексте, так и в контексте демографическом: здесь проживает большинство (7890 человек), те татары, кто при переписи населения 2002 г. идентифицировал себя с группой «сибирских татар». В связи с интенсивной добычей нефти и газа, развитием строительства и индустрии во второй половине XX в. образовался сильнейший приток рабочей силы в этот регион, при этом миграция шла из многих «мусульманских» регионов бывшего СССР (особенно из тех, где имелся большой опыт нефте- и газодобывающей

промышленности, в частности из Башкортостана, Татарстана, Азербайджана), а также из более дальнего исламского зарубежья, и приезжие расселялись по всей Тюменской области, соседствуя, а порою и смешиваясь с «коренными мусульманами».

Корни происхождения и формирования местных мусульманских общин порою так тесно переплетаются и срастаются друг с другом, что провести какие-либо границы между типичной деревянной мечетью сибирских и других татар весьма затруднительно. Примером может служить построенная в 2003–2004 гг. под руководством местного народного мастера Айтмухамета Юсупова мечеть в с. Казанка Вагайского района Тюменской области. Само название деревни и сохранившиеся сведения о том, что она была построена в XIX в. татарами-переселенцами из Казанской губернии свидетельствуют о тесных связях между культурами сибирских и казанских татар. Вписанная в северный сибирский пейзаж, хорошо приспособленная к условиям сурового климата (высокий фундамент защищает здание от весенних паводков), она в то же время воспринимается буквально как родная сестра заказанских мечетей, занесенная ветрами судьбы далеко за Урал.

При всем сходстве очевидны и некоторые отличия деревянных мечетей сибирских татар от памятников и современных произведений народной архитектуры татар и башкир, проживающих на европейской территории и в пограничной между двумя континентами уральской зоне. Колорит (раскраска) сибирских мечетей является более строгой, по сравнению с праздничной пестротой и нарядностью заказанских мечетей; она кажется почти монохромной (хотя одним цветом, как правило, не ограничивается, и в той же мечети вагайского села Казанка темно-зеленая опалубка эффектно сочетается с белыми наличниками и другими деталями). Во многих случаях сибирские деревянные мечети вообще не раскрашиваются снаружи, и декоративная выразительность их экстерьера определяется естественной фактурой золотистого дерева – досок горизонтальной опалубки. Так выглядит Мечеть в с. Конченбург Нижнетавдинского района Тюменской области,

построенная в 2002–2006 гг. под руководством местного муллы Низама Камалутдинова (рис. 4). Некоторые сибирские деревянные мечети вовсе не имеют опалубки и сохраняют выразительность бревенчатого сруба. Высокие каменные фундаменты становятся отличительной особенностью внешнего облика многих сибирских деревянных мечетей. Крыльцо перед входом в мечеть и прямоугольный выступ михрабной ниши с противоположной стороны вносят ритмическое оживление в композицию зданий, построенных на прямоугольном основании. Минарет часто имеет форму невысокой, приземистой башенки многогранных очертаний, окруженной резным деревянным балконом-шефре, увенчанной металлическим шатром с олемом. Расположение такого минарета в центре четырехскатной крыши встречается довольно редко (например, в мечети с. Лайтамак Тобольского района Тюменской области, 2009); чаще он «сдвинут» в сторону фасадного или михрабного торца, что придает всей композиции свободную асимметрию. Таков внешний облик одной из самых первых деревянных мечетей, появившихся в Сибири после распада СССР, – мечети в д. Нанцы Тобольского района Тюменской области, построенной в 1991–1996 гг. по проекту местного мастера Махмуда Шафеева.

По мере укрепления материальной базы и морального влияния мусульманских общин, а также с появлением богатых спонсоров все более широкий масштаб в Сибири получает строительство каменных мечетей. Материалом для них, как правило, служит клинкерный (красный) или силикатный (серебристо-белый) кирпич, при этом новые каменные мечети часто повторяют форму традиционных деревянных мечетей. Кирпичная кладка, вытесняющая деревянные срубы, еще не определяет качественных изменений в облике мечетей, которые строятся, в принципе, так же, как деревянные: те же крылечки, выступы михрабной ниши, башенки минаретов над крышей (мечеть в селе Новоатъялово Ялуторовского района Тюменской области, 1990; новая мечеть в пос. Андреевском Тюменского района Тюменской области, 1991; мечеть в с. Каскара, 1992; мечеть в д. Салаирка, 1996; мечеть

в д. Есаулово, 2001, в том же районе). В некоторых случаях можно встретить даже своеобразное гибридное соединение каменных и деревянных конструкций. Так, заложенная в 1999 г. мечеть в д. Второвагай Вагайского района (рис 5) строится из кирпича, но сквозь кирпичную оболочку стен и цинковой кровли буквально прорастают старые, привычные формы деревянного минарета и покрытого вертикальной опалубкой барабана под круглой крышей – своеобразного «купола» над молельным залом.

На этом рубеже, однако, сибирское исламское культовое строительство не останавливается, и в сибирских городах и поселках появляются импозантные каменные мечети, созданные по оригинальным проектам для данных мест или представляющие собой местные реплики на более или менее известные сооружения совершенно иных регионов азиатского и европейского мира. Так, в «османском стиле» строится купольная мечеть с одиноким минаретом высотой в 34 метра в г. Когалыме Ханты-Мансийского автономного округа. Интерьер ее двусветного молельного зала богато украшен керамическими мозаиками (михрабная ниша), резьбой по дереву (высокий минбар), коврами, хрустальной люстрой. Все это, в основном, привозные изделия.

В г. Ноябрьске Ямало-Ненецкого автономного округа в 2004 г. построена мечеть, эклектичная по характеру архитектуры, ориентированной на османские прототипы, богато украшенная керамическими мозаиками в интерьере. В ее экстерьере основной акцент сделан на полусферическом куполе, покоящемся на световом (пронизанном окнами) барабане, высокой цилиндрической башне минарета, коническое завершение которой перекликается со шпилями декоративных башенок на углах здания по линии фасада, и мощном (во всю высоту здания) портале прямоугольных очертаний, которому вторят очертания трехстворчатых входных ворот в каменной ограде, сооруженной вокруг мечети и защищающей ее внутреннее открытое пространство (сахн, двор, сад), далеко не всегда предусмотренное в архитектурных комплексах сибирских мечетей. Декоративный колористический эффект красно-белых полос на наружных стенах мечети имитирует соче-

Рис. 6. Мечеть «Ворота Сибири» в Тюмени. Заложена в 2002 г., открыта для верующих в 2004 г.; запланирована как часть масштабного Исламского культурного центра. Строительство финансировано Фондом культурного наследия «Сабыр», возглавляемого мухтасибом Ильдаром Зиганишиным. Имя архитектора (автора проекта) установить не удалось

*Рис. 7. Соборная мечеть «Азат Сафа» в г. Надыме
Ямало-Ненецкого автономного округа.
Построена в 2002–2004 гг. по инициативе и под руководством
генерального директора «Надымгоргаза» Азата Сафина*

тание кладки белого камня с рядами красного кирпича, что современными строительными технологиями и материалами вовсе не предусмотрено и не обеспечено.

Многие строящиеся в Сибири мечети задуманы как составная часть крупных исламских культурных комплексов, включающих университеты, музеи, постройки жилого, административно-общественного назначения. Такой центр создан в областном центре – Тюмени. Его главным сооружением является Мечеть

«Ворота Сибири», открытая для верующих в 2004 г. (рис. 6). Мотив «ворот» пластически выражен в форме высокой застекленной стрельчатой арки, очерчивающей снаружи выступ михрабной ниши. Высокий фундамент, боковое крылечко, башенка приземистого минарета над крышей, декорация наружных стен вызывают ассоциации с традиционными типами деревянных мечетей сибирских татар, при этом сам масштаб находящегося в областном центре сооружения придает исламской архитектуре уже совершенно иной характер, чем тот, что был присущ скромному деревянному сельскому зодчеству.

В импозантных постройках, созданных на средства могущественных спонсоров, ведущей тенденцией становится погоня за оригинальностью, стремление увековечить свое имя.

Примером может служить сооружение мечети «Азат Сафа» в г. Надыме (2004), построенной по инициативе и по заказу генерального директора предприятия «Надымгоргаз» Азата Сафина (рис. 7). Оригинальность в подобных случаях оказывается далеко не бесспорной. И форма колоколообразного купола, и рисунок минарета, «взрезанного» высоким ажурным просветом, и стрельчатые окна фасада напоминают детали, имевшие место в других проектах и сооружениях, весьма удаленных от этого северного края Сибири. На эклектику такого рода, вероятно, – во всяком случае в настоящее время, – просто обречена исламская культовая архитектура Сибири.

Современные мечети Сибири интересны в сравнении с мечетями других регионов Азиатского континента и Российской Федерации. Они совершенно не похожи на мечети Юго-Восточной, Центральной Азии, Ближнего Востока, хотя некоторые мотивы арабской, иранской, среднеазиатской, османской сакральной архитектуры служат источниками стилизаций и вариаций в куполах, минаретах, порталах, формах михрабных ниш, в керамическом и текстильном декоре интерьеров сибирских мечетей. Однако эти стилизации носят довольно поверхностный и эклектичный характер. Гораздо более устойчивым и органичным является сходство мечетей сибирских, волго-уральских и литов-

ских татар. Сибирская мечеть, как художественный феномен, подтверждает этнокультурное единство татарского мира, а пути развития исламского сакрального зодчества в Сибири переплетаются с историей всей татарской народной и профессиональной архитектуры, переживавшей подобные периоды зарождения, расцвета, упадка, разрушения и нового возрождения исламских сакральных традиций над Волгой и Камой, на Урале; в татарских поселениях Неманского края и белорусского Полесья; в Великой степи, объединяющей в своих «кипчакских» просторах («Дешт-и Кипчак») два континента; в древних татарских юртах и молодых городах Сибири.

Список источников и литературы

1. Айдаров С. С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах // Поволжье в Средние века. Москва, 1970. С. 30–38.
2. Айдаров С. С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследие : сборник статей. Вып. 24. Москва, 1976.
3. Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика, Москва, 2001.
4. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2. С. 108–125.
5. Бичурин Иакинф. Собрание сочинений о народах, обитавших в Средней Азии в древние века. Ч. 1. СПб., 1851.
6. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
7. Гарифуллин И. Б. Зарубежные путешественники и участники научной экспедиции о сибирских татарах (в помощь изучающим историю Тюменского края). Тюмень, 1995.
8. Дрозд, Дзекан, Майда = Drozd Andrzej, Dziekan Marek M., Majda Tadeusz. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tom III. Warszawa, 2000.
9. Загидуллин И. «Терпимый» ислам / Ильдус Загидуллин // ДИНА (Дизайн и новая архитектура). 2002. № 9. С. 26–32.
10. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент, 1983.
11. Ислам в современном социокультурном пространстве региона // Мониторинг современной этноконфессиональной ситуации в Тюменской области. Вып. 2 / под ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2006.

12. Ислам на краю света : История ислама в Западной Сибири в 3 томах. Т. 1 : Источники и историография / под ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2007.
13. Исаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006.
14. Кабдулвахитов К. Б. Мечети и мусульманские организации Тюменской области. Тюмень, 2011.
15. Карамзин Н. М. Предания веков : Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». Москва, 1988.
16. [Khakimov Rafael – Project research Advisor; Sitdikov Ayrat – Scientific Editor]. Great Bolgar. Kazan, 2015.
17. Козлова-Афанасьева Е. М. Особенности архитектуры деревянных мечетей юга Тюменской области (конец XIX – начало XX в.) // Сулеймановские чтения : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007.
18. Курбский А. М. История о великом князе московском. СПб., 1913.
19. Курлаев Е. А. Тюркские памятники археологии Урала и Западной Сибири в исторических источниках XVII–XVIII вв. // Тюркские народы Сибири : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, Омск, 2002.
20. Кучум // Татарский энциклопедический словарь / под ред. М. Х. Хазанова. Казань, 1999. С. 313.
21. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947.
22. Мечети России и стран СНГ / под ред. А. Богословского. М., 2014.
23. Миллер Г. Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Вып. 4. Новосибирск, 1996.
24. Национальная политика в России. Кн. 1 : Середина XVII – XVIII в. / сост. А. М. Филиппов, М., 1992.
25. Окушева А. А. Красная соборная мечеть и медресе города Томска // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Томск, 2002. С. 72–78.
26. Рахимов Р. Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолей первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006.

27. Рахимов Р. Х. Грамота хранителя Юрумской астаны (новый источник об исламизации Сибири) // Земля Тюменская : ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, 2004. Вып. 18. Тюмень, 2005.

28. Сулоцкий А. Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее. Омск, 1863.

29. Томилов Н. А. Татары сибирские // Народы России : энциклопедия / под ред. В. А. Тишкова. М., 1994. С. 328–331.

30. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981.

31. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.

32. Трепавлов В. В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 225–244.

33. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1973.

34. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды : очерки культуры и искусства народов Евразийский степей и золотоордынских городов. М., 1976.

35. Халит (Халитов) Н. Х. Мечети средневековой Казани. Казань, 2011.

36. Халит (Халитов) Н. Х. Татарская мечеть от начала и до наших дней : краткий историко-архитектурный очерк. Казань, 2012.

37. Худяков М. Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9-10. С. 45–60.

38. Червонная С. М. Искусство Татари : История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М., 1987.

39. Червонная С. М. Современная мечеть : Отечественный и мировой опыт Нового и Новейшего времени. Варшава, Торунь, 2016.

40. Червонная С. М. = Czerwonnaja Swietłana, Współczesny meczet arabski na czterech kontynentach świata // Świat arabski w języku, literaturze i kulturze, red. V. Kubiak, M. Lewicka, Toruń, 2018. С. 307–319.

СТРОИТЬ, УКРАШАЯ И ПРОСВЕЩАЯ: К 125-ЛЕТИЮ ЗДАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

Г. К. Скачкова

*Россия, Тобольск, Тобольский педагогический институт
имени Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ,
Музей народного образования Тюменской области*

Статья раскрывает историю одного из красивейших зданий города Тобольска – мужской гимназии: подготовку и некоторые особенности строительства, внешний облик здания, деятельность учебных заведений, которые пребывали в его стенах в 1893–2018 гг.

Ключевые слова: строительство, архитектурный стиль здание, гимназия, институт, учащиеся, студенты, образование.

The article reveals the history of one of the most beautiful buildings of the city of Tobolsk – the male gymnasium: the preparation and some features of the construction, the exterior of the building, the activities of educational institutions that stayed within its walls in 1893–2018.

Keywords: construction, architectural style, gymnasium, institute, students, education

Тобольская губернская мужская гимназия в 1804 г. была преобразована из Главного народного училища и в 1810 г. была официально открыта [13, с. 116]. Гимназия располагалась в старом училищном здании, перестроенном в 1797 г. из частного дома последнего его хозяина коллежского асессора Резанова [7, с. 28]. Следующая попытка ремонта и расширения гимназического кор-

пуca была предпринята в 1820/23 гг., затем в 1835/36 гг., и с этого времени с регулярной периодичностью гимназический кампус подвергался обновлению, происходило расширение пансионных помещений, квартир для педагогического состава, построек для хозяйственных нужд. Несмотря на то что в 1878 г. из каменного корпуса гимназии пансион был переведен в отдельное деревянное здание, расширены помещения для классов, тем не менее преодолеть тесноту и неудобства помещения не удалось, оно не отвечало санитарным нормам.

*Фото 1. Вид с юга на новое здание мужской гимназии.
Конец XIX в.*

В записке руководства гимназии, представленной в Западно-Сибирский учебный округ в 1881 г., отмечено: «...к концу последнего урока воздух в классах становится влажным, вонючим и вообще негодным для дыхания, вызывая у юношей даже и не особо слабой организации после 5–6-часового безвыход-

ного пребывания в классе головную боль, головокружение и слишком раннюю усталость, и другие болезненные явления» [7, с. 45–46]. Вопрос о строительстве нового здания гимназии был поставлен на повестку дня: западносибирский генерал-губернатор озадачил тобольского губернатора В. А. Лысогорского, а тот, в свою очередь, Тобольскую строительную комиссию подготовкой проекта и сметы предстоящего строительства. Однако начавшийся процесс был приостановлен руководством Западно-Сибирского учебного округа до 1885 г. (окончания реорганизации ведомства).

Лишь к 1886 г. архитектором Западно-Сибирского учебного округа П. П. Нарановичем были составлены проект и смета на строительство нового здания гимназии на сумму в 131 314 р. 5 ½ коп. [7, с. 51]. Тобольская строительная комиссия внесла свои коррективы, сократив расходы на строительство до 88 435 руб. 33 коп. [7, с. 51]. Министр Народного просвещения И. Д. Делянов выделил на строительство нового здания гимназии еще меньшую сумму – 60 тыс. руб. [7, с. 51]. Новый губернатор В. А. Тройницкий, глава строительного комитета по возведению здания гимназии (создан в 1887 г.), соглашаясь с суммой МНП, предложил сократить расходы, сэкономя на лестничных пролетах и коридорах (по проекту занимали одну треть здания) и помещении домово́й церкви (рядом находился храм Богоявления Господня). По его мнению, здание гимназии было «задумано слишком на широкую ногу» [7, с. 53]. Попечитель Западно-Сибирского округа отказался от удешевления строительства и, соответственно, упрощения не только архитектурных форм, но и изменения проекта в санитарно-гигиеническом отношении (типовой проект учитывал нормы света и воздуха в расчете на 1 ученика). Следует отметить, что здание классической гимназии, элитного учебного заведения, готовившей юношей к университету, должно было содействовать не только учебно-воспитательному процессу, но выполнять и эстетические функции, служить украшением губернского центра.

*Фото 2. Здание мужской гимназии.
Улица Богоявленская. Начало XX в.*

Первоначальный проект предусматривал строительство нового здания в линию со старым, соединив их теплым переходом. По оценке экспертов, этот проект не мог отвечать требованиям гимназии ни в техническом, ни в санитарно-гигиеническом отношении (окна классов преимущественно выходили на северо-западную сторону). Решено было построить новый корпус гимназии на противоположной стороне улицы Богоявленской, приобретя место под строительство вместе с домами у купчихи Марии Гречениной, как «одно из лучших во всей подгорной части и самое подходящее для возведения нового здания» [7, с. 51], но это требовало дополнительных средств. Выход был найден: министр народного просвещения разрешил воспользоваться капиталом умершего учителя гимназии Павла Трифионовича Матросова в 15 136 р. 52 ½ коп, поступивших в распоряжение учебного заведения. 13 сентября 1888 г. участок земли в 40×30 сажень вместе с деревянным домом на каменном фундаменте, флигелем и всеми постройками был приобретен у М. Н. Гречениной за 9 тыс. руб.

[7, с. 56]. Дальнейшую экономию средств на строительство здания производили удешевлением покупок материалов (кирпича, извести, стекла, леса и проч.) и производимых работ. Комитетом по строительству здания гимназии были заключены многочисленные подряды с местными и иногородними крестьянами и купцами (Тюмень, Ирбит, Екатеринбург, Тавда и др.) на изготовление и поставку кирпича, леса, извести, железа, стекла и других материалов. При этом обсуждались многие варианты, и, как следует из материалов комитета, приоритет оставался за качеством материалов и выполненных работ, нежели за их дешевизной [16].

По предложению тобольского губернатора осуществлять руководство строительством было поручено архитектору К. Д. Гордееву, как дипломированному и опытному специалисту. Константин Дмитриевич Гордеев (1840 г.р.) был выпускником С.-Петербургского строительного училища (1881), служил самарским городским архитектором (1882–1888). С октября 1888 г. – младший архитектор Тобольского строительного отделения, с октября 1889 г. – губернский архитектор. Характеризовался как человек, знающий свое дело. С 1891 г. возглавил Тобольский комитет попечения о тюрьмах. За особые труды по тюремной части был награжден Орденом Св. Станислава 3-й степени. С 1896 г. перешел в Министерство путей сообщения. Награжден медалью в память императора Александра III [6].

После пробных работ с грунтом на месте будущего здания было решено для его прочности по всему периметру вбивать сваи длиной в 3 сажени (более 6 м), общим числом 2500 штук, а раствор для кладки фундамента составить из извести и цемента [16].

10 мая 1889 г. является днем начала строительства. Все начальные работы на стройке, начиная от расчистки участка, рытья траншей и забивания свай под фундамент, выполняло Тобольское исправительное арестантское отделение, за умеренную плату. Одновременно на стройке могло трудиться чернорабочими более 500 человек. В одном из документов приводятся следующие сведения: «Для земляных работ, производимых по зданию гимназии, как-то: отвозка земли от канав, уборка леса и выкачивание воды

из них с 1-го июня по 1-е июля было назначено с инструментом на день 200 человек, на ½ дня – 81 человек, за которых следует получить 72 руб 15 коп. Без инструмента на день 41 человек, на ½ дня 14 чел., за которых следует получить 9 руб. 60 коп, и 10 плотников на ½ дня – 1 руб. 50 коп., а всего за рабочих 83 руб. 25 коп.» [16].

Кладку стен здания произвел каменщик, крестьянин Нижегородской губернии Иван Федорович Малышев с бригадой, который выдержал конкурс, представив ручательство о своем мастерстве на тысячу рублей и взял за работу по 4 руб. 50 коп. (вместо установленных 4 руб. 56 коп.) за кладку тысячи штук кирпича [16].

В ходе строительства в проект неоднократно вносились изменения. В частности, архитектор К. Д. Гордеев, понимая, что здание гимназии находится на активной транспортной магистрали, дополнительно усилил связки стен 2-го и 3-го этажей, особенно церкви и актового зала (высотой «в 2 света»); были укреплены основы парадной чугунной лестницы, изменены черновые полы и оконные блоки. Существенные изменения в проект были внесены по инициативе директора гимназии П. И. Панова – создание дополнительного помещения для военной гимнастики (введена в 1889 г.). С этой целью архитектор предложил не просто соединить две аудитории 1-го этажа, но и проложить под полом актового зала поперечные балки, укрепленные двумя рядами колонн и тремя деревянными сваями под каждой колонной, опустив пол гимнастического зала до уровня вестибюля. Изменения в проекте были утверждены министром народного просвещения [16].

Сооружение гимназического здания в основном завершилось к осени 1892 г. «14 сентября 1892 г. в присутствии губернатора В. А. Тройницкого, начальства, педагогов и учащихся, большого количества публики, – как отмечает исследователь В. С. Сулимов, – был водружен крест на новом, еще окончательно не устроенном здании гимназии» [11, с. 27]. За окнами центральной части фасада находилось помещение домовая церкви, которую предполагалось освятить во Имя Св. Иннокентия Иркутского. Многочисленные горожане и жители Тобольской

губернии вносили свои пожертвования на ее достойное оснащение. Тем не менее подготовить церковь к началу занятий в новом гимназическом корпусе не удалось, она была открыта лишь в ноябре 1894 г.

Во внешнем облике здания Тобольской гимназии прослеживается некоторое сходство с фасадом здания Томского университета (1888), и это не случайно. Проект здания университета был выполнен известным русским зодчим, академиком архитектуры Александром Константиновичем Бруни (1825–1915), а строительство и различного рода дополнения в проект осуществил гражданский инженер, выпускник С.-Петербургского строительного училища Павел Петрович Наранович (1853–1894). По проекту П. П. Нарановича в Томске в 1880–1890-е гг. была осуществлена значительная городская застройка (университет, народная библиотека, гимназия, театр, частные дома.). Творчество П. П. Нарановича, как отмечает исследователь О. В. Богданова, «сыграло значительную роль в формировании социокультурного пространства» губернского города Томска, «зодчий привносил стилевые направления, новые для застройки западносибирского города» [2, с. 27]. С 1885 г. П. П. Наранович, наряду с должностью университетского архитектора, выполнял обязанности архитектора Западно-Сибирского учебного округа, став автором проекта здания Тобольской гимназии и также привнеся в его облик новые мотивы. Как отмечает архитектор В. Кириллов, «постройка, появившаяся здесь лишь в 1893 г., именовалась тогда новой гимназией. В ее фасадах уже нет прежней гармонии, характерной для классических зданий, членения дробны и измельчены. Приятные соразмерные пропорции выдержаны лишь в портике» [9, с. 174]. Другой исследователь – архитектор С. П. Заварихин – оценил здание гимназии как очень добротное, «в духе казенного ампира» [5, с. 182]. Подробная характеристика здания, с разъяснением архитектурных форм и элементов и, соответственно, специфической лексикой приведена в региональном архитектурном справочнике под редакцией тюменского архитектора, члена Союза архитекторов России В. А.Силантьева [1, с. 125–126]: «Крупное,

развернутое вдоль улицы, трехэтажное с подвалами кирпичное оштукатуренное здание наделено репрезентативной псевдоклассической архитектурой. Лицевой фасад имеет четкие поэтажные горизонтальные членения, рустованный цоколь, рустованные пилястры и большое количество окон – прямоугольных и арочных, которые обеспечивают не только хорошее освещение помещений, но и необходимую представительность облика. Главный пластический акцент создан центральным ризолитом с колонным портиком ионического ордера, треугольным фронтоном и полуциркулярным окном по его оси. Скрепляющие углы ризалита спаренные ионические пилястры завершены классическим антаблементом. Арочные окна второго этажа, объединенные попарно профилированным архивольтом, так же как и большие арочные проемы ризалита, украшают здание» [12]. Независимо от оценки архитектурного облика специалистами, здание «новой гимназии», как называли ее жители, стало на века украшением улицы Богоявленской (Р. Люксембург) и всего г. Тобольска.

После возведения здания большая работа была проделана по его обеспечению печным отоплением, т. к. центрального отопления в городе еще не было. Как отмечает исследователь В. И. Кочедамов, «первые попытки устройства в Тобольске водяного отопления» относятся к 1908 г. [8, с. 136]. К сожалению, завершить все запланированные по проекту здания элементы не удалось. Например, не были внедрены ватерклозеты. Поскольку эта необходимая в гигиеническом отношении структура требовала бесперебойной деятельности водопровода (начал прокладываться в городе только в 1900 г.) [8, с. 135] и зацикленной системы водоотведения, а не выгребных ям, ватерклозеты были заменены устройством отхожих мест по способу Малинина [16]. Это предложение, из практических соображений, внес директор П. И. Панов. Позднее комплекс гимназических зданий был дополнен каменным одноэтажным помещением для больницы, выстроенным в 1901 г.

До начала учения предстояла еще очень важная работа – оснащение здания учебного заведения необходимым оборудованием и учебными пособиями. Известно, что деревянные шкафы

для библиотеки и кабинетов гимназии были заказаны местным мастерам, в частности Тобольской ремесленной школе (сиропитательному заведению). Школа была образована в 1876 г., содержалась на средства купца и промышленника П. А. Сыромятникова и городские отчисления. Дети и подростки от 10 до 16 лет под руководством мастеров обучались столярному и другим видам ремесел, получали общее образование. Из-за нехватки средств периоды активной деятельности школы сменялись упадками. Отрадно, что во время строительства здания гимназии ремесленная, как отмечает исследователь Н. В. Гриценко, школа активно развивалась благодаря увеличению ассигнований на ее нужды, активной деятельности ее попечителей, притока заказов в мастерские [4, с. 41].

14 сентября 1893 г. состоялось торжественное освящение нового здания гимназии. В актовом зале был проведен молебен Св. Иннокентию Иркутскому. В. С. Сулимов приводит следующее: «По окончании молебствия, во время которого был освящен и образ Нерукотворного Спаса, пожертвованный для актового зала почетным попечителем гимназии И. И. Давыдовским, протоиерей кафедрального собора К. Хнюнин провозгласил многолетие государю императору, императрице, наследнику цесаревичу, всему царствующему дому, Св. Синоду, местному преосвященному и, кроме того, министру народного просвещения графу И. Д. Делянову, попечителю Западно-Сибирского округа В. М. Флоринскому, председателям строительного комитета В. А. Тройницкому и Н. М. Богдановичу и всем благотворителям, а также начальствующим и учащимся» [12, с. 27].

Как отметил директор П. И. Панов в своем докладе на праздновании 100-летия Тобольской гимназии, численность учащихся во второй половине XIX в. неуклонно увеличивалась, педагогический совет гимназии полагал устроить новое здание максимум на 400 человек с 14 классными помещениями, при этом 7 из них на 40 человек и еще 7 на 20 [7, с. 28]. Новое здание насчитывало 22 помещения: учебные аудитории, актовый и гимнастический залы, домовая церковь, помещения для фундаментальной и учениче-

ской библиотеки, кабинеты директора и инспектора гимназии, кабинет врача, канцелярия, а также подсобные помещения для служащих, швейцара, истопников и т. п. Несмотря на прогнозы, в конце XIX – начале XX в. здание гимназии не было переполнено учащимися: судя по отчетам, в 1895 г. обучалось всего 148 чел. [13, с. 116], а к 1913 г. численность обучающихся в нем возросла до 262 чел. [13, с. 42].

Уплотнение здания началось в связи с открытием Тобольского учительского института. Первоначальная перспектива Учительского института была довольно радужной: в 1914 г. городская дума отвела участок земли в нагорной части города под строительство специального здания института, но в связи с начавшейся мировой войной осуществить план строительства нового здания не представлялось возможным. По настоятельной просьбе директора народных училищ Тобольской губернии и первого директора организованного в 1916 г. Учительского института Г. Я. Маляревского в здании гимназии были отведены аудитории для слушателей института. Численность учащихся быстро возрастала: в первый год его деятельности было принято всего 10 слушателей, а в 1918 г. в нем обучалось 52 человека, т. к. был разрешен прием лиц женского пола [10, с. 14].

Смена политического режима в стране повлекла закрытие дореволюционных учебных заведений и замену их советскими. В Тобольске это произошло несколько позднее, чем в центре страны, в связи с директорией Колчака. Осенью 1919 г. после освобождения территории Сибири красными войсками перестали действовать Тобольская гимназия и Учительский институт. А в январе 1920 г. в здании гимназии были открыты педагогические курсы с целью подготовки учителей для начальной школы, в числе первых слушателей – 62 человека [3, с. 55]. С 1 июля 1921 г. педагогические курсы были реорганизованы в Тобольский педагогический техникум, в марте 1922 г. в нем обучалось 86 человек [3, с. 56]. В 1924 г. педтехникум был преобразован в педагогическое училище имени В. И. Ленина с отделением народов Севера, готовившим кадры для национальных школ.

Потребности региона в квалифицированных учителях для школы-семилетки вызвали открытие в 1939 г. на базе педагогического техникума Тобольского государственного учительского института в составе трех отделений: русского языка и литературы, истории и географии, физики и математики. Педагогическое училище было переведено в деревянное здание по ул. Семакова (бывшее высшее начальное училище).

В 1953/54 учебном году в стенах Тобольского учительского института обучалось 575 студентов дневного и заочного отделений, работало 25 преподавателей. С 1 сентября 1954 г. Учительский институт был преобразован в Тобольский государственный педагогический институт, который давал полноценное высшее образование. В 1964/65 учебном году на двух факультетах очного отделения (физико-математическом и филологическом) обучался 421 студент, в штате состояло 58 преподавателей [10, с. 46]. В 1969 г. институту было присвоено имя Д. И. Менделеева в честь столетия Периодического закона, открытого великим земляком, и за значительный вклад института в развитие культуры и просвещение края.

В 1969/70 учебном году на дневном и заочном отделениях института обучалось свыше 2 тыс. студентов, на 11 кафедрах трудилось 106 преподавателей [10, с. 57]. Коллективу преподавателей и студентов было уже тесно в стенах старинного здания, появилась настоятельная необходимость в строительстве нового учебного корпуса. После затяжного долгостроя в нагорной части города, по ул. Знаменского, 58 было возведено 4-этажное кирпичное здание на 1200 мест. В декабре 1979 г. институт переехал в новое здание, а в старом снова открыли исторический факультет, на который было принято более 50 студентов.

В 1982 г. в стенах «старого подгорного корпуса», как начали его называть, в отличие от вновь построенного, был открыт биолого-химический факультет. Оба факультета благополучно сосуществовали в одном здании, поделив его на части: истфак занимал 1-й и 2-й этажи, а биохим – 3-й этаж. В 1980–2000-е гг. средние показатели численности студентов двух факультетов

Фото 3. Современное состояние корпуса

(вместе с ОЗО) составляли около 800 чел. [15]. С течением времени быстро растущий биолого-химический факультет вынужден был заполнить учебными аудиториями и лабораториями и дворцовые постройки бывшего гимназического комплекса: помещение над студенческой столовой и здание гимназической больницы (в советское время его занимал ректорат).

В 1987 г. в помещении бывшей домово́й церкви гимназии (в советский период – актов́ый зал) был образован Музей народного образования Тюменской области. Музей был создан Г. Т. Бонифатьевой по инициативе ректора Ю. М. Коневая и уже более 30 лет знакомит будущих педагогов с историей развития образования региона, воспитывает их на лучших традициях сибирского учительства.

После окончания строительства в 2010 г. нового учебного корпуса № 5, спроектированного специально для биохима, факультет переехал на ул. Академическую. В подгорном корпусе № 2 на трех этажах вольготно расположился исторический факультет, заботливо сохраняя историческую ауру корпуса.

С 1 сентября 2014 г. истфак был преобразован в факультет истории, экономики и управления, а с 2015/16 учебного года – в гуманитарный, соединив в себе потенциал исторического, филологического и факультета иностранных языков.

В начале 2018 г. учебные занятия студентов гумфака были перенесены в нагорные корпуса, а на 1-м этаже старинного здания начал действовать центр искусств ArtTERRA, который собрал в своих уютных помещениях разновозрастную группу любителей живописи и дизайна, людей, стремящихся к творчеству.

Таким образом, за 125 лет своего существования добротное здание Тобольской гимназии пережило несколько политических режимов, сменило не менее десятка различных вывесок, пропустило через свои стены много поколений учащейся молодежи и зрелого населения, но не изменило своему главному предназначению, для которого было создано: помогать людям видеть красоту, поддерживать дух просвещения, всего доброго, умного, вечного.

Список источников и литературы

1. Архитектурное наследие Тюменской области / под ред. В. А. Силантьева. Кн. 1. Тюмень, 2008. С. 125–126.
2. Богданова О. В. Деятельность гражданского инженера П. П. Нарановича в Томске // Вестник Томского гос. университета. История. 2014. № 3 (29). С. 27. URL:http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1061&article_id=10856 (дата обращения: 05.09.2018).
3. Ванчицкая Л. Н., Майсейкина Л. Д. Из истории Тобольского педагогического техникума им. В. И. Ленина (1920–1940 гг.) // Профессиональное образование Тюменского края: история и современность : материалы обл. науч.-практ. конф. Тобольск, 1996. С. 56–60.
4. Гриценко Н. В. Тобольская ремесленная школа // Профессиональное образование Тюменского края: история и современность : материалы обл. науч.-практ. конф., посв. 80-летию Тоб. учит. ин-та. Тобольск, 1996. С. 41.
5. Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М., 1987.
6. Загороднюк Н. И. Строительное отделение Тобольского губернского управления в лицах // Баландинские чтения. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelnoe-otdelenie-tobolskogo-gubernskogo-upravleniya-v-litsah> (дата обращения: 04.09.2018).

7. К вопросу о постройке здания для Тобольской гимназии. Историческая справка // Столетний юбилей Тобольской гимназии (1788–1889). Описание юбилейного торжества гимназии, состоявшегося 11 и 12 июня 1889 года / Сост. П. И. Панов. Тобольск, 1889.
8. Кочедамов В. И. Тобольск. Как рос и строился город. Тюмень, 1963.
9. Кириллов В. Тобольск. Как рос и строился город. М., 1984.
10. Прибыльский Ю. П., Слинкин С. В. Имени Д. И. Менделеева. Тобольск, 1999.
11. Словарь архитектурных терминов. URL: <http://architime.ru/dictionary.htm> (дата обращения: 12.09.2018).
12. Сулимов В. Тобольская гимназия в XIX в. Тюмень, 2016.
13. Статистический обзор Тобольской губернии за 1913 г. Тобольск, 1913.
14. Учебные заведения ведомства министерства народного просвещения : справочная книга. СПб., 1895.
15. Фонды текущего архива Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал Тюм ГУ).
16. Фонды музея народного образования Тюменской области. Папка № 183. Тобольская губернская гимназия. Д. 13.

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
В ТАТАРСКОЙ АССР И ЕЕ РОЛЬ
В ИЗУЧЕНИИ СИБИРИ (1945–1961 гг.)**

А. Ф. Закиров

*Россия, Казань, Казанский государственный
институт культуры*

Статья посвящена одному из важнейших в Татарской АССР структурных звеньев академической гуманитарной науки. В послевоенное пятнадцатилетие в работе Института языка, литературы и истории произошел существенный научный прорыв. В эти годы были начаты фундаментальные и прикладные разработки в области гуманитарных знаний, особенно татароведческих. Немаловажное позитивное влияние на это оказало изменение общественно-политической ситуации в стране. В статье также уделено внимание сибирским татарам и их этнокультурному развитию, происходящему в процессе тесного взаимодействия с другими народами нашей страны.

Ключевые слова: академическая наука, Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал Академии наук СССР, Татарская АССР, история, этнография, политика, татары, Поволжье, Приуралье, Сибирь.

The article is devoted to one of the most important structural links of academic humanities in the Tatar ASSR. In the postwar fifteen years a significant scientific breakthrough occurred in the work of the Institute of Language, Literature and History. During these years fundamental and applied developments in the field of humanitarian knowledge, especially Tatar studies, were started. An important posi-

tive impact on this had a change in the socio-political situation in the country. The article also focuses on the Siberian Tatars and their ethno-cultural development, occurring in the process of close interaction with other peoples of our country.

Keywords: Academic science, Institute of Language, Literature and History, Kazan branch of the Academy of Sciences of the USSR, Tatar ASSR, history, ethnography, politics, Tatars, Volga region, Ural, Siberia.

Одним из важнейших в Татарской АССР структурных звеньев академической гуманитарной науки, прежде всего историко-филологической, в послевоенные годы стал Институт языка, литературы и истории, образованный в 1939 г. Сначала он был научно-исследовательским учреждением Совета Народных Комиссаров Татарской АССР, а с 1941 г. стал самостоятельным научным институтом. 13 апреля 1945 г., наряду с институтами естественно-технического цикла, сформированными на базе разнообразных научно-исследовательских и научно-технических комитетов в годы Великой Отечественной войны в Казани, Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории был включен в состав вновь созданного Казанского филиала Академии наук СССР как самостоятельная научно-исследовательская структура. С первых лет своей институционализации институт являлся многопрофильным научным учреждением.

Перед коллективом института были поставлены масштабные задачи: изучение проблем языка, литературы, искусства, устного народного творчества, истории, археологии, этнографии, истории общественно-философской и экономической мысли татарского и других народов Татарской АССР. Помимо того, институт вел научные исследования по проблемам интернациональной дружбы, взаимодействия и взаимовлияния культур русского, татарского и других народов Поволжья и Приуралья.

Структура Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР в послевоенное время постоянно расширялась и модернизировалась. В начальный период работы института в нем было 4 сектора: татарского языка,

литературы, фольклора, русского языка и литературы для народов автономных республик Поволжья и Приуралья [3, с. 5, 15]. При этом необходимо подчеркнуть, что сектор истории и сектор фольклора в годы Великой Отечественной войны стали объектами целенаправленного идеологического давления центральных и республиканских политических властных структур. Такое отношение властей к деятельности этих подразделений, судя по всему, было обусловлено особенностями их научно-исследовательского подхода: досконально изучить и донести до всеобщего сведения историко-героический эпос татарского народа, в первую очередь, периода Золотой Орды как одного из ведущих этапов этногенеза татар. Безусловно, этот великодержавный идеологический натиск политических структур центра и республики на татарскую науку оказал сильное отрицательное воздействие на дальнейшее продвижение академической гуманитарной науки в Татарской АССР. От него пострадали не только сотрудники сектора истории и фольклора, но и татарской литературы и языкознания, т. к. на долгие годы была вычеркнута и предана забвению более чем трехсотлетняя история и литература татарского народа периода Золотой Орды и татарских ханств, возникших на ее основе. При этом татарской историко-филологической науке сверху была навязана болгарская концепция происхождения татар, которая в течение многих десятилетий являлась определяющей мифологемой этногенеза татар. Хотя, по сути, болгарский период этногенеза татарского народа был лишь небольшим этническим этапом в его эволюции. В результате искусственно была разорвана историко-генетическая связь татарского народа с добулгарским (древнетюркским) и послебулгарскими (золотоордынским, ханским) периодами его истории.

При создании в структуре Казанского филиала Академии наук СССР Института языка, литературы и истории особое внимание уделялось не научно-исследовательским проблемам изучения тысячелетней истории татарского народа, а академическому структурированию литературно-языковедческих проблем, необходимых для державной унификации культуры и языка татар. Все это, несомненно, было связано с необходимостью, с одной сто-

роны, ужесточения идеологической борьбы с так называемыми новыми националистическими проявлениями на местах, с другой – необходимостью подготовки базовой основы для перехода к новой фазе культурной ассимиляции татар. Особенно сильно это отразилось в основных положениях послевоенных научно-исследовательских планов работы отдела литературоведения, существовавшего со дня основания Института языка, литературы и истории. Одним из наиважнейших задач в работе отдела было изучение литературного творчества и биографии татарских писателей и просветителей, для многих из которых несомненной аксиомой являлось сближение русской и татарской национальных культур, отчасти и народов. Об этом свидетельствует деятельность отдела литературоведения, который, исходя из державных установок, в своей научной работе большую роль отводил изучению творчества татарских гуманистов, стремившихся европеизировать татарскую систему образования и науки на основе русской культуры. К примеру, отделом была проведена значительная научная работа в связи 120-летием со дня рождения татарского просветителя и языковеда Каюма Насыри и с 60-летием татарского поэта и гуманиста Габдуллы Тукая [6, л. 63]. При этом следует особо отметить, что, несмотря на политический заказ, татарская гуманитарная наука, разрабатываемая учеными института, добилась определенных результатов. В первое послевоенное пятилетие учеными отдела литературоведения были проведены значительные научные исследования в области источниковедческого и текстологического изучения произведений татарских писателей второй половины XIX – начала XX в., что позволило сотрудникам этого отдела включиться в разработку программ и учебников по татарской литературе для вузов и средних школ.

В 1940-е гг. основной задачей руководства института и сектора истории стало обеспечение выполнения решений Постановления Центрального Комитета ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В рамках реализации этого постановления, ставшего директивной установкой для руководства и научного коллектива институ-

та, 18 сентября 1944 г. на собрании республиканского партийного актива были намечены конкретные задачи в области гуманитарной науки, в первую очередь исторической – истории татарского народа и ТАССР.

Главное внимание научных сотрудников отдела истории направлялось на организацию научных разработок по истории ТАССР, на устранение допущенных отдельными историками и литераторами серьезных недостатков и ошибок националистического характера в освещении истории ТАССР (приукрашивание Золотой Орды и т. п.). Особое внимание обращалось на изучение и популяризацию истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков (прежде всего, татаро-монгольских завоевателей, немецко-фашистских оккупантов), царизма и помещичье-капиталистического гнета [5, с. 527].

Одной из важнейших задач сектора языкознания было создание диалектологического атласа татарского языка. Осенью 1957 г. в Казани было проведено специальное совещание по проблемам диалектологии татарского языка. В ходе его работы особое внимание уделялось созданию толкового словаря татарского языка, татарско-русского словаря и многочисленных терминологических словарей и научной разработке вопросов татарской лексикографии. Важным конечным итогом совещания стало предложение о создании в составе института самостоятельного сектора лексикографии и терминологии. Создание новой структуры способствовало расширению научных исследований в области татарского языкознания. Главным достижением языковедов Института языка, литературы и истории стало создание «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья», сбор материалов для которого осуществлялся в 1958–1985 гг.; были изучены и наречия населения 845 татарских населенных пунктов [9, л. 25–26].

Сектор истории института, в составе которого развивались исторические (история, археология, этнография и др.), отчасти и общественно-философские (татарская общественная мысль)

направления гуманитарной науки, в послевоенное время взял на себя основной труд по исправлению так называемых идеологических ошибок, допущенных местными учеными в довоенный период. Руководству сектора, отчасти и института, пришлось перестраивать научно-исследовательские планы сотрудников, сузив их рамками директивных указаний центра. Однако эти научно-организационные и идеологические пертурбации не смогли сгладить или затушевать, свести на нет многие острые научные проблемы, связанные с татарами и с их многовековой историей и культурой.

Сегодня происхождение волго-приуральских и сибирских татар является актуальной темой для изучения историками и этнологами. По данным переписи населения 2010 г., в регионах Западной Сибири проживало более 520 тысяч татар¹. Всего же, по результатам Всероссийской переписи населения, в 2002 г. в вышеназванных областях (их территория соответствует основной территории исторического Сибирского ханства), проживало 358 949 татар, из которых 9289 идентифицировали себя как сибирские татары. Наибольшее число респондентов идентифицировали себя как сибирские татары в Тюменской и Курганской областях – 7890 и 1081 человек соответственно. Всего же, по данным переписи 2002 г., в Российской Федерации проживало 9611 сибирских татар². В то же время в ряде публикаций численность коренных сибирских татар оценивается от 190 до 210 тысяч человек. Столь значительное расхождение в данных может быть объяснено тем, что практически все сибирские татары разделяют официальную точку зрения о том, что являются частью единой татарской нации, и считают свой родной язык восточным диалектом литературного татарского. Небольшая часть считает себя представителями

¹Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт.

²Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации // Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 г.

отдельного народа с самобытным языком и культурой. Историк Ш. Ф. Мухамедьяров отмечал, что «сибирские татары до настоящего времени остаются в этнографическом плане одним из наименее изученных народов Сибири, хотя в их географическом размещении с момента присоединения Сибирского ханства к России существенных изменений не произошло» [6, с. 168–171]. Существует несколько теорий этногенеза татар Поволжья и Урала. В научной литературе наиболее подробно описаны три из них: болгаро-татарская теория, татаро-монгольская теория, тюрко-татарская теория. Продолжительное время наиболее признанной считалась болгаро-татарская теория. В рамках теории болгаро-татарского происхождения татар ключевым моментом этногенеза татарского народа считается период существования Волжской Булгарии, когда у болгарского этноса, начавшего складываться в Среднем Поволжье и Приуралье начиная с VIII века, сформировались основные этнокультурные особенности современных татар. Основы теории были заложены в 1920-е гг. в трудах Н. Н. Фирсова, М. Г. Худякова и отражали активно внедрявшиеся в гуманитарные науки идеи марксизма в форме теории стадийности и автохтонного происхождения народов. В книге представлены материалы по всем группам волго-уральских татар (включая и тех из них, которые живут за пределами Волго-Уральского региона), а также по ряду других татарских этнических образований (астраханские, сибирские татары) [7].

В послевоенное время этнографическая группа активизировала исследования материальной и духовной культуры татар (Ф. Х. Валеев, Н. И. Воробьев, Р. Г. Мухамедова, Г. Хисамутдинов и др.). Именно в этот период начался новый этап в изучении этнографии народов ТАССР, прежде всего татарского. Этнографические исследования материальной и духовной культуры татарского народа особенно интенсифицировались во второй половине 1950-х гг., в период хрущевской «оттепели», когда не только произошла определенная демократизация общественной жизни, но и наметился позитивный поворот в политике первых лиц Татарской Республики по отношению к татарской национальной системе

образования и культуры. Именно эти обстоятельства способствовали развертыванию масштабных научных исследований материальной и духовной культуры народов ТАССР и популяризации их результатов в многочисленных работах. Результаты научных и экспедиционных изысканий в местах компактного проживания татарского народа легли в основу фундаментального труда «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (1967) [2], монографического исследования Н. И. Воробьева «Казанские татары» (1953) [1]. Благодаря трудам этнографов, работавших в институте в 1940–1960-е гг., удалось не только научно зафиксировать богатое материальное и духовное наследие народов ТАССР, но и сохранить преемственность в научно-исследовательской практике.

В наши дни этнокультурное развитие сибирских татар происходит в процессе тесного взаимодействия их с другими народами нашей страны, в первую очередь поволжско-приуральскими татарами и русскими, в условиях усиливающегося научного и общественного интереса и внимания к национальным явлениям местной сибирско-татарской культуры, к ее прошлому и настоящему. Всплеск интереса к истории, языкознанию и этнографии сибирских татар относится ко второй половине XX в. (1950–1970) (Валеев, 1965; Храмова, 1956; Дульзон, 1956; Ахатов, 1963; Бояршинова, 1960; Тумашева, 1968; Тумашева, 1977; Еремин, 1972; Дмитриева, 1981; Богомолов, Томилов, 1973; Богомолов, 1978 и др.). Первые монографические работы, посвященные сибирским татарам, появляются в 1980-е гг. Так, в 1980 г. в Казани вышла работа Ф. Т. Валеева «Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.». Она стала итогом многолетних научных изысканий автора по этнической истории и традиционной культуре татарского населения Западной Сибири. В 2015 г. выходит в Казани фундаментальный академический труд – коллективная монография «История и культура татар Западной Сибири», в работе над которой приняли участие ведущие исследователи страны. Особенностью этой коллективной монографии является ее этнотерриториальный подход: в центре внимания авторов все тюрко-татарское население Западной Сибири, которое

формировалось в разные исторические периоды и включает в себя два основных компонента – население, именуемое в этнографической науке «сибирскими татарами», и группу татар, переселявшихся (в основном с Поволжья) в сибирский регион на протяжении XVI–XX вв. В коллективной монографии была предпринята попытка объединения исследований ученых, в течение многих лет занимающихся изучением различных аспектов истории и культуры этих разных групп западносибирского тюрко-татарского сообщества [4]. В подготовке работы приняли участие и сотрудники ИЯЛИ Д. Б. Рамазанова, Ф. С. Баязитова, в течение многих лет изучавшие сибирских татар.

Таким образом, в послевоенное пятнадцатилетие в работе Института языка, литературы и истории произошел существенный научный прорыв. В эти годы были начаты фундаментальные и прикладные разработки в области гуманитарных знаний, особенно татароведческих. Немаловажное позитивное влияние на это оказало изменение общественно-политической ситуации в стране после смерти И. В. Сталина (1953), способствовавшее расширению и углублению научных исследований, ослаблению идеологического давления на ученых и борьбы с «националистическими поползновениями» нерусских народов страны, а также включению Института языка, литературы и истории в состав Казанского филиала АН СССР, что позволило улучшить его материально-техническую базу, качественно повысить научно-кадровый потенциал. Главные научные результаты заявленного периода – это капитальные труды по истории ТАССР и татарского народа, по татарскому языкознанию, литературоведению и фольклору.

Список источников и литературы

1. Воробьев Н. И. Казанские татары : (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953. 381 с.
2. Воробьев Н. И., Хисамутдинов Г. М. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. 537 с.
3. Закиев М. З. 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989. 240 с.
4. История и культура татар Западной Сибири : монография. Ка-

заны : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ : Артефакт, 2015. 728 с.

5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. / под ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. М. : Политиздат, 1971. Т. 6. 527 с.

6. Мухамедьяров Ш. Ф. Рецензия на книгу Н. А. Томилова «Современные этнические процессы среди сибирских татар» // Советская этнография. 1980. № 3. С. 168–171.

7. Татары. Серия «Народы и культуры» / отв. ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М. : Наука, 2001. 583 с.

8. Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ) Ф. 7571. Оп. 1. Д. 4.

9. Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ) Ф. 7571. Оп. 1. Д. 10.

ФОЛЬКЛОР СИБИРСКИХ ТАТАР

М. Р. Арпентьева

*Россия, Калуга, Калужский государственный
университет имени К. Э. Циолковского*

Статья посвящена анализу основных аспектов истории исследования фольклора сибирских татар. Особое внимание уделяется важности филологического анализа фольклора. Выделяются основные фольклорные объекты, фольклорные жанры, а также направления и проблемы их изучения. Отмечается, что перспективы исследования фольклора и других «памятников» народной культуры татар тесно связаны с интеграцией наук (истории, социологии, культурологии, филологии и т. д.).

Ключевые слова: фольклор, татары, сибирские татары, сказки, песни, мифы, историческая память, этнос, культура, традиция, традиционная культура.

The article is devoted to analysis of the main aspects of folklore studies of the ibirtatar. Special attention was pay to the importance of linguistic analysis of the folklore. Notable folklore objects, folklore genres, and trends and problems in their study. The author notes that the prospects for researching folklore and other «monuments» and examples of folk culture of the Tatars was closely relate to the integration of sciences (history, sociology, culturology, philology, etc.).

Keywords: folklore, tatar, sibirtatar, fairy tales, songs, myths, historical memory, ethnos, culture, tradition, traditional culture.

Введение. Современная история и филология большое внимание уделяют изучению фольклора, в том числе татарского.

Фольклор объединяет ученых разных направлений и школ, интегрируя внимание историков, культурологов, социологов и филологов. Однако, будучи в своей основе явлением историческим и лингвистическим, он, в первую очередь, требует исторического и филологического изучения. Фольклористика – комплексная наука, включающая теоретические и эмпирические подходы многих наук. Фольклористика – многоаспектная и полифункциональная наука о народном творчестве, состоящая из взаимозависимых компонентов: собирание, издание народных произведений и научно-теоретическое изучение фольклора. Фольклор есть, по сути, энциклопедия и «учебник жизни» народа, передающие из поколения в поколение его традиции и обрядовую практику, жизненный опыт и собственно художественно-поэтические и иные творения и произведения искусства. Он также выступает как источник письменной речи и произведений. В полной мере это касается и татарской фольклористики. Татарский фольклор – ведущая часть традиционной культуры татар. Традиционная культура в современном мире, мире этнического возрождения, переживает этап повышенного внимания как в повседневной, так и научной жизни. Центральным вопросом изучения фольклора как части традиционной культуры является вопрос его роли в развитии личности, воздействии фольклора на развитие представлений, отношений, моделей общения и ценностей отдельного человека и целого этноса. А. Р. Еникеева отмечает, что «Воздействие традиционной культуры на личность осуществляется через передачу культурных архетипов – базисных элементов культуры, формирующих модели духовной жизни. Конкретные формы традиционной культуры, как и социальные механизмы их трансмиссии, носят исторически преходящий характер» [1, с. 81]. «Фольклор – это процесс и результат творчества народа, сопровождающего его на протяжении всей жизнедеятельности, основа любой национальной культуры, из которой вырастает профессиональное искусство» [1, с. 83].

Обзор литературных источников. Развитие наук о татарском фольклоре имеет несколько важных аспектов, стадий и вех. История татарского фольклора во многом отразилась в истории

татарской фольклористики. Современная историческая и филологическая наука обладает большим числом работ, связанных с изучением татарской фольклористики: работы Н. С. Исанбета, Х. Х. Ярмухамметова, А. Г. Каримуллина, И. Н. Надирова, Э. С. Касыймова, Ф. И. Урманчеева, Ф. В. Ахметовой, Т. Н. Галиуллина, М. Х. Бакирова, Х. Ш. Махмутова, Л. Ш. Замалетдинова, Р. Ф. Ягафарова, А. Х. Садековой, Р. М. Мухаметзянова, К. М. Миннуллина и др. Ими были исследованы историографические и библиографические аспекты фольклора, проанализированы афористические жанры и лирический эпос, сказки и детский фольклор, песенное творчество и т. д. В статьях и фундаментальных научных трудах раскрываются наиболее актуальные и значимые проблемы, касающиеся отдельных жанров или фольклора в целом. В досоветское время исследование татарского фольклора во многом было связано с исследованиями собственно историческими, а не только литературными: фольклор является важным источником знаний об истории жизни народа. Развитие татарской фольклористики в советское время и в последние десятилетия шло под продуктивным влиянием культурно-исторической школы, которая под воздействием советской и российской науки в целом и указанной школы, в частности, формировалась преимущественно в недрах татарского литературоведения, филологии: общий слой собственно исторических сведений в фольклоре был осмыслен, и фольклор предстал перед исследователями как явление преимущественно литературно-языковое. Влияние представителей этой школы прослеживается во многих исследованиях ученых Казани и других научных центров – городов Татарстана, строивших национальную науку о фольклоре с точки зрения реализации культурологических принципов, системного и культурно-исторического методов. Однако многие аспекты в татарской фольклористике продолжают оставаться малоизученными, в частности вопросы специфики и общих линий и аспектов в фольклоре сибирских, алтайских, поволжских, крымских и иных татар, фольклоре татар-кряшенов и татар-мусульман и т. д.

Теоретической основой современных исследований фоль-

клора татар являются труды таких ученых, как В. Я. Пропп, В. В. Виноградов, Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин, В. П. Аникин, Ю. Г. Круглов, Г. Рахим, Г. Д. Тулумбайский, Н. С. Исанбет, Х. Х. Ярмухаметов, А. Г. Каримуллин, Ф. И. Урманчиев, М. Х. Бакиров, С. А. Галин и др. К ним примыкают труды исследователей алтайских народностей (фольклористы-культурологи и историки) и труды ученых, изучающих фольклор в целом (фольклористы-литературоведы и филологи).

Как у многих народов, имеющих древние культурные традиции, фольклор и профессиональное искусство в истории народа тесно переплетаются. Интересный пример в этом смысле – татары Сибири и сибирские татары.

Многие современные исследования посвящены истории и культуре сибирских татар (себертатарлар, сибиртар, сибиртатарлар). Уже в VI в. в Сибири и вокруг нее образовалось огромное тюркское государство, охватывавшее все азиатские степи: согласно Л. Гумилеву, «племя татар было гегемоном в степи». Позже многие народы начали называть себя татарами, хотя ими и не были: настолько высока была культура и жизненная энергия расселявшихся по Сибири и Азии в целом татар. Сходные процессы протекали и с русским народом, вобравшим в себя многие другие племена, а позднее, в результате ордынских походов монголов и сибирских походов русских, перемешавшихся с татарами. В результате, в XIII–XIV вв. название «татары» приняло «собирательное, суперэтническое значение», «расширенное применение». В VI–IX вв. западносибирская лесостепь входит в состав Тюркского каганата. В I в. древние татары и тюрки Джунгарии (Шато) боролись с китайцами: в VIII–IX вв., смешавшись друг с другом в одну группу, татары мигрировали на восток, «на северную сторону хребта Иньшань», а во времена Чингиз-хана вернулись с запада. Соплеменники Чингиз-хана (Борджигины), как вытекает из трудов В. П. Васильева и Л. Н. Гумилева, еще в XI–XII вв. назывались татарами. Поэтому в VII–VIII вв. в Центральной Евразии, в том числе от Иньшаня до Джунгарии и далее до Алтая, Урала и Волги и далее, шло «смешение» и расселение тюркских

родов. Основную роль в формировании нового этноса сыграли древние татары, вышедшие из Маньчжурии, а также тюрки Шато (потомки гуннов) и отчасти уйгуры. В XIII в. в Западную Сибирь началась миграция из центральных районов Казахстана и с Алтая древних тюрков, кипчаков (куманов или половцев), живших от Иртыша до Волги. Самые первые государственные образования сибирских татар – Тюменское ханство (в XIV в. с центром в Чимге-Туре, на месте современной Тюмени), в конце XV – начале XVI в. – Сибирское ханство (центр – Сибир, или Кашлык, близ современного Тобольска). Татары – народ (этнос), который был государствообразующим этносом монголо-татарской державы, история которого перетолковывалась в угоду тем, кто пытался завоевать этот народ и его культурные и материальные богатства. До сих пор татары отличаются от жителей Китая и Монголии: даже среди современных татар преобладают представители большой европеоидной расы. После монгольских походов XIII в. территория сибирских татар входила в золотоордынское государство, образованное ханом Батыем. Искер (Сибир, Кашлык) и Тюменский вилайет (регион) или Чимги-тура (Tschinggi-Tura, столица Тюменского улуса Золотой Орды, впоследствии Сибирского, Казахского, Узбекского ханств, Большой Орды) сыграли огромную роль в истории нашей страны и соседних стран. Тюмень как город и центр своего будущего улуса (Тайбугинского юрта) основал еще в начале XIII в. царевич Тайбуга, назвав его в честь Чингисхана (Чингиз-городок). Этот улус с мощной крепостью в центре стал частью улуса Джучи, а потом центром Узбекского ханства: «Здесь объявляли войну и заключали мир, принимали иностранных послов, плели дворцовые интриги. Сюда приходили караваны бухарских и самаркандских послов, прибывали дипломатические миссии, приезжали шейхи – проповедники ислама, знатоки письменности и литературы Востока. Три, а может быть, и четыре века была она одним из форпостов мусульманской культуры в Западной Сибири», – отмечает Н. П. Матвеева [29, с. 66]. Более того, тюркский – кипчакский – язык выполнял роль языка межнационального общения в Центральной Европе. Много

веков (до XV–XVI вв.) «древний монгольский» язык был языком татарским – языком рода Ч(ы)нгиз-хана. Доисламская культура, в том числе письменность и коммеморации, сохранились у сибирских татар до сих пор. Уважительно относятся они и к традициям, связанным с мусульманским этапом своей истории. Ислам в среде сибирских татар пришел через бухарских суфийских шейхов, которые почитаются до сих пор. В XVI в. сибирские татары, благодаря военным походам русских, в том числе «экспедиции» атамана В. Аленина (Ермака), исторического завоевателя Сибири для Русского государства, вступили с ними в контакт [38]. Большую роль тюменские и сибирские татары играли и в отношениях с другими группами татар. В настоящее время сибирские татары составляют лишь треть татар, проживающих в Сибири: остальные, в том числе волго-уральские, приехали сюда из иных регионов, но в середине XX в. почти полностью слились в одну группу [10; 38; 48]. Однако есть и иная версия, отмечаемая Л. Н. Гумилевым и встречающаяся в трудах Л. Шестова, Н. Бердяева и других исследователей: «какими бы ни были реальные различия с русскими, татары – это народ не вне, а внутри нас» [12, с. 261; 13]. Это так уже потому, что огромное число представителей средневековых татар оказалось и в составе современного великорусского народа, с его «чингизизмом» и «европеоидностью восточного типа». Вместе с тем татары-мусульмане России (Евразии), живя и сосуществуя, по выражению Л. Н. Гумилева, в «симбиозе» с православными русскими (великороссами), «отнюдь не стремились объединиться с ними в один этнос», несмотря на многовековую антитатарскую политику правительства России, усилия Китая и западноевропейцев и западников, внедрявших в сознание соотечественников «образ врага» в лице татарского народа. При этом татары выжили, поскольку принципы религиозной и этнической терпимости были сформулированы татарами со времен их возникновения как народа, со времен построения своих государств, в VII–IX вв. Они были закреплены в принципах Великого Язу Чынгиз-хана, по сути став национальной чертой этого народа и братских с ним народностей и групп. Так, татары «были зело добры

к христианству» и иногда принимали крещение. Однако, хотя на территории современной России и во многих частях мира татар очень много, почти никого из средневековых татар («монголо-татар Чынгыз-хана») в современных Монголии и в Китае не осталось [13; 14; 15]. Натиск же Европы (в том числе ее нашествие) на Восток продолжается, в том числе по причине культурной и экономической отсталости средневековой Западной Европы от «полудикого» Востока в прошлом, амбиций католической церкви, стремящейся навязать христианство и власть церкви всем, и по причине нравственной деградации Европы, завоеванной ею, во многом уничтожившей коренное население Америки и разграбившей и продолжающей грабить Африку. Достижения предков представляются жителям Востока как «достояния западной культуры», для поддержания Черной легенды о Московии и Великой Татарии и легенды о «белой» Европе, о «превосходстве Запада над Востоком», и той власти и праве на насилие и уничтожение, которую закрепляют эти легенды [14; 15]. Сами же татары, как видно на примере княжеских/царских, в том числе собственно «татарских» родов (браки Чингизидов, Османов, Гиреев и т. д.), оберегая и сохраняя собственную культуру, активно развивают связи друг с другом: попытки отделения поволжско-уральских, крымских, сибирских и «узбекских» татар давно и прочно открыты многочисленными браками, их потомками, фиктивными и реальными родовыми узами родов, возобновляющимися на всех этапах развития татар.

Уже до прихода ислама татарская культура имела довольно разнообразный обрядовый и художественный фольклор. С приходом ислама к татарским, или – в болгарской версии их истории – болгарским, народам добавилась классическая культура цивилизованного Востока, которая обогатила и сформировала средневековую культуру татар, получившую название «кадим сэнгэте», или «старое искусство». С середины XVI в. до конца XIX в. традиции старого искусства существовали в среде татарской интеллигенции, священнослужителей (мулл, суфиев) и т. д., транслировались и поддерживались как компонент классического

образования, которое население получало в культурных центрах мусульманских стран Среднего и Ближнего Востока. В результате искусство татар поддерживало связи с исламской культурой в целом, сохраняя свой высокий, профессиональный уровень, свое многообразие [2, с. 81–82]. Примером являются сохранившиеся и живущие в современном татарском фольклоре многочисленные духовно-ориентированные музыкально-поэтические жанры: исторические повествования – байты, мунаджаты, зикры и касыйды и иные духовные песнопения, распространявшиеся как в рамках устной, так и письменной традиции [3, с. 48]. С середины XIX в. складывается новотатарская культура, «джадит сэнгэте», или «новое искусство», которое, сохранив в качестве основы старые фольклорные этнические традиции, переориентировалось на «нововведения» европейского искусства. Это движение к освоению богатства европейской и мировой культуры продолжается и до сих пор. Татарский фольклор идет по пути обогащения, наращивания культуры за счет привнесений элементов и форм иных культур. Таким образом, татарский фольклор традиционно существует как совокупность народного и авторского творчества, широко востребованный в разных сферах жизни народа, передаваемый различными путями и сочетающийся в каждом конкретном периоде времени и каждом отдельном субкультурном пространстве универсальные, древнейшие архетипические структуры с современными формами их ретрансляции.

Совокупность культурных архетипов образует историческую память татарского народа. Историческая память татар – система передаваемых из поколения в поколение татар исторических фактов и мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении татарского народа. Историческая память татар выступает как измерение коллективной (или социальной) памяти, компонент культурной памяти народа, под которой понимается система базовых представлений татарского общества о своем прошлом, закрепленное в памятниках культуры и социальных традициях. Источники формирования исторической

памяти татар ожидаемо многообразны: это и текстовая традиция, включающая широкий круг нарративных источников, коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, дни памяти и т. п.), искусство самых разных жанров и уровней. Историческая память татар при этом выступает как область междисциплинарных исследований: ее изучением занимаются историки, социологи, этнографы и философы.

Однако до начала XX в. собирание произведений народного творчества татар было чаще случайным: первые исследования принадлежат И. Н. Березину, А. Н. Самойловичу, К. Насыри (Г. Г. Насырову), вдохновившему творчество Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Камала, М. Карима и др. Много работ принадлежит И. Хальфину, А. К. Казем-Беку, Н. Ф. Катанову, М. Г. Махмудову, Ш. Ахмерову, Х. Фаизханову, Ш. Марджани [4–13; 16–27]. Особенно трудно шли исследования фольклора и истории сибирских татар: многое было утрачено или противоречиво. Многие исследовались в контексте «алтайского фольклора» в целом. На самом же деле, сибирские татары обладают огромным количеством малоизученных фольклорных произведений. Пока же, однако, они относительно редко становятся объектами самостоятельного исследования.

В исследованиях татарского фольклора много внимания обращается на пословицы. Татарские пословицы собирать, систематизировать и изучать впервые начал И. Ф. Эрдман лишь в XIX в. Первая публикация татарских пословиц принадлежит И. Снегиреву, М. Иванову и И. Н. Березину, С. Кукляшеву, К. Насырову, Т. Яхину и др. [30; 31; 34; 35; 39; 43; 44]. Однако сначала это была лишь первичная систематизация материала, которая не имела научно-исследовательского характера. В работах исследователей XX–XXI вв.: А. Р. Ахметшиной, Г. Ахунзянова, Х. Бадигова, Э. Н. Денмухаметовой, М. Бакирова, Н. Исанбета, Х. Махмутова, Р. Р. Замалетдинова, Х. Ярми, Г. Ф. Замалетдиновой, Г. Р. Мугтасимовой, Г. А. Набиуллиной – имеются уже более или менее развернутые наблюдения и выводы научно-филологического анализа этой части фольклора татар [28; 32; 33; 36; 37; 40–42;

45]. До этого в фольклористике в ее донаучный период создателями, носителями и распространителями фольклора были сказители, сказочники и певцы, которые странствовали по тюркским селениям и исполняли народные героические сказания и сказки, байты-баллады и песни, пословицы и загадки: Х. Х. Альмухаметов, Габит-сэсэсн, З. В. Валеев, М. Г. Габадуллин, Ф. Д. Давлетшин, М. М. Мингажитдинова, С. С. Мухаметмекулов, С. Г. Муллабаев, Х. У. Кусебаева [47; 51; 54]. Атмосфера, буквально пронизанная эпосом, фольклором, окружала сказителей и других хранителей татарского фольклора с самого детства, умения передавались и развивались в рамках мощных семейных и родовых традиций. Поэтому татарская литература и иные виды искусства имманентно и изначально пронизаны религиозно-мистической идеологией, в том числе древневосточного суфизма [46; 49; 50; 52; 53; 55 и др.]. Носителем этой идеологии являлось татарское духовенство, осуществлявшее свою работу под сильным влиянием среднеазиатской реакционной мусульманской схоластики. Представителями этой мистической литературы были поэты У. Имэни, И. Ишан и Ш. Суфи и др. Развивалось и рационалистическое течение, противопоставлявшее «потустороннему миру» реальные образы и идеи земной жизни: А. Н. Курсави и А. Ж. Кандалы.

Однако важны и собственно научные исследования, нацеленные на осмысление того, как многочисленные и разные по видам, формам и темпам культурные изменения исторической памяти и истории татарского народа в целом объединяются в его культурной динамике, изменениях внутри культуры, и во взаимодействии с другими культурами и народами. Культурная динамика описывает изменения или модификацию культуры во времени и пространстве посредством независимых открытий и целенаправленных реформ; культурных заимствований (стихийного или целенаправленного подражания) и культурной межгрупповой и стратификационной диффузии (стихийного обмена в процессе контакта культур), а также культурной трансмиссии – обучения. Культурная трансмиссия – процесс, благодаря которому культура передается от предшествующих поколений к последующим че-

рез целенаправленное или стихийное обучение. Решением этих проблем занимается не так много ученых, среди которых одними из наиболее известных являются А. Ф. Риттих, В. А. Мошков, Р. Лах, Г. Шюнеман, С. Г. Рыбаков, М. И. Султанов, М. И. Берг, В. М. Жирмунский, А. В. Затаевич, А. С. Ключарёв, М. А. Музафаров, М. Н. Нигмедзянов, Дж. Х. Файзи, З. Н. Сайдашева, Р. А. Вамба [14; 16; 23; 36; 37].

В народном творчестве глубоко и развернуто представлены конкретные исторические особенности и события жизни татар. Волшебные былины, сказки о животных показывают специфику повседневно-бытовой, хозяйственной жизни предков татар, их обычаи, обряды и ритуалы, религиозные и философские воззрения, включая мифы и представления, сформированные во времена патриархально-родового и раннефеодального общества. Исторические предания и легенды отражают основные эпохи и значимые события: основание города Булгар, нашествие монголов, героическая борьба народов Поволжья за свободу и независимость. Свадебная и иная обрядовая поэзия, в том числе байты, поэзия аккумулирует данные о древних формах семейно-брачных и социальных отношений в целом. Однако есть и иные интерпретации «монгольского нашествия», в том числе те, что говорят о разделении самих «древних монголов» на предков современных татар (род Чингиз-хана) и современных монголов, проживающих на территории Монголии, вытеснившей татар со своих земель. Поэтому вопрос о том, кто с кем боролся и почему, – не так прост. Однако татары всегда сохраняли терпимость и стремление выжить и построить гармоничные отношения, не теряя достоинства и самоуважения, в том числе перед лицом баев и иных преступающих нравственные законы лиц и групп.

В народном творчестве татар выражена и национальная психология народа, в том числе любовь к родной земле и природе, к себе и людям, уважение к труду, отвержение несправедливости, честность и порядочность, доброта и гостеприимство. Они отражены в образах положительных героев сказок, песен, байтов, в пословицах и поговорках. Изучая татарский фольклор, можно

сказать, что в нем заложены все традиционные виды искусства: музыка, хореография, живопись, архитектура.

Самым разнообразным является сказительно-поэтическое и музыкальное творчество, отражающее богатство духовной и творческой энергии народа. Исследователи этого творчества занимались и занимаются сбором и анализом самого разного этнографического материала, прежде всего того, что отражает особенности духовной культуры татар, их мифов и поверий, песен и сказок, ритуалов и эпосов [50–53]. Устно-поэтическое творчество татар очень богато и разнообразно: героический эпос, сказки, легенды и предания, песни, пословицы, загадки слагались и исполнялись народными сказителями и певцами, скотоводами и охотниками. У татар есть представление о том, что мир управляется множеством добрых и злых духов. Боги в мифологии татар обычно выполняют каждый свою особенную, персональную позитивную или негативную функцию. Общее название высших существ – Тэнгри. В татарском фольклоре фигурируют представители и низшей и высшей мифологии. Популярны, например, злое чудовище Див, волосатый властелин леса Шурале, способный до смерти зачекотать человека; на него похож и жуткий Убыр, вселяющийся в тело и занимающий место души, встречаются другие забавные и осмеиваемые колоритные антигерои. При этом духи, с точки зрения татарской мифологии, хозяйничают в разных стихиях: Су анасы – это мать воды, а Су кызы – ее дочь, Господин воды – Су иясе, в доме хозяйничает Йот иясе. Сказки – самый популярный, интересный и «живучий» жанр народного творчества; татары обожают волшебные сказки, героем в них выступает могучий богатырь, способный на самые невероятные подвиги, а в названиях фигурирует слово «батыр» («Тан-батыр», «Камыр-батыр», «Эпи-батыр» и др.). Эти сказки изобилуют диалогами и пропитаны юмором.

Татары, как и другие народы, верили, что боги и духи, как и люди, любят слушать песни, сказки и героические сказания, пение. Поэтому существовал обычай иметь в каждом более-менее зрелом сообществе, поселении искусного сказителя. При этом

сказители у татар (как и у монголов) «могли заниматься предсказаниями и прорицаниями будущего», что «можно считать отголоском недифференцированности обеих традиций (шаманов и сказителей. – М. А.) в прошлом» [44, с. 54]. Фольклористы – ученые и другие исследователи, такие как В. И. Вербицкий, П. В. Кучияк, А. Л. Гарф, Н. А. Баскаков, С. С. Суразаков, К. Е. Укачина, Е. П. Кандаракова, В. В. Радлов, А. В. Анохин, Л. П. Потапов, З. С. Казагачева, Т. М. Садалова и др., записывали за ними фольклор. На близость шамана и сказителя особое внимание обратил еще Г. Н. Потанин. Кроме того, ученые отмечают совпадение многих черт и сюжетов шаманских рассказов о путешествии шамана во время процедуры камлания со странствиями сказочного героя. Б. Н. Путилов пишет, однако, что лингвистические реконструкции, изучение функциональных, психологических, декламационных особенностей поэтического творчества у самых разных народов привело ученых к «выводам о существовании в древности синкретического образа шамана – поэта – сказителя и об уподоблении их друг другу» [42, с. 64; 43, с. 36]. В. М. Жирмунский суммирует факты из разных эпических традиций, свидетельствующие о древних связях сказителя и шамана [16, с. 401–407]. А. Сагалаев подчеркивает, что «шаманская и сказительская картины мира – это два варианта реализации общего мифологического фонда тюрков» и что, во всяком случае, в фиксируемой наблюдателями традиции между этими двумя культурными типами пролегла определенная межа: шаманы и сказочники старались не смешивать свою деятельность во времени и пространстве [44, с. 94; 45; 46]. Принципиально различие их функций и в культурной истории этноса. «Сказитель в большей степени, нежели шаманы, был причастен к созданию общеэтнического фонда культуры тюрков <...> сказительская традиция играла видную роль в процессе вхождения инноваций в традиционную культуру татар... оказывалась все более созвучной процессам внутриэтнической консолидации» [44, с. 56].

Сказка является одним из наиболее самобытных жанров фольклорного наследия татарского народа. Она исполнялась в

системе древних обрядов с целью магического очищения и противостояния негативным стихиям, для магического воздействия на духов, чтобы расположить их себе. Выделяются мифы-сказки и сказки о животных, волшебные, бытовые и новеллистические сказки, сказки о глупом черте, кумулятивно-формульные сказки и анекдоты. Татарским сказкам свойственны традиционные формулы, содержащие начальные, медиальные и финальные компоненты. Сказки и песни татар по своим текстам во многом сходны со славянскими, с одной стороны, и со сказками и песнями иных тюркских народов – с другой. Тексты многих сказок и сказаний выстроены на противостоянии двух противоположных миров (добра и зла, рабства и свободы и т. д.) и преодолении героем препятствий – самостоятельно или вместе с помощниками – при помощи хорошего слова, подарка или поступка, представляет собой проникновение им в новое, ранее запретное или недоступное пространство, где имеется свой «дух-хозяин» или где статус героя меняется.

Татарские пословицы и поговорки являлись для многих поколений татар прямым руководством к действию, отражая ведущую, первичную роль нравственных регулятивов отношения людей и сообществ к правовым, вторичным: пословицы и поговорки дают четкие ответы на вопросы, что такое «хорошо» и что такое «плохо», в пословицах и поговорках явно, хотя и литературно, оформлены нормы права. Поэтому афористический жанр долгое время успешно «заменял» татарскому народу конституцию и иные законы: «Алмаз остается алмазом, даже если бросить его в грязь», «Когда бой кончился, появляется много батыров», «Если мир затопит вода, разве утка станет горевать?», «Кто не знает горького вкуса, тот не знает и сладкого», «Сколько бы ни бодался баран, горы не разрушит», «Собака лает, а караван идет», «Не ройся не дне мешка» (т. е. не вспоминай прежних обид), «У лгуна дом сгорел – никто не поверил», «Хочешь яблоко – ухаживай за яблоней», «Не каждый раз на удочке рыбка», «Один раз не сумеешь, во второй – научишься», «Красота нужна только на свадьбе, ум – каждый день», «Красоту в миску не положишь», «Дом, где есть дети, – базар, где нет детей, – кладбище». Более того, жизнь сообщества,

живущего по нравственным законам, оказывалась более гармоничной, чем жизнь сообщества, регулируемая несоотнесенными с нравственностью юридическими законами современности: сохраняющаяся связь татар с духовно-нравственным наследием своих предков побуждает и современных татар продолжать ставить вопросы легитимности современного законодательства, закрепляющего безнравственные и асимметричные отношения социального неравенства, потребления и насилия в российском сообществе и в мире целом: «Если хорошо, то от князя, если плохо, то от слуги», «Будешь злым – повесят, будешь мягким – раздавят», «Где много пастухов, там все овцы передохнут», «Алмаз режется алмазом, вора ловит вор», «Волки, идущие по одной тропе, друг друга не съедят», «Дающий и бию нравится», «Добром за добро платит каждый, добром за зло – настоящий человек», «Если у тебя сосед – бай, держи ворота на запоре», «Когда бой кончился, появляется много батыров», «Кто встретился с морозом – остался без ушей, кто встретился с кази – остался без головы», «Чего не объяснил словом, того не объяснишь палкой» и т. д.

При этом исследователи выделяют ряд тем пословиц. Например, И. Н. Березин отмечал в связи с этим моментом, что «обращение с пословицами требует особенной осторожности: иногда в них бывает скрыта ирония, которую легко принять за истинную правду, иногда пословица залетела от другого народа и дышит чужой национальностью, иногда пословица служит прорицателем только в определенном кружке, а не в целом племени» [9, с. 79–107, 83–116]: «А орехи-то, оказывается, на липе растут», «Говорит бий – получается по слову бия, говорит раб – получается по слову раба», «Языком он весь мир обскачет».

Среди тематических групп он называл:

– об уме и мудрости, прозорливости и осторожности: «ум бывает не в летах, а в голове; не спрашивай дурака, сам расскажет; от дурака дурак рождается, дураками мир наполняется; беда глупости дружка»; «подумай о том, что ты хочешь сказать и так говори; берегущийся бывает здоров; в зажатый рот муха не влетит; кто обожжется на молоке, дует и на воду»;

– о терпении и поспешности и о человеческой природе: «проворный сам изнемогает, тихоня свое дело оканчивает; торопыга вдвойне дает; терпение есть ключ радости», «на языке мед, а под языком лед; ни подбородок, ни копыто не бывают без порока; птенец, что увидит в гнезде, то же увидит и летая; каков в колыбельку, таков и в могилку; то, что в зыбке, переменится пять раз»;

– о дружбе и вражде, о семействе, детях и родственниках: «друг познается в нужде; друг есть зеркало другу; море имеет конец, враг не имеет; гусю, у которого гусята, не достаёт корму; кому захотелось плакать, тот играет бороδοю отца; свой не убьёт, чужой не помилуёт;

– о женщине и замужестве: «женщина без мужа, лошадь без узды; хорошая жена – жена, а дрянная – чорт»;

– о государственном благоустройстве и о правителе, вельможах: «поколение на поколение, язва на нервы; старший одного двора, глупый другого; если хорошо, то от князя, если плохо, то от слуги; орудие работает, мастер хвастается»;

– о богатстве и бедности, скупости и щедрости: «у бедного когда есть, у богатого когда позовет; от богатого достанется, от меду капнет; не покупка, а продажа учит; не имение составляет родство, а душа».

Татарские пословицы любят «играть» понятиями и именами, это используется не только для рифмы, но и для передачи дополнительной информации. Поэтому они являются действенным способом воспитания и обучения детей и молодежи, трансмиссии социального опыта татар.

Как известно, в современной фольклористике фольклорные тексты рассматриваются как языковые структуры, функционирующие в народном быту, их изучение связано как с филологией, так и этнографией и историей. Опираясь на традицию В. Проппа, который заложил основу структурализма в фольклористике, ученые изучали и изучают структуры фольклора, отмечая, что именно в фольклоре структуры обнаруживаются наиболее явно: фольклор формализован, как вообще вся традиционная народная культура, больше, чем тексты философские или художествен-

но-исторические. Фольклор одновременно пронизан символикой и «форматирован». В современной фольклористике, развивающей идеи В. Я. Проппа [56–58], обычно используется феноменологический подход к изучению народных (фольклорных) текстов (легенд и сказаний, причитаний и других фольклорных композиций), в том числе народных классических и современных утопий и антиутопий («преодоление рабства») [59; 60]. Если сравнить их с работами татарских коллег [35; 52; 54; 55 и др.], можно увидеть те же попытки: описать состояние народа в контексте разных событий, в том числе трагических, связанных с монголо-татарским нашествием, борьбой местного тюркского населения с монголо-татарскими завоевателями, переживание народом этих и иных значимых событий и личностей (таких как Кучум и Ермак, Иван Грозный и Петр I, Алим-шейх, батыры Абусар, Али-Азрат, Сянгиль-Гулюк, Касмак и Кучагур, а также истории девушек-пленниц и т. д., истории столкновений с воинами хана Кучума, хантами, калмыками, казахами и русскими казаками, отношения с башкирами и т. д.), представление о прошлом и будущем, ритуалах, направленных на гармонизацию отношений человека с пространствами и временами его жизни [59, с. 22–25]. Исследователи фольклора отмечают важность понимания «ценностных оснований жизнедеятельности человека» с помощью изучения традиционной культуры. В любом случае, важным моментом становится внимание к «знакам» эпических и иных фольклорных произведений. Анализируя их и связанные с теми или иными аспектами жизни поверия, сказки и песни, ученые стремились осуществить их классификацию по категориям, отражающим современное ему представление о фольклорных жанрах и их предназначениях, взаимосвязях и особенностях в синхронической и диахронической перспективах.

С середины XIX в. фольклористика была поддержана татарскими просветителями, научное оформление же татарской фольклористики произошло к концу XIX в. Этот старт был активно поддержан поэтами и писателями, а также учеными: в начале XX в. татарское народное творчество изучали фольклористы

Х. Бадиги, Ф. Туйкин, Г. Рашиди, ученые-литературоведы Г. Баттал и Г. Рахим, поэты и писатели Г. Тукай, Г. Ибрагимов, Ф. Амирхан. Комплексное и целенаправленное изучение национального фольклора в жанровом отношении связано с серединой XX в. и с именами фольклористов И. Н. Надирова, Э. С. Касыймова, Ф. И. Урманчеева, Ф. В. Ахметовой, Т. Н. Галиуллина, М. Х. Бакирова, Х. Ш. Махмутова, Л. Ш. Замалетдинова, Р. Ф. Ягафарова, А. Х. Садековой, Р. М. Мухаметзянова, К. М. Миннуллина, реализовавших системный, жанровый и исторический подходы к изучению фольклора [61]. Одно из важных современных направлений исследования народных текстов связано с постмодернизмом и теорией культурного критицизма. Постмодернизм отмечает, что, хотя ученые часто воспринимают фольклорный текст как «первичную структуру», существующую на уровне народной культуры, сознания народа, но, как полагают сторонники литературного критицизма и постмодернистской ориентации, речь идет о совместном порождении: фольклор – это тексты, которые порождены одновременно и представителем народа – информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Исследователь организует, редактирует, интерпретирует, а иногда и «досочиняет» что-либо, чтобы «уложить» в свою «предконцепцию». Такого рода саморефлексия – понимание своего вклада в фольклор – очень важна: необходимость учета «возмущающего влияния наблюдателя» и импровизаций исполнителя-информатора сказывается уже в момент исполнения, особенно в «разговорных» жанрах типа «причитаний» и т. д., ритуальные формы фольклора часто перерастают в повседневно-бытовые, воспитательные и т. д. [52]. Поэтому контакт с исполнителем помогает «добиться» понимания фольклора как «естественного» текста: воздействие собирателя и исполнителя нужно учитывать изначально. Так, татарская фольклорная «демонология» выступает как многосоставная система, включающая не столько ряд персонажей, сколько систему основных мотивов и сюжетов, связанных со сферой «низшей» мифологии. Мифологический персонаж – набор скрепленных именем функций (ролей). Анализ

полевых материалов и опыт общения с носителями фольклорных знаний демонстрируют наличие заметной разницы между подходом собирателя, который строит свои вопросы о мифологических элементах традиции как о «существах», и логикой носителя традиции, который, прежде всего, характеризует персонаж через его основные функции и только во вторую очередь (обычно по «запросу» собирателя) осмысляет его как «существо», имеющее определенные признаки [30, с. 256]. Целая группа нецентральных персонажей, в отличие от духов-хозяев и «убыр» (падших душ – ведьм и сходных с ними существ, в которых вселяются эти души до или после смерти), лишена менее четко оформленной субстанциональности и характеризуется отсутствием определенного для каждой функции или совокупности функций названия, поэтому их называют обобщенно – «жен» [52].

Важным моментом исследований татарского фольклора является изучение сюжетов. «Произошедшие в прошлом и трансформировавшиеся в народном сознании в течение определенного времени исторические события, образы исторических персонажей, различные стороны народной культуры преломляются в свете сюжетной канвы и раскрывают перед нами в полной мере главную идею», – пишет Р. Ф. Уразалеев. Он также отмечает, что «фольклорные сюжеты не возникают на пустом месте, есть логический механизм их появления и бытования» [62, с. 126]. А. Н. Веселовский также писал, что «сюжеты – это сложные схемы, в образности которых обобщались известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [63, с. 170].

Кроме того, важно подчеркнуть идеологическую, мировоззренческую составляющую исследований фольклора [13; 15; 18; 19; 20], с которой связан его интерес к будущему человечества, его утопиям и антиутопиям, их проявлению в фольклоре разных этнических и социокультурных групп, ритуалам и деритуализациям. Исследования татарского и других видов национального фольклора показывают, что в процессе исследования исторической памяти необходимо опираться на представление о «тринар-

ности» структур сознания, т. е. важной роли общественных процессов в формировании и развитии идеологий индивидов и групп, и, кроме того, на представление об организующей роли исследователя как интерпретатора функционирующих в сообществе текстов. В процессе нарушенной культурной трансмиссии (нарушений исторической памяти) ценностный мир человека не успевает приспособливаться к изменениям в социально-бытовой сфере. Р. Райт назвал это «ловушками прогресса»: краткосрочное усовершенствование, которое в долгосрочном периоде превращается в регресс или культурный коллапс [64]. Унификация культуры есть ее разрушение, так, в современной цивилизации «вестернизация», ее ценности и модели, подаваемые как общечеловеческие, поглотила молодые культуры Европы и Америки и существенно трансформировала более древние – азиатские, тюркские, в том числе татарскую и индийскую, для которых это воздействие выливается в создание новых и лжекультур и религий, утверждающих, в отличие от традиционного татарского и тюркского фольклора и культуры в целом, не ценности взаимопомощи, любви, свободы и дружбы, нравственные ценности, поддерживающие жизнь человека, его здоровье и благополучие, семью, а ценности потребления и насилия. В итоге фольклор преобразуется не только формально, но и содержательно. Однако, поскольку татарская культура может быть отнесена к культурам старым, а сам народ всегда стремился сохранять самобытность, не входя в противоречие с другими культурами и эпохами, татарский фольклор сейчас имеет весьма хорошие шансы быть по достоинству оцененным и востребованным как в повседневности, так и в науке.

Заключение. Перспективы противостояния разрушению и забвению татарского фольклора и культурной трансмиссии ценностей татарского народа – в сохранении и изучении татарской культуры и, в том числе, фольклора, собирающего истинно народную мудрость, включая опыт совладания с самыми страшными, трагическими событиями, физическими и «культурными» событиями прошлого, – необходимое условие выживания человека, его рода, его нации, человечества. Историческая память татар –

важная часть жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество способно не повторять ошибок и трагедий прошлого. Исследование народной памяти татар, помимо восстановления и признания ценности прошлого, имеет прямую перспективистскую функцию, выступая как база татарской народной педагогики. В этой перспективистской функции видится основная ценность исследований народной татарской культуры, фольклора, быта и жизни народа в целом.

В существующих исследованиях татарского фольклора часто весьма выпукло представлены и удачно реализованы попытки структурировать и осмыслить фольклор татарского народа и тюрков в целом, раскрыть его духовно-нравственное содержание как непосредственного участника процесса воспитания и культурной трансмиссии [61; 65–69].

Особое внимание в современной филологии уделяется исследованиям роли фольклора в духовной культуре, в обрядах календарного и жизненного циклов (Л. А. Ниязова и Б. С. Ниязова; Ю. Н. Елезарова и М. Р. Саттарова; Т. Б. Усеинов), изучаются анимистические и тотемические верования тюрков Евразии (А. Р. Фэхрутдинова; Ф. А. Исхакова; Е. В. Федотова; Г. С. Ханова; Г. В. Юлдыбаева). Активно привлекается как архивный, так и полевой материал для полноценного изучения вопросов этногенеза и культурогенеза, этнической и религиозной истории татар (А. Д. Падюкова, А. Т. Агджоян, Д. О. Долинина, М. Б. Лавряшина, М. А. Кузнецова, Р. А. Схаляхо, О. А. Балаганская, М. В. Ульянова, З. А. Тычинских, О. П. Балановский, Е. В. Балановская; М. Р. Зазулина; А. В. Чичулин, К. А. Сомов, С. В. Сомова; Л. Х. Фаизова; Ю. У. Сафаралеева; Г. С. Хисаметдинова, А. С. Сарсамбекова, С. К. Ботбайбекова и Е. С. Сарсамбеко; Д. М. Исхаков; Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябинина, Я. Г. Солодкин и др.) [66].

В современной литературе и искусстве татар традиции фольклора и художественных произведений сохраняются и по форме, и по содержанию, являясь важным компонентом

исторической памяти и культурной трансмиссии народа. Неслучайно поэтому, что одной из характерных черт татарской поэзии и литературы в целом XX и XXI вв. является то, что заметное развитие получают поэмы, сказки и сходные с ними жанры: происходит развитие национальной культуры, для которой свойственно философское осмысление мира, целостное видение себя в историческом и пространственном континууме (времен и народов). Развиваются и авторские этнические сказки, опирающиеся на традиционные для народных татарских эпосов и сказаний ценности и структуры. Однако, хотя искусство и литература сибирских, поволжских, крымских и иных татар имеют свою многовековую историю, относительно хорошо изученной является лишь литература и искусство XIX в., многие фольклорные шедевры татар, особенно небольших этнических подгрупп, утрачены или известны в упрощенных обрывочных вариантах, носителей фольклорной культуры в народе также становится все меньше. Ряд более ранних произведений, дошедших до ученых и относящихся к XIV–XV вв. («Казань баите», «Ханэке Султан» и т. д.), искусство доисламского периода, содержат много важной исторической и иной информации, что еще раз подчеркивает обширность утерянного и требующего исследования-восстановления фольклора булгар. Важно также отметить, что исторические, этнографические исследования, обращенные к анализу мировоззренческих, идеологических аспектов человеческого бытия, являются, по сути, «пограничными» с социологическими, социально-политическими. Поэтому перспективы исследования фольклора и других «памятников» и примеров народной культуры татар тесно связаны именно с интеграцией наук, сочетанием исторических, филологических и иных подходов и методов исследования.

Список источников и литературы

1. Еникеева А. Р. Татарский фольклор как феномен народной культуры и основной ресурс этнопедагогики // Вестник Казанского ГУКИ. 2013. № 1. С. 81–85.
2. Макаров Н. К. К вопросу об изучении татарского музыкаль-

но-инструментального искусства позднего Средневековья // Материалы научной конференции Казанской государственной консерватории «Музыкальная наука Среднего Поволжья. Итоги и перспективы». Казань : КГК, 1997. С. 80–91.

3. Садекова А. Х. Татарские мунаджаты в типологическом освещении // Типология татарского фольклора. Казань : Татар. кн. изд-во, 1999. С. 48–51.

4. Антонов Е. В., Раевский Д. С., Чвырь Л. А. Традиционная культура: содержание, понятия и этапы эволюции // Культурное наследие народов Востока и современная идеологическая борьба. М., 1987. С. 24–26.

5. Арзамасцев М. П. Несколько преданий чувашей и татар Чебоксарского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Т. 3. С. 285–290.

6. Баязитова Ф. С. Гомсрнен оч туге : Татар халкынын гаилэ йоллары. Казан : Татар. кит. нэшр., 1992. 295 б.

7. Бэширов Г. Сайланма эсэрлэр : Горэф-гадэт законнан олкэнрэк. Т. 2. Казан : Татар. кит. нэшр., 1965. 327 б.

8. Бадигый Х. Сайланма хезмэтлэр. Казан : Иман, 2001. 256 б.

9. Березин И. Н. Народные пословицы турецкого племени // Библиотека для чтения. 1856. Март-апрель. Т. 136. С. 79–107, 83–116.

10. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань : Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.

11. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитах и Монголо-Татарах // Записки Императорского Археологического общества. Т. XIII. СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1859. 237 с.

12. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : АСТ, 2004. 656 с.

13. Гумилев Л. Н. Черная легенда : сборник. М. : АЙРИС-ПРЕСС, 2015. 576 с.

14. Еникеев Г. Р. По следам черной легенды: правда и ложь о татарах России: истоки, причины, авторы. М. ; Н. Новгород : Медина, 2009. 464 с.

15. Еникеев Г. Р. Корона Ордынской империи, или Татарского ига не было. М. : Алгоритм, 2012. 432 с.

16. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л. : Наука, 1979. С. 401–407.

17. Жәлил М. Шигыръләр (1941–1942). Казан : Татар. кит. нәшр., 1976. 592 б.
18. Залялиев Ш. Ш. Татарская народная педагогика (на тат. яз.). Казань : Магариф, 1997. 175 с.
19. Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Филология и культура. 2010. № 20. С. 73–78.
20. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Казан, 1959. Т. 1. 959 б. ; 1963. Т. 2. 800 б. ; 1967. Т. 3. 780 б.
21. Ислам в исторической культуре татарского народа. Казань : Школа, 2000. 203 с.
22. Исхаков Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань : Иман, 1997. 80 с.
23. Исхакова-Вамба Р. А. Татарские народные песни. М. : Советский композитор, 1981. 190 с.
24. Исәнбәт Н. Отканга мәкаль, тапкырга табышмак. Казан : Татар, кит. нәшр., 1973.
25. Катанов Н. Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман. Казань, 1898. 4 с.
26. Катанов Н. Ф. Исторические песни казанских татар. Казань : ИОАИЭ, 1899. Т. XIV. Вып. 3. С. 273–306.
27. Каюмова Э. Борынгы да, моңлы да // Милли-мәдәни мирасыбыз: актаныш. Казан : Г. Ибраһимов исем. тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2010. Б. 267–319.
28. Замалетдинов Л. Ш. Замалетдинов Л. Татарские народные сказки // Идель. Казань, 1999. № 4. С. 34–37.
29. Матвеева Н. П. Забытая столица // Археологические прогулки по Тюмени / Н. П. Матвеева, А. В. Матвеев, В. А. Зах. Тюмень : ИПОС СО РАН, 1994. 88 с. URL: http://itexts.net/files/get_book.php?f=txt.zip&file_name=matveeva-natalya-arheologicheskie-puteshestviya-potyumeni-i-ee-okrestnostyam-234640&e=zip (дата обращения: 10.09.2017).
30. Маадай Кара. Алтайский героический эпос / сост. С. С. Суразаков. М. : Наука, 1973. 465 с.
31. Мугтасимова Г. Р. Лексика татарских народных пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 25 с.
32. Насыри К. Избранные произведения. Казань : Татар. кн. изд-во, 1977. 220 с.
33. Насыров А. К., Поляков П. А. Сказки казанских татар в сопоставлении их со сказками других народов. Казань : ИОАИЭ, 1900. Т. 16. Вып. 4–6. С. 1–112.

34. Нигъмэтжанов И. Татар халык жырлары. Казан, 1976. 13 б.
35. Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. М. : Советский композитор, 1982. 135 с.
36. Нигмедзянов М. Татарская народная музыка. Казань, 2003. 255 с.
37. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 2005. 1025 с.
38. Скрынников Р. Г. Ермак. М. : Молодая Гвардия, 2008. 256 с.
39. Тукай Г. Избранные стихи. Казань : Таткнигоиздат, 1940. 93 с.
40. Тукай Г. Шигыръләр, әкиятләр, поэмалар / Төз. Р. Даутов. Казан : Татар. кит. нәшр., 1990. 255 б.
41. Хозяин Эуштинского леса : сказка // Татары Западной Сибири: история и культура / Ф. Т. Валеев, Н. А. Томилов. Новосибирск : Наука, 1996. С. 209–221.
42. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство : Типология и этническая специфика. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.
43. Ревуненкова Е. В. О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии : (Шаман – певец – сказитель) // Фольклор и этнография : У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. : Наука, 1984. С. 36.
44. Сагалаев А. М. Сказитель и шаман в традиционной культуре // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. «История. Филология и философия». Новосибирск, 1985. Вып. 2. С. 56–94.
45. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 240 с.
46. Сагалаев А. М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатское влияние. Новосибирск, 1984. 280 с.
47. Садалова Т. М. Сказки в системе жанров алтайского фольклора // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1. С. 50–53.
48. Сибирские татары : сб. ст. под ред. С. В. Суловой. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2002. 240 с.
49. Садыкова Л. Р. Каюм Насыири – основоположник татарского литературного языка // Лингвистические исследования : сб. науч.-метод. работ/ под общ. ред. Н. В. Габдреевой, Г. Ф. Зиннатуллиной. Казань : Изд-во гос. техн. ун-та, 2008. С. 65–70.
50. Татар халкының балалар фольклоры / Төз. Н. Исәнбәт. Казан : Татгосиздат, 1941. 188 б.

51. Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр / Томны төзүче, кереш мәкалә язучы, искәрмәләр эзерләүче Х.Ш. Мәхмүтов. Казан : Татар. кит. нәшр., 1987. 592 б.

52. Татар халык ижаты. Фәнни эзләнүләр һәм фольклор үрнәкләре (фәнни конференцияләр материаллары жынтыгы) / Ф.Х. Жәүһәрәва ред. Казан : Ихлас, 2011. 6 китап. 200 б.

53. Татар халык ижаты: балалар фольклоры / Төз. Р.Ф. Ягъфәров. Казан : Татарстан китап нәшрияте, 1993. 336 б.

54. Тукай Г. Избранное : Стихотворения. Поэмы. Сказки. Стихотворения для детей / пер. с татар. ; сост. Р. Бухараев. М. : Худож. Лит., 1986. 239 с.

55. Тукай Г. Стихотворения, поэмы и сказки. Казань : Татар. кн. изд-во, 1986. 415 с.

56. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Русская литература : ученые записки Ленинградского университета. № 339. Серия филологических наук. Вып. 72. Л., 1968. С. 5–25.

57. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.

58. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М. : Наука, 1989. 233 с.

59. Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 18–30.

60. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1967. 341 с.

61. Ямалтдинов И. И. Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX в. Собрание, публикация и научное изучение фольклора. Казань : ИЯЛИ, 2016. 184 с.

62. Бакиров М. Х. Татарский фольклор. Казань : Ихлас ; КФУ. 2012. 399 с.

63. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Русское устное народное творчество : хрестоматия по фольклористике. М. : Высш. шк., 2003. 710 с.

64. Корусенко С. Н. Историческая память сибирских татар: информативность и достоверность // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : РАН ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2003. С. 108–110.

65. Маликов Р. Ш., Газизова Ф. С. Педагогика детства в татарских

народных традициях // В мире научных открытий. Гуманитарно-общественные науки. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2013. № 9 (45). С. 276–287.

66. Сулеймановские чтения (девятнадцатые) : всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием «Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях» (Тюмень, 20 мая 2016 г.) : труды и материалы / под ред. Х. Ч. Алишиной. Тюмень : Печатник, 2016. 342 с.

67. Татарское народное творчество: обрядовые и игровые песни. Казань : Тат. кн. изд-во, 1980. 500 с.

68. Уразалеев Р. Ф. Жанры и сюжеты фольклорной сказочной прозы курдакско-саргатских и тарских татар // Народная культура Сибири : материалы XXIII науч.-практ. семинара Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2015. С. 126–132.

69. Ханбиков И. Я. Из истории педагогической мысли татарского народа. Казань : Татар. кн. изд-во, 1967. 232 с.

РЕФОРМАТОР НА СИБИРСКИХ ЛИНИЯХ

С. Р. Муратова

Россия, Тобольск,

Тюменский государственный университет

В данной статье анализируется деятельность на пограничных линиях юга Западной Сибири в XVIII веке командующего Сибирским корпусом И. И. Шпрингера. Автор уточняет факты из биографии генерала немецкого происхождения, приводит доказательства, характеризующие его как реформатора, снискавшего уважение со стороны руководства и подчиненных как человек, способный умело решать социально-политические, экономические и культурные вопросы организации жизни на границе. Уделяется внимание характеристике его компетенций как военного инженера, проявившихся при строительстве новых участков пограничных линий и в период реконструкции старых. Приведен анализ форм конструктивных решений укреплений, используемых на границе Западной Сибири.

Ключевые слова: Сибирские линии, И. И. Шпрингер, крепость, граница, Западная Сибирь.

This article analyzes the activities on the border lines of the south of Western Siberia in the XVIII century, the commander of the Siberian corps I.I. Springer The author clarifies the facts from the biography of a general of German origin, cites evidence characterizing him as a reformer, who gained respect from the leadership and subordinates as a person who is able to skillfully solve social, political, economic and cultural issues of organizing life on the border. Attention is

paid to the characterization of his competencies as a military engineer, manifested in the construction of new sections of border lines and in the period of reconstruction of old ones. The analysis of the forms of constructive solutions of fortifications used on the border of Western Siberia is given.

Keywords: Siberian lines, I.I. Springer, fortress, border, Western Siberia.

Во второй половине XVIII в. наступает реальная угроза потери территориальных приобретений, сделанных на юге Западной Сибири. Главной угрозой для России были процессы, связанные с противостоянием здесь джунгар, китайцев и казахов. С середины 40-х гг. до конца 60-х на юге Западной Сибири были возведены пограничные укрепления общей протяженностью 2276,8 км и получившие название Сибирских линий.

Сибирские линии, сооруженные в середине XVIII в., явились частью общероссийских пограничных оборонительных сооружений и состояли из трех частей, получивших в истории свои названия: Иртышская (1745–1752), Тоболо-Ишимская (1752–1755) и Кольвано-Кузнецкая (1747–1768).

Во главе регулярных войск, которые осуществляли охрану границ на Сибирских линиях, стоял командующий этими линиями. В разное время, начиная со строительства Иртышской и Тоболо-Ишимской линий в середине XVIII в. и во второй половине столетия, командующими на Сибирских линиях были: Х. Т. Киндерман, И. И. Веймарн, К. Л. Фраундорф, И. И. Шпрингер, С. К. Станиславский, Н. Г. Огарев, Г. Э. Штрандман. Роль русских офицеров немецкого происхождения на службе России на территории Сибирских линий значительна. Они оставили свой заметный след в истории Сибири. Каждый из них внес свой вклад в надлежащую организацию охраны границ юга Западной Сибири и в расширение границ Отечества и освоение приграничных территорий.

Ролью И. И. Шпрингера в военной истории Западной Сибири интересовались в рамках своих исследований А. А. Дмитриев [4], коллектив авторов во главе с П. П. Вибе [3].

Мы также ранее описывали деятельность командующих Сибирскими линиями и обращались к деятельности И. И. Шпрингера [8; 9]. Данное исследование будет посвящено анализу деятельности Ивана Ивановича Шпрингера. Будучи выходцем из остзейских дворян, он в 1763 г. Екатериной II был назначен командующим Сибирским корпусом, расквартированным на южной границе Западной Сибири.

Получив Инструкцию от Екатерины II, которая давала ему большие права и ставила его в совершенную независимость от Сибирского губернатора и Губернской канцелярии, в 1763 г. прибыв в Омск, энергично приступил к своей деятельности. Инструкция была не только руководством к действию, но еще и давала ему некоторую долю власти по отношению к пограничным делам в политическом и торговом смысле [7, с. 145; 8, с. 51–52].

Приехав в 1763 г. в Тобольск, Шпрингер занялся исследованием сибирской вооруженной границы. Определил назначение Омской крепости как резиденции главного начальника Сибирских пограничных войск. В 1763–1771 гг. командовал Сибирским корпусом и войсками на Сибирских линиях. С 1764 г. в подчинении у генерал-поручика Шпрингера находились четверо генерал-майоров. Они командовали отдельными бригадами в Петропавловской, Усть-Каменогорской и Бийской крепостях, а также в Селенгинске. В период переброски регулярных военных частей на границы И. Шпрингер высказывал авторитетное мнение по вопросам их дислокации на южной границе Западной Сибири, но безуспешно пытался повлиять на решение Военной коллегии [10, л. 29–35].

Строительство новой линии на Алтае было необходимо потому, что территория южнее Усть-Каменогорска интересовала Россию не только из-за того, что там жили племена, состоящие с ней в даннических отношениях и от ясака которых постоянно пополнялась казна. Эти земли были богаты полезными ископаемыми и природой. Но возможности быстрого освоения этих земель также были ограничены. Несмотря на это, правительство всячески пыталось закрепить за собой эти земли и не уступать Китаю. В этих целях оно периодически отправляло маленькими партиями экспедиции на Алтай. В инструкции этим первопроходцам со-

ветовалось ставить в разных местах своего пути избы и создавать вид, что эти земли осваиваются Российским государством. Так наше государство пыталось закрепиться на Алтае.

Первые осмотры этой территории, составленные карты и проекты прокладки новой пограничной линии, проведенные еще в 50-е гг. XVIII в., так и остались нереализованными. Только по прибытию на Сибирские пограничные линии И. И. Шпрингера в начале 60-х гг. XVIII в. начались работы по претворению в жизнь идей, заложенных еще во времена Неплюева и Сухарева, Соймонова и Вемарна.

Составленные ранее карты этой местности и проекты считались уже устаревшими, поэтому в 1764 г. уже под руководством И. И. Шпрингера земли южнее Колывано-Воскресенской линии были обследованы вновь и, как говорится в документе, были определены две новые дистанции новой линии:

- первая от усть-каменогорской крепости вверх по реке Ульбе, речке Бобровке, через реки Большая Уба, Алей и Тигирек до Чарыша;

- вторая – от реки Чарыша, через реки Ануй, Каменка, Катунь и Бия до Новиковского форпоста [10, л. 15].

Опись новопроектируемой линии представлена в таблице 1 [10, л. 28]. Осмотр новых территорий позволил описать новые территории, удобные для заселения с заведением хлебопашества, определить траекторию развития инфраструктуры на новых землях.

Таблица 1. Укрепления, назначенные для строительства после проведенного осмотра пограничных укреплений от крепости Усть-Каменогорска до Новиковского форпоста

Крепости	1
Форпосты	6
Редутов	2
Защит	10
Маяков	7

К постройке назначенной Колывано-Кузнецкой линии приступили уже в 1764 г. Она шла от Усть-Каменогорской крепости до Кузнецка. Особенность была в том, что на ней остались ранее построенные три крепости (Ануйская, Катунская, Бийская), а в остальном линия состояла только из форпостов (Верхалейский, Тигерецкий, Чарышский, Антоньевский, Николаевский, Сайдыпский, Кузедеевский), защит (Бобровская, Убинская, Плоская, Белорецкая, Тулатинская, Моральих Рог, Терская, Смоленская), маяков (Ульбинский, Ключевский, Яровский, Сосновский, Слуденский, Бехтемирский, Новиковский, Лебяжий, Сайлапский, Нижнененинский, Урунинский, Кайраканский, Верх-ненинский, Сарычумышский) и полумаяков (Пыштымский, Кандалепский) [8, с. 91].

Дело в том, что проектируемая линия 60-х г. должна была пройти южнее крепостей Ануйской, Катунской, Бийской и состоять, в основном, из маяков, форпостов и защит. Строительство новых крепостей, южнее имеющих, посчитали неэкономичным. К тому же местность, по которой проходила Колывано-Кузнецкая линия, была гористой и пересечена множеством рек, такими как Ульба, Уба, Алея, Чарыш, Катунь, Бия. Эти свойства местности стали главной причиной при принятии решения о строительстве линии, состоящей в основном из отдельных укрепленных постов. Военные команды при таком положении были бы вынуждены из крепостей совершать походы на новые укрепления линии и осуществлять там разезды. Правительство посчитало такую организацию невыгодным делом. Поэтому, как мы обнаружили, линия прошла от Усть-Каменогорска до форпоста Чарышского, оттуда свернула на старую линию через вновь построенные маяк Сосновский, защиту Маральих Рог, маяк Слуденский, форпост Антоньевский на форпост Николаевский и далее через крепости Ануйскую, Катунскую и Бийскую прошла по старой Колывано-Воскресенской линии. Вследствие этого Колывано-Кузнецкая линия конца XVIII в. имела иной вид, нежели планировалось.

Карта пограничных линий (Иртышской, Колыванской и Кузнецкой) от 30 ноября 1765 г. свидетельствует о том, что стро-

ительство вновь назначенной линии только начиналось. На этой карте отмечены редут Секисовский, защита Белорецкая, редут Чагирский и еще несколько укреплений без названия, которые в будущем стали частью новой линии.

Вверх по реке Бии выстроили следующие маяки: Лебяжий, Солонский и Сандыпский, которые приблизили русских военных людей к Телецкому озеру. В 1768 г., по предложению Шпрингера, для защиты дороги, идущей до Кузнецка, прибавили маяки Нижнененинский, Урунинский, Кайраканский, Верхнененинский и Сарычумышский, которые проложили через болотогористое чернолесье на 132-верстном расстоянии между форпостами Новиковским и Куздеевским. Из вышесказанного следует, что строительство Колывано-Кузнецкой линии могло закончиться в 1768 г.

Охрану территории за линией, населенной алтайцами, и в которой была заинтересована Россия, решили осуществлять казачьими пикетами.

При И. И. Шпрингере проводились работы по постройке новых крепостей и перестройке старых. К примеру, в ходе работ по строительству на Колывано-Кузнецкой линии в 1764 г. Бийская крепость была перенесена на другое, удобное, место. В 1766 г. была вновь отстроена Усть-Каменогорская крепость, поврежденная при пожаре. И. Шпрингер о своем решении докладывал в Сенат: «вся уже та крепость огнем побеждена, без укрепления оставить невозможно» [11, л. 136].

В 1767 г. при И. Шпрингере был создан проект новой Омской крепости для строительства ее на правом берегу р. Оми, а в 1768 г. были начаты работы по ее возведению. Омская крепость имела 3 бастиона и 2 полубастиона, 2 малых полубастиона, в промежутках между бастионами укреплялись рavelинами [12, л. 1].

Еще в 1760 г. форштадт и крепостные укрепления Ямышевской крепости пострадали при пожаре. Майором Петрулиным была подготовлена смета на строительство, план новой крепости и подана на рассмотрение И. И. Вемарну и К. Л. Фрауендорфу. После осмотра И. И. Шпрингером в 1764 г. отстроенной новой Ямышевской крепости были сделаны ценные замечания для при-

ведения в нужный порядок укреплений крепости. Шпрингер заметил, что земля, на которой построено укрепление, песчаная, поэтому рвы, выкопанные вокруг крепости, часто задувает и через год кажется, что их вообще и не было. Командующий заметил, что и лес, использованный при строительстве не высокого качества, требующий постоянной замены. Все это требовало постоянного внимания со стороны тех же военных, которые не только несли службу по охране границы, но и должны были заботиться о надлежащем состоянии укреплений. Поэтому И. Шпрингер требовал профиль бруствера и гласиса обложить фашинами, вбивая песок с навозом, таким образом закрепляя склонную к осыпанию песчаную землю [11, л. 120–120 об.].

По инициативе и под непосредственным руководством И. И. Шпрингера во второй половине 60-х гг. проводилась перестройка укреплений и на Тоболо-Ишимской линии. Для этого был также проведен осмотр укреплений этой линии и составлены проекты укреплений, которые в 1765 г. были отправлены в Сенат и Военную коллегия для принятия решения. Для реконструкции Тарской и Ишимской дистанций Тоболо-Ишимской линии были предложены проекты планов крепостей в 4, 5 и 6 полигонов, редутов с профилями и башнями [13, л. 1].

Иван Иванович Шпрингер показал себя на Сибирских линиях хорошим организатором, руководителем и хозяином. Его компетентность в области фортификации и военного дела позволила в период руководства им Сибирскими линиями привести их в надлежащий порядок, провести реконструкцию старых участков линий и построить новые, обосновав их необходимость. Ответственное отношение к своему делу, желание заботиться не только о нуждах Отечества, но и о простых воинах позволили ему оставить о себе память в деле реформирования службы казаков на границе. С именем И. И. Шпрингера связывают образование Сибирского линейного казачества.

Он представил в Сенат и Военную коллегия свое мнение о необходимости образования в Сибири казачьего войска, которое предполагал содержать по особому штату. Шпрингер был обесп-

коен тем, что «казаки употребляются вахтерами при крепостных цейхгаузах и магазинах, надсмотрщиками при продаже соли и на ветряных, водяных мельницах, содержат почты, развозят письма и казенную корреспонденцию». В зимнее время почти постоянно они командировались для сгона в степь киргиз-кайсацких табунов, которые ночью проникали за внутреннюю сторону линии. Сплавляли провиант до Тобольска, разгружали барки с хлебом и развозили его по форпостам на собственных лошадях. Весной, при разливе, бедные казаки, сплавляя дощаники с провиантом, шли по пояс в воде, от чего их одежда приходила в негодность. Вследствие этого они, полунагие, приобретали различные болезни. Ежегодно казаки работали на заготовке соснового леса. Вырубленный лес на их же лошадях доставлялся к реке и сплавлялся ими же до места назначения. Кроме того, труд казаков, исключая пахотных, использовался при исправлении и сооружении крепостей, форпостов и редутов. Ко всему прочему, казаки должны были сами заготовить сено для своих лошадей и доставить к местам расположения их команд. Ко всем трудностям казачьей жизни присоединяется еще то, что, находясь в отдаленных местах, они не могли из-за дороговизны продуктов достаточно их приобретать. Провиант за службу они получали не мукою, а зерном. Поэтому, не имея мельниц, каждый казак в свободное от работы время молол отпущенное ему зерно ручными жерновами. Если же не хватало на это времени, то нанимал для помола зерна на последние деньги жен, детей драгунов или же свободных обывателей. Из-за чего казакам иногда не на что было купить даже соли [15, с. 53–55].

Шпрингер, не желая окончательного ослабления линейных казаков в Сибири, ходатайствует перед правительством об увеличении числа казаков и образовании местного пятитысячного казачьего войска с тем, чтобы оно укомплектовывалось из внутренних сибирских городов. Он пишет в доношении: «...отсылать находящихся во внутренних городах поныне почти праздно и без всякой службы казаков с женами и детьми на тамошние линии Сибирской губернии. Но губернатор Чичерин отписывает всякие

невозможности...» Городовых казаков набиралось лишь две тысячи, остальных губернатор предполагал набрать через проведение рекрутских наборов. Но этот вопрос могла разрешить лишь Военская комиссия, т. к. он касался еще и гражданского дела. Орскую тысячную и башкирскую пятисотную команды Шпрингер предлагал вывести из края и этим избавить их от дальних и продолжительных командировок [7, с. 128–129; 8, с. 51–52].

Все годовое содержание казачьего войска, считая провиант и фураж, должно было обходиться казне в сумму около 99 244 рублей. Шпрингер ходатайствовал и об отмене у казаков казенного хлебопашества [15, с. 56–58]. Его экономические компетенции проявились в том, что по приезду в Сибирь он отдает приказ составить ведомость об урожаях, собранных на всех линиях с 1746 по 1763 г. По ней была выявлена особо низкая урожайность на Колывано-Кузнецкой линии, средние показатели были по Иртышской линии и самые лучшие результаты, в сравнении с первыми, были на Тоболо-Ишимской линии [2, с. 176–177]. Он в 1765 г. доносил в Сенат, что «все то заведенное на линиях казенное хлебопашество никакого плода казне не приносит кроме убытку... казаки от наложенных на них означенных обязанностей неизреченно обременены...» [2, с. 178].

Все вышепредложенное хотя и не было полностью осуществлено, но послужило руководством для последующих распоряжений правительства, касающихся улучшения службы сибирских казаков. В 1768 г., 22 октября, последовало распоряжение Сената по указу Екатерины II, в котором говорилось: «в городах оставить роты и батальоны, а казаков отправить на линии, определив им жалование и штат». Но по дальнейшим документам мы наблюдаем, что в Сенате относительно принятия конкретных решений была волокита и на местах не все распоряжения спешили выполнять. Поэтому Шпрингер уже в апреле 1769 г. рапортовал в Сенат о невозможности до конца укомплектовать казачьи команды. Трудности по организации охраны границ были еще связаны с тем, что два пехотных полка (Селенгинский и Томский) и по одному эскадрону из восьми драгунских полков были отправлены

в поход до Казани в связи с войной. Начальник Сибирских линий просил рассмотреть Сенат сложившуюся сложную ситуацию на границе [7, с. 128–129; 8, с. 51–52].

Поставленный Шпрингером перед Сенатом вопрос слушался 4 июля 1769 г., после чего последовал указ. Из Воинской комиссии 24 июля 1769 г. Григорий Разумовский рапортовал в Сенат о необходимости для содержания крепостей, форпостов и редутов на Сибирских линиях учредить 5 нерегулярных полков, каждый по одной тысяче человек, два из которых уже были укомплектованы. В дальнейшем вопрос о нерегулярных войсках велено было решать на месте, т. к. из-за войны заниматься им в столице было некогда [7, с. 128–129; 8, с. 51–52].

Деловые качества руководителя отразились в принятых И. Шпрингером решениях в 1765 г. в крепости на Сибирских линиях определить комендантов: в Омскую – полковника, в помощь ему плац-майора и 3 писарей; в Железинскую, Ямышевскую, Семипалатную, Усть-Каменогорскую, Бийскую, Святого Петра и Пресногорьковскую – «майорских чинов по 2 писаря». До комендантов в этих крепостях дела вели штаб-офицеры. Их постоянно перебрасывали вместе с войском в другие крепости, «поэтому дела не в состоянии были разбирать, отговаривались» [14, с. 150–151]. Коменданты представляли местную администрацию: занимались как проблемами управления служилыми людьми, так и вопросами сбора ясака с подданных, кочующих в приграничной полосе, и судопроизводством среди них [7, с. 120–121].

Коменданты крепостей получили сочиненную Шпрингером инструкцию для более надежного обеспечения безопасности линии от набегов казахов и о внутреннем устройстве крепостей. В 12-м и 13-м параграфах инструкции предписывалось не допускать казахов кочевать ближе 10 верст от линии. Так появилась 10-верстная полоса, тянувшаяся по левому берегу р. Иртыша и вдоль Тоболо-Ишимской линии до Звериноголовской крепости. Площадь этой десятиверстной полосы достигала до 18 500 квадратных верст, и на всем ее протяжении с внешней стороны были выставлены рогатки, которые делались из срубленных деревьев,

воткнутых в землю на $\frac{1}{2}$ арш. Для наблюдения за целостностью рогаток выставлялись казачьи пикеты верст на десять один от другого. В случае прорыва киргизами рогаток подавался сигнал посредством зажигания соломы на высоких шестах. На правом берегу Иртыша, т. е. с внутренней стороны линии, обыватели не должны были выходить за промыслом далее 40 верст от линии, а крестьянам запрещалось селиться к крепостям и форпостам ближе этого расстояния [15, с. 58–59].

На комендантов 18-й параграф инструкции возлагал также наблюдение за школами. Он доказал, что солдатские дети, находящиеся на линиях, не могут попасть в гарнизонные школы Тобольска и Томска [1, с. 158–159]. Поэтому в середине XVIII в. школы типа гарнизонных создаются в крепостях Иртышской линии.

В 1765 г., по ходатайству И. И. Шпрингера, Военная коллегия разрешила открыть гарнизонные школы в Омской, Ямышевской, Бийской и Петропавловской крепостях (до этого в этих крепостях школы действовали неофициально и обучали в них лишь солдатских детей). По штату, в этих школах должно было обучаться 450 учащихся (150 – в Омской и по 100 в остальных крепостях) из детей солдат и казаков. К 1767 г. в школах насчитывалось 176 детей казаков и 227 детей драгунов и солдат (табл. 2).

Таблица 2. Количество детей служилых людей на Сибирских линиях, обучающихся в гарнизонных школах [5, с. 237]

Названия крепостей	Детей казаков	Детей драгун и солдат
Омская	75	71
Ямышевская	30	69
Бийская	40	60
Петропавловская	31	27
ИТОГО	176	227

Обучали в гарнизонных школах военному делу, элементарной грамоте и различным ремеслам. Так, в Омской гарнизонной школе учили «воинскому артикулу», «солдатской экзерциции», чтению, письму, часослову, псалтырю, арифметике и геометрии, а «нерадивых» и «непонятливых» переводили в полки для обучения слесарной, столярной, сапожной и другим специальностям. Сын кузнецкого казака Н. Казаков, просивший в 1763 г. о поверстании его в казачью службу на место умершего отца, писал, что с 1 июля 1758 г. он учился в Тобольской гарнизонной школе «псалтыри и писал писменный склад, а 761 г. генваря с 19 находится в предеиной науке» (учится прядь) [5, с. 236–237].

В 1764 г. в Омске И. Шпрингер совместно с военным инженером И. Г. Андреевым стали инициаторами открытия провинциального театра, или, как его тогда называли, «оперного дома», где «чинили представления разных трагедий и комедий» [3, с. 34]

Таким образом, Иван Иванович Шпрингер в силу данной ему Инструкции от Екатерины II обладал на Сибирских линиях большими полномочиями. Поэтому им были проведены большие преобразования, которые оставили заметный след в истории Сибирских линий, истории Сибирского казачьего войска. Он, обладая своей неумной энергией, возможностями провел большие реформы. В 1767 г. был награжден орденом Св. Александра Невского. Его, несомненно, можно считать одним из реформаторов жизни на южной границе Западной Сибири, а его роль в истории Западной Сибири заметной и значительной.

Список источников и литературы

1. Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов и Сенатским архивом. Т. IV. Екатерининское время. СПб. :Военная типография, 1887. 308 с.

2. Васина И. И. Причины и цели организации расселения отставных солдат, драгун и казаков по южно-сибирским укрепленным линиям во второй половине XVIII века // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения : сб. материалов V Регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. И. В. Курышева,

А. А. Любимова. Ишим : Тюм. гос. ун-т, 2014. С. 174–181.

3. Вибе П. П., Ремнев А. В., Ремпель Е. В. Немцы в Сибири на государственной службе Российской Империи // История и этнография немцев в Сибири : коллективная монография. Омск : Омск. гос. истор.-краевед. музей, 2009. С. 28–46.

4. Дмитриев А. А. Организационные изменения в составе контингентов русской регулярной армии в Сибири (конец 1750-х – 1760-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». Новосибирск : Новосиб. национ. исслед. гос. ун-т, 2013. Т. 12. № 8. С. 80–88.

5. История казачества азиатской России : в 3 т. / [Рос. АН, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии] ; гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : НИСО Уро РАН, 1995. Т. 1 : XVI – первая половина XIX века / редкол.: Н. А. Миненко (отв. ред.) и др. Екатеринбург : НИСО Уро РАН, 1995. 316 с.

6. Каменецкий И. П. Командующие войсками Сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири (1744–1819 гг.) // Военно-исторический журнал. М. : Ред.-изд. центр «Красная звезда» Министерства обороны РФ, 2017. № 10. С. 81–87.

7. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства. Ч. 3. СПб., 1861. С. 145.

8. Мурагова С. Р. На страже рубежей Сибири : Строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007. С. 51–52.

9. Мурагова С. Р. Служба немцев на южных границах Западной Сибири в XVIII в. // AUS SIBIRIEN – 2015 : науч.-информ. сб. / отв. ред. А. П. Ярков. Тюмень : Тюм. гос. ун-т, 2015. С. 106–110.

10. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1382. Л. 29–35.

11. РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 83. Л. 136.

12. РГВИА. Ф. 349. Оп. 40. Д. 376. Л. 1.

13. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 171–182. Л. 1.

14. ПСЗРИ. Т. 17. № 12410, 1765 г. С. 150–151.

15. Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории / сост. есаул Н. Г. Путинцев. Омск : Тип. Окр. штаба, 1891. [4], IV, 256, VIII с.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АНОК – автономная некоммерческая организация культуры

БАЭ – Богучанская археологическая экспедиция

ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция

ГАОО – Государственный архив Омской области

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра

ГАУК ТО – государственное автономное учреждение культуры Тюменской области

ГБУТО «ГА в г. Тобольске» – государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ГИИНС – Государственное издательство иностранных и национальных словарей

ГИМ – Государственный исторический музей

ГУКИ – Государственный университет культуры и искусств

ГУК ТО – государственное учреждение культуры Тюменской области

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИФ СО РАН – Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы Академии наук Республики Татарстан

КГУ – Казанский государственный университет

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

МГУ – Московский государственный университет

НАН Украины – Национальная академия наук Украины

НА ТИАМЗ – научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

НА ТКНС УрО РАН – научный архив Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИСО УрО РАН – Научно-издательский совет Уральского отделения Российской академии наук

НКВМФ СССР – Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР

НПО «Северная археология» – научно-производственное объединение «Северная археология»

НТГСПИ – Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт

ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РВИА – Российский военно-исторический архив

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГППУ – Российский государственный профессионально-педагогический университет

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СП ГАУК ТО «ТМПО» – структурное подразделение государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение»

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ТГИАМЗ (ТИАМЗ) – Тобольский (государственный) историко-архитектурный музей-заповедник

ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт имени Д. И. Менделеева

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ФГАОУ – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования

ФГБУН – федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ

ЦГАИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан

Научное издание

Сибирский сборник

Выпуск 4

Под редакцией
З. А. Тычинских

Корректор О. Н. Шутова
Верстка Л. П. Шлоссер
Дизайн обложки Е. П. Загваздин

ISBN 978-5-9909229-8-3

9 785990 922983

Подписано в печать 23.05.2019 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$ Усл. печ. л. 31,39
Заказ № 534. Тираж 50 экз.

ООО «Тобольская типография»
626152, г. Тобольск, ул. Октябрьская, д. 39
Телефон (3456) 27-59-29
tobtt@yandex.ru

А. Адамов, Е. Загваздин, П. Данилов во время рекогносцировочных раскопок на западной окраине городища Искер. Тобольский р-н, 2017 год.

Археологическая экспедиция по поиску могилы Ермака. Вагайский район Тюменской области, 2014 год.

Школьники А. Адамов (верхний ряд, крайний слева) и А. Новиков (средний ряд, крайний слева) в археологической экспедиции под руководством В. Елагина (нижний ряд, крайний слева). Новосибирская обл., 1975 год.

А. Адамов со студентами на раскопках курганного могильника Дубровинский Борок. Новосибирская обл., середина 1980-х гг.

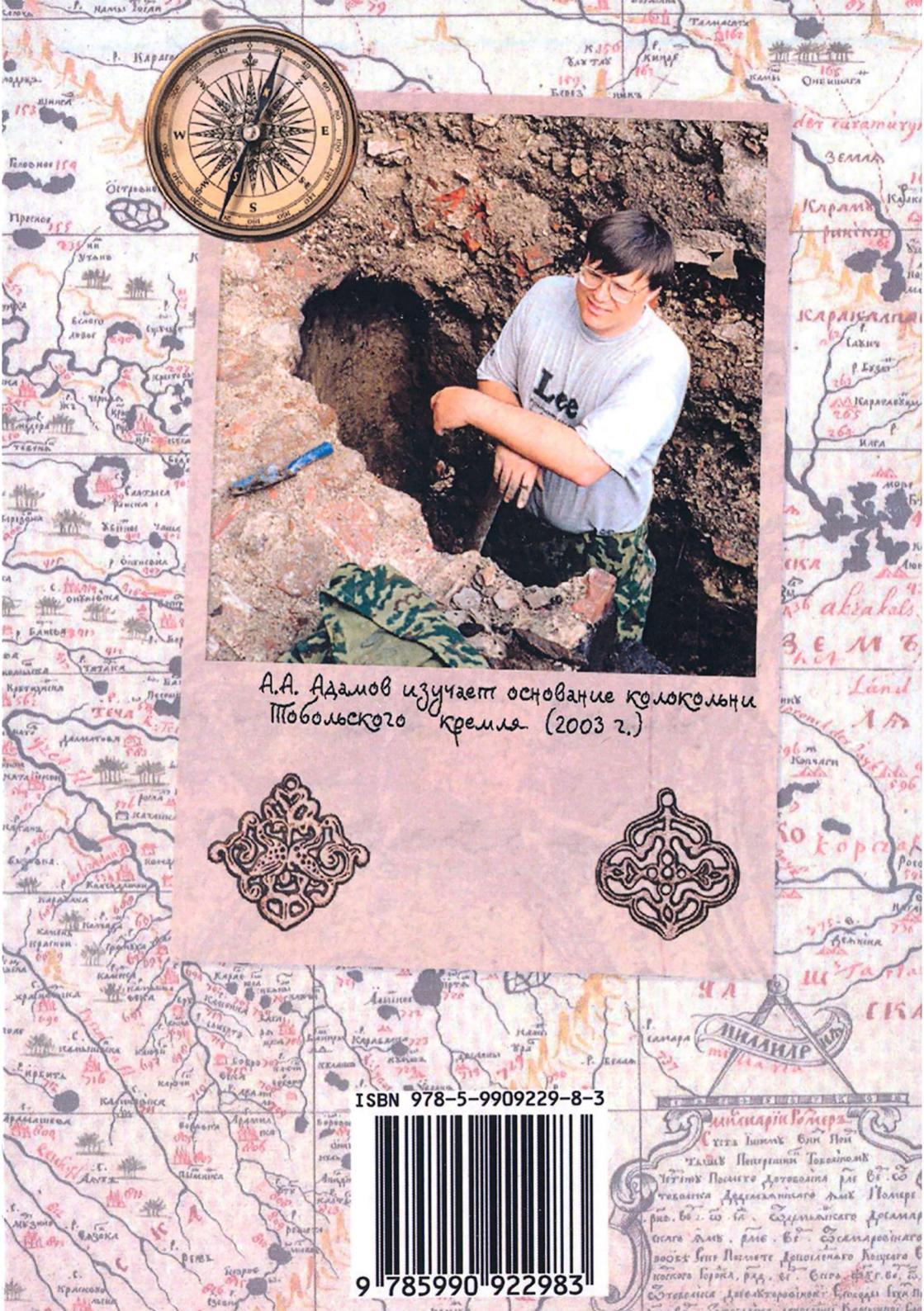
А.А. Адамов изучает основание колокольни
Шобольского кремля (2003 г.)

ISBN 978-5-9909229-8-3

9 785990 922983

Исторический очерк
Светлая земля
Городище
Средневековая архитектура
Исторический очерк
Светлая земля
Городище
Средневековая архитектура